Esbli 7
BECLANK

Вестник Европы

1870 т 4 Август

ТЕОРІЯ
РОДОВОГО БЫТА
ВЪ ДРЕВНЕЙ РУСИ.

22297.
49 г.
Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

I.

Давно уже стала извѣстна, а въ послѣднее время и значительно распространилась въ общемъ сознаніи истина, гласящая, что сумма событій опредѣляется суммою знаній. И дѣйствительно, съ одной стороны въ области знанія всѣ дѣятельности человѣческаго духа: искусство, нравственность, религія, опредѣляютъ свои границы, съ другой же, знаніе подчиняетъ этимъ дѣятельностямъ дѣйствительную жизнь. Однако не эта истина сама по себѣ составляетъ предметъ нашего изслѣдованія—было бы совершенно излишне говорить объ общемъ вопросѣ, относительно котораго мы можемъ ограничиться нѣсколькими литературными указаніями [1]); наша цѣль заключается въ разъясненіи одной частности этого общаго вопроса. Для нашей спеціальной цѣли будетъ совершенно достаточно, если только мы укажемъ на связь, существовавшую между знаніемъ или міросозерцаніемъ и ходомъ событій въ древнѣйшій періодъ цивилизаціи человѣчества.

Міросозерцаніе, соотвѣтствующее древнѣйшему періоду въ жизни человѣчества, удачнѣе всего характеризуется къ наукѣ названіемъ миѳологическаго. Сущность этого міросозерцанія можно выразить тѣмъ, что, при изслѣдованіи окружающаго

[1]) J. S. Mill, System der Logik, Braunschweig 1863, II, 558 — 564; H. Lotze, Mikrokosmus, III, 186; ср. Buckle, History of Civilization in England, London 1858, I, chapt. IV, 153 — 200.

міра, оно стремилось не къ познанію безусловнаго факта, не природы вещей, независимой отъ душевной жизни, короче, не закона; а напротивъ только къ отысканію въ явленіяхъ смысла и значенія; смыслъ же приписывался только тому, что или живо само по себѣ, или же происходитъ отъ живого существа, какъ результатъ какой-либо дѣятельности послѣдняго. Поэтому существенной чертой такого міросозерцанія будетъ оживленіе, одушевленіе явленій, оживленіе, распространяющееся прежде всего на природу. Подъ вліяніемъ естественной склонности человѣческой души ставить задачей своего знанія обрѣтеніе жизни, подобной своей, даже въ образованіяхъ и событіяхъ природы, предметы послѣдней получаютъ одушевленный видъ, являются дѣйствующими и чувствующими: облака въ грозѣ пробиваются другъ чрезъ друга, борются на верху на жизнь и на смерть; луна восходитъ по закатѣ солнца и страстно смотритъ во слѣдъ удаляющагося свѣтила. Но оживленіе явленій природы составляетъ только первую ступень въ развитіи миѳологическаго міросозерцанія; въ дальнѣйшемъ умственномъ движеніи, представляющемъ вторую ступень въ жизни миѳа и называющемся миѳической апперцепціею, предметы природы получаютъ уже опредѣленный образъ: солнце становится мужчиной, луна (Селена)—дѣвушкой, утренняя заря превращается въ розовую дѣву. Наконецъ, на третьей ступени развитія отдѣльные миѳы опредѣляются, мотивируются, изъ нихъ создаются поэтическія цѣлыя, подобно тому, какъ въ душѣ поэта изъ отдѣльныхъ фактовъ возникаютъ органическія картины; эта третья ступень можетъ быть названа поэтическимъ дополненіемъ. Миѳологическій процессъ однако не ограничивается одною только областью внѣшней природы, но распространяется и на внутреннюю жизнь человѣка, его духовные интересы; тѣмъ не менѣе въ этой области дѣятельность его проявляется гораздо слабѣе. Здѣсь первую ступень, соотвѣтствующую оживленію природы, представляетъ такъ-называемое гипостазированіе, олицетвореніе идеи, т.-е., обращеніе какой-либо мысли въ одушевленное существо: такъ у римлянъ понятіе доблести, чести (Virtus, Honos и т. п.) являются одушевленными, живыми понятіями; такъ на Руси Обида представляется дѣвою, плещущей своими лебедиными крыльями и купающеюся въ синемъ морѣ. Другія же ступени въ развитіи историческихъ миѳовъ носятъ тотъ же характеръ, что́ и въ области миѳовъ естественныхъ [1]).

---

[1]) Lazarus und Steinthal, Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft, III, 266 — 299.

Миѳологическое міросозерцаніе оказывало, особенно тою стороной своей, которая относится къ внутренней жизни человѣка, не малое вліяніе на характеръ и устройство народной жизни. Оно представляло удобную почву, на которой легко могли возникать и развиваться юридическія фикціи. Во всякомъ развивающемся обществѣ соціальныя потребности всегда нѣсколько опережаютъ движеніе законодательства: какъ бы послѣднее ни стремилось приблизиться къ первымъ, между ними всегда остается пропасть, имѣющая постоянную тенденцію къ возростанію, сообразно съ теченіемъ жизни. Развитіе общества, очевидно, много зависитъ отъ быстроты, съ которою пропасть эта закрывается, съ которою законодательство приводится въ равновѣсіе съ соціальнымъ положеніемъ. Между средствами для этой цѣли немаловажную роль играютъ юридическія фикціи; съ помощію ихъ господствующія въ народѣ представленія (законъ) приводятся на согласіе съ развивающимся состояніемъ общества (фактомъ) и устраняются съ пути къ цивилизаціи многія существенныя затрудненія. Въ римскомъ законодательствѣ фикція носитъ судебный характеръ и обозначаетъ ложное показаніе истца, котораго, т.-е., показанія, отвѣтчикъ однако опровергать не могъ; такъ напримѣръ, истецъ утверждалъ, что онъ принадлежитъ къ числу римскихъ гражданъ, тогда какъ въ дѣйствительности онъ былъ не что иное, какъ иноземецъ: при помощи этой фикціи истцу оказываемъ былъ судъ, ибо, какъ иноземецъ, онъ не пользовался у римлянъ, равно какъ и его имущество, никакими правами относительно гражданъ. Съ такимъ же судебнымъ характеромъ фикція является и въ англійскомъ законодательствѣ; сюда нужно отнести ложное показаніе истца, что онъ состоитъ королевскимъ должникомъ, которому отвѣтчикъ, вслѣдствіе своей неисправности, препятствуетъ-де заплатить королевскій долгъ; а также и показаніе отвѣтчика, что, вслѣдствіе вымышленнаго обвиненія въ какомъ-либо преступленіи (actio ex delicto), онъ находится въ заключеніи при судѣ королевской скамьи, кинсбенча. При посредствѣ этихъ фикцій дѣло прямо поступало въ королевскій судъ, въ первомъ случаѣ — въ Exchequer, во второмъ же — въ кинсбенчъ, и заинтересованнымъ сторонамъ представлялась такимъ образомъ возможность обойти всѣ инстанціи и прямо искать суда въ той палатѣ, къ которой бы имъ во всякомъ случаѣ пришлось обратиться въ концѣ концовъ. Къ числу фикцій можно отнести также римскіе responsa prudentum, равно какъ и англійское казуистическое законодательство [1]).

[1]) Maine, Ancient Law, London 1866, 21 — 43; Mommsen, Römische Geschichte,

Но юридическая фикція никогда не могла получить такого широкаго развитія, никогда не оказывала такого благодѣтельнаго вліянія на распространеніе цивилизаціи, какъ въ періодъ юности человѣчества. Легко представить себѣ ея значеніе въ этотъ періодъ, если только вспомнить, что первоначальному обществу было чуждо всякое представленіе о какой-либо иной связи между людьми, кромѣ родственной; что древнѣйшей цивилизаціи была совершенно непонятна мысль о возможности имѣть общія дѣла единственно на основаніи простого мѣстнаго сожительства, мысль, такъ легко доступная для человѣка новѣйшаго времени. Короче, безъ помощи фикцій, для древняго общества не представлялось никакого другого исхода, кромѣ распаденія на абсолютно противоположныя группы поработителей и порабощенныхъ. Поэтому-то и юридическая фикція имѣетъ въ этотъ періодъ особенный отпечатокъ. Между тѣмъ какъ въ приведенныхъ примѣрахъ изъ римскаго и англійскаго законодательствъ фикція обнимаетъ только незначительные отрывки жизни; въ то время въ древнѣйшій періодъ она распространялась на всю жизнь и сообщала послѣдней совершенно новое основаніе. Такою всеобщею фикціею въ древнѣйшій періодъ было распространеніе узъ родства на лицъ, не принадлежавшихъ къ семьѣ, принятіе ихъ въ число членовъ послѣдней. При помощи фикціи родства, рядомъ съ естественной семьей возникали въ жизни новыя единицы, гораздо обширнѣйшія, но тѣмъ не менѣе не переставшія считать себя семьями, не переставшія производить себя отъ одного и того же вымышленнаго родоначальника, патріарха. И подобно тому какъ, по замѣчанію Эльфинстона, родоначальниковъ, отъ которыхъ считали себя происшедшими цѣлыя афганскія племена и въ особенности ихъ ханы, нельзя считать за дѣйствительныя лица [1]); такъ точно и на Руси нужно признать вымышленными родоначальниками Кія, Щека и Хорива, Радима и Вятко и, вѣроятно, множество другихъ, имена которыхъ до насъ не дошли [2]). Но эти вымыслы были не праздными или корыстными выдумками какого-либо класса людей, а напротивъ явленіями, естественно возникающими изъ самаго характера древней жизни. Въ вымышленныхъ родоначальникахъ миѳически

1868, I, 157 — 158; Rüttimann, Englischer Civilprozess, Leipzig 1851, 51 — 53; Gneist, Englisches Verwaltungsrecht, 1867, p. 205—206, 345.

[1]) Elphinstone, Account of the kingdom of Caubul, London, 1842, I, 210—214.

[2]) Dlugossii, Hist. Pol., ed. 1711, Lib. I, 48: «Erant apud illos tres viri eodem patre et utero geniti Kig, Sczyg, Korew et quarta soror; liberi tam ingenio quam virtutibus praestantes, ut qui facilè, Principatum in gente consecuti, caeteros redegerunt in suas ditiones, a quibus caeterae nationes secundum tribus et domos suos derivatae sunt».

олицетворялась идея новой общественной единицы, на нихъ основывалось новое общежитіе, фиктивная семья. Фиктивная же семья есть не что иное, какъ родъ, а юридическій строй жизни, соотвѣтствующій миѳологіи въ міросозерцаніи, возникающій при господствѣ и падающій съ паденіемъ послѣдней, можетъ быть охарактеризованъ названіемъ *патріархальнаго или родового быта.*

Нѣтъ надобности утверждать, что родъ рѣшительно всегда имѣлъ одно только фиктивное значеніе; напротивъ, весьма возможно, что временами онъ могъ быть и явленіемъ естественнымъ. Но, еслибы существованіе рода, какъ учрежденія кровнаго, и было несомнѣннымъ; тѣмъ не менѣе рѣдкость, съ какою этотъ признакъ проявляется въ дѣйствительной исторіи, положительно свидѣтельствуетъ объ его второстепенномъ значеніи въ строѣ рода. Ибо сравнительная исторія, блестящую будущность которой можно смѣло предсказывать, не будучи пророкомъ, показываетъ, что въ предѣлахъ индо-европейской отрасли народовъ, родъ обыкновенно заключалъ въ себѣ кромѣ лицъ, связанныхъ между собою узами родства, и постороннихъ членовъ; что даже тѣ примѣры, которыми обыкновенно доказывается существованіе естественнаго рода, какъ напр. кельтійскій кланъ или кланъ горной Шотландіи, въ новѣйшихъ изслѣдованіяхъ оказываются несовсѣмъ чуждыми посторонней примѣси, которая характеризуетъ другія подобныя явленія [1]). Такъ индійскіе общественные союзы основываются не на одной только одинаковости происхожденія, но и на допущеніи въ свою среду людей, совершенно постороннихъ [2]). Относительно греческихъ родовъ уже Аристотель и Дикеархъ отрицали существованіе строгой родственной связи: новѣйшіе историки Греціи также не задумываются считать греческіе роды отчасти искусственными [3]). Въ римской жизни какъ семья постоянно наполнялась посторонними лицами (adoptio), такъ точно и другія высшія единицы [4]). Въ древней Германіи второй, фиктивный элементъ рода характеризовался названіями: sui, vicini или gegyldan [5]). Однако русская наука какъ бы не замѣчала этихъ аналогій и, имѣя постоянно въ виду мысль объ одномъ только естественномъ родѣ, никакъ не могла выпутаться изъ тѣхъ противорѣчій, въ которыя ей приходилось впадать при объясненіи дѣйствительныхъ фактовъ. Какъ бы разнообразны ни были мнѣнія, которыя

[1]) Maine, Ancient Law, 129.
[2]) Elphinstone's History of India, II, 71—72.
[3]) Grote, History of Greece, II, 265—266.
[4]) Maine, Ancient Law, 130.
[5]) Sybel, Entstehung des deutschen Königthums, 1844, 23—32.

возникали въ средѣ науки относительно древнѣйшаго быта на Руси, какъ бы значительно ни удалялись они одно отъ другого, къ какимъ бы страннымъ слѣдствіямъ не приводили эти мнѣнія: для всѣхъ партій представленіе о родѣ, какъ естественномъ, кровномъ явленіи, было несомнѣннымъ; всѣ партіи сходились въ томъ, что подъ семьей нужно разумѣть отца семьи съ его нисходящими, тогда какъ подъ родомъ — и боковыхъ родственниковъ съ ихъ нисходящими, и такимъ образомъ второстепенный, случайный признакъ возводили на степень характеристическаго, существеннаго. Но, при широкомъ взглядѣ на исторію, существеннымъ признакомъ понятія о родѣ оказывается не участіе въ строѣ семьи и боковыхъ родственниковъ, хотя послѣдніе и входили естественно въ нее, а нѣчто другое, именно фиктивный характеръ семьи. Фиктивныя семьи, какъ показываетъ обширный родъ Домослава въ Щетинѣ, не безпримѣрны и въ исторіи славянъ [1]); на Руси же господство такихъ семей доказывается существованіемъ вымышленныхъ родоначальниковъ, а также и тѣмъ обширнымъ значеніемъ, которое имѣло слово «родъ» въ древней Руси: родъ обозначалъ тогда не только родственниковъ и соплеменниковъ, но и дружины князей [2]).

Но сказать, что родъ былъ явленіемъ фиктивнымъ, значитъ сдѣлать только половину дѣла. Ибо въ родовомъ бытѣ не только всѣ отношенія регулируются родовымъ началомъ, но послѣднее, если выражаться строго, даже совсѣмъ исключаетъ начало территоріальное, мѣстное и сообщаетъ ему второстепенное значеніе: въ то время всѣ общественныя дѣла опредѣляются не принадлежностью членовъ общества къ извѣстной мѣстности, къ извѣстному округу, а единственно принадлежностью къ извѣстному роду. Второстепенное значеніе территоріальнаго или мѣстнаго принципа особенно ярко высказывается съ одной стороны въ преобладаніи патронимическихъ именъ, какъ напр. Увѣтичи, Хвалимичи, въ названіяхъ поселеній и въ отсутствіи именъ топическихъ, мѣстныхъ; съ другой же — въ кочеваніи населе-

---

[1]) Acta Sanctorum, m. Julii tom. I, Ebbo, 51: «Nam eximia urbs illa Stetin, quae... principatum omnium Pomeraniae civitatum obtinet, cognatis, servis et amicis ejus (Domozlai) repleta erat. Sed et in aliis circumjacentibus regionibus, tantam propinquorum turbam habebat, ut non facile ei quidquam resistere posset». Ibid., 52: «Statimque omnis familia ejus cum gaudio novae regenerationis lavacro perfusa est, scilicet animae plusquam quingentae. Sed et propinqui ejus et amici cum domesticis suis, exemplo ejus provocati, fidem receperunt».

[2]) П. С. Р. Л., I, 8, 862: «И изъбрашася три братья съ роды своими». Тамъ же, I, 9, 862: «И бяста у него 2 мужа, не племени его, но боярина, и та испросистася ко царю городу съ родомъ своимъ».

нія, положившемъ основаніе тому явленію среднихъ вѣковъ, которое извѣстно каждому подъ именемъ великаго переселенія народовъ. Въ этотъ періодъ цивилизаціи отдѣльные народцы, хотя и знаютъ уже мѣсто жительства и родину, но не прикованы къ ней и легко оставляютъ ее, особенно при скоромъ истощеніи воздѣлываемыхъ полей, что обусловливалось низкимъ состояніемъ земледѣлія. Смотря по требованію общественнаго интереса или же по внутреннему побужденію отдѣльныхъ лицъ, цѣлые народцы или ихъ части приходили въ движеніе, отличающееся отъ позднѣйшаго, извѣстнаго на Руси броженія тѣмъ, что совершалось не столько отдѣльными лицами, сколько цѣлыми массами, племенами и родами [1]). Кочеваніемъ населенія объясняется странное на первый взглядъ появленіе однихъ и тѣхъ же племенныхъ именъ въ разныхъ краяхъ славянской земли: такъ имя Дулебовъ (Dudlebi) встрѣчается на Руси, въ Богеміи и Карантаніи; имя Хорватовъ — на Вислѣ, на чешской Эльбѣ, на штирской Мурѣ, на верхней Савѣ; имя Славянъ — около Ильменя, при Ѳессалоникѣ и въ Крайнѣ; Полянъ—на Днѣпрѣ и на Вислѣ [2]). Кочеваніе населенія отзывалось отчасти и на характерѣ славянскихъ поселеній: по свидѣтельству источниковъ, славяне жили въ дрянныхъ избахъ. Славянскія поселенія находились на значительномъ отдаленіи одно отъ другого; только этой разсѣянности жилищъ не слѣдуетъ представлять такъ, какъ будто бы каждая отдѣльная семья занимала особенное мѣсто; напротивъ, отдаленность мѣстопребыванія распространялась на цѣлые роды, изъ которыхъ каждый жилъ особо, на своемъ мѣстѣ [3]). Такимъ образомъ древнѣйшія славянскія поселенія слѣдуетъ представлять себѣ братствами, связанными и родственно и пространственно: въ этой формѣ первоначальныя мѣстожительства составляютъ полную противоположность съ позднѣйшимъ типомъ русскихъ селеній, характеризовавшимся крайнею обособленностью жилищъ, которыя обыкновенно соединялись только по нѣскольку вмѣстѣ. Особное мѣстожительство рода называлось въ древности *весью* (перв. vaikas, др. — инд. vêças, греч. *οἶ οἶκος*, лат. vicus, гот. veihs [4]), т.-е. домомъ, ибо

---

[1]) Proc., de B. G., III, 14: «*οἰκοῦσι δὲ ἐν καλυβαις οἰκτρᾶις διεσκηνημένοι πολλῳ μέν ἀπ ἀλλήλων, ἀμείβοντες δέ ὡς τὰ πολλὰ τὸν τῆς ἐνοικήσεως ἕκαστοι χῶρον*». П. С. Р. Л., I, 4: «Идущю же ему опять, приде къ Дунаеви, възлюби мѣсто и сруби градокъ малъ, хотяше сѣсти съ родомъ своимъ, и не даша ему ту близь живущіи; еще и до нынѣ наричютъ Дунайци городище Кіевецъ».

[2]) Jirecek, das Recht in Böhmen und Mähren, 1866, I, 13.

[3]) П. С. Р. Л., I, 4: «Поляномъ же живущемъ особѣ.... и живяху кождо съ своимъ родомъ и на своихъ мѣстѣхъ».

[4]) Schleicher, Compendium der vergleichenden Grammatik, 1866, p. 292.

родъ былъ не что иное, какъ расширенная семья, а поэтому естественно, что и жилище рода слыло домомъ; но ближайшая характеристика родового дома должна быть отложена покуда до будущаго времени. Отсюда понятно, какимъ образомъ слово «весь» перешло въ позднѣйшій періодъ въ наименованіе деревни, вообще селенія.

Замѣчанія, высказанныя выше о характерѣ фиктивной семьи или рода, даютъ право сдѣлать нѣкоторыя общія соображенія о томъ новомъ основаніи, которое вводилось въ жизнь фикціею родства. Намъ уже извѣстно, что родъ образуется не чрезъ умноженіе числа головъ, не чрезъ естественное размноженіе семьи, пріобрѣтающей все новыхъ и новыхъ членовъ и расширяющей затѣмъ, сообразно съ новыми потребностями, свой бытъ; напротивъ, родъ создается посредствомъ фикціи, распространяющей узы родства и на постороннія лица. Цѣль подобной фикціи заключается не въ томъ, чтобы новому обществу дать благозвучное имя, торжественное богослуженіе и неопредѣленное чувство общности; а въ томъ, чтобы съ помощію ея получить руководную нить для организаціи всѣхъ новыхъ общественныхъ отношеній. Иначе: если въ родѣ вся жизненная дѣятельность и облекается въ формы семьи, тѣмъ не менѣе такое общество столь же трудно счесть за естественный продуктъ, въ противоположности съ юридической или политической общиной, какъ трудно видѣть естественное явленіе въ мѣстной общинѣ. Семья превращается въ родъ единственно лишь тѣмъ, что она уже перестаетъ довольствоваться физическими и нравственными отношеніями, и вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣтаетъ сознаніе о юридическомъ или политическомъ принципѣ жизни и сообщаетъ этому принципу обязательное или объективное значеніе. Поэтому, получаемая чрезъ усиленіе юридическаго сознанія новая общественная единица, родъ, есть не что иное, какъ государство; новое начало, сообщаемое жизни фикціею родства, есть начало государственное: при разсмотрѣніи родового быта историкъ присутствуетъ при зарожденіи государства. Родовое или патріархальное государство такимъ образомъ основывается не на территоріальномъ или мѣстномъ принципѣ, а на кровномъ, причемъ территоріальный занимаетъ только второстепенное мѣсто; съ другой же стороны придаетъ кровному принципу не столько дѣйствительное, сколько фиктивное, миѳическое значеніе. Если второй признакъ устраняетъ всякое смѣшеніе естественнаго, кровнаго рода съ родовымъ государствомъ и полагаетъ между ними рѣзкую границу; то первый дѣлаетъ невозможнымъ смѣшеніе фиктивной семьи съ позднѣйшею общиной, представленія о которой въ русской наукѣ

отличаются еще меньшею опредѣленностью, чѣмъ представленіе о родѣ. Если подъ общиной разумѣть только, какъ оно на самомъ дѣлѣ и слѣдуетъ, второстепенный политическій организмъ, то въ этомъ смыслѣ и роды, когда надъ ними есть высшая политическая единица, могутъ быть названы общинами. Но когда общинный бытъ противополагается родовому, тогда подъ общиной разумѣется нѣчто совершенно иное, чѣмъ второстепенный политическій организмъ: община тогда предполагается мѣстною. Въ этомъ случаѣ родъ составляетъ полную противоположность общинѣ и смѣшать ихъ нѣтъ никакой возможности, ибо родовое начало совсѣмъ исключаетъ начало мѣстное.

Основаніе роду, какъ уже раньше замѣчено, полагается сознаніемъ о юридическомъ или политическомъ принципѣ и сообщеніемъ этому принципу объективнаго значенія, т.-е., замѣною правилъ родственной любви политическими учрежденіями. Разница между родовымъ государствомъ и государствомъ высшей формаціи въ отношеніи учрежденій заключается въ томъ, что въ первомъ политическое стремленіе, политическое зерно, не выражается въ особенныхъ органахъ, а во всемъ кругѣ своей дѣятельности довольствуется средствами и формами, представляемыми семьею. Понятно поэтому, что общественная жизнь въ родѣ выражалась главнымъ образомъ въ общемъ родовомъ совладѣніи, въ общей круговой порукѣ и въ веденіи дѣлъ съ помощію родоначальника.

Подобно тому, какъ домъ окружаетъ усадьба, такъ точно и къ родовому дому или веси прилегалъ округъ, составлявшій родовую поземельную собственность и называвшійся дѣдиною, отчиною и bastina (отъ дѣдъ, отъ, батя — синонимы родоначальника). Отдѣльной же, частной поземельной собственности первоначально не существовало; частная собственность, какъ показываетъ историческое развитіе этого понятія, распространялась только на движимые предметы. Ибо подобно тому, какъ въ Римѣ понятіе объ отдѣльной собственности получило свое начало отъ скота и рабовъ (pecunia, familia pecuniaque), такъ точно и въ средніе вѣка частная собственность обнимала первоначально только движимые предметы (имѣнье—отъ имати, брать, а брать можно только движимыя вещи), преимущественно скотъ. Слово «скотъ» — фриз. sket, повидимому стар.-верхне-нѣм. scaz, гот. scatts (nummus, pecunia), въ сущности же: скотъ [1])—обозначало въ древней Руси одинаково, какъ имущество, собственность — оттого имя скотникъ употреблялось въ смыслѣ собствен-

[1]) J. Grimm, Deutsche Rechtsalterthümer, Göttingen. 1828, p. 565.

ника, скотница въ смыслѣ кладовой, такъ точно и деньги, подобно тому, какъ въ Германіи съ подобнымъ же значеніемъ встрѣчается слово Vieh, у англичанъ fee. Но, хотя понятіе о частной собственности и получило свое начало отъ скота, тѣмъ не менѣе изъ этого факта не слѣдуетъ заключать объ отсутствіи земледѣлія или о преобладаніи скотоводства: онъ свидѣтельствуетъ только о томъ, что поземельная собственность находилась въ общемъ владѣніи. Въ пользованіи же родовою поземельною собственностью замѣчаются, смотря по характеру народовъ, значительныя различія, которыя могутъ быть сведены къ двумъ главнымъ формамъ. Сообразно съ первой, земля обработывается цѣлымъ родомъ сообща, а затѣмъ уже полученный продуктъ дѣлится между принадлежащими къ роду членами, домами: такой способъ пользованія землей господствовалъ у римлянъ [1]). Сообразно со второй формою, земля, занимаемая цѣлымъ родомъ, при воздѣлываніи распредѣляется между отдѣльными членами рода, изъ которыхъ каждый и пользуется получаемымъ съ своего участка продуктомъ. Необходимымъ слѣдствіемъ такого способа пользованія землей обыкновенно бываетъ періодическій передѣлъ участковъ. Примѣръ второй формы родового совладѣнія представляетъ древняя Германія, гдѣ даже и въ позднѣйшее время, въ XV столѣтіи, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напр. въ нынѣшнемъ Ганноверѣ и Ольденбургѣ, передѣлъ участковъ былъ явленіемъ обыкновеннымъ не только въ одномъ селеніи, но даже происходила мѣна между самыми марками, гдѣ сосѣдніе крестьяне мѣнялись не только участками, но и самыми жилищами [2]). Да и по настоящее время тотъ же порядокъ продолжаетъ существовать у афгановъ въ Кабулѣ въ весьма сходной формѣ, гдѣ также цѣлые роды чередуются въ занимаемыхъ ими участкахъ [3]). Слѣдованіе той или другой главной формѣ пользованія общею землею не остается безъ вліянія на дальнѣйшее развитіе понятія поземельной собственности: во второмъ случаѣ отдѣльное, частное хозяйство получаетъ начало, какъ показываетъ примѣръ Германіи, отъ раздробленія участковъ, которые съ теченіемъ времени, чрезъ нѣсколько ступеней, переходятъ въ отдѣльную собственность; тогда какъ въ первомъ случаѣ собственность съ самаго начала является замкнутою [4]).

Первый случай родового пользованія землею, періодическое

---

[1]) Mommsen, Römische Geschichte, I, 187 — 188.
[2]) Sybel, Kleine hist. Schriften, 1863, I, 35.
[3]) Elphinstone, Account of Kingdom of Caubul, II, 14—17.
[4]) Dahlmann, Geschichte von Dännemark, 1840, I, 133.

распредѣленіе добываемаго сообща продукта, въ свою очередь допускаетъ два подраздѣленія, проявлявшіяся въ исторической жизни народовъ. По одному изъ нихъ періоды, чрезъ которые полученный общими силами продуктъ распредѣляется между членами рода, обнимаютъ незначительное время, иногда дѣлежъ совершается даже ежедневно: въ такомъ видѣ распредѣленіе господствовало у кельтовъ. Въ другихъ же случаяхъ періоды обнимаютъ гораздо бо́льшее время, дѣлится напр. продуктъ цѣлаго года: и, если насъ не обманываютъ извѣстія, сообщаемыя нѣкоторыми писателями о настоящемъ бытѣ славянъ въ Турціи и Австріи, то можно предположить, что такимъ именно характеромъ отличалось въ древности общее пользованіе землею у славянъ [1]). Къ сожалѣнію, скудость собственно русскихъ источниковъ не допускаетъ дальнѣйшаго разъясненія мысли объ общемъ родовомъ владѣніи въ древней Руси; если и извѣстно, что владѣніе было общее, по родамъ [2]), за то трудно сказать что-либо положительное на счетъ того, какую форму имѣло родовое совладѣніе: дѣлилась ли земля на отдѣльные участки, или же только распредѣлялся годичный продуктъ между домовладыками. За первое говоритъ господствующая до настоящаго времени на Руси общинная система пользованія землею, представляющая разительное сходство съ описаніемъ Германіи у Тацита, по замѣчаемая только въ новѣйшемъ періодѣ русской исторіи и выросшая, по всему вѣроятію, подъ вліяніемъ фискальныхъ соображеній правительства; за второе — представленная выше аналогія славянской жизни. За послѣднимъ мнѣніемъ нужно признать бо́льшую вѣроятность, такъ какъ на Руси и по распаденіи родового быта еще долго сохранялся старый обычай совокупнаго владѣнія братьевъ по смерти отца [3]). Въ позднѣйшее время общинное владѣніе на Руси отразилось еще и въ томъ фактѣ, что послѣ смердовъ, не оставившихъ потомковъ мужескаго пола, наслѣдство переходило въ руки князя, который обязанъ былъ только выдать незамужнимъ дочерямъ ту часть отцовскаго имущества, которую бы онѣ получили и при братьяхъ. Это право князя на наслѣдство послѣ смерда есть не что иное, какъ только видоизмѣненная форма неотчуждаемости союзной (родовой) собствен-

---

[1]) Краледв. рук.: «Dêti vše tu zbožem vjedno vladú». Ср. Maine, Ancient Law, 269.

[2]) П. С. Р. Л., I, 4: «Поляномъ же живущемъ особѣ и володѣющемъ роды своими... владѣюще кождо родомъ своимъ».

[3]) Рус. Пр. (по Акад. сп.): «Аже кто оумирая раздѣлить домъ, на томъ же стоятн; паки ли безъ рядоу оумреть, тъ все дѣтямъ». Мурзакевичъ, П. С. Г., Одесса 1847, стр. 14: «А которой вятшій братъ съ меньшимъ братомъ живоучи въ одномъ хлѣбе...»

ности: такъ какъ князь заступалъ мѣсто древнихъ союзовъ, то естественно, что на него перешли и права, свойственныя послѣднимъ. Разъясненіе же вопроса, почему въ то же самое время въ боярскомъ и дружинномъ имуществѣ наслѣдниками, въ случаѣ недостатка сыновей, являлись дочери, лежитъ на обязанности позднѣйшей исторіи [1]).

Съ общимъ владѣніемъ поземельною собственностью тѣсно связано другое явленіе, очень ярко характеризующее родовой бытъ и сообщавшее его учрежденіямъ прочное единство: мы разумѣемъ круговую поруку. Такъ какъ землею владѣли союзы, роды, а не отдѣльныя лица, то естественно, что только одни союзы могли и должны были принять на себя отвѣтственность за преступленія своихъ членовъ, ибо только у однихъ союзовъ было въ обладаніи землей достаточное ручательство за исполненіе возложенной на нихъ отвѣтственности. Порука, которою обязывались родовые союзы, характеризуется слѣдующими чертами, которыхъ никакъ не слѣдуетъ опускать изъ виду, для того, чтобы не смѣшать родовой поруки съ позднѣйшею. Какъ и вообще родовыя учрежденія, союзная порука обнимала только членовъ, принадлежавшихъ къ роду, то-есть, основывалась на кровномъ, дѣйствительномъ или фиктивномъ союзѣ; позднѣйшая же круговая порука исходила изъ территоріальнаго или мѣстнаго начала, которое отличается легко отъ родового тѣмъ, что въ основаніи поруки полагаетъ принадлежность лица не къ извѣстному роду, а къ извѣстной мѣстности; которое принимаетъ за исходный пунктъ существованіе въ извѣстной мѣстности слѣдовъ преступленія и солидарность обитателей этой мѣстности въ отвѣтственности за преступленіе, слѣдовъ котораго они не могутъ отклонить отъ себя, то-есть, своего округа. Съ другой стороны, родовая порука отличается еще и тѣмъ характеромъ, что обязанность, налагаемая ею, состоитъ не столько въ представленіи преступника на судъ, сколько въ отвѣтственности за самое преступленіе, въ несеніи цѣлымъ союзомъ наказанія на ряду съ преступникомъ или даже вмѣсто него. Понимаемая въ этомъ смыслѣ порука предполагаетъ если не отрицаніе, то по крайней мѣрѣ ограниченіе частнаго права кровной мести; при существованіи поруки кровная месть уже не можетъ быть развиваема во всемъ ея объемѣ, а должна ограничиться нѣкоторыми опредѣленными рамками. Дѣйствительно, на Руси въ историческое время число местниковъ является весьма ограниченнымъ: за убійство какого-либо лица могли мстить только отецъ, братъ, сынъ и племян-

[1]) Рус. Пр. (по Троиц. сп.), ст. 85—86.

никъ [1]). Даже, еслибы въ этомъ постановленіи Русской Правды пришлось видѣть не ограниченіе права кровной мести, а только примѣрное обозначеніе лицъ, имѣвшихъ право мстить, то и тогда мысль объ ограниченіи кровной мести въ патріархальный періодъ не теряетъ своей силы, а только видоизмѣняетъ характеръ. Кровная месть являлась ограниченною въ тотъ періодъ со стороны произвола заинтересованныхъ лицъ: смотря по собственному желанію, послѣднія могли воспользоваться правомъ мести, или же принять вознагражденіе.

Круговая порука, замѣчаемая на Руси въ историческое время и распространявшаяся не только на убійство, но, какъ кажется, и на другія, второстепенныя преступленія, напр. кражу [2]), представляетъ совершенную противоположность родовой поруки. Съ одной стороны она основывается на территоріальномъ принципѣ, на существованіи слѣдовъ преступленія въ извѣстной мѣстности, *верви*; съ другой же члены верви не отвѣчаютъ за самое преступленіе, не отвѣчаютъ за то, что не заботились о добромъ поведеніи преступника. Круговая порука обязывала членовъ верви единственно выдачей преступника на судъ, подвергая ихъ возмездію только въ томъ случаѣ, когда они не хотѣли и не могли исполнить возложенной на нихъ обязанности. Самое возмездіе, падавшее на членовъ верви, уже было не простою композиціею, не вознагражденіемъ со стороны лицъ, солидарныхъ въ отвѣтственности за преступленіе, а законнымъ наказаніемъ, штрафомъ, падавшимъ на нихъ за нерадѣніе въ доставленіи на судъ преступника [3]). Но на Руси круговая порука существовала еще и въ другой формѣ, соединявшей отличительныя черты обоихъ періодовъ развитія, именно принадлежность къ извѣстной мѣстности и солидарность въ отвѣтственности за самое преступленіе: такова была договорная порука. Нерѣдко случалось, что члены извѣстнаго мѣстнаго союза, верви, обязывались порукой добровольно даже въ томъ случаѣ, когда преступникъ былъ на лицо; принимали слѣдовательно на себя отвѣтственность за самое преступленіе, по крайней мѣрѣ in subsidium преступника; за нерадѣніе, которое они выказали въ наблюденіи за поведеніемъ

---

[1]) Рус. Пр. (по Троиц. сп.), 1: «Аже оубиеть мужь мужа, то мьстити брату брата, любо отцю, ли сыну, любо брату чадо, ли братню сынови; аще ли не будеть кто его мьстя, то положити за голову 80 гривенъ»...

[2]) Рус. Пр. (по Троиц. сп.), 63: «Аже будеть росѣчена земля іли знамение, имъ же ловлено, или сѣть: то по верви искати татя, ли платити продажю».

[3]) Рус. Пр. (по Троиц. сп.), 3: «Аже кто оубиеть княжа мужа въ разбои, а головника не ищють: то виревную платити въ чьей же верви голова лежить, то 80 гривенъ; пакиль людинъ, то 40 гривенъ».

своего сочлена. Но такая порука естественно распространялась только на неумышленное, явное убійство, такое убійство, которое совершалось или въ ссорѣ или въ пиру: умышленный же убійца во всякомъ случаѣ подвергался суду [1]). Уже одно простое существованіе поруки, отвѣчающей за самое преступленіе, можетъ быть удовлетворительно объяснено единственно предположеніемъ, что въ жизни раньше господствовала сильная родовая связь, предпочитавшая скорѣе принять на себя слѣдствія преступленія, чѣмъ подвергать своего сочлена всѣмъ шансамъ кровной мести, владычествовавшей въ то время; что позднѣйшая мѣстная порука есть только видоизмѣненіе родовой, видоизмѣненіе, вызванное къ жизни измѣненіемъ въ характерѣ общества. Предположеніе это тѣмъ болѣе вѣроятно, что русская жизнь не совсѣмъ лишена и прямыхъ слѣдовъ, указывающихъ на родовую поруку, на обязанность рода отвѣчать за преступленія своихъ сочленовъ, равно какъ и на право получать вознагражденіе въ такомъ случаѣ, когда страдательнымъ лицомъ явился кто-либо изъ его среды. Сюда относится напр. обязанность родственниковъ выкупáть дѣвушку, которая, живучи у отца и матери, приносила дитя и, въ качествѣ церковной подсудимой, была отводима въ церковный домъ [2]); ровно какъ и права рода получать вознагражденіе изъ контрибуціи за своихъ членовъ, убитыхъ на войнѣ [3]). Обязанность родственниковъ помогать преступнику видна также и изъ свидѣтельства, которое несостоятельный должникъ давалъ подъ присягой въ томъ, что ему не отъ кого ждать помощи при уплатѣ наложенной судебной пени [4]).

---

[1]) Рус. Пр. (по Троиц. сп.), 4: «которая ли вервь начнеть платити дикую вѣру, колико лѣтъ заплатить ту вину, занеже безъ головника имъ платити; будеть ли головникъ ихъ въ верви, то зань къ нимъ прикладываеть, того же дѣля имъ помогати головнику либо си дикую вѣру; но сплати імъ вообчи 40 гривенъ, а головничьство самому головнику; а въ 40 гривенъ ему заплатити и съ дружины свою часть; но оже будеть убилъ или въ свадѣ или въ пиру явлено, то тако ему платити по вервинынѣ, іже ся прикладываютъ вирою». Тамъ же, 5: «Будеть ли сталъ на разбои безъ всякая свады, то за разбойника люди не платять; но выдадятъ и всего съ женою і съ дѣтми на потокъ и на разгробленіе». Тамъ же, 6: «Аже кто не вложить ся въ дикую вѣру, тому людье не помогають, но самъ платить».

[2]) Карамзинъ, И. Г. Р., I, прим. 108: «аже у отца и у матери дщи дѣвкою дитяти добудеть, обличивъ ю поняти въ домъ церковный, а чимъ ю родъ окупить».

[3]) П. С. Р. Л., I, 30, 971: «И вѣдаша ему (греки Святославу) дань, имашеть же и за убьеныя, глаголя: «яко родъ его взметь».

[4]) П. С. Р. Л., I, 14, 912: «Аще ли ударить мечемъ или бьеть кацѣмъ любо съсудомъ, за то удареніе или убьеніе да вдастъ литръ 5 сребра по закону рускому; аще ли будетъ неимовитъ тако створивый, да вдасть елико можеть и да соиметь съ себе и ты самыя порты своя, въ нихъ же ходять, а опрочѣ да ротѣ ходитъ своею

Аналогія славянской жизни показываетъ, что кругъ родственной защиты не ограничивался тѣсными предѣлами семьи, а распространялся на цѣлый родъ вообще, т.-е., на родовой союзъ [1]).

Характеръ первоначальной общественной цивилизаціи, раскрывающійся въ несуществованіи въ то время трудно-примиримыхъ частныхъ интересовъ, въ простотѣ и незначительности бо́льшей части дѣлъ, наконецъ въ ограниченности размѣра политическихъ организацій (родовыхъ союзовъ), не только не требовалъ созданія особенныхъ общественныхъ органовъ, обыкновенно вызываемыхъ развѣтвленностью интересовъ, а напротивъ позволялъ ограничиться одними только средствами, представляемыми семьею. Поэтому, сообразно съ характеромъ первоначальной культуры, единственнымъ общественнымъ органомъ въ родовомъ союзѣ, какъ и въ дѣйствительной семьѣ, былъ родоначальникъ, извѣстный у славянъ подъ многоразличными именами: дѣда, ота, отца, отчика, бати, старѣйшины, владыки, воеводы, князя, леха, кмета и т. д. [2]). Однако, хотя власть родоначальника и создана по образцу власти семейной, тѣмъ не менѣе ея никакъ не слѣдуетъ смѣшивать съ послѣдней. Въ семьѣ вся власть исходитъ отъ отца семейства и не нуждается въ признаніи со стороны подчиненныхъ: отецъ, пріобрѣтающій себѣ все новыхъ и новыхъ потомковъ, естественно получаетъ надъ ними власть, какъ творецъ надъ своими произведеніями. Иное дѣло въ родовомъ союзѣ. Тамъ вся власть исходитъ изъ рода, опирается въ своемъ происхожденіи на нѣмомъ или явномъ договорѣ всѣхъ потомковъ, короче, основывается на выборѣ. Патріархальный характеръ родоначальнической власти сказывается въ той обширной комбинаціи, соединеніи званій, какую представляла особа родоначальника. Такъ какъ въ первоначальный періодъ развитія человѣчества различіе между частнымъ правомъ и правомъ общественнымъ, такъ-сказать, только чувствовалось смутно, систематически же проводимо быть не могло; то вслѣдствіе этого обстоятельства въ обязанность родоначальника входили такія занятія, которыя вполнѣ принадлежали къ сферѣ частной жизни и были бы приличны для одного развѣ дѣйствительнаго отца семейства, напр. заботы по женитьбѣ и выдачѣ замужъ членовъ рода [3]). Такъ какъ, далѣе, первоначальная куль-

---

вѣрою, яко никакоже иному помощи ему, да пребываетъ тяжа оттолѣ не взыскаема о семъ».

[1]) Законникъ Стефана, 48.

[2]) Jirecek, das Recht in Böhmen und Mähren, I, 28—32.

[3]) Казвини у Шармуа, 345: «Et lorsque cet enfant a atteint l'âge de puberté, le souverain le marie si c'est un garçon et reçoit du père de ce jeune homme la dot (convenue), qu'il remet à celui de la future; car la dot chez eux se paie d'avance... Le ma-

тура не достигла еще до обстрактнаго различія между личнымъ и вещественнымъ правами, и постоянно смѣшивала вещи съ лицами; то родоначальникъ соединялъ въ своей особѣ разные виды общественной дѣятельности, не только судъ, но и управленіе: онъ былъ жрецомъ, судьей и воеводой, представителемъ рода какъ во внѣшнихъ отношеніяхъ, такъ и предъ богами. Такое соединеніе разнообразныхъ властей въ одномъ и томъ же лицѣ однако никакъ не слѣдуетъ предполагать абсолютно неразрѣшимымъ при господствѣ родовыхъ понятій; напротивъ, легко могло статься, что нѣкоторыя отрасли власти родоначальника, напр. жреческое и судейское званіе, съ теченіемъ времени и отпадали и переходили въ другія, совершенно независимыя руки. Однако это отдѣленіе, случавшееся не столько въ простомъ родовомъ союзѣ, гдѣ значеніе семейнаго образца было сильнѣе, сколько въ высшихъ родовыхъ единицахъ, отличается характеромъ временности, преходящности. Если родоначальникъ въ частности и не носилъ званій жреческаго или судейскаго, тѣмъ не менѣе эти званія составляли принадлежность понятія о родоначальникѣ вообще и съ теченіемъ времени снова легко могли соединиться въ одномъ лицѣ и возстановить такимъ образомъ прежнюю комбинацію властей. Если выражаться юридическимъ языкомъ, комбинація разныхъ званій въ одной особѣ въ періодъ родового быта была не абсолютною, а только факультативною.

Въ первобытное время, когда религія не имѣла еще опредѣленнаго, замкнутаго содержанія, когда существенное религіозное представленіе заключалось въ смутномъ чаяніи, что человѣческая судьба не совершенно случайна, не было никакихъ побудительныхъ причинъ къ образованію замкнутаго жреческаго сословія, даже къ созданію храмовъ въ честь боговъ... Родоначальникъ былъ естественнымъ представителемъ подвѣдомственнаго ему рода предъ богами, приносилъ послѣднимъ жертвы, почему и можетъ быть по справедливости названъ жрецомъ (жрѣти — приносить жертвы), совершалъ молитвословія и, въ качествѣ жреца, могъ, сообразно съ тогдашними представленіями, снискать какъ благорасположеніе боговъ относительно рода, такъ и навлечь ихъ гнѣвъ на родичей [1]). Жреческій характеръ родо-

---

riage se fait au gré du roi et non à leur choix... le souverain se charge de fournir à toutes leurs dépenses, et c'est sur lui que pésent celles de noces. Il est comme un tendre père pour ses sujets».

[1]) Краледв. рук.: «Kamo otčik dávaše krmě bohóm, kamo k nim hlasat chodieváše». П. С. Р. Л., I, 35, 983: «и рѣша старци и боляре: мечемъ жребій на отрока и дѣвицю, на него же падетъ, того зарежемъ богомъ».

начальника можетъ служить объяснительной причиной разныхъ явленій позднѣйшаго времени, которыя бы безъ того остались совершенно непонятными. Такъ какъ родоначальникъ былъ жрецомъ, то естественно, что нѣкоторыя изъ названій родоначальника, именно: владыка и князь, перешли впослѣдствіи, въ христіанское время, на лицъ духовнаго званія: владыка, какъ всѣмъ извѣстно, есть титулъ священнослужителей, а князь (knez, xiądz) обозначаетъ у чеховъ и поляковъ священника, тогда какъ для обозначенія собственно князя тамъ употребляется видоизмѣненная форма knize и książe. Съ другой стороны, представительствомъ родоначальника предъ богами, результатомъ котораго могли быть гнѣвъ или милость послѣднихъ относительно рода, можетъ быть объяснена та отвѣтственность, которую въ послѣдующее время возлагалъ народъ на своихъ князей и владыкъ (епископовъ) за тѣ естественныя бѣдствія, которымъ ему случалось подвергаться: князья и владыки были обвиняемы временами въ томъ, что-де за нихъ обрушились на народъ моръ или продолжительная оттепель и потому были подвергаемы изгнанію и лишенію сана [1]). Однако, съ теченіемъ времени, сообразно съ развитіемъ антропоморфизма, незамѣтно являлось въ жизни и раздѣленіе званій: на ряду съ княжескимъ возникало и самостоятельное жреческое; но къ этому вопросу мы будемъ еще имѣть случай возвратиться впослѣдствіи, при разсмотрѣніи высшихъ родовыхъ организацій.

Въ миѳологическій періодъ человѣческой жизни право тѣсно связывалось съ религіей и законы стояли подъ особеннымъ покровительствомъ боговъ. Съ одной стороны необузданность личности, составляющая характеристическую черту разсматриваемаго періода, неблагопріятствовала самостоятельному существованію законовъ: неограниченная личность того времени скорѣе всего могла подчиниться законамъ въ томъ случаѣ, когда послѣдніе являлись исходящими не изъ человѣческихъ рукъ, а изъ высшей, божественной власти. Съ другой же стороны, и способность тогдашняго общества къ познанію объективной истины отличалась такою недостаточностью, такою ограниченностью, что естественно должна была требовать какого-либо суррогата на свое мѣсто: сознаніе этого-то безсилія и заставляло часто народъ отказываться отъ своей роли при опре-

---

[1]) П. С. Р. Л. III, 44, 1228: «того дѣля стоить тепло долго, выпроводимъ Антонія владыку на Хутино, а самъ сѣлъ давъ мзду князю и аки злодѣя пьхающе за воротъ выгнаша». Тамъ же IV, 198, 1407: «А тогда бяше моръ во Псковѣ великъ, и тогда отрекошася псковичи князю Даніилу Александровичю: тебе ради моръ сей у насъ и выѣха князь Данило изо Пскова». Ср. J. Grimm, Rechtsalterthümer, 1828, p. 231.

дѣленіи истины въ пользу высшихъ, божественныхъ силъ. Оба эти обстоятельства: необузданность личности и ограниченность познанія истины, и вызвали къ жизни ордаліи, божьи суды, получившіе въ древности весьма значительное развитіе и отлившіеся въ три главныя формы: поединка (поля), суда огнемъ и суда водой. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда народъ оставлялъ за собой право суда, связь права съ религіей естественно передавала въ руки лица, носившаго жреческое званіе, т.-е., родоначальника, и значеніе судьи; поэтому-то жрецы, если въ жизни по какимъ-либо обстоятельствамъ возникало раздѣленіе родовой власти на самостоятельныя званія князя и жреца — а это временами случалось, особенно въ высшихъ родовыхъ единицахъ — и при измѣнившемся положеніи дѣлъ сохраняли судейское значеніе и участвовали на ряду съ княземъ въ судѣ народнаго собранія [1]). Подобно жреческому и судебное званіе родоначальника не было абсолютно связано съ особой послѣдняго. Примѣръ Чехіи, гдѣ въ патріархальное время за судомъ обращались къ тѣмъ лицамъ, которыя въ родовыхъ союзахъ и племенахъ отличались своею жизнью и средствами [2]), показываетъ, что этотъ косвенный выборъ могъ пасть и не на родоначальника, а на какое-либо иное лицо и такимъ образомъ вызвать къ жизни особенное званіе судьи.

Въ древнѣйшее, патріархальное время, народъ и войско были явленіями почти тождественными: тогда выраженія «войско», «полкъ» (ahd. folh, ags. folc, altn. fôlk, lat. vulgus [3]) и челядь обозначали просто народъ, тогда какъ впослѣдствіи всѣ три реченія перешли на военный классъ людей. Поэтому организація народа была вмѣстѣ съ тѣмъ и военною организаціею. Народъ въ его мирномъ устройствѣ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и войскомъ, которое шло отражать нападеніе непріятеля или вносило войну въ предѣлы послѣдняго. Военная служба не была преимуществомъ однихъ или тягостью другихъ, а напротивъ, обязанностью для всѣхъ: тогда не могло быть поземельныхъ условій для поступленія въ ряды воиновъ, такъ какъ не было прочной осѣдлости и такъ какъ владѣніе было общимъ. Всѣ годные къ оружію члены родовъ были естественно обязаны, въ случаѣ надобности,

---

[1]) Helm., Chron. Slav., lib. I, cap. 83: «illic (въ Староградѐской рощѣ...) populus terrae cum flamine et regulo convenire solebant propter judicia».

[2]) Scriptores rerum Bohemicarum, I, Cosmae Pragensis chronicon, Pragae, 1783, 9: «Quicunque in sua tribu vel generatione persona moribus potior et opibus honoratior habebatur, ad illum confluebant et de dubiis causis ac sibi illatis injuriis salva libertate disputabant».

[3]) J. Grimm, Geschichte der deutschen Sprache, 2 Auflage, s. 229.

выходить на войну; поэтому нѣтъ ничего страннаго въ томъ, что войско, во всей его совокупности, было въ тоже самое время и народнымъ собраніемъ, вѣчемъ. Представители племенъ и родовъ были и естественными предводителями на войнѣ; поэтому и названіе воевода, первоначально обозначавшее родоначальника, впослѣдствіи получило преимущественное значеніе полководца; поэтому и въ позднѣйшее время жители отдѣльныхъ округовъ выходили на войну подъ начальствомъ своихъ старостъ, которые, сообразно со своимъ начальственнымъ положеніемъ, получали и бо́льшее, сравнительно съ простыми ратниками, вознагражденіе [1]).

Съ сосредоточеніемъ такихъ разнообразныхъ званій въ особѣ одного родоначальника возникаетъ серьезная опасность превращенія отеческой власти перваго въ деспотическую, такъ какъ родовая власть лишена того основанія, на которомъ зиждется дѣйствительная отеческая власть, лишена того чувства любви, которое связываетъ отца съ его семьей. Отсутствіе этого чувства дѣлаетъ возможнымъ проявленіе со стороны родоначальника самыхъ рѣшительныхъ несправедливостей; поэтому давнишнимъ предметомъ русской науки былъ до сихъ поръ еще нерѣшенный вопросъ о томъ, какимъ характеромъ отличалась родовая власть, была ли она деспотическою, или нѣтъ? Форма происхожденія патріархальной власти уже сама по себѣ свидѣтельствуетъ о томъ, что явленіе, свойственное по природѣ одной, семейной области, отнюдь не распространялось на другую область, родовую. Родъ былъ не простою, расширенною семьею, а политическимъ союзомъ; родовая власть не возникала естественно, а основывалась на выборѣ: поэтому, если власть отца семейства является по своей сущности неограниченною, то власть родоначальника наоборотъ доступна для всякаго ограниченія и ни при какихъ обстоятельствахъ, пока родовой принципъ остается въ силѣ, эта характеристическая черта родовой власти не уступаетъ своего мѣста деспотизму. Дальнѣйшее изложеніе покажетъ намъ въ своемъ мѣстѣ, что, хотя власть родоначальника и была обширною, тѣмъ не менѣе истинный центръ тяжести власти находился не въ рукахъ родоначальника, а въ рукахъ родовыхъ союзовъ. Если родоначальникъ и былъ жрецомъ, тѣмъ не менѣе между славянами, какъ и въ Германіи, никогда не водворялась теократія; родоначальникъ былъ воеводою; но всѣмъ извѣстно, какою сла-

[1]) П. С. Р. Л., III, I, 1016: «и нача (Ярославъ) вое свое дѣлити: старостамъ по 10 гривенъ, а смердомъ по гривнѣ, а Новъгородьчемъ по 10 всѣмъ, и отпусти я домовь вся».

бою властью пользовался и въ позднѣйшее время на Руси воевода относительно своихъ подчиненныхъ; родоначальникъ, наконецъ, былъ судьею, но на судѣ ему принадлежало только руководство, рѣшительная же власть всегда оставалась за союзами.

Представленное выше обозрѣніе родовыхъ учрежденій даетъ намъ возможность возвратиться къ начатой нами выше общей характеристикѣ рода и дополнить ее нѣкоторыми дальнѣйшими соображеніями. Родъ, какъ сказано выше, былъ не что иное, какъ государство; но для яснаго пониманія этого государства никакъ не нужно опускать изъ виду различія между сущностью и формой государства, различія, невниманіе къ которому всегда сопряжено съ весьма значительными заблужденіями. По формѣ родовое государство было монархическимъ, такъ какъ вся власть сосредоточивалась въ особѣ одного родоначальника: послѣдній былъ какъ жрецомъ, такъ судьей и воеводой. По сущности же родовое государство было демократическимъ, такъ какъ центръ тяжести власти составлялъ принадлежность родовыхъ союзовъ. Такое положеніе дѣлъ вообще свойственно первоначальному періоду исторіи человѣчества: демократическіе союзы не составляютъ продукта, выработаннаго жизнью одного какого-либо народа, они встрѣчаются какъ у славянъ, такъ и у германцевъ, римлянъ и грековъ, такъ что смѣло могутъ быть сочтены за явленіе, свойственное даже первоначальной индо-германской жизни. Государственный характеръ рода былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и причиной того особеннаго положенія личности, которое свойственно одной только патріархальной жизни. Предъ лицемъ родового союза личность не имѣла въ то время почти никакого значенія: имущественное положеніе ея показываетъ въ особенности ясно, что она была связана по рукамъ и ногамъ своими отношеніями къ союзу. Конечно, состояніе личности и въ родѣ было далеко отъ рабства, при которомъ лицо разсматривается, какъ вещь; тѣмъ не менѣе оно было далеко и отъ того самоопредѣленія, которымъ характеризуется позднѣйшая жизнь. Однако этого положенія личности въ предѣлахъ родового союза никакъ не слѣдуетъ ставить на одну доску съ положеніемъ ея внѣ послѣдняго. Отдѣльные роды были ничѣмъ инымъ, какъ самостоятельными государствами, только государствами столь незначительной величины, что, сравнительно съ племенемъ, народомъ, являлись какъ бы отдѣльными личностями, индивидуумами. Такимъ образомъ, за незначительными предѣлами рода и личность, вмѣстѣ съ послѣднимъ, получала неограниченный просторъ, могла предаваться необузданному произволу. Необузданность личности въ періодъ патріархальной жизни выражалась нагляднѣе всего въ обычаѣ

кровной мести, которую личность развивала внѣ предѣловъ рода: въ средѣ же послѣдняго для мести, очевидно, совсѣмъ не могло быть мѣста. Поэтому, историческое развитіе личности не слѣдуетъ представлять въ томъ видѣ, что во время родового быта личность совершенно стушевывается и поглощается родомъ, а затѣмъ, по паденіи родового начала, выступаетъ на сцену тѣмъ съ бо́льшею необузданностью. Напротивъ, необузданный произволъ личности составляетъ уже отличительную черту родового строя, черту, получающую только по характеру времени особенный отпечатокъ.

II.

Если въ русской наукѣ всѣ партіи, какъ бы различно онѣ не относились къ вопросу о господствѣ родового быта въ древней Руси, сходились въ положеніи, что родъ былъ явленіемъ естественнымъ, кровнымъ; то еще болѣе всѣ стороны убѣждены были въ томъ, что родовой бытъ и исчерпывается устройствомъ естественнаго рода, что дальше за родомъ не было никакихъ политическихъ учрежденій; а если и были, то происхожденіемъ своимъ обязывались необходимости, какъ думали одни, или же учрежденія отличались совершенно инымъ, общиннымъ, а не родовымъ характеромъ, какъ думали другіе. Въ дѣйствительности же за родомъ патріархальныя учрежденія чуть-чуть ли не начинались. Явленіе круговой поруки очень убѣдительно показываетъ, что родовой бытъ не ограничивался однимъ только устройствомъ простого рода, но что за предѣлами послѣдняго создавалъ новыя, гораздо обширнѣйшія единицы общежитія. Дѣйствительно, если только родъ ручался въ отвѣтственности за преступленія своихъ сочленовъ, то необходимо предположить, что была какая-либо высшая общественная единица, которая налагала на отдѣльные роды обязанность подобной поруки: ибо въ противномъ случаѣ, кто бы могъ ручаться, что справедливыя требованія обиженнаго будутъ удовлетворены и что снова не явится потребность въ кровной мести? Точку опоры новое общежитіе находило въ *городѣ*.

Патріархальная цивилизація была вмѣстѣ съ тѣмъ цивилизаціею до-городскою: она совсѣмъ не имѣла понятія о городѣ, не только въ томъ видѣ, въ какомъ городъ представляется нашимъ глазамъ; но даже не знала города, какъ мѣста общаго, совокупнаго сожительства многихъ людей, какъ это замѣчается въ періодѣ непосредственно слѣдовавшій за родовымъ бытомъ.

Въ этомъ явленіи нѣтъ ничего страннаго. Въ патріархальное время каждый родъ составлялъ особенное цѣлое и жилъ на особенномъ мѣстѣ; слѣд. въ принципѣ жизни не было побудительныхъ причинъ къ соединенію людей въ такія значительныя группы, какія представляются городами. Однако, небезопасность жизни, проистекавшая изъ сильнаго разъединенія и необузданнаго произвола личности, побуждала родовые союзы къ совокупному созданію такихъ мѣстоприбѣжищъ, которыя-бы своими удобствами превосходили естественныя мѣста защиты, доставляемыя окрестною природой, именно лѣса, воды и горы. Такія мѣстоприбѣжища, сооруженіе которыхъ было однимъ изъ первыхъ проявленій возникавшей между отдѣльными родами связи [1]), состояли не въ чемъ иномъ, какъ въ огороженномъ стѣнами пустомъ пространствѣ, и назывались *городами*. Въ эти-то огороженныя мѣста и укрывались, въ случаѣ нападенія какого-либо врага, соединенные въ одно цѣлое роды вмѣстѣ со своимъ имуществомъ, состоявшимъ главнымъ образомъ изъ скота. Такой характеръ первоначальнаго города доказывается какъ значеніемъ слова «городъ», такъ и нѣкоторыми чертами его дѣйствительнаго устройства. Названія города въ разныхъ языкахъ указываютъ или на защиту: городъ, городить, огорода, подобно тому, какъ arx одного корня съ arcere, Burg съ bergen, или же на возвышенность мѣста, на которомъ городъ естественно воздвигался, какъ укрѣпленіе: *ἄκρα*, capitolium, вышгородъ [2]). Характеръ же города отражалъ главное назначеніе послѣдняго тѣмъ, что въ немъ не было жилого населенія, что города были обыкновенно незначительнаго размѣра, достаточнаго только для того, чтобы дать возможность укрыться соединеннымъ вмѣстѣ родамъ. Если же съ теченіемъ времени населеніе и примыкало къ городу, то все-таки селилось не внутри стѣнъ, а около послѣднихъ; и это обстоятельство объясняетъ намъ, почему кремль (кремъ, кромъ, городъ кромный), который можетъ быть принятъ за образецъ древняго города, и въ позднѣйшее время обыкновенно не имѣлъ почти никакого населенія. Такимъ образомъ, древнѣйшія мѣста убѣжища не были городами въ собственномъ смыслѣ, а только основаніями для будущихъ городовъ, образовавшихся впослѣдствіи чрезъ присоединеніе зданій къ городскимъ стѣнамъ и въ свою

---

[1]) П. С. Р. Л., I, 4: «Бяша 3 братья.... и сотвориша градъ, во имя брата своего старѣйшаго, и нарекоша имя ему Кіевъ». Тамъ же, V, 83: «Словѣни же пришедше съ Дуная сѣдоша около озера Ильмеря и прозвашася своимъ именемъ, и съдѣлаша градъ и нарекоша Новъгородъ».

[2]) G. Curtius, Griechische Etymologie, I, 103, 267.

очередь защищавшихся новыми стѣнами, *острогомъ* (стерегу, подобно тому какъ urbs родств. съ curvus, orbis — кругъ, ограда [1]). Въ новѣйшее время остатки такихъ пустыхъ городовъ, называющихся у славянъ *городищами* (городище значитъ мѣсто бывшаго города), превратились въ совершенныя загадки. И подобно тому, какъ запустѣлыя городскія стѣны мѣстности Эквикуловъ въ Италіи возбуждали удивленіе въ римскихъ и новѣйшихъ археологахъ и заставляли первыхъ помѣщать тамъ своихъ аборигеновъ, а вторыхъ — своихъ пелазговъ [2]); такъ точно и у славянъ городища вызвали вниманіе со стороны археологовъ, которые, какъ напр. Ходаковскій, считали себя вправѣ видѣть въ нихъ не что иное, какъ языческія святилища. Но, хотя древнѣйшіе города и были обыкновенно мѣстомъ сооруженія жертвенниковъ и храмовъ, и поэтому тамъ легко могутъ быть находимы жертвенные остатки, тѣмъ не менѣе первоначальное значеніе ихъ было оборонительное, а незначительная величина ихъ указываетъ не на святилища, а только на то, что въ нихъ не было жилья.

Возможность образованія изъ отдѣльныхъ родовъ новаго, обширнѣйшаго общежитія, опиравшагося на городъ, доставляла та же самая фикція, на которой основывался и простой родовой союзъ. Во время миѳологическаго періода фикція родства распространялась не только на членовъ каждаго рода, но и на цѣлыя племена, которыя считали себя, подобно Радимичамъ и Вятичамъ, происшедшими отъ какого-либо общаго родоначальника [3]); даже самые родоначальники отдѣльныхъ союзовъ, какъ напр. Кій, Щекъ и Хоривъ, Радимъ и Вятко, были приводимы въ родственную связь и объявляемы братьями [4]), подобно тому, какъ въ Кабулѣ малики ближайше связанныхъ афганскихъ улусовъ смотрѣли на своихъ родоначальниковъ, какъ на братьевъ и сыновей героя, отъ котораго племя и въ особенности его ханъ считали себя происшедшими [5]). Въ братствѣ Кія, Щека и Хорива

---

[1]) G. Curtius, Griech. Etym., I, 66.

[2]) Mommsen, Römische Geschichte, I, 38.

[3]) П. С. Р. Л., I, 5: «Радимичи бо и Вятичи отъ ляховъ. Бяста бо 2 брата въ лясѣхъ, Радимъ, а другій Вятко; и пришедъши сѣдоста, Радимъ на Съжю, прозвашася Радимичи, а Вятко сѣде съ родомъ своимъ по Оцѣ, отъ него же прозвашася Вятичи».

[4]) П. С. Р. Л., I, 4: «Быша три братья, единому имя Кій, а другому Щекъ, а третьему Хоривъ, сестра ихъ Лыбедь. Сѣдяше Кій на горѣ, гдѣ же нынѣ увозъ Боричевъ (тамъ-же, V, 84: «и живяше Кій на горѣ, гдѣ есть нынѣ увозъ Боричевъ и бѣ съ родомъ своимъ»), а Щекъ сѣдяше на горѣ, гдѣ нынѣ зовется Щековица, а Хоривъ на третьей горѣ...»

[5]) Elphinstone, Account of the Kingdom of Caubul, I, 210—214.

нельзя поэтому видѣть, какъ дѣлаютъ всѣ противники патріархальной теоріи, аргумента противъ господства на Руси родового быта: напротивъ, оно представляетъ одно изъ лучшихъ доказательствъ этого ученія. Такимъ образомъ, родовой бытъ основывался собственно на двойной фикціи или лучше на фикціи двойного родства: во-первыхъ, членовъ родовыхъ и племенныхъ союзовъ между собою, а затѣмъ уже представителей родовъ, родоначальниковъ. На основаніи перваго родства созидался собственно простой родъ; на основаніи второго—высшія родовыя единицы. Можно даже составить себѣ нѣкоторое понятіе о томъ, какимъ путемъ и въ какой формѣ созидались новыя патріархальныя цѣлыя. Между ближайше обитавшими родами выдвигался одинъ какой-либо членъ (родовой союзъ) и фактически пріобрѣталъ власть; пріобрѣтенная фактически власть получила юридическое освященіе, въ ряду другихъ родъ возводился на степень старѣйшаго, т.-е. родоначальникъ его принимался за ближайшаго родственника къ особѣ незапамятнаго патріарха [1]). Такимъ образомъ, во время родового быта старшинствомъ считались не только въ предѣлахъ рода, но и родовые союзы между собою, и эти родовые счеты, въ приспособленной къ измѣнившимся обстоятельствамъ формѣ, сохранились до позднѣйшаго времени въ пригородномъ началѣ, въ порядкѣ старшинства городовъ, изъ которыхъ одни были старѣйшими, другіе же молодшими братьями. Порядокъ старшинства между родами и городами составляетъ поэтому не противорѣчіе основному принципу патріархальной теоріи, какъ думалъ г. Кавелинъ [2]), а напротивъ совершенно законное слѣдствіе, дальнѣйшее примѣненіе его къ тогдашней жизни. Мысль о такихъ счетахъ старшинствомъ нисколько не страдаетъ отъ отсутствія въ ней юридической мѣрки, опредѣлявшей старшинство: дѣло не въ томъ, что власть для своего водворенія опиралась на старшинство, а въ томъ, что фактически пріобрѣтенная власть отливалась въ формы старѣйшинства.

Хотя возвышеніе какого-либо родового союза на степень старѣйшаго, сообразно съ чѣмъ и родоначальникъ его получалъ относительно другихъ родовъ соотвѣтственную власть, т.-е. дѣлался княземъ, старѣйшиною цѣлаго племени, первоначально и связывалось съ подчиненіемъ остальныхъ родовъ, которое ничѣмъ

---

[1]) П. С. Р. Л., I, 4: «Но сей Кій княжаше въ родѣ своемъ»... Тамъ-же, I, 5: «И по сихъ братьи держати почаша родъ ихъ княженье въ Поляхъ». Масуди у Шармуа: «ils (les Slaves) se partagent en diverses races, dont une entre autres les dominait toutes dans les temps primordiaux .... c'était à elle qu'appartenait l'autorité souveraine et tous leurs rois étaient soumis».

[2]) Сочиненія Кавелина, II, 463—467.

не отличалось отъ полной зависимости; тѣмъ не менѣе такое положеніе дѣлъ, по характеру времени, долго продолжаться не могло. Съ теченіемъ времени, при ближайшемъ столкновеніи интересовъ, и подчиненные получали вліяніе на дѣла новаго союза, получали право, наравнѣ со старѣйшими, участвовать въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ избраніи общаго родоначальника, князя, хотя за старѣйшимъ родомъ все-таки оставалось то преимущество, что князь избирался только изъ среды этого союза. Княжескую власть въ высшей родовой единицѣ нужно поэтому представлять съ одной стороны наслѣдственною, такъ какъ право быть избираемымъ ограничивалось предѣлами одного только рода; съ другой же выборною, такъ какъ въ самомъ родѣ князь обыкновенно избирался, при чемъ въ случаѣ надобности могли принять участіе и члены всѣхъ остальныхъ родовъ. Такое высшее патріархальное общежитіе, полученное посредствомъ расширенія фикціи родства, называлось на Руси *княженьемъ*. Патріархальными княженьями была покрыта вся Русь: княженья встрѣчаются у Полянъ, Древлянъ, Дреговичей, Новгородцевъ, Полочанъ [1]). Преданіе даже сохранило намъ имена нѣкоторыхъ изъ этихъ князей, какъ напр. имя Мала, князя древлянскаго, жившаго и дѣйствовавшаго уже въ историческое время.

Между тѣмъ какъ въ однихъ типахъ государственной жизни, напр. въ государствѣ, основанномъ на военномъ владычествѣ, внутренняя сила государства возрастаетъ пропорціонально расширенію его границъ; въ то время въ родовомъ устройствѣ замѣчается совершенно противоположное явленіе: внутренняя сила государства ослабляется сообразно съ увеличеніемъ его объема, сообразно съ расширеніемъ господства родового принципа по болѣе значительной территоріи. Въ этомъ нѣтъ ничего страннаго, такъ какъ узы родства, чѣмъ дальше онѣ будутъ удалены отъ своего первоначальнаго источника, семьи, тѣмъ меньше будутъ заключать въ себѣ внутренней силы. Чувство родства, уваженіе къ власти родоначальника могутъ сохранить полное значеніе только въ незначительныхъ размѣрахъ рода; но, если только фикція родства расширяется, если создается новая, обширнѣйшая политическая единица, то тотчасъ же является потребность въ религіозномъ или политическомъ суррогатѣ, который однако

---

[1]) П. С. Р. Л., I, 5: «И по сихъ братьи держати почаша родъ ихъ княженье въ Полѣхъ; въ Деревляхъ свое, а Дреговичи свое, а Словени свое въ Новѣгородѣ, а другое на Полотѣ, иже Полочане». Тамъ-же, V, 83: «Словѣни же.... сдѣлаша градъ и паркоша Новъгородъ, и посадиша старѣйшину Гостомысла». Соф. Акад. (изд. 1795 г.), 2: «и посадиша въ немъ старѣйшину Гостомысла, князя отъ роду своего новгородца».

больше извращаетъ первоначальный бытъ, чѣмъ сообщаетъ ему новую силу. Поэтому, между тѣмъ какъ въ простомъ родѣ члены связываются между собою подчиненіемъ власти родоначальника, общею поземельною собственностью, обязанностью круговой поруки: въ то время въ высшей родовой единицѣ, княженьи, общественная связь распространяется только на подчиненіе нѣкоторымъ общимъ учрежденіямъ, къ числу которыхъ относятся народное собраніе, вѣче, совѣтъ старѣйшинъ и княжеская власть; послѣдняя, впрочемъ, встрѣчается не всегда, временами дѣло обходилось и безъ личной власти.

Характеръ патріархальной власти не перемѣнился существенно и въ княженьи. Княжеская власть не сдѣлалась царскимъ достоинствомъ, одареннымъ правами, искони ему принадлежащими; напротивъ, и здѣсь, какъ и въ простомъ родѣ, она оставалась республиканскою должностью, магистратурой, основанною, какъ выше замѣчено, съ одной стороны на наслѣдственности, съ другой же на выборѣ. Эти двѣ черты, повидимому столь противоположныя одна другой, легко соединялись вмѣстѣ при господствѣ родового быта, который не зналъ личности, а только союзы, а потому и власть предоставлялъ наслѣдственно цѣлымъ союзамъ: въ предѣлахъ же послѣднихъ поэтому власть легко могла быть и избирательною. Князь, какъ и простой родоначальникъ, соединялъ въ своей особѣ какъ жреческое, такъ судейское и воеводское званіе; только это соединеніе разнообразныхъ властей не отличалось такою прочностью, какую представляетъ простой родъ. Выше уже было замѣчено, что съ развитіемъ антропоморфизма явилась возможность образованія особеннаго жреческаго сословія. Чѣмъ больше боги усвоивали себѣ человѣческій образъ, тѣмъ опредѣленнѣе съ одной стороны возвышались надъ простыми смертными и требовали торжественнѣйшаго богослуженія; съ другой же тѣмъ больше приближались, вслѣдствіе своей человѣчности, къ послѣднимъ и отмѣчали достойнѣйшихъ къ сношенію съ ними. Въ такихъ обстоятельствахъ родоначальникъ, князь, легко могъ пренебречь въ пользу высшей власти заботами о мірскихъ дѣлахъ, которыя значенія его не усиливали, святости же его дѣлали значительный ущербъ. Этимъ путемъ легко происходило распаденіе званій и рядомъ съ княземъ-родоначальникомъ являлся самостоятельный жрецъ; однако никакъ не слѣдуетъ думать, чтобы противоположное явленіе, т.-е., новое соединеніе того и другого званія въ одномъ родоначальникѣ и здѣсь было невозможно.

У славянъ замѣчаются разныя формы отношеній между княжескимъ и жреческимъ званіемъ. Въ Чехіи князь, какъ и родо-

начальникъ, соединялъ въ одномъ лицѣ всѣ званія, служилъ представителемъ племени предъ богами и при переселеніяхъ переносилъ племенныхъ пенатовъ (дедку) [1]); въ Вагріи на ряду съ княжескимъ встрѣчается самостоятельное жреческое званіе и жрецъ является вмѣстѣ съ княземъ въ народномъ собраніи въ качествѣ судьи [2]). На островѣ Рюгенѣ жреческая власть, существовавшая также отдѣльно, пользовалась даже бо́льшимъ значеніемъ, чѣмъ княжеская, которая отошла на второй планъ [3]); но присвоеніе жрецами бо́льшей власти сравнительно съ княжескою не превращало еще, вопреки мнѣнію г. Гильфердинга [4]), Ранскаго княженья въ теократію, точно также какъ и у бургундовъ синистъ, верховный жрецъ, превосходившій преимуществами князя, не представлялъ еще собою теократической власти. Необходимое условіе теократіи заключается въ обособленномъ положеніи жречества, въ подчиненіи авторитету послѣдняго не только князя, но и всего народа. Но ни того, ни другого про славянъ сказать нельзя, такъ какъ, съ одной стороны, жреческое званіе составляло у нихъ принадлежность каждаго родоначальника, съ другой же, верховный жрецъ на Рюгенѣ былъ не столько неограниченнымъ исполнителемъ воли боговъ, сколько руководителемъ народнаго собранія, которое постановляло рѣшенія и приводило ихъ въ исполненіе. Съ точки зрѣнія г. Гильфердинга пришлось бы, пожалуй, счесть и господство владыкъ (митрополитовъ) въ Черногоріи за чистую теократію: въ сущности же это господство владыкъ есть не болѣе и не менѣе, какъ любопытный примѣръ патріархальнаго соединенія властей въ одномъ лицѣ въ христіанское время; ибо владыки въ Черногоріи являются какъ митрополитами, такъ судьями и воеводами. На Руси же отсутствіе всякихъ намековъ на существованіе жрецескаго сословія и даже храмовъ въ честь боговъ, равно какъ и слабое развитіе антропоморфизма, обнаруживающагося только въ позднѣйшее время, заставляютъ предполагать, что въ особѣ князя соединялись различныя званія, какъ княжеское, такъ и жреческое, подобно тому какъ тоже самое явленіе имѣло мѣсто и относительно Чехіи. Жреческимъ характеромъ Владиміра Святого, а не только простымъ язычествомъ его, нужно объяс-

---

[1]) Jirecek, Das Recht in Böhmen und Mähren, I, 65.

[2]) Helm., Chron. Slav., Lib. I, cap. 83.

[3]) Helm., Chron. Slav., Lib. II, cap. 12: «Rex apud illos modicae aestimationis est, comparatione flaminis. Ille enim responsa perquirit et eventus sortium eplorat. Ille ad nutum sortium et porro rex et populus ad illius nutum pendeut». Ibid., I, 36: «Major flaminis quam regis veneratio apud istos est; qua sors ostenderit, exercitum ducunt».

[4]) Гильфердингъ, Исторія Балтійскихъ славянъ, Москва, 1855, стр. 263 и слѣд.

нять ту религіозную ревность, которую обнаруживалъ послѣдній до принятія христіанства въ размѣщеніи по Кіеву разныхъ идоловъ и въ приношеніи имъ потребъ или жертвъ [1]).

Подобно жреческому, въ князѣ сосредоточивались и другія званія, военное и судейское, какъ это ясно видно изъ словъ Козьмы Пражскаго: «te ducem, te judicem... te solum nobis in dominum eligimus»; но недостатокъ свидѣтельствъ препятствуетъ сказать положительно, были ли у славянъ случаи существованія самостоятельнаго судейскаго званія. Для опредѣленія отношеній княжескаго суда къ народу необходимо вспомнить, что въ позднѣйшее время князю, равно какъ и посаднику, запрещалось судить на вѣчѣ [2]): этотъ законъ, дерогаторный характеръ котораго несомнѣненъ, ясно показываетъ, что было время, когда князь судилъ на вѣчѣ, т.-е., когда судъ принадлежалъ не одному только князю, но вмѣстѣ съ тѣмъ и самому народу. Поэтому, въ патріархальный періодъ судебная власть распредѣлялась между двумя элементами, княземъ и народомъ. Гораздо труднѣе сказать что-либо опредѣленное о той формѣ, въ которой судебная власть распредѣлялась между указанными элементами, какая роль выпадала на долю каждаго изъ нихъ. Въ позднѣйшее время князь былъ преимущественно представителемъ принудительной силы суда, представителемъ авторитета послѣдняго; ему принадлежала кара преступниковъ, которые поэтому и выдавались князю «на потокъ и на разграбленіе», т.-е., на заключеніе, ссылку, и конфискацію имущества [3]). Но, такъ какъ рядомъ съ княземъ и народъ нерѣдко предъявлялъ свои права, какъ показываетъ исторія Великаго Новгорода, на кару преступниковъ, на взятіе ихъ, помимо князя, на потокъ и на разграбленіе, на казнь всѣмъ Великимъ Новгородомъ [4]); то естественно предположить, что въ патріархальное время роли князя и народа были совершенно противоположны; что народу, вѣчу, принадлежала тогда именно принудительная сила суда, кара пре-

---

[1]) П. С. Р. Л., I, 34, 980; 35, 983: «Иде Володимеръ на Ятвяги, и побѣди Ятвяги, и взя землю ихъ. И иде Кіеву, и творяше потребу кумиромъ съ людми своими.

[2]) Мурзакевичъ, П. С. Г. 1: «А князь и посадникъ на вѣчи суду не судить; судити имъ у князя на сѣнехъ, взираа въ правду, по крестному цѣлованью». Ср. Helm., Chron. Slav., I, cap. 83.

[3]) Рус. Пр. (по Троиц. сп.), 30: «Аще будетъ коневый тать—выдати князю на потокъ». Тамъ же, 79: «Аже зажгуть гумно, то на потокъ на грабежь домъ его, переди на губу исплатившю, а въ процѣ князю поточити і...» П. С. Р. Л., I, 131, 1129: «поточи Мстиславъ князи Полотьскыѣ Царюгороду, съ женами и съ дѣтьми».

[4]) А. А. Э., I, 71, № 92, 1471: «а почнетъ хорониться отъ приставовъ, ино его казнить всимъ Великимъ Новымгородомъ».

ступленій, тогда какъ князю оставалось главнымъ образомъ руководство при опредѣленіи приговора. Такое предположеніе будетъ согласно какъ съ характеромъ потока и разграбленія, такъ и съ историческимъ развитіемъ княжеской власти. Между тѣмъ, какъ послѣдняя съ теченіемъ времени теряетъ свой жреческій характеръ, судебная сторона ея въ то же время получаетъ значительное расширеніе: судъ сосредоточивается преимущественно въ рукахъ князя и народъ, лишенный права кары, прибѣгаетъ къ послѣдней только въ исключительныхъ случаяхъ.

Расширеніе родовой власти на болѣе обширную территорію, или образованіе новаго цѣлаго посредствомъ соединенія нѣсколькихъ родовъ, не могло совершиться безъ соотвѣтственнаго ослабленія самой власти, безъ привлеченія къ участію въ ней самихъ подчиненныхъ. На этомъ-то привлеченіи къ власти и основывалась возможность подчиненія представителю цѣлаго племени, князю, простыхъ родоначальниковъ, которые въ предѣлахъ родовыхъ союзовъ пользовались полною самостоятельностью. Ибо въ сенатѣ, который являлся на ряду съ княземъ во всѣхъ важнѣйшихъ правительственныхъ дѣйствіяхъ, родоначальники находили полное вознагражденіе за свое подчиненіе княжеской власти. Уже одно названіе членовъ родового совѣта старѣйшинами указываетъ отчасти на происхожденіе сената; еще болѣе убѣждаетъ въ томъ же самый характеръ старѣйшинъ. Старѣйшинами были лучшіе люди, которые держали землю, управляли землею, т.-е., имѣли въ ней власть; а власть по характеру того времени могла принадлежать въ землѣ, кромѣ князя, только родоначальникамъ [1]). Родовой сенатъ основывался такимъ образомъ не на предположеніяхъ вещественнаго или личнаго права, не на величинѣ землевладѣнія или знатности происхожденія, а на общественномъ положеніи старѣйшинъ, которое они уже раньше занимали въ отдѣльныхъ родовыхъ союзахъ. Въ этомъ отношеніи родовой совѣтъ составляетъ противоположность съ княжескимъ совѣтомъ временъ Рюрикова дома, когда общественное положеніе не могло служить необходимымъ условіемъ для поступленія въ совѣтъ [2]), и полную аналогію съ новгородскимъ сенатомъ,

---

[1]) П. С. Р. Л., I, 25, 946: «и побѣгоша людье изъ града, и повелѣ Ольга воемъ своимъ имати є; яко взя градъ и пожьже и, старѣйшины же града изъ нима»... Тамъ же, I, 24, 945: «Се слышавше Деревляне, избраша лучшіе мужи, яже дерьжаху Деревьску землю»... Ebbo, 94: «princeps ergo.... primusque Wiricus nobilissimus eorum... hanc pro omnibus dedit rationem: Ego Pater honorande, cum primatibus, hunc locum regentibus... pari voco in hoc convenimus, ut sacrilegos istos sacerdotes... a finibus nostris eliminemus».

[2]) П. С. Р. Л., I, 54, 996: «Бѣ бо Володимеръ любя дружину, и съ ними думая

въ которомъ поступленіе въ число членовъ обусловливалось или занятіемъ какой-либо изъ главнѣйшихъ общественныхъ должностей, или же предварительнымъ отправленіемъ курульскихъ должностей посадника и тысяцкаго, дававшихъ право, по миновaніи срока службы, на мѣсто въ сенатѣ [1]). Разница между родовымъ и повгородскимъ сенатомъ заключается развѣ въ томъ, что въ родовомъ совѣтѣ сенатскія права были принадлежностью не столько самой корпораціи, сколько отдѣльныхъ членовъ ея, родоначальниковъ; между тѣмъ какъ новгородскій сенатъ имѣлъ права́ самъ-по-себѣ.

Пробѣлъ въ свѣдѣніяхъ, относящихся до древне-русскаго совѣта, особенно до значенія и дѣятельности послѣдняго, до нѣкоторой степени можетъ быть восполненъ исторіею славянъ. Сенатъ игралъ у славянъ двоякую роль: онъ былъ или высшимъ правительственнымъ органомъ, дальше котораго не было никакой нераздѣльной (личной) власти: это замѣчается въ тѣхъ союзахъ родовъ, которые еще не усвоили себѣ княжеской власти и къ которымъ преимущественно нужно относить свидѣтельства памятниковъ, утверждающія, что славяне не терпятъ единаго главы [2]); или же сенатъ былъ совѣтомъ при князѣ. Въ послѣдней формѣ сенатъ не получалъ ни у одного изъ славянскихъ племенъ такой опредѣленности, такого значенія, какъ у поморянъ; поэтому обстоятельное знакомство съ нимъ будетъ отнюдь не лишнимъ. Въ Щетинѣ, главномъ городѣ поморянъ, существовали четыре особенныя зданія, называвшіяся кутинами (continae), куда въ опредѣленные дни, по приглашенію князя, собирались старѣйшины [3]). Въ позднѣйшее время (въ XII столѣтіи) члены совѣта, собиравшагося въ кутинахъ, характеризовались названіями nobiles, primates, primores, principes, majores, majores natu, seniores plebis, князья, бароны, а также capitanei и praefecti [4]). Послѣднія названія, barones, capitanei

---

о строи земленѣмъ, и о ратехъ, и уставѣ земленѣмъ». Тамъ же, I, 46, 987: «и созва князь боляры своя и старца. Рече Володимеръ: «се придоша посланіи наши мужи, да услышимъ отъ нихъ бывшее». и рече: скажите предъ дружиною.»

[1]) Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія, 1869 г., октябрь, мои «Очерки изъ жизни В. Новгорода».

[2]) Thietm., Chron., Lib. VI, cap. 18.

[3]) Acta Sanctorum, m. Julii, tom. I, Sefr., 105: «Erant autem in civitate Stetinensi continae quatuor...» Ibid., 106: «Nam sive potare, sive feria sua tractare vellent, in easdem aedes certis diebus veniebant et horis».

[4]) Ebbo 93: «indicitur generale colloquium... Statuta ergo die antistes montem Trigelai in media civitate, ubi aedes erat ducis, ascendit, magnamque domum huie colloquio apportunam, intravit: assunt principes cum sacerdotibus natuque majoribus». Ibid., 37: «His auditis sacerdotes et seniores plebis multam inter se conquisitionem habentes aje-

и praefecti относятся, очевидно, только къ XII-му столѣтію и о предшествующемъ времени никакого понятія дать не могутъ. За то другія имена, особенно majores, majores natu, seniores plebis, князья, ясно показываютъ, что это былъ не простой титулъ, выражавшій неопредѣленный авторитетъ; что лица, носившія ихъ, были, если не дѣйствительными родоначальниками, что́ весьма возможно, то во всякомъ случаѣ преемниками значенія первоначальныхъ представителей родовъ, какъ они характеризованы нами выше: представителей родовъ, выбранныхъ послѣдними, подобно чешскимъ владыкамъ. Совѣтъ старѣйшинъ находился въ связи, съ одной стороны съ княземъ, съ другой же съ народнымъ собраніемъ. Въ первомъ отношеніи нужно замѣтить, что князь, стоявшій на челѣ поморянъ, самъ по себѣ не имѣлъ власти вершить дѣла, а долженъ былъ, когда вопросъ шелъ о благѣ народа, положеніи государства и цѣлости отечества, обращаться съ предложеніями къ старѣйшинамъ, которые, разобравъ предварительно дѣло въ самомъ совѣтѣ, давали положительный или отрицательный отвѣтъ [1]). Такимъ образомъ власть князя встрѣчала чувствительное ограниченіе со стороны сената; но въ этомъ нельзя видѣть, какъ дѣлаютъ нѣкоторые ученые, особеннаго несчастія, свойственнаго только поморянамъ; напротивъ, ограниченіе княжескаго значенія совѣтомъ выказываетъ только слабость власти, свойственную вообще патріархальному періоду исторіи человѣчества.

Если власть князя связывалась необходимымъ содѣйствіемъ совѣта родоначальниковъ, то она еще болѣе, равно какъ и самый сенатъ, ограничивались народнымъ собраніемъ, вѣчемъ: и это совершенно естественно, такъ какъ родовая власть не была властью семейною, получила начало не отъ расширенія семьи, естественно подчиняющейся авторитету главы семейства, а отъ родовыхъ союзовъ, основывалась на договорѣ, на избраніи родоначальника членами союзовъ. Въ этомъ смыслѣ нужно понимать свидѣтельства иностранцевъ, утверждающихъ, что славяне жили въ демократіи [2]). Народное собраніе патріархальнаго періода мо-

---

bant...» Ibid., 74: «Statimque in Pentecoste generale Principum terrae suae colloquium in lodem loco indixit (dux Pomeraniae) ubi convenientibus Timinensis aliarumque urbium primoribus, sapienter los ad suscipiendum Christianae fidei jugum hortabatur».

[1]) Sefr., 61: «At illi, salutatis majoribus ex nomine Ducum, ab eis missum nunciant Episcopum»... Ibid., 63: «verum ubi lam sententiam tam bonam tamque salubrem diligenti retractatione probaverant; primo quidem apud se in conclavi, deinde vero cum legatis et Paulitio, ad plenum vigorem laxiori consilio firmaverunt, cum eisdem ad populum egressi; qui sicut ad festum confluxerat»...

[2]) Procop., de B. Goth., III, 14.

жетъ быть названо *первобытнымъ собраніемъ* (Urversammlung), вѣчемъ, такъ какъ оно основывалось не на представительствѣ какихъ-либо политическихъ союзовъ, а на непосредственномъ, личномъ участіи всѣхъ членовъ патріархальнаго княженья. Такое собраніе совершенно соотвѣтствовало всѣмъ условіямъ древнѣйшей цивилизаціи. Такъ какъ родовые союзы, княженья, всѣ были бо́льшею частію незначительнаго размѣра, то понятно, что посѣщеніе вѣча было доступно для всего населенія въ княженьи; что въ извѣстные дни, у вагровъ, напр., въ понедѣльникъ, жители селъ и деревень, входившихъ въ составъ союза, могли утромъ явиться въ городъ, исполнить тамъ свои торговыя дѣла, принять участіе въ народномъ собраніи, если оно было, а затѣмъ къ вечеру разойтись спокойно по своимъ мѣстожительствамъ [1]). Но съ расширеніемъ предѣловъ государства и съ появленіемъ трудно-примиримыхъ интересовъ, первобытное собраніе теряетъ смыслъ и превращается, какъ показываютъ примѣры Рима и Великаго Новгорода, въ господство главнаго города, если не черни послѣдняго. Мѣсто народнаго собранія, совпадавшее обыкновенно съ торгомъ, имѣло посрединѣ деревянный помостъ, иногда распадавшійся на отдѣльныя пирамиды, или трибуну, со ступеней которой говорили къ народу правительственныя лица: такія трибуны, естественно требуемыя собраніемъ, происходящимъ подъ открытымъ небомъ, встрѣчаются какъ у поморянъ, такъ и въ позднѣйшее время на Руси, напр. во Псковѣ, гдѣ трибуна называлась *степенью* [2]).

Пренія, возникшія въ русской наукѣ относительно характера древнѣйшаго быта славянъ, распространялись не на одни только принципы, но повторялись на каждомъ частномъ вопросѣ, между прочимъ и на вопросѣ о народномъ собраніи. Одни, какъ напр. г. Соловьевъ, въ народномъ собраніи видѣли не что иное, какъ сходку старѣйшинъ, родоначальниковъ, собственно же народное участіе въ вѣчѣ ограничивали пассивною ролью «принятія къ свѣдѣнію рѣшеній старческихъ». Другіе же, какъ напр.

---

[1]) Sefr., 63: «qui (populus) sicut ad festum cnfluxerat, contra morem indispersus, Dei nutu in loco manebat, nec in rus discesserat... omnis illa multitudo populi, auditis primatum verbis, in lumdem sese consensum inclinaverunt.

[2]) Sefr., 160: «Erant ibi (въ Щетинѣ) gradus lignei, de quibus praecones et magistratus ad populum concionari solebant». Ebbo, 90: «Erant autem illic pyramides magnae et in altum more paganico muratae... Coadunato itaque populo, pius praedicator, super unam cum sociis suis ascendens pyramidem... coepit errantibus viam veritatis aperire». П. С. Р. Л., IV, 222, 1462, вар: «а иныя люди (съ) степеня на вѣчи спихнули... его (князя Владиміра)». Тамъ же, IV, 285, 1510: «да отговоривъ (Третьякъ Долматовъ во Псковѣ) то да сѣлъ на степени». Тамъ же, IV, 258, 1478.

К. Аксаковъ, старались низвести самыхъ старѣйшинъ, владыкъ, до уровня простыхъ отцовъ семей, чтобы только имѣть возможность счесть народное собраніе за непосредственную сходку, вѣче, противорѣчащее якобы основнымъ началамъ родового быта. Для патріархальной теоріи эти пренія не имѣютъ особеннаго интереса, такъ какъ и то и другое явленіе нисколько не противорѣчитъ патріархальному принципу, требующему, чтобы на вѣчѣ являлись одни только члены родовыхъ союзовъ. Положительная исторія показываетъ, что, хотя на вѣчѣ обыкновенно и участвовали всѣ члены родовыхъ союзовъ, тѣмъ не менѣе, въ случаѣ расширенія предѣловъ княженья, посѣщеніе народнаго собранія естественно должно было ограничиться одними родоначальниками. Такъ, между тѣмъ какъ на Руси и въ нѣкоторыхъ другихъ славянскихъ земляхъ вѣче было сходкою всего народа [1]); въ то время въ Чехіи народное собраніе составлялось изъ однихъ только родоначальниковъ, служившихъ представителями какъ цѣлыхъ племенъ (леховъ), такъ и отдѣльныхъ родовыхъ союзовъ (владыкъ) [2]); но вмѣстѣ съ измѣненіемъ снема естественно измѣнялось и значеніе совѣта, который въ Чехіи изъ рукъ простыхъ родоначальниковъ перешелъ въ руки кметовъ. Характеръ чешскаго снема показываетъ, что первобытное собраніе было вмѣстѣ съ тѣмъ и судебнымъ собраніемъ, или, если выражаться языкомъ Гримма, народное собраніе было большимъ судомъ, судъ же малымъ вѣчемъ. Судебная сторона вѣча всего лучше поясняетъ отношенія между главными элементами общественной жизни, княземъ и народомъ. Какъ показываетъ примѣръ Чехіи, князь въ судебномъ собраніи являлся руководителемъ засѣданія, предлагалъ вопросы на обсужденіе и указывалъ на способы, которыми первые могли быть рѣшены. Рѣшеніе установлялось самимъ народнымъ собраніемъ, которому, какъ уже замѣчено выше, принадлежалъ и авторитетъ суда [3]). Отношенія же между вѣчемъ и совѣтомъ старѣйшинъ состояли въ томъ, что совѣтъ образовалъ при князѣ, какъ показываетъ исторія поморянъ, совѣщательное собраніе, на которомъ предварительно разсматривались дѣла, переходившія затѣмъ на утвержденіе народнаго собранія, гдѣ совѣтъ игралъ также не ма-

[1]) П. С. Р. Л., I, 54—55, 997: «Бѣ же единъ старецъ не былъ на вѣчи томъ, и вѣраша: что ради вѣче было? («створиша вѣче людье» И. Х.).

[2]) Краледвор. рук. «Kda sie sniechu lěsi i vladyky
V Vyšegradě . . . . . »

[3]) Краледвор. рук: Klaniechu sie lěsi i vladyky,
I počiechu ticho govoriti и проч.
Govoriti ticho mezu sobu,

ловажную роль. Но, подобно тому, какъ совѣтъ не всегда прибѣгалъ за содѣйствіемъ къ народному собранію, точно также и вѣче нерѣдко дѣлало свои постановленія и приводило ихъ въ исполненіе совершенно независимо отъ совѣта старѣйшинъ. Въ этомъ отношеніи характеръ поморской жизни тѣсно граничитъ съ новгородской, гдѣ также каждая толпа, случайно попавшая на Ярославовъ дворъ, тотчасъ же принимала на себя роль самодержавнаго вѣча; однако въ Великомъ Новгородѣ постановленіе вѣча только тогда получало полную юридическую силу, только тогда Новгородъ принималъ на себя отвѣтственность за рѣшенія, принятыя вѣчемъ, когда онъ далъ на эти рѣшенія свое *новгородское слово*, т.-е., когда рѣшенія состоялись при участіи новгородскаго совѣта и съ благословенія новгородскаго владыки, благословенія, служившаго торжественнымъ выраженіемъ новгородскаго слова [1]).

Такимъ образомъ и вторая патріархальная единица, княженье, отличается тѣми же чертами, какъ и простая первоначальная ячейка, т.-е., родовой союзъ. И здѣсь форма государства была монархическою, власть сосредоточивалась въ рукахъ князя, сущность же тѣмъ не менѣе оставалась демократическою, такъ какъ народное собраніе являлось источникомъ всякой власти. Разница возникала развѣ только въ томъ случаѣ, когда образовавшіеся изъ отдѣльныхъ родовъ союзы не подчинялись личному повелителю, т.-е. или еще не успѣли усвоить себѣ княжеской власти, или же устранили ее вслѣдствіе какихъ-либо обстоятельствъ; когда, слѣдовательно, власть распредѣлялась между народнымъ собраніемъ и совѣтомъ, составленнымъ изъ старѣйшинъ, когда цѣлое представляло не столько государство, сколько союзъ государствъ. Въ этомъ случаѣ, встрѣчаемомъ въ исторіи лютичей, сущность государства оставалась прежнею, демократическою, форма же измѣнялась въ аристократическую, такъ какъ на челѣ правленія становился совѣтъ старѣйшинъ, а совѣтъ вообще есть принадлежность аристократіи. Однако всѣ эти разнообразные зачатки государственной жизни, какъ монархическій, такъ и демократическій, не могли создать въ княженьи ни прочнаго внутренняго порядка, ни сильнаго внѣшняго единства. И не мудрено. Если родовые союзы, входившіе въ составъ княженья, были ни чѣмъ инымъ, какъ государствами въ незначи-

---

[1]) Рус.-Ливон. акты, 61. 1331: «Wat dorichteghes volkes van ruscen heuet ghelopen sunder der Nogarder wort uppe der duschen hof, dat scolen de duschen nicht mer dencken». П. С. Р. Л., III, 229, 1366: «ѣздиша изъ Новгорода люди молодые на Волгу безъ новгородскаго слова».

тельномъ масштабѣ, то естественно ожидать, что государственный характеръ союзовъ будетъ препятствовать имъ входить второстепенными членами въ высшія единицы, княженья. Дѣйствительно, въ тѣхъ случаяхъ, когда роду приходилось взойти въ составъ новаго цѣлаго, за нимъ все еще оставалась обширная, совершенно независимая сфера дѣйствія, въ которой онъ былъ полнымъ господиномъ: такимъ образомъ, родъ представлялъ въ подобномъ случаѣ какъ бы государство въ государствѣ. Это существованіе лѣстницы государствъ, имѣющихъ опредѣленные, вполнѣ самостоятельные круги дѣйствія, составляютъ одну изъ отличительныхъ чертъ родового быта: между тѣмъ, какъ въ современной намъ жизни, напр. въ англійскомъ самоуправленіи, сфера общины строго опредѣляется и внутри ея предѣловъ подчиняется общимъ законамъ; въ то время въ родовомъ строѣ союзы, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, весьма немногочисленныхъ отношеній къ высшей единицѣ, тѣхъ именно, которыя касались не одного рода, а цѣлаго союза родовъ, во всемъ остальномъ были предоставлены вполнѣ самимъ себѣ. Отсюда-то возникали тѣ противогосударственныя стремленія, которыя заставляли родъ искать самостоятельности не въ активной свободѣ, не въ принятіи ревностнаго участія въ общественной дѣятельности, а въ пассивной, въ возможно бо́льшемъ отстраненіи отъ всякаго участія въ общественныхъ дѣлахъ; отсюда-то вытекала вражда родовъ между собою, которая замѣчается при началѣ русской исторіи [1]). Еще менѣе возможно было сильное внѣшнее единство. За предѣлами двухъ незначительныхъ патріархальныхъ союзовъ, на Руси не существовало дальнѣйшихъ, болѣе обширныхъ и крѣпкихъ, политическихъ организацій, даже не существовало простой связи между княженьями, если только исключить нѣкоторыя случайныя явленія и ихъ необходимыя слѣдствія, какъ напр. подчиненіе сѣверной Руси варягамъ, а южной — хозарамъ. За княженьями замѣчается одна только національная связь, основывавшаяся на общности языка, нравовъ и религіи.

На основаніи свѣдѣній, разсѣянно сообщенныхъ въ предшествующемъ изложеніи, можно составить себѣ окончательное представленіе о патріархальномъ бытѣ. Если съ одной стороны родовой бытъ представляетъ ту отличительную особенность, что при господствѣ его всѣ политическіе порядки облекаются въ формы семьи, при чемъ все равно, будутъ ли состоять эти по-

[1]) П. С. Р. Л., I, 8, 862: «Изъгнаша Варяги за море, и не даша имъ дани и почаша сами въ собѣ володѣти; и не бѣ въ нихъ правды, и въста родъ на родъ, быша въ нихъ усобицѣ, и воевати почаша сами на ся.

рядки въ простыхъ родовыхъ союзахъ, или же въ патріархальныхъ княженьяхъ; если, поэтому, при такомъ бытѣ понятія частнаго права и права общественнаго, понятія семьи и государства, строго не различаются, а постоянно смѣшиваются одно съ другимъ; если, съ другой, размѣръ родовыхъ учрежденій является, несмотря на то, все же значительнымъ; то, въ виду такой противоположности, совершенно естественно возникаетъ такой вопросъ о значеніи патріархальныхъ организацій: относятся ли послѣднія къ разряду государствъ, или же составляютъ принадлежность доисторическаго періода цивилизаціи человѣчества? Нельзя не сознаться, что существованіе нѣкоторыхъ политическихъ понятій при такомъ бытѣ неоспоримо. Если уже въ основаніи власти родоначальника и частнаго права на пользованіе или обладаніе поземельною собственностью лежитъ понятіе о высшей власти, служившей этимъ явленіямъ не только простымъ дополненіемъ, а дѣйствительнымъ, необходимымъ предположеніемъ [1]); то еще менѣе можно отрицать присутствіе той же высшей власти въ явленіяхъ общественнаго міра, изгойства (изверженія изъ среды общества), круговой поруки или замѣны кровной мести въ извѣстныхъ случаяхъ денежными пенями, вирами: всѣ эти явленія положительно переходятъ предѣлы простой семейной и общинной жизни и ясно свидѣтельствуютъ о государственности родовыхъ учрежденій. Общественная жизнь представляется не простымъ механическимъ сцѣпленіемъ индивидуумовъ или союзовъ; вездѣ присуще сознаніе объ органическомъ единствѣ, о подчиненіи личности обществу, объ общественномъ распредѣленіи и исполненіи общественныхъ дѣлъ. Только это органическое единство понималось не столько умственно, не столько въ опредѣленныхъ юридическихъ понятіяхъ, сколько миѳически и поэтически, въ образѣ, представляемомъ семейною жизнью. Поэтому совершенно естественно, что при такомъ бытѣ тѣ стороны государственной жизни, которыя не совпадаютъ съ представленіями о семьѣ, совсѣмъ не получаютъ надлежащаго развитія. Такъ, религія, самостоятельное существованіе которой столь же важно для нея самой, какъ и для государства, постоянно смѣшивается съ патріархальной цивилизаціей, съ политикой, законъ съ религіознымъ правиломъ, родона-

---

[1]) Краледвор. рук: «I umre-li glava celiedina,
Děti vsie tu zbožem v jedno vladu,
Vladyku si z roda vyberuce,
Ky pl'znie dlie v sniemy slavny chodi,
Chodi s k'nietmi, s lěchy, vladykami.»

чальникъ и князь являются вмѣстѣ съ тѣмъ и жрецами. Значеніе этого смѣшенія религіи съ политикой будетъ понятно, если только вспомнить, что народы, не успѣвшіе перешагнуть чрезъ эту ступень развитія, свойственную всѣмъ отраслямъ человѣчества, обыкновенно перестаютъ развиваться совсѣмъ: такова судьба Индіи. Такою же неясностью и спутанностью отличаются и отношенія личности къ государству. Нельзя сказать, чтобы общество не имѣло власти надъ отдѣльною личностью; напротивъ, личность какъ-бы исчезаетъ, стушевывается предъ родомъ, такъ что государство знаетъ одни только родовые союзы, а не отдѣльныя лица: но самые союзы, обладавшіе въ своей средѣ полнѣйшей автономіей и составлявшіе поэтому какъ бы государство въ государствѣ, были столь незначительнаго размѣра, что представляются какъ-бы отдѣльными личностями, не связанными никакими узами, а потому совершенно произвольными.

Такимъ образомъ смѣшеніе понятій семьи и государства достаточно опредѣляютъ рангъ патріархальныхъ организацій и ихъ значеніе въ древней жизни. Еще болѣе затрудненій возникаетъ отъ этого смѣшенія понятій относительно дальнѣйшаго развитія цивилизаціи. Если и нельзя сказать, что народъ не могъ сбросить съ себя родовыя формы и собственными средствами создать иное, высшее общежитіе: примѣръ противнаго замѣчается на Скандинавіи; тѣмъ не менѣе родовой бытъ, взятый въ его истинномъ характерѣ, не представлялъ, какъ политическая форма, зародышей къ дальнѣйшему развитію политической мысли. Развивающіяся потребности общества требовали расширенія государственныхъ предѣловъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и образованія сильной центральной власти: соединеніе же этихъ двухъ явленій при господствѣ родового быта было совершенно немыслимо, ибо въ этотъ періодъ исторіи расширеніе въ размѣрѣ государства сопровождалось пропорціональнымъ ослабленіемъ центральной власти. Тяжесть вопроса о причинахъ, вызвавшихъ паденіе родового быта, русская наука не рѣдко пыталась обойти тѣмъ соображеніемъ, что въ родовомъ строѣ лежатъ естественные зародыши распаденія, состоящіе въ дробленіи родовъ на вѣтви и въ отдаленіи этихъ вѣтвей другъ отъ друга [1]). При этомъ, однако, упускается изъ виду то обстоятельство, что простое существованіе разрушительныхъ элементовъ нисколько не ручается за прогрессъ въ обществѣ, за переходъ его въ иную форму общежитія: напротивъ, оно свидѣтельствуетъ скорѣе о томъ, что общество еще долго проживетъ въ старомъ строѣ: если отъ родовъ

[1]) Сочиненія Кавелина, I, 323—324; II, 36.

и отдѣляются особенныя вѣтви, то врядъ ли прямо можно утверждать, что эти отдѣлившіяся вѣтви съ теченіемъ времени сами не станутъ новыми родами, и на практикѣ онѣ всегда дѣйствительно становятся таковыми. Короче: каждая форма жизни падаетъ не вслѣдствіе какихъ-либо отрицательныхъ элементовъ, а напротивъ, подъ вліяніемъ зиждительныхъ; смѣняется только высшею и уступаетъ послѣдней мѣсто только вслѣдствіе ея превосходства, превосходства идеи новой жизни. Поэтому распаденіе родового быта должно обусловливаться какою-либо высшей идеею, совершиться при помощи какихъ-либо новыхъ механическихъ средствъ.

Опредѣленію идеи, сообщившей поступательный ходъ русской жизни, равно какъ и средствъ, которыми осуществлялась эта идея въ жизни, особенное вниманіе посвятилъ г. Чичеринъ. Принимая родъ за явленіе кровное, г. Чичеринъ естественно долженъ былъ думать, что патріархальная жизнь вообще разрѣшается или высшею государственною жизнью, или же свободною человѣческою личностью; что на Руси родовой бытъ распался подъ вліяніемъ идеи свободной личности и что механическимъ средствомъ для этого послужила дружина первыхъ князей Рюрикова дома, основывавшаяся на свободномъ договорѣ дружинниковъ [1]). Хотя мнѣніе г. Чичерина, равно какъ и вся его теорія, и не лишено своей широты, тѣмъ не менѣе справедливо только при предположеніи кровнаго рода, при отсутствіи въ послѣднемъ государственныхъ элементовъ, при полномъ поглощеніи имъ личности. Такое предположеніе однако несправедливо. Родъ не былъ явленіемъ естественнымъ, а фиктивнымъ, государствомъ; дальнѣйшія потребности общества состояли въ созданіи усиленной монархической власти; поэтому очевидно, что дружина и на Руси не могла имѣть на распаденіе родовыхъ началъ въ этомъ отношеніи никакого опредѣлительнаго вліянія, также, какъ она не имѣла его и въ Германіи. Ибо дружина собственно чужда всякой политической мысли и представляетъ явленіе частнаго права, почему и не можетъ служить орудіемъ къ усиленію монархической власти. Дружина принимаетъ обыкновенно тѣ политическія формы, среди которыхъ она живетъ и дѣйствуетъ: такъ, при господствѣ родового быта, она является съ патріархальнымъ отпечаткомъ. Въ самомъ дѣлѣ, связь предводителя съ членами дружины, выражавшаяся во взаимной вѣрности, совершенно соотвѣтствуетъ отношеніямъ родичей къ родоначальнику; въ жизни германской

---

[1]) Соловьевъ, Исторія Россіи, 1857, I, 240—241; Чичеринъ, Опыты по Исторіи Русскаго Права, 1858, 61—62.

дружины, комитата, встрѣчаются даже примѣры кровной мести, которою дружинники обязывались какъ за себя, такъ и за своихъ родственниковъ [1]). Если въ политическомъ смыслѣ дружина не можетъ объяснить происхожденія новой государственности на Западѣ, то еще меньшее значеніе присуще ея простому договорному характеру. Съ точки зрѣнія патріархальной теоріи, договорный характеръ дружины не составляетъ существенной противоположности родовымъ учрежденіямъ, такъ какъ и послѣднія основывались также на договорѣ: разница заключается только въ томъ, что въ дружинѣ договоръ составлялъ явленіе частнаго права, въ родовомъ союзѣ же — общественнаго (contrat social); въ дружинѣ былъ явленіемъ произвольнымъ и имѣвшимъ опредѣленную цѣль, въ родѣ же — необходимымъ и объемлющимъ всю жизнь.

Г. Чичеринъ указываетъ на возможность и другого выхода изъ родового быта, однако и здѣсь при проведеніи своей мысли впадаетъ въ нѣкоторую неестественность. Исходя изъ того положенія, что патріархальная община можетъ существовать только при постоянномъ пребываніи членовъ на своихъ мѣстахъ, при неподвижности созданныхъ вѣками отношеній, онъ естественно находитъ, что на Руси родовой бытъ долженъ былъ исчезнуть самъ собою, безъ всякаго посредства дружины, отъ безпрерывнаго кочеванія и обновленія народонаселенія, кочеванія, принимаемаго имъ, на основаніи позднѣйшихъ явленій, за фактъ въ древне-русской жизни [2]). Въ этой аргументаціи солнце какъ будто хочетъ взойти съ запада, историческій путь начаться съ конца, съ осѣдлости населенія, тогда какъ историческое развитіе обыкновенно и не несправедливо представляется въ формѣ перехода отъ кочевой жизни къ осѣдлой. Ибо въ принципѣ патріархальной жизни дѣйствительно лежало полнѣйшее броженіе, такъ какъ ни способъ обработки земли, ни отсутствіе въ строѣ жизни территоріальнаго или мѣстнаго начала не вызывали въ народонаселеніи осѣдлости. Поэтому, какъ уже раньше замѣчено, патріархальный бытъ и могъ послужить основаніемъ для такого явленія, каково великое переселеніе народовъ. Только кочеваніе въ этотъ періодъ совершалось не столько отдѣльными лицами, какъ это мы замѣчаемъ въ позднѣйшее время, сколько, сообразно съ характеромъ жизни, полной тревогъ, цѣлыми родами и племенами. Такимъ образомъ, не кочеваніе разрушило господство родового быта, а напротивъ, явленіе совершенно противоположное,

---

[1]) Sybel, Entstehung des deutschen Königthums, 1844, 150—151.

[2]) Чичеринъ, Опыты, 24—26.

именно усиленіе въ осѣдлости народонаселенія, вмѣстѣ съ которою являются въ жизни понятія частной поземельной собственности, мѣстной общины и вообще новый порядокъ вещей. Но если распаденіе родового быта и связывалось съ осѣдлостью народонаселенія, тѣмъ не менѣе это замѣчаніе не освобождаетъ насъ отъ опредѣленія тѣхъ механическихъ средствъ, съ помощью которыхъ совершился переходъ къ мѣстной общинѣ. Ясно, что на усиленіе осѣдлости не могли имѣть опредѣлительнаго вліянія ни дружина, которая сама только впослѣдствіи дѣлается осѣдлою, ни интенсивность въ обработкѣ земли, такъ какъ самое существованіе подобной интенсивности весьма сомнительно въ тотъ періодъ. Однако можно ограничиться пока этими отрицательными результатами, такъ какъ разъясненіе элемента, сообщившаго дальнѣйшее движеніе русской жизни, должно составить, вслѣдствіе крайней неразработанности предмета, не часть въ другомъ разсужденіи, а совершенно самостолтельное изслѣдованіе.

Въ заключеніе нашей характеристики родового быта, считаемъ не лишнимъ оріентировать ее въ кругѣ существующихъ въ русской наукѣ представленій о томъ же самомъ періодѣ цивилизаціи русскаго народа. Эти представленія распадаются, главнымъ образомъ, на два направленія, двѣ школы: объективную и субъективную. Первая изъ нихъ, главою которой остается г. Соловьевъ и которая нашла продолжателя въ г. Чичеринѣ, утверждаетъ, что въ древнѣйшее время на Руси господствовалъ естественный, кровный родъ, подобный тому, какой представляется намъ князьями Рюрикова дома, и въ этомъ утвержденіи доходитъ до парадоксальнаго положенія, отрицающаго въ древней Руси даже простое существованіе естественной семьи: семьи патріархальная жизнь не знаетъ, а знаетъ только родъ [1]). Несмотря на неоспоримыя заслуги этой школы: трезвость ея относительно взгляда на жизнь, стремленіе понять преемство историческихъ явленій и широту историческихъ воззрѣній, нельзя не сознаться однако, что она не осталась свободною отъ нѣкоторыхъ коренныхъ недостатковъ. Стремясь отыскать послѣдовательность въ развитіи историческихъ явленій, объективная школа, признаніемъ естественнаго или кровнаго рода за древнѣйшую форму общества, невольно низвела русскую жизнь въ ея зачаткахъ на степень доисторической или варварской жизни: русскій человѣкъ древнѣйшаго времени представляется этой школѣ даже не афганомъ, даже не монголомъ, а развѣ какимъ-либо пешере-

[1]) Соловьевъ, Исторія Россіи, 1859, I, 48—51.

гомъ. Поэтому субъективная школа, обязанная своимъ началомъ критическому уму К. Аксакова и имѣющая въ настоящее время талантливаго, хотя, въ смыслѣ школы, и непослѣдовательнаго представителя въ г. Костомаровѣ, на котораго поэтому и не могутъ быть строго распространяемы особенности субъективной школы, ударилась въ противоположную сторону и, въ свою очередь, пришла къ отрицанію существованія въ древней Руси, только уже не семьи, а рода: рода древне-русская жизнь не знала, ибо родомъ въ древности называлось не что иное, какъ семья. Слагаясь въ высшія единицы, семьи образовали общины, которыя отъ обыкновеннаго государства отличаются существенно тѣмъ, что представляютъ собою воплощеніе внутренней правды: демократическая община—вотъ характеристическій типъ древнерусскаго общественнаго строя [1]). Если оставить въ сторонѣ склонность субъективной школы историческія идеи смѣшивать повсюду съ субъективными, послѣдняя имѣетъ еще и тотъ коренной недостатокъ, совершенно противоположный недостатку школы объективной, что въ исторіи преслѣдуетъ въ сущности одно постоянство въ случайныхъ, повидимому, явленіяхъ, тѣ черты народной жизни, которыя всегда бываютъ присущими народу; послѣдовательность же, преемство, прогрессъ въ самыхъ сокровенныхъ тайникахъ общества считаетъ дѣломъ маловажнымъ: оттого отличительныя черты разныхъ періодовъ развитія русскаго народа въ этой школѣ являются совершенно блѣдными. Это непониманіе послѣдовательности въ движеніи исторической жизни не могло остаться безнаказаннымъ для субъективной школы: непониманіе привело послѣднюю, въ концѣ концовъ, къ полному отрицанію дальнѣйшихъ ступеней въ развитіи русскаго народа. Противоположныя утвержденія, въ которыя характеристично впали обѣ стороны, и объективная и субъективная, стремилась примирить и сгладить смѣшанная теорія гг. Кавелина и Тюрина. Къ сожалѣнію, избранный для этого путь привелъ не къ желанному примиренію и соглашенію, а только къ соединенію заблужденій первыхъ двухъ школъ въ третьей: ибо смѣшанная теорія, воспользовавшись совершенно внѣшнимъ средствомъ, рядомъ съ естественнымъ, кровнымъ родомъ, признаннымъ ею за низшую единицу общежитія, поставила, какъ высшее цѣлое, чисто политическую общину [2]). Но противорѣчія примиряются и побѣждаются не сопоставленіемъ ихъ рядомъ или другъ надъ другомъ,

---

[1]) Сочиненія Аксакова, I, 59—124, особ. 98.

[2]) Сочиненія Кавелина, I, 324—327; Тюринъ, Общественная жизнь и земскія отношенія въ древней Руси. Спб. 1850, стр. 8, 59—65.

а отысканіемъ новаго начала, способнаго все примирить, все сгладить. Такимъ всепримиряющимъ началомъ, способнымъ очистить патріархальную теорію отъ ея внутреннихъ противорѣчій и сдѣлать неоспоримымъ господство ея и въ древней Руси, представляется намъ мысль о фиктивномъ или политическомъ родѣ, мысль, говорящая, что съ одной стороны родъ не былъ явленіемъ естественнымъ, кровнымъ, а фиктивнымъ, съ другой же община была не-чисто политическою, т.-е. мѣстною, а родовою. Въ разницѣ между политическимъ и кровнымъ, естественнымъ родомъ и вытекающими отсюда слѣдствіями и заключается отличіе нашего мнѣнія отъ представленій объективной школы.

Не слѣдуетъ, однако, думать, что представленная нами характеристика родового быта на Руси вполнѣ исчерпываетъ предметъ, хотя бы въ одномъ его общемъ видѣ; напротивъ, она обнимаетъ только тѣ коренныя основанія жизни, которыя, въ едва измѣненной формѣ, встрѣчаются и у другихъ народовъ. Специфическія же особенности, которыми отличается собственно русская жизнь даже въ ея зачаткахъ, намѣренно опущены нами изъ виду и отложены до будущаго времени, когда представится возможность возвратиться къ тому же предмету при болѣе благопріятныхъ предзнаменованіяхъ, съ болѣе обширными задатками къ рѣшенію одного изъ труднѣйшихъ вопросовъ русской, какъ и всякой другой, исторіи, труднѣйшихъ, но не неразрѣшимыхъ, такъ какъ и въ этомъ отношеніи въ наукѣ открывается поучительная перспектива. Въ трудѣ предварительномъ, какъ настоящая статья, мы не могли вдаваться во всѣ подробности при разборѣ фактовъ, во всѣ пренія, которыя такъ обильно связаны съ каждымъ фактомъ и которыя, однако, для развиваемой нами точки зрѣнія не всегда имѣютъ существенный интересъ. Мы надѣемся, что приводимые нами факты, и безъ нашего содѣйствія, будутъ поняты въ томъ именно освѣщеніи, которое прилично имъ по положенію ихъ въ связи, въ системѣ: такое ожиданіе тѣмъ естественнѣе, что каждый фактъ вполнѣ понятенъ не иначе, какъ въ цѣлой системѣ. Самыя неточности, которыя легко могли вкрасться въ представленіе столь отдаленныхъ временъ и возможности которыхъ мы нисколько не думаемъ утаивать, какъ намъ кажется не мѣшаютъ той плодотворности, какую можетъ имѣть патріархальная теорія, въ указанной формѣ, для объясненія древнѣйшаго періода жизни человѣчества.

А. Никитскій.

ИЗЪ

АРАКЧЕЕВСКОЙ ПЕРЕПИСКИ.

1805—1833 г.

Послѣдніе годы царствованія императора Александра I, столь мало сходные съ началомъ этого же царствованія, представляютъ пока еще много неразъясненнаго. Будущій историкъ этого времени, безъ сомнѣнія, остановится особенно на такой личности, какъ графъ Алексѣй Андреевичъ Аракчеевъ. Издаваемая нами его переписка съ родственниками, друзьями и многочисленными кліентами, куда мы присоединили и дѣловыя письма, во многомъ дополняютъ тѣ отрывочныя свѣдѣнія, которыя ходятъ въ обществѣ не только о самой личности Аракчеева, но и о времени, которому онъ служитъ однимъ изъ главныхъ представителей, — а еще болѣе обрисовываютъ ярко нравы и отношенія лицъ той эпохи.

Письма принадлежатъ вообще къ числу болѣе рѣдкихъ и вмѣстѣ важнѣйшихъ историческихъ памятниковъ. Въ письмахъ не заботятся, какъ то бываетъ при составленіи мемуаровъ, о томъ, чтобы повліять на исторію своего времени, и вообще не разсчитываютъ на потомство; въ письмѣ, пишущій заботится только объ одномъ, чтобы выразить свои отношенія данной минуты къ лицу, которому пишется письмо, и во всякомъ случаѣ остается вѣрнымъ изобразителемъ тѣхъ общественныхъ понятій, которыя сложились въ извѣстномъ кругу, въ извѣстную эпоху. Для потомства, сохранившееся письмо является вообще, такъ сказать, контролированнымъ со стороны получателя; очень часто съ пись-

момъ мы имѣемъ вмѣстѣ и отвѣтъ на него, т.-е. голосъ другой стороны. Кромѣ того, письмо вводитъ насъ въ самую обыденную жизнь людей и знакомитъ иногда съ мельчайшими подробностями и скрытыми причинами весьма важныхъ историческихъ событій; письмо, безъ помощи творческой фантазіи беллетриста, пишетъ намъ настоящую повѣсть времени, романъ, гдѣ читатель на каждомъ шагу видитъ прошедшее окруженнымъ тѣми же живыми мелочами, которыми въ дѣйствительности окружена наша ежедневная жизнь.

Такого рода интересъ представляетъ до извѣстной степени и предлагаемая здѣсь переписка. Изъ 30, 40 лицъ, письма которыхъ къ Аракчееву достались намъ, составляется цѣлая атмосфера, которою жилъ и дышалъ Аракчеевъ; эти письма намъ объясняютъ, почему такія личности, какъ Аракчеевъ, имѣютъ свой raison d'être, и какъ они, несмотря на всю прирожденную имъ сильную волю и характеръ, должны сами слагаться, не сознавая того, по образу и подобію своего времени. Мы не скоро еще рѣшимъ, и едва ли когда рѣшимъ съ математическою точностью, насколько такъ-называемые историческіе герои несутъ на себѣ отвѣтственность за свои дѣянія, и насколько они въ свою очередь бываютъ сами дѣтьми своего времени. Нѣтъ ничего труднѣе, какъ опредѣлить границы между личностью и временемъ или обществомъ; очень трудно сказать: эта черта въ человѣкѣ принадлежитъ его времени, оно его сдѣлало такимъ, а эта черта, наоборотъ, принадлежитъ человѣку лично, и онъ даже этою чертою своего характера подѣйствовалъ на ходъ современной исторіи. Письма, разсматриваемыя какъ историческій источникъ, въ этомъ отношеніи оказываютъ величайшую заслугу, представляя намъ одновременно и характеръ героя, къ которому обращались его современники такъ, а не иначе, и характеръ времени, поддерживавшій въ лицѣ, интересующемъ насъ, извѣстныя убѣжденія и воззрѣнія.

Нѣтъ сомнѣнія, что издаваемыя нами письма представляютъ весьма различное относительное достоинство, но почти нѣтъ ни одного, въ которомъ не отразилась бы та или другая черта времени, и которая не дышала бы жизненною правдою. Мы обращаемъ особенное вниманіе читателей на письма къ Аракчееву барона Кампенгаузена, игравшаго весьма видную роль въ администраціи 20-хъ годовъ. Въ этихъ письмахъ авторъ сообщаетъ въ Грузино Аракчееву все, что̀ дѣлалось въ Петербургѣ въ его отсутствіе.

Пріобрѣтеніемъ этой переписки мы обязаны г. секретарю новгородскаго статистическаго комитета, Н. Г. Богословскому,

подъ надзоромъ котораго сняты были копіи съ оригинала [1]). При распредѣленіи матеріала мы держались слѣдующей системы. Мы отдѣлили переписку гр. Аракчеева съ родственниками и его же переписку съ духовными лицами, отъ переписки съ частными лицами и людьми, которые обращались къ нему по служебнымъ обязанностямъ. Въ расположеніи самыхъ писемъ мы слѣдовали хронологическому порядку, соединяя, впрочемъ, вмѣстѣ письма отъ одного и того же лица. Отдѣльно отъ переписки, мы помѣщаемъ въ концѣ, какъ матеріалы для біографіи Аракчеева, различные документы и любопытное дѣло о Волковѣ, находившееся между прочими его бумагами.

Издаваемое нынѣ собраніе писемъ обнимаетъ собою обширную эпоху отъ 1805 до 1833 года, т.-е. за годъ до смерти Аракчеева въ Грузинѣ (ум. 21 апрѣля, 1834 г.). Въ личной карьерѣ Аракчеева эта эпоха составляетъ все время его могущества отъ самаго начала и до полнаго паденія. Внезапно осыпанный всевозможными почестями при императорѣ Павлѣ I до графскаго титула включительно, въ послѣдніе мѣсяцы правленія импер. Павла Аракчеевъ также внезапно былъ отставленъ отъ службы, съ запрещеніемъ въѣзда въ столицу, и отданъ подъ судъ за растрату будто бы казенныхъ денегъ. Такимъ образомъ, при воцареніи Александра I, Аракчеева не было при дворѣ и онъ жилъ въ изгнаніи. Очень можетъ быть, что въ этомъ случайномъ обстоятельствѣ заключается первая причина новаго быстраго возвышенія для Аракчеева и того рѣшительнаго вліянія, которое пріобрѣлъ онъ на молодого императора и успѣлъ сохранить до конца. Аракчеевъ могъ объяснять или даже и самые факты говорили за него, что если бы онъ не былъ удаленъ, то многое не случилось бы совсѣмъ, или могло бы случиться иначе. Какъ бы то ни было, но не прошло двухъ лѣтъ царствованія Александра, какъ Аракчеевъ былъ снова призванъ на службу, и до 1808 г. состоялъ при императорѣ въ качествѣ инспектора артиллеріи. Въ 1808 г. Аракчеевъ выступаетъ въ первый разъ на государственное поприще, въ званіи военнаго министра. Безграничное довѣріе императора Александра къ Аракчееву началось по возвращеніи изъ Парижа, куда онъ сопутствовалъ государю, не принимая, впрочемъ, лично участія въ военныхъ дѣлахъ. Въ 1817 г. Аракчеевъ положилъ начало военнымъ поселеніямъ, которыя занимали его главнымъ образомъ до конца правленія Александра, что̀, впрочемъ, нисколько не ослабляло его преоб-

[1]) Въ копіи впрочемъ встрѣчаются иногда ошибки и неразобранныя слова; исправляя подобныя мѣста, мы отмѣчали ихъ курсивомъ.

Ярославской обл. библіотеки

ладающаго вліянія на ходъ внутренней политики правительства. Смерть Александра была и концомъ карьеры Аракчеева, хотя и при императорѣ Николаѣ Аракчеевъ продолжалъ числиться главнымъ начальникомъ военныхъ поселеній до 1832 г., когда онъ отправился за-границу для излеченія отъ болѣзни. По возвращеніи въ Россію онъ совсѣмъ оставилъ службу и воротился въ Грузино, но нé надолго: 21 апрѣля 1834 г. Аракчеевъ умеръ.

М. М.

I. Переписка Аракчеева съ родственниками и близкими.

1. *Матушкѣ Елисаветѣ Андреевнѣ Аракчеевой.*

27 марта, 1805 г.

При отправленіи брата Петра Андреевича имѣю отвѣчать самъ на ваше родительское приказаніе.

1. Господина Мышенькова я съ большой нуждою опредѣлилъ въ корпусъ, и болѣе прошу васъ въ корпусъ опредѣлять не присылать, ибо всегда въ корпусахъ очень много сверхъ-комплектныхъ, и ни подъ какимъ видомъ не принимаютъ.

2. Н——бурскаго полка унтеръ-офицера Михайлу Андреева перевесть нынѣ къ себѣ въ артиллерію не можно; ибо таковые переводы запрещены, въ чемъ и прошу извинить меня.

3. Письмо ваше родительское отъ 15 марта я сего числа получилъ, и узнавъ объ вашемъ здоровьѣ много порадовался, а объ себѣ доношу, что я нынѣ очень слабъ становлюсь, день бываю здоровъ, а три боленъ, видно Богу такъ угодно, да видно тысячи-то душъ не легко наживать. Вамъ нужно было назначить, что для брата Петра Андреевича къ свадьбѣ, чего я и ни думалъ, чтобы вы неизволи ли всего онаго знать, то не прогнѣвайтесь и на меня, я и болѣе въ ономъ не гораздъ, что же касается до моего вспоможенія, то, что я могъ, то далъ, о чемъ узнаете когда нибудь.

Въ разсужденіи моей поѣздки съ братомъ Петромъ Андреевичемъ, то я охотно бы оное выполнилъ, естлибы не проклятая служба, которую я проклинаю, что опять въ оную муку попалъ, но просилъ, особымъ письмомъ, по пріѣздѣ брата Петра Андреевича, а и нынѣ съ нимъ же отправилъ другое письмо къ Ивану Терентьевичу Сназину, чтобы онъ потрудился съѣздилъ съ нимъ, *онъ* кажется обѣщаетъ, а не знаю здержитъ ли, ибо по нынѣшнему свѣту надобно *вѣрить* всегда послѣ, а не прежде.

Какъ скоро братъ Петръ Андреевичъ пріѣхалъ въ Петербургъ, то я писалъ уже къ своей новой роднѣ, и получилъ отъ нихъ уже отвѣтъ, а нынѣ вновь послалъ съ братомъ письмо, также писалъ и къ Григорію

Никифоровичу Клеопину, но отъ него еще отвѣту не имѣю. Ситецъ къ вамъ доставляю, а водку прикажите купить въ Кашинѣ на мой счетъ, ибо теперь отправлять нельзя по оной дорогѣ. Поздравляю васъ дражайшая родительница съ наступающимъ великимъ праздникомъ и цалую заочно ваши ручки.

Гр. Аракчеевъ.

2. *Ивану Терентьевичу Сназину.*

10 мая, 1805 г.

Дружеское ваше письмо отъ 28 апрѣля вчерась получилъ, за которое, принося вамъ мою благодарность, спѣшу отвѣчать, я и самъ былъ о Петрѣ Андреевичѣ въ большомъ сумнѣніи, ибо онъ выѣхалъ отъ меня къ вамъ 23 марта, а писемъ не было до вчерашняго дня, а вчерась получилъ отъ него письмо отъ 26 апрѣля, гдѣ онъ пишетъ, что пріѣхавъ въ Москву и тамъ живетъ, вы можетъ быть и на меня сердились, что я къ вамъ не писалъ, но я отправляю съ нимъ письма, дожидаюсь отъ васъ на оное отвѣту, онъ пишетъ въ письмѣ, что сбирается ѣхать изъ Москвы къ матушкѣ, то естли онъ пріѣхалъ, то и письмо мое вы получили.

А васъ, милостивая государыня, покорно прошу приложенное письмо къ матушкѣ и къ нему отослать изъ Грузина съ нарочнымъ къ нему поскорѣе и меня увѣдомить. Оканчивая поздравленіемъ васъ любезнаго друга и все ваше семейство со вчерашнимъ праздникомъ, въ который конечно у васъ было много гостей, а объ себѣ скажу вамъ, что я все бываю нездоровъ и чрезвычайно скученъ, какъ по большимъ суетамъ, такъ и по моимъ несчастіямъ, ибо 2 мая у меня въ Грузинской вотчинѣ сгорѣло село изъ 60 дворовъ съ церковію, хлѣбнымъ магазиномъ и крестьянскимъ хлѣбомъ и по худой мѣрѣ убытку слишкомъ на 20 тысячъ рублей сереб., вотъ сумма изрядная, но что же дѣлать, братья мои обо мнѣ говорятъ всегда, что у меня денегъ не смѣтная сила, то надобно имъ и расходъ; впрочемъ, и проч.

3. *Матушкѣ Елисаветѣ Андреевнѣ Аракчеевой.*

10 мая, 1805 г.

Естли вы не получали отъ меня долго писемъ, то причиною оному братъ Петръ Андреевичъ, съ коимъ отправлены были къ вамъ письма, а онъ проѣхалъ въ Москву, удержа оныя, а притомъ и я только вчерась отъ него получилъ письмо и самъ очень сумнѣваюсь, не зная, гдѣ онъ находится, нынѣ изъ письма его я вижу, что онъ сбирался изъ Москвы къ вамъ, то пишу къ нему и къ вамъ.

Вопервыхъ поздравляю васъ, милостивая государыня матушка, и милостивую государыню бабушку Надежду Яковлевну со вчераш-

нимъ праздникомъ св. Николая Чудотворца, а во-вторыхъ увѣдомляю васъ, что я отъ васъ родительское письмо ваше отъ 3 марта получилъ, ложки серебряныя будутъ сдѣланы и къ вамъ доставлены скоро, но о ситцѣ прошу у васъ, ради самого Бога прощенія, что я образцикъ потерялъ, то сдѣлайте милость пришлите опять ко мнѣ поскорѣе, я въ скорости къ вамъ отправлю. Объ себѣ я хорошаго ничего сказать не могу, ибо нынѣ часъ отъ часу здоровьемъ становлюсь хуже, а притомъ и частыя несчастія безпокоятъ, и нынѣ 2 мая въ грузинской вотчинѣ сгорѣло село Оскуя все дотла 60 дворовъ, церковь, магазинъ съ хлѣбомъ и весь крестьянскій хлѣбъ, считая по худой мѣрѣ убытку слишкомъ 20 т. руб. сер., то вотъ, расходъ новый и хорошій, были бы только деньги, о прочемъ прося вашего родительскаго благословенія, пребуду на вѣки, и пр.

Петръ Константиновичъ слава Богу здоровъ и служитъ при мнѣ и въ домѣ у меня живетъ.

4. *Брату Андрею Андреевичу Аракчееву.*

15 апрѣля, 1806 г.

Не имѣя отъ васъ никакого извѣстія, я былъ внѣ себя и получа донесеніе отъ Миллера, что васъ нигдѣ не могутъ отыскать, не зналъ, что дѣлать, какъ наконецъ сего мѣсяца 10 числа получаю къ великой моей радости рапортъ вашъ и письмо изъ Кракова, отъ 8 марта, и увидя изъ онаго, что вы были очень не здоровы, хотя мнѣ и больно было, но однако благодарилъ Бога, что вы меня онымъ успокоили, и особливо нашу дражайшую матушку старушку, которую я обманывалъ, писавъ къ ней, что вы въ Кіевѣ, а получа нынѣ ваше письмо, я рѣшился къ вамъ послать нарочно курьера, во-первыхъ проведать объ васъ, во-вторыхъ посылаю къ вамъ сто пятьдесятъ червонцевъ, примите оные въ знакъ моего братскаго усердія, объ себѣ я вамъ братецъ донесу, что я слава Богу здоровъ и прошедшаго февраля 4 числа по власти Божіей женился на дѣвицѣ Натальи Ѳедоровны Хавестовой, которую и рекомендую вамъ въ родственную пріязнь, вы получите по пріѣздѣ въ Кіевъ наше письмо, куда я и жена моя къ вамъ писали прежде.

Теперь болѣе ничего нежелаю, какъ слышать о вашемъ здоровьи и пребуду на вѣкъ съ моимъ почтеніемъ.

Братъ Петръ Андреевичъ слава Богу и съ сожительницею своею здоровъ.

5. *Петру Ивановичу г. Корсакову.*

21 апрѣля, 1806 г.

Письмо ваше отъ 5 апрѣля получилъ, за которое приношу мою благодарность и поздравляемъ васъ, какъ я, такъ и жена моя, съ прошед-

шимъ праздникомъ Воскресенія Христова, и также письма присланныя вами всѣ отосланы вѣрно. Я столь много увѣренъ въ вашей ко мнѣ дружбѣ, что всегда съ большимъ удовольствіемъ читаю ваши письма, а потому и графиня моя, любя меня, кажется должна видѣть, сколь много вы желаете ей благополучія, ибо любовь и дружба ея есть единое мое исканное въ ней благополучіе, чего я ежедневно прошу отъ Всевышняго, а безъ онаго, по чувствительному моему характеру, я не могу быть здоровъ и счастливъ, теперь скажу вамъ о себѣ, что сбираюсь проситься у Государя въ отпускъ, не знаю получу ли желаемое, а естли получу, то конечно любезной мой другъ Петръ Андреевичъ посѣтитъ меня въ Грузинѣ. Свидѣтельствую мое почтеніе Андрею Петровичу и увѣдомляю васъ о дѣтяхъ вашихъ, что они славу Богу здоровы всѣ.

6. *Матушкѣ Елисаветѣ Андреевнѣ Аракчеевой.*

24 апрѣля, 1806 г.

Приносимъ мы оба съ женою нашу сыновнюю благодарность за поздравленіе ваше съ праздникомъ, но пріятнѣе того, мы видѣли, сколь много вы дражайшая родительница объ насъ помните, моя сыновняя благодарность вамъ извѣстна, но преданность жены моей столь къ вамъ велика, что можете съ нею съ моею сравнить; она, любя меня, почитаетъ и любитъ васъ со мною равно. О себѣ увѣдомляю васъ, дражайшая родительница, что мы съ женою слава Богу здоровы, и хотя я по извѣстному вамъ растроенному моему здоровью и часто бываю нездоровъ, но жена, любя меня, ласками своими заставляетъ забывать свою болѣзнь. Мы оба дожидаемъ нетерпеливо маія; дабы, естли возможно будетъ только по службѣ отпроситься въ отпускъ и быть къ вамъ, чего нетерпеливо желаетъ преданная вамъ душа моя. Братъ Андрей слава Богу здоровъ, и вы объ немъ неимѣйте никакого сумнѣнія, а полагайтесь на меня. Братъ Петръ Андреевичъ и съ Натальей Ивановной слава Богу здоровы, а я въ данной брату Петру Андреевичу бумагѣ прилагаю у сего вамъ копію.

7. *Брату Андрею Андреевичу Аракчееву.*

3 октября, 1806 г.

Письмо ваше отъ 23 сентября я получилъ, за которое приношу вамъ мою благодарность и объ себѣ увѣдомляю васъ, опять чрезъ курьера же, что я слава Богу здоровъ, но дѣла столь много, что ночью не имѣю покоя. Съ симъ курьеромъ вы получаете уже предписаніе, что полкъ вашъ по существу своему кончился и назначенъ уже по девизіямъ; всѣ что я могу его продержать въ Кіевѣ, то до февраля будущаго года, и то естли войска наши идущіе за границу будутъ счастливѣе прошлогодняго, а васъ прошу ради самого Бога, ранжируйте дѣла такъ, чтобы

вмѣстѣ съ покупкою строевыхъ артиллерійскихъ лошадей въ полкъ, были ужъ у васъ подъемные лошади, этого веть въ оправданіе не примутъ, что лошадей не на что купить, а лучше быть совсѣмъ нищимъ, нежели подпасть подъ судъ, а роты на вѣсну пойдутъ и всѣ въ походъ, а не только нѣкоторые.

О награжденіи вашемъ за прошедшій походъ, какъ я могу васъ представлять, оное не зависитъ отъ меня, а надобно искать у г. Кутузова, который теперь же у васъ будетъ губернаторомъ. Вы меня стращаете, что не на что подъемныхъ лошадей купить, всмомните что вы не одни, и всѣ они покупаютъ и гдѣ уже хочешъ доставай. Еще прошу васъ взять дѣйствительнѣйшія мѣры, чтобы посланные ваши офицеры поспѣшнѣе покупали лошадей строевыхъ, ибо теперь за оное будетъ бѣда. Впрочемъ жена моя благодаритъ, васъ, любезнаго брата за приписаніе и свидѣтельствую я съ нею вамъ родственное почитаніе и проч.

8. *Матушкѣ Елисаветѣ Андреевнѣ Аракчеевой.*

2 декабря, 1807 г.

Родительское ваше письмо, отъ 15 ноября, отправленное чрезъ Аграфену Ивановну, я получилъ, и порадовался, что вы отъ братца получили письмо и тѣмъ успокоились. О церкви будетъ сдѣлано распоряженіе; не извольте сомнѣваться, я и самъ не думалъ, чтобы было столько хлопотъ.

Съ Аграфеной Ивановной увижусь и естли что могу, то охотно по приказанію вашему здѣлаю, но у ней слава Богу братецъ не менѣе меня въ чинѣ и знати, то можетъ сдѣлать и безъ меня.

Съ рекрутами нынѣ великая бѣда, но что дѣлать и вамъ безпокоиться нечего, а отдать уже должно. Но позвольте васъ просить, чтобы Никиты [1]) моего брата отдать въ солдаты грѣшно; ибо Никита мнѣ служитъ хорошо только онъ одинъ, ибо прочіе ваши люди, Антонушка и даже Степанъ служатъ дурно, мнѣ не вѣрны и всегда обманываютъ, а Степка совсѣмъ избаловался. Благодарю матушка за присылку платья вашего, оно будетъ сшито и къ вамъ доставлено, равномѣрно цѣлую вашу ручку и благодарю за холстинку, которая чрезвычайно хороша и этакой въ Петербургѣ нѣту, но только кормилицѣ одного кусочка мало, некуда повернуть, а сдѣлайте одолженіе пришлите другой, да у бабушки по просите третій, тогда и будетъ троица.

Ванька живетъ у портнаго и слава Богу здоровъ, а шалить не перестаетъ.

О Луцевининомъ дѣлѣ позабылъ и записку потерялъ, также и о салдатѣ, то прошу извинить и прислать другіе записки, то я вѣрно увѣдомлю.

---

[1]) Это тотъ Никита, который былъ дворецкимъ и умеръ отъ розогъ. Пр. Н. Б.

Требуемыя вещи всѣ при семъ посылаю, прошу и впредь приказывать. Проздравляю васъ дражайшая родительница и милостивую государыню бабушку съ наступающимъ праздникомъ Николая Чудотворца, желаю вамъ весело проводить.

Прошу объявить всѣмъ сосѣдямъ мое почтеніе и пребуду прося вашего родительскаго благословенія.

9. *Ей же.*

23 декабря, 1807 г.

Письмо ваше родительское отъ 6-го декабря мною чрезъ крестьянъ вашихъ получено, равномѣрно и присланный отъ васъ пухъ, за который цѣлую ваши ручки и покорно васъ благодарю, а деньги 55 р. посланы съ Аграфеной Ивановной въ письмахъ. Сожалѣю сердечно о болѣзни вашей; но она происходитъ отъ вашего объ насъ безпокойства, то и просилъ бы я васъ, дражайшая родительница, себя отъ онаго воздержать, ибо подумайте объ ономъ, что мы всѣ трое слава Богу не маленькіе и любаго изъ насъ можно женить, то и должно объ себѣ всякому самому думать, и дѣла свои обстоятельнѣе дѣлать, а на другихъ не надѣется, ибо мои товарищи, которые получили болѣе моего отъ Государя теперь всѣ въ долгу, но я слава Богу онаго не имѣю, но зато надо мною смѣются и называютъ меня скупымъ, и первый братъ Петръ Андреевичъ такъ онымъ именемъ меня величаетъ, но я все переношу; ибо знаю, какъ тяжело доставать деньги въ долгъ. Я надѣюсь, что братецъ Петръ Андреевичъ у васъ уже теперь, почему и радуюсь его удовольствію и желаю ему хотя за насъ наслаждается съ вами бесѣдою.

Лекарства къ вамъ Богданъ Ивановичъ посылаетъ съ Аграфеной Ивановной, но естли не возмете матушка спокойныхъ мыслей, то и лѣкарство не поможетъ.

О церкви я сдѣлаю, но теперь остановилась за справкою, которая послана къ вамъ и оную дожидаютъ.

Братецъ Андрей Андреевичъ слава Богу здоровъ и я отъ него часто получаю письма, но ко мнѣ о своемъ поступкѣ ничего не пишетъ, да кажется не для чего быть.

Оканчиваю тѣмъ, что поздравляю васъ, милостивая государыня, матушка съ наступающимъ и прошедшимъ праздникомъ и свидѣтельствую почтеніе.

10. *Ей же.*

24 декабря, 1807 г.

Вчерась я къ вамъ писалъ съ крестьянами обо всемъ, а нынѣ болѣе ничего не имѣю писать, какъ посылаю съ Аграѳеной Ивановной. Во-первыхъ за пухъ 55 р. денегъ, а во-вторыхъ сшитое для васъ платье одно изъ ситцу, другое изъ атласу, а третье кисейная новая юбка, прошу

увѣдомить, какъ оно вамъ покажется, а я здѣсь казалъ многимъ и мнѣ хвалили, желаю чтобы оное вамъ понравилось и чаще бы оное носили и меня вспоминали. Благодаря еще разъ за присылку пуху и прося вашего родительскаго благословенія, и проч.

Сосѣдъ вашъ.... писалъ ко мнѣ и просилъ дабы я его опредѣлилъ къ должности, я къ нему отвѣчалъ, что онаго я сдѣлать не могу, у Аграфены Ивановны два раза пріѣзжалъ, но ее дома не заставалъ.

11. *Матушкѣ Елисаветѣ Андреевнѣ Аракчеевой.*

10 ноября, 1808 года.

Получивъ ваше письмо отъ 21 октября, очень мнѣ грустно было о приключившейся болѣзни бабушки Надежды Яковлевны, но не надобно Бога гнѣвить, ибо она по милости его довольно пользовалась въ здѣшней жизни здоровьемъ, но конецъ всякому отъ Бога предопредѣленъ, то и прошу васъ, дражайшая родительница, ради Бога и для дѣтей вашихъ себя поберечь, что Богу будетъ пріятно, если вы будете свое здоровье беречь для насъ, ибо мы не имѣя отца, то должны потерять и мать и тогда останемся сущими сиротами. Я не получаю отъ васъ долго письма и не знаю состоянія здоровья бабушки, а больше всего о вашемъ, посылаю къ вамъ нарочно курьера, съ коимъ прошу меня обо всемъ увѣдомить. Братцы слава Богу оба здоровы и ваше письмо къ брату Андрею Андреевичу послалъ.

Иванъ Терентьевичъ вступилъ въ службу и теперь носитъ золотомъ шитой мундиръ.

Здѣсь сахаръ дорогъ, а у васъ можетъ быть совсѣмъ нельзя купить, то я посылаю пудъ сахару, болѣе послать было нельзя,—а пришлю отправляя поварову жену, ибо у насъ еще совсѣмъ снѣгу нѣтъ и осень стоитъ по сіе время. Желаю скорѣе знать о вашемъ здоровьѣ, и прося вашего родительскаго благословенія, пребуду на вѣки вамъ вѣрный сынъ и покорный слуга. А равно при семъ и къ вамъ матушка у сего прилагаю полученное сейчасъ отъ брата Андрея Андреевича письмо, — вотъ вы совсѣмъ успокоены, поберегите себя ради Бога.

12. *Брату Петру Андреевичу.*

20 января, 1810 года.

Во все время труднѣйшаго въ моей жизни періода по управленію военнаго министерства вы, любезный братъ и другъ, дѣлали мнѣ большое облегченіе въ ономъ.

Всѣмъ извѣстно, что вы принимали всѣ излишніе труды единственно по обязанности нашего родства и тѣмъ самымъ доставляли мнѣ способъ къ легчайшему исполненію воли нашего государя. Еслибъ не соединяло насъ столь близкое родство, то я бы вѣчно совѣстился предъ вами, бра-

тецъ, что не буду никогда въ силахъ вамъ выразить за все оное мою благодарность, которая однакоже будетъ вамъ чистосердечна и вѣчна.

Простите мнѣ любезный братъ, что я прилагаю вамъ три тысячи рублей на уплату вашихъ долговъ, которые мнѣ извѣстны, не откажите принять оныхъ, и тѣмъ докажите мнѣ, что все, что вы дѣлали для меня, было основано на родственной нашей связи и братской дружбѣ.

Остаюсь на вѣки съ братскою искренностію вашъ вѣрный братъ и покорный слуга.

13. *Матушкѣ Елисаветѣ Андреевнѣ.*

13 іюня, 1810 года.

Родительское ваше письмо отъ 26 мая, я по пріѣздѣ моемъ вчерась изъ Грузина получилъ, за которое приношу вамъ, матушка, благодарность и увѣдомляю васъ о себѣ, что я слава Богу вашими родительскими молитвами здоровъ. Братецъ Андрей Андреевичъ уже уѣхалъ, и, конечно давно уже у васъ. Отъ брата Петра Андреевича получилъ я уже письмо изъ Черкаска, которое вамъ въ оригиналѣ посылаю, дабы васъ успокоить, ибо я ничего болѣе не желаю, только чтобъ вы были здоровы и спокойны.

Платонъ Калиновичъ естли непоправится и не перестанетъ васъ огорчать, то ему нескладно будетъ со мною раздѣлаться, о чемъ бы я ему совѣтовалъ хорошенько подумать.

Теперь дражайшая родительница, я увѣдомляю васъ о полученной мною отъ государя императора милости, онъ изволилъ на обратномъ пути изъ Твери въ Чудово, поворотить и переправясь чрезъ разливъ версты три водою, пріѣхалъ ко мнѣ ввечеру въ Духовъ день въ Грузино, гдѣ изволилъ ночевать, а на другой день все утро гулялъ въ саду и по деревнямъ ѣздилъ, изволилъ откушать и послѣ полудней часу въ 7-мъ изволилъ отправиться въ Петербургъ.

Государь былъ чрезмѣрно веселъ и все и вездѣ ему чрезмѣрно понравилось, эта милость есть важная, что государь посѣщаетъ нарочно своего подданнаго.

Петру Константиновичу ваше приписаніе объявилъ, г-да кадеты Тамановскіе ко мнѣ ходятъ и я ихъ всегда ласкаю. Впрочемъ болѣе ничего не желаю и не прошу, какъ чаще меня приказать увѣдомлять о своемъ здоровьи, а я прося вашего родительскаго благословенія пребуду на вѣки и прочее.

14. *Брату Петру Андреевичу.*

3 іюля, 1810 года.

Отправя къ вамъ, любезный братецъ, прошедшаго мѣсяца 14 числа письмо, я въ оной же день отправился въ мое Грузино, гдѣ и пробылъ

до вчерашняго дня имѣя причину тамъ покойно жить по случаю пріѣзда ея высочества великой княгини Екатерины Павловны, которая изволила 28 числа іюня прибыть въ Грузино въ 4 часа по полудни и пробыла до 12-ти часовъ ночи и изволила кушать въ моемъ домѣ и вездѣ гуляла и отмѣнно всѣмъ была довольна.

Пріѣхавъ и найдя ваше, братецъ, письмо отъ 29 мая, я очень обрадовался, что вы доѣхали благополучно, теперь буду Бога просить дабы онъ даровалъ вамъ облегченіе въ болѣзни дѣйствіемъ водъ сихъ. О себѣ вамъ батюшка, братецъ, скажу, что я слава Богу здоровъ и спокоенъ нынѣ и живу болѣе въ Грузинѣ. Прошу васъ дружески писать ко мнѣ, когда будете имѣть надобность въ деньгахъ, полно вамъ со мною церемониться. Отъ матушки давно не получаю писемъ, что бы это значило? можетъ быть она теперь занята пріѣздомъ брата Андрея Андреевича. На сей же почтѣ я писалъ къ Г. Е. Платонову и Мартынову и благодарилъ ихъ обоихъ за неоставленіе васъ.

15. *Матушкѣ Елисаветѣ Андреевнѣ.*

18 іюля, 1810 года.

Я получилъ ваше родительское письмо отъ 25 іюня и 4 іюля, за которое и приношу мою сыновнюю благодарность, все ваше приказаніе я свято всегда стараюсь исполнять, но быть мнѣ къ вамъ, дражайшая родительница, прежде зимы никакъ нельзя, а зимою непременно постараюсь волю вашу и собственное желаніе выполнить.

А теперь увѣдомляю васъ, дражайшая родительница, что я слава Богу здоровъ и прошу васъ помолиться угоднику божію Нилу Столбенскому да не всякому слуху вѣрить, ибо государю на меня гнѣваться не зачто, я ему служилъ вѣрно лучше всѣхъ, да можетъ быть когда-нибудь и еще занадоблюсь, а отъ него ничего себѣ не прошу и не желаю. При семъ прилагаю вамъ матушка копію съ письма брата Петра Андреевича, которое я вчерась получилъ, а ваше письмо къ нему отправилъ, прося вашего родительскаго благословенія пребуду.

16. *Г. Сназину.*

Отдавъ третьяго дня письмо мое г. Касторскому, которому я писалъ къ вамъ, любезному другу Ивану Терентьевичу, въ отвѣтъ на письмо ваше отъ 2 и 7 іюля, получаю сего числа письмо ваше отъ 5 іюля, которое лежало видно въ цензурѣ, то я вамъ бы и совѣтовалъ писать вѣрнѣе, и не дѣлать никакихъ ошибокъ въ вашихъ письмахъ, сказавъ сіе вамъ слегка, обращаюсь теперь къ отвѣту вамъ на сіе письмо, во-первыхъ: я слышалъ, по пріѣздѣ изъ деревни, что о замѣшательствѣ своихъ крестьянъ вы писали къ постороннимъ людямъ, то я онымъ былъ огорченъ,

что вы по сіе время во мнѣ не увѣрены и не препоручаете своихъ серьезныхъ дѣлъ, то сіе уже кажется служить можетъ вамъ доказательствомъ, что я отнюдь не спускаю вашимъ письмамъ прошу себя и повѣрить, на которое письмо я вамъ не отвѣчалъ, а если вамъ кажется мои отвѣты коротки, то я обращаюсь опять къ цензурѣ, которая конечно въ длинномъ письмѣ найти можетъ болѣе ошибки, нежели въ короткомъ; во вторыхъ Анна Петровна ваша всѣ письма ваши получаетъ исправно и въ доказательство оному прилагаю копію съ ее ко мнѣ писемъ. Въ третьихъ теперь, кажется, я оправдавшись предъ вами, скажу вамъ, что я сего же числа писалъ къ тверскому губернатору письмо съ коего и копію у сего прилагаю, и что онъ будетъ ко мнѣ писать, то немедленно васъ увѣдомлю. О Климѣ я къ вамъ писалъ, что онъ денегъ еще не отдаетъ, ибо его и барки еще въ Петербургѣ не пришли, и Иванъ Антоновичъ сказалъ мнѣ, что прежде сентября я отъ него денегъ не получу, то что мнѣ дѣлать, прошу меня увѣдомить.

17. *Тверскому гражданскому губернатору Александру Андреевичу ——ову.*

(Письмо, приложенное къ предыдущему).

Родственникъ мой и вамъ знакомый Тверской губерніи помѣщикъ, Иванъ Терентьевичъ Сназинъ пишетъ ко мнѣ, изъ Молдавіи отъ 5 іюля, что онъ получилъ свѣдѣніе изъ деревни, что половина крестьянъ въ его деревнѣ, а можетъ быть и всѣ взбунтовались, сдѣлавъ растройство въ хозяйствѣ, хотя о семъ и не имѣю я свѣдѣнія отъ жены его, находящейся въ ближайшей деревнѣ отъ сихъ деревень, но входя въ разстроенное положеніе, описываемое Иваномъ Терентьевичемъ, я покорно прошу васъ, милостивый государь, по знакомству со мною сдѣлать мнѣ особенное одолженіе приказать обо всемъ узнать обстоятельнѣе и въ нужномъ случаѣ усмирить крестьянъ, о чемъ и извѣстите меня для увѣдомленія г. Сназина, какъ равно и о томъ, не нужно ли мнѣ будетъ по дѣлу сему просить г. генералъ-губернатора его высочества принца.

18. *Авдотьѣ Ивановнѣ Корсаковой.*

Письмо ваше отъ 4 іюля я получилъ и я недоволенъ вами, что вы безпокоите своими пустыми просьбами мою матушку, вы бы могли сами ко мнѣ написать, и я бы вамъ написалъ. Меньшаго вашего сына я опредѣлилъ въ артиллерію, а большему сыну офицерскаго чину дать невозможно, ибо онъ совершеннѣйшій лентяй и болѣзнь свою самъ нарочно приписываетъ, онъ могъ бы служить и очень хорошо, а видно хочетъ быть въ деревни пастухомъ, то можетъ быть въ ономъ званіи и безъ офицерскаго чина и впредь болѣе объ немъ ни меня, ни матушку прошу не безпокоить, а надобно знать вамъ честь, я и такъ вамъ много сдѣлалъ.

19. *Аннѣ Терентьевнѣ Сназиной.*

Письмо ваше отъ 26 іюля получилъ и приложенное отъ васъ къ Ивану Терентьевичу отправилъ сего же числа, и онъ слава Богу находится въ добромъ здравіи, но только очень безпокоится чрезъ ваши письма, которыя кажется чрезмѣрно увеличиваете, что видно и изъ вашего ко мнѣ письма, я услышалъ здѣсь, будто крестьяне Ивана Терентьевича находятся въ непослушаніи, я въ тоже время писалъ объ оном къ тверскому губернатору, отъ коего получилъ отвѣтъ и съ онаго посылаю вамъ копію и не хвалю васъ очень, что вы о крестьянахъ писали Ивану Терентьевичу, вамъ бы прежде писать объ этомъ мнѣ, а его бы своими письмами не безпокоить, а еще болѣе удивляюсь вамъ, что вы не за свое дѣло взялись управлять деревнями, ибо это совсѣмъ не женское дѣло, а лучше бы вамъ тогда же при отъѣздѣ Ивана Терентьевича отъ всего отказаться, а ему препоручить деревни какому-нибудь сосѣду или своему крестьянину, ибо дамамъ довольно дѣла: грибы вялить и ягоды варить.

Принца мнѣ безпокоить не о чемъ, ибо еще и губернаторъ не знаетъ, а я ваше письмо отослалъ къ губернатору, то онъ и пришлетъ кого-нибудь навѣрно посмотрѣть за крестьянами. Прошу васъ писать ко мнѣ, если что будетъ далѣе происходить, а Ивана Терентьевича не безпокоить.

20. *Г. Сназину.*

16 сентября.

Не получая отъ васъ, любезнаго друга, письма, я очень оному огорчился, и пріѣхавъ въ село 14 сентября изъ Грузина къ душевному моему удовольствію получилъ ваше письмо съ г. Апраксинымъ и узналъ, что вы вышли изъ дѣла жаркаго слава Богу цѣлы, о чемъ оному радовался и благодарилъ Бога, во 1-хъ что остались цѣлы, а во 2-хъ и за то, что теперь вамъ не стыдно нигдѣ показаться, вы сдѣлали то, что должно было сдѣлать русскому, который облагодѣтельствованъ своимъ отечествомъ. Вы теперь должны беречь свое здоровье и думать о своихъ домашнихъ, не думая ни о какихъ наградахъ, ибо лучшая награда есть спокойствіе въ своей совѣсти. О безпорядкахъ вашихъ въ деревнѣ, я болѣе ни отъ кого не слыхалъ, какъ отъ вашей сестрицы, то я писалъ теперь письма къ принцу и просилъ его приказать, дабы за крестьянами вашими онъ приказалъ посмотрѣть и не давать имъ вольничать, и что онъ будетъ мнѣ отвѣчать, я не премину вамъ прислать копію. Вчерашній день здѣсь было большое торжество по случаю праздника и по случаю побѣдъ вашихъ и 250 знаменъ сдѣлали наиважнѣйшій праздникъ. О себѣ скажу вамъ, что я слава Богу здоровъ и 19 сентября ѣду опять въ Грузино, гдѣ пробывъ двѣ недѣли, уже совсѣмъ пріѣду въ Петер-

бургъ. Я нынѣшнимъ лѣтомъ очень доволенъ, жилъ спокойно и много пробылъ въ своемъ Грузинѣ. Обнимая васъ любезнѣйшаго друга, желаю скорѣе получить ваше письмо. Прилагаемыя письма прошу отдать.

21. *Петру Карловичу Эссену.*

(Письмо, приложенное къ предыдущему).

Дружеское ваше письмо отъ 25 августа я имѣлъ удовольствіе получить, за которое и приношу вамъ мою благодарность. Мнѣ очень было пріятно читать письмо ваше о успѣхахъ Ивана Терентьевича [1]), чего я всегда желалъ нетерпѣливо слышать, и теперь благодаря Бога какъ за его спасеніе, такъ и за то, что онъ имѣлъ случай показать себя готовымъ на службу государю своему и отечеству. Но мнѣ опять очень прискорбно, что онъ такъ несчастливъ, что не хотятъ его помѣстить въ реляціяхъ, но видно такъ судьбѣ угодно, то и прошу ваше превосходительство сдѣлать мнѣ большое одолженіе поберечь его больнаго, и утѣшить его тѣмъ, что онъ видя къ себѣ нехорошее расположеніе фортуны, не готовился бы получить великія награжденія, а былъ бы доволенъ и спокоенъ въ душѣ своей исполненіемъ въ точности своей обязанности; я всегда увѣренъ былъ въ вашемъ превосходительствѣ, что вы старыхъ своихъ друзей не забудете и теперь еще болѣе безпрестанно пользуюсь вашимъ дружествомъ,—и проч.

22. *Брату Петру Андреевичу.*

5 октября.

Съ прошествіемъ лѣта я прощался и съ своимъ Грузиномъ, отчего тамъ нѣсколько и зажился, а пріѣхалъ сюда уже совсѣмъ 2 октября и нашолъ и родственное ваше братецъ письмо отъ 17 сентября изъ Москвы. О чемъ оному порадовался, что вы уже находитесь ближе къ намъ, а тѣмъ болѣе, что вы намѣрены ѣхать къ матушкѣ и ее утѣшить и тамъ взять себѣ подолѣе покой, я бы думалъ до новаго года, ибо здѣсь тебѣ, братецъ, дѣлать совершенно нечего, а лучше въ оное время посмотрѣть за своими деревнями; а зимой можетъ быть мы съ вами увидимся. Вотъ любезный другъ мой, мысли кажется хороши, но здѣсь нынѣ очень дорого и вы будете проживаться совершенно напрасно. О г. Либяртовскомъ я не удивляюсь, ибо сей сортъ людей всегда бываетъ таковъ, и вы сдѣлали очень хорошо, что его отправили самого. Благодарю за увѣдомленіе о братѣ Андреѣ Андреевичѣ, ибо здѣсь никто не зналъ, гдѣ онъ находится, и я думаю, что будетъ на него командиръ очень сердиться, ибо онъ ѣдетъ къ своему мѣсту цѣлый уже годъ и я слышалъ, что Миллеръ писалъ къ нему строгое повѣленіе, да и надобно еще ему опа-

[1]) Сназина.

саться, чтобъ его не отставили отъ службы. Милостивую государыню сестрицу благодарю за приписаніе, и желаю добраго и совершеннаго здоровья.

23. *Николаю Васильевичу Аракчееву.*

12 сентября [1]).

Бывъ у Ивана Терентьевича Сназина въ домѣ, нечаянно увидѣлъ прилагаемое ваше письмо къ Дмитрію Павловичу, на котораго вы сердиться не должны, ибо онъ мнѣ оное письмо никакъ не хотѣлъ давать и даже съ сердцемъ требовалъ его обратно, но какъ я его старѣе и лѣтами и чиномъ, то и долженъ былъ мнѣ уступить и я еще повторяю вамъ, что онъ совсѣмъ въ ономъ не виноватъ. Изъ онаго письма я увидѣлъ желаніе ваше узнать чрезъ Варвару Петровну о моемъ мнѣніи о васъ, то напрасно вы дѣлаете только затрудненіевъ людямъ о томъ, что вы могли бы узнать и прямо отъ меня. Мнѣніе мое о васъ было всегда одинаково, точно такое какъ собственное ваше письмо васъ представляетъ и я въ прошедшее лѣто не хотѣлъ сдѣлать непріятности вашему генералу, а какъ нынѣ генералъ вашъ вышелъ въ отставку, и вы должны будете явиться въ Петербургъ, то уже никакъ не желаю имѣть шалуна и пьяницу моей фамиліи въ Петербургѣ, почему и совѣтую вамъ, или быть въ арміи, гдѣ хотя также не хорошо быть нехорошимъ, но что дѣлать, это еще сносно, ибо за глазами столицы, или еще того лучше, оставить вамъ совсѣмъ службу и удалиться въ деревню и дать время пройтить лѣтамъ, въ кои бываютъ шалунами молодые люди. Вотъ братецъ вамъ мой совѣтъ, отъ котораго я не откажусь, и здѣсь вамъ въ Петербургѣ жить не соглашусь, да и пророчествую, что естли вы не оставите службы, то будете несчастливы, не забудте онаго письма, оно пригодится вамъ впередъ.

24. *Николаю Васильевичу Аракчееву.*

Письмо ваше отъ 5 октября изъ Кіева, я получилъ, но вы оное писали мнѣ прежде полученія моего письма отъ 12 октября, которое надѣюсь, вы теперь получили; то послѣ онаго вамъ мнѣ кажется и нѣтъ надобности объяснять, что вы желаете невозможнаго и я вамъ въ ономъ отказываю, да мнѣ даже мудрено кажется, какъ вамъ сіе и въ голову могло придти. Я пребуду къ вамъ съ почтеніемъ тогда, когда вы исправите свое поведеніе, которое теперь маретъ всю нашу фамилію.

---

[1]) Такъ въ нашей копіи; въ слѣдующемъ письмѣ.

25. *Письмо Николая Аракчеева*[1]) *къ графу А. А. Аракчееву.*

Спб. 8-го Іюля 1832 г.

Ваше Сіятельство!
Милостивый государь и благодѣтель!
Графъ Алексѣй Андреевичъ!

День угодника Божія Сергія Радонежскаго Чудотворца будетъ днемъ моего счастія и благоденствія моей жизни. Я въ сей день имѣлъ счастіе получить письмо ваше—оно оживило душу мою, которая привыкла уже къ страданію; благотворная рука ваша подала мнѣ способъ къ дневному пропитанію; сострадательно-христіанское ваше сердце даетъ пріютъ и покровъ несчастно - невинному страдальцу. Единою отрадою и утѣшеніемъ моей жизни было и будетъ угождать вамъ и служить усердно, чистосердечно до конца дней моихъ. Единственный мой благодѣтель—молю Господа да ниспошлетъ на васъ благодать свою въ долготу дней вашихъ и дастъ вамъ наилучшее здоровье на многія лѣта къ утѣшенію невинно страждущему христіанину.

Двѣсти рублей чрезъ посланнаго вашимъ сіятельствомъ я получилъ и по приказанію вашему далъ росписку въ полученіи. Дѣло мое—каковаго еще не бывало никогда, дабы можно такъ безбожно и беззаконно-невинно угнѣтать, какъ меня, въ теченіе трехъ лѣтъ и девять мѣсяцовъ,—не требующее никакихъ переписокъ и справокъ въ коммисіи военнаго суда кончено и 21-го мая мнѣ прочитано: во всемъ я оправданъ и коммиссія нашла, что я невиненъ и вопреки законовъ преданъ суду, и что по дѣлу видно, что меня притѣсняли, и обвинили тѣхъ, кои производили слѣдствіе, генераловъ Горголія, Попова и Баженова; дѣло изъ коммиссіи представлено къ герцогу, но онъ видя мою невинность и обвиненіе другихъ, представилъ военному министру на разсмотрѣніе. Помню всегда слова ваши, какъ вы изволили мнѣ говорить: смотри, Аракчеевъ, когда меня не будетъ, то ты много потерпишь. Сіе теперь сбылось на опытѣ, не знаю, чѣмъ я это заслужилъ ненависть и мщеніе. Я же во всю жизнь мою не дѣлалъ никому никакого неудовольствія и никакихъ непріятностей, былъ-ли кто нибудь въ россійской арміи такъ угнѣтенъ, какъ я. Угнѣтеніе до такой степени простиралось отъ гг. Борейша и Варенцова. Хотя закономъ положено подсудимому давать половинное жалованье, мнѣ слѣдовало получить въ треть 200 рублей, но выдавалось 135 рублей. Г. Варенцовъ именемъ герцога запретилъ мнѣ подъ опасеніемъ ареста встрѣчаться гдѣ бы то ни было съ государемъ императоромъ, а Борейша въ департаментѣ написалъ имя мое на стѣнѣ, что

---

[1]) Родной племянникъ гр. Аракчеева.

я преданъ суду за беззаконные поступки и поборы, но теперь я оправданъ, — то чѣмъ вознаградятъ такое безславіе и угнѣтеніе. Къ кому не обращался съ просьбою,—не о помилованіи, а о ускореніи рѣшенія дѣла, дабы прекратить мое страданіе, — получалъ въ отвѣтъ: какъ докладывать племяннику на дядю и другіе отвѣчали, что это не прежнее время; но это ничто иное какъ Всевышній хотѣлъ испытать мое терпѣніе и неограниченную покорность, а теперь посылаетъ мнѣ васъ, моего избавителя и благодѣтеля, довершить ваши благодѣянія. Позвольте мнѣ пріѣхать къ вамъ, хотя на одну четверть часа, и пасть къ вашимъ ногамъ и изъявить отъ глубины души мою благодарность и покорность. Умоляю васъ, не откажите въ сей отрадѣ остающемуся съ глубочайшимъ высокопочитаніемъ и душевною преданностію до конца дней моихъ

Вашего сіятельства покорнѣйшимъ слугою
Николай Аракчеевъ.

II. Переписка съ духовными лицами.

26.

Сіятельнѣйшій графъ,
Велико-именитый мужъ!

Простите, что служители алтаря, имяни вашего сіятельства полка, осмѣлились въ день вашего тезоименитства, въ знакъ признательности своей, посвятить вамъ искреннія свои сердца: свидѣтели суть тѣже священные алтари, на коихъ жертвы Всевышнему куримъ, что не языкъ льстивый, но избытокъ благоговѣйныхъ нашихъ чувствованій къ вашей высокой особѣ,—глаголетъ сіе днесь предъ вами.

Прискорбно, что благоговѣющее наше перо,—сей изобразитель признательныхъ душъ, изнемогаетъ начертать величіе вашихъ дѣлъ, прилагаемыхъ для благоустройства общаго. Признаться,—и чтобы значили всѣ красно-глаголивыя наши слова предъ величествомъ вашихъ дѣлъ?—капля предъ моремъ, искра предъ солнцемъ,—жужжаніе комара предъ воплемъ льва. Пусть же великіе умы славятъ и великія дѣла, великихъ мужей.

Сіятельнѣйшій графъ! пріимите убо сіи душевные наши отголоски въ знаменованіи искреннемъ, — сіе послужитъ для насъ сладчайшимъ, вожделеннѣйшимъ знакомъ вашего на насъ милостиваго воззрѣнія, которое поставляемъ въ числѣ высокихъ благъ.

Да Богъ богатый въ милостяхъ своихъ, при торжественномъ вашемъ днесь шествіи въ новый годъ, осыплетъ васъ новыми щедротами, — продлитъ дражайшую жизнь вашу въ немерцаемомъ сіяніи до

позднѣйшихъ временъ для блага нашего, и для блага общаго. Съ симъ желаніемъ хочемъ жить и умереть.

Имяни вашего сіятельства полка:

Старшій священникъ Мудролюбовъ.
Младшій священникъ Тимофей Артемоновъ.
Младшій священникъ Семенъ Михайловскій.

4 октября 1820 г.

27.

Сіятельнѣйшій графъ милостивый государь! Простите меня милостиво, что я предпринялъ смѣлость васъ обезпокоить и объяснить нижеслѣдующее. Нижайшій я, рѣшившись отъ Симоновскаго начальства, былъ въ Кіевѣ, нынѣ есть желаніе побывать въ Валаамскомъ монастырѣ, и 14 марта пріѣхавши въ Тихвинъ сдѣлался боленъ, нынѣ слава Богу поправившись, и въ болѣзни сердца моего, молю васъ услышати мя— вамъ извѣстно нѣсколько, что въ 15 годовъ, моего въ Тихфинѣ пребыванія настоятелемъ, здѣлано при мнѣ — расписана церковь, вызолочены иконостасы, каменной мостъ, ворота, богодѣльни, конюшни, ограда каменная очень трудная съ башнями, покрыты всѣ келіи желѣзомъ, вылитъ въ 500 пудовъ слишкомъ колоколъ, а другой въ 130 — и протчее, всего на все то издержано суммы, кромѣ ризницы, и цѣнныхъ вещей съ ломпадкою пріобрѣтенныхъ, до двухъ сотъ пятидесяти тысячъ рублей, желалось отдѣлать и келіи, а особливо тѣ въ коихъ были высочайшіе присутствіи, что и на стѣнахъ было написано — и имянно, что въ 1747 году февраля 7 изволили быть здѣсь—государыня Елисавета Петровна, съ великимъ княземъ Петромъ Ѳедоровичемъ и великою княгинею Екатериною Алексѣевною, бывшею послѣ императрицею, въ 1798 г., въ тѣхъ же комнатахъ изволили быть, общій нашъ отецъ и благодѣтель, государь императоръ Павелъ I-й съ государынею императрицею Маріею Ѳедоровною, и великими князьями, нынѣ благодѣтельно царствующимъ императоромъ Александромъ Павловичемъ I-мъ и Константиномъ Павловичемъ, послѣ ихъ, были въ оныхъ комнатахъ великій князь Константинъ, а великая княгиня Екатерина Павловна, съ своимъ супругомъ, три раза, мнѣ, по многочисленности построекъ и поправокъ, не удалось тѣ келіи обдѣлать—нынѣ оные предѣланы въ братскіе кельишки, и надпись на стѣнѣ осталась въ уголкѣ, какъ мнѣ этого жаль, но пособить не могу. Г. сенаторъ Малиновскій, описывая жизнь князя Пожарскаго написалъ: «на вѣрно де полагать можно, что князь Д. М. Пожарскій погребенъ въ Суздалѣ въ Евѳиміевѣ монастырѣ, и какъ видно было и надгробіе, но рука невѣжды истребила оный.» У васъ въ Грузинѣ, бывши я мимоѣздомъ замѣтилъ, много памятниковъ благодѣтелю. У меня въ Тихфинѣ написана картина, какъ и кѣмъ было перенесеніе иконы Богоматери, картина та цѣла, на башняхъ среднихъ, вен-

зели соорудителей, хотя и померкли, но цѣлы, потому что изъ бѣлаго желѣза, а комнаты, чемъ бы въ будущіе времена, можно славиться обители, какіе оную монархи посѣщали, а комнаты говорю со слезами, испорчены. Прости батюшка графъ, меня убогаго побереги, но какими нибудь путями, постарайся возобновить тѣ келіи, я-бъ съ своего пенсіона, помогъ ста три рублей, я прошу только не допустить меня, быть въ числѣ донощиковъ, здѣсь идутъ слухи, что государь императоръ мимо Грузина поѣдетъ чрезъ Тихфинъ, въ Ярославль и далѣе, на вѣрно полагать можно, что и вы съ нимъ быть изволите—мнѣ желательно дождаться вашего прибытія. Увидѣли бы тогда и келіи. Поручая себя вашему о мнѣ благопромышленію и милости, есмь, и доколѣ живъ я пребыть желаю, усердно покорнѣйшимъ ко услугамъ и богомольцемъ странствующій архимандритъ Герасимъ.

Тихфинъ.
18 маія 1823 г.

28.

Сіятельнѣйшій графъ
Милостивый государь!

Имѣлъ я честь получить отъ вашего сіятельства копію съ записки по дѣлу новгородскаго архіерейскаго, что въ Москвѣ, подворья, государемъ императоромъ сего марта 7-го дня высочайше конфирмованной. Нѣтъ словъ, коими бы могъ я достаточно изобразить ту живѣйшую радость, которую произвело во мнѣ счастливое окончаніе дѣла сего, пять лѣтъ продолжавшагося и во все сіе время крайне меня безпокоившаго. Но кому единственно, послѣ Бога и всемилостивѣйшаго государя моего, долженъ я симъ толь великимъ для меня счастіемъ, какъ не сильному вашего сіятельства предстательству и ходатайству, безъ чего дѣло сіе, несмотря на всю его законность, моглобъ еще нѣсколько лѣтъ продолжаться и истощить всѣ силы мои и терпѣніе? Чувствую въ полной мѣрѣ, чувствую всѣмъ сердцемъ моимъ милости вашего сіятельства, и сіи благородныя мои къ вамъ чувствованія сохраню я до конца дней моихъ. Вы истинный мой благодѣтель! да и не мой токмо, а и всѣхъ будущихъ преемниковъ моихъ. Ибо благодѣяніями вашими и они столько же, сколько и я могутъ пользоваться, и, такъ сказать, изъ рукъ вашихъ получатъ довольные способы, призирать сирыхъ и вспомоществовать убогимъ и бѣднымъ, коихъ промыслъ Вышняго ввѣритъ пастырскому ихъ попеченію.

Что же воздамъ я вамъ за вся благая ваша? Даровъ вы ни отъ кого и никакихъ не пріемлете и не требуете, и такъ остается мнѣ одно: молить Господа Бога, чтобъ самъ онъ воздалъ вамъ по велицѣй своей милости; чтобъ онъ сохранялъ въ вожделеннѣйшемъ здравіи дражайшую

жизнь вашу толь тѣсно и неразрывно съ благомъ и славою отечества соединенную.

Примите, милостивый государь, увѣренія истиннаго моего къ благодѣтельнѣйшей особѣ вашей высокопочитанія и совершенной преданности, съ каковыми чувствованіями имѣю долгъ, быть на всегда. Серафимъ, митрополитъ новгородскій и с.-петербургскій.

7 марта, 1824 г.

29.

Сіятельнѣйшій графъ!

Христосъ воскресе.

О семъ днесь всякая тварь наживѣйше веселится и радуется, и радости ея никто же возметъ отъ нея: яко воскресе Христосъ, и съ нимъ воскресла вѣчнаго спасенія нашего надежда и миръ. Посему прославленіе воскресенія Христова есть всѣхъ насъ собственный долгъ и честь всѣхъ христіанъ. Мы симъ духовнымъ и радостотворнымъ торжествомъ другъ друга привѣтствуя, наипервѣе приносимъ усерднѣйшее наше поздравленіе графскому вашему сіятельству, воспріявшему по волѣ монаршей назирати, правити и покровительствовати жителей округа Старорусскаго, да и мы съ ними тихое и безмолвное житіе поживемъ во всякомъ благочестіи и чистотѣ.

Сіятельнѣйшій графъ! радость имѣемъ мы многу и утѣшеніе о любви Вашей къ христіанамъ воинамъ, которую въ писаніи вашемъ по открытіи военнопоселенія въ нашей области, вы изъявили отечески. Уповаемъ же, что вы, добру совѣсть имѣя, исполните сіе намѣренное ваше благое о немъ писаніе, во славу имени его императорскаго величества; а притомъ и сердечно желаемъ, дабы всякъ изъ подручныхъ вамъ начальниковъ военнопоселенія къ людямъ имѣлъ тоже усердіе и любовь при устроеніи ихъ въ новомъ званіи.

О семъ молимся всегда о васъ, дабы Богъ мира, возведшій изъ мертвыхъ пастыря овцамъ великаго, кровію завѣта вѣчнаго, Господа нашего Іисуса Христа, совершалъ васъ во всякомъ дѣлѣ благомъ, творя въ васъ благоугодное предъ нимъ Іисусомъ Христомъ; дабы исполнилъ всякое благоволеніе благости въ дѣлѣ многотруднаго занятія вашего по порученіямъ государственнымъ: да прославится и чрезъ васъ во всѣлюбезнѣйшемъ монархѣ нашемъ имя Господа нашего Іисуса Христа, и вы въ немъ; да при благодати его жительствуете вы многолѣтно и истинны ради и кротости и правды, служивъ и служа не лестно престолу отечества и церкви, ко блаженству россійскія державы и во спасеніе ваше о воскресшемъ Христѣ Іисусѣ. Цѣлуйте всѣхъ споспѣшниковъ вашихъ: цѣлуютъ же ваше сіятельство сущіи отъ града Старыя Руссы: благодать вамъ, и миръ со всѣми вами, аминь,—

Сіятельнѣйшій графъ, вашего графскаго сіятельства усерднѣйшій и нижайшій послушникъ и богомолецъ Старорусскаго Воскресенскаго собора протоіерей Ѳеодоръ Іоанновъ съ братіею.

Апрѣля 6 дня, 1824 года.
Городъ Старая Русса.

30.

Христосъ воскресе! глаголишь ты мнѣ: Воистину воскресе! отвѣщаю тебѣ.

Радуйся радостію о Христѣ Іисусѣ, его же ты невѣсты св. церкви любитель правый и усердный:—хотя я тебя и не видѣлъ доселѣ лицемъ къ лицу, но Богъ мнѣ въ сердцѣ возвѣстилъ, кто ты?

Ты ангелъ хранитель отъ Господа видимо въ тѣлѣ, данъ царю нашему, помазаннику Божію, словомъ, дѣломъ, вѣрностію, покорностію. Ты ангелъ Божій видимо, яко человѣкъ данъ царю, и предстоишь служа свято ему, якоже и Ангелъ служитъ Богу. Да имутъ многіе страхъ, который есть начало премудрости. Живи съ Богомъ! Тецы и подвизайся. Въ тебѣ Богъ далъ надежду крѣпкую царю, церкви и благу отечества. Радуйся мужъ благой и вѣрный, вѣрно-вѣрно подданный царю и слуга Бога вышняго въ мирѣ буди: Твое дѣло благо Господь силъ съ тобою!

Съ нами Богъ!

О Христѣ сердцемъ тебя любящій твой рабъ и богомолецъ архимандритъ Фотій.

1824 года, апрѣля 8 дня.

Коль многіе цвѣты радости отечеству и церкви имѣютъ быть отъ тебя, — то посылаемъ тебѣ на иконѣ, церковь, яко домъ премудрости Божіей написанъ, т. е. икону Софіи премудрости Божіей, и вербу съ цвѣтами яко цвѣты радости — знакъ радости, коя будетъ о тебѣ церкви [1]).

Книгу твою получилъ: а вербу по внутреннему влеченію я еще въ вербное воскресеніе тебѣ пріуготовилъ [2]).

31.

Воистину воскресе Христосъ!
Сіятельнѣйшій графъ милостивый государь!

Почтеннѣйшее письмо вашего сіятельства посѣтило меня такъ неожиданно, какъ бы съ неба ко мнѣ упало. То, что вы, милостивый государь, благосклонно называете сдѣланнымъ въ Москвѣ знакомствомъ, и что я съ благодарностію воспоминаю, какъ одолженіе сдѣланное вами

[1]) Въ нашей копіи: «церковь».

[2]) Это письмо было уже напечатано.

мнѣ безъ предварительнаго знакомства, было для меня новымъ опытнымъ увѣреніемъ, или лучше, подтвержденіемъ всегдашней увѣренности въ томъ, что ваше сіятельство всегда готовы для всякаго имѣющаго дѣло и нужду. Но зная многотрудныя занятія вашего сіятельства, не отважился я изъ того случая взять себѣ право къ свободному съ вами сношенію. Теперь кажется, что сіе право вы мнѣ даруете. По сему значенію, въ какомъ пріемлю я почтеннѣйшее письмо вашего сіятельства, можете представить, сколь пріятною оно для меня было нечаянностію, и сколь много чувствую я себя обязаннымъ снисхожденію вашему.

Для библіотеки моей я имѣю правило, что она состояла не изъ многихъ, а изъ надобныхъ книгъ. Но и по сему тѣсному правилу дастъ она мѣсто полученнымъ отъ вашего сіятельства книжкамъ, которыя одна благотворностію распоряженій, другая достопамятностями лицъ, случаевъ, искуства, древности, и обѣ образцами порядка и уваженія къ священному, послужатъ мнѣ къ преподаванію и подтвержденію полезныхъ совѣтовъ попечителямъ церквей и помѣщикамъ. Что касается до прежней книжки о Ризницѣ: не могу себя подозрѣвать, чтобы я могъ потерять ее изъ вида, или забыть столь примѣчательное содержаніе, но и не вижу у себя писанныхъ слѣдовъ оной. Или она не доходила до меня; или по какому-либо нечаянному случаю вышла изъ рукъ моихъ прежде, нежели я узналъ ея содержаніе, и не возвращена мнѣ. Естьли экземпляра сего не найдется, и естьли въ сей утратѣ участвуетъ моя неосторожность и забвеніе, не могу представить за сіе вашему сіятельству иного вознагражденія, какъ то, что постараюсь употребить въ пользу подаваемое мнѣ симъ случаемъ наставленіе, и послѣдовать вашей, милостивый государь, точности въ частныхъ, подобно какъ и въ общественныхъ дѣлахъ.

Съ истиннымъ высокопочитаніемъ и преданностію имѣю честь быть: Филаретъ архіепископъ московскій.

17 апрѣля 1824.
Москва.

32.

Сіятельнѣйшій графъ,
Милостивѣйшій благодѣтель!

Письмо ваше, сіятельнѣйшій графъ, посланное отъ 17 маія я имѣлъ счастіе оное получить, съ которымъ такъ же копію съ письма вашего сіятельства, и письмы курскаго гражданскаго губернатора, и Никанора Ивановича Переверзева получилъ.

Я не въ силахъ изъяснить моихъ чувствъ благодарности къ особѣ вашей, сіятельнѣйшій графъ, милостивѣйшій благодѣтель! за ваши истинно христіанскія благодѣянія и ревность, оказанную ко славѣ Божіей. Самъ Всевышній вознаградитъ васъ за оную здѣсь и въ будущей

жизни. А я обязаннымъ по гробъ мой пребуду—молить у престола Всевышняго о здравіи и благоденствіи вашего сіятельства, да продлитъ Господь Богъ дражайшую жизнь вашу на многія лѣта! Я тѣмъ болѣе радуюсь, что ваше, сіятельнѣйшій графъ, истинное христіанское намѣреніе не осталось въ тунѣ! Матерь Божія изобрала васъ быть примѣрнымъ благотворителемъ святаго храма ея, въ коемъ имя вашего сіятельства незабвенно будетъ воспоминаться во вѣки! На сей же почтѣ пишу къ Никанору Ивановичу Переверзеву, поблагодаря его за милость, прошу чтобы назначенную имъ сумму денегъ на иконостасъ не умѣдлилъ сюда ко мнѣ прислать. Ибо мнѣ еще нужно пожить здѣсь и дождаться окончанія дѣла о мельницѣ, за содѣйствіе о которой долгомъ моимъ поставляю изъявить вамъ, сіятельнѣйшій графъ, мою всенижайшую благодарность: можетъ быть при помощи вашего сіятельства въ департаментѣ министра финансовъ окончутъ дѣло сіе въ пользу курскаго знаменскаго монастыря.

Съ глубочайшимъ высокопочитаніемъ и совершенною приверженностію къ особѣ вашей честь имѣю пребыть архимандритъ Палладій.

23 маія 1824 года,
С. Петербургъ.

33.

Сіятельнѣйшій графъ!
Милостивый государь!

Честь имѣю принести вашему сіятельству усерднѣйшее мое съ наступающимъ днемъ рожденія вашего поздравленіе. Но поздравляя васъ, я поздравляю вмѣстѣ и св. церковь и отечество, коимъ, въ радостный день сей, промыслъ Всевышняго даровалъ въ особѣ вашей наилучшаго и любезнѣйшаго сына.

Соединяя поздравленіе мое съ симъ искреннѣйшимъ къ подателю всѣхъ благъ Господу Богу моленіемъ, да сохранитъ Онъ дражайшую жизнь вашу въ вожделеннѣйшемъ здравіи, и да исполнитъ всѣ общеполезныя ваши предпріятія и благія сердца вашего желанія, имѣю честь быть съ истиннымъ моимъ къ особѣ вашей высокопочитаніемъ и совершенною преданностію

Серафимъ, митрополитъ новгородскій и с.-петербургскій.

Іюля « » дня 1824.

Мнѣ весьма желательно было пріѣхать къ самому празднику вашему въ село Грузино и отслужить въ соборѣ вашемъ божественную литургію, а отъ васъ уже отправиться военною дорогою въ Новгородъ: но важныя по святѣйшему синоду дѣла задержали меня. И когда я могу пріѣхать къ вашему сіятельству, навѣрное сказать еще не могу, а передъ выѣздомъ моимъ изъ Петербурга извѣщу ваше сіятельство письмомъ, естьли до того времени не увижусь съ вами здѣсь.

34.

Сіятельнѣйшій графъ,
Милостивый государь!

Пріятнѣйшимъ долгомъ моимъ поставляю принести вашему сіятельству чувствительнѣйшую благодарность мою за благосклонный пріемъ, который угодно было вамъ, милостивый государь, здѣлать мнѣ. Пока я живъ, буду помнить безподобное село Грузино и его знаменитѣйшаго помѣщика, графа Алексѣя Андреевича Аракчеева; пока буду живъ, непрестану съ удивленіемъ воспоминать по военномъ поселеніи, чудесною нѣкоею силою вдругъ изъ непроходимыхъ болотъ возникшемъ и въ совершенномъ благоустройствѣ красотъ явившемся.

Слава монарху, коего мудрость изобрѣла великій и обширный планъ поселенія сего, слава и тому, кто планъ монаршій привелъ въ исполненіе! Такъ, милостивый государь, военное поселеніе будетъ вѣчнымъ памятникомъ государю императору Александру Первому и вашему сіятельству! Я молю только Господа Бога, да и каждый сынъ церкви и отечества долженъ молить его, чтобъ онъ сіе по всѣмъ отношеніямъ какъ политическимъ, такъ и хозяйственнымъ, а наипаче нравственнымъ преполезное и преблагодѣтельное заведеніе благословилъ, утвердилъ и сохранилъ навсегда ко славѣ святаго имяни своего и благу любезнѣйшаго отечества нашего.

Примите, милостивый государь, увѣреніе въ истинномъ моемъ къ особѣ вашей высокопочитаніи и совершенной преданности, съ каковыми чувствами навсегда пребыть имѣю. Серафимъ, митрополитъ новгородскій и с.-петербургскій.

Препровождаю при семъ къ вашему сіятельству святую икону Софіи премудрости Божіей для Преображенской церкви округа его величества короля Прусскаго.

Новгородъ.
1824 г. 24 іюля.

(На подлинномъ рукою Аракчеева написано: „Государь изволилъ читать въ Царскомъ Селѣ, 1 августа 1824“. Приводимъ здѣсь изъ бумагъ Аракчеева и письмо митр. Серафима къ имп. Александру, относящееся къ тѣмъ же военнымъ поселеніямъ).

35.

Ваше Императорское Величество,
Всемилостивѣйшій Государь!

Имѣлъ я счастіе получить милостивѣйшій вашего величества рескриптъ съ изъясненіемъ мнѣ высокомонаршаго благоволенія вашего, что я, на пути въ новгородскую паству мою, посѣтилъ военныя поселенія и

при совершеніи таинъ богослуженія призывалъ благословеніе Всевышняго на новое сіе учрежденіе.

Чувствуя всѣмъ сердцемъ сію великую царскую милость вашу, которая для всякаго вѣрноподданнаго есть то, что роса для злака, я священнымъ долгомъ моимъ поставлю принести вашему императорскому величеству глубочайшую благодарность мою, и при семъ случаѣ беру смѣлость увѣрить ваше величество, что благословеніе Всевышняго уже опочиваетъ на семъ новомъ военномъ учрежденіи. Посему нетокмо предпринято оно съ истинно благимъ намѣреніемъ, но и утверждено на святомъ основаніи религіи и нравственности, что пресвятому и всеблагому Господу Богу нашему не можетъ не быть благоугодно и пріятно. Остается токмо намъ вѣрноподданнымъ вашего величества соединить усердныя молитвы свои съ молитвами вашими, яко великаго пастыря и отца народовъ и примѣрнѣйше молить его, да продолжитъ онъ и утвердитъ на немъ небесное благословеніе свое, увѣнчавая всегда оружіе его побѣдою надъ врагами святыя вѣры и любезнѣйшаго отечества нашего.

Съ глубочайшимъ моимъ къ священнѣйшей вашего величества особѣ благоговѣніемъ имѣю щастіе быть: Серафимъ, митрополитъ новгородскій и с.-петербургскій.

Новгородъ.
7 марта.

36.

Сіятельнѣйшій графъ,
Милостивый государь!

1) Вы изволите благодарить меня за пріемъ, стбитъ ли это благодарности? Разумъ велитъ намъ взирать на всѣхъ, какъ на созданія одного съ нами естества, какъ на дѣтей, имѣющихъ одного небеснаго Отца, предназначенныхъ для одной цѣли, для славы Божіей и нашего блаженства; а вѣра видитъ въ подобныхъ намъ человѣкахъ—членовъ единаго таинственнаго тѣла т. е. церкви Христовой, которые всѣ искуплены единою безцѣнною кровію Сына Божія, всѣ вышли изъ единыя купели духовнаго крещенія, всѣ питаемся единымъ пречистымъ хлѣбомъ тѣла Христова, всѣ причащаемся отъ единыя чаши крови Христовой, всѣ призываемся къ единому царствію Божію,—итакъ велико ли то, что вы приняты мною, какъ подобострастный мнѣ человѣкъ, какъ сынъ вѣры, какъ братъ во Христѣ? а притомъ вы, употребя большую и лучшую часть жизни вашей для блага моего отечества, въ общемъ составѣ онаго и мнѣ дѣлали благо, итакъ я, кромѣ должнаго, ничего вамъ не оказалъ, да и можно ли мнѣ иначе поступить, когда Спаситель нашъ подаетъ намъ примѣръ говоря: грядущаго ко мнѣ не изжену вонъ; не изженетъ онъ того, кто приходитъ къ нему съ чувствомъ истиннаго смиренія, вѣры и любви, безъ сомнѣнія и ваше посѣщеніе меня имѣло цѣлію, несообразованіе съ вѣкомъ симъ лукавымъ и суетнымъ, но взаимное со-

общеніе христіанскихъ чувствованій. 2) Касательно вашего священника, смѣю васъ увѣрить, что онъ не только не желалъ оставить вашъ приходъ, но и не думалъ о семъ, я призывалъ къ себѣ родного его брата, служащаго въ консисторіи, спрашивалъ его подробно о разположеніи вашего священника, который меня удостовѣрилъ, что онъ доволенъ дѣйствительно своимъ мѣстомъ, не имѣлъ и не имѣетъ намѣренія перемѣнить его, итакъ прошу васъ совершенно быть покойными на щетъ сего. 3) Вы изволили изъяснить въ писаніи вашемъ, что для васъ все равно, кто бы ни былъ священникомъ; позвольте мнѣ сообщить вамъ на сіе мою мысль. Крестьяне суть дѣти ваши, промысломъ ввѣренные отеческому вашему попеченію, съ которыми вы яко домовладыка предстанете предъ Судіею всемірнаго, для отданія отчета въ приставленіи домовнемъ, имѣющаго обратиться вамъ или въ безконечную славу, или въ вѣчное стыдѣніе. Естьли дѣти ваши будутъ имѣть худого наставника, слѣпого вождя, учителя злымъ дѣламъ: можете ли вы быть равнодушны? не думаю. Умный и добрый пастырь много содѣйствовать вамъ можетъ въ устроеніи не только временнаго, но и вѣчнаго щастія подручнымъ вамъ. 4) Естьли я къ вамъ хорошо разположенъ, слова сіи произвели во мнѣ не малое впечатлѣніе: почему мнѣ къ вамъ не быть разположену? Кто являетъ въ себѣ истиннаго христіанина, чье сердце исполнено живой вѣры во Христа и истинны и любви къ ближнимъ нашимъ; кто не привязываетъ сердца своего къ земнымъ благамъ, яко тлѣннымъ и непостояннымъ, съ которыми мы рано или поздо должны разстаться, а ищетъ вѣчныхъ невидимыхъ благъ въ единомъ Богѣ; кто смотритъ на жизнь сію, какъ на приготовленіе къ будущей жизни, того нельзя не любить, въ бесѣдѣ вашей со мною, я нашелъ васъ истиннымъ сыномъ церкви, итакъ можно ли къ вамъ не быть разположеннымъ? Съ симъ искреннимъ чувствомъ внутренняго моего къ вамъ разположенія и душевнаго высокопочитанія имѣю честь пребыть Тимоѳей, епископъ старорусскій.

Сентября 23 дня 1831 г.

37.

Сіятельнѣйшій графъ,
Милостивѣйшій государь!

Я обѣщалъ, и спѣшу увѣдомить, что 7 числа сего маія серебряная риза, вновь позолоченная, получена изъ Петербурга, и уже украшаетъ святую икону Успенія Божія Матере. Обще съ братіею приношу вашему сіятельству чувствительнѣйшую благодарность, за пожертвованіе на позолоту означенной ризы. Великая разница новое золоченье противъ прежняго, прежнее золоченье блѣднѣе; а нынѣшнее какъ жаръ горитъ, какъ закатающееся на западѣ солнце. Да озаритъ праведное солнце, Христосъ Богъ нашъ, свѣтомъ благодати душу и да согрѣетъ сердце вашего сіятельства, во славу пресвятаго имяни Своего!

Желая благодатныхъ даровъ, желаю вашему сіятельству и добраго здоровья, и мирнаго пребыванія, и всего, чего сами отъ Господа получить желаете, пребыть имѣю, какъ и былъ, съ истиннымъ высокопочитаніемъ Т. архимандритъ Иларіонъ.

13 мая 1831 г.
Тихвинъ.

P.S. Сподобитъ ли меня Господь Богъ украсить новою ризою чудотворную икону Божія Матери безъ особыхъ пожертвованій благотворительскихъ, я приступить не осмѣливаюсь къ сему дѣлу. Шереметевская лампадка у Богоматери болѣе 40 т., а на ризѣ украшеній по оцѣнкѣ, бывшей въ 1801 году, на 6 т. съ небольшимъ. Правда, послѣ того есть довольно прибылыхъ вещей; но кажется еще недостаточно. На золото же и за работу мастеру потребна вдругъ не малая сумма. Обыкновенные же доходы по монастырю достаточны на годовые расходы и на поправки обители. А за расходомъ немного остается. Графиню Орлову Чесменскую не смѣю просить. Ибо много жертвуетъ Юрьеву. Гдѣ искать источникъ?

38.

Боголюбивѣйшій графъ
Алексѣй Андреевичъ.

Исполнено благочестивое желаніе вашего сіятельства, по мѣрѣ и описанію написанная святая икона отправлена къ вамъ въ Грузино съ почтою въ ящикѣ, которую вѣроятно вы уже изволили получить. Для написанія оной иконы кипарисная доска дана иконописцу Алексѣю Трофимову изъ монастыря мною, за которую ничего не требую; а художнику за труды прошу прислать, сколько заблагоразсудится. Здорово ли у васъ, и окрестъ васъ? А здѣсь въ городѣ холера начала частію похищать свои жертвы; но, благодареніе Богу, не очень много. Увѣряютъ, что завезли оную лодошники изъ Петербурга. Въ уѣздѣ же смертности отъ холеры не слыхать, кромѣ Сомины, которая состоитъ въ Устюжскомъ уѣздѣ. Желая вашему сіятельству добраго здоровья, и всего, чего сами желаете отъ Бога, пребыть имѣю

Т. архимандритъ Иларіонъ.

10 Іюля 1831 г.
Тихвинъ.

39.

Боголюбивѣйшій графъ!

Письмо вашего сіятельства я имѣлъ честь получить 16 числа сего сентября, за которое со всею братіею приношу чувствительнѣйшую благодарность, болѣе же за усердное расположеніе ваше, украсить новою ризою чудотворную икону Божія Матере. Съ сею почтою я писалъ къ высокопреосвященнѣйшему архипастырю, просилъ его благословенія на

означенное богоугодное начинаніе вашего сіятельства и отпуска на недѣлю до Грузина. Коль же скоро получу архипастырское благословеніе и увольненіе, немедленно отправлюсь къ вашему сіятельству. Желая добраго здоровья и спокойствія душевно вашему сіятельству, пребыть имѣю, какъ и былъ съ истиннымъ высокопочитаніемъ и благодарнымъ чувствованіемъ. Т. архимандритъ Иларіонъ.

19 сентября 1831 г.
Тихвинъ.

40.

Боголюбивѣйшій графъ!
Милостивѣйшій благотворитель!

Отпускъ и билетъ въ С.-Петербургъ на двѣ недѣли отъ высокопреосвященнѣйшаго архипастыря я имѣлъ честь получить 19 числа сего октября, а отправляюсь въ путь сегодня 24 числа въ субботу, на своихъ коняхъ, по вашему тракту. Въ воскресенье къ ночи надобно-бы поспѣть въ Грузино. Надѣюсь, что странствующій инокъ не будетъ такъ оставленъ,—Аврааму подобный странноприимецъ не оставитъ его. Ибо онъ любитъ Бога. А кто любитъ Бога, тотъ любитъ всякую добродѣтель. Таковъ былъ всегда и нынѣ таковъ вѣрный слуга Божій и царевъ,—истинный сынъ церкви и отечества. Въ надеждѣ неоставленія пребыть имѣю съ истиннымъ высокопочитаніемъ и благодарнымъ чувствованіемъ Т. архимандритъ Иларіонъ.

24 октября 1831 г.
Тихвинъ.

41.

Боголюбивѣйшій графъ
Милостивѣйшій государь!

За угощеніе и ласки, оказанныя мнѣ въ проѣздѣ, приношу вашему сіятельству чувствительнѣйшую благодарность. Въ С.-Петербургъ пріѣхалъ я благополучно 28 числа минувшаго октября. И въ тотъ же день доставленъ пакетъ, порученный мнѣ, куда слѣдовало. О своемъ же дѣлѣ, относительно мастеровъ, донести честь имѣю, что оныхъ здѣсь много; но по сіе число ни съ которымъ рѣшиться не могъ. Изъ ювелировъ благонадѣженъ Г. Брейтфустъ, живущій въ казанскомъ церковномъ домѣ. Изъ чеканщиковъ же въ виду трое, изъ коихъ должно избрать одного, благонадежнаго, честныхъ правилъ и состоящаго въ капиталѣ. Одинъ изъ нихъ Барадулинъ вызвался сдѣлать рисунокъ украшеній на новую золотую ризу Божіей Матери, и доставить ко мнѣ въ воскресенье 31 числа; но не доставилъ. А просилъ подождать до среды 4 ноября. Не знаю приготовитъ, или нѣтъ. Сегодня велю и прочимъ мастерамъ дѣлать рисунки и доставить мнѣ въ Лавру, гдѣ я пристанище имѣю. Архипастырь принялъ меня весьма милостиво, — обѣдаю и ужинаю у него, а

иногда и чай пью. Онъ весьма много благодаритъ ваше сіятельство за благочестивое разположеніе на пожертвованіе; въ честь Богу и Божіей Матере, и въ пользу души своей. Я думалъ здѣсь исправиться въ недѣлю; но едва ли могу успѣть. То съ той, то съ другой стороны остановки. Чтожъ дѣлать? Надобно потерпѣть. Поручая все дѣло всеблагому промыслу Божію, пребыть имѣю съ моимъ истиннымъ и благодарнымъ чувствованіемъ. Т. архимандритъ Иларіонъ.

3 ноября 1831 г.

Не взыщите, что скоро-наскоро пишу. Одинъ мастеръ Уваровъ объявилъ: въ дѣлѣ золото 84 пробы, по 16 р. золотникъ.

42.

Боголюбивѣйшій графъ!
Милостивѣйшій государь!

Честь имѣю донести, что въ среду 4-го ноября мастеръ Барадулинъ доставилъ мнѣ рисунокъ на сдѣланіе вѣнца съ короною на новую ризу Богоматере, который представленъ былъ тогда же владыкѣ, и который одобренъ. А между тѣмъ ожидаю еще рисунка на тоже дѣло отъ другаго мастера Шаранина, который сего 6 числа обѣщался доставить ко мнѣ. Сверхъ сихъ еще поручено сдѣлать третій рисунокъ ювелиру Кемеру, нѣмцу. По отобраніи отъ нихъ мыслей на рисункахъ и цѣнъ, пригласится уже мною одинъ благонадежный ѣхать въ обитель Тихвинскую и къ вашему сіятельству. Я думалъ здѣсь управиться въ недѣлю; но едвали могу рѣшиться въ двѣ недѣли. Съ будущею почтою еще буду писать о ходѣ нашего дѣла. Господи! помози мнѣ. Это дѣло весьма меня озаботило. Но я не скучаю, а съ удовольствіемъ занимаюсь. Только бы даровалъ Господь намъ искуснаго и благонадежнаго мастера.

Остаюсь въ надеждѣ на благость Божію и на усердное разположеніе вашего сіятельства, съ истиннымъ высокопочитаніемъ Т. архимандритъ Иларіонъ.

6 ноября 1831 г.
С.-Петербургъ.

43.

Сіятельнѣйшій графъ,
Милостивый государь!

Въ вечеру, 20 ноября, я прибылъ благополучно въ обитель Тихвинскую. Благодарю, весьма много благодарю за угощеніе и гостепріимство, оказанное мнѣ въ Грузинѣ. А болѣе благодарю за усердное и христіанское разположеніе вашего сіятельства ко святой церкви и обители нашей. По утру, 21 числа, получилъ свѣдѣніе отъ г. городничаго Вартминскаго, что этотъ окружный генералъ Чернобровкинъ занимается поправкою дороги ярославской и даже вѣхи становить приказалъ; но по

земской полиціи нѣтъ никакихъ росписаній о прибавкѣ лошадей на станціяхъ, коихъ только по 14 на каждой. А на случай проѣзда по нашему тракту государя императора надлежало бы оныхъ прибавить. Почему онъ на вѣрное полагаетъ, что по здѣшнему тракту едвали будетъ проѣздъ его величества. Ежели сегодня, или вечеромъ такъ же не будетъ никакихъ предписаній по сему случаю, то и отъ меня не ожидайте увѣдомленія. Есть ли же въ слѣдующій день что-нибудь узнаю, съ удовольствіемъ увѣдомлю.

Желая вашему сіятельству совершеннаго здоровья и душевнаго спокойствія, пребыть имѣю, какъ и былъ, съ истиннымъ высокопочитаніемъ и благодарнымъ чувствованіемъ Т. архимандритъ Иларіонъ.

20 ноября 1831 г.
Тихвино.

44.

Боголюбивѣйшій графъ
Милостивѣйшій государь!

Въ третій день сего декабря я опять пріѣхалъ въ С.-Петербургъ, гдѣ занимаюсь тѣмъ же церковнымъ дѣломъ, которымъ прежде занимался. Рисунокъ нѣкоторыхъ частей на ризу Божія Матере я получилъ отъ г. Всеволодскаго, которому сообщенъ былъ отъ графа Толстова; но рисунокъ сей неудовлетворителенъ. Принужденъ былъ искать, и нашелъ чеканщика, совершенно знающаго свое дѣло, и поручилъ ему рисовать нѣкоторые части на ризу, для чеканной работы. Его имя Федотъ Ильинъ, котораго принимаетъ къ себѣ для дѣланія ризы золотыхъ дѣлъ мастеръ Кимеръ. Условіе же должно дѣлать съ симъ послѣднимъ. Но прежде всего онъ долженъ побывать у насъ въ монастырѣ, и видѣть драгоцѣнные камни и вещи. Потомъ симъ украшеніямъ онъ долженъ дѣлать свой рисунокъ. Имѣя въ рукахъ тотъ и другой рисунокъ, можно уже приступить къ заключенію договора на основаніи узаконеній, и указаннаго предписанія изъ духовной консисторіи. Въ завтрешній день оный Кимеръ будетъ у меня вечеромъ, для переговоровъ по сему дѣлу. Донеся о семъ честь имѣю быть: Т. архимандритъ Иларіонъ.

7 декабря 1831 г.
С.-Петербургъ.

P.S. Золотыхъ дѣлъ мастеръ Барбе, котораго мнѣ рекомендовала графиня Орлова-Ч. и который прежде просилъ за работу по 8 р. съ золотника, теперь уже проситъ по 6 р., а прочіе всѣ просятъ по 5 р. но Барбе задатку много проситъ, 25 т., другіе просятъ по 10 т.

Прошу увѣдомить, что мнѣ дѣлать? и есть ли можно, съ первою почтой.

(Отвѣтъ Аракчеева, отправленный 10 декабря 1831 г. въ Невскій монастырь:

Письмо ваше писанное 7 декабря я получилъ 10 декабря и на оное отвѣтствую: кажется сіе святое дѣло приличнѣе дѣлать людямъ принадлежащимъ солидной націи, — означенной задатокъ вашей Божія матере приготовится и вамъ будетъ врученъ. Остаюсь вашъ П. С. Г. А.)

45.

Боголюбивѣйшій графъ,
Алексѣй Андреевичъ!

Съ прошедшею почтой, 20 числа сего генваря, я имѣлъ удовольствіе получить изъ новгородской духовной консисторіи указъ, о дозволеніи дѣлать новую золотую ризу на чудотворную икону Божія Матери, съ котораго присылаю при семъ копію къ вашему сіятельству. Тогда же я писалъ въ С.-Петербургъ къ золотыхъ дѣлъ мастеру Кимеру, чтобъ онъ пріѣхалъ къ намъ въ монастырь, для осмотру и оцѣнки драгоцѣнныхъ камней, и для сдѣланія примѣрнаго рисунка, по которому онъ долженъ будетъ дѣлать новую золотую ризу, естьли съ нимъ будетъ заключенъ контрактъ со внесеніемъ залоговъ. Повторя мною чувствительнѣйшую благодарность вашему сіятельству, за усердное расположеніе на сіе святое дѣло, всепокорнѣйше прошу, не оставить милостію своею въ началѣ и окончаніи сего знаменитаго памятника, который дѣлается во славу Божію, въ честь Божіей Матери, и во спасительную пользу души своей.

Желая вашему сіятельству совершеннаго здоровья и спокойствія душевнаго, пребыть имѣю, какъ и былъ всегда, съ истиннымъ высокопочитаніемъ и благодарнымъ чувствованіемъ Т. архимандритъ Иларіонъ.

23 генваря 1832 г.
Тихвинъ.

(Къ письму приложенъ указъ консисторіи—въ отвѣтъ на прошеніе архим. Иларіона и братіи о дозволеніи устроить на чудотворную икону Тихвинской Божіей Матери новую золотую ризу съ драгоценными камнями „на счетъ неизвѣстнаго благотворителя“, а старую серебряную позолоченую ризу снять и положить на другую икону, „мѣрою и подобіемъ противу чудотворной.“ Указъ разрѣшалъ это, и предписывалъ разныя предосторожности для благонадежнаго исполненія работы и сохраненія монастырскаго интереса.)

46.

Отвѣтъ Аракчеева архим. Иларіону, 25 января 1832 г.

Письмо ваше писанное 23 генваря мною получено, за которое благодарю, и прошу Господа Бога, дабы онъ вразумилъ и наставилъ насъ

трешныхъ во славу его имяни. Теперь нужно будетъ здѣлать сколько можно приближительную смѣту о потребной суммѣ дабы знать оное при началѣ онаго дѣла. Я долженъ на сихъ дняхъ отлучится изъ Грузина по 1-е марта, то на случай надобности задатка деньги десять тысячь рублей находятся положенные въ грузинскомъ банкѣ, коему и приказъ при семъ прилагаю по коему ваше преподобіе можете оные получить. А прочее решено будетъ по представленной вамъ вышеупоминаемой сметы, которую должно дѣлать удобоисполнительною. Прося вашего благословенія пребуду и проч.

(При письмѣ и приказъ грузинскому мірскому банку на выдачу архим. Иларіону десяти тысячъ руб.)

47.

Ваше сіятельство,
Милостивый благодѣтель и покровитель святыхъ Божіихъ церквей,
Алексѣй Андреичъ.

Христосъ воскресе!

Нынѣ святая церковь вездѣ восклицаетъ Христосъ воскресе! радуйтеся и паки радуйтеся и веселитеся яко воскресе христосъ, адъ плѣненъ, и мы избавились отъ узъ онаго, врата отверсты въ царствіе Божіе, внидите въ радость Господа. Съ симъ сладостнѣйшимъ гласомъ, съ симъ высокоторжественнымъ праздникомъ Христова воскресенія нижайшій имѣю честь поздравить ваше сіятельство; хотя вы меня знать и не изволите лично, но вы мнѣ весьма извѣстны своими благодѣтельными и богоугодными дѣлами, извѣстны ваши жертвы, приносимыя во святыя Божія церкви, какъ-то въ новгородской дѣвичій духовный монастырь а паче въ Тихвинскій Божія Матери. А какъ Божія Матерь съ святителемъ Николаемъ явились нѣкоему пономарю, идущему возвѣщать о освященіи храма Божія Матери, въ пустынѣ въ четырехъ верстахъ отъ Тихвина въ собесѣдованіи на кладѣ вмѣстѣ, и монастырь его существуетъ съ того же времени, но несравненно бѣднѣе монастыря Божія Матери, такъ какъ и нынѣ претерпѣваетъ во всемъ недостатокъ, а паче всего кровли требуютъ перемѣны, но недостаетъ капитала; въ слѣдствіе чего осмѣливаюсь припасть къ стопамъ вашимъ приклонивъ главу свою яко благотворителю монастырей, не соблаговолено ли будетъ явить свою милость быть благодѣтелемъ и сея святыя обители, снабдивъ хотя малымъ числомъ для покрытія древомъ временныхъ покоевъ, а васъ Господь, нынѣ воскресшій, по совершеніи дражайшія вашія жизни, на небесехъ покрыетъ кровомъ своея благодати и водворитъ въ вѣчный покой.

Тихвинскаго Николаевскаго бесѣднаго монастыря строитель іеромонахъ Сосѳенъ.

Апрѣля 9 дня 1832 г.

48.

Боголюбивѣйшій графъ
Милостивѣйшій государь!

Господу Богу угодно было посѣтить меня болѣзнею. Съ 16 февраля я одержимъ былъ желудочною горячкой, которая продолжалась восемь сутокъ. Послѣ оной семь дней не было у меня аппетиту на пищу. Эти семь дней опаснѣе для меня были самой болѣзни, едва живъ остался. Но благодареніе Богу! помощію врача г. Геддена я остался живъ, и въ 15-й день въ вечеру принялъ легкой пищи. Съ дня я началъ по маленьку выздоравливать, по всемъ своимъ кельямъ я хожу, только вонъ не выхожу. Есть-ли бы умеръ; то порученная мнѣ тайна о видѣніяхъ въ письмѣ вашего сіятельства отъ 30 августа 1832 года, я тайну сохранилъ [1]). Но не прикажете ли возвратить оное письмо? или мнѣ прикажете оное уничтожить? Я былъ въ библіотекѣ вашей; но не спросилъ, есть ли въ оной журналъ: Христіанское Чтеніе, издаваемый съ 1821 года с.-петербургскою духовною академіею. Ежели есть, то прикажите сыскать 1823 годъ, въ которомъ году въ четвертой книжкѣ есть разсужденіе о видѣніяхъ, совѣтую оное прочитать со вниманіемъ и съ молитвою. Желая вашему сіятельству совершеннаго здоровья и душеспасительнаго пребыванія, и проч., Т. архимандритъ Иларіонъ.

13 марта 1833 г.
Тихвинъ.

49.

Аракчеевъ къ архим. Иларіону, отъ 20 марта 1833 г.

Сожелею о вашемъ здоровье, и радуюсь что оно облехчилось; но лехко можетъ быть что сіе искушеніе Божіе посѣтило васъ отецъ архимандритъ за ваше со мною обращеніе; какъ можно сіе дѣлать по-христіански; съ прекращенія общего нашего дѣла разстроившаго вашего начальства, вы бросили меня и чрезъ восемъ мѣсяцевъ вздумали только написать: Боже прости ваше забвеніе. Благодарю за письмо ваше писанное 13 марта, и въ тотъ же часъ по полученіи онаго отыскалъ статью вами писанную о видѣніяхъ, я ее прочиталъ да гдѣ же—въ церкви Божіей; но признаю мое виденіе къ третьему разряду, ибо молитва къ Господу Богу никогда не противна ему, очень онъ намъ много оставилъ, да и вы сами были согласны въ ономъ со мною, ибо получа мои бумаги, вы не здѣлали мнѣ никакого возраженія; а немедленно оные представили. Конечно какъ на все есть воля Божія то видно и сіе наше украшеніе не угодно Господу Богу, то онъ и вселилъ духа трусости въ начальство духовное; которое забыло что Государю наверно пріятно моленіе къ

[1]) Въ нашей копіи есть, кажется, въ этомъ мѣстѣ ошибки или пропускъ.

Господу Богу о душахъ его родителей, и благословеннаго брата. Но оставимъ сіе и обратимся къ другому.

При растройствѣ общаго нашего дѣла, я обѣщалъ васъ увѣдомить о моихъ пожертвованіяхъ; то прилагаю вамъ отецъ архимандритъ: 2-е мои бумаги прошу ихъ прочитать искоихъ вы увидете, что не скупость моя дѣйствуетъ на остановку нашего бывшаго дѣла. Естьли же Богу угодно будетъ исправить и наше дѣло, и обратитъ согласіе на мое неизмѣняемое желаніе, то я и еще и нынѣ согласенъ оное дѣло выполнить, но только во всемъ сходно съ моимъ предположеніемъ! а не иначѣ! Прошу васъ прочитавъ посылаемые бумаги, возвратить ко мнѣ оные обратно, какъ равномерно и письмо мое о видѣніи, ибо сіи бумаги еще не кому неизвѣстны окромѣ васъ, то я и буду ожидать съ первою почтою оныхъ обратно и отвѣта на сіе мое письмо. Прощая васъ въ вашемъ со мною поступкѣ, и моля о изцеленіи васъ Господа Бога; и прося вашего благословенія пребуду навсегда вашъ покорный слуга графъ Аракчеевъ.

(Слова Аракчеева о трусости духовнаго начальства объясняются дальше изъ письма Иларіона.)

50.

Боголюбивѣйшій графъ
Милостивѣйшій государь!

Я намѣренъ былъ отправиться въ С.-Петербургъ въ маіѣ; но обстоятельства останавливаютъ, и не знаю, когда свободно мнѣ будетъ туда выѣхать. Въ маіѣ же отпускалъ я въ Петербургъ казначея, и онъ счастливѣе меня,—получилъ пожертвованіе, бриліантовый формуаръ въ 3,000 р. на ризу Божіей Матери. И мнѣ должно туда ѣхать по дѣлу о ризѣ на образъ Божія Матере, облагодатствованный чудесами, которому дѣлу произошло начало отъ добраго и усерднаго намѣренія вашего сіятельства. Но остановилось къ крайнему прискорбію моему. Теперь по необходимости я долженъ просить пособія отъ благотворителей и ожидать, сколько кто пожалуетъ. И отъ кого же начать сей сборъ. Отъ вашей щедрой десницы. Вы, графъ, сдѣлали начало дѣла о ризѣ; вашему сердцу пріятно будетъ дать ходъ сему дѣлу пожертвованіемъ своимъ.

Объ отпускѣ въ Петербургъ я буду просить архипастыря послѣ сѣнокоса, который останавливаетъ дождь. Желая вашему сіятельству совершеннаго здоровья и проч. архимандритъ Иларіонъ.

12 іюня 1833 г. Тихвинъ.

51.

Боголюбивѣйшій графъ
Милостивѣйшій государь!

Вчера 10 сентября утромъ я благополучно пріѣхалъ въ Александровскую Лавру, гдѣ архипастырь принялъ меня благосклонно. Пер-

вымъ докладомъ было о устроеніи золотой ризы на чудотворный образъ Пресвятыя Богородицы, на условіяхъ, какія угодно было изложить вашему сіятельству, касательно приложенія ектеніи на поздней литургіи о упокоеніи блаженныя памяти императоровъ Павла I и Александра Благословеннаго, не исключая праздниковъ и торжественныхъ дней. При томъ былъ преосвященный Іона митрополитъ, бывшій Екзархъ Грузіи. Трактовали довольно между собою; но при совершенномъ уваженіи вашего сіятельства архипастыри не могутъ согласиться на тѣ условія, вопреки церковныхъ постановленій. Послѣ того, хотя и съ прискорбіемъ, я долженъ обратиться съ прозьбою къ разнымъ благотворителямъ о благотвореніи. А по количеству суммы и начнется дѣло во славу Христа Бога и Его Пречистыя Матери.

Желая вашему сіятельству многолѣтняго здравія и душевнаго пребыванія, остаюсь навсегда съ истиннымъ высокопочитаніемъ и благодарностью Т. архимандритъ Иларіонъ.

11 сентября 1833 г.
С. Петербургъ.

52.

Сіятельнѣйшій графъ
Милостивѣйшій государь!
Христосъ воскресе!

При наступленіи пресвѣтлаго праздника Воскресенія Христова, возобновились въ сердцѣ моемъ тѣ чувствованія, которыя много лѣтъ меня утѣшали и которыми я имѣлъ щастіе услаждаться, совокупно съ вами, поя Воскресшему изъ мертвыхъ всепраздственныя пѣсни во храмѣ Всевышняго, отъ вашего сіятельства сооруженномъ, и донынѣ отъ щедротъ вашихъ обильно снабдеваемомъ. Хотя нынѣ не могу я лично поздравить ваше сіятельство въ томъ же храмѣ: но духомъ моимъ переношусь въ оный, и усерднѣйше поздравляя ваше сіятельство со всерадостнѣйшимъ торжествомъ праздника праздниковъ, всерадостнѣйше восклицаю вамъ привѣтствіе: сіятельнѣйшій графъ, непремѣняемый мой благотворитель и покровитель: Христосъ Воскресе! за симъ молю Господа Бога да продлитъ Онъ дражайшую жизнь вашу въ ненарушаемомъ благоденствіи до позднѣйшихъ временъ.

Игуменъ Антоній.

5 апрѣля 1830 г.
Новгородскій Кириловъ монастырь.

(*Продолженіе будетъ.*)

ШКОЛЬНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ
КРЕСТЬЯНИНА.

I.

Жили мы въ Бѣлоруссіи, въ мѣстечкѣ Черемухинѣ, принадлежавшемъ графу N, которому мы и сами принадлежали. У меня были отецъ, мать и сестры; жили мы не бѣдно, и я былъ ребенкомъ совершенно счастливъ. Когда мнѣ минуло шесть лѣтъ, я былъ порядочно-смышленный мальчикъ. Я очень искусно выдѣлывалъ изъ сырого песку печи, — поставивъ одну босую ногу наземь, я осторожно обкладывалъ ступню ноги сырымъ пескомъ и затѣмъ осторожно вынималъ ногу прочь — изъ песку выходила отличная печь; игры въ мячъ, кегли, юлу и т. п. были мнѣ еще недоступны, но за то я умѣлъ бросать камни и черепки такъ высоко, что они перелетали черезъ крышу нашего дома. Въ этомъ я упражнялся внутри двора, перебрасывая камешки черезъ крышу дома на улицу, при чемъ неоднократно подвергался гоненіямъ отъ сосѣда нашего, старика Сидора Леоновича, которому, однажды, вовсе непредвидѣнно, попалъ камнемъ въ високъ. Этотъ случай надолго омрачилъ мои ясные дни. Часто, выдѣлывая на улицѣ подъ окномъ печи, булки и крендели, я долженъ былъ «смотрѣть въ оба», чтобы Сидоръ Леоновичъ не подобрался ко мнѣ съ хворостиной или съ пучкомъ крапивы по извѣстному дѣлу.

Мать нерѣдко грозила мнѣ за мои шалости, что скажетъ отцу, и что меня, голубчика, отдадутъ въ школу, а тамъ.... будутъ драть.

Въ школу я и самъ уже хотѣлъ. Свобода уже тяготила меня—

мнѣ нечего было дѣлать. Товарищей у меня не оставалось. Двоюродные братья уже годъ тому назадъ поступили въ школу, и теперь они мнѣ уже не товарищи; они лѣтъ на десять опередили меня. Передъ учителемъ и вообще старшими людьми они снимаютъ шапки, а я даже рѣдко и носилъ шапку. Но какъ ни нравилась мнѣ свобода, я сталъ завидовать Ванькѣ и Трушкѣ. Если намъ случалось сходиться по старой памяти играть въ лошадки и другія невинныя игры, и въ это время мимо насъ проходилъ кассиръ Ѳедотъ Сидоровичъ или лекарь Егоръ Васильевичъ, школьники оставляли игру и снимали шапки, тогда какъ я только пучилъ глаза. Но если намъ случалось играть въ «цурки»—игра эта весьма вредна для сосѣднихъ оконъ и даже для прохожихъ, и потому строжайше запрещена школьникамъ — и если въ это время проходилъ кто-нибудь (не говоря уже объ учителѣ и отцѣ Петрѣ) изъ старшихъ, школьники закидывали полы сертука на голову, чтобъ ихъ не узнавали и удирали въ стороны; на мѣстѣ преступленія оставался одинъ я — безстрашный и удивленный.

Мнѣ становилось досадно. Я даже подозрѣвалъ, что школьники выдѣлываютъ свои штуки нарочно — «знай, молъ, насъ! намъ это запрещено, а мы ничего... только во́ время удирай въ коноплю или въ горохъ!» А я ни отъ кого не удиралъ и ничего со мною не дѣлалось: я былъ маленькій, а они — *большіе*.

Кромѣ того, школьники въ короткое время обогащались такими познаніями, которыя меня изумляли. Они знали наизусть всю азбуку и могли считать до сотни и даже до тысячи, тогда какъ я зналъ азбуку *проговорить* только до буквы «есть», чему выучился случайно отъ дѣда Дударя, который, бывало, положитъ собакѣ на носъ корку хлѣба и читаетъ «азъ, буки, вѣди...» и т. д. и при буквѣ «есть» предоставлялъ собакѣ право проглотить кусокъ. Счетъ я зналъ только до «четырехъ», а что́ послѣ «четырехъ»—это было мнѣ неизвѣстно.

Со школьниками я сходился рѣдко — по средамъ и субботамъ, когда въ школѣ не было классовъ послѣ обѣда. Остальное время я не зналъ за что́ взяться. Со скуки я выучился свистать, и сталъ-было упражняться въ этомъ по цѣлымъ часамъ, но мать такъ пригрозила, что я долженъ былъ оставить эту забаву. Мать говорила, что свистать въ домѣ — большой грѣхъ, и добавила, что «кто свищетъ, тотъ батькино добро просвищетъ!»

Отъ бездѣлья я по утрамъ терся въ кухнѣ, и такъ успѣлъ этимъ надоѣсть всѣмъ домашнимъ, что меня поспѣшили сбыть съ рукъ.

II.

Въ одно прекрасное сентябрьское утро, въ концѣ сороковыхъ годовъ, меня вымыли, вычесали, одѣли въ казинетовый сертучокъ и синіе бумажные штаны, чтобы молодцомъ отвести въ школу. Въ рѣшительную минуту — я задумался, и пилъ чай со сливками нѣсколько пасмурный. Мать меня поглаживала по головѣ, но это меня не веселило. «Да, теперь поглаживаете! знаю я васъ!» думалъ я.

Отецъ уже ушелъ въ лавку (онъ торговалъ), а матери было предоставлено отвести меня въ школу и сдать учителю.

— Ну, пей же хучей (скорѣе)! торопила она меня. Пей, голубчикъ, да и пойдемъ съ Богомъ!

— Подождите!—отвѣчалъ я грубо, медленно потягивая чай. Не обвариться же мнѣ для васъ... Успѣете съ козами на торгъ! Небось — обрадовались!....

Огрызаться я уже выучился. Но мать въ эту важную минуту не обратила вниманія на мои грубости. У нея въ это утро было пропасть хлопотъ: надо было испечь хорошій пирогъ для учителя и приготовить еще кое-какихъ подарковъ, и потому она поминутно выходила то въ кухню, то на погребъ, то въ анбаръ. Меня окружили соболѣзнующія сестры. Старшая была возмущена моею дерзостью, но я и ей отвѣтилъ также грубо, и меня оставили въ покоѣ; въ этихъ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ мать даже обвинила Елену, которая и «бо́льшая» и «ста́ршая» и что ей стыдно приставать къ «малому хлопцу».

Какъ я ни терся, какъ ни маячилъ, но къ одиннадцати часамъ, мы съ матерью, послѣ долгаго моленья, двинулись въ путь; у меня въ салфеткѣ покоился еще горячій пирогъ, а у матери моей въ узелкѣ была семга, икра и еще что-то съѣдобное. Школа была на нашей улицѣ, домовъ черезъ пять отъ нашего, и мы пришли туда черезъ нѣсколько минутъ.

Домъ, гдѣ помѣщалась школа, раздѣлялся сѣнями на двѣ половины: на правой сторонѣ была одна комната и помѣщалась школа; на лѣво — квартира учителя. Мы взошли въ квартиру учителя; насъ встрѣтила учительша, высокая и худая женщина; она послала въ школу за учителемъ и велѣла поставить самоваръ. Чрезъ нѣсколько минутъ вошелъ учитель—Василій Ѳедоровичъ Сапожниковъ. Мать велѣла мнѣ подойти къ «дяденькѣ» и поцѣловать ручку. Затѣмъ мать осталась въ квартирѣ учителя, а меня «дяденька» повелъ черезъ сѣни въ школу.

Какъ только онъ отворилъ дверь, какъ оттуда раздался та-

кой гулъ, что я глаза выпучилъ. Это ученики читали вслухъ развѣшенныя по стѣнамъ таблицы.

Меня, какъ новичка, посадили «на песокъ». Это былъ такой столъ, который посыпали пескомъ, а по песку проводили лопаткою линейки, и затѣмъ заставляли насъ писать по песку азбуку и нумерацію. Сдавъ меня на руки товарищамъ, учитель удалился въ квартиру, а я сталъ оглядывать школу и товарищей. Сосѣдями у меня были — съ правой стороны Яшка Блинохватовъ, а съ лѣвой Филимонъ Каплуновъ. Яшка былъ изъ сосѣдней деревни; онъ былъ сирота и его вотчинная контора взяла въ «застольную», откуда онъ ходилъ въ школу. Онъ былъ раскольникъ, но старый дворецкій Петръ Семеновичъ — человѣкъ весьма набожный—завѣдывавшій «застольною», уговорилъ Яшу принять «благочестіе» и ходить въ нашу церковь, говѣть и молиться по православному. Яшка былъ веселый, но хилый мальчикъ, ему было тринадцать лѣтъ, но онъ былъ едва на вершокъ выше меня, и я въ скоромъ времени даже поборалъ его. Замѣчательно еще, что во всей школѣ одинъ Яшка говорилъ чисто по-русски; мы всѣ говорили по-бѣлорусски. Случалось такъ: во время урока грамматики учитель укажетъ на какой-нибудь предметъ и велитъ его назвать, напримѣръ:

— Ѳедоръ Вольскій! — выкликнетъ учитель взрослаго ученика — какъ называется строеніе, куда кладутъ дрова, ставятъ бочки, телѣги и т. п.?

— Пуня! отвѣчаетъ ученикъ.

Учитель пожуритъ ученика и для примѣра выкликнетъ Блинохватова.

— Яковъ Блинохватовъ! какъ это называется?

— Сарай-съ!

Тоже самое повторялось и съ другими предметами: лукъ, ученики называли *цыбулею*, кирпичъ — *цеглою*, смородину—*порѣчкою*, крыжовникъ—*агрестомъ* и т. д. Одинъ Яковъ называлъ предметы настоящимъ русскимъ именемъ. Это я узналъ конечно впослѣдствіи.

Другой мой сосѣдъ былъ толстый краснощекій мальчикъ; онъ только и зналъ, что, наклонившись плотнѣе, жевалъ хлѣбъ и сопѣлъ на десять шаговъ.

Оглядываясь по школѣ, я увидѣлъ нѣсколько учениковъ съ разноцвѣтными печатными ярлыками на спинахъ; Яшка мнѣ объяснилъ, что это были *старшіе* (первые) ученики каждаго класса, а классовъ было пять. Эти ярлыки очень прельщали меня: мнѣ казалось, что ничего нѣтъ красивѣе этихъ ярлыковъ. Были ярлыки еще и другого рода—бѣлые, писанные на простой

бумагѣ; съ этими ярлыками ученики обязаны были ходить домой и радовать своихъ родителей надписями: «оселъ», «лѣнивецъ», «непослушный» и т. п. и такихъ ярлыковъ было не мало.

Оглядѣвшись вокругъ себя, и поводивъ вырѣзаннымъ изъ метлы прутикомъ по песку, я пришелъ въ самое хорошее расположеніе духа, и вспомнивъ, что у меня въ карманѣ есть сдобная булка, я показалъ ее Яшкѣ и учтиво предложилъ ему раздѣлить ее пополамъ. Но это оказалось невозможнымъ, во-первыхъ потому, что въ классѣ можно было ѣсть только украдкою, а во-вторыхъ, когда мальчики увидятъ булку, то отъ нихъ не будетъ отбоя. Яшка посовѣтовалъ мнѣ лучше всего попроситься на дворъ, а такъ какъ я не знаю двора, то онъ проводитъ меня, и мы тамъ съѣдимъ булку.

— А у кого мнѣ попроситься? — спросилъ я.

— А вонъ.... видишь съ синенькимъ ярлыкомъ; это старшій пятаго класса, Андрей Исаковъ.

Андрея Исакова я зналъ отлично: онъ былъ родной братъ моего пріятеля Ваньки и двоюродный мнѣ, а потому я обратился къ нему попросту: «Андрей! — вскрикнулъ я на весь классъ, такъ что всѣ ученики, читавшіе таблицы, замолкли вдругъ и обернулись въ нашу сторону. Я смутно чувствовалъ, что сдѣлалъ какую-то глупость, но не зналъ чѣмъ поправить дѣло. Андрей тоже услыхалъ меня и смотрѣлъ въ нашу сторону черезъ нѣсколько столовъ. Въ классѣ наступила тишина; всѣ смотрѣли на меня; ждать было нечего, а потому я откровенно изложилъ свою просьбу.... Но едва только я произнесъ послѣднее слово, какъ по всей школѣ раздался такой хохотъ, что я чуть не расплакался. Къ счастью подошелъ Андрей и нѣсколько ободрилъ меня, сказавъ ласково, что въ училищѣ нельзя кричать, и нужно проситься изъ класса молча, только поднять одну руку.

Черезъ минуту мы съ Яшкою были на дворѣ, и дружески раздѣлили булку. Я старался быть спокоенъ, но происшествіе, насмѣшившее школу, заставило меня задуматься. Я видѣлъ, что большая разница: быть въ школѣ, и быть дома. Тутъ нужно быть осмотрительнѣе.

Я съ перваго дня сталъ цѣлью насмѣшекъ для мальчиковъ. Дома я преодолѣвалъ всѣ неудачи и огорченія единственно своею твердостью, которая заключалась въ томъ, что я плакалъ по цѣлымъ днямъ и этимъ способомъ достигалъ всего, — маковниковъ, барабанщиковъ, орѣховъ, облитыхъ сахаромъ и прочихъ понадобившихся мнѣ предметовъ. Въ школѣ разумѣется объ этомъ

нечего было и думать. Тутъ кто заплачетъ, тотъ самый дрянной мальчикъ.

Къ счастью, осенью въ школу стали поступать новые мальчики, съ которыми тоже случались исторіи похожія на мою, и потому я отошелъ на второй планъ и незамѣтнымъ образомъ пропалъ въ кучкѣ другихъ учениковъ. За то доставалось въ свою очередь *новымъ:* надъ однимъ смѣялись, что его мать «рвала рѣдьку, а вытащила Ѳедьку»; надъ другимъ, что его батька «зиму и лѣто *въ одной рубашкѣ* ходитъ» и т. д.

Походивъ нѣсколько дней въ школу, я заболѣлъ глазами; дома не знали причины болѣзни, я тоже не могъ объяснить ее, и отдохнувъ дома дня два-три, я снова начиналъ ходить въ школу и глаза начинали болѣть снова. Такъ прошло около двухъ мѣсяцевъ; наконецъ учитель объяснилъ въ чемъ дѣло: глаза у меня болѣли отъ песку, на которомъ мы писали и обѣщалъ перевести меня на *доску.* На другой день, я пришелъ въ школу уже съ аспидной доскою, и меня посадили въ *первый классъ.* Я понималъ, что мое повышеніе было незаслуженное, но неособенно заботился объ этомъ.

Писанье на доскѣ было въ тысячу разъ занимательнѣе. Яшка Бурый, съ которымъ мнѣ привелось сидѣть, показалъ какъ надо дѣлать линейки на доскѣ и что́ писать. Затѣмъ онъ мнѣ показалъ первыя правила игры «въ крестики». Партій десять мы съиграли безъ интереса; потомъ, когда Яшка убѣдился, что я понялъ игру, мы стали играть на «интересъ»—кто проигрывалъ — того драть за хохолъ. Начали играть; сколько ни играли, я проигрывалъ каждую партію, и Яшка послѣ каждой партіи пригибалъ меня къ столу. Кредитъ у насъ не допускался, и мы разсчитывались за каждую партію сейчасъ же наличными.... волосами. Мнѣ страшно хотѣлось обыграть его хоть разъ, чтобы схватить за хохолъ и расквитаться, но я долженъ былъ спасовать.

Игра въ крестики обходилась мнѣ дорого, но по крайней мѣрѣ принесла ту пользу, что я въ одинъ классъ выучился написать *клѣтку, крестикъ* и *ноль* и для черченія этихъ знаковъ усвоилъ бѣглость руки, такъ какъ игра требовала быстроты—и происходила изподтишка и урывками.

Впослѣдствіи Яковъ Бурый сталъ самымъ горькимъ человѣкомъ. По выходѣ изъ школы онъ былъ отданъ въ ученье столяру, и изъ него вышелъ хорошій подмастерье. Но его постигло несчастье. Во время крымской войны, у насъ въ церкви былъ объявленъ манифестъ, въ которомъ излагались надежды, что всѣ отъ мала до велика возьмутся за оружіе при первомъ призывѣ;

Яшка, не откладывая дѣла до завтра, тотчасъ же отправился къ главноуправляющему съ просьбою отдать его въ солдаты. Яшку за это усердіе посадили на цѣпь, и затѣмъ обѣщали высѣчь на другой день. Ночью онъ убѣжалъ. Черезъ двѣ или три недѣли онъ былъ доставленъ въ контору по этапу съ обритою головою: онъ былъ въ губернскомъ городѣ, гдѣ его просьбы тоже не приняли, а посадили въ острогъ, обрили половину головы и въ такомъ видѣ препроводили домой. Дома его тоже не похвалили, а наказали. Яшка сталъ посмѣшищемъ для своихъ грубыхъ и тупыхъ сосѣдей и.... несчастный запилъ самымъ непробуднымъ запоемъ!

Наступила зима; я незамѣтнымъ образомъ сталъ настоящимъ ученикомъ: узналъ буквы въ разсыпную и читалъ двухъ и трехъ-сложные склады. Но въ то же время, слушая, какъ другіе ученики читали таблицы безъ складовъ, напримѣръ, «Петръ и Іоаннъ шли вмѣстѣ въ храмъ на молитву; въ притворѣ было множество слѣпыхъ, хромыхъ и одержимыхъ нечистымъ духомъ...» я почти не вѣрилъ, что я когда-нибудь буду въ состояніи читать. Понятія мои, какъ и моихъ сверстниковъ, были самыя первобытныя. Однажды, напримѣръ, случилось мнѣ увидать красивую шкатулку и я не могъ понять, откуда и какъ такія прекрасныя вещи происходятъ — многіе изъ насъ думали, что они *ростутъ* или ихъ *находятъ*.

Многое оставалось мнѣ непонятнымъ, но съ каждымъ днемъ я незамѣтнымъ образомъ пріобрѣталъ бездну свѣдѣній. Въ дисциплинарномъ отношеніи я усвоилъ себѣ всѣ пріемы—на улицѣ передъ всякимъ старшимъ жителемъ я снималъ шапку (замѣчательно то обстоятельство, что передъ женщинами мы не снимали шапокъ и намъ объ этомъ не приказывали), старшихъ учениковъ называлъ по имени и отчеству и по воскресеньямъ передъ обѣдней являлся въ школу, чтобъ идти къ обѣднѣ «парами», и въ церкви занималъ общее мѣсто съ учениками.

Теперь, позвольте познакомить васъ съ нашими учителями.

III.

Законоучитель нашъ былъ священникъ отъ собора, Петръ Висковатовъ. Собственно собора у насъ не было, но такъ для большей важности называли одну изъ трехъ церквей, въ которой прихожанами были Черемухинскіе жители. Отецъ Петръ былъ очень красивый, крѣпкій и рослый мужчина; на лицѣ его

былъ самый здоровый румянецъ; сильно развитыя скулы подымались высоко къ сѣрымъ сверкающимъ глазамъ, окаймленнымъ тонкими и рѣзкими бровями; тонкій съ небольшою горбинкою носъ и крѣпчайшіе въ цѣломъ свѣтѣ зубы, которые у него остались въ полномъ комплектѣ до глубокой старости—все это говорило въ пользу замѣчательно совершеннаго по сложенію человѣка. Лобъ у него былъ довольно низкій и узкій, а виски и скулы сильно развитые, и эта непропорціональность лба съ остальными болѣе развитыми частями лица объясняла многое съ душевной стороны нашего законоучителя. Онъ былъ хитрый, но недалекій, грубый и злой человѣкъ.

Классы отца Петра были по вторникамъ и четвергамъ послѣ обѣда. Онъ сѣкъ учениковъ рѣже другого учителя отца Василія (о которомъ скажу дальше), но мы боялись отца Петра больше всѣхъ, и всегда ставили одного мальчика *караулщикомъ*, чтобы тотъ предупреждалъ объ его приходѣ.

Какъ бы мы ни шумѣли, какъ ни возились, но какъ только караульный вскрикивалъ: «отецъ Петръ!», по всему классу какъ эхо зашуршало шепотомъ: «отецъ Петръ!.... отецъ Петръ!.... отецъ Петръ!....»

Отецъ Петръ входилъ въ классъ среди глубочайшей тишины и всеобщаго трепета. Даже тѣ ученики, которые отличались прилежаніемъ и постоянно знали свои уроки, даже и тѣ дрожали—такъ дѣйствовалъ этотъ страхъ! Медленно подходилъ отецъ Петръ къ учительскому мѣсту и садился не большей части не на стулъ, а на столъ. Это ученикамъ не нравилось: у всѣхъ насъ было понятіе, что на столъ садиться грѣхъ. Усѣвшись на столъ, отецъ Петръ вынималъ огромную круглую, величиною съ кружку, берестяную табакерку, цвѣтной платокъ и клалъ эти принадлежности подлѣ себя. Затѣмъ онъ громко кашлялъ, —(каждый урокъ это повторялось одинаково)—и потомъ бралъ *списокъ*.

У насъ былъ порядокъ такой, что передъ классомъ *старшій* ученикъ выслушивалъ уроки своего класса и дѣлалъ въ спискѣ отмѣтки трехъ разрядовъ: «знаетъ», «не твердо» и «не знаетъ». Отецъ Петръ разсматривалъ этотъ списокъ, и когда ему попадались отмѣтки «не твердо» и «не знаетъ», тогда онъ отводилъ глаза отъ списка и—уже разгорѣвшимися—металъ ими въ жертву, при чемъ раздавался легкій какъ подземный гулъ «гмъ!». Онъ любилъ поиграть съ своими жертвами. Посмотрѣвъ списокъ, —который у насъ на счетъ баловъ былъ всегда одинаковъ, потому что «ослы» и «старички» нисколько не исправлялись — отецъ Петръ не вызывалъ учениковъ къ себѣ, а самъ подходилъ къ

своимъ жертвамъ. Подойдетъ къ ученику и начнетъ съ нимъ играть:

— Ну, Леонъ Ефимцевъ! ну, *старичокъ* любезный! я хитёръ, а ты хитрѣе меня: я сегодня сердитъ, а ты какъ нарочно урокъ выучилъ *(мальчикъ не знаетъ урока)*. Не каналья ли ты? перехитрилъ меня, а то я задалъ бы тебѣ пару. *(Въ классѣ мертвая тишина; у Леона Ефимцева въ глазахъ круги)*. Ну, не ожидалъ я отъ тебя этого. Можетъ быть, ты исправляться началъ? А? Что же ты молчишь? А? Молчишь что? Что, у тебя языка нѣтъ? А? Гдѣ твой языкъ?... Языкъ твой гдѣ? Что жъ ты молчишь? Долго ли ты меня мучить будешь?...

Слѣдуютъ эпитеты, мало употребительные въ печати. Отецъ Петръ начинаетъ бить мальчика по щекамъ и таскать за волосы; сосѣдніе мальчики раздвигаются. Въ первомъ классѣ происходитъ смятеніе — одинъ мальчикъ съ испуга упалъ въ обморокъ. Отецъ Петръ на нѣсколько минутъ оставляетъ жертву и велитъ заболѣвшаго мальчика вынести въ сѣни и покрыть лицо платкомъ; онъ объясняетъ это «родимчикомъ». Затѣмъ отецъ Петръ возвращается къ своимъ занятіямъ, и кричитъ: «розогъ!»

Леона Ефимцева и другихъ, надъ которыми предварительно дѣлается все то, что было совершенно надъ Ефимцевымъ, начинаютъ сѣчь. Отецъ Петръ стоитъ у головы, нюхаетъ табакъ и разговариваетъ съ мальчикомъ.

— Что, больно, а? больно?

— Батюшечка!... голубчикъ! си-зенькій-ій! родненькій-ій! си-си-зенькій!...

— А? Учиться не будешь?... Хорошо же когда такъ! Прибавь ему! Да ты что (эпитетъ), шутишь что-ли? Хорошенько, прибавь, а то самого запорю! и т. д.

Кончивъ сѣченье, отецъ Петръ садился на свое мѣсто; задавалъ къ будущему четвергу урокъ и грозилъ, что перепоретъ всѣхъ.... тутъ опять бранилъ уже всѣхъ насъ. Вотъ случай, показывающій, до какой отупѣлости и одуренія доводилъ учениковъ этотъ человѣкъ. Однажды присталъ онъ къ ученику третьяго класса, Гавріилу Попову, съ вопросомъ: «что такое архангелъ?» На этотъ вопросъ у насъ во всей школѣ никто не далъ бы отвѣта, потому, что наши наставники обыкновенно не трудились объяснять намъ названія предметовъ, лицъ и т. п.; и только заставляли вызубривать уроки *отселѣ* и *доселѣ*. Понятно, что у Попова голова закружилась отъ этого вопроса; нужно было отвѣчать что-нибудь. Отецъ Петръ звѣрскимъ голосомъ повторилъ вопросъ, и бѣдный мальчикъ съ перепугу отвѣчалъ, что архан-

гелъ значитъ «механикъ». Вся школа слышала этотъ смѣшной отвѣтъ, но ни одна душа не смѣла хикнуть: разсмѣялся одинъ отецъ Петръ.... Боже мой, какой это былъ смѣхъ!.... Наставникъ съ яростью бросился на Попова и.... они слились въ общую массу: отецъ Петръ подымалъ и таскалъ его за волосы и билъ по щекамъ, безъ всякаго милосердія. Затѣмъ «на мировую», — такъ выражался отецъ Петръ,—слѣдовала жесточайшая порка.

Отца Петра боялись не только въ школѣ, но и въ церкви. Прихожане, какъ и всѣ жители, за исключеніемъ чиновниковъ, были люди крѣпостные, безотвѣтные, и онъ часто честилъ ихъ *скотами*, не понимающими «куда они зашли». Помню, однажды въ Ѳомино воскресенье, когда у насъ раздаютъ послѣ обѣдни «артосъ», народъ сильно толпился около священника, и массою выдвинулъ впередъ нашего землемѣра, малорослаго и смиреннаго человѣчка; отецъ Петръ закричалъ на него какъ тигръ:

— Ты куда ползешь, *сверчокъ!*—И сложилъ руки на манеръ того, какъ дѣти «колупаютъ масло», но землемѣръ успѣлъ проскользнуть дальше.

При раздачѣ вербы, въ вербное воскресенье, онъ нерѣдко поучалъ народъ страху божію и благоговѣнію не только словами, но и самыми ваіями.

Особенно любилъ онъ поломаться во время свадебъ: въ церковь было-пріѣдутъ молодые, соберутся приглашенные гости и любопытный народъ; дядя Кирила — церковный староста — зажжетъ свѣчи, пѣвчіе запоютъ концертъ.... потомъ другой.... въ церкви холодно,... пропоютъ и третій, а отца Петра еще нѣтъ... Шафера и родственники молодыхъ шмыгаютъ, то въ церковь, то изъ церкви въ домъ къ священнику... Публика постукиваетъ нога объ ногу, а его все нѣтъ, а между тѣмъ онъ хорошо знаетъ, что его ждутъ уже часа два: домъ его подлѣ самой церкви. Случается, что дядя Кирила—человѣкъ весьма у насъ почтенный и считающійся первымъ торговцемъ—отправится къ отцу Петру самъ.

— Отецъ Петръ!.... Что же это у насъ будетъ?... Что же вы надъ народомъ перекорястесь... Васъ двѣсти человѣкъ на холоду дожидаются. Сами назначаете вѣнчанье въ пять часовъ, а теперь уже восьмой. Развѣ это порядокъ?... Вѣдь вы деньги за это берете, да еще надругаетесь?... У меня въ храмѣ два часа паникадило и большія свѣчи горятъ—храму убытокъ, а вы тутъ чаи распиваете. Вотъ какое у васъ усердіе къ храму....

Таковъ былъ у насъ законоучитель и пастырь.

Другой священникъ, отецъ Викентій Коноплевъ, преподавалъ у насъ грамматику и ариѳметику. Это былъ характеръ

совсѣмъ другого рода. Отецъ Викентій былъ блондинъ, высокаго роста и съ тонкимъ горбатымъ носомъ, карими глазами и длинными передними зубами, человѣкъ слабаго здоровья—золотушный, нервный, порывистый и слабохарактерный.

Классы отца Викентія отличались совершеннѣйшею распущенностью — мы его не боялись, и въ его присутствіи шумѣли такъ, будто его не было. Бывали у насъ такіе случаи, что отецъ Викентій, не находя способа какъ насъ унять, начиналъ сѣчь *девятаго* или *восьмого*. При этомъ отецъ Викентій старася впрочемъ разсчитывать такъ, чтобы *девятымъ* не приходилось быть дѣтямъ зажиточныхъ и вліятельныхъ жителей. Бѣда и здѣсь падала на однихъ бѣдняковъ. Но ученики ухитрялись противъ него вдвое. Отецъ Викентій сѣкъ всегда безъ личнаго присмотра. — «Стащи его за заднюю парту, — скомандуетъ онъ самымъ гнѣвнымъ голосомъ — и дай ему *сто* лозановъ!» Это было любимое его число, котораго не доводилъ онъ на практикѣ даже до одной четвертой. Ученики, во время экзекуцій, просто садились за задней «партой» и громчайшимъ голосомъ, чего терпѣть не могъ отецъ Викентій, умоляли его о пощадѣ, и онъ тотчасъ же прекращалъ мнимыя истязанія.

Отца Викентія мы не боялись ни капельки, но любили его: сѣкъ онъ насъ, какъ говорится, спустя рукава, и — что всего важнѣе, — никогда не бранилъ такими солдатскими словами, на которыя былъ таровать его сотоварищъ. Маленькія вины, впрочемъ, обходились намъ нѣсколько дороже сѣченья, потому, что за малую вину отецъ Викентій расправлялся своеручно — дралъ за хохолъ или за ухо, или подкрадывался сзади къ разговаривающимъ и стукалъ ихъ голова объ голову, но по щекамъ онъ не билъ никого.

Онъ былъ несравненно умнѣе и ученѣе отца Петра: онъ очень часто говорилъ проповѣди своего сочиненія, а отецъ Петръ никогда не *читалъ* проповѣдей даже напечатанныхъ. Одинъ былъ недостатокъ у отца Викентія, недостатокъ весьма важный для священника — онъ не имѣлъ правильнаго слуха, и весьма часто сбивалъ пѣвчихъ своимъ фальшивымъ тономъ. Съ отцемъ Петромъ они никогда не ладили: тотъ не могъ не понимать превосходства отца Викентія, и постоянно вредилъ ему; но наивный отецъ Викентій или не замѣчалъ этого, или думалъ усмирить врага кротостью и смиреніемъ—старыми монетами, давно вышедшими изъ обращенія.

Эти дурныя отношенія вдругъ дошли до ужасныхъ размѣровъ. Вышло невѣроятное событіе — отецъ Викентій былъ произведенъ въ благочинные!... Отецъ Петръ долженъ былъ получать

жалованье отъ отца Викентія и находиться въ зависимости отъ него.... Отецъ Петръ никакъ не могъ сжиться съ этою мыслію, и вскорѣ, по его пронырству, отецъ Викентій былъ отставленъ отъ школы. Его удалили подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ *слабый учитель* и его *ученики не боятся*. И это была правда. Но правда и то, что у насъ по его «предметамъ» ученье шло гораздо лучше, чѣмъ у отца Петра.

Нѣкоторое время мѣсто отца Викентія оставалось не занятымъ, и его предметы — ариѳметику и грамматику — намъ преподавалъ нашъ безсмѣнный учитель — Василій Ѳедоровичъ Сапожниковъ, крѣпостной, или еще точнѣе «дворовый» человѣкъ графа N., которому принадлежало все мѣстечко Черемухино, вмѣстѣ съ двадцатью пятью селами и деревнями. Черемухино было столицею этого маленькаго государства.

IV.

Мнѣ очень хотѣлось бы разсказать всю жизнь нашего учителя, но къ сожалѣнію моему, для меня осталось многое неизвѣстнымъ.

Извѣстно мнѣ только, что въ 1837 году, въ Черемухинѣ была учреждена помѣщикомъ школа, и въ этомъ году пріѣхалъ изъ Москвы Василій Ѳедоровичъ. Такъ какъ мы въ школѣ называли учителя нашего *дяденькою*, то я и въ разсказѣ буду его называть этимъ именемъ. Дяденька былъ въ Москвѣ «въ ученьи»; долго ли онъ тамъ пробылъ, я не знаю, но онъ былъ «въ ученьи» не въ учебномъ, а въ какомъ-то ремесленномъ заведеніи. Въ Черемухино онъ пріѣхалъ еще очень молодымъ человѣкомъ, и вскорѣ — черезъ годъ или два — женился на черемухинской дѣвушкѣ, которая ему была вовсе не пара. Впрочемъ, ему и нельзя было подобрать ровни во всемъ нашемъ мѣстечкѣ. Женское населеніе мѣстечка отличалось отъ деревенскихъ женщинъ только мѣщанскими, а иногда и дворянскими нарядами, и едвали въ то время десять изъ ста дѣвушекъ знали грамотѣ. Ему надо было жениться на комъ-нибудь — для хозяйства, — онъ и женился.

Въ то время, когда я поступилъ въ школу, нашему учителю было двадцать восемь или двадцать девять лѣтъ. Онъ былъ высокій брюнетъ, носилъ усы и у самыхъ висковъ бакенбарды, которыхъ никогда не подстригалъ и оставлялъ въ природномъ безпорядкѣ; волосы онъ стригъ коротко и причесывался съ «кокомъ». Одѣвался онъ всегда чисто; у него было три сертука: одинъ суконный темнозеленый, обшитый снуркомъ, онъ надѣвалъ въ самые

высокоторжественные дни, другой—тоже суконный—темносиній, съ бархатнымъ воротникомъ, надѣвался по воскресеньямъ и небольшимъ праздникамъ; въ будни лѣтомъ онъ ходилъ въ тиковомъ съ желтыми мелкими полосками, а зимою — въ ватномъ коричневомъ бекешѣ. Это платье я помню на немъ втеченіи десяти лѣтъ, и оно было такъ же чисто, какимъ я видѣлъ его въ первый разъ. Онъ отличался вообще чистотою и опрятностью.

Дяденька обучалъ насъ всему. Когда какой-нибудь священникъ болѣлъ или отлучался куда-нибудь, дяденька замѣнялъ его. На его обязанности лежало обученіе чтенію, письму и первымъ правиламъ исчисленія. Кромѣ того, онъ самъ сталъ обучать мальчиковъ пѣнію и составилъ прекрасный — сравнительно со средствами, — хоръ. Пѣніе было его любимымъ предметомъ.

Но чего стоила ему эта страсть, эта любовь! Жалованье онъ, какъ крѣпостной человѣкъ, получалъ маленькое: 300 рублей въ годъ, *на ассигнаціи*, что составляло около 80 рублей на нынѣшнія деньги. Кромѣ этого, ему шелъ *паекъ* по два пуда ржаной муки на взрослаго и по пуду и полпуда на дѣтей, глядя по возрасту; къ этому прибавлялось нѣсколько гарнцевъ гречневыхъ крупъ и нѣсколько фунтовъ соли. Таково было домашнее благосостояніе даровитѣйшаго человѣка хамской породы. У дяденьки къ тому же было трое дѣтей. При такомъ положеніи нельзя было и мечтать — выписать ноты изъ Москвы или Петербурга. А между тѣмъ у насъ были свои ноты, добытыя собственными его способами. Это бывало такъ: услышитъ онъ, что архіерей будетъ объѣзжать епархію, сейчасъ раздастъ ученикамъ бѣлую бумагу и велитъ линевать ее для нотъ. Гостепріимство для архіереевъ въ господскомъ домѣ было всегда хорошее, и случалось, что архіерей дѣлалъ у насъ днёвку. Въ это время нашъ учитель знакомился съ архіерейскимъ регентомъ и выпрашивалъ у него ноты для переписки, и переписывалъ ихъ *самъ* для всѣхъ четырехъ голосовъ. Случалось, добрые регенты дарили ему цѣлыя тетради нотъ, а одинъ былъ такой, что даже выслалъ намъ изъ губернскаго города нѣсколько тетрадей по почтѣ.

Хоръ нашъ развивался вмѣстѣ съ развитіемъ средствъ. Мы,— я тоже попѣвалъ дискантомъ въ свое время,—пріобрѣли полное гражданство, и служба въ соборѣ раздѣлялась на два клироса. На одномъ пѣли любители, преимущественно старики, а на другомъ заливались мы. Тенора и басы были изъ писарей и другихъ служащихъ въ вотчинной конторѣ, которые тоже были когда-то учениками въ школѣ. Въ нашей церкви не полагалось дьякона, за то у насъ дьячковскую вакансію всегда занималъ дьяконъ, который служилъ заутрени и обѣдни въ надлежащемъ

облаченіи, что́, въ соединеніи съ хоромъ, придавало службѣ болѣе торжественный видъ.

Впослѣдствіи, — уже много лѣтъ спустя, — когда нашъ помѣщикъ умеръ, и дворянскою опекою былъ назначенъ въ Черемухино главноуправляющій, одинъ изъ окрестныхъ помѣщиковъ, панъ Турчановскій, когда въ черемухинскомъ господскомъ домѣ пошли пиры да балы, въ это время, по ходатайству дяденьки, намъ было выписано изъ Петербурга рублей на 60-ть печатныхъ нотъ, и въ томъ числѣ четыре тетради концертовъ Бортнянскаго.... Радость дяденьки была чрезвычайная. Первый концертъ мы разучили въ одну недѣлю и этотъ концертъ былъ — «Боже, пѣснь нову воспою Тебѣ!» Вѣроятно дяденька выбралъ его для перваго концерта за слова, которыя соотвѣтствовали его настроенію.

Но я еще не сказалъ самого главнаго о нашемъ обученіи пѣнію. У нашего учителя не было ни какого инструмента и онъ училъ насъ *съ голоса*: если мы не осиливали какой пассажъ, онъ проходилъ его съ нами самъ, т.-е. пѣлъ сколько могъ альтомъ и дискантомъ. Можете себѣ представить: какое тутъ нужно было терпѣнье!

Съ воцареніемъ въ Черемухинѣ пана Турчановскаго, съ его балами и вечерами, нашъ хоръ также разширилъ свою программу: мы выучились пѣть пѣсни, и часто пѣли ихъ для гостей. Дяденька досталъ гдѣ-то *свѣтскія* ноты, изъ которыхъ я помню только одну «канту».

Возыграйте, стройны лиры,
Возбуждаетъ Фебъ отъ сна,
Вѣйте тихіе зефиры,
Возвращается весна....

Музыка этой «канты» соотвѣтствовала тексту и учитель нашъ, — у него былъ вкусъ, — вскорѣ бросилъ ее. Онъ умѣлъ отлично составлять программу вечера для вельможныхъ пановъ. Никогда мы не пѣли съ ряду двухъ пѣсенъ веселыхъ или заунывныхъ. «Курочка — златопёрочка», которая по двору ходитъ, чубъ надуваетъ, *пана* утѣшаетъ, особенно правилась пану Турчановскому, и мы всегда ею начинали вечеръ, и по требованію пановъ повторяли ее нѣсколько разъ. Еще нравился пану концертъ: «Сей день егоже сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся въ онь», и мы пѣвали иногда этотъ концертъ. Помню одинъ особенно удачный вечеръ. Пѣли мы «Возлѣ рѣчки». Пѣли очень хорошо. Хоръ всегда располагался въ билліардной комнатѣ передъ гостинной; пѣвчіе стояли вокругъ билліарда. Когда мы за-

пѣли эту пѣсню, всѣ паны, пàни, паненки и паничи оставили гостиную и окружили насъ; въ дверяхъ гостинной неподвижно, какъ статуя стоялъ самъ панъ Турчановскій, закинувъ назадъ голову: онъ видимо былъ доволенъ и пѣснею и ея впечатлѣніемъ на гостей. И когда мы кончали эту заунывную пѣсню на словахъ:

Черезъ быстру понесешься,
Захлипё.... ошься!

нѣсколько минутъ была глубокая тишина: намъ даже не хлопали, и какъ будто ожидали еще продолженія. Это длилось не болѣе минуты. Учитель нашъ видимо былъ доволенъ. Сдавивъ зубами камертонъ, онъ задалъ намъ новый тонъ и шепнулъ: «Здравствуй», и когда еще паны не успѣли придти въ себя, мы вдругъ грянули—

Здравствуй, милая хорошая моя,
Чернобровая, похожа на меня....

Паны наши и паненки такъ и разцвѣли отъ удалой пѣсни. Старые толстые паны даже и головы пооткидывали назадъ, и притопывали бархатными сапогами, а одинъ молодой помѣщикъ забылъ весь свѣтъ и подергивалъ плечами то правымъ, то лѣвымъ въ тактъ пѣсни. Пѣсня эта кончается крутымъ обрывомъ, и когда мы ее кончили, паны намъ захлопали, а нѣкоторые старики подходили къ дяденькѣ и брали его благосклонно за плечи приговаривая:

— «Ото добрый, почтивый чловѣкъ?... Якъ пана Бога кóхамъ, спѣваешь, брате, якъ нигды не слышалэмъ!...

Кромѣ народныхъ пѣсенъ, дяденька выучилъ насъ съ голоса пѣть какую-то особенную, вовсе не похожую на обыкновенныя пѣсни. Вотъ всѣ ея слова:

Друзья, друзья! вотъ скоро солнце встанетъ,
Настало время для трудовъ,
Пусть солнца лучъ въ работѣ насъ застанетъ
И встрѣтитъ пѣснь веселыхъ рыбаковъ.

Эта коротенькая пѣсня казалась мнѣ неполною, и ей чего-то не доставало. Я былъ крайне удивленъ, когда уже нѣсколько лѣтъ спустя услышалъ ее въ оперѣ «Фенелла». Правда, наша Фенелла выходила очень и очень неполною, дяденька конечно многое забылъ и перепуталъ, но это показываетъ его неутомимость: онъ передавалъ намъ все, сколько имѣлъ и сколько могъ.

У учителя нашего былъ прекрасный почеркъ и онъ выучилъ многихъ писать очень хорошо, чѣмъ впослѣдствіи многіе

пріобрѣтали существованіе. Даже тѣ, на долю которыхъ выпалъ несчастный жребій — попасть въ солдаты, и тѣ не были совсѣмъ пропащими людьми: они попадали въ полковые и ротные писаря, а это для солдата многое значитъ! И много межъ насъ найдется такихъ, которые обязаны своимъ обученіемъ только этому нашему наставнику.

Я уже говорилъ вамъ, какое маленькое содержаніе онъ получалъ. Нечего говорить о томъ, есть ли возможность семейству, хотя бы даже крѣпостному, состоящему изъ пяти душъ, одѣваться, обуваться и питаться на 7 рублей въ мѣсяцъ. Другой на мѣстѣ учителя давно бы спился и опустился, но онъ былъ не таковъ: онъ былъ крѣпкій, сжатый и всегда готовый на отвѣтъ, какая бы трудная задача ему ни предстояла. Онъ даже не боролся — какъ нѣкоторые выражаются — съ жизнью, а жилъ просто тѣмъ, что Богъ пошлетъ. У него была одна побочная доходная статья помимо школы — по вечерамъ онъ занимался перепискою бумагъ у черемухинскаго ксендза и переписывалъ ему бумаги по-русски и по-польски. Ксендзъ хотя и зналъ немного русскую грамоту, но отвѣчать на бумаги разныхъ административныхъ мѣстъ не могъ; когда же нужно было ксендзу писать къ начальству по-польски, то ксендзъ сочинялъ отвѣтъ самъ, а учитель только переписывалъ его: такимъ образомъ онъ выучился писать по-польски. Наконецъ, онъ сталъ у ксендза необходимымъ человѣкомъ, а панъ-ксендзъ былъ человѣкъ добрый: платилъ ему жалованья 60 рублей и подъ праздники Рождества и Пасхи, присылалъ окорка, поросятъ, колбасъ и т. п. Это было для дяденьки большимъ подспорьемъ. Выходитъ, что день онъ работалъ на барина, а ночь на себя. Жить такъ и перебиваться надрывая силы и изощряя всѣ способы ума на добыванье одного лишь куска хлѣба, и жить такъ десятки лѣтъ: стоитъ ли это труда? Не знать въ жизни успѣха, награды, и не видѣть ничего впереди — вотъ міръ, въ которомъ жилъ этотъ почтенный и добрый нашъ учитель.

V.

Исторія Черемухина считаетъ свои событія по управляющимъ, какъ исторія государствъ по царствовавшимъ лицамъ.

Во времена моего дѣтства у насъ княжилъ главноуправляющій отставной полковникъ Константинъ Гавриловичъ Попадалкинъ. Управителемъ онъ сталъ совершенно случайно. Во второй половинѣ тридцатыхъ годовъ онъ съ полкомъ квартировалъ въ

Черемухинѣ. Въ имѣніе пріѣхалъ изъ Петербурга нашъ помѣщикъ для поправленія здоровья жены, разрѣшившейся отъ бремени будущимъ помѣщикомъ. Полковникъ познакомился съ вельможею, и понравился ему такъ, что графъ предложилъ ему мѣсто главноуправляющаго имѣніемъ съ готовымъ содержаніемъ и жалованьемъ въ 10,500 р. на ассигнаціи. Конечно, предложеніе было принято: кто не промѣняетъ армейской жизни на спокойную и сытную жизнь управителя огромнымъ майоратомъ. Разсказывали, что полковникъ въ особенности понравился графу своими военно-хозяйственными разсказами о томъ, какъ онъ отпускалъ сапожный товаръ по счету, по долевой мѣрѣ и по вѣсу; съ сукномъ и холстомъ для солдатской обмундировки онъ поступалъ такъ же, и потомъ принималъ аммуницію по счету и по вѣсу, такъ что у него не пропадало ни малѣйшаго обрѣзка и ни одинъ вершокъ простой нитки. А если что пропадало, то не только роту, но двѣ, три перепоретъ, а обрѣзокъ все-таки достанетъ. Въ заключеніе онъ прибавлялъ: «я добръ! мои люди меня любятъ, но я строгъ... я неумолимъ, когда вижу что!...

— Одного, ваше сіятельство, одного не достигъ! Докторовъ и аптекарей каналій никакъ усчитать не могъ. Виноватъ! но... не могъ! Въ лазаретѣ у меня все до овсянаго зерна сочтено по хозяйству, но... гдѣ медикаменты... Я вотъ передъ Богомъ и государемъ... Я тутъ ничего не въ состояніи усчитать».

Вотъ этотъ драгоцѣнный человѣкъ бросилъ военные доспѣхи и сталъ мирнымъ пахаремъ, т.-е. не пахаремъ, а грозою для пахарей.

Я и теперь живо помню этого угрюмаго, молчаливаго человѣка средняго роста съ блѣднымъ лицомъ, огромными чорными усами, закрывавшими нижнюю губу и доходившими до бороды; брови у него были густыя и опускались внизъ, закрывая маленькіе темные глаза—одѣвался онъ всегда чисто, но не щеголевато; сапоги носилъ военные съ острыми носками, на низкихъ каблукахъ. Походка у него была мелкая и быстрая; ходилъ онъ и ѣздилъ постоянно съ бѣлою разжирѣвшею лягавою собакою, называвшеюся «Буйка». Въ рукахъ у него вмѣсто палки былъ желѣзный шомполъ. Объѣзжая имѣніе, нашъ управляющій любилъ дѣлать, по военному, *тревогу*, и накрывалъ прикащиковъ и писарей въ расплохъ, т.-е. если онъ находилъ въ конторѣ—въ Полѣсьи, въ Залѣсьи—табачный дымъ, тутъ собственноручно происходила расправа шомполомъ. И скоро и хорошо! Это былъ великій тиранъ. Мы еще дѣтьми трепетали не только его вида, но даже одного имени. Онъ не пилъ вина, не курилъ табаку и велъ уединенную жизнь, не потому, что былъ стоикомъ, а ско-

рѣе для поддержанія здоровья: онъ былъ весьма блѣденъ и повидимому страдалъ какою-то внутреннею хроническою болѣзнію. Въ церкви этотъ человѣкъ всегда ставилъ крупную свѣчу, а самъ становился на колѣни, воздѣвалъ къ небу свои страшныя брови и преклонялся такъ смиренно, что его можно было принять за самаго незлобиваго мытаря.

Большимъ спасеніемъ для писарей, старостъ, бурмистровъ и крестьянъ былъ Буйка. Этотъ песъ, приближаясь къ чьему-нибудь жилищу, лаялъ во всю пасть; къ его голосу привыкли и узнавали по немъ приближающуюся грозу. Буйка былъ фаворитъ главноуправляющаго и онъ никогда съ нимъ не разставался: опъ зналъ, что собака его своимъ лаемъ предупреждаетъ дичь и тѣмъ портитъ всю охоту; но, несмотря на то, не разлучался съ своимъ любимцемъ. Примѣры подобной привязанности бывали въ исторіи.

Если бывало въ школѣ мы заслышимъ густой и горластый «ввахъ!... ввахъ!... ввахъ!...», мы уже знаемъ, что черезъ минуту взойдетъ самъ управляющій. Всѣ мы—дѣти-то, дѣти!—замремъ и приникнемъ, какъ мелкія пташки, завидѣвъ ястреба. Самъ учитель и тотъ поблѣднѣетъ, смахнетъ со стола пыль, обдуетъ чернилицу и пригладитъ виски. Наконецъ открываются двери, вбѣгаетъ Буйка и за нимъ входитъ Попадалкинъ, и непремѣнно найдетъ за что-нибудь побранить учителя — онъ ему говорилъ *ты*, и это намъ было обидно: дяденьку уважали не только мѣстечковые жители, но сосѣдніе помѣщики верстъ за сорокъ. И кромѣ того, больно было видѣть дяденьку блѣднаго и робкаго потому только, что передъ нимъ стоитъ бѣшеный и злой человѣкъ. Вотъ какія придирки дѣлалъ управляющій: «у тебя воздухъ тяжелый здѣсь!... Здѣсь душно!... Надо открывать окна: вовсе здѣсь не тѣсно! Напротивъ, просторно! Зачѣмъ метла въ печи? Сторожъ оставилъ? Надо сторожу внушить, что ей здѣсь не мѣсто, да и самому пора это знать. Сторожъ положилъ, а ты бы взялъ да выбросилъ. Никакого досмотра! Даромъ хлѣбъ ѣшь... Больныхъ нѣтъ? это чей сынъ?... а этотъ?... а этотъ?... *Вольныхъ* учениковъ сколько? Двое?... Деньги за нихъ получаешь, а за экономическими учениками не смотришь. Я со временемъ выведу этихъ *вольныхъ*, тогда лучше будешь смотрѣть за своими».

— Одинъ ученикъ, ваше высокоблагородіе,—отвѣчаетъ учитель,—сынъ здѣшняго почтмейстера, онъ учится безплатно по словесному вашему разрѣшенію.

— А другой?

— Изъ Нѣмковъ.

— Кто онъ такой?

— Сынъ дворецкаго.

— Ты за него получаешь сколько?

— Двадцать пудъ ржаной муки и четверть гречневыхъ крупъ.

— Вотъ это *васъ* и балуетъ, *вы* зарываетесь... Я васъ всѣхъ насквозь вижу: я и тебя какъ на ладони вижу: я все знаю!... все знаю!... я знаю, что ты и ксендзу служишь и экономіи... только не знаю, кому ты больше служишь. Но я и это выведу... Я сдѣлаю, какъ я хочу, а не какъ вы (вообще всѣ, кто отъ него зависитъ) хотите!....

Браня учителя, управляющій проходилъ между столовъ и угрюмо посматривалъ на насъ какъ опытный садовникъ; вѣроятно онъ думалъ, глядя насъ, что со временемъ *все это* можно будетъ драть и шомполомъ обдѣлывать, въ солдаты сдавать и прочее.

Послѣ посѣщенія школы этимъ набожнымъ и «строгимъ, но справедливымъ» человѣкомъ, мы долго не могли опомниться отъ страха. И — это у насъ стало примѣтно — дяденька распускалъ насъ за нѣсколько минутъ раньше 12 часовъ. Понятно, что ему было тяжело это униженіе, насиліе и самая мелкая зависть къ ничтожнѣйшему улучшенію благополучія человѣка, и онъ скрывалъ отъ насъ свою досаду и распускалъ классъ.

VI.

Года два вакансія отца Викентія была у насъ не занята. Управитель нашелъ, что у Сапожникова довольно свободнаго времени, ибо онъ находитъ время заниматься перепискою у ксендза, то пусть займетъ въ школѣ мѣсто отца Викентія. Такимъ образомъ, дяденька сталъ преподавать намъ ариѳметику и грамматику, чтеніе, чистописаніе и пѣніе: на немъ осталась вся школа.

Къ облегченію учителя и общему злополучію всей школы въ Черемухино пріѣхалъ въ приходъ церкви Спаса новый священникъ, Василій Лопаткинъ. Онъ скоро подружился съ отцомъ Петромъ и при его содѣйствіи выхлопоталъ себѣ у Попадалкина должность преподавателя грамматики (ариѳметика осталась за дяденькою навсегда) и географіи. Школа обогатилась однимъ предметомъ больше: географіи у насъ до сихъ поръ не преподавали, а русской исторіи и по сей день—когда уже школа содержится не щедротами господъ, а самими крестьянами — исторіи и по сей день не учатъ.

Отецъ Василій былъ крѣпкій, сухощавый, большелобый средняго роста человѣкъ; борода и усы росли у него рѣденькимъ кустикомъ. Волоса на головѣ были курчавые какъ у негра. Голосъ — рѣзкій металлическій; лицо совершенно квадратное съ сильно развитыми челюстями, руки съ короткими пальцами и широкою мясистою ладонью.

Молодой нашъ профессоръ не понравился юному обществу въ первый же разъ. Причинъ было множество. Во-первыхъ, онъ, разспрашивая старшихъ объ обычаяхъ и порядкахъ школы, тутъ же нѣкоторые отмѣнялъ и замѣнялъ ихъ своими. Мы считали его просто преподавателемъ, а онъ забирался выше. Послѣ двухъ, трехъ уроковъ, онъ устроилъ слѣдующее: самъ на-графилъ четвертушку бумаги и велѣлъ «старшимъ», только не нашимъ старшимъ, а новымъ, которыхъ онъ самъ выбралъ, сдѣлать списки учениковъ, такіе списки, о которыхъ мы и понятія не имѣли — *по кварталамъ*. Въ эти списки новопоставленные старшіе должны были записывать поведеніе мальчиковъ внѣ школы; этимъ юнымъ квартальнымъ надзирателямъ предоставлялось отцомъ Василіемъ входить въ наши дома и дѣлать дозоръ нашей домашней жизни. Долго вся школа не могла примириться съ новыми старшими, которыхъ мы дразнили «вóйтами» и «сотскими». Намъ даже какъ-то несбыточными, невѣроятными казались эти «сотскіе», рукоположенные отцомъ Василіемъ, и между нами возникла распря, доносы и всякія неправды. Войты и сотскіе записывали, что «во ввѣренномъ мнѣ кварталѣ все было благополучно, кромѣ Василія Плющева и Іосифа Живописцева, ибо они ѣздили верхомъ на козѣ». При слѣдствіи оказывалось — находились и свидѣтели,—что Іосифъ Живописцевъ вмѣстѣ съ отцомъ въ субботу ходилъ въ баню, и послѣ бани сидѣлъ дома и училъ урокъ (котораго онъ въ понедѣльникъ не зналъ), а Василія Плющева вовсе не было дома, такъ какъ онъ ходилъ съ отцомъ въ лѣсъ вѣники вязать. Дѣло нисколько не разъяснялось: выходило, или старшій оклеветалъ двухъ учениковъ, или свидѣтели врутъ. Отецъ Василій прекращалъ такіе случаи безъ послѣдствій, но строжайше угрожалъ «спустить всю шкуру», если кто-либо будетъ замѣченъ въ дурномъ поведеніи. А дурнымъ поведеніемъ считалось все: игра въ мячъ, въ кегли, въ юлу, въ солдаты и т. п. Даже строго запрещалось уженье рыбы и прочія грѣховныя развлеченія. На своихъ спискахъ отецъ Василій сталъ подписываться «наставникъ черемухинскаго поселянскаго училища». Эта противная надпись, и до сихъ поръ хранится у меня на подаренной мнѣ за выпускной экзаменъ книгѣ, и небудь тамъ

другой, дорогой для меня надписи, эта книжка конечно не сохранилась бы у меня.

Географію преподавалъ намъ отецъ Василій такимъ образомъ: въ понедѣльникъ въ послѣобѣденный классъ онъ диктуетъ намъ изъ географіи Павловскаго урокъ въ сокращенномъ видѣ, который мы переписываемъ въ тетрадки и должны выучить наизусть къ четвергу. Странное дѣло, какъ былъ тупъ и несообразителенъ отецъ Василій—въ зимніе и осенніе дни почти не было возможности писать въ послѣобѣденные классы, а между тѣмъ ему и въ голову не приходило заниматься *диктовкою* въ утренніе классы.

География, какъ совсѣмъ новый предметъ, сначала заинтересовала насъ всѣхъ, но скоро наскучила; мы учили только географію Россіи, т.-е. сначала общее, весьма намъ непонятное описаніе сосѣднихъ границъ и омывающихъ русскіе предѣлы морей, которыхъ края мы видѣли на картѣ и не знали, что̀ дѣлается и происходитъ дальше нихъ; затѣмъ въ алфавитномъ порядкѣ названіе губерній, и въ томъ же порядкѣ наименованіе племенъ населяющихъ русское государство. Предварительныхъ понятій о землѣ и планетахъ намъ не преподавали, и мы на этотъ счетъ были въ глубокихъ потемкахъ. Понятно, что отцу Василію не подобало, по его сану, браться за этотъ предметъ, ибо, разъясняя эту науку, можно дойти до противурѣчія Іисусу Навину, остановившему бѣгъ солнца.

Припоминаю при семъ случаѣ одинъ довольно парадный экзаменъ. Попадалкинъ въ то время уже не былъ главноуправляющимъ. Въ училищѣ было нѣсколько артиллерійскихъ офицеровъ и одна дама, жена офицера. Экзаменовали изъ географіи. Дама эта, желая показать свои познанія и не имѣя понятія о программѣ нашего ученія, спросила одного ученика—«отчего лѣтомъ бываетъ тепло, а зимою холодно?» Мальчикъ молчалъ; дама повторила вопросъ другому ученику; этотъ былъ посмышленнѣе и, не задумавшись надъ вопросомъ, отвѣчалъ, что зимою холодно потому, что въ это время *бываетъ снѣгъ*. Все общество разразилось громкимъ смѣхомъ, а отецъ Василій побагровѣлъ отъ стыда.

Отецъ Василій скоро, однако, успокоилъ веселое общество: вѣроятно онъ объяснилъ гостямъ объемъ нашей географіи. Мы, однако, были того мнѣнія, что барыня, которая спрашивала Юзьку, была большая дура, ибо *изъ географіи* она ни къ селу, ни къ городу приплела вопросъ: *отчего холодно*? Понятно, что отъ снѣга, а если нѣтъ, то... Богъ знаетъ отчего, но все-таки географія тутъ ни при чемъ.

Оглядѣвшись и привыкнувъ въ школѣ, отецъ Василій принялся за примѣненіе господствовавшихъ у насъ педагогическихъ средствъ, и чѣмъ дальше, тѣмъ усерднѣе. Отецъ Василій былъ безжалостный человѣкъ: утромъ онъ, напримѣръ, сѣкъ мальчика за урокъ, и приказывалъ ему выучить урокъ къ послѣобѣденному классу, съ угрозою, что снова выпоретъ, если тотъ не выучитъ; конечно мальчикъ, вспоротый до крови, не выучивалъ урока, и его пороли послѣ обѣда вторично. При этомъ отецъ Василій объявлялъ во всеуслышаніе, что онъ «своему слову хозяинъ» и чтобы мы себѣ не думали, что онъ это только для страха грозитъ пороть второй разъ въ день. Нѣтъ! онъ съ нами не шутитъ, онъ всегда свое слово сдержитъ.

Съ водвореніемъ отца Василія, въ нашей школѣ появились «бѣглые»:—мальчики начали бѣгать и пропадать по цѣлымъ недѣлямъ. У многихъ были грубые и глупые родители, которые смотрѣли на сѣченіе отца Василія, какъ вообще на человѣческое сѣченіе; но «его сѣченіе» превосходило всякое вѣроятіе. Онъ просто *любилъ* сѣчь. Впрочемъ, дѣтей богатыхъ и уважаемыхъ родителей онъ поролъ по рубашкѣ, но не изъ жалости, а изъ лицемѣрія и низости: этотъ методъ былъ тѣмъ хорошъ, что при этомъ способѣ не оставалось уликъ въ жестокости.

Еще ранѣе этихъ казней мы подозрѣвали, что отецъ Василій выйдетъ получше отца Петра, но вполнѣ поняли его только тогда, когда онъ началъ пороть учениковъ предъ вкушеніемъ пищи и по вкушеніи пищи, т.-е. по два раза въ день. Мы ненавидѣли его хуже отца Петра и прозвали Діоскоромъ. Діоскоръ былъ отецъ и мучитель св. Варвары, житіе которой многіе изъ насъ знали изъ разсказовъ набожныхъ матушекъ.

Былъ у насъ и такой случай: утромъ (это было зимою) отецъ Василій высѣкъ одного ученика Алёшу Сапожникова, племянника нашего учителя и сына конторщика—высѣкъ онъ его политично по рубашкѣ, и обѣщалъ послѣ обѣда повторить тоже самое. Алёша послѣ обѣда не пришелъ въ классъ; и братъ его сказалъ, что Алёша заболѣлъ.—«А! произнесъ отецъ Василій,—животъ да головка—это маменькина отговорка»! Это было его любимое изреченіе, если кто заболѣвалъ.—«Авраамъ Алексѣевъ! зайди завтра въ домъ къ Сапожникову и притащи его сюда»! Но Алёшу уже никто не могъ притащить въ школу: съ нимъ сдѣлался жаръ и мальчикъ черезъ нѣсколько дней умеръ. Я не говорю, что онъ умеръ отъ розогъ. Быть можетъ, онъ заболѣлъ съ испуга; быть можетъ, онъ еще простудился идя изъ школы домой, но смерть его случилась такъ, какъ я разсказалъ: утромъ мальчика высѣкли и *обѣщали* высѣчь послѣ обѣда. Послѣ обѣда

мальчикъ захворалъ и больше не вставалъ съ постели. Похороны хотѣли сдѣлать утромъ, но потомъ отецъ Алёши, родной братъ нашего учителя, устроилъ ихъ послѣ 12-ти часовъ, и мы всей школой провожали Алёшу и сами несли его гробъ на рукахъ.

Въ этотъ день, когда хоронили Алёшу, былъ классъ отца Василія, и онъ послѣ обѣда явился въ школу такой же жосткій, какъ обыкновенно; онъ бранился, какъ читалъ заученный урокъ, но внутренняго жара и теплоты въ выраженіи не было. Въ этотъ классъ и нѣсколько слѣдующихъ, онъ не поролъ уже никого. Онъ струсилъ, а мы немножко вздохнули свободнымъ духомъ, и выходя изъ школы дразнили его сзади:—«А? што? погоди, не то будетъ!» Послѣ смерти мальчика у насъ въ школѣ ходили слухи, что конторщикъ, отецъ Алёши, хотѣлъ-было начать «дѣло», когда умеръ сынъ, но тетка-конторщица какъ услыхала, что «при слѣдствіи» Алёшѣ разрѣжутъ животъ, выпустятъ вонъ кишки и снимутъ голову, она рѣшилась лучше сама умереть, а этого не позволитъ, чтобъ «надъ ея кровью надругались». — Лучше — представляла она—нехай (пускай) *ему* Богъ воздастъ за это на его дѣтяхъ. Такъ «дѣла» и не было, а намъ бы этого очень хотѣлось. Впрочемъ, теткина молитва дошла до Бога—старшій сынокъ у отца Василія страдалъ падучею болѣзнію. Ничего нѣтъ невѣроятнаго, что эту болѣзнь произвело злое обращеніе въ домашнемъ быту.

VII.

Разскажу теперь объ одномъ экзаменѣ, бывшемъ въ нашей школѣ въ мое время.

Былъ у насъ одинъ ученикъ, Александръ Степановъ Карповъ, мой двоюродный братъ, старшій меня лѣтъ на пять. Родни у насъ было пропасть—переженились, пересватались такъ, что скоро стало въ Черемухинѣ невозможно жениться. Александръ Карповъ былъ тихій, большеносый, бѣлокурый и вялый на видъ мальчикъ; онъ былъ въ пятомъ классѣ, четвертымъ ученикомъ. Мы знали, что Карповъ играетъ хорошо на скрипкѣ, что онъ ходитъ по вечеринкамъ и слушаетъ, какъ играетъ еврей Калманъ кадрили, польки и вальсы; слушаетъ, а на завтрашній день самъ уже разыгрываетъ дома тѣ танцы, которые выслушалъ отъ Калмана. Но одной штуки мы не знали и никогда бы не повѣрили, еслибы намъ кто разсказалъ про нее, а не сами бы мы своими очами ее видѣли.

Вообразите себѣ наше удивленіе, когда, за нѣсколько дней

до экзамена, въ одно утро въ школу вбѣжалъ Васька, сынъ учителя и вызвалъ изъ школы нѣсколько пріятелей показать имъ «нѣшточко». Это «нѣшточко» было въ квартирѣ учителя и стояло на *боговницѣ* (полка гдѣ ставятъ образа): то былъ новый образъ святителя Митрофана — первая работа Александра Карпова. Мы только рты разинули отъ удивленія; я даже подозрѣвалъ, что Санька или купилъ или *нашелъ* эту икону.

Мы по десяти разъ бѣгали въ квартиру учителя «воды напиться» и такъ надоѣли кухаркѣ и женѣ учителя, что *тетенька* побила Ваську и перенесла икону въ спальню.

Передъ экзаменомъ стало извѣстно, что учитель во время экзамена «представитъ» икону Попадалкину. Такъ было и на самомъ дѣлѣ. Мы втайнѣ завидовали и удивлялись Александру Карпову. Пошли о немъ разные толки: говорили, что его пошлютъ «на счетъ экономіи» въ Москву или Петербургъ учиться живописи, и т. д. Старшіе ученики—ихъ интересно было послушать!— говорили даже, что Александръ Карповъ, если хорошо будетъ учиться рисовать, то можетъ кончить курсъ «съ чиномъ»... Боже мой, какъ это все было сказочно, невѣроятно!

Описывать этого экзамена я не стану потому, что забылъ его подробности. Не помню даже и того, какъ я самъ его выдержалъ въ этотъ разъ. Не помню потому, что произошелъ такой случай, что изъ-за-него я забылъ все остальное.

Попадалкинъ экзаменовалъ всегда одинъ, — у него не было приглашенныхъ гостей. Былъ только тотъ изъ учителей, по чьему предмету шелъ экзаменъ. Въ одинъ день былъ экзаменъ по дяденькинымъ предметамъ, и въ этотъ день дяденька «представилъ» Попадалкину работу Александра Карпова. Управляющій нѣсколько минутъ разсматривалъ икону, и что-то все тыкалъ по ней пальцемъ и разговаривалъ съ учителемъ подымая на него брови. Потомъ онъ мрачно поднялъ брови въ ту сторону, гдѣ сидѣлъ Александръ Карповъ; посмотрѣлъ еще съ минуту на икону, и положилъ ее на окно. Видно было, что ему живопись не понравилась.

Когда дошла очередь экзамена до Александра Карпова, мы старались не проронить ни одного слова. Болѣе полчаса длился экзаменъ Александра изъ ариѳметики — Попадалкинъ вставалъ со стула, и самъ писалъ на доскѣ какія-то задачи. Мы видѣли, что Александръ Карповъ не рѣшалъ ихъ: это было замѣтно, потому что Попадалкинъ горячился. Дяденька стоялъ подлѣ него на вытяжку, заложивъ руки за спину. Наконецъ Попадалкинъ откинулся на спинку стула и сжалъ руками одно колѣно. Онъ что-то приказалъ дя-

денькѣ, и дяденька на цыпочкахъ отправился исполнить его приказаніе. Экзаменъ Александра кончался, но онъ все еще стоялъ передъ экзаменаторомъ: выходило что-то непонятное. Потомъ Попадалкинъ указалъ пальцемъ Александру отойти въ сторону, къ печкѣ. Скоро все стало ясно — ученики шопотомъ передали одинъ другому, что дяденька.... *ищетъ розогъ*. А розогъ, по случаю экзамена, не было во всей школѣ. Но на дворѣ нашлась метла, изъ которой связали пучекъ розогъ и этими розгами былъ высѣченъ нашъ живописецъ-самоучка, которому полчаса тому мы завидовали, гордились имъ и превозносили его до небесъ. Попадалкинъ употребилъ всѣ средства, чтобы загонять его хитрыми задачами, — и наконецъ наказать, унизить и притоптать червяка ползущаго. Не думайте, что дѣти этого не понимали, нѣтъ! мы хорошо умѣли угадывать и отличать нашихъ доброжелателей и враговъ....

Послѣ обѣда экзаменовъ уже не было; настали каникулы; я все послѣ-обѣда просидѣлъ дома и.... плакалъ тайкомъ. Но мать это скоро замѣтила; она стала за мною подсматривать и накрыла меня въ горьчайшихъ слезахъ — я потихоньку, чтобы больше расположить себя къ мягкости, пѣлъ жалобнымъ голосомъ и плакалъ отъ всего сердца. Мать притворила дверь и стала спрашивать меня, отчего я плáчу:

— Ти не высѣкли тебя въ школѣ?... Высѣкли, а?... Ну, скажи же, дурачекъ!... Раздѣнься-ка, я погляжу....

— Нѣтъ, мама, меня не сѣкли! Никто меня не сѣкъ, а я такъ.... такъ плáчу!...

— Ну такъ кто-нибудь тебя побилъ.... или испугалъ.... вонъ и головка твоя горитъ.... Ты мнѣ скажи!... Ты-жъ мнѣ все долженъ сказать!...

Она обняла мою голову и цѣловала въ темя. Слезы у меня полились еще больше.

— Ахъ, мама, мама!... Еслибъ ты знала.... Еслибъ ты только знала.... Сегодня Попадалкинъ Саньку высѣкъ за икону! сказалъ я, обнявъ мать, и зарыдалъ, крѣпко прижавшись къ ней.

Мать перевела меня къ своей кровати, сѣла на постель и положила мою голову на свои колѣни; я плакалъ уже тише, она гладила меня по головѣ, по щекѣ, обмахивала меня платкомъ и вытирала мое горѣвшее отъ жару лицо. Въ прерывистыхъ словахъ я разсказалъ ей, что́ случилось сегодня въ школѣ; мать и начала, лаская и обмахивая меня, говорить мнѣ наставленіе.

— То-то, сыночекъ мой!... то-то, голубчикъ, самъ видишь: доброжелателей у насъ нѣтъ, а все одни нéдруги.... Я все боюсь за тебя, что ты баловникъ большой.... А намъ, сыночекъ, нужно

жить тише воды и ниже травы. Имъ все наше поперегъ горла становится. Ты думаешь, что они рады, когда бѣдный человѣкъ какъ-нибудь въ люди выйдетъ, или Богъ дастъ ему какой талантъ?... Нѣтъ, не такіе это люди!... Вотъ у Егора Васильевича родственникъ былъ, Лимоновъ; они его сдали въ солдаты, давно уже это было, и не было объ этомъ Лимоновѣ никакого извѣстія; а вотъ года два тому назадъ, какъ-то провѣдали, что этотъ Лимоновъ сталъ большимъ офицеромъ... такъ что-жъ бы ты думаешь они сдѣлали? Взяли да и отняли пайки чисто у всѣхъ его родственниковъ: хоть чѣмъ-нибудь отомстить человѣку.... Грѣхъ намъ судить, да я къ тому говорю, чтобы ты зналъ, какъ надо на свѣтѣ жить, чтобъ ты былъ кротокъ и остороженъ. Самъ Спаситель сказалъ ученикамъ: будьте чисты, какъ голуби, и мудры, какъ змѣи!... Это онъ про насъ сказалъ, про подневольныхъ людей!...

Мать, вѣроятно, говорила еще долго, но я заснулъ и уже не слыхалъ ничего.

VIII.

Учились мы въ школѣ долго—семь лѣтъ, это былъ обыкновенный срокъ, а то другіе учились и больше. Отдавали насъ въ школу иногда весьма рано, чтобы отвязаться отъ домашняго разбойника, и не заботились о скорости ученья до тѣхъ поръ, пока «разорителю» не наступалъ 15-й или 16-й годъ. Учиться у насъ можно было спустя рукава. Учебныя книги выдавались на двухъ учениковъ, но у меня были собственныя. Учился я если не отлично, то хорошо, и начиная со второго класса шелъ по всѣмъ предметамъ *вторымъ* ученикомъ, а неразлучный товарищъ мой, Василій Аграмовъ,—*первымъ*. Такъ мы дошли до пятаго класса и кончили курсъ, получивъ въ награду по глупѣйшей книжкѣ съ затхлымъ запахомъ, печатанной въ началѣ нынѣшняго столѣтія въ типографіи знаменитаго Іоанна Іоаннесова.

Я пристрастился къ чтенію на восьмомъ или девятомъ году, попавъ совершенно случайно въ священной исторіи на описаніе того событія, какъ братья продали Іосифа въ Египетъ и потомъ ѣздили къ нему покупать хлѣбъ. Когда я прочелъ эту книгу, мнѣ захотѣлось прочитать еще что-нибудь, но у насъ въ школѣ совсѣмъ не было книгъ, кромѣ ланкастерскихъ таблицъ и нѣсколькихъ экземпляровъ часослововъ. У многихъ мальчиковъ были свои книги, которыя они приносили въ школу въ классы *чтенія*, но эти книги были все старыя и вовсе непонятныя. Между прочими книгами больше всего попадались экземпляры «Объ

«обязанностяхъ гражданина», книги, изданной въ прошломъ столѣтіи и сильно гонимой по выходѣ въ свѣтъ, о чемъ я узналъ уже впослѣдствіи; у насъ въ школѣ ее было болѣе тридцати экземпляровъ. *Первый* помѣщикъ Черемухина, по присоединеніи Бѣлоруссіи къ Россіи, былъ гуманный и образованный человѣкъ; онъ былъ другомъ Новикова, и, кажется, былъ масонъ: онъ много жертвовалъ для распространенія грамотности и высылалъ изъ Москвы въ свое имѣніе книги въ нѣсколькихъ экземплярахъ; книги эти лежали потомъ безъ большого призора, въ каменномъ зданіи, называемомъ ратушею, и тлѣли такъ цѣлое полстолѣтіе, потомъ ихъ стали понемногу потаскивать и онѣ пошли въ обращеніе.

Къ концу курса я уже прочиталъ много книгъ, особенно романовъ — самыхъ глупыхъ, самыхъ уродливыхъ. Тутъ все было: «Рыцари бѣлаго лебедя», «Любимецъ духовъ», «Пути Провидѣнія», «Отступникъ», «Пиренейскій замокъ», «Мельмотъ скиталецъ»—особенно сводившій меня съ ума. Книги эти, конечно, были не изъ числа когда-то высылавшихся помѣщикомъ и расхищенныхъ его подданными. Нѣтъ, эти драгоцѣнности покупались на деньги.

Отъ напряженнаго чтенія этихъ и подобныхъ романовъ, я усвоилъ себѣ нѣкоторую долю сантиментальности, любилъ разговаривать о важныхъ предметахъ, даже языкъ усвоилъ себѣ книжный. Любилъ какое-то *добро*, какую-то *истину* и готовъ былъ «преломить копье» въ борьбѣ противъ *лжи* и *зла*.

Кромѣ жажды борьбы, съ преломленіемъ копья, я любилъ самъ создавать себѣ идеалы для поклоненія: я, напримѣръ, считалъ величайшимъ благодѣтелемъ нашего настоящаго помѣщика за то, что въ Черемухинѣ существуетъ школа (стоившая въ годъ содержанія 300 р.) и заочно благоговѣлъ передъ нимъ, и выбравъ изъ всѣхъ романовъ самые первые сорта великодушія, мужества, любви къ ближнему и т. п., я одѣлялъ этими добродѣтелями никогда невиданнаго мною человѣка.

За «чтеніе» мнѣ доставалось часто. По выходѣ изъ школы, я сталъ торговать въ лавкѣ моего отца. Вы знаете лавку маленькаго города или мѣстечка; тамъ все есть: чай, сахаръ, гужи, соль, конопляное масло, почтовая бумага и т. п. Въ лавкѣ я читалъ украдкою; я уже слыхалъ не разъ, что я—батькѣ не помощникъ!—все «въ книжку читаю», а потому я всегда держалъ книгу въ выдвижномъ ящикѣ и при появленіи покупателя и вообще прохожаго быстро задвигалъ ящикъ. Ровесники при ссорахъ прямо тыкали мнѣ въ глаза книгами: «мы книжекъ не читаемъ, намъ нужно хлѣбъ заработывать» и т. д.

Помню одно счастливое весеннее утро: изъ нашего флигеля выѣзжали квартиранты, батарейный командиръ. На прощанье жена полковника подарила моей матери большую трубку бумагъ, которыхъ некуда было дѣвать. «Это, хозяюшка, пригодится вашему сыну!» сказала она. Въ сверткѣ оказались карты пяти частей свѣта и изображеніе глобуса. Нѣсколько вечеровъ я просидѣлъ надъ картами, а въ особенности надъ глобусомъ, но никакъ не могъ понять—гдѣ *конецъ* свѣта или край его. Я пригласилъ дяденьку придти къ намъ на одинъ вечеръ, и онъ мнѣ объяснилъ глобусъ, т.-е. шарообразную форму земли и обращеніе ея вокругъ солнца. Черезъ нѣсколько вечеровъ, я уже прерывалъ дяденьку возгласами: «а!... вотъ отчего холодно зимою!... А снѣгъ отчего?» Учитель мнѣ разсказывалъ, отчего бываетъ снѣгъ, почему бываютъ длинные дни лѣтомъ и короткіе зимой. Въ нѣсколько вечеровъ дома я узналъ гораздо больше, нежели въ семь лѣтъ въ школѣ. Дяденька заходилъ ко мнѣ и въ лавку, гдѣ я угощалъ его трубкою жуковскаго табаку, и мы бесѣдовали съ нимъ по часу и больше. Я часто начиналъ говорить о возвышенныхъ предметахъ, но онъ меня сдерживалъ. Однажды я заговорилъ о добродѣтеляхъ нашего помѣщика, но учитель остановилъ меня на первыхъ словахъ.

— Послушай, Миша!—сказалъ онъ—ты говоришь пустяки... Кстати, позволь мнѣ, какъ твоему старому учителю, сдѣлать замѣчаніе—не читай ты, пожалуйста, всякой дряни: ты себя этимъ испортишь. Ты будешь смотрѣть на вещи *такъ*, какъ *тебѣ* угодно, а не такъ, какъ должно.... Понимаешь ты меня?.. Нельзя судить о людяхъ и предметахъ, не зная ихъ.

— Но если я знаю поступки человѣка?

— Какіе?

— Напримѣръ, школа.

Затянувшись раза два-три табакомъ, учитель продолжалъ: «Школа—учрежденіе хорошее и гораздо прибыльнѣе тому, кто ее содержитъ, нежели тѣмъ, кто въ ней учится. Это, братъ, чисто экономическое промышленное заведеніе, а не благотворительное. Школа для экономіи — доходная оброчная статья. Не будь у насъ школы—экономіи приходилось бы набирать на службу вольныхъ людей; вольный человѣкъ обойдется рублей въ 300 за годъ, а *свои* писаря у насъ получаютъ паёкъ да жалованье отъ 18 до 25 рублей въ годъ. Теперь ты понимаешь, что и школа также выгодна какъ фабрика, заводъ или огородъ! Кромѣ того, грамотный человѣкъ скорѣе находитъ себѣ промыселъ на-сторонѣ (конечно, если онъ не нуженъ экономіи) и болѣе безграмотнаго имѣетъ средствъ заработывать оброкъ,

такъ почему же крестьянъ не учить? Каждый годъ васъ выпускается изъ школы десять или пятнадцать человѣкъ, а черезъ годъ или два, вы уже должны вырабатывать 25 рублей оброка. А есть и такія губерніи, въ которыхъ крѣпостные платятъ по 60 рублей. Нѣтъ, Миша, повыкинь эти пустяки изъ головы... Ну, прощай! Еще одно слово, ты лучше больше о томъ *думай*, о чемъ мы иногда съ тобою разговариваемъ, а не толкуй пока объ этомъ съ другими.»

Дяденька продолжалъ быть для меня учителемъ и по выходѣ моемъ изъ школы. Послѣ описаннаго разговора я открылъ въ немъ совсѣмъ незамѣтную сторону—онъ былъ угнетенный, придавленный и повидимому покорный и свыкшійся съ своимъ ярмомъ человѣкъ, но тутъ мнѣ стало яснымъ, что онъ еще далеко не придавленный и униженный человѣкъ. Его ясный умъ разогналъ всѣ мои нелѣпыя сантиментальности. Долго по его уходѣ я думалъ о томъ, что онъ сказалъ.

Обыкновенно онъ не бывалъ такъ сообщителенъ и даже перемѣнялъ разговоръ. Мнѣ кажется, что онъ не хотѣлъ торопиться съ объясненіями, чтобы между нашими бесѣдами были промежутки и чтобы его поученія и разсужденія глубже оставались въ моей памяти.

О, какъ я благодаренъ этому добродѣтельному человѣку! Отъ тысячи бѣдъ меня спасли его совѣты, и тысячу золъ онъ раскрылъ мнѣ. Бѣдный, мой учитель!

Одинъ разъ онъ зашелъ ко мнѣ вскорѣ послѣ праздника Спаса. Въ Спасовъ день въ церкви отца Василія, по случаю годового праздника, было множество народа и обѣдню пѣли пѣвчіе. Отецъ Василій въ этотъ день произнесъ «слово» — въ церкви былъ главноуправляющій, и нѣсколько чиновныхъ особъ и окрестныхъ помѣщиковъ. Остальные были крестьяне. Противъ этого «слова» дяденька возсталъ сильно.

— Лицемѣръ! — говорилъ онъ — льстецъ!... Не мы хамы, а онъ хамъ!... Ты слышалъ, онъ все «о рабѣхъ» говорилъ.... Объ нихъ и говорить нечего, они свое положеніе знаютъ не по писанію, а по самой жизни. Ты слышалъ, какую онъ тему взялъ— «рабъ не сотворивый воли господина біенъ *будетъ* много». Вотъ новость сказалъ! Какъ будто рабы этого не знали до него не по книгамъ, а по опыту. Жаль, что его нельзя было спросить, все ли равно: біенъ *будетъ*, или біенъ *долженъ быть*? Воля господина!... а если эта воля приказываетъ рабу привести жену, сестру или дочь для воли господина, или эта воля велитъ сыну-рабу взять розги и сѣчь своего отца?... или эта воля вручаетъ рабу-жениху блудную наложницу господина? Чтобы на это

отвѣчалъ отецъ Василій? Онъ пожелалъ бы невѣстѣ: возвеселиться какъ Ревекка, а жениху—безпорочнаго и мирнаго ложа? Низкій человѣкъ! срамъ было видѣть, какъ онъ угодничалъ. Вотъ это и есть — мерзость запустѣнія на мѣстѣ святѣ! И ни одного слова не сказалъ за рабовъ.... Ужасное наше время.... труждающіеся и обремененные приходятъ облегчить бремя и уходятъ съ двойнымъ бременемъ!... Но было, Миша, время хуже нашего.... Свѣтъ понемногу все-таки пробивается. Настанетъ время, когда всѣ будутъ свободны, нужно только больше свѣта.... Знаешь, Миша, что́ я хочу тебѣ сказать? Я думаю, что ты съ нами не уживешься и уѣдешь куда-нибудь. *Что* ты будешь, и *гдѣ* ты будешь—это Богу извѣстно, но если судьба пошлетъ тебѣ счастье—не забывай несчастныхъ, и словомъ или дѣломъ, совѣтомъ и деньгами помогай общему просвѣщенію. Если-бы просвѣщеніе расширилось на одну двадцатую долю народа, рабство стало бы невозможнымъ, а мы ходимъ въ глубокой темнотѣ, и вотъ.... выслушиваемъ кощунства въ формѣ поученія!... Приготовляйся жить, Миша. Пора! Задай себѣ теперь *задачу:* служи ей неуклонно, она спасетъ тебя отъ многихъ бѣдъ. Если у тебя будетъ серьезная цѣль въ жизни, она не допуститъ тебя до слабостей и пороковъ:.... Жизнь будетъ для тебя пріятнѣе, если у тебя будетъ цѣль въ ней.

Мы сближались съ каждымъ днемъ, и учитель заходилъ ко мнѣ въ лавку почти каждый день.

Года два я прожилъ дома. Это было въ самомъ концѣ пятидесятыхъ годовъ — славные годы это были! Всѣ шушукались, улыбались и подмигивали другъ другу. Вѣрили и не вѣровали! Въ это время у насъ княжилъ управляющій-нѣмецъ Ферфлюхтеръ. Въ одно утро онъ удивилъ не только все населеніе Черемухина, но заставилъ зашумѣть цѣлый уѣздъ. Ну, и было отчего зашумѣть. Имѣніе наше было майоратское, а майоратъ, какъ извѣстно, нельзя ни продать, ни заложить. Въ это утро, о которомъ я говорю, были прибиты на видныхъ мѣстахъ «объявленія вотчинной конторы». На площади у насъ росла старая престарая груша, пережившая и польское владычество и русское господство; объявленіе было и на этой грушѣ. Въ немъ говорилось, что экономія увеличиваетъ оброкъ вдвое, и буде кто не въ состояніи платить означеннаго оброка, то контора таковыхъ крестьянъ будетъ ссаживать на барщину, при семъ контора, по полномочію его сіятельства, предлагаетъ желающимъ.... *выкупаться на волю*! Изъ майората и на волю? да это неслыхано отъ сотворенія міра! Можете судить о нашемъ удивленіи. «Видно уже на правду подошло имъ... Слава тебѣ Господи!... Попили, пососали они

нашей крови.... теперь шабашъ, кончено!» Но старые люди не сильно предавались надеждамъ. Въ числѣ скептиковъ былъ и мой отецъ, и онъ первый пошелъ на сдѣлку. Я увѣрялъ его, что не слѣдуетъ идти на выкупъ, что скоро всѣ будемъ свободны даромъ. Но отецъ мой ничего не слушалъ. «Сто лѣтъ толкуютъ объ волѣ — говорилъ отецъ — а все пустяки выходили. Нѣтъ, надо теперь дѣлать дѣло, когда они позволяютъ выкупаться, а тамъ пускай будетъ, что̀ Богъ дастъ.»

Отецъ отправился къ управляющему для переговоровъ. Управляющій хотѣлъ-было взять съ отца 2000 рублей за двѣ мужскія души, но отецъ сказалъ, что ему уже 60-й годъ, и слѣдовательно онъ свои годы отслужилъ и освобождается отъ оброка. Управляющій согласился взять съ насъ 1000 рублей за двѣ души. Дѣло было сдѣлано, но мы все не вѣрили. Наконецъ, была получена изъ Петербурга бумага за подписью самого помѣщика. Подпись эта была засвидѣтельствована тремя свидѣтелями.

Вотъ какимъ образомъ мы съ отцомъ и со всѣмъ семействомъ стали *вольные*! Многіе думали, что, послѣ этого превращенія, у насъ нельзя будетъ «шестомъ головы достать», но мы остались такими же старыми и добрыми сосѣдями, какими были и прежде. По стопамъ моего отца отправился за *волею* мой дядя, братъ отца, а за нимъ еще нѣсколько семействъ, и откупились тоже.

Дѣла моего отца были плохи; я торговать не умѣлъ, да и не былъ способенъ каждодневно желать, чтобы «лопнули мои глаза», чтобъ я «провалился на семъ мѣстѣ», чтобъ я «подавился первымъ кускомъ», чтобъ я «не дождался свѣтлаго праздника», если фунтъ сахару не стоитъ *себѣ* дороже 22-хъ копѣекъ и т. п. Однажды я сказалъ отцу въ лавкѣ, чтобы онъ «отпустилъ меня». Куда?—Богу извѣстно! Отецъ согласился, но сказалъ—«какъ же мать?...». Это вопросъ дѣйствительно былъ самый трудный... Но, наконецъ, поѣздка моя была рѣшена.

Не могу при этомъ забыть одного событія.... Александръ Карповъ—нашъ художникъ—еще разъ поразилъ насъ: онъ нарисовалъ портретъ учителя. Онъ уже успѣлъ выучиться рисовать *съ натуры*. Живопись стала его ремесломъ и средствомъ къ существованію. Онъ сталъ поправлять старыя иконы въ церквахъ и писать новыя. Впослѣдствіи, какъ я узналъ, онъ бралъ цѣлые подряды—писать полный иконостасъ во вновь строющіяся церкви.

У нашего стараго учителя въ это время былъ уже собственный домикъ о пяти комнатахъ. Постройка этого дома интересна: экономія дозволила учителю вырубить въ лѣсныхъ

дачахъ потребное количество лѣса, а жители мѣстечка перевезли лѣсъ на мѣсто на своихъ лошадяхъ. Народъ нашъ бѣденъ и грубъ — какъ грубъ вообще необразованный и темный народъ,— но на этотъ разъ всѣ проявили удивительное единодушіе и оказали не малую помощь въ постройкѣ дома.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ, 14-го числа, двоюродные братья мои ѣхали по торговымъ дѣламъ въ Москву — съ ними отправился и я.

О проводахъ говорить нечего. Они извѣстны. Послѣднимъ провожатымъ остался съ нами въ почтовой телѣгѣ учитель. Вчетверомъ мы доѣхали до фольварка и тутъ распрощались; мы обнялись съ учителемъ *въ послѣдній разъ*.

IX.

Въ Москвѣ я разстался съ братьями и отправился въ Петербургъ искать счастья.

Денегъ у меня по пріѣздѣ въ Петербургъ оказалось 35 рублей. Худо тому, кто пріѣзжаетъ въ столицу искать работы, а не разгонять скуку. По пріѣздѣ въ Петербургъ, на другой день, проходя по Благовѣщенской улицѣ, я услышалъ самую свѣжую *новость*. У воротъ господскаго дома, кучеръ-очевидецъ разсказывалъ, что всего четверть часа тому назадъ, съ самой середины николаевскаго моста, какой-то нѣмецъ старикъ бросился въ Неву, но къ счастью его вытащили.

— И что же, братецъ ты мой! — говорилъ кучеръ — когда его начали качать, тутъ сейчасъ рвота пошла.... Ужъ она его чистила, чистила—страсть сколько!... А какъ опомнился—«мой—говоритъ—не знаетъ, что со мной было!...» Ну, да въ кварталѣ какъ проберутъ хорошенько, не то запоетъ!...

— Э! братъ, — отозвался кто-то — не намъ судить: можетъ нужда, или горе какое!...

— Ну да! Толкуй «нужда». Ты бы прежде на сертукъ его посмотрѣлъ: одѣтъ какъ слѣдуетъ, и все такое.... Нужда, какъ же!... А съ литейнаго моста недавно бросилась женщина? тоже поди нужда! Какъ же, оченно ей нужно!

Это была первая новость, слышанная мною въ столицѣ, гдѣ, какъ видно, бросаться въ воду вошло въ обыкновеніе.

Почти годъ я прожилъ безъ мѣста. Были у меня разныя предположенія: поступить въ почтальоны или отправиться на

Амуръ—Амуръ тогда былъ въ модѣ;—но ни то, ни другое, не устроилось, на все нужна была протекція. Къ отцу я писалъ, но никогда не рѣшался просить у него денегъ. Кончилось тѣмъ, что я продалъ свои книги и лишнее платье, началъ дѣлать гильзы для папиросъ, и разносилъ ихъ по мелочнымъ лавкамъ. Лавочники называли меня «бариномъ», но гильзъ не покупали—«баринъ ты хорошій, да гильзы у тебя больно неаккуратны.... А не будетъ ли сходно по три копѣечки?» Я и самъ видѣлъ, что мои гильзы плохи и продавалъ сотню за три копѣйки, чтобы выручить деньги хотя за бумагу. Впослѣдствіи я однако изловчился въ этомъ дѣлѣ....

Прошу васъ извинить меня, что я отвлекся отъ цѣли моего разсказа. Примите въ оправданіе, что это—лучшее мое воспоминаніе.

Наконецъ, послѣ неизбѣжныхъ треволненій, я поступилъ на небольшой окладецъ (15 рублей въ мѣсяцъ) въ транспортную контору. Тутъ-то я возблагодарилъ Бога живого, и зажилъ припѣваючи. Особенно весело пѣть за 15 рублей, на всемъ своемъ содержаніи, нельзя было, но тотъ пойметъ положеніе, кто знаетъ пословицу — не было ни гроша, да вдругъ алтынъ.

Скоро дѣла мои улучшились: въ конторѣ замѣтили мой почеркъ, а я писалъ хорошо и грамотно. Мнѣ дали болѣе чистую работу и прибавили жалованье—однимъ словомъ, Михаилъ Кузьмичъ, благодареніе Богу, сталъ подыматься въ гору.

Какъ только я вздохнулъ посвободнѣе, переписка съ родными, съ учителемъ и съ однимъ товарищемъ, который въ то время поступилъ въ Горыгорѣцкое Училище.

Родные писали о своемъ здоровьи и совѣтовали мнѣ беречь мое и удерживаться отъ худыхъ дѣлъ. Дяденька писалъ очень мало.

Зимою 1861 года я получилъ письмо, въ которомъ меня извѣщали, что учитель опасно заболѣлъ и одному Богу извѣстно будущее. Второе письмо было такого же содержанія — болѣзнь не проходила и дяденька съ каждымъ днемъ все худѣлъ, худѣлъ и не вставалъ съ постели. Въ третьемъ — меня увѣдомляли, что ему стало лучше, что у него въ домѣ бываютъ спѣвки, но только онъ самъ не поетъ, потому что докторъ запретилъ.

На масляницѣ, въ самый прощеный день, былъ объявленъ «манифестъ 19 февраля». Какое веселье, цалованье и ликованье пошли по Петербургу, объ этомъ извѣстно всякому. Въ эту масляницу балаганы были перенесены на Марсово поле.

«Старики»-паяцы, сами того не замѣчая, говорили въ этотъ день очень кстати: «сегодня, голова, день прощеный, другой, того и смотри, и съ карманомъ своимъ простится». Дѣйствительно, много народа простилось въ этотъ день съ своими толстыми карманами. На другой день поступило въ продажу «Положеніе о крестьянахъ», которое я въ тотъ же день отправилъ по почтѣ отцу, написалъ ему, чтобы онъ пригласилъ къ себѣ учителя для чтенія новаго положенія, а если онъ нездоровъ, то сходилъ бы къ нему самъ, что онъ лучше другихъ пойметъ и объяснитъ «положеніе».

Въ отвѣтъ на это я получалъ письма, въ которыхъ описывалась общая радость, разныя торжества и овацiи, происходившія даже въ еврейскихъ синагогахъ. Объ учителѣ увѣдомляли, что онъ поправляется—ходитъ по комнатѣ, но со двора еще не выходитъ.

Недѣли черезъ двѣ послѣ Пасхи, я получилъ съ черною печатью письмо, отъ одного изъ своихъ черемухинскихъ знакомыхъ. Это было извѣстіе о смерти учителя. Его послѣдніе дни мнѣ описывали такимъ образомъ:

Онъ умеръ въ четвергъ на святой недѣлѣ; въ субботу его хоронили. Похороны были торжественныя; когда процессія тронулась, раздался звонъ со всѣхъ церквей, даже и съ католической, и самъ панъ-ксендзъ провожалъ papa Bazila своего «dobrego kolegu». Тысяча народа провожала бренные останки нашего добраго учителя, этого бѣднаго мученика. Онъ страдалъ и сохнулъ давно: онъ былъ выше и разумнѣе всего, что̀ его окружало! Послѣдніе дни его были трогательны. Онъ и на смертномъ одрѣ нѐ переставалъ дѣйствовать — каждую недѣлю къ нему собирались по вечерамъ пѣвчіе. Ему совѣтовали отложить спѣвки, но онъ увѣрялъ, что послѣ нихъ чувствуетъ себя бодрѣе, что ему полезно исподоволь маленькое напряженіе и развлеченіе. Когда же былъ полученъ манифестъ, учитель самъ началъ сочинять музыку на слова. «Нынѣ отпущаеши раба твоего». Это удивило его друзей, которые знали, какъ мало онъ цѣнилъ себя и былъ вообще скроменъ, а тутъ вдругъ взялся за *сочиненіе*; имъ показалось, что это дурной знакъ. «Въ одинъ вечеръ,—писалъ мнѣ одинъ изъ черемухинскихъ знакомыхъ,—я присутствовалъ при спѣвкѣ, когда пѣли это «Нынѣ». Можетъ быть я пристрастенъ, можетъ быть я не понимаю музыки, но я не слыхалъ ничего *правдоподобнѣе* и соотвѣтственнѣе тексту. Но это сочиненіе, особенно когда учитель разучивалъ его съ хоромъ, убивало его: онъ сильно былъ возбужденъ

и волновался каждую минуту, когда въ писанныхъ имъ самимъ нотахъ случалась ошибка. Случалось и такъ, что нѣкоторые мѣста дядя вычеркивалъ во время самой спѣвки, и замѣнялъ ихъ другими, а другія третьими.... Тутъ онъ горячился и досадовалъ такъ, что на него смотрѣть было больно... На страстной недѣлѣ онъ слегъ снова и уже самъ не надѣялся на выздоровленіе... Однажды онъ сказалъ намъ «прощайте, хлопцы! Если вы любили меня, не оставьте въ нуждѣ дѣтей моихъ — я имъ кромѣ теплаго угла (дома) ничего не оставляю.... Вы счастливѣе меня: скоро вы освободитесь, и ваша жизнь будетъ лучше жизни предковъ вашихъ. Въ день кончины онъ пріободрился, хотѣлъ надѣть сапоги и выдти на улицу, но его уговорили—онъ повернулся къ стѣнѣ на лѣвой бокъ и заснулъ... на вѣки.»

X.

Спустя шесть лѣтъ послѣ смерти учителя, то-есть тогда, когда уже умеръ мой отецъ, нѣсколько двоюродныхъ братьевъ моихъ, товарищей и другихъ родныхъ, которыхъ мнѣ хотѣлось повидать, я едва справился съ денежными средствами и служебными обязанностями и получилъ возможность побывать на моей родинѣ.

Много воды утекло за это время!

На другой день по пріѣздѣ, я пошелъ отыскивать моихъ друзей и родныхъ.... на кладбище. Надъ могилою учителя стоялъ высокій черный крестъ съ надписью золотыми буквами — вѣроятно работы нашего живописца Александра Степановича.

Потомъ, я посѣтилъ школу—новую школу, которую уже содержалъ не помѣщикъ, а сами крестьяне. Преподавателями въ школѣ были: какой-то господинъ изъ сосѣдней шляхты, и законоучитель отецъ Василій, котораго я, впрочемъ, не видалъ да и не желалъ встрѣтить. Новая школа была малолюдна: учениковъ сорокъ не болѣе. Первое, что я замѣтилъ, было то, что учитель весьма плохъ въ грамматикѣ и чистописаніи: на спискахъ, писанныхъ его рукою, были грамматическія ошибки. Ученики не боялись и не уважали его.

Впрочемъ и пѣнять не на кого: учителей нѣтъ. А этому господину все равно служить — писаремъ, экономомъ, учителемъ или почтовымъ старостою, только бы хлѣбъ былъ.

Сначала я долго негодовалъ на то, что наши благодѣтели

оставили школу; но я вспомнилъ слова моего учителя, что школа была не филантропическое, а хозяйственное, коммерческое учрежденіе. Да, это правда, *теперь*, учи или не учи, а Ванька или Яшка, не станетъ скрипѣть въ господской конторѣ цѣлый годъ за 18 рублей. Прежде школа помѣщалась въ центрѣ мѣстечка, и это было выгодно для мѣстечковыхъ и слободскихъ мальчиковъ, но *потомъ* квартира эта была отнята — хотя и теперь стоитъ пустая — и пожалована новая, на самомъ безлюдномъ концѣ мѣстечка, близь кладбища. Прежде тутъ была больница, но *потомъ* больныхъ выгнали вонъ: въ ихъ исцѣленіи никто уже не нуждался. Та же участь постигла и третье филантропическое заведеніе — богадѣльню. Я очень хорошо помню картину, которая была прибита подъ крышею богадѣльни. Картина эта была «тайная вечеря». Благодѣтели, въ доказательство любви своей къ «малымъ симъ» и порукою въ томъ, выставили божественный ликъ съ сонмомъ апостоловъ, и потомъ — сняли его.

Кромѣ того, я узналъ еще слѣдующее: всѣхъ *оброчныхъ* крестьянъ экономія записала *дворовыми*, и когда насталъ «день судный», эти оброчные были отпущены на волю *безъ надѣла* землею. Роли перемѣнились: прежде воры были мужики, а теперь... стали обкрадывать мужиковъ.

Правъ былъ учитель, когда говорилъ мнѣ: «не сотвори себѣ кумира». Я самъ теперь ясно вижу, что много на свѣтѣ хорошаго на видъ было сдѣлано не по душевному побужденію, а по другимъ соображеніямъ.

Въ «мастерской» Александра Степановича, я нашелъ много хорошихъ копій съ портретовъ, находящихся въ господскомъ домѣ. Особенно хорошъ былъ одинъ: это портретъ молодой женщины съ карими глазами и напудренной головою; Александръ Степановичъ говорилъ, что это какая-то Нарышкина. Замѣчательна также была другая копія (въ уменьшенномъ видѣ), портретъ Павла I въ дѣтскомъ возрастѣ; подлѣ Павла стоитъ арабченокъ, толстогубый съ весьма выразительною физіономіею мальчикъ, устремившій свои бѣлки на юнаго повелителя. Во время моего посѣщенія, у Александра Степановича не было «возвышенной» работы и онъ писалъ вывѣски для волостныхъ правленій и старшинъ. Что̀ дѣлать!.

Былъ я и въ соборѣ. Тутъ отсутствіе учителя было замѣтно еще болѣе чѣмъ въ школѣ — плохой разбившійся хоръ еле-еле влачилъ свое существованіе: пѣли не тѣ, у кого былъ голосъ, а тѣ, у кого былъ задоръ. Отецъ Петръ постарѣлъ и нравомъ сталъ онъ помягче. Другое время наступило: жители теперь

стали выбирать себѣ священниковъ для исполненія духовныхъ обрядовъ по своему усмотрѣнію — кого хочу, того и приглашу.

Гора съ горой не сходятся, а человѣкъ съ человѣкомъ встрѣчаются. Въ соборѣ я увидѣлъ стараго нашего знакомца Попадалкина — онъ опять, послѣ долгихъ лѣтъ, попалъ въ главноуправляющіе въ Черемухино. Этотъ старичокъ постарѣлъ еще болѣе отца Петра; сѣдые усы его доходили до подбородка; лицо сморщилось и въ глазахъ не было уже прежняго зіяющаго мрака. Мнѣ было раньше извѣстно, что онъ снова въ Черемухинѣ, но я на первыхъ порахъ не узналъ его, и узналъ только по бровямъ, которыя теперь онъ подымалъ во время молитвы съ большимъ чистосердечіемъ и теплотою. Видно и эту бурку укатали крутыя горки. Собака его давно околѣла, а другой онъ не заводилъ—собаколюбіе прошло вмѣстѣ съ человѣкоизбіеніемъ; о желѣзномъ шомполѣ остались только преданія, теперь онъ ходилъ съ болѣе смиреннымъ орѣховымъ посохомъ. Боже! какъ время и свобода измѣняютъ человѣка — я теперь смотрѣлъ на Попадалкина безъ всякаго ужаса, точно предо мною стоитъ печка, ворота или старая телѣга. Удивительно, до какого величія можетъ дойти человѣкъ.

Я посѣщалъ только двоюродныхъ братьевъ, которые уже переженились и обзавелись ребятками. Они записались въ купцы и торговали въ Черемухинѣ.

Постояннымъ моимъ собесѣдникомъ и ежедневнымъ гостемъ былъ отецъ Викентій: съ нимъ было весело. Въ его присутствіи я оживлялся и вспоминалъ тысячи штукъ изъ того времени, когда отецъ Викентій былъ у насъ учителемъ, и всегда грозилъ ученикамъ отпустить никакъ не менѣе обычныхъ «ста лозановъ». Мы оба смѣялись до кашля. Съ отцомъ Викентіемъ мы уходили далеко-далеко въ поле и располагались гдѣ-нибудь подъ деревцомъ до вечерняго чая. Чай пили у насъ, въ саду. Къ чаю приходила моя старенькая мать и сестра — вдова съ двумя маленькими дѣвочками.

За нѣсколько недѣль до моего отъѣзда, въ Черемухино пріѣхалъ сынъ нашего покойнаго учителя, Василій Васильевичъ. Онъ былъ вылитый отецъ. Когда я навѣстилъ его, онъ разсказалъ мнѣ, что служитъ конторщикомъ у одного купца, который занимается лѣсною торговлею и кромѣ того имѣетъ спичечную фабрику. Въ домѣ учителя я опять увидѣлъ портретъ его писанный Александромъ Степановичемъ. Теперь, когда не было уже дорогого подлинника, портретъ показался мнѣ еще живѣе и выразительнѣе, чѣмъ въ прежніе годы. Я очень радъ, что нашъ самоучка оставилъ намъ этотъ памятникъ.

Вспомнилъ я о сочиненіи учителя, но оказалось, что послѣ его смерти не осталось никакихъ бумагъ, а ноты если и остались, то давно затерялись гдѣ-нибудь.

— Не хотѣлось отцу умирать — говорилъ Василій Васильевичъ — сильно не хотѣлось.... Все жалѣлъ о школѣ! «Умру, говоритъ, все распадется! Помѣщикъ теперь содержать не будетъ; станутъ содержать крестьяне.... Я бы поддержалъ.... Мнѣ некуда идти, въ мои года новаго не начинаютъ!...» И дѣйствительно, только онъ и могъ бы вести школу, какъ слѣдуетъ! А то, знаете, были все чужіе, наѣзжіе учителя... Да и что за учителя это? Послѣ смерти отца ихъ смѣнилось уже четверо. Но возьмите во вниманіе и то, что должность учителя имѣетъ свою особенную обязанность — учитель долженъ непремѣнно любить свое дѣло. А новые учителя, которые были у насъ, жили, такъ себѣ, по нуждѣ, потомъ разбрелись кто-куда; одинъ даже поступилъ въ винокуры, отказавшись отъ школы.... Да, пожалуй, если бы былъ живъ отецъ, онъ не распустилъ бы школы!...

Я думалъ тоже самое. Школа наша распалась не потому, что у нея не стало благодѣтелей (т.-е. промышляющихъ школою), а потому, что у нея не стало *души*, т.-е. дворовaго человѣка Василія Ѳедорова Сапожникова.

Л. Чечерскій.

БУНТЪ КИРГИЗСКАГО СУЛТАНА

КЕНИСАРЫ КАСИМОВА.

(1838—1847 гг.).

I*).

Волненія въ степи, предшествовавшія бунту Кенисары Касимова.—Главные мятежники: султанъ Каипъ Галіевъ, Джуламанъ, Исетай и другіе.—Причины смутъ и участіе въ нихъ Хивы.—Мѣры къ водворенію спокойствія въ краѣ.—Султанъ Кенисара Касимовъ и начало бунта [1]).

Петръ Великій считалъ необходимымъ для утвержденія нашего вліянія и торговли въ Средней Азіи, а чрезъ нее въ Индіи, присоединеніе къ Россіи киргизъ-кайсацкихъ ордъ, которыя, по его мнѣнію, были «ключемъ и вратами ко всѣмъ азіатскимъ странамъ и землямъ», какъ о томъ свидѣтельствуетъ Тевкелевъ [2]) въ одной изъ своихъ записокъ, въ которой между прочимъ говоритъ: «Въ 1722 году, при его императорскомъ величествѣ, блаженной и высокія славы достойной памяти государѣ импе-

*) См. «Вѣстн. Европы» томы II и IV 1868 г.

[1]) Чтобы не дѣлать безпрерывныхъ указаній, въ выноскахъ и самомъ текстѣ на тѣ источники, которые послужили матеріаломъ для настоящаго труда, мы сочли за лучшее привести ихъ въ самомъ началѣ нашей статьи. Вотъ тѣ источники, которыми мы располагали какъ матеріаломъ:

1) Записка современника и очевидца Г. П—ова «О бунтѣ мятежнаго султана Кенисары Касимова».

2) Дѣла канцеляріи оренбургскаго генералъ-губернатора.

3) Дѣла областного правленія оренбургскими киргизами.

[2]) Тевкелевъ имѣлъ порученіе отъ Петра I изслѣдовать пути въ Индію.

раторѣ Петрѣ Великомъ, былъ я нижайшій въ персидксомъ походѣ старшимъ переводчикомъ въ секретныхъ дѣлахъ, и по возвращеніи изъ персидскаго похода его императорское величество государь императоръ Петръ Великій изволилъ имѣть желаніе, для своего отечества Россійской имперіи, полезное намѣреніе въ приведеніи издревле слышимыхъ, и въ тогдашнее время почти неизвѣстныхъ киргизъ-кайсацкихъ ордъ въ россійское подданство, и оное свое монаршее особое меня нижайшаго къ тому употребить намѣреніе имѣлъ, съ тѣмъ, буде оная орда въ точное подданство не пожелаетъ, постараться мнѣ, несмотря на великія издержки, хотя бы до милліона, держать,—но токмо чтобъ однимъ листомъ подъ протекціею Россійской имперіи быть обязались; ибо какъ его императорское величество государь императоръ Петръ Великій въ 1722 году, будучи въ персидскомъ походѣ, и въ Астрахани черезъ многихъ изволилъ увѣдомиться объ оной ордѣ, хотя-де оная киргизъ-кайсацкая степной и легкомысленный народъ, токмо-де всѣмъ азіатскимъ странамъ и землямъ оная орда ключъ и врата».

Но, по смерти Петра Великаго, виды и намѣренія его въ этомъ отношеніи были забыты на нѣкоторое время, а именно до 1730 года, когда Абдулъ-Хаиръ, ханъ меньшой киргизской орды, тѣснимый джунгарами, калмыками и башкирами, просилъ защиты Россіи, отдаваясь въ ея подданство. Переговоры по этому дѣлу велись тѣмъ же Тевкелевымъ, авторомъ вышеприведенной записки, и въ 1732 году меньшая орда признала свою зависимость. Устройство новаго края поручено было оберъ-секретарю сената, извѣстному статистику Кирилову, а затѣмъ Татищеву и Неплюеву. Ревностными усиліями ихъ, пространство между городами Омскомъ и Уральскомъ, въ промежуткѣ между которыми существовалъ, до 1730 года, одинъ только пригородокъ Сакмарскъ (основанный въ 1719 году сибирскими бѣглецами, и занятый съ 1721 года, по распоряженію правительства, яицкими казаками), связалось вскорѣ населенное линіею по берегамъ рѣкъ Урала и Уя, отрѣзавъ башкирскія земли отъ степной киргизской орды, съ цѣлью прекращенія постоянной вражды и грабежей между киргизами и башкирами. Но хотя благоразуміе правительства нашего достигло, со временемъ, окончательнаго примиренія двухъ враждующихъ народностей, то-есть содѣйствовало къ прекращенію вражды башкиръ съ кайсаками, тѣмъ не менѣе въ ордѣ послѣднихъ смуты и усобицы, въ силу извѣстныхъ условій, продолжались до извѣстныхъ временъ, и слѣдуетъ замѣтить, что русскія поселенія всегда или, по крайней мѣрѣ, очень ча-

сто несли въ этихъ смутахъ печальную долю «похмѣлья въ чужомъ пиру»....

Главною виновницею киргизъ-кайсацкихъ смутъ искони была Хива. Ханство это еще со временъ неудачнаго и несчастнаго похода (въ 1717 г.) въ его предѣлы Бековича-Черкаскаго, при Петрѣ I, питаетъ вражду къ Россіи, стараясь постоянно возбуждать противъ нея орды киргизовъ, даже и послѣ признанія послѣдними русскаго подданства. Всѣ виновники безпорядковъ въ степи, преслѣдуемые отрядами нашихъ войскъ, всегда находили себѣ безопасное убѣжище и радушный пріемъ въ Хивѣ. Правда, за такое покровительство мятежникамъ, хивинскій владыка посылалъ своихъ агентовъ для сбора съ киргизовъ въ свою пользу податей, обогащаясь такимъ образомъ на счетъ Россіи.

Присвоивая себѣ власть надъ кочующими близъ хивинскихъ предѣловъ подвластными намъ киргизами, каракалпаками и туркменами [1]), хивинцы силою и грабежемъ вынуждали у нихъ подати (закетъ), а эмиссары Хивы, проникая въ киргизскую степь съ торговыми караванами, и подъ видомъ муллъ возбуждали религіозный фанатизмъ и ненависть между родами, подучали ихъ не только на грабежъ каравановъ, но и къ нападеніямъ на линію и на нашихъ рыбопромышленниковъ, для захвата плѣнниковъ и продажи ихъ на хивинскомъ рынкѣ въ тяжкое рабство. Наше правительство отвѣчало вначалѣ полнымъ презрѣніемъ на задиранія хивинцевъ, и даже старалось, въ видахъ торговыхъ выгодъ, поддерживать дружественныя отношенія наши съ Хивой,—но всякому терпѣнію бываютъ границы!...

Въ 1839 году, съ высочайшаго соизволенія, оренбургскій военный губернаторъ, впослѣдствіи графъ В. А. Перовскій, предпринялъ походъ въ Хиву. Экспедиція эта не удалась, но будучи крутымъ поворотомъ въ нашей политикѣ съ Хивою, имѣла все-таки свои благія послѣдствія, заставивъ враждебное намъ ханство, если не совсѣмъ отказаться отъ подстрекательствъ къ мятежамъ нашихъ кочевниковъ, то все же значительно умѣрить дерзость своего вмѣшательства въ наши отношенія къ киргизамъ.

Впрочемъ, и послѣ хивинскаго похода Хива и другія среднеазіатскія владѣнія не переставали служить убѣжищемъ для нашихъ степныхъ разбойниковъ и гнѣздомъ мятежныхъ скопищъ.

Кромѣ этой главной причины смутъ, были и другія, частныя: между киргизами издавна находились во враждѣ роды: Дже-

---

[1]) Каракалпаки присягнули на подданство Россіи въ 1832 году, а туркмены 31 октября 1791 года.

галбай, Кипчакъ, Япасъ или Джапасъ и Дюртъ-кара; въ средѣ ихъ почти всегда происходили схватки и угонъ скота (баранта). Къ этому семейному раздору присоединялись, какъ сказано выше, волненія, возбуждаемыя въ степи хивинцами. Затѣмъ, къ причинамъ смутъ слѣдуетъ отнести: отмежеваніе въ 1835 году, для казачьихъ поселеній, «новой оренбургской линіи» земель, изъ числа принадлежащихъ киргизамъ и произведенный въ 1836 г., въ видѣ опыта, сборъ съ киргизовъ подати въ размѣрѣ 1 р. 50 к. съ кибитки. Все это вызывало неудовольствія со стороны нашихъ кочевниковъ. Наконецъ, находились удальцы, пользовавшіеся этими неурядицами, набиравшіе шайки, съ которыми, подъ шумокъ, производили разные безпорядки, нападали на аулы мирныхъ киргизовъ, пограничныя со степью русскія поселенія, грабили караваны и проѣзжающихъ; захватывали послѣднихъ, обращали ихъ въ невольниковъ и сбывали ихъ, легко и выгодно, какъ замѣчено выше, на хивинскихъ рынкахъ.

Поощряемые выгодными цѣнами (гласятъ записки того времени, сохранившіяся въ архивѣ генеральнаго штаба оренбург. воен. округа), киргизы похищали русскихъ людей даже на линіи и сбывали ихъ въ сосѣдственныя области Средней Азіи, преимущественно же въ Хиву, гдѣ (по имѣвшимся тогда свѣдѣніямъ) находилось болѣе 2,000 русскихъ въ неволѣ. Въ давнія времена захватывали людей изъ внутреннихъ селеній, даже на рѣкѣ Волгѣ и за Волгою, но потомъ на линіи, а въ 30-хъ годахъ почти исключительно захватывались киргизами и туркменцами рыболовы на Каспійскомъ морѣ въ весьма значительномъ числѣ, именно: до 200 человѣкъ ежегодно. Плѣнники русскіе продавались въ Хивѣ на базарахъ, и не только знатнѣйшіе хивинскіе сановники принимали участіе въ этомъ торгѣ, но и торговцы хивинскіе, посѣщавшіе ежегодно Россію, по большей части покупали тоже нашихъ плѣнныхъ, да сверхъ того, проживая между киргизами, по дѣламъ торговымъ, всячески поощряли ихъ къ захвату плѣнныхъ, закупая ихъ впередъ и оставляя задатки. Пограничная оренбургская коммиссія хотя и располагала извѣстною суммою, въ 3 тысячи руб., для выкупа русскихъ невольниковъ, но выкупать удавалось самое ограниченное число, потому что въ Хивѣ смертная казнь ожидала каждаго, согласившагося продать раба своего для возвращенія въ отечество.

Разумѣется, оренбургскіе военные губернаторы не могли оставаться безучастными зрителями происходившаго; ими дѣлались различныя распоряженія, клонившіяся къ уничтоженію мятежныхъ скопищъ, водворенію возможнаго въ степи порядка, къ

возстановленію правильнаго и безопаснаго сообщенія торговыхъ каравановъ съ Оренбургомъ.

Здѣсь слѣдуетъ замѣтить кстати, что безпорядки и грабежи совершались не только въ степи, но и на Каспійскомъ морѣ. Поэтому, чтобы упрочить наше вліяніе на прикаспійскихъ кочевниковъ и тѣмъ уменьшить морскіе разбои, еще въ 1834 году, основано было, при заливѣ Кутлукѣ, укрѣпленіе Ново-Александровское, а для огражденія остальной границы имперіи отъ вторженія грабительскихъ киргизскихъ шаекъ, рѣшились-было на громадное сооруженіе: думали провести, на подобіе китайской стѣны, на сотни верстъ, непрерывный валъ со рвомъ, вдоль всей границы, неимѣющей естественнаго прикрытія. Работы эти предполагалось произвести (нарядомъ отъ Башкирскаго войска) и окончить въ теченіи 6-ти лѣтъ, а на издержки отпущено было 250,000 руб. Въ 1836 году, уже часть этого вала была готова, на протяженіи 18 верстъ, 162 саж.; онъ начинался въ 45 верстахъ на сѣверъ отъ крѣпости Орской и имѣлъ 6 футовъ высоты и ровъ такой же глубокій. Но безпорядки продолжались и послѣ этого китайскаго сооруженія, или мѣропріятія. Такъ, въ 1836 году, киргизы оренбургскіе разграбили киргизовъ сибирскаго вѣдомства, разбили бухарскій караванъ, шедшій изъ Троицка на 150 верблюдахъ, ограбили двухъ нашихъ купцовъ, продолжали угонять съ линіи скотъ и увозить плѣнныхъ; а близъ укрѣпленія Ново-Александровскаго, по наущенію Хивы, адаевцы (киргизы адаевскаго рода), угнали 26,000 барановъ, принадлежащихъ русскимъ купцамъ, разграбили на 15,000 руб. товаровъ, отправленныхъ изъ укрѣпленія Ново-Александровскаго въ Гурьевъ-городокъ сухимъ путемъ, и даже угрожали самому укрѣпленію. Между тѣмъ, морскіе хищники овладѣли на Каспійскомъ морѣ казеннымъ ботомъ, при чемъ плѣнили лейтенанта Гусева и 5 человѣкъ команды, а также захватили два казачьи судна, плывшіе изъ Астрахани въ Гурьевъ.

Рѣшено было немедленно наказать киргизовъ силою оружія и тѣмъ до времени поддержать хотя нѣкоторый порядокъ въ степи; съ этою цѣлью было совершено нѣсколько поисковъ за хищниками какъ на морѣ, такъ и въ степи. Такъ, въ 1836 году, для наказанія морскихъ разбойниковъ на Каспійскомъ морѣ, — снаряженъ былъ отрядъ уральскихъ казаковъ на двухъ-палубныхъ (кусовыхъ) и двухъ гребныхъ судахъ; отрядъ крейсировалъ $3^1/_2$ мѣсяца, но хищники успѣли отъ него укрыться.

Чтобы показать, съ какими трудностями и опасностями сопряжены бывали походы нашихъ отрядовъ противъ хищниковъ,

по мало извѣстнымъ и пустыннымъ степнымъ пространствамъ, заимствуемъ разсказъ г. Голосова, о походѣ на Базучи (1836—1837 годовъ), помѣщенный имъ въ примѣчаніи къ статьѣ: «Походъ въ Хиву въ 1839 году», и нѣкоторыя подробности о другихъ поискахъ въ степи, производимыхъ нашими войсками въ тоже время. Противъ киргизскаго рода адаевцевъ, — разсказываетъ г. Голосовъ,—у которыхъ преимущественно находили убѣжище морскіе разбойники и хивинскіе эмиссары, отправленъ былъ зимою конный отрядъ уральскихъ казаковъ, подъ начальствомъ полковника Мансурова. Отрядъ состоялъ: изъ 1-го штабъ-офицера, 10-ти оберъ-офицеровъ, 9-ти урядниковъ и 530 казаковъ; кромѣ того къ нему были прикомандированы подполковникъ Данилевскій и адъютантъ военнаго губернатора Челяевъ. Отрядъ выступилъ 20 октября изъ Гурьева и направился моремъ по льду, на саняхъ, къ укрѣпленію Ново-Александровскому; 24-го декабря благополучно достигъ Прорвинскаго поста (служившаго связью укрѣп. Ново-Александровскаго съ Уральскою линіею), т.-е. въ четверо сутокъ совершилъ слишкомъ 200 вер. труднаго пути, часто встрѣчая шиханы (или грядами пролегающіе взломы льда) до того крутые, что лошади не могли на нихъ всходить безъ помощи людей. Мѣстами ледъ проваливался; воду для питья и варки пищи приходилось добывать изъ льда и снѣгу. На пути отъ Прорвинскихъ острововъ до Ново-Александровскаго укрѣпленія, гдѣ запасено было потребное для отряда продовольствіе и фуражъ), сильные вѣтры взломали ледъ по всѣмъ направленіямъ, и $1^1/_2$ сотни отряда мгновенно оторваны и унесены льдомъ въ открытое море. Не потерявъ присутствія духа, казаки устроили изъ обломковъ льда мостъ (связывая льдины арканами съ помощію втыкаемыхъ въ льдины пикъ) до берегового стоячаго льда и такимъ образомъ достигли берега, потерявъ всего только двѣ лошади. Перегрузивъ часть взятаго съ собой продовольствія на поставленныхъ мирными киргизами верблюдовъ, отрядъ, 2-го января 1837 года, прибылъ въ укрѣпленіе Ново-Александровское и на другой же день выступилъ вновь, раздѣлившись на двѣ партіи, внизъ по заливу Кайнаду, перешедши который, одна часть отряда двинулась налегкѣ впередъ, а другая часть, спѣшившись, навьючила своихъ лошадей продовольствіемъ и слѣдовала за первою, малыми переходами.

«7-го января легкій отрядъ настигъ аулы поколѣнія джименей, промышлявшихъ морскимъ разбоемъ, и неожиданное появленіе русскихъ увѣнчалось полныхъ успѣхомъ: отрядъ разсѣялъ составлявшееся скопище киргизскихъ наѣздниковъ и отбилъ 350 верблюдовъ, на коихъ тотчасъ навьючены были за-

пасы отряда, который вновь раздѣлился. Подполковникъ Данилевскій пошелъ къ западу на полуостровъ Базучи, а полковникъ Мансуровъ на югъ и юго-западъ Мангишлака и сверхъ того, небольшіе разъѣзды разосланы были по всѣмъ направленіямъ для отысканія хищниковъ, которые вездѣ были разсѣеваемы и захватываемы въ плѣнъ, причемъ разбойники изобличены найденными у нихъ въ аулахъ матроскими куртками, офицерскими вещами, морскими картами и т. п. предметами, съ разграбленнаго казеннаго бота. Подполковникъ Данилевскій сжегъ найденные имъ по берегу моря разбойничьи суда, а адъютантъ Челяевъ съ отдѣльною партіею, далеко на югъ, преслѣдовалъ хищниковъ».

«24 января, отрядъ возвратился благополучно въ укрѣпленіе Ново-Александровское и привелъ съ собою 53 человѣка плѣнныхъ; скота было отбито столько, что продажею онаго покрыты всѣ издержки экспедиціи. Такимъ образомъ, отрядъ этотъ въ теченіи 20-ти дней совершилъ до 1,200 верстъ зимою, когда морозы были не менѣе 15, а не рѣдко доходили и до 25 градусовъ реомюра, при чемъ умерло 2 человѣка и нѣсколько казаковъ легко ранены въ сшибкахъ; но убитыхъ вовсе не было. Палыя лошади казачьи всѣ были замѣнены отбитыми у непріятеля.

«Затѣмъ разослано адаевцамъ и союзникамъ ихъ въ дѣлѣ грабежей, туркменцамъ, объявленіе, что за каждый будущій разбой послѣдуетъ подобное же наказаніе [1])».

Въ этомъ же году были произведены три поиска въ степи, первый — до песковъ Барсуки, вторый—на рѣкѣ Хобдѣ и третій на пескахъ Тайсуйганъ. Первый изъ этихъ поисковъ былъ вызванъ слухомъ о появленіи хивинскихъ эмиссаровъ въ нашихъ степяхъ, для возбужденія киргизовъ къ неповиновенію и грабежамъ; и дѣйствительно, по наущенію хивинцовъ киргизы, близъ рѣки Иргиза, разбили караванъ одного оренбургскаго купца и двухъ его прикащиковъ захватили въ неволю. Для наказанія виновныхъ былъ высланъ отрядъ, подъ командою генералъ-майора Дренякина, состоявшій изъ 1000 человѣкъ охотниковъ, вызванныхъ изъ ближайшихъ къ линіи башкирскихъ кантоновъ; при отрядѣ находилось: 31 чиновникъ и 40 башкирскихъ урядниковъ; кромѣ того придано отряду 2 орудія и 30 человѣкъ пѣхотинцевъ, посаженныхъ на лошадей. 4-го іюня отрядъ этотъ выступилъ черезъ Хабарную за Уралъ.

Съ появленіемъ нашихъ войскъ въ степи прикащики были тотчасъ же отпущены на свободу и часть товаровъ возвра-

[1]) Воен. Сборн. января 1863 г. «Походъ въ Хиву».

щена. Отрядъ преслѣдовалъ хищниковъ за 500 верстъ отъ линіи до рѣки Эмбы; здѣсь аулы хищниковъ были окружены, захвачены важнѣйшіе изъ виновниковъ и взятъ скотъ, для покрытія продажею его издержекъ экспедиціи. Другая часть хищниковъ укрылась въ пескахъ Барсуки, гдѣ преслѣдованіе становилось крайне затруднительнымъ, почему отрядъ, черезъ 20 дней, возвратился на линію, потерявъ всего одного башкира.

Одновременно съ предъидущею экспедиціею, отправленъ былъ, черезъ крѣпость Илецкую-Защиту, другой двухъ-сотенный отрядъ казаковъ, подъ начальствомъ подполковника Подурова, на рѣку Хобду, гдѣ появились хивинскіе сборщики податей, обиравшіе подвластныхъ намъ киргизовъ; но одинъ слухъ о появленіи этого отряда заставилъ хивинцевъ удалиться.

Далѣе произведены были, въ томъ же 1836 году, поиски на пескахъ Тайсуйганъ, когда было получено извѣстіе, что часть адаевцевъ отправивъ имущество въ пески Тайсуйганъ, противъ крѣпости Кулганской, на нижнеуральской линіи — вздумали налегкѣ дѣйствовать противъ укрѣпленія Ново-Александровскаго; но только часть хищниковъ была тамъ настигнута нашимъ отрядомъ, отбившимъ много скота. При этомъ убитъ 1 казакъ и нѣсколько лошадей; киргизы потеряли убитыми до 15-ти человѣкъ. Сверхъ того, у Гурьева-городка тогда же было захвачено 6 человѣкъ разбойниковъ, извѣстныхъ издавна и поименно.

Всѣ захваченные грабители предавались немедленно военному суду.

До сихъ поръ мы говорили о волненіяхъ, происходившихъ въ глуби и на окраинахъ нашей степи; теперь же должны сказать, что даже и во внутренней (Букеевой) ордѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ нашими поселеніями, не обходилось безъ волненій и безпорядковъ; здѣсь возмутитель Таймановъ, по разнымъ неудовольствіямъ на хана этой орды, собралъ до 3,000 грабителей; но высланный подъ начальствомъ подполковника Геке отрядъ изъ 600 человѣкъ казаковъ, разсѣялъ возмутителей, причемъ убито до 60 киргизовъ, а самъ Таймановъ успѣлъ бѣжать за рѣку Уралъ.

Главнѣйшими предводителями мятежныхъ шаекъ въ степи можно назвать:—изъ киргизовъ внутренней орды, Исетая, бѣжавшаго за Уралъ въ 1837 году, и соединившагося съ давнишнимъ бѣглецомъ той же орды султаномъ Каипъ Галіевымъ, и Джуламана, — удалившагося еще со временъ занятія нами Илецкихъ линій въ 1820 году, и съ тѣхъ поръ не переставшаго питать злобу къ русскимъ. Всѣ они скрывались въ Хивѣ, пользуясь ея покровительствомъ, а Каипъ и Исетай, въ особенности,

находили постоянную опору въ хивинцахъ. Каипъ разбойничалъ еще въ 1832 году у самой линіи, но потомъ скрылся, а появившись вновь въ 1835 г. въ нашей степи, кочевалъ мирно, желая какъ бы загладить свою вину. Но вскорѣ онъ былъ вызванъ въ Хиву, породнился тамъ съ ханомъ, выдавъ за него свою дочь и принялъ названіе хана западныхъ (отъ Хивы) киргизовъ (подобно тому, Менембай — еще прежде принялъ званіе хана восточныхъ отъ Хивы киргизовъ), а въ 1838 году, согласившись съ прочими бѣглецами, появился уже съ шайками киргизовъ и туркменовъ для сбора съ нашихъ кайсаковъ податей. Скопище его увеличилось вскорѣ до 3,000 и онъ направился къ рѣкамъ Илеку, Хобдѣ, Ори, къ верховьямъ Тобола, приближаясь къ нашей линіи.

Для защиты мирныхъ киргизовъ и прикрытія кордонной линіи, въ іюнѣ 1838 года, высланы были въ степь три отряда: 1) изъ 500 башкиръ, 50 пѣхотныхъ стрѣлковъ, посаженныхъ, верхомъ, при 2-хъ легкихъ орудіяхъ, подъ начальствомъ подполковника Подурова; 2) изъ 450 оренбургскихъ и уральскихъ казаковъ, 50 стрѣлковъ при 2-хъ орудіяхъ, подъ командою подполковника Геке; 3) изъ 700 казаковъ оренбургскаго башкирскаго войска при 5-ти орудіяхъ, подъ предводительствомъ полковника Мансурова. Назначеніе перваго изъ этихъ отрядовъ состояло только въ томъ, чтобы прикрывать среднюю часть линіи и ближайшихъ къ ней киргизовъ; почему отрядъ этотъ и оставался все время позади другихъ, выдвинутыхъ еще далѣе въ глубь степи, правѣе и лѣвѣе перваго. Второй отрядъ соединился противъ Уральской линіи съ султаномъ-правителемъ западной части орды, противъ которой и отправился съ шайкою Исетай, и неожиданно напавъ на хищниковъ, разбилъ ихъ на голову, при чемъ былъ убитъ самъ Исетай, а съ нашей стороны ранено 7 человѣкъ. Третій отрядъ, соединившись съ султаномъ-правителемъ средней части орды, направился на востокъ къ верховьямъ рѣки Иргиза, гдѣ тоже удачно окружилъ аулы волновавшагося рода Дюртъ-Кара, захватилъ поименно извѣстныхъ намъ зачинщиковъ и отогналъ множество скота, для удовлетворенія ограбленныхъ возмутителями киргизовъ и покрытія издержекъ поиска. При этомъ убито до 80-ти киргизовъ, а съ нашей стороны ранено 2 казака.

Затѣмъ уже въ августѣ, полковникъ Геке съ отрядомъ командированъ былъ для преслѣдованія отступившаго на юго-востокъ Джуламана; но скопище его налегкѣ бѣжало въ безкормныя мѣста, оставляя позади себя палы, такъ что отрядъ нашъ не въ состояніи былъ слѣдовать далѣе рѣки Эмбы, и воз-

вратился на линію. Главный руководитель мятежниковъ, Каипъ Галіевъ, вслѣдствіе понесенныхъ бунтовщиками неудачъ, бѣжалъ въ Хиву; но, прежде, чѣмъ онъ успѣлъ сойти со сцены, въ рядахъ возмутителей появляются новые предводители мятежниковъ, — султаны сибирскаго вѣдомства, — Касимъ и Кенисара, отецъ съ сыномъ, и какъ бунтъ послѣдняго составляетъ предметъ нашего изслѣдованія, то мы считаемъ себя обязанными сказать о Кенисарѣ нѣсколько словъ.

Султанъ Кенисара Касимовъ происходилъ отъ предковъ султана Аблая. Это былъ человѣкъ рѣшительный, энергичный; воспитанный въ правилахъ наслѣдственной мести, онъ былъ жестокъ съ побѣжденнымъ врагомъ, до изувѣрства; участіе съ ранняго дѣтства въ набѣгахъ и барантахъ образовало изъ него отличнаго наѣздника; а бѣгство, въ случаяхъ неудачи, въ безкормныя мѣста степи, закалило его духъ во всевозможныхъ лишеніяхъ, и сдѣлало его выносливымъ не хуже верблюда. Стремительный въ своихъ набѣгахъ, подобно всесокрушающему степному урагану, онъ не останавливался ни передъ какими препятствіями. Напротивъ, всякая преграда, казалось, только раздражала его непреклонную волю и дѣлала его еще стремительнѣе и дерзче въ своихъ предпріятіяхъ, до тѣхъ поръ, пока наконецъ не сокрушились передъ его энергіей всѣ препоны на пути къ достиженію желаемой цѣли.

Всѣ эти качества высоко чтились въ Кенисарѣ нашими кочевниками и сердца его соучастниковъ бились безграничною, до самоотверженія, преданностью къ своему предводителю; въ немъ было что-то невольно привлекавшее его соплеменниковъ, и число его приверженцевъ возрастало съ каждымъ днемъ. Словомъ, Кенисара умѣлъ быть достойнымъ повелителемъ своихъ дружинъ. Духу, которымъ были одушевлены его шайки, позавидовалъ бы любой полководецъ европейскихъ войскъ, таковъ былъ Кенисара! Да, человѣкъ этотъ, вообще говоря, былъ личностію выдающеюся и нѣтъ сомнѣнія, что при другихъ условіяхъ воспитанія изъ него вышелъ бы недюжинный государственный дѣятель.

Когда же безпорядки, произведенные Кенисарою, вызвали противъ него рѣшительныя мѣры со стороны сибирской администраціи, которая, для усмиренія его скопища, выслала отряды, то Кенисара отложился отъ Россіи и сдѣлался явнымъ мятежникомъ, въ скорости удалившись въ Оренбургскую степь, къ берегамъ рѣки Тургая.

Тогда генералъ-губернаторъ Западной Сибири просилъ содѣйствія оренбургскихъ войскъ противъ Кенисары съ Касимомъ отступившихъ, послѣ бѣгства Галіева въ Хиву, къ Ташкенту.

Зимою 1838 года получено было извѣстіе, что сибирскаго вѣдомства султаны Аблаевы, родственники и единоплеменники Кенисары, зимуютъ на рѣкѣ Тургаѣ и что туда же собираются прибыть Касимъ и Кенисара, чтобы сообща произвести грабежи и набѣгъ на линію. Для предупрежденія такого покушенія ранею весною (въ мартѣ 1839 года) отряженъ былъ подъ начальствомъ войскового старшины Лебедева, отрядъ изъ 1900 человѣкъ казаковъ и башкиръ и сотни мирныхъ киргизовъ (кипчакскаго и киренскаго родовъ), при 2-хъ легкихъ орудіяхъ.

Отрядъ засталъ Аблаева со всѣми аулами его еще на зимовкѣ, и захватилъ въ плѣнъ самого Аблаева и 13 другихъ киргизовъ, причемъ убито до 50 непріятелей и угнано множество скота. Однако дальнѣйшее преслѣдованіе хищниковъ оказалось невозможнымъ по случаю наступившей весны и разлива рѣкъ. На возвратномъ пути къ линіи, послѣ сильныхъ дождей, начались снова сильные морозы и вьюги, отъ чего отрядъ значительно потерпѣлъ, особенно лошади, которыхъ пало до 600. Между тѣмъ Кенисара, выждавъ возвращенія отряда Лебедева на линію, снова появился на рѣкѣ Тургаѣ со скопищемъ въ 3000 чел. и разграбилъ киргизовъ восточной части орды, а остальныя его шайки въ тоже время, нападая на линію, увели въ плѣнъ 8 чел. русскихъ, кромѣ тѣхъ рыбопромышленниковъ нашихъ, которые захвачены были на рѣкѣ Тоболѣ. Въ томъ же году зимою у отряда, заготовлявшаго сѣно на р. Эмбѣ, для предстоявшей экспедиціи въ Хиву, угнано было подкравшимися ночью ворами 300 башкирскихъ лошадей и позже отогнано подобнымъ же образомъ 180 воловъ и захваченъ маркитантскій прикащикъ.

Таково было начало бунта Кенисары, надѣлавшаго въ послѣдствіи такъ много хлопотъ оренбургской администраціи, особенно когда къ волненіямъ въ степи присоединяются, почти безпрерывные, безпорядки внутри края, о которыхъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

II.

Волненія начала сороковыхъ годовъ. — Политика Кенисары. — Прокламаціи степныхъ мятежниковъ; стремленіе ихъ и Кенисары отдѣлить степь отъ Россіи и признать свою зависимость отъ Хивы. — Переписка султана Кенисары Касимова съ Оренбургомъ.

Съ 1840 года волненія въ степяхъ Оренбургскаго вѣдомства, съ появленіемъ въ нихъ Кенисары и отца его султана Касима Аблаева, принимаютъ болѣе опредѣленный, тревожный и хроническій характеръ. Оренбургская администрація очень хорошо понимала, что ей доводится имѣть дѣло съ недюжиннымъ чело-

вѣкомъ, и потому она съ лихорадочною дѣятельностью слѣдитъ шагъ за шагомъ за Кенисарою, стараясь предугадывать, и по возможности предупреждать, его намѣренія. Между главнымъ начальникомъ края, пограничной коммиссіей, управлявшей киргизами, и дистаночными линейными начальниками идетъ бѣглая, секретная переписка, заключающаяся въ сообщеніи свѣдѣній о положеніи дѣлъ въ степи; комендантамъ крѣпостей и дистаночнымъ начальникамъ предписывается принять заблаговременно мѣры предосторожности, на случай нападенія со стороны мятежниковъ и какъ бы въ отвѣтъ на эти предписанія, получаются въ Оренбургѣ нерадостныя вѣсти о разбойничьихъ набѣгахъ, производимыхъ, въ разныхъ пунктахъ степи и линіи, сообщниками Кенисары. Хитрый и умный политикъ, султанъ Кенисара поступаетъ съ оренбургской администраціей сообразно обстоятельствамъ: то наводитъ ужасъ и страхъ по обѣ линіи нашихъ поселеній и на аулы мирныхъ киргизовъ, — когда пользуется покровительствомъ Хивы; то какъ будто смиряется, и жлаетъ прощенія, когда лишается поддержки въ хивинскомъ ханѣ или когда число его приверженцевъ по какому либо случаю уменьшается значительно. Такъ, въ 1840 году погибель главнаго сподвижника и отца Кенисары, султана Касима Аблаева, — заставила мятежника бѣжать въ Хиву, и на нѣкоторое время степь успокоилась. Извѣстіе это тѣмъ радостнѣе было для Оренбурга, что Касимъ былъ опытный и вліятельный мятежникъ, а слѣдовательно не безопасный агитаторъ въ Оренбургской степи.

Свѣдѣніе объ этомъ событіи было получено посредствомъ письма троицкаго купца Сафаргали-Искакова, на имя бія Балгажи Янбурчина, въ которомъ онъ слѣдующимъ образомъ описываетъ подробности погибели султана Касима Аблаева, съ его семействомъ и шайкою приверженцевъ. Султанъ Аблаевъ (отецъ Кенисары) просилъ у ташкентскаго бека пороху, свинцу и 100 ружей для сопротивленія русскимъ отрядамъ, высланнымъ противъ него. Ташкентскій бекъ, вѣроятно по старымъ счетамъ, питая вражду къ Касиму, рѣшился воспользоваться удобнымъ случаемъ для истребленія своего врага посредствомъ хитрости. Онъ съ живѣйшею готовностью выслалъ къ нему на одномъ верблюдѣ пороху, на другомъ свинцу, 3 орудія и 200 халатовъ, съ 600 человѣками своихъ приверженцевъ, написавъ поименно, кому и что́ слѣдуетъ раздать; но вслѣдъ за мнимымъ вспомогательнымъ отрядомъ, бекъ тайно послалъ 6,000 человѣкъ, которымъ было поручено внезапнымъ нападеніемъ уничтожить шайку Аблаева. Послѣдній, ничего неподозрѣвая, принялъ подарки и собравши своихъ джигитовъ приступилъ къ дѣлежу. Въ это

время посланные ташкентскимъ бекомъ 6,000 человѣкъ, внезапно напали на аулы Аблаева, истребили его шайку, убили женъ и дѣтей, и только одинъ Кенисара, благодаря тому обстоятельству, что онъ кочевалъ отдѣльно отъ ауловъ отца, — успѣвъ получить свѣдѣніе о нападеніи ташкентцевъ, — бѣжалъ въ Хиву.

Послѣ погибели султана Касима Аблаева, степь повидимому успокоилась. Стеченіемъ обстоятельствъ, сынъ его Кенисара былъ поставленъ въ такое положеніе, что по неволѣ долженъ былъ желать мира съ русскими. Иначе, по выходѣ изъ Хивы, ему одновременно угрожали бы ташкентскій бекъ съ одной стороны, и русскіе отряды, — съ другой. Да и хивинскій ханъ, послѣ похода генерала Перовскаго въ Хиву, сталъ бояться Россіи, и, опасаясь навлечь на себя новое неудовольствіе русскихъ, почти отказывалъ Кенисарѣ въ убѣжищѣ, замаскировывая свою трусость дружественными отношеніями къ русскому царю, но въ то же время хану не хотѣлось потерять въ Кенисарѣ союзника; отсюда ясно, что хивинскій ханъ хитрилъ передъ нашимъ правительствомъ и, явно увѣряя въ своей дружбѣ къ русскому царю, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ не переставалъ тайно возбуждать кайсаковъ противу Россіи, и желалъ присоединенія киргизскихъ ордъ къ Хивѣ (какъ-то увидимъ мы ниже), дѣйствуя на ордынцевъ черезъ Кенисару и его предшественниковъ. Наконецъ Кенисару озабочивала мысль выручить нѣкоторыхъ своихъ родственниковъ, захваченныхъ русскимъ отрядомъ, подъ начальствомъ войскового старшины Лебедева въ 1839 году, на рѣкѣ Тургаѣ. Выручить же ихъ силою оружія не представлялось возможности, потому что они были отправлены къ генералъ-губернатору Западной Сибири. Приходилось хитрить и надѣть личину смиренія. Кенисара такъ и поступилъ. Не видя существенной поддержки въ хивинскомъ ханѣ, онъ старался, посредствомъ распускаемыхъ мирными киргизами слуховъ, внушить оренбургской администраціи мысль, что хищничество ему надоѣло и что онъ вознамѣрился стать въ ряды мирныхъ ордынцевъ и кочевать спокойно. А для того, чтобы слухи подтвердились фактами, онъ рѣшился нѣкоторымъ изъ ограбленныхъ имъ ауловъ возвратить награбленное.

Такъ войсковой старшина Лебедевъ доносилъ начальнику штаба отдѣльнаго оренбургскаго корпуса, отъ 2-го февраля 1841 года, что по полученнымъ имъ отъ поручика Язы-Янова свѣдѣніямъ, ограбленное прошлымъ лѣтомъ имущество аула алчинскаго бія Ажмамбета (около 30 кибитокъ), партіею мятежниковъ, подъ начальствомъ племянника Кенисары, Соржанова сына, въ октябрѣ прошлаго (1840) года, по приказанію Кени-

сары возвращено обратно владѣльцамъ. Случилось же это, писалъ Лебедевъ, въ то время, когда Кенисара кочевалъ близъ киргизовъ Чумикеевскаго, Дюрткаринскаго и Чиклинскаго родовъ, которые, будто бы, первоначально принять его къ себѣ не хотѣли, и потому онъ посылалъ сына своего къ хивинскому хану, испросить дозволенія прикочевать къ подвѣдомственнымъ Хивѣ ордынцамъ; но хивинскій владѣлецъ отозвался тѣмъ, что онъ съ Россіею въ примиреніи, и потому не иначе можетъ дозволить ему приблизиться въ свои владѣнія, какъ съ обѣщаніемъ не производить возмущеній противу Россіи. Между тѣмъ, и киргизы упомянутыхъ выше трехъ родовъ, опасаясь, чтобы Касимовъ, присоединясь къ хивинцамъ, не произвелъ новыхъ безпокойствъ, и чтобы имъ, находящимся между Хивою и Россіею, за отказъ Кенисарѣ, не потерпѣть разоренія отъ хищническаго скопища Кенисары, рѣшили съ общаго совѣта послать къ нему увѣдомленіе о желаніи ихъ, чтобы султанъ кочевалъ съ ними, только на тѣхъ же условіяхъ, какія были предложены ему хивинцами, т.-е., чтобы онъ обѣщался кочевать мирно и оставилъ хищничество. Вскорѣ затѣмъ (говорится далѣе въ рапортѣ), означенныхъ родовъ киргизы примѣтили въ Касимовѣ какое-то расположеніе, будто бы, къ спокойствію, убѣждаясь въ этомъ тѣмъ, что съ его совѣта возвращенъ аргынцамъ угнанный чумикеевцами и дюрткаринцами скотъ: 450 лошадей, 400 барановъ и 30 коровъ. Подобнымъ же образомъ получили свое имущество обратно и другіе, ограбленные его соумышленниками ордынцы. Сверхъ того, по приглашенію Кенисары ѣздилъ къ нему Аргынскаго рода бій Анакъ Алтаевъ, какъ говорили слухи, для совѣщанія съ Кенисарою объ изысканіи, будто бы, средствъ къ испрошенію ему амнистіи, получить которую Кенисара надѣялся чрезъ бія Алтаева, лично извѣстнаго предсѣдателю пограничной коммисіи генералъ-маіору Генсу и самому Лебедеву, сообщавшему эти вѣсти.

Кромѣ того, поручикъ Язы-Яновъ доставилъ къ войсковому старшинѣ Лебедеву письмо отъ брата Кенисары, Кузука Касимова, писанное, какъ увѣрялъ Язы-Яновъ, при немъ подъ диктовку самого Кенисары.

Въ письмѣ этомъ, Кузукъ увѣряетъ клятвенно о готовности, какъ своей, такъ и брата его, покончить разъ навсегда съ барантою [1]), если только на нихъ будетъ распространено высо-

[1]) «Барантою» называется грабежъ съ набѣгомъ на линію, или на аулы мирныхъ киргизовъ.

чайшее прощеніе, дарованное Государемъ прежде бунтовавшимъ ордынскимъ племенамъ [1]).

Войсковой старшина Лебедевъ, какъ видно изъ его донесеній, вѣрилъ въ искренность раскаянія Кенисары, несмотря на то, что недовѣрчивый Джантюринъ, одинъ изъ киргизскихъ султановъ, убѣждалъ его не вѣрить словамъ вѣроломнаго мятежника.

Ахметъ Джантюринъ въ своемъ сообщеніи къ Лебедеву говоритъ: «хотя Кенисара и сдружился съ нынѣ мирно-кочующими племенами киргизовъ Чумикеевскаго, Дюртъ-Каринскаго и Чиклинскаго родовъ, которые по его убѣжденіямъ и совѣтамъ не только оставили баранту, но даже возвратили прежде угнанный ими скотъ у разныхъ владѣльцевъ», но Джантюринъ видитъ въ этомъ одну лишь хитрость Кенисары, — «желающаго замаскировать свои истинныя намѣренія относительно упомянутыхъ 3-хъ родовъ».

По его убѣжденію, Кенисара желалъ только выиграть время, въ продолженіи котораго онъ надѣялся привлечь на свою сторону легкомысленныхъ ордынцевъ, а потомъ, сразу увеличивъ свое скопище тремя, значительными по численности, родами, начать снова мятежъ.

Впрочемъ, Лебедевъ, въ донесеніи своемъ, старался убѣдить оренбургскаго военнаго губернатора въ истинѣ раскаянія Кенисары и совѣтовалъ ему не придавать особеннаго значенія скептическимъ опасеніямъ султана Джантюрина.

Между тѣмъ, за нѣсколько мѣсяцевъ до ходатайства Лебедева о распространеніи амнистіи на Кенисару и его сообщниковъ, въ Оренбургѣ было получено отношеніе управлявшаго Омской областію киргизовъ, возбудившее новыя опасенія насчетъ замысловъ опаснаго мятежника.

Въ отношеніи этомъ говорилось, что не вошедшіе въ составъ внѣшнихъ округовъ, кочующіе сопредѣльно съ Аманъ-Карагайскимъ округомъ, киргизы Джюгаричекты-азгиловской волости, преданные Кенисарѣ Касимову, провезли неизвѣстно куда, на 650 верблюдахъ, до 2,000 пуд. муки [2]), и что, какъ слышно, вскорѣ еще должны слѣдовать подобные транспорты. Такой значительный запасъ провіанта внушилъ управлявшему Омской областью мысль, что муку эту везутъ къ Кенисарѣ или его сообщникамъ. Въ предупрежденіе чего, управляющій просилъ оренбург-

[1]) Высочайшая амнистія, объявленная незадолго предъ симъ генераломъ Перовскимъ, прежде бунтовавшимъ племенамъ по наущенію Хивы.

[2]) Интереснѣе всего то, что муку эту, какъ видно изъ дѣлъ Тургайской области, киргизы покупали на оренбургской линіи!..

ское начальство принять мѣры къ пресѣченію, на будущее время возможности доставки провіанта въ аулы мятежныхъ ордынцевъ.

Такимъ образомъ, представленіе Лебедева о готовности султана Кенисары сдѣлаться мирнымъ кочевникомъ, шло въ разрѣзъ съ предостереженіями западно-сибирской администраціи, которая, въ этомъ случаѣ, была солидарна съ мнѣніемъ султана Джантюрина. Генералъ-губернаторъ западной Сибири, въ письмахъ къ Перовскому, совѣтовалъ ему не вѣрить на слово Кенисарѣ, который, «бунтуя въ степяхъ сибирскаго вѣдомства, зарекомендовалъ себя крайне вѣроломнымъ человѣкомъ».

Всѣ эти разнорѣчивыя свѣдѣнія, получаемыя съ разныхъ сторонъ оренбургской администраціей, не только не разъясняли ей дѣла, но скорѣе ставили ее въ тупикъ. Впрочемъ, въ Оренбургѣ, въ большинствѣ случаевъ, старались дѣйствовать на степныхъ мятежниковъ силою убѣжденія, но не силою оружія, къ которому прибѣгали лишь въ крайнихъ случаяхъ. Вотъ почему, когда султаны Касимовы обратились съ просьбою къ предсѣдателю пограничной коммиссіи, въ которой высказали жалобу на притѣсненія ихъ сибирскимъ начальствомъ, имъ отчасти повѣрили.

Въ этой жалобѣ Касимовы объясняли, что сибирская администрація, будто бы исключительно по однимъ навѣтамъ султана Ямантая Букеева, личнаго врага рода Касимовыхъ, высылала противу послѣднихъ, какъ бы противу мятежниковъ, экзекуціонные отряды; что команды эти неоднократно появлялись въ степи и разоряя аулы Касимовыхъ, ихъ родственниковъ и приверженцевъ, заставили Касимовыхъ откочевать въ степи оренбургскаго вѣдомства, гдѣ они надѣялись найти справедливость.

Въ особенности жаловался Кенисара на какого-то «Тиньтякъ-майора» [1]), разграбившаго, здорово-живешь,—четыре рода кайсаковъ и вырѣзавшаго при этомъ до 250 человѣкъ. Такихъ набѣговъ русскихъ отрядовъ съ 1825 по 1840 годъ, Кенисара насчитываетъ до 15-ти, при этомъ указываетъ не только годъ, мѣсяцъ и число, въ которое сдѣлано было нападеніе, но и называетъ урочище, при которомъ кочевалъ разгромленный русскими аулъ [2]).

Свои жалобы заключаетъ онъ такъ: «все сіе происходило по жалобамъ султана Ямантая Букеева. Теперь да будетъ из-

---

[1]) Тиньтякъ равносильно русскому понятію—дуракъ, слѣдовательно, Тиньтякъ-майоръ—значитъ дуракъ майоръ.

[2]) Рапортъ султановъ Касимовыхъ отъ 7-го іюня 1841 года.

вѣстно в. пр—ству, какую злобу питали къ намъ сибиряки и какъ мы были безвинно гоними ими, и, потерпѣвъ такія непріятности, принуждены были спасти самихъ себя бѣгствомъ. Чрезъ сіе еще болѣе вооружили мы противъ себя сибиряковъ, (разумѣя сибирское начальство), которые полагали, что мы не хотѣли будто повиноваться имъ».

Далѣе Кенисара говоритъ уже прямо отъ своего лица: «я не приглашалъ къ себѣ никакихъ родовъ. Сибиряки, выѣзжая безпрестанно въ степь, грабили и убивали людей, какъ своего вѣдомства, такъ и степныхъ киргизовъ (оренбургскихъ). Отъ того-же, что такъ часто выходили въ степь войска и пошли толки, что я, Кенисара Касимовъ, вооружился противъ сибирской линіи. Наконецъ, не найдя въ Сибири никакого правосудія, прикочевалъ я къ оренбургской линіи, единственно для того, чтобы искать себѣ у Великаго Государя покровительства, пріюта, убѣжища и довести до свѣдѣнія оренбургскаго начальства о всѣхъ претерпѣнныхъ мною бѣдствіяхъ. Я не утаиваю то, что при разграбленіи Алтыбашева отдѣленія бія Балгудяги Ямгурчина я былъ: это было мое мщеніе ему за его дѣла!»[1]) Подписано такъ: «султаны Кенисара и Кучакъ Касимовы печати приложили».

Бывшій предсѣдатель пограничной коммиссіи, какъ видно, былъ убѣжденъ доводами Кенисары въ справедливости его жалобы и потому сдалъ его рапортъ въ коммиссію, положивъ на немъ слѣдующую довольно характерную резолюцію:

«Превождая при семъ рапортъ С. Кенисары Касимова, которымъ онъ жалуется на притѣсненія, грабежи и убійства, претерпѣнные приверженцами его отъ сибирскаго начальства,—писалъ генералъ Генсъ,—прошу предписать секретарю кол. сов. Ларіонову узнать, не въ предѣлахъ ли нашихъ произведены *эти неистовства*, и не пострадали ли при томъ киргизы вѣдомства нашего. Не худо бы, еслибъ г. Ларіоновъ пояснилъ имена начальниковъ и все то, что въ донесеніи Кенисары неясно и недостаточно».

Согласно этой резолюціи дана была секретарю пограничной коммиссіи Ларіонову командировка, съ цѣлью развѣдать на мѣстѣ, насколько истинны были жалобы мятежнаго султана Кенисары, на несправедливость къ нему и его приверженцамъ сибирскаго начальства?...

Такая уступка оренбургской администраціи въ отношеніи Кенисары, съ одной стороны, объясняется вѣчными препирательствами сибирскаго начальства съ оренбургскимъ, о правахъ на

[1]) Перевелъ толмачъ Батыршинъ.

нѣкоторыя киргизскія племена, препирательствами, возникавшими въ продолженіи многихъ лѣтъ вслѣдствіе неимѣнія опредѣленныхъ границъ между племенами киргизовъ сибирскаго и оренбургскаго вѣдомствъ; — и съ другой, желаніемъ, посредствомъ вниманія оказаннаго Кенисарѣ, привлечь его на сторону Россіи. Такое желаніе оренбургской администраціи было тѣмъ естественнѣе, что она имѣла дѣло не съ простымъ мятежникомъ, ограничивающимся барантою, а съ энергичнымъ и умнымъ агитаторомъ, желавшимъ отдѣленія киргизскихъ степей отъ Россіи и присоединенія кайсацкаго народа къ единовѣрной ему Хивѣ.

Правда, что мысль отдѣленія кайсацкихъ ордъ отъ Россіи и соединеніе ихъ съ Хивою, — уже не въ первый разъ преслѣдовалась представителями степныхъ мятежей: еще султанъ Галій и мятежникъ Исетай Таймановъ стремились къ этой цѣли; но никто изъ нихъ не преслѣдовалъ эту мысль такъ настойчиво, какъ султанъ Кенисара Касимовъ. Будучи патріотомъ, въ полномъ смыслѣ этого слова, Кенисара,—желавшій вѣчной свободы своего народа, — очень хорошо понималъ, что рано или поздно, но, русское правительство обратитъ серьезное вниманіе на подвластныхъ ему ордынцевъ, и захочетъ пріучить ихъ къ осѣдлости и подчинитъ болѣе строгому контролю и порядку [1]). Такой строй жизни не могъ нравится людямъ, привыкшимъ къ бродяжничеству, своеволію, набѣгамъ, барантѣ и обладавшимъ другими качествами вполнѣ дикихъ неразвитыхъ народовъ. Кенисара, какъ равно и другіе киргизы привыкли считать *всю степь своимъ общимъ достояніемъ, а въ недалекомъ будущемъ имъ грозило раздѣленіе степи на уѣзды.* Даже и въ то время русская администрація указывала мѣстность: гдѣ и какой родъ долженъ былъ кочевать. Такое вмѣшательство русскаго начальства, конечно, не нравилось кочевникамъ, и они всячески старались отдѣлаться отъ него.

Взоры ихъ въ этомъ случаѣ всегда обращались къ единовѣрной имъ Хивѣ, ханы которой обѣщали ордынцамъ сохранять ненарушимо вольность киргизскаго народа, если кайсаки, — отложась отъ Россіи, — признаютъ надъ собою власть хивинскихъ владыкъ. Поэтому и султанъ Кенисара видѣлъ спасеніе кайсацкой вольности лишь въ соединеніи киргизскихъ ордъ съ Хивою. Онъ былъ увѣренъ, что принявъ званіе хана кайсацкихъ ордъ отъ хивинскаго владѣльца, онъ будетъ лишь его вассаломъ; платя Хивѣ незначительную дань (зякетъ) и помогая

[1]) Что и случилось въ настоящее время, когда уже приводится въ дѣйствіе новое положеніе о киргизахъ оренбургскаго вѣдомства.

войсками въ случаяхъ войны, Кенисара надѣялся играть, во всемъ остальномъ, роль самостоятельнаго властителя.

Такая идея рѣшительно могла осуществиться, еслибъ удалось соединить киргизовъ съ Хивою, и ни въ какомъ случаѣ, еслибъ кайсацкія орды по прежнему стали бы признавать себя подданными Россіи.

Вполнѣ оцѣнивъ выгоду сліянія орды съ Хивою, Кенисара настойчивѣе своихъ предшественниковъ, чрезъ своихъ агентовъ, распространялъ въ киргизахъ прокламаціи, призывающія ордынцевъ отложиться отъ Россіи и признать свою зависимость отъ единовѣрныхъ имъ — хивинскихъ хановъ.

Въ прокламаціяхъ этихъ чрезвычайно важную и привлекательную роль играетъ Хива, то-есть мудрое правленіе ея хана Аллакула и его сановниковъ, подъ управленіемъ которыхъ привольно живется хивинскимъ подданнымъ. Чтобы познакомить читателей съ языкомъ и своеобразностію формы прокламацій, распространяемыхъ степными мятежниками, мы позволяемъ себѣ привести здѣсь наиболѣе интересныя изъ нихъ. Вотъ, напримѣръ, текстъ посланія Мухамеда Утямишева, одного изъ соучастниковъ въ киргизскихъ мятежахъ:

«Почтеннымъ батырямъ: Бавбаю, Надыркулу, Салію, Ярмухамеду и Амантаю — всѣмъ по поклону. Я самъ хвала Богу здоровъ молитвами друзей моихъ подобныхъ вамъ! Я благополучно воротился изъ Хивы; а ежели пожелаете что знать, спросите друзей вашихъ. Душевно желаю васъ видѣть, но безпорядки въ народѣ [1]) не позволяютъ мнѣ съѣздить къ вамъ. Я не могу жить между этимъ народомъ; передъ выходомъ войска увижусь съ ханомъ, и во всякомъ случаѣ войско не преминуетъ придти нынѣшнимъ лѣтомъ. Ежели обстоятельства позволятъ, непремѣнно пришлите старшину Салія, отъѣзжая, я долженъ знать, въ какомъ положеніи находитесь вы. Не думайте, какъ этотъ народъ, что изъ Хивы войско не придетъ. Ежели будутъ притѣсненія отъ русскихъ, откочуйте сюда; назаровцы и другіе не коснутся вашего имущества. Не унижайте себя прибѣгая къ русскимъ. Алла-Куллы ханъ не взялъ зякета (податей) съ народа муллы Джарлыгаса и Учартыя, хотя они ему и предлагали. Осенью нынѣшняго года, Кайдавулъ-Батырь, съ товарищами, разграбили 62 кибитки Алачинцевъ, ханъ разгнѣвался на это и хотѣлъ послать людей, но Тлявцы отдали назадъ похищенное. *Люди удалившіеся отъ русскихъ здѣсь не въ презрѣніи.* Алла-Куллы Хану [2])

---

[1]) Слѣдуетъ разумѣть тѣ племена, которыя не желали отпасть отъ Россіи.

[2]) Хивинскій владѣлецъ.

сказалъ я, что и вы держите мою сторону, — онъ радовался этому душевно».

Оригинальнѣе всего то, что подобнаго рода посланія, чисто политическаго характера, заканчиваются иногда самымъ наивнымъ обращеніемъ агитаторовъ къ ихъ друзьямъ. Такъ Утямишевъ заключаетъ свое воззваніе слѣдующей фразой, обращенной къ одному изъ друзей его: «другъ мой Ярмухамедъ,—пишетъ Утямишевъ,—пришли пожалуйста съ Саліемъ (вызываемымъ для политическихъ переговоровъ) чаю и сахару, это будетъ величайшая твоя для меня милость» [1]).

Такимъ образомъ, для агитатора Утямишева, освобожденіе киргизскаго народа отъ власти Россіи находится въ прямомъ отношеніи къ услажденію себя чаемъ и сахаромъ, и оба желанія одинаково дороги его сердцу. Но есть воззванія къ почетнымъ людямъ орды, написанныя энергичнѣе сейчасъ приведеннаго документа. Въ нихъ даже угрожаетъ кара тѣмъ, кто не приметъ участія *«въ общемъ магометанскомъ дѣлѣ»*.

Особенною рѣзкостію и рѣшительностію тона отличаются прокламаціи мятежника султана Каипъ Галіева, возведеннаго хивинскимъ владѣльцемъ въ званіе хана. Вотъ текстъ его воззванія, въ переводѣ съ татарскаго [2]):

«Біямъ Байбактинскаго рода Тулбаю, Кундукарю, Джумуру, Сасыку, Тюрялію-Кустынѣ, Алчшибаю, Чукану, Наукѣ, Баракту, Бараку, Утебу, Аману, Сафію и Джантюрѣ, батырямъ и всѣмъ почтеннѣйшимъ людямъ.

«Вамъ извѣстно, что вслѣдствіе почтеннѣйшаго предписанія высокопочтеннѣйшаго хивинскаго хана Алла-Кулла-Мухамедъ-Рахимъ-Ханова, мы въ прошедшемъ году, осенью, пріѣхали на урочище Учь-Буканбая на рѣкѣ Эмбѣ, на совѣщаніе съ дѣтьми трехъ отцовъ объ общей участи.

«Вслѣдствіе чего предписывается вамъ, почтенные біи, какъ только получите эту бумагу—вооружитесь и, приготовивъ себѣ дорожные припасы, возьмите съ каждой кибитки по одному человѣку, и немедленно пріѣзжайте ко мнѣ. Если же это предписаніе по какимъ либо причинамъ не исполнится, то на этотъ счетъ предупреждаю васъ, чтобы вы страшились погибели отъ потоптанія лошадьми! Грѣхъ за подверженіе несчастіямъ участи вами управляемаго народа останется на васъ. Ханъ Каипъ-Галій-Ишимъ-Хановъ печать приложилъ».

Воззваніе это хотя и было доставлено въ Оренбургъ однимъ

---

[1]) Перевелъ толмачъ Костромитиновъ.

[2]) Перевелъ толмачъ Батыршинъ.

изъ приверженцевъ существующаго въ степи порядка, но въ большинствѣ, оно было встрѣчено сочувственно, и съ должнымъ вниманіемъ. Въ доказательство приводимъ отвѣтъ къ Каипъ-Галію, писанный единомысленными ему ордынцами:

«Почтенному уважаемому и милостивому султану Каипу свидѣтельствуемъ истинное наше почтеніе; батырю Исетаю и Мухамеду съ товарищами ихъ посылаемъ наши поклоны. За симъ объявляемъ, что мы Исыкова рода, Кадыркулова отдѣленія, бишъ-арысъ (пять поколѣній) Курыбай и Туманъ, по приказанію вашему находимся въ готовности къ услугамъ вашимъ и откочевали уже на урочище Уголъ, называемое Тусъ-Агачь. Старѣйшины наши, по приказанію вашему, уже на коняхъ и въ совершенной готовности ожидаютъ васъ. Съ сими посланными благоволите прислать приказанія ваши. Мы съ нетерпѣніемъ ихъ ожидаемъ» [1]). Подписано такъ: «Тамлыбай Нуршинъ, старѣйшина Намазъ-бій, батырь Буйракъ, Мурза Джякатай, Балта, Аликъ и проч. большіе и малые посылаемъ къ вамъ эту бумагу. Февраля 18 дня.»

Одновременно съ Каипомъ дѣйствовалъ извѣстный его сообщникъ мятежникъ Исетай Таймановъ. Онъ, подобно Галію, распространялъ въ киргизскомъ населеніи прокламаціи, призывающія кайсаковъ къ оружію, въ интересахъ общаго мусульманскаго дѣла. Бій Асау, отказавшійся соединиться съ Исетаемъ, представилъ въ оренбурскую пограничную коммисію (нынѣ Тургайское областное правленіе) одинъ экземпляръ подлиннаго воззванія Таймапова. Въ посланіи Исетая, еще рельефнѣе выступаетъ явное вмѣшательство Хивы въ дѣла нашихъ кочевниковъ, и еще рѣзче проглядываетъ мысль отдѣленія степей отъ Россіи. Вотъ содержаніе этого документа:

«Черкесскаго рода біямъ: Бауралу, Асау, Тукаю, Баймамбетю, Айбасу, Дабысу, Тазларскаго рода бію Бутаю и другимъ вообще, объявляемъ *непремѣнное* наше желаніе:

«Вамъ, почтенные, хотя и было уже писано, но въ отвѣтъ никакого свѣдѣнія отъ васъ не получено. Какъ, вы не думаете *брать нынѣ участія въ общемъ мусульманскомъ дѣлѣ?* Теперь вторично пишемъ къ вамъ, чтобъ вы, по полученіи этой бумаги, немедленно собравъ своихъ молодцовъ, вмѣстѣ съ аулами своими перекочевали по направленію къ Уилу [2]), и чрезъ четыре дня, соединились бы съ нами, на вершинѣ Былкылдака при

---

[1]) Перевелъ Костромитиновъ.

[2]) Степная рѣка.

озерѣ Тляулiѣ. Сверху пришли на Хобду [1]) батыри Табынскаго рода, Джюламанъ и Тляукабацкаго отдѣленiя Исетъ съ 5 т. человѣкъ; они, если Богу будетъ угодно, также съ нами соединятся. Китинецъ Аламанъ прибылъ уже къ намъ, и насъ тоже 3 т. человѣкъ. О прочихъ обстоятельствахъ вы извѣститесь отъ посланнаго. *Вамъ должно знать, что теперь наступило время исполнить это предписанiе, послѣдовавшее по повѣленiю Хова-резмскаго Падишаха* (хана Хивинскаго). Въ удостовѣренiе справедливости сего, батырь Исетай Таймановъ печать приложилъ» [2]).

Въ томъ же духѣ и направленiи, но съ бо́льшимъ успѣхомъ, дѣйствовалъ султанъ Кенисара Касимовъ. Будучи умнѣе своихъ предшественниковъ и далеко превосходя ихъ въ политическихъ хитростяхъ и изворотахъ, онъ ближе и вѣрнѣе шелъ къ цѣли. Такъ, тайно сносясь съ Хивою и готовясь исподоволь къ возстанiю, Кенисара не забывалъ Оренбурга, съ которымъ велъ дѣятельную переписку, въ которой умолялъ о помилованiи. Въ Оренбургѣ же видимо склонялись на его просьбы. И вслѣдствiе приведеннаго нами выше письма Кенисары, къ нему, по распоряженiю военнаго губернатора, отъ султановъ Восточной и Западной части орды, были отправлены надежные люди, посредствомъ которыхъ, надѣялись открыть мятежному султану путь къ испрошенiю себѣ амнистiи. А для того, чтобы убѣдить Кенисару въ милосердiи русскаго императора, посланцамъ вручено было объявленiе, которымъ возвѣщалось всѣмъ прежде бунтовавшимъ ордынцамъ высочайшее помилованiе. Кенисара дѣйствительно ободрился и сталъ настойчивѣе требовать себѣ прощенiя. Онъ писалъ полсжительно ко всѣмъ, кто, по его убѣжденiю, могъ дѣйствовать въ его пользу. Ему не только удалось обмануть своимъ раскаяніемъ предсѣдателя пограничной коммиссiи Генса, и посредствомъ его главнаго начальника края, но онъ даже умѣлъ внушить довѣрiе къ себѣ султану Ахмету Джантюрину, который былъ прежде его противникомъ, а въ концѣ концовъ, поддавшись обаянiю Кенисары,—самъ-же представлялъ въ Оренбургъ его письма и хлопоталъ за бывшаго врага своего предъ начальствомъ.

Письма мятежнаго султана настолько характерно обрисовываютъ эту личность, что мы считаемъ необходимымъ занести нѣкоторыя изъ нихъ на страницы нашей лѣтописи.

---

[1]) Тоже степная рѣка.

[2]) Перевелъ съ татарскаго Бекчуринъ.

Письмо 1-е.

Богъ всемилостивъ!

Почтеннымъ и великодушнымъ нашимъ братьямъ, султанамъ Джантюрѣ и Ахмеду свидѣтельствуемъ нижайшее почтеніе. Присылкою къ намъ увѣдомленія о высочайшей его императорскаго величества милости, вы насъ чрезвычайно обрадовали и доказали близость вашего родства и дружбы къ намъ. Да будетъ извѣстно, что причиной нашихъ непріязней были султаны, находящіеся между Кувошдыкцами и Суюндукцами, но съ вами ссоры не имѣемъ, и никогда отъ васъ никакихъ непріятностей не видали. Вы подружески просили насъ прислать одного султана, но въ этотъ разъ не было возможности послать того султана, котораго бы слѣдовало; если же получимъ другое письмо, то уже пустимъ въ ходъ (что̀ равносильно пошлемъ) одного изъ нашихъ братьевъ, но только съ тѣмъ, чтобы русскіе не требовали самого Кенисару. Намъ желательно слѣдовать путемъ нашего дѣда [1]); кромѣ же этого мы готовы исполнить всѣ дѣлаемыя предложенія. Русскіе увлекли брата нашего Габдуллу, племянника Мурхана, и султана Калджана Кучакова. Но если отъ государя есть милость и письмо наше будетъ принято, полагаемъ, что они будутъ отпущены; впрочемъ мы увѣрены въ милости его императорскаго величества. Прошу васъ наши письма представить куда слѣдуетъ. Тѣ слова, которыя сообразны съ порядкомъ, пусть останутся, а тѣ слова, которыя писаны не порядкомъ, отошлите—приведя ихъ въ порядокъ» [2]). Писано 3-го числа мѣсяца Мухаррама (т. е. 14 марта) 1841 года. Приложена печать султана Кенисары Касимова.

Приведенное письмо, несмотря на нѣкоторую туманность его изложенія, очень ясно указываетъ на то обстоятельство, что Кенисара готовъ покориться, но неиначе какъ съ тѣмъ, чтобы всѣ его родственники были освобождены изъ плѣна. Султанъ Кулджанъ Кучаковъ даже не былъ родственникомъ Кенисарѣ, и если онъ хлопоталъ объ освобожденіи его, то единственно изъ политическихъ видовъ. Зная очень хорошо, какую роль игралъ Кучаковъ въ степи, и какую онъ имѣлъ до плѣна большую партію приверженцевъ въ ордѣ, Кенисара разсчитывалъ освобожде-

---

[1]) Извѣстнаго хана Аблая, который собственно не считалъ себя подданнымъ Россіи, а дѣйствовалъ по влеченію сердца, или изъ корысти то въ пользу нашу, то въ пользу Китая. Онъ принималъ участіе въ возвращеніи бѣжавшихъ въ 1771 году калмыковъ; желая слѣдовать его примѣру, Кенисара требовалъ этимъ заявленіемъ себѣ правъ не подданнаго Россіи султана, а правъ союзника русскаго правительства.

[2]) Перевелъ съ татарскаго Бекчуринъ.

ніемъ его не только привлечь вліятельнаго султана на свою сторону, но и упрочить еще болѣе свое вліяніе на степь, гдѣ, и безъ того имя Кенисары чтилось всѣми и возбуждало энтузіазмъ!...

Второе письмо, уже адресованное прямо на имя генерала Г'енса, написано въ видѣ прошенія. Въ прошеніи этомъ Кенисара сначала упоминаетъ о полученіи письма султана Ахмеда Джантюрина, имѣвшаго цѣлью, какъ замѣчено выше, ускорить намѣреніе Кенисары покориться властямъ предержащимъ, и затѣмъ, мятежный султанъ возвращается снова къ мирнымъ заявленіямъ: «Съ нѣкотораго времени—пишетъ онъ—хотя мы сбились съ путей истинныхъ и ссорились съ русскими сибирской линіи, но теперь нашли истинный путь, раскаеваемся и желаемъ слѣдовать оному, покоряясь великой милости его императорскаго величества, и оставляемъ всѣ дѣла, которыя относились до неповиновенія, почему я всепокорнѣйше прошу ваше превосходительство исходатайствовать у кого слѣдуетъ прощеніе нашимъ поступкамъ и тѣмъ доставить намъ счастіе. Послѣ чего хотимъ прежніе наши поступки предать забвенію и покориться власти начальства. По удаленіи нашемъ, вслѣдствіе притѣсненій сибиряковъ, мы отправили посланниковъ сибирскому начальству, Табулду Туктина и Кучумбая Казанкапова, на что не только не дали намъ отвѣта, но даже задержали нашихъ пословъ. Султанъ Габдула-Аблай Хановъ [1]) попалъ въ руки вышедшей команды; Кулджанъ Кучаковъ плѣненъ во время кочевки съ своими аулами; Нурханъ Самекинъ увлеченъ въ то время, когда онъ ѣздилъ въ степь одинъ, не благоугодно ли будетъ и имъ показать вашу милость. Если не противно вашему превосходительству, посылаемъ для переговоровъ біевъ, Сеидмухамеда Абызова и Акбая Манашева» [2]). На подлинномъ султанъ Кенисара Касимовъ руку и печать приложилъ.

Вслѣдъ за этимъ прошеніемъ чрезъ султана Джантюрина, Кенисара прислалъ новое коротенькое письмо съ весьма лаконическимъ заглавіемъ, въ которомъ писалъ: «Богъ всемилостивъ! Относящемуся присутственному мѣсту и великимъ, просьба паша слѣдующая: Мы Кенисары со времени дѣда нашего Аблай Хана, жили съ русскими какъ братьями. Русскіе же изъ Омска и Кызылъ-яра (Петропавловска), будучи противъ насъ, не давали намъ покоя: Саржанъ-батыря, брата нашего, два раза ограбили; первому ограбленію минуло уже 17-ть лѣтъ, а послѣднему 11-ть. При

[1]) Дядя Кенисары.

[2]) Перевелъ съ татарскаго Бекчуринъ.

послѣднемъ ограбленіи, они увлекли двухлѣтняго сына Саржанабатыря, но убитъ ли онъ, или живъ — мы не знаемъ. Неоднократно посылали мы письма, но они (сибиряки) ихъ къ великимъ не допускали, что и было причиною нашей вражды къ русскимъ. Пріѣхавъ къ сей сторонѣ (въ степь оренбургскаго вѣдомства) мы здѣшнимъ начальникамъ и великимъ дѣлаемъ извѣстнымъ: съ государемъ вражды не имѣемъ, объясненіе это пошлите къ присутственному мѣсту и великимъ, до которыхъ относится. Этому слову вѣрить.» Султанъ Кенисара руку и печать приложилъ [1]).

Въ этихъ письмахъ Кенисара задѣвалъ слабую струну оренбургской администраціи: онъ льстилъ ея политикѣ и порицалъ карательную систему, которой держалась западная Сибирь, систему, дѣйствительно служившую поводомъ къ разнаго рода злоупотребленіямъ. Конечно, «Тиньтякъ-майоры» бывали рады подобнымъ командировкамъ, въ которыхъ видѣли свою выгоду, и во время поисковъ въ степи, производимыхъ сибирскими отрядами, бывали случаи безпричинныхъ разореній ими мирныхъ ауловъ, по одному подозрѣнію въ сочувствіи ихъ мятежникамъ. Но главную статью дохода отрядныхъ начальниковъ составлялъ захватъ малолѣтныхъ изъ киргизскихъ семействъ, которыхъ потомъ они продавали въ рабство, гдѣ они находились до извѣстнаго возраста. Дѣлались и другія злоупотребленія, о которыхъ не могли не знать въ Оренбургѣ; наконецъ, подтвержденіе Ларіоновымъ справедливости жалобъ Кенисары на сибирское начальство, о безвинномъ разореніи отрядами сибирскаго корпуса ауловъ его родныхъ и приверженцевъ, все это, вмѣстѣ взятое, послужило въ пользу Кенисары, и въ Оренбургѣ рѣшено было испросить высочайшее прощеніе мятежному султану Кенисарѣ Касимову, несмотря на то, что онъ принадлежалъ къ султанамъ сибирскаго вѣдомства.

Такимъ образомъ, политика его съ Оренбургомъ на этотъ разъ увѣнчалась полнымъ успѣхомъ.

III.

Прощеніе Кенисары и вызванная имъ полемика съ западной Сибирью.—Союзъ Кенисары съ Бухарою для покоренія Коканскаго ханства.— Письмо къ Перовскому князя Горчакова объ удержаніи Кенисары отъ союза съ бухарскимъ эмиромъ.—Письмо по этому поводу генерала Перовскаго къ Кенисарѣ.

Вопреки желаніямъ сибирской администраціи, въ Оренбургѣ рѣшительно приняли Кенисару подъ свое покровительство. Всѣ

[1]) Перевелъ съ татарскаго Бекчурянъ.

его письма генералъ-адъютантъ Перовскій немедленно отправлялъ къ военному министру и государственному вице-канцлеру, графу Нессельроде, ходатайствуя предъ ними о высочайшемъ прощеніи мятежнаго султана.

Въ одномъ изъ многихъ своихъ представленій къ графу Нессельроде В. А. Перовскій, прилагая письмо Кенисары, между прочимъ говоритъ:

«Изъ приложеннаго при этомъ письма мятежнаго султана Кенисары Касимова, ваше сіятельство можете усмотрѣть, что онъ безусловно ищетъ милости его величества и желаетъ покориться установленнымъ властямъ, если только на него будетъ распространена милость Государя, объявленная мною въ прошломъ (1840) году прежде бунтовавшимъ ордынцамъ».

Съ своей стороны, военный губернаторъ не находилъ основаній лишить его этой милости, на томъ основаніи, что Кенисара кочевалъ тогда среди мирныхъ киргизовъ оренбургскаго вѣдомства и что, слѣдовательно, всякій поискъ противъ мятежника былъ бы сопряженъ лишь съ разграбленіемъ первыхъ, «и очень вѣроятно, только этимъ разграбленіемъ невинныхъ и заключился бы поискъ, не достигнувъ другихъ результатовъ; такъ какъ султанъ съ своими приближенными,—писалъ Перовскій, — найдетъ, какъ и прежде, спасеніе въ бѣгствѣ».

При этомъ удобномъ случаѣ генералъ Перовскій не забываетъ задѣть западно-сибирскую администрацію; обративъ вниманіе вице-канцлера на неудобства карательной политики въ степи, которой держались въ Сибири, онъ проситъ внушить сибирскому генералъ-губернатору, князю Горчакову, чтобы тотъ не вмѣшивался въ дѣла Оренбургскаго края. Поводомъ къ этой жалобѣ послужили нѣсколько набѣговъ мелкихъ сибирскихъ казачьихъ отрядовъ на аулы оренбургскихъ киргизовъ, кочующихъ близъ сибирскихъ границъ. Одинъ изъ такихъ отрядовъ схватилъ возвращавшагося отъ Кенисары посланнаго. Перовскій оскорбился этимъ, и написалъ къ вице-канцлеру слѣдующее: «подобные набѣги сибирскихъ войскъ на аулы мирныхъ кочевниковъ не только не принесутъ пользы, но напротивъ, будутъ имѣть весьма вредныя послѣдствія,—внушивъ ордынцамъ недовѣріе къ русскому правительству, которое, объявляя милость, въ тоже время грабитъ и разоряетъ своихъ подданныхъ. Наконецъ сибирское начальство, даже въ бывшихъ Средней и Малой Ордахъ, находитъ независимыя племена, которыя и приводитъ къ присягѣ на подданство Россіи, забывая, что они эту присягу приняли еще въ 1732 году».

Затѣмъ, В. А. Перовскій проситъ: «разъ навсегда поста-

вить въ извѣстность генералъ-губернаторовъ западной Сибири, что всѣ племена, невошедшіе въ сибирское вѣдомство, состоятъ въ вѣдѣніи оренбургскаго начальства, и что за симъ приводить ихъ къ присягѣ на русское подданство не слѣдуетъ».

Въ этомъ же представленіи къ государственному вице-канцлеру, генералъ-адъютантъ Перовскій ходатайствовалъ объ освобожденіи всѣхъ родственниковъ Кенисары, въ томъ числѣ и султана Кулжана Кучакова, котораго Кенисара включилъ въ число своей родни, въ замѣнъ возвращенныхъ Касимовымъ двухъ казаковъ, захваченныхъ имъ въ прежнее время.

О представленіяхъ своихъ къ военному министру и канцлеру, Перовскій извѣстилъ князя Горчакова, прося его удерживать на будущее время начальниковъ сибирскихъ отрядовъ отъ вторженія въ степи оренбургскаго вѣдомства; и при этомъ выразилъ «непремѣнное» желаніе, чтобы генералъ-губернаторъ западной Сибири не вмѣшивался въ управленіе ввѣреннымъ ему краемъ.

Такимъ образомъ, ревниво оберегая свои права отъ сторонняго вмѣшательства, Перовскій не считалъ нарушеніемъ права сибирской администраціи принятіе мятежнаго султана сибирскаго вѣдомства подъ свое покровительство, и какъ замѣчено нами выше, увѣдомлялъ князя Горчакова о своемъ намѣреніи испросить высочайшее прощеніе Кенисарѣ Касимову.

Такая безцеремонность Перовскаго, въ свою очередь, оскорбила князя Горчакова, и онъ отвѣчалъ В. А. Перовскому довольно рѣзко: «на отношеніе ваше, писалъ князь, имѣю честь отозваться, что въ число моихъ желаній отнюдь никогда не входило вмѣшательство въ управленіе племенами киргизъ-кайсаковъ, состоящихъ въ вѣдѣніи оренбургскаго начальства, т.-е. на дѣлѣ повинующихся вашей власти, или только считающихся въ Оренбургскомъ краѣ, но въ сущности не признающихъ себя подданными Россіи! Всѣ мои стремленія клонятся лишь къ одной цѣли: обезпечить предѣлы моего генералъ-губернаторства отъ вторженія хищническихъ шаекъ, а наипаче отъ Кенисары Касимова, мятежъ котораго тѣмъ опаснѣе, что свое грабительство названный султанъ прикрываетъ политическою маской, обѣщая кайсакамъ возвращеніе ихъ былой вольности; отъ того-то онъ имѣетъ въ киргизскихъ степяхъ столько сподвижниковъ, обольщенныхъ не одною выгодою легкой поживы, но и мечтою о возстановленіи ихъ древней независимости».

Далѣе князь Горчаковъ выражаетъ сомнѣніе на счетъ безошибочности предложенія Перовскаго: достигнуть спокойствія въ степи—прощеніемъ Кенисары, и предупреждаетъ его, что

онъ «съ своей стороны, за разореніе мирныхъ ауловъ, разгромленіе линіи, нарушеніе порядка въ краѣ вообще и за другія, можетъ быть, важнѣйшія послѣдствія, въ случаѣ прощенія Кенисары, слагаетъ съ себя отвѣтственность предъ его императорскимъ величествомъ, которому угодно было ввѣрить ему управленіе западною Сибирью».

Отвѣтъ князя Горчакова былъ началомъ продолжительной полемики, возникшей между двумя администраторами. По рѣзкости тона, которымъ отличалась переписка Перовскаго съ княземъ Горчаковымъ, ее, не утрируя,—можно сравнить съ извѣстною полемикою Іоанна Грознаго съ княземъ Курбскимъ, съ тою лишь разницею, что полемизирующія стороны первой половины XIX вѣка стѣснялись употреблять брань временъ Ивана Васильевича.

Характерной чертой этой оффиціальной перебранки оренбургскаго военнаго губернатора съ западно-сибирской администраціей является та особенность, что всѣ служащіе обоихъ вѣдомствъ, сибирскаго и оренбургскаго, перессорившись между собою, — ведутъ свою ожесточенную полемику, нерѣдко завиняя другъ друга чуть не въ государственной измѣнѣ! Напримѣръ, мелкіе чиновники оренбургскаго вѣдомства, когда имъ доводилось бывать на границѣ сибирскихъ киргизовъ, старались внушить послѣднимъ недовѣріе къ ихъ властямъ, и порицая управленіе сибирское, восхваляли свое. Чиновники же сибирскаго вѣдомства платили конечно тѣмъ же, и въ свою очередь старались подорвать довѣріе въ оренбургскихъ киргизахъ къ ихъ управленію и потомъ взаимно обвиняли себя въ возбужденіи народныхъ страстей и въ стремленіи нарушить строй государственной жизни. Донесенія ихъ еще болѣе раздражали Перовскаго и Горчакова. Такимъ образомъ, усердіемъ мелкаго чиновнаго люда, желавшаго *по-своему* угодить начальству, бѣдные кайсаки окончательно были сбиты съ толку, и по неволѣ склонялись на сторону Кенисары, въ аулахъ котораго царствовалъ строгій порядокъ и не было ничего подобнаго, что творилось въ ихъ степяхъ, управляемыхъ взаимно враждебными администраціями.

Конечно, ни Перовскій, ни князь Горчаковъ не предвидѣли, чтобы ихъ полемика имѣла послѣдствіемъ увеличеніе числа приверженцевъ Кенисары, который, подъ шумокъ, умѣлъ ловить рыбу въ мутной водѣ, не забывая въ тоже время писать въ Оренбургъ о своей покорности.

Полемика эта не разъ восходила до высочайшаго усмотрѣнія, и затянулась бы вѣроятно очень надолго, еслибъ импер. Николай, чрезъ военнаго министра, не выразилъ своего желанія

обоимъ администраторамъ, чтобы подобные споры и столкновенія впредь кончались на мѣстѣ, по взаимному соглашенію обоихъ вѣдомствъ, не восходя далѣе.

Такъ или иначе, но Кенисара былъ прощенъ, съ тѣмъ, чтобы онъ кочевалъ въ степяхъ оренбургскаго вѣдомства. Бывшій военный министръ, князь Чернышевъ, сообщая генералу Перовскому о прощеніи султана Кенисары, выразилъ ему желаніе петербургскаго кабинета, чтобы Василій Алексѣевичъ, пользуясь покорностью Кенисары, умѣлъ употребить вліяніе, которымъ пользовался въ степи Касимовъ, на пользу Россіи.

Всѣхъ родственниковъ Кенисары, включая сюда султана Кунджана Кучакова и даже того киргиза, который, возвращаясь отъ Кенисары, былъ схваченъ сибирскимъ разъѣздомъ—возвратили прощенному султану. Правда, князь Горчаковъ не сразу отпустилъ султана Кучакова, родства котораго съ Касимовымъ онъ не признавалъ, но получивъ отъ канцлера, по настоянію оренбургскаго военнаго губернатора, новое подтвержденіе объ освобожденіи султана Кунджана Кучакова, долженъ былъ покориться необходимости, и выпустилъ изъ своихъ рукъ одного изъ ревностныхъ впослѣдствіи сподвижниковъ Кенисары.

Между тѣмъ Кенисара, безпрепятственно кочуя среди оренбургскихъ киргизовъ, успѣлъ весьма значительно усилить свою шайку и вліяніе свое на орду, которая, за малымъ исключеніемъ, признавала его своимъ ханомъ, что̀ ловкій политикъ Касимовъ тщательно умѣлъ скрывать отъ глазъ подлежащаго начальства. Обманывая оренбургцевъ своей покорностью, Кенисара въ глазахъ средне-азіатскихъ владѣльцевъ, умѣлъ быть самостоятельнымъ властелиномъ: — онъ заключалъ союзы, объявлялъ войну, собиралъ зякетъ съ своихъ ауловъ и чинилъ судъ и расправу съ своими джигитами; но все это весьма искусно умѣлъ скрыть отъ Оренбурга, нисколько не боясь Сибири, отзывамъ которой, онъ зналъ, въ Оренбургѣ не довѣряли, или считали ихъ по меньшей мѣрѣ преувеличенными и мало правдоподобными! Заручившись прощеніемъ, объявленнымъ ему генераломъ Перовскимъ, и избавившись отъ преслѣдованія русскихъ отрядовъ, Кенисара, желая отмстить, ташкентскому беку, за предательскую смерть своего отца, въ союзѣ съ бухарскимъ эмиромъ, объявляетъ войну Кокану и начинаетъ военныя дѣйствія осадою Сузака и Ташкента одновременно.

Въ это время посланникъ коканскаго хана, ведшій переговоры съ княземъ Горчаковымъ объ установленіи дружественныхъ и торговыхъ отношеній Россіи съ Коканомъ, въ одной изъ аудіенцій у генералъ-губернатора Сибири заявляетъ ему, «о не-

возможности установленія дружественныхъ отношеній Россіи къ Кокану, въ то время, когда русскій султанъ Кенисары-Касимовъ, въ союзѣ съ врагомъ его, хана, бухарскимъ эмиромъ, опустошаетъ провинціи и держитъ въ осадѣ коканскіе города».

Вскорѣ затѣмъ, князь Горчаковъ получаетъ извѣстіе, что посланный имъ почетный киргизъ, для переговоровъ съ коканскимъ ханомъ, находясь въ Сузакѣ, былъ требованъ Кенисарою во время осады этого города.

О такихъ новыхъ подвигахъ Кенисары, вовсе немирнаго характера и не въ интересахъ русскаго правительства, князь Горчаковъ спѣшилъ заявить генералу Перовскому, отчасти указывая ему на эти обстоятельства, какъ на послѣдствія его опрометчивости.

Оренбургскій военный губернаторъ хотя и не придавалъ особаго вѣроятія извѣстію, полученному имъ изъ Сибири, но все же, для успокоенія своей совѣсти, написалъ Касимову письмо, въ которомъ, напоминая ему о милости государя, и говоря, что онъ не довѣряетъ пристрастному къ Кенисарѣ сибирскому начальству, Перовскій требовалъ объясненія, что̀ послужило поводомъ къ новымъ обвиненіямъ, взводимымъ на «степеннаго султана» сибирскою администраціей [1])?.

Въ этомъ же письмѣ военный губернаторъ спрашивалъ Кенисару: насколько правдоподобны слухи о самовольномъ принятіи имъ, безъ императорскаго на то соизволенія, ханскаго титула?

Письмо это нашло Кенисару уже отступавшимъ къ своимъ кочевкамъ.

IV.

Агенты Кенисары. — Отступленіе его отъ Ташкента и отвѣтъ генералу Перовскому. — Народныя волненія внутри края и отъѣздъ генералъ-адъютанта Перовскаго.

У Кенисары, какъ у ловкаго, хотя и своеобразнаго политика, были свои агенты, которые, будучи разсѣяны повсюду, даже на линіяхъ Сибирской и Оренбургской [2]) всегда разузнавали о всѣхъ административныхъ мѣропріятіяхъ, касающихся ихъ патрона и тотчасъ же давали знать о нихъ своему хану. Такимъ образомъ, еще прежде полученія письма генерала Перовскаго, Кенисара уже зналъ, что изъ Сибири писали въ Оренбургъ о

[1]) «Дѣло заключающее въ себѣ распоряженіе о водвореніи спокойствія.» (Архива канц. генер.-губерн.).

[2]) См. дѣло: «О скрывающихся на линіи сообщникахъ Кенисары и о принятіи мѣръ къ отысканію ихъ» (област. правл., нынѣ Тургайск. област. прав.).

его новыхъ подвигахъ и, нимало не мѣшкая, поспѣшилъ отступить къ своимъ кочевкамъ. Письмо Перовскаго только подтвердило справедливость сообщенія его агентовъ, и мятежный султанъ, видя, что скрыть своего поступка вполнѣ нельзя, старался въ своемъ отвѣтѣ, по возможности, оправдать его, придавши ему нѣсколько благовидный предлогъ.

Смыслъ отвѣта Кенисары къ Перовскому былъ таковъ: что званіе хана онъ на себя не принималъ, и сердечно чувствуя къ нему милость русскаго государя, котораго онъ называетъ «Царемъ царей», онъ ничего подобнаго, что̀ писано изъ Сибири, не предпринималъ, т.-е. никогда не заключалъ союза съ бухарскимъ эмиромъ, для покоренія Кокана; посланца князя Горчакова изъ Сузака не требовалъ и областей дружественнаго Россіи коканскаго хана не опустошалъ; а что если, дѣйствительно, и былъ съ войсками своими въ Ташкентской провинціи, то собственно затѣмъ, «чтобы выручить изъ тяжкой азіатской неволи тѣхъ русскихъ подданныхъ, которые, кочуя съ его отцомъ, предательски погибшимъ отъ руки ташкентскаго бека, — были захвачены ташкентцами въ 1840 году.

«Я не думаю (заключалъ свое письмо мятежникъ Кенисара), чтобы всемилостивѣйшій царь царей былъ въ гнѣвѣ на своего вѣрнаго султана за то, что тотъ возвратилъ изъ тяжкой неволи многое множество вѣрноподданныхъ ихъ законному государю» [1])!

Кенисара дѣйствительно, выручивши своихъ прежнихъ закаленныхъ джигитовъ, захваченныхъ ташкентцами въ аулахъ его отца, отступилъ отъ Ташкента къ своимъ кочевкамъ, однакожъ не ранѣе, какъ получивъ извѣстіе о томъ, что въ Оренбургѣ знаютъ о его походѣ; въ противномъ же случаѣ, онъ не могъ удовольствоваться такимъ малымъ успѣхомъ, и не отступилъ бы отъ союза съ бухарскимъ эмиромъ по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока бы ему не удалось снять кожу, что̀ называется, живьемъ съ своего заклятаго врага, мстить которому Кенисара считалъ цѣлью своей жизни и священнымъ сыновнимъ долгомъ!

Получивъ письмо Кенисары, ни въ какомъ случаѣ не служившее ему въ оправданіе, но довольный можетъ быть тѣмъ, что мятежный султанъ, горячо оправдываясь въ небываломъ будто бы принятіи имъ ханскаго титула, клялся ему, не производить ни смутъ, ни волненій въ оренбургскихъ степяхъ и кочевать спокойно, В. А. Перовскій махнулъ на все прочее рукой, и въ свою очередь успокоился, не требуя болѣе отъ Кенисары никакихъ объясненій.

[1]) См. дѣло: О водвореніи спокойствія; переводъ съ татарскаго сдѣланъ Батыршинымъ.

Причины такого, повидимому, апатичнаго отношенія генерала Перовскаго къ спокойствію края, ввѣреннаго его попеченію, слѣдуетъ искать въ тѣхъ обстоятельствахъ, которыя съ 1837 года, непрестанно, сопровождаютъ его управленіе; обстоятельства же эти были далеко неутѣшительны, и при недостаткѣ (въ то время) въ Оренбургскомъ краѣ добросовѣстныхъ и способныхъ дѣятелей, на всѣхъ ступеняхъ служебной іерархіи, могли сломить энергію даже и такого ретиваго государственнаго человѣка, какимъ былъ В. А. Перовскій въ первое управленіе его Оренбургскимъ краемъ.

Обширность этого края, разноплеменность и разновѣріе его населенія, разсѣяннаго отъ южныхъ предѣловъ Пермской губерніи до Каспійскаго моря, и отъ береговъ Волги до степныхъ рѣкъ Убагала (притокъ р. Тобола, справа), Иргиза, Тургая и Эмбы, отдаленность отъ центровъ промышленности и просвѣщенія въ имперіи, все это, несомнѣнно долго затрудняло прочное административное устройство юговосточныхъ предѣловъ имперіи, къ чему такъ горячо стремился В. А. Перовскій.

Здѣсь, кромѣ русскихъ, обитали: отъ рѣки Камы до р. Сакмары, (впадающей близъ Оренбурга въ Уралъ), башкиры, смѣшанно съ мещеряками, тептярями, бобылями и казанскими татарами; отъ устьевъ р. Урала по берегамъ Каспійскаго моря и берегамъ Большаго и Малаго Узеней, кочевали киргизы внутренней (Букеевской) орды; вдоль праваго берега Урала расположилось уральское войско; сѣвернѣе его, — по границѣ имперіи со степью, — оренбургскіе казаки; въ степяхъ, киргизы Малой Орды. Разъединенность племенъ еще болѣе условливало различіе въ вѣроисповѣданіяхъ: магометанство (башкиры, татары и киргизы), всевозможныя раскольничьи секты и даже идолопоклонство, калмыки и частію тептяри и мещеряки [1]), все это, конечно, препятствовало всякому сближенію народонаселенія въ краѣ.

Затѣмъ, слухи о привольныхъ мѣстахъ и излишествѣ земель въ краѣ, привлекали сюда многочисленныхъ переселенцевъ, которые, иногда самовольно, оставляя прежнія мѣста жительства, приходили въ Оренбургскій край изъ сосѣднихъ губерній тысячами, хотя и были впослѣдствіи возвращаемы на старыя жилища. Обширность края и невозможность повсемѣстно устроить бдительнаго надзора за населеніемъ, развили здѣсь въ огромныхъ размѣрахъ бродяжничество и сопряженные съ тѣмъ безпорядки. Изъ всеподданнѣйшаго отчета генерала Перовскаго за 1836 и 37 года видно, что въ одномъ 1836 году поймано бродягъ 1,500

[1]) См. Воен. Сборн., январь, 1863 г., стр. 47.

человѣкъ, а въ теченіи пяти лѣтъ, съ 1833 по 1838 г., поймано бродягъ въ Оренбургскомъ краѣ до 5,000 человѣкъ (4914).

Наконецъ, отдаленность края и трудность здѣсь службы не давали возможности мѣстному начальству найти достаточное число безкорыстныхъ и просвѣщенныхъ сотрудниковъ; изъ того же упомянутаго нами выше отчета Перовскаго видно, что въ теченіи 1836 и 1837 годовъ было предано суду и отставлено отъ службы *120 чиновниковъ*, за различныя злоупотребленія по гражданскому вѣдомству. Вслѣдствіе недостатка въ благонамѣренномъ чиновничествѣ въ краѣ, всѣ предполагавшіяся тогда преобразованія шли крайне вяло и медленно, и переходъ къ новому порядку вещей возбуждалъ неудовольствіе въ невѣжественныхъ массахъ народа. Такъ, происходили волненія въ 1836 и 37 годахъ на частныхъ уральскихъ заводахъ; въ томъ же 1837 году происходили безпорядки въ уральскомъ казачьемъ войскѣ, по поводу преобразованій въ немъ; безпорядки эти потребовали присутствія военнаго губернатора съ войсками въ г. Уральскѣ. Затѣмъ обнаружилось сильное броженіе умовъ въ оренбургскомъ казачьемъ войскѣ, по поводу переселенія на новыя мѣста и распространившагося ложнаго слуха о вызовѣ переселенцевъ въ крѣпость Анапу, и т. п. Появились даже зажигатели, которые изъ мести, или для грабежа, поджигали города и села и тѣмъ поддерживали народное неудовольствіе...

Всего этого, смѣемъ думать, совершенно достаточно для характеристики того времени, въ которое дѣйствовалъ В. А. Перовскій, и для того, чтобы извинить администратору, поставленному въ такія условія, его невольное нравственное изнеможеніе и равнодушіе къ спокойствію края, изъ котораго онъ ожидалъ скораго вызова, вслѣдствіе несчастнаго исхода хивинской экспедиціи.

Вскорѣ, дѣйствительно, покойный гр. Перовскій былъ отозванъ въ Петербургъ; пользуясь его отъѣздомъ, Кенисара, успѣвшій собраться съ силами и считая себя свободнымъ отъ слова даннаго имъ Перовскому не производить смутъ, сбрасываетъ маску смиренія, снова поднимаетъ бунтъ и угрожаетъ спокойствію края.

Н. Середа.

БОЛЬШАЯ МЕДВѢДИЦА

РОМАНЪ.

Продолженіе третьей части.

V.

Можетъ-быть, этими днями, на свѣтѣ не было никого счастливѣе m-lle Аннеты Каруцкой. Столько ласкъ отъ нецеремонныхъ провинціальныхъ дамъ, почета отъ провинціальныхъ господъ, поклоненій отъ юношества, столько удовольствій, устроенныхъ собственно для нея — она не видывала въ жизнь свою. Лидія Матвѣевна могла бы позавидовать и даже обидѣться за такія заботы m-me Волкаревой о кузинѣ, еслибы m-me Волкарева, интимно, не выразила Лидіи Матвѣевнѣ, что дѣлаетъ это *для нея*, что поняла ее съ полуслова и готова стараться объ устройствѣ дѣвицы, для которой въ Петербургѣ уже не оставалось надеждъ.

— Это такая пріятная, такая добрая цѣль! И главное, прибавляла она нѣжно:—это средство еще хотя немного удержать васъ здѣсь. Вы затворитесь въ вашемъ раю и насъ забудете!...

Рай-Спасское — былъ забытъ, благодаря m-me Волкаревой. Столичная суетливая жизнь перенеслась въ гостинницу еще шумнѣе, еще торопливѣе и безпорядочнѣе—по провинціальному. Поскучавъ отъ уединенія послѣднихъ недѣль, Лидія Матвѣевна вознаграждала себя и наслаждалась, сдѣлала съ m-me Волкаревой множество визитовъ и принимала въ импровизированной гостинной, повторяя всѣмъ и каждому, что живетъ на бивакахъ, потому что, кстати, война. Впрочемъ, разговора о войнѣ она не поддерживала и даже не допускала, восклицая съ первыхъ словъ, что эта презрѣнная война ей надоѣла. Лидія Матвѣевна основательно заключила, что если Аннета, которая двумя годами старше ея мужа, вдругъ помолодѣла подъ новыми небесами, то

почему же и ей не поступить также и не возвратиться къ тѣмъ очаровательнымъ институтскимъ наивностямъ, которыя, послѣ двѣнадцатилѣтняго супружества, въ Петербургѣ сдѣлались уже нѣсколько неудобны. Она была увѣрена, что производитъ неотразимое впечатлѣніе и упивалась прелестью соперничества въ широкихъ размѣрахъ: *тамъ* былъ кружокъ, *здѣсь* — цѣлый городъ. Провинція не такъ легко поддается очарованію, какъ это думаютъ люди пріѣзжающіе удивлять ее; общественнаго мнѣнія, правда, нѣтъ, но есть самолюбіе и недовѣрчивость, и на успѣхъ можно разсчитывать только при большой смѣлости, или при большомъ богатствѣ. Пятнадцать лѣтъ назадъ, успѣхъ давался легче: мнѣнія, все равно, не было, но слова еще не обязывали, вкусы были менѣе требовательны, роскошь не такъ безумна. Лидія Матвѣевна тотчасъ убѣдилась, что въ провинціи все обходится дешевле чѣмъ въ столицѣ, что можно щеголять петербургскими нарядами и не первой свѣжести, что столъ, сравнительно, приходится почти даромъ, тѣмъ болѣе потому, что она и дѣти почти ежедневно обѣдали у Волкаревыхъ, а къ себѣ, «на бивакъ», она находила неприличнымъ приглашать. Чрезвычайно всѣмъ довольная, Лидія Матвѣевна написала дядюшкамъ, что кутитъ и что André — божественный.

Верховской въ эти нѣсколько дней снова окончательно сдѣлался тѣмъ, чѣмъ былъ до своего пріѣзда въ N.,—молчаливымъ исполнителемъ приказаній жены, молчаливымъ лицомъ въ ея гостиной. Но онъ съ первой минуты не ошибся: это замѣтили. Большинство очень легко посмотрѣло на эти отношенія: двѣнадцать лѣтъ брака — достаточный предлогъ для охлажденія, и кто имъ не пользовался! Женщины, находившія, что Лидія Матвѣевна «такая добрая и милая», конечно, обвиняли мужа, удивляясь, между тѣмъ, что она всегда такъ весела. Слово fortune — разрѣшало всѣ недоумѣнія. Нѣкоторые замѣчали, что, именно по этому обстоятельству, Верховскому и слѣдовало бы быть благодарнѣе. M-me Волкарева, уже принявшая на себя званіе стараго друга и мужа и жены, говорила, что надъ ихъ счастьемъ нѣтъ ни облачка, но что Верховской чрезвычайно сосредоточенъ. Сосредоточенность, прибавляла m-me Волкарева,— одно изъ самыхъ привлекательныхъ достоинствъ мужчины. Она была въ восхищеніи отъ Лидіи Матвѣевны, хотя огорчалась ея непатріотической индифферентностью и иногда становилась въ-тупикъ отъ ея институтскихъ выходокъ.

— Это не та сильная женщина, какую бы ему нужно, высказала она однажды въ раздумьи, Лѣсичеву.

— Въ женщинѣ—слабость есть сила, отвѣчалъ онъ, повторяя ея собственное изреченіе.

— Да... Но не слабость нравственная.

И вслѣдствіе того, она смотрѣла на Верховского постоянно съ трогательнымъ состраданіемъ, отказывалась отъ танцевъ, не садилась за карты, которыя страстно любила Лидія Матвѣевна—и такимъ образомъ находила случай и время вести съ Верховскимъ хотя отрывочныя, но значительныя бесѣды объ отвлеченныхъ предметахъ. Верховской былъ радъ пристать къ кому-нибудь, говорить что-нибудь, для видимости. M-me Волкарева съ сладкимъ замираніемъ сердца истолковывала себѣ его сосредоточенность. Лидія Матвѣевна видѣла издали эти частыя бесѣды и могла бы встревожиться, но къ счастью, убѣждалась, что супругъ отъ нихъ нисколько къ ней не измѣнялся; онъ былъ все также скученъ и на ея ревниво-шутливые вопросы, о чемъ идутъ рѣчи, отвѣчалъ такъ искренно-устало, что нельзя было ему не вѣрить. Лидія Матвѣевна была покойна и тѣмъ вдвойнѣ счастлива. Она соображала, что, если m-me Волкарева ухаживаетъ за m-r Верховскимъ, то этимъ даетъ m-r Волкареву больше простора ухаживать за m-me Верховской, — чѣмъ Волкаревъ, дѣйствительно, занимался, оставя на это время даже прекрасную m-me Горнову. У Волкарева были свои, чисто служебныя цѣли, и Лидія Матвѣевна, съ дѣтства очень внимательная ко всему положительному, очень это понимала; но она, какъ многія дамы, любила ухаживанье старичковъ. Волкаревъ премило ей проигрывалъ, садясь для нея за грошевыя партіи, подносилъ ей букеты, катался съ ея дѣтьми въ своей прекрасной коляскѣ и закармливалъ ихъ конфетами до разстройства желудка; что же касается до восторженныхъ комплиментовъ — онъ не рисковалъ такихъ съ m-me Горновой, и тонко, успокоительно шутилъ Верховскому...

Верховскому было все равно.

Онъ былъ въ чаду, въ горячкѣ. Встревоженный и отупѣлый каждую минуту, разсѣянный до того, что не видѣлъ что́ дѣлается кругомъ, онъ самъ дѣйствовалъ машинально, не проговаривался, потому что молчалъ, держался прилично по привычкѣ, также какъ люди по привычкѣ берутся за вещи правой, а не лѣвой рукой. Онъ все чего-то ждалъ, все *доживалъ* до чего-то, повторяя себѣ между тѣмъ, что этому конца не будетъ. Онъ рѣшилъ только, что его чувства никто не долженъ знать и ежеминутно мучился страхомъ, что его угадаютъ. Случалось, среди разговора съ m-me Волкаревой, думая о другомъ и замѣчая самъ, что теряется, онъ ободрялъ себя мыслью, что она приметъ на свой

счетъ его смущеніе, трусливо радовался, тяжело стыдился такого разсчета, но спрашивалъ себя: что̀ же дѣлать? Ну, онъ выдастъ себя; больше—онъ разскажетъ все, прямо, громко, при всѣхъ... вѣдь все равно эти люди, что̀ одинъ, что всѣ,—что̀ же будетъ? Кому будетъ хуже? Кому отъ этого будетъ счастье?...

Но счастье ли и то, что̀ есть теперь?... Онъ не зналъ.

Минута счастья, которая ему досталась, была какая-то странная. Еще страннѣе было его собственное чувство. Ему ужъ было не нужно всесильнаго божества для разъясненія жизни, для утѣшенія въ прошломъ. Ужъ все было разъяснено; прошлое было гдѣ-то далеко. Была тревога, стремленіе безъ конца... не къ высокимъ цѣлямъ, не къ подвигамъ,—для нихъ надо еще самому воскреснуть, отдохнуть, обновиться, а въ его тьму сошло только первое слово воскресенія, онъ только-что почувствовалъ, какъ его приподняли сильныя руки, только-что увидѣлъ далекій свѣтъ... въ *ея* глазахъ. Полуоживленный, онъ бился и тратился въ пошлости, уже не разбирая, признавая ее ужъ не за пошлость, а только за помѣху. Онъ не спрашивалъ себя,—ему и не входило на мысль спросить,—не счелъ ли бы онъ помѣхой и самое святое дѣло, если бы оно отвлекло его и закружило такъ, какъ все то, что̀ происходило въ эти нѣсколько дней, когда у него не было свободной минуты, когда онъ оставался одинъ только на зарѣ, у своего открытаго окна...

Тогда приходило безумное желаніе — бѣжать къ *ней*. Весь жаркій бредъ надеждъ, мечтаній, забвенія всего на свѣтѣ, страсти и восторговъ, всю прелесть первой молодости съ первою любовью—онъ переживалъ ихъ; измучась и блаженствуя, засыпалъ крѣпко до безпамятства и, открывая глаза, не узнавалъ ни стѣнъ, ни людей. Опомнясь, наконецъ, что это дѣйствительность, онъ клялъ ее и тѣмъ начиналъ свой день. Отчаяніе было безвыходное. Чѣмъ наполнится этотъ день, чѣмъ наполнятся вслѣдъ за нимъ другіе—все равно, если не можетъ быть того... чего быть не можетъ.

Онъ весь день только и думалъ, какъ увидѣть Катерину. Она не встрѣчалась на гуляньяхъ, не была ни на вечерахъ у Волкаревыхъ, ни на вечерахъ въ клубѣ. Верховской надѣялся, что m-me Волкарева, развозя его жену съ визитами, завезетъ ее и къ Катеринѣ. Этого, конечно, не случилось, но онъ не зналъ, онъ ждалъ и вдругъ спросилъ себя, что̀ было бы съ нимъ, еслибы Катерина вошла въ эту минуту...

Въ эту минуту за нимъ наблюдала m-me Волкарева, которая, истощивъ запасъ увеселеній, пришла предложить Лидіи Матвѣевнѣ вечернюю прогулку въ экипажѣ на извѣстную дачу.

Лидія Матвѣевна вышла изъ комнаты, m-me Волкарева этимъ воспользовалась, чтобы сказать Верховскому:

— Другъ мой, послушайте, вы должны подумать. Я, наконецъ, рѣшаюсь сказать... это компрометтируетъ. Вы знаете, что вы дороги, поберегитесь...

Эти глупости привели въ себя Верховскаго.

— Нельзя ли уволить меня отъ этой прогулки? спросилъ онъ, когда пришла жена.

Послѣдовалъ споръ, но его уволили. M-me Волкарева, предлагавшая «поберечься», не могла не поддержать просьбы—дать отдохнуть, потому что нездоровится. Вечеромъ, Верховской въ самомъ дѣлѣ вздохнулъ свободнѣе: онъ остался одинъ.

Еще не улеглась пыль экипажей, уносившихъ его семейство, какъ онъ уже сбѣжалъ съ лѣстницы и вскочилъ на дрожки.

— Къ Багрянскому.

Еслибы домá, мимо которыхъ ѣхалъ Верховской, перевернулись вверхъ погребами, онъ бы этого не замѣтилъ. Онъ поднялъ голову только тогда, когда вмѣсто треска по булыжнику, подъ колесами послышалось вдругъ тихое шуршанье немощенной земли, а по сторонамъ потянулись заборы.

Окна въ домѣ были всѣ заперты. На подъѣздѣ, жмурясь отъ солнца, сидѣла Прасковья.

— Дома? спросилъ Верховской.

— Николай Степановичъ не пріѣзжалъ; въ уѣздѣ.

— А Катерина Николаевна?

— Дома нѣтъ.

— Въ гостяхъ? Не знаете-ли у кого? спрашивалъ Верховской, задыхаясь и мгновенно соображая, что если эти гости—его знакомые, онъ сейчасъ полетитъ туда.

— Нѣтъ, не въ гостяхъ, неохотно отвѣчала нянька, оглядывая его и наконецъ, узнавая. Она видѣла Верховскаго только разъ, мелькомъ, въ его первое посѣщеніе, когда онъ толковалъ о дѣлахъ съ бариномъ; это ей припомнилось. — Вамъ по дѣлу?

— Крайность! вскричалъ, обрадовавшись, Верховской. — Я думалъ, застану Николая Степановича, а если не его... Ради Бога, если она дома, попросите... мнѣ только одну минуту... я скоро уѣзжаю... мнѣ крайность!

Нянька сжалилась и объяснила, что Катерина ушла съ Машей пѣшкомъ, верстъ за пять, въ деревню, тутъ, на проселкѣ; она назвала эту деревню; кумовья звали барышню на праздникъ. Дня два пробудетъ.

Верховской опустилъ голову.

— Давно она ушла?

— Да ужъ полчаса будетъ.

— Прощайте, нянюшка; скажите, что я былъ... выговорилъ онъ и пошелъ къ своимъ дрожкамъ. Ему было скучно, хоть утопиться. Вдругъ, что-то, откуда-то точно освѣтило...

— Ты знаешь этотъ проселокъ? спросилъ онъ извощика.

— Знаю.

— Ступай туда скорѣе.

Онъ погналъ, какъ на пожаръ. Скорость ѣзды, стукъ мостовой, а за заставой влажный, жаркій воздухъ поля раздражали, влекли, веселили. Мягкая узенькая дорога между зеленой рожью ныряла въ лощины, взбѣгала на холмы; кусты мелкаго осинника, лазурныя полосы незабудокъ, птицы выпархивающія изъподъ колесъ, серебристая лента рѣчки, темныя рощи надъ красными оврагами, все залитое свѣтомъ, полное жизни, благоухающее, зовущее, все неслось и мелькало; душа летѣла чрезъ этотъ просторъ, смѣлая, вольная, счастливая. Было наслажденіе даже въ безпокойствѣ.

— Ты хорошо знаешь дорогу? спрашивалъ Верховской.

Съ одной стороны пригорка былъ лугъ, съ другой лѣсокъ; въ просвѣтахъ деревьевъ горѣлъ закатъ, дорогу перерѣзали черныя полосы тѣней; у опушки тихо шли двѣ женскія фигуры.

— Катерина Николаевна! закричалъ Верховской.

Чрезъ нѣсколько секундъ, онъ соскочилъ передъ нею, раскраснѣвшись, не дыша, смѣясь, схватывая ея руки.

— Не ждали? удивились? Я узналъ, тамъ, у васъ... видите, преслѣдую!

— Славно! сказала она, и на ея лицѣ выразилось такое счастье, что Верховской только тутъ опомнился, сколько было неосторожности въ его выходкѣ. Онъ сталъ отъ этого еще счастливѣе.

— Я сдѣлалъ глупость, продолжалъ онъ по-французски: — но, право, не стало силъ... Пройдемтесь минуту вмѣстѣ... Вѣдь цѣлая недѣля... не больше-ли?... Но теперь, право, кажется, даже лучше, что *тамъ* не встрѣчались. Нѣтъ, лучше такъ... Какой вы пилигримкой, съ узелочкомъ... Что я хотѣлъ вамъ сказать?... Мы вмѣстѣ, въ полѣ! Кто-бъ это придумалъ!... Скажите хоть слово!

— Не могу, прошептала она по-русски: — это Богъ-знаетъ что̀ такое...

— Не стѣсняйтесь, вѣдь насъ не понимаютъ, сказалъ онъ, смѣясь и оглядываясь на Машу, которая отстала.—Вы знаете, я васъ люблю. Ну, одна минута, хоть та моя. Какъ, уѣхать не видавшись, и послѣ чего-же!... Вы помните?

— Помню, отвѣчала Катерина.

— Помните-ли вы, что̀ вы сказали? Вы это сказали не изъ жалости, не изъ прихоти?... О, простите, я не понимаю, что̀ говорю!

— А я что̀ понимаю? спросила она, взглянувъ на него кротко: — если я сказала, значитъ, я такъ чувствую. Если вы сказали...

— Я вамъ клянусь...

— О, зачѣмъ это... Отдали душу другъ другу, какія же еще клятвы?... Хотите моего счастья — дайте мнѣ порадоваться на васъ, чтобы другіе любили васъ, какъ я люблю... Вы этого хотѣли, этого слова? Да, я васъ люблю.

— Счастье мое...

Они отошли далеко, держась за руки, молча оглядываясь на все, что̀ кругомъ празднично разцвѣтало и хорошѣло, не сводя глазъ другъ съ друга, говоря... они не помнили что̀...

— Пора, прощайте... сказала она, вдругъ остановившись.

— Одну минуту, одно слово...

— Къ чему лишнія слова? Вы теперь покойны...

— Я покоенъ? но развѣ это возможно?

— Вѣрите ли вы мнѣ? спросила она.

— Милая....

— Такъ помните, что вы не одинъ; на новомъ мѣстѣ живите заново; помните меня, дѣлайте.... ради меня. Съ Богомъ.... А я—вѣчно ваша.... Пойдемъ, Машенька, пора! закричала она своей подругѣ.

— Выслушайте.... Боже мой, вѣдь мы разстаемся....

Она крѣпко сжала его руки и пошла на встрѣчу Машѣ.

Извощикъ, не дожидаясь приказанія, подъѣхалъ тоже. Верховской не опомнился, какъ сѣлъ и уже ѣхалъ назадъ. Извощикъ, желая угодить, погналъ по прежнему усердно. Скоро, облака пыли и набѣгавшіе сумерки скрыли и свѣтлое платье на зелени лѣса, и самый лѣсъ; еще нѣсколько минутъ и уже былъ видѣнъ городъ.

— Поѣзжай потише, замѣтилъ Верховской.

— Вы меня, баринъ, должно-быть, не узнали? спросилъ извощикъ.

Верховской всмотрѣлся. Это былъ тотъ «знакомый», которому онъ помогъ,—вѣрнѣе, встрѣчный счастливый, которому досталось брошенное отъ избытка, въ нервическую минуту первой радости. Бѣднякъ благодарилъ, какъ умѣютъ это дѣлать простые люди, искренно и коротко, не смущая и не утомляя благодарностью. Верховской подумалъ, отчего это такъ выходитъ, откуда этотъ

тактъ, — и тутъ-же подумалъ, что *она* это знаетъ. Она все знаетъ.... Точно подслушавъ его мысль, извощикъ заговорилъ о Катеринѣ; онъ ее видалъ не разъ, какъ приходилъ къ ея отцу, «къ управляющему». Ее всѣ знаютъ, всѣ хвалятъ; онъ разсказывалъ, за что. Разсказывалъ, какъ, однажды, управляющій ѣздилъ въ уѣздъ, въ волости, прошлымъ лѣтомъ, и она поѣхала съ нимъ, должно-быть, прокатиться. Онъ дѣла разбираетъ, а она по избамъ, съ бабами, съ ребятами; во все входила, во всякую нужду; и растолкуетъ, и покажетъ, и такая-то веселая, ласковая, затѣйница... Верховской слушалъ, потому что говорилось о Катеринѣ, но разсказъ его непріятно тревожилъ. Все это была грубая житейская дѣйствительность, среди которой грубо рисовался милый образъ; къ нему прикасались, конечно, съ любовью, но ужъ слишкомъ нецеремонно.... Развѣ она то, что эти люди, которые позволяютъ себѣ считать ее своею? Она снисходитъ, но не равная. Она очаровательна своей простотой, но эта простота существуетъ только для него, для любящаго, для любимаго, а не для толпы. Этой красотѣ мало всѣхъ земныхъ сокровищъ.... Сейчасъ, шла, покрывшись какимъ-то бѣлымъ платкомъ.... Верховской вспомнилъ черную блузу матери, брилліанты жены.... Онъ не сравнивалъ, но если въ прошедшемъ чувствѣ была боль, въ настоящемъ была не менѣе мучительная, жгучая злоба....

У гостинницы, Верховской встрѣтилъ Лѣсичева.

— А, вотъ и вы. Я заходилъ—сказали, васъ нѣтъ. Что-жъ вы не на дачѣ?

— Такъ. А потомъ, соскучился, вздумалъ прокатиться.

Лѣсичевъ зналъ куда ѣздилъ Верховской, потому что приказаніе: «къ Багрянскому», было отдано на крыльцѣ, во всеуслышаніе прислуги; но Лѣсичевъ, также какъ и весь городъ, зналъ, что управляющій палаты имуществъ—въ уѣздѣ.

Онъ взошелъ съ Верховскимъ и шелъ-было въ гостиную. Верховской остановилъ его.

— Нѣтъ, лучше ко мнѣ. Покойнѣе.

— По холостому? сказалъ Лѣсичевъ, располагаясь на диванѣ.

Верховской подалъ ему сигары, спросилъ чаю и, усталый, ходилъ по комнатѣ. Но усталость была живая, веселая, а веселье даже какое-то школьничье. Надо же, чтобъ именно теперь встрѣтился этотъ бѣдный Лѣсичевъ! Верховской былъ такъ счастливъ, что благодушно не помнилъ всѣхъ обидъ, которыя привелось ему вынести отъ Лѣсичева, при невозможности отплатить. Вотъ, теперь отплачено. Еслибъ это сердце знало-вѣдало....

Лѣсичевъ, съ своей стороны, тоже наблюдалъ и тоже раздумывалъ.

— Какъ вы избавились отъ plaisirs champêtres? спросилъ Верховской:—я отговорился, что голова болитъ.

— А я никакъ не отговаривался, отвѣчалъ Лѣсичевъ:— взялъ, да не поѣхалъ.

— Это смѣло. Что́ скажетъ Марья Васильевна?

— Позволяю себѣ полнѣйшее равнодушіе. Довольно, наконецъ!... Помните, Андрей Васильевичъ, мы съ вами какъ-то разговорились, и я вамъ сказалъ, во что́ я втянулся изъ противорѣчія, на зло Марьѣ Васильевнѣ?

— Да! что вы чуть не влюбились.... Но, что-же, вѣдь вы не сватались, сказалъ Верховской, какъ могъ небрежнѣе, и, чтобъ скрыть свое удовольствіе, даже отвернулся.

— Нѣтъ, я сватался, отвѣчалъ спокойно Лѣсичевъ, глядя ему вслѣдъ:—мнѣ отказали. Нужно мнѣ или ненужно утѣшеніе— это мое дѣло, но соболѣзнованія я не желаю. Нѣтъ ничего глупѣе и обиднѣе, какъ когда на человѣка глядятъ и вздыхаютъ. Самъ виноватъ, самъ и справляйся.... Пожалуй, и вы виноваты, прибавилъ онъ вдругъ, захохотавъ: — вы тогда разманили меня семейнымъ счастьемъ.... Но пусть Марья Васильевна не безпокоится разыгрывать со мною ангела-утѣшителя; ей и безъ меня заботъ довольно.

Верховской засмѣялся тоже, но ужъ принужденно; ему стало неловко. Онъ продолжалъ ходить и молчать. Въ головѣ у него забродили странныя вещи.... Лѣсичевъ, пожалуй, говоритъ и дѣло, и ему вовсе невесело.... Что, еслибы сейчасъ, откровенностью за откровенность, юношески, романически сказать ему: «меня любитъ та, которую ты любишь; не завидуй, не смѣйся, а научи, что́ дѣлать?...» Вѣдь это — дружба съ перваго слова, одно богатство вслѣдъ за другимъ. *Она* бы, пожалуй, такъ сдѣлала.... и ей бы удалось!... А тутъ.... Вотъ, сидитъ, покуриваетъ, поглаживаетъ свою эспаньолку.... И никто его не обрѣетъ поформѣ, фаворита губернаторскаго!... смѣется, подшучиваетъ, зная, что привязаться нельзя....

— А вы, въ деревнѣ, чѣмъ будете утѣшаться? вдругъ спросилъ Лѣсичевъ, зѣвнувъ и будто машинально повторяя слово, которое вертѣлось въ мысли.

— Мнѣ дѣло дадутъ изъ министерства, отвѣчалъ холодно Верховской: — въ деревнѣ, пожалуй, и не засидишься; придется ѣздить, сбирать свѣдѣнія....

— Статистика, что́-ли? Что-жъ, вамъ тогда всего лучше —

къ Багрянскому. У него, говорятъ, набрано матерьяловъ. Намѣревается, кончивъ службу, книгу составить.

— За что онъ не ладитъ съ Волкаревымъ?

— Не знаю, сказалъ, подумавъ, Лѣсичевъ. Я его знаю не больше чѣмъ вы. Дочь—другое дѣло.... Вы ее видѣли сегодня?

— Сегодня? повторилъ Верховской и спохватился:—когда-же?

— Ахъ, да, правда....

Онъ вдругъ повернулъ разговоръ на совсѣмъ постороннее и такъ круто, что Верховской смутился. Это, впрочемъ, было легко скрыть, такъ какъ Лѣсичевъ очень оживился и предметы разговора наводили на шутку, немножко на сплетню. Собесѣдники хохотали, будто старые друзья. Минутами, вспоминая Катерину, вспоминая что́ было, Верховской досадовалъ на этотъ прозаическій перерывъ прелестнаго чувства, которое нѣжило его душу, какъ тепло весенней ночи; но это же чувство, вспыхивая и волнуя, пробуждало молодую удаль, едвали когда-нибудь испытанную. Просто, хотѣлось шума и смѣха. Верховской подумалъ, что, будь здѣсь Катерина, она бы сама, какъ рѣзвый меньшой товарищъ, не церемонясь, еще оживила бы шутки.... Она славно смѣется. Веселая милая—милѣе вдвое; съ нею, въ жизни не пропадаетъ даромъ никакая бездѣлица.... Вотъ, сейчасъ, какъ встрѣтились—смутилась, а первое движеніе—засмѣялась.... Ему страстно хотѣлось обнять ее.

Лѣсичевъ разсказывалъ какую-то уморительную исторію. Верховской не зналъ, откуда у него самого брались разсказы. За собственнымъ шумомъ, онъ не слышалъ шума въ сосѣдней комнатѣ. Лѣсичевъ слышалъ давно и будто не обращалъ вниманія. Наконецъ, въ дверь сильно стукнули.

— Ouvrez!

Лѣсичевъ поднялся изъ своего полулежачаго положенія и бросилъ сигару. Верховской отворилъ. Лидія Матвѣевна явилась, еще въ шляпкѣ и бурнусѣ.

— André! это, я не знаю что́... Ah, m-r Лѣсичевъ, bonsoir!... André, тамъ, изъ Спасскаго пріѣхалъ господинъ. Мнѣ говорятъ ужасныя вещи.... Онъ заходилъ къ тебѣ. Тебя, вѣдь, не было дома? Ты ѣздилъ къ какому-то Багрянскому?

— Да, и не засталъ, отвѣчалъ Верховской.

— Однако, ты два часа проѣздилъ?

— Ѣздилъ кататься за-городъ.

— Однако, ты не поѣхалъ со мною....

— Ну, что-жъ изъ этого?

— Изъ этого, что этотъ господинъ приходилъ къ тебѣ, не засталъ, а тамъ въ Спасскомъ....

— Если въ Спасскомъ опять бунтъ, я бы его не усмирилъ въ эти два часа.

— Тамъ вовсе не бунтъ.... потому, что, еслибы бунтъ, я сказала бы не тебѣ, а Алексѣю Владиміровичу.... А это твое дѣло. Пріѣхалъ землемѣръ. У меня отнимаютъ землю; мнѣ сейчасъ сказалъ Григорій Ивановичъ....

— Кто?

— Тотъ господинъ, что пріѣхалъ, нарочно, ко мнѣ пріѣхалъ, Григорій Ивановичъ....

— А, Григорій Ивановичъ, чортъ-иванычъ, почему я знаю...

— До свиданія, сказалъ Лѣсичевъ.

— М-г Лѣсичевъ, je pars demain. J'éspère avoir le plaisir de vous voir chez moi à Спасское, mais le plus tôt possible, le plus tôt possible... entendez-vous?... Андрей Васильевичъ, ты, кажется поклялся выводить меня изъ терпѣнія....

Господинъ, пріѣхавшій изъ Спасскаго, былъ Духановъ. Онъ все время дожидался тамъ, устроивая торжественный въѣздъ помѣщицѣ, для выраженія своей преданности. Все, въ самомъ дѣлѣ, было приведено въ совершеннѣйшій порядокъ. Недовольные, которые не явились въ пріѣздъ Верховскаго, откладывая свои жалобы до *настоящей барыни*, были открыты и укрощены, и самые замыслы и покушенія на непредвидѣнныя заявленія — уничтожены внушеніемъ, которое Духановъ произнесъ съ парадная крыльца. Все, могущее непріятно поразить взоры владѣлицы — устранено; предусмотрѣно все, могущее доставить ей удовольствіе. Такъ, изъ всѣхъ романически проектированныхъ свадебъ совершилась всего одна: садовникъ и горничная, на другой же день позволенія, упросили *батюшку* обвѣнчать ихъ въ раннюю обѣдню. Духановъ тотчасъ распорядился сослать ихъ на скотный дворъ, а священникъ, трепеща за послѣдствія брака, совершеннаго безъ оглашенія, отправилъ въ городъ своего работника съ письмомъ къ Верховскому, заранѣе моля его предстательства у архіерея. Верховскому, точно, кто-то приносилъ какое-то письмо, но онъ ничего не читалъ въ эту недѣлю.... Въ Спасскомъ, казалось, все было покойно, какъ вдругъ явились посредникъ по размежеванію, землемѣръ, и объявили, что на основаніи полюбовной сказки и плана, подписанныхъ довѣреннымъ, мужемъ владѣлицы, земля отъ такого-то овражка до такого-то урочища, и прочее,—должна отойти во владѣніе спасскихъ государственныхъ крестьянъ. Землемѣръ приступилъ къ работамъ, а Духановъ, сообразивъ мгновенно, что увѣдомленіе объ опасности важнѣе всякихъ другихъ доказательствъ усердія,— вскочилъ въ телѣгу и помчался въ N.

Онъ зналъ, что Лидія Матвѣевна пріѣхала, но, нѣсколько растерявшись въ предположеніяхъ, спросилъ Верховскаго. Въ два часа, которые пришлось дожидаться, Духановъ обдумалъ вѣрнѣе. Зачѣмъ предупреждать подначальнаго, очевидно виноватаго во всемъ погромѣ, когда можно извѣстить само начальство? Онъ такъ и сдѣлалъ. Лидія Матвѣевна едва успѣла проститься на крыльцѣ съ своимъ другомъ m-me Волкаревой, какъ Духановъ представился и объяснилъ все, всходя за нею на лѣстницу. Аннета, дѣти, m-lle Роше были предоставлены ихъ собственной участи и спаслись по своимъ комнатамъ, когда начались объясненія въ гостиной.

Объясненія были очень долгія.

— Это они васъ славно надули, Андрей Васильевичъ, говорилъ Духановъ, свѣтски развязно сидя на диванѣ передъ лампою, между тѣмъ какъ Лидія Матвѣевна усталая, сердитая, пораженная, лежала въ креслахъ, закрывая лицо вышитымъ платкомъ, а Верховской ходилъ изъ угла въ уголъ. Что-жъ вы мнѣ не сказали, что васъ вызываютъ на совѣщаніе? Я бы, ей-богу, съ вами съ удовольствіемъ поѣхалъ и ничего бы этого не было. Потому—вамъ и разсуждать бы нечего; сказали разъ: «несогласенъ», и дѣлу конецъ. Еслибы только это дѣло да въ департаментъ... Такъ, даже зло беретъ, благородное слово!

— Это ужасно! выговорила Лидія Матвѣевна.

— И вѣдь какъ, замѣтьте, ловко, продолжалъ Духановъ, наставительно обращаясь къ ней:—какъ только Андрей Васильевичъ здѣсь купчую подписали—сейчасъ изъ палаты имуществъ предписаніе: «составить вновь совѣщаніе». Какъ они, то-есть, Андрей Васильевичъ, въ Спасское—такъ сейчасъ ему повѣстка: «пожалуйте».... А ужъ онъ, извѣстно, какъ на совѣщаніе пожаловалъ, такъ, его....

Онъ и рукой махнулъ.

— Неопытность, можно сказать, большая! договорилъ онъ съ осторожной, небрежно-снисходительной улыбкой. Вѣдь чего-жъ было и ждать: одно слово—Багрянскій! естественный интриганъ...

— Я вамъ совѣтую замолчать, сказалъ Верховской, подходя. Лидія, скоро ты избавишь меня отъ этой компаніи? Я хочу говорить съ тобой одинъ.

Лидія Матвѣевна въ удивленіи раскрыла глаза.

— Конечно, Андрей Васильевичъ, я чувствую, что по образованности моей я вамъ не компанія, смиренно заговорилъ Духановъ:—однако, все-таки.... какъ у Крылова въ баснѣ, что придавило орлицу и дѣтей, потому, кротъ.... Все-таки, я могу, хоть совѣтъ...

— Ахъ, ради Бога! вскричала Лидія Матвѣевна:—не оставляйте меня, подайте мнѣ совѣтъ! Женщина въ моемъ положеніи... Я не знаю этихъ дѣлъ, я лишаюсь собственности и не знаю къ кому прибѣгнуть, вы одинъ.... нѣтъ средства....

Верховской смотрѣлъ на нее.

— Il me semble que vous voulez plaire? сказалъ онъ.

Духановъ оглянулся на непонятное слово; его маленькое лицо вспыхнуло.

— Средство, Лидія Матвѣевна, есть, сказалъ онъ, стараясь сохранить самое гордое спокойствіе:—только бы во время поспѣть. Если вы, теперь, прибудете въ Спасское, обратитесь, тамъ, къ посреднику, чтобъ остановили что тамъ начато; да извольте подать заявленіе, что вы на совѣщаніи сами не присутствовали; «я, молъ, несогласна, а мой довѣренный....» Ну, однимъ словомъ....

— Ну, однимъ словомъ, Лидія Матвѣевна, скажите, что вашъ мужъ дуракъ, и что вы не признаете дѣла, которое онъ сдѣлалъ, прервалъ Верховской. Я тебѣ сказалъ,—продолжалъ онъ по-французски, — что хочу быть съ тобой одинъ. Я, кажется, рѣдко этого прошу. Если онъ еще пять минутъ здѣсь останется, я его выкину въ окно.

Лидія Матвѣевна опять подняла на него глаза; было ясно, что онъ не шутитъ. Онъ отвернулся и сталъ у окна.

— Такъ этакимъ манеромъ...., началъ опять Духановъ, полагая, что супругъ покорился.

— Ахъ, я ужасно устала, прервала, вставая, Лидія Матвѣевна:—извините меня. До завтра. Я скажу Алексѣю Владиміровичу....

Духановъ догадался тоже встать.

— Что-жъ это будетъ-съ? стало-быть, не изволите имѣть ко мнѣ довѣрія?...

— Ахъ, нѣтъ, но все-таки, Алексѣй Владиміровичъ....

— Его превосходительство вамъ, по деликатности, ничего не могутъ посовѣтовать.

— Можетъ-быть.... Но, нѣтъ.... Я за вами пришлю. Гдѣ вы живете?

— Моя квартира ничтожная, Лидія Матвѣевна; вотъ, коридорные знаютъ, отвѣчалъ Духановъ, указывая шляпою въ дверь. Мое желаніе было....

— До завтра.... До свиданія.

И у дверей, оглянувшись на мужа, Лидія Матвѣевна подала руку Духанову.

— Не довольно ли любезностей? спросилъ Верховской, задыхаясь:—вы желаете начать со мною новыя отношенія?

Она обомлѣла.

— André, я не понимаю....

— Вы этого позора не понимаете? закричалъ онъ:—Лѣсичевъ... вотъ, эта гадина... завтра, старый шутъ Волкаревъ... Нѣтъ ли у васъ еще друзей-пріятелей?...

— Ты ревнуешь? ревнуешь?... Душка, я тебя обожаю! вскрикнула она и бросилась ему на шею. Душка, божественный, молчи... Нѣтъ, говори, говори, брани, упрекай, подозрѣвай... Ревнивецъ! Ah, je suis aux anges! Ah, je suis heureuse! Ревнуешь? любишь?

Онъ оттолкнулъ ее и отчаянно заломилъ руки.

— Ахъ, я тебя боюсь! Ахъ, какъ это весело! Это прелесть, прелесть! Скажи, что́ ты чувствуешь?... Ну, mon chevalier fidèle, pardon, я больше не буду этимъ шутить, не буду! Ахъ, за эту минуту... видитъ Богъ... Эти деньги... André, развѣ я такъ взыскательна? Вѣдь ужъ было, помнишь, когда ты бралъ для maman? Если ты попросишь...

— Только одного прошу, прервалъ онъ, блѣдный: — пусти, дай опомниться... Если любишь, окажи это милосердіе; я лягу...

— Поцѣлуй на прощанье! сказала она кокетливо.

VI.

На слѣдующее утро, Лидія Матвѣевна встала уже не въ такомъ восторженномъ настроеніи и, зрѣло размысливъ, нашла, что убытокъ не легокъ. Она хотѣла опредѣленнѣе переговорить съ André. Ей сказали, что Верховской давно всталъ и ушелъ —куда, не знали. Это, конечно, не могло быть ей пріятно, и за чайнымъ столомъ она приказала кузинѣ и m-lle Роше сбираться и укладываться, потому что она намѣрена въ этотъ же день ѣхать въ Спасское и быть тамъ къ ночи. По неудовольствію Лидіи Матвѣевны можно было вполнѣ убѣдиться, что все это житье въ городѣ, промедленіе, издержки были сдѣланы исключительно для Аннеты, а m-lle Роше, ужъ безъ сомнѣнія, была кругомъ виновата, что, вмѣсто нарядовъ, не вынула учебниковъ и дѣти тратили время. Къ довершенію несчастія, Элимъ вздумалъ въ это утро изучать конюшни провинціальной гостинницы и воротился оттуда, перепачканный въ дегтѣ. Подобныя занятія недопускались въ Петербургѣ: дѣти Лидіи Матвѣевны могли предаваться своимъ страстямъ въ своей или въ дальнихъ комнатахъ,

но въ салонъ были обязаны являться всегда прилично и никогда ничего не говорить, если ихъ не спрашивали.

— Прелестно, если вы будете также внимательны въ деревнѣ, сказала Кидія Матвѣевна гувернанткѣ, когда та уводила переодѣвать Элима.

Аннета сейчасъ-же уложила все свое и сѣла вышивать. Она была готова плакать, но покорилась... Печали, испытанныя въ Петербургѣ въ послѣдніе годы, когда всего въ мірѣ оставалась только опера и «александринка», и тѣ уже безъ Маріо и Каратыгина,— схимничество двухъ недѣль въ Москвѣ, подготовили-было душу Аннеты къ пустотѣ, къ мужикамъ... шумная недѣля въ N. ее взволновала. Сначала, все это непривычное казалось ей чѣмъ-то въ родѣ новой декораціи въ балетѣ, за которую публика апплодируетъ и вызываетъ машиниста: красиво устроено; какъ устроено — до этого нѣтъ дѣла; это — только посмотрѣть; можно, пожалуй, спросить, дорого ли стóитъ. Аннетѣ нравился спектакль; потомъ, стало казаться, что и ей дали въ немъ роль *на-выходъ* и что ее хорошо *принимали*. Это было еще пріятнѣе, это даже кружило голову, хотя все какъ-то чувствовалось, что это не чувствуется, а играется. Но, какъ особа, мужественно выносившая по восьми актовъ россійской сцены, Аннета была бы очень рада, еслибы и эта комедія продлилась на всю жизнь... И вдругъ—занавѣсь опускается, темнота... Деревня ее ужаснула. Аннета не умѣла плакать, а покоряться, давно и хорошо выучилась и потому ограничилась тѣмъ, что робко спросила Лидію Матвѣевну, занятую повѣркой своего серебра, которое укладывали:

— Къ вамъ будутъ пріѣзжать изъ города?

— До Спасскаго нѣтъ желѣзной дороги, отвѣчала Лидія Матвѣевна.

Долгое отсутствіе мужа выводило ее изъ терпѣнія и вмѣстѣ безпокоило: не сдѣлалъ ли онъ чего-нибудь еще хуже этой уступки земли? Лидія Матвѣевна, конечно, видѣла всѣ бумаги, провѣрила всѣ счеты, относившіеся къ покупкѣ, взяла и деньги оставшіяся отъ размѣненнаго для этого билета,—но кто знаетъ, чтó еще могло быть. Почему André вчера такъ дерзко обращался съ этимъ господиномъ? Ревновалъ... Ну, да; но вѣдь между ними могла быть какая-нибудь сдѣлка; Духановъ, чѣмъ-нибудь недовольный, искалъ случая отмстить... Но если и не это... Нѣтъ, не это: André нѣтъ никакой выгоды поступать недобросовѣстно; онъ тогда рискуетъ самъ всего лишиться!... Нѣтъ, не это. Но все-таки André держался странно. Не оживленъ, неразговорчивъ—это ужъ его характеръ; не страстенъ—(Лидія Матвѣевна

не тó разсказывала постороннимъ, но предъ собой иногда не лукавила), но теперь... Это Богъ знаетъ чтó.

Она ничего опредѣлить не умѣла.

— Ревнуетъ... Эти выходки, вчера... но даже при Лѣсичевѣ!... Ахъ, да! «кто любитъ, тотъ ревнуетъ»!...

У нея пріятно забилось сердце; она вспомнила какой-то дуэтъ, который пѣла въ институтѣ и вздумала запѣть. Ея голосокъ давно пропалъ. Ей стало грустно, вдругъ, какой-то неопредѣленной грустью,—такъ, Богъ знаетъ чтó!

— Annette, сказала она:—я вчера звала къ себѣ Лѣсичева. Вы не замѣтили, что онъ въ меня влюбленъ? Меня André натолкнулъ на это: приревновалъ,—но какъ!... Мужья всего скорѣе видятъ.

Она засмѣялась. Аннета, давно не вѣрующая въ любовь, конечно, не умѣла поддержать разговора, а еще меньше—предположеній кузины. Но именно это неумѣнье и холодность лучше всего успокоили Лидію Матвѣевну.

— Дѣвушкѣ вашихъ лѣтъ, конечно, этого не понять! сказала она, торжествуя, и развеселившись, забывая хлопоты, забывая повторять «куда дѣвался Андрей Васильевичъ»? Она усѣлась подлѣ Аннеты и толковала ей о любви вообще и о супружеской въ особенности. Такъ очень мило прошло съ полчаса, когда отворилась дверь.

— Mesdames..., произнесъ, шаркая, Волкаревъ.

Лидія Матвѣевна была не одѣта и непричесана. Она ахнула, но вспомнила, что на ней все довольно вышито и очень дорого. Волкаревъ разцѣловалъ ея ручки, съ глубокимъ почтительнымъ поклономъ Аннетѣ.

— Вы уже укладываетесь? Вы насъ покидаете? восклицалъ онъ.

— Что-жъ дѣлать, надо... Не знаете ли, гдѣ мой мужъ?

— Еслибы не зналъ, я бы не явился, отвѣчалъ онъ очаровательно: — я увѣрился, что этого тирана нѣтъ дома, и тогда бросилъ все, дѣла, службу...

— Но гдѣ же онъ?

— Онъ... «Сумраченъ, тихъ, одинокъ» гуляетъ по площади. Это противъ оконъ губернскаго правленія. Тутъ рѣка, il a été, probablement, prendre un bain...

— Probablement...

— Вода еще холодна; послѣ нея необходимо движеніе, прибавилъ Волкаревъ и, вдругъ замѣтивъ, что пошатнулся на старческій тонъ, опять игриво оживился. — Но — сумраченъ. Изъ этого я заключилъ, что онъ въ опалѣ, и—вотъ я!...

— Ахъ, у насъ, въ самомъ дѣлѣ, непріятность, сказала Лидія Матвѣевна:—и я даже хотѣла просить васъ... Annette, посмотрите, что́ тамъ дѣлается.

Аннета покорно изчезла.

— Въ Спасскомъ... C'est un coup de foudre!

Улыбка Волкарева мгновенно изчезла. За Спасское ему уже однажды хорошо досталось. Хотя онъ надѣялся на дѣятельность исправника и станового, но, при перемѣнѣ владѣльца, въ смутное время, когда столько слуховъ, толковъ, страховъ,—кто знаетъ, на что́ еще можетъ рѣшиться безумный народъ. «Громовый ударъ» Лидіи Матвѣевны поразилъ губернатора такъ, что онъ не могъ выговорить слова и ждалъ съ замираніемъ сердца... Она продолжала разсказъ. Волкаревъ вздохнулъ и радостно, въ глубинѣ души, возблагодарилъ небо. Обстоятельство было непріятное для разскащицы,—но въ сравненіи съ тѣмъ, что́ могло быть, что́ грозило самому губернатору—оно принималось легко, почти какъ шутка... Являлось другое затрудненіе. Лидія Матвѣевна увлекалась и прямо высказывала, что все это случилось по оплошности André. Волкаревъ размышлялъ...

Уже нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, петербургскіе доброжелатели и родственники предупредили его, что на него готовится гроза. Она могла быть еще далеко, могла быть и очень близко, могла разойтись, могла и собраться въ видѣ слѣдствія, коммиссіи... Волкаревъ трепеталъ, скрывая волненіе подъ своей всегдашней мягкой, благовоспитанной игривостью. Признаки времени были неблагопріятны: къ святой Волкарева обошли наградой; онъ просилъ отпуска въ Петербургъ; ему не отвѣчали долго и, наконецъ, отказали, находя необходимымъ его личное присутствіе въ губерніи въ настоящее военное время. Отговорка явная: — N. далеко отъ театра войны. Волкаревъ понялъ и искалъ, какія принять мѣры. Казалось, сама судьба послала ему опору: Верховской пріѣхалъ тогда покупать имѣніе. Волкаревъ встрѣтилъ его съ распростертыми объятіями: человѣкъ молодой, безъ сомнѣнія, легко увлекающійся, видимо неопытный, но между тѣмъ значительный по чину, вліятельный по родству съ однимъ изъ министерскихъ боговъ,—это находка, это спасеніе! Нужно спѣшить себя обезпечить, захватить его дружбу... m-me Волкарева поспѣшила сдѣлать тоже, хотя вполнѣ женственно-безразсчетно, и, можетъ быть, въ первый разъ во все свое супружество, Волкаревъ находилъ, что жена его понимаетъ. Съ пріѣздомъ Лидіи Матвѣевны, предупредительность, любезности были удвоены; все шло благополучно, и, вдругъ...

Лидія Матвѣевна была недовольна своимъ супругомъ, недо-

вольна основательно. Сочувствовать ей — значило потерять все со стороны Верховскаго, потратить даромъ всѣ свои хлопоты. Не принять къ сердцу гнѣва и печали Лидіи Матвѣевны — но она также сильна у своего дядюшки... Волкаревъ считалъ себя ловкимъ дипломатомъ, но тутъ нѣсколько терялся. Было необходимо рѣшаться скорѣе, не давать Лидіи Матвѣевнѣ далеко зайти въ своемъ краснорѣчіи. Она уже сказала, что André хуже маленькаго ребенка, что ему ничего нельзя довѣрить... Вдругъ Волкаревъ просіялъ. Его озарила мысль: это случай оказать Верховскому услугу, которой тотъ, конечно, не забудетъ...

— Мнѣ даютъ совѣтъ, говорила Лидія Матвѣевна:—попробовать поправить это дѣло, заявить неудовольствіе на моего повѣреннаго... уничтожить довѣренность André...

— И я вижу ваше прекрасное негодованіе! прервалъ онъ, взявъ ея ручку и цѣлуя ее съ умиленіемъ.—Сказать это женщинѣ, такъ высоко понимающей своего мужа... Ah, il n'y a que les âmes viles... N'en parlons plus!

Лидія Матвѣевна вытаращила глаза.

— Какъ онъ васъ любитъ! продолжалъ восторженно Волкаревъ, будто не слышалъ ни слова изъ всего, что́ она разсказывала:—какъ онъ понялъ, что женщина, ступая на землю, приноситъ съ собой благословеніе! Увидѣлъ несчастныхъ—и подалъ милостыню!

— Une jolie aumône..., замѣтила, не вытерпѣвъ, Лидія Матвѣевна.

— Oh, c'est la misère même! воскликнулъ Волкаревъ съ такимъ убѣжденіемъ, какъ будто и не существовало его переписки съ Петербургомъ о спасскихъ крестьянахъ. — И какой далекій разсчетъ! Какой дѣлецъ вашъ Андрей Васильевичъ!

— Дѣлецъ?

— Глубокій дѣлецъ! Ему стоило два раза видѣть Багрянскаго, чтобы его разкусить; c'est un homme de chicane, заноза... Онъ бы завелъ вамъ такую исторію, что... Богъ васъ спасъ!

— Я васъ не понимаю! вскричала Лидія Матвѣевна:—я васъ рѣшительно не понимаю! Но вы сами писали, увѣряли Маргариту Запольцеву, что эта земля принадлежитъ ей...

— А, la Margot! Ее можно увѣрять! возразилъ Волкаревъ съ смѣхомъ свѣтски-легкомысленнаго и вмѣстѣ строго-дѣлового человѣка. Она меня осаждала и... ея родные... Madame Запольцева должна была понимать, согласитесь, заговорилъ онъ вдругъ серьезно, укрѣпляясь въ своей хитрости по мѣрѣ того какъ говорилъ:—должна была сама понимать, что требуетъ несправед-

ливо, нелѣпо. Ей хотѣлось—я ей не мѣшалъ!! только дѣтей урезониваютъ!... Но вы—это совсѣмъ другое. Вашъ мужъ... человѣкъ, какъ онъ, ни заблуждается... Онъ понялъ...

— Что же онъ понялъ?

— Что Багрянскій настоитъ на своемъ, напишетъ министру, и эту землю, рано или поздно, у васъ отнимутъ.

— Неужели?

— Безъ малѣйшаго сомнѣнія... Mais, tenez, entre nous: я зналъ, что это будетъ; не выдавайте меня мужу!

Онъ мило засмѣялся и захватилъ, пожимая ея ручку.

— И вы представьте тогда всѣ непріятности: землю берутъ, огласка... А теперь—великодушная, добровольная уступка! и въ настоящее-то время!! Это такъ рекомендуетъ вашего Андрея Васильевича...

— Да... Но, помилуйте, мои деньги! Кто-жъ мнѣ ихъ возвратитъ...

— Тогда, конечно, вамъ бы предоставили получить ихъ съ m-me Запольцевой... Но, прибавилъ онъ задумчиво, слегка презрительно и понижая голосъ: — вы знаете положеніе Запольцевой. Вы бы получили en mil-huit-cents-jamais! Такъ не все ли равно, просто, прямо...

Онъ спохватился, что урезониваетъ и прибѣгнулъ къ умиленію.

— Femme trois fois heureuse!... И вамъ, *вамъ* предлагать скандалъ, предлагать лишить довѣрія вашего мужа... le désavouer, его и его благородный поступокъ... О, я понимаю, что вы возмущены!

— И вы точно, знаете, что эту землю у меня бы отобрали? спросила Лидія Матвѣевна.

Волкаревъ повторилъ, и не одинъ разъ, и приводилъ доказательства. Пока онъ говорилъ, Лидія Матвѣевна соображала, что, ужъ если этотъ «благородный поступокъ» былъ неизбѣженъ, то André долженъ возвратить ей, чего онъ стоилъ. Это ее успокоило и напомнило другое.

— Гдѣ жъ это André... Онъ вчера ѣздилъ къ этому Багрянскому. Вотъ, вы все говорите о Багрянскомъ. Онъ дурной человѣкъ?

— Я не позволю себѣ говорить дурно о людяхъ, которые меня не навидятъ, отвѣчалъ съ достоинствомъ Волкаревъ. — Я знаю, какъ онъ относится о моихъ дѣйствіяхъ. Ограждая себя, я былъ вынужденъ писать лицамъ высокопоставленнымъ... и, конечно, не скрылъ и моего мнѣнія. Человѣкъ, какъ онъ, вышедшій изъ ничтожества, не можетъ не быть... взяточникомъ! дого-

ворилъ Волкаревъ съ отвращеніемъ. Это видно изъ его образа жизни... домъ купилъ, que sais-je! Только не берутъ труда раздавить его... Онъ, однажды, въ проѣздъ здѣсь министра, на обѣдѣ у меня—(il fallait subir cette corvée, l'inviter!), выразился, въ разговорѣ, что въ наше время, да и во всякое время, пустые люди всего опаснѣе. Всѣ поняли, куда онъ бросилъ камешекъ... Ну, что-жъ вы хотите — такія вещи не забываются! Наши служебныя отношенія довольно отдѣльны, но нестерпимо видѣть, какъ такая фигура поднимаетъ носъ, претендуетъ на значеніе, на образованіе, на неподкупность... que sais-je!

Онъ разгорячился. Лидіи Матвѣевнѣ это было все равно, или даже забавно.

— Какой страшный! воскликнула она, наивничая. — Зачѣмъ же вы для него хлопочете?

— Я?

— Какъ-же? Мнѣ говорила ваша жена и третьяго дня мы съ ней вмѣстѣ послали письмо à l'oncle Зуровъ...

— Вы это сдѣлали? благодарю васъ! сказалъ съ увлеченіемъ Волкаревъ. Я боялся, что Марья Васильевна, по своей разсѣянности...

Вошелъ Верховской. Онъ все утро бродилъ по городу, не заходя ни къ кому и избѣгая встрѣчъ, думая только, что ему не миновать своей кровли и не уйти отъ самого себя. Спрятаться отъ Волкарева было невозможно.

— Мнѣ сказали, что вы здѣсь, сказалъ онъ ему, здороваясь.

— Гдѣ ты былъ, André? вскричала Лидія Матвѣевна.

Онъ, не отвѣчая, подалъ ей руку и сѣлъ. Она посмотрѣла ему въ лицо; онъ, казалось, усталъ.

— Мы объ васъ тутъ немножко злословили, любезно заговорилъ губернаторъ. — Какъ же вы такъ оплошали?...

Верховской взглянулъ на жену и удивился, встрѣчая игривую улыбку и влюбленный взглядъ. Лидія Матвѣевна все время не сводила съ него глазъ и замѣчала, что онъ измученъ. Говорятъ, онъ невиноватъ. Говорятъ, рано или поздно случилось бы тоже. Лидія Матвѣевна не могла понять, что съ нею дѣлается; какъ-то жаль его, и какъ-то забавно, а онъ такой душка, хорошенькій, какъ нарочно....

— Ужъ вы, пожалуйста, меня съ нимъ не ссорьте, сказала она Волкареву, надувъ губки какъ ребенокъ. Я знаю, вы злой, рады! Что я вамъ пожаловалась, изъ этого еще ничего не слѣдуетъ. Я, такъ, шутила. Милые бранятся, только тѣшатся,... вѣдь, такъ, André?

Она вознаградила Волкарева улыбкой, за что́ онъ сейчасъ поцѣловалъ ея ручку.

— Ай, бѣда! вскрикнула она:—при немъ! онъ ревнуетъ! Вы не знаете, мы оба ревнивы.... Вотъ, все бѣгаетъ изъ дома. Сказывай, гдѣ ты былъ, тиранъ, невѣрный? Опять у своего Багрянскаго?

— Его нѣтъ въ городѣ, отвѣчалъ Верховской.

— И вѣрно, все за тѣмъ же дѣломъ? Прошу мнѣ о немъ не поминать; c'est fini, надолго. И Багрянскій мнѣ надоѣлъ. Вотъ, у насъ есть лучше твоего секретъ о Багрянскомъ.... А, что́? сказать?

Ей хотѣлось оказать мужу вниманіе.

— Но.... замѣтилъ Волкаревъ.

— Что́ такое? спросилъ Верховской, котораго заинтересовало его смущеніе.

— Ахъ, онъ у меня умница, никому не скажетъ! Онъ, я, c'est la même chose!

— Противъ этого.... конечно...., сказалъ Волкаревъ.

— Что́ такое? повторилъ Верховской.

— Ты бы сто́илъ, чтобъ тебѣ не говорить! мило пошутила Лидія Матвѣевна, и воспользовалась случаемъ вспутать ему волосы. Видишь, у Багрянскаго сынъ. Я и, вотъ, Marie Волкарева просимъ, чтобъ дали..... ахъ, что́ такое? чинъ, кажется этому сыну....

— Марья Васильевна не разсказывала вамъ судьбу этого несчастнаго молодого человѣка? прервалъ серьезно Волкаревъ.

— Нѣтъ.

— Онъ разжалованъ. На Кавказѣ; сражался, кажется, отличился.... Счастливая случайность: тамъ одинъ родственникъ князя Петра Александровича, тоже юный изгнанникъ, Гриша Заметовъ.... вы, можетъ быть, встрѣчали?

— Ахъ, въ Петербургѣ! Il dansait toujours des polkas impossibles....

— Ну, да... Тамъ, на Кавказѣ, въ одной глупой исторіи, Багрянскій его, какъ говорится, выручилъ. Они сошлись. Гриша, чрезъ своихъ, писалъ, постарался, — Багрянскаго представили въ офицеры. А вотъ, теперь, — тамъ была какая-то стычка, онъ раненъ и проситъ объ отставкѣ.... Десять лѣтъ военной службы, одиночество, климатъ.... ужасно!... Enfin, l'homme est à bout.... Отставки могутъ и не дать. Онъ, — въ крайности, человѣкъ ищетъ вездѣ! Онъ обратился ко мнѣ, не могу ли я содѣйствовать, чтобъ ему дали отдохнуть, выпустили бы его, возвратили бы семьѣ. Прекрасно пишетъ.... Вы имѣете понятіе объ отцѣ. Отецъ не

далъ порядочнаго воспитанія и дочери, а сынъ явился на свѣтъ еще раньше, — и меньше средствъ, и меньше попеченій....

— У Багрянскаго дочь? спросила Лидія Матвѣевна.

— Да.... Слѣдовательно, съ молодого человѣка и требовать бы невозможно много. Но онъ самъ о себѣ позаботился, образовался.... и даже очень недурно, очень достаточно, судя по его письмамъ ко мнѣ, къ Марьѣ Васильевнѣ.... У моей жены сердце чрезвычайно нѣжное! прибавилъ онъ. Багрянскій говорилъ вамъ о своемъ сынѣ?

— Мнѣ? сказалъ Верховской:—но я всего два раза его видѣлъ.

— А дочь ты видѣлъ, André?

Онъ утвердительно кивнулъ головою и спросилъ Волкарева:

— За что онъ разжалованъ?

— Une histoire de caserne, enfin.... Его поступокъ нельзя судить строго. Тутъ понятія о чести.... Спросите всякаго благороднаго, пылкаго молодого человѣка — всякій сдѣлаетъ тоже! Негодяй занесетъ руку.... нѣтъ, этого не выдержитъ и старикъ! Horreur!... Багрянскій слишкомъ жестоко наказанъ. Я не говорю ничего противъ....

Онъ смѣшался.

— Не намъ судить, кто и какъ наказываетъ! продолжалъ онъ шопотомъ: — но всему есть мѣра. Три года опасностей, лишеній, униженія — довольно!... Я сдѣлаю все возможное, употреблю весь свой кредитъ....

— Изъ чего вы хлопочете? прервала Лидія Матвѣевна.

— Я старикъ, ma belle et bonne amie, отвѣчалъ съ глубокимъ чувствомъ Волкаревъ. Когда видишь уже вблизи передъ собою эту темную границу жизни... Прощеніе врагамъ....

Его голосъ прервался отъ волненія.

— Я не отецъ, но понимаю сердце отца! Старика Багрянскаго убиваетъ несчастье его Виктора: онъ будетъ ему возвращенъ. Они будутъ счастливы! Я готовъ предоставить мѣсто, найти мѣсто.... ну, столкну кого-нибудь, а дамъ мѣсто сыну моего врага! Вотъ мое мщеніе. Пусть меня бранятъ, а я это сдѣлаю, я не могу иначе, потому, что я знаю — ils sont donc pauvres, имъ жить надо! я вѣдь это понимаю, не считайте меня безсердечнымъ! Молодой человѣкъ въ отчаяніи.... Tiens, me voilà faible comme une vieille femme.... Минута, когда я приведу его къ отцу, когда я скажу: «это я....» Не проговоритесь никому, милый Андрей Васильевичъ! Люди этого не понимаютъ, готовы осудить, осмѣять.... Не проговоритесь Багрянскому. Я не хочу. Одна рука не должна вѣдать, что дѣлаетъ другая. Онъ узнаетъ

меня тогда.... Я воображаю эту минуту! Я воображаю Багрянскаго!...

Выраженіе лица Волкарева при этихъ словахъ было далеко не растроганное и не нѣжное, но Лидіи Матвѣевнѣ все это ужъ наскучило и она на него не смотрѣла, а Верховскаго заняла другая мысль.

— Зачѣмъ вы мнѣ этого давно не сказали? вскричалъ онъ. Я всей душой радъ служить такому дѣлу. Я написалъ бы моему дядѣ, Александру Дмитріевичу Зурову....

— Ужъ написано! прервала, торжествуя, Лидія Матвѣевна: — чрезъ недѣлю мнѣ будетъ отвѣтъ, а дядя мнѣ ни въ чемъ, ни въ чемъ, ни въ чемъ не смѣетъ отказать! я его замучаю....

— Но еслибы вы подтвердили, дорогой Андрей Васильевичъ, сказалъ Волкаревъ:—вы объяснили бы ему.... Женщины — волшебницы въ дѣлахъ сердца, но житейская, грубая проза....

— Какъ вы смѣете намъ недовѣрять? подхватила Лидія Матвѣевна — и начались любезности....

Онѣ кончились тѣмъ, что Волкаревъ выпросилъ у нея еще два дня пребыванія въ N, и за это обѣщалъ сегодня же танцы въ клубѣ. Погода стояла прелестная, но — «красотами природы будетъ время наслаждаться въ Спасскомъ», основательно замѣтилъ губернаторъ, уходя и поздравляя себя съ тѣмъ, что такъ удачно обдѣлалъ два дѣла.

Проводивъ его, Верховской тотчасъ ушелъ къ себѣ.

У Катерины есть горе, а она ему не сказала! Онъ отдалъ всю свою душу, а у нея остались тайны! Хуже: она обманула, увѣряла, что счастлива.... За это надо отмстить.

У него замирало сердце отъ радости, *какъ* онъ можетъ ей отмстить: уничтожить ея горе. И это не легко обойдется. Нужно пожертвованіе, нравственное, трудное пожертвованіе: нужно просить родственника, котораго онъ столько лѣтъ считалъ за чужого, отъ котораго сторонился едва соблюдая приличія, человѣка пустого, человѣка дурного, человѣка, къ которому мать не обращалась ни въ какой крайности.... Но въ его рукахъ счастье Катерины и нечего раздумывать, должно протянуть ему руку. За то.... За то, можно будетъ сказать, глядя въ ея божественные глаза: «ты скрыла — я узналъ; надъ тобой была тѣнь — я ее разогналъ; ты сказала, что наша жизнь врозь — вотъ, я для твоей жизни что-нибудь значу!...»

Онъ сгоряча сѣлъ писать. Какимъ-то вдохновеніемъ, у него являлись и ловкія фразы и дружескія выраженія. Какъ-то кстати пришлось, что жена объ этомъ ужъ писала: это подтвержденіе добраго супружескаго согласія. Вотъ, всего въ жизни не пред-

видишь: хорошо, что хоть Лидія поддержала пріязнь дядюшки. Ну, Богъ съ нимъ совсѣмъ; какъ говорится — «отъ слова не станется». Письмо не присяга. Просьба не даетъ покровителю правъ надъ просителемъ. Не вообразитъ же онъ.... ну, что́ бы ни вообразилъ! Чѣмъ закончить?

Оживленный, веселый, Верховской позволилъ себѣ пошутить, что «Лидію забаловали здѣсь», что «дѣти отъ рукъ отбились»,— еще строка, и онъ обнимался съ «дорогимъ дядей», а надписывая конвертъ, вспомнилъ недавнюю царскую милость, съ которой забылъ поздравить, и четко накаллиграфировалъ: «И кавалеру....»

— Ну, адресъ сойдетъ за поздравленіе, подумалъ онъ, смѣясь.

— Чему ты одинъ хохочешь? спросила, появляясь, Лидія Матвѣевна.

— Такъ; писалъ дядѣ, ужъ запечатано. Впрочемъ, я писалъ и отъ тебя. Сейчасъ велю отдать; почта сегодня.

— Это о Багрянскомъ?

— Да.

— Ты очень спѣшишь дѣлать чужія дѣла.

— Я хотѣлъ сказать тебѣ о нашемъ дѣлѣ, началъ онъ, не обращая вниманія на замѣчаніе.

— Я говорила Алексѣю Владиміровичу; онъ мнѣ растолковалъ....

— Не знаю, что́ онъ тебѣ растолковалъ и могъ ли растолковать. Во всякомъ случаѣ, я виновный, я и отвѣчаю. Предположи, что я купилъ эту землю для себя. Сорокъ-восемь десятинъ и....

Онъ взялъ карандашъ. У него въ глазахъ замелькалъ полутемный кабинетъ, раскатанный планъ, бѣлыя руки безъ колецъ, черныя косы.... *Умноженіе* выходило затруднительно. Лидія Матвѣевна помогла.

— 2193 рубля 75 копѣекъ, подсказала она.

— Угодно ли, покуда, въ уплату, принять мои *суточныя*? спросилъ Верховской, улыбаясь.

— André, ты проказникъ, какихъ на свѣтѣ нѣтъ! вскричала она, по старой привычкѣ садясь на ручку его кресла. J'accepte, monsieur. Въ остальномъ, понемногу, сочтемся послѣ. Скажи мнѣ лучше, съ чего тебѣ вздумалось блажить и капризничать? И впередъ такъ будетъ?

— Не знаю, что́ будетъ..., отвѣчалъ онъ. Ты обѣщала быть у Волкаревой; тебѣ время ѣхать.

Въ сборахъ, въ визитахъ, въ разъѣздахъ, въ танцахъ, прошло еще два-три дня. Верховской всякій день, въ своей ранней прогулкѣ, заходилъ къ дому Катерины, обходилъ кругомъ, заглядывалъ

подъ акаціи: балконъ былъ запертъ, окна заперты, садъ пустъ.... Наконецъ, отъѣздъ въ Спасское былъ положительно назначенъ на завтра. Верховской пошелъ еще разъ и не вытерпѣлъ больше, рѣшился позвонить.

— Нѣтъ никого, сердито объявила ему нянька.

— Скажите Катеринѣ Николаевнѣ, что завтра я уѣзжаю въ деревню, не знаю когда ворочусь, приходилъ съ ней проститься.... говорилъ онъ, покуда она, не слушая, запирала двери.

Пошла на два дня, а вотъ ужъ четвертый! Ясно—она убѣгаетъ. А не убѣгаетъ, такъ хуже: она *о немъ* забыла. Ей весело, ей хорошо. Ее любятъ; кругомъ просторъ, — «самъ Господь Богъ во всей красотѣ»,—какъ сказала она тогда вечеромъ, оглянувшись на поле.... Счастливая душа, какъ мало ей надо! Не волнуетъ ее эта тревога, это болѣзненное горе, эта безсонница, эта мука ревности ко всему — къ пыльной дорогѣ, на которой отиснулись слѣды ея подошвъ.... Спокойна и холодна. Мысль убиваетъ чувство.... Что́ придумала — жизнь врозь и за-одно! Фантазія горячей головы. Какъ тотчасъ видно, что жизни не знаетъ, судитъ по сказкамъ, которыхъ начиталась въ промежуткахъ писарскаго дѣла и семейной нескладицы. Эти огневые глаза никогда не плакали,—развѣ восторженно, мечтательно.... Муза, вдохновительница, безплотная.... или сорванецъ крестьянскій мальчишка, что́ вскочитъ на лошадь безъ сѣдла и узды и гонитъ, сломя голову....

Верховской оглянулся; онъ былъ за городомъ, въ полѣ, не помня какъ зашелъ туда изъ пустого переулка. Ни души кругомъ. Томленіе, тоска, одиночество, пустота въ глазахъ, пустота въ сердцѣ, гдѣ нѣтъ ни одного стремленія, ни одного желанія, ни одной любви, ни одного долга, ничего, кромѣ бури, которая рветъ и уноситъ къ невозможному....

Мечтательница! толкуетъ о пустотѣ жизни! кто-жъ ее не знаетъ, эту пустоту? Эта пустота — провальная яма: набивай ее какими хочешь идеалами, — все, какъ ключъ ко одну! Украсть одну минуту сердечнаго счастья — вотъ все, что́ можетъ сдѣлать для себя человѣкъ. А тамъ — ступай опять въ потёмки, гдѣ благоденствуютъ пошляки и подлецы, и кружись съ ними, дожидайся опять своей минуты. Только. Ничего больше не осуществишь, сколько ни придумывай: только!

Да и что́, и зачѣмъ придумывать? О, поглядишь, какъ имъ хорошо, пошлякамъ и подлецамъ, формалистамъ, эгоистамъ, беззаботнымъ, благоразумнымъ, благочестивымъ, благонамѣреннымъ! Кто имъ велитъ какъ-нибудь измѣняться, что́-нибудь уступать? Чьего голоса хватитъ среди ихъ крика, чьей силы противъ этихъ

рожновъ? Громъ грянетъ — они не перекрестятся; чего отъ нихъ ждать? Наставлять ихъ примѣромъ? Какой имъ примѣръ одна убогая единица, которая, среди нихъ, осмѣлится жить по-человѣчески, на свой ладъ.... безъ спроса?... Хотя бы такихъ единицъ набралась и тысяча....

— «Тысяча....»,—повторилъ онъ про себя, отвратительно улыбаясь.

Негодующая мысль поднялась-было пошире и, какъ муха о стекло, стукнулась опять о собственное положеніе. Верховской вспомнилъ жену.

Вотъ, ее здѣсь на рукахъ носятъ; пришлась по вкусу.... А онъ-то, мѣсяцъ назадъ, фантазировалъ отдохнуть въ провинціи отъ суеты, холодности.... еще чего? Вотъ, предстоитъ отдыхъ полнѣйшій, на лонѣ природы, въ объятіяхъ.....

— Да есть ли у меня жена, есть ли у меня семья? вскричалъ онъ, и остановился. На него оглянулись ребята, игравшіе на краю дороги, подъ ветлой у колодезя. Начиналась слобода. Верховской подумалъ, что его, пожалуй, сочтутъ за сумасшедшаго, застегнулъ пальто, поправилъ шляпу и пошелъ, красиво помахивая палкой....

Верховской засталъ жену въ сборахъ и у нея — Духанова, который зналъ все, что́ происходило у нихъ и, провѣдавъ о завтрашнемъ отъѣздѣ, явился съ предложеніемъ своихъ услугъ. Лидія Матвѣевна была чрезвычайно довольна его предупредительностью и чрезвычайно съ нимъ любезна. Онъ вызвался нанять лошадей, заготовить подставу, и для этого просилъ позволенія поѣхать впередъ и въ домѣ распорядиться, чтобъ былъ готовъ чай, обѣдъ, или, какъ будетъ угодно — «фриштикъ». Лидію Матвѣевну пріятно поразило это слово.

— Вы жили въ Петербургѣ? спросила она благосклонно.

— Нѣтъ-съ, отвѣчалъ съ скромной грустью Духановъ.

— А я думала. Вы такъ держитесь.

— Старался образовать себя, отвѣчалъ онъ еще скромнѣе, сожалѣя, что Лидія Матвѣевна не имѣетъ никакого титула, который бы можно было ловко приставлять въ заключеніе рѣчи.

Ему оказали честь — позволили ѣхать и распоряжаться. На этомъ засталъ ихъ Верховской. Духановъ тотчасъ же откланялся, молча, и на этотъ разъ, самъ первый подалъ руку Лидіи Матвѣевнѣ.

— Ты, вѣрно, ничего не далъ ему за хлопоты? спросила она, когда онъ вышелъ.

— Ничего.

— Какъ же это?

— Я затруднялся, что́ ему по вкусу, отвѣчалъ Верховской.
— Это очень просто спросить....

Отдѣлавшись отъ прощальной folle-journée, которую все его семейство провело у Волкаревыхъ, Верховской не могъ отказаться отъ вечера и сбирался туда, когда Лидія Матвѣевна прислала домой, спать, дѣтей и m-lle Роше. Мысль Верховскаго, вообще, такъ безсвязно переходила съ одного предмета на другой, что вдругъ, нечаянно, коснулась и положенія гувернантки: дѣвушка молодая, хорошенькая, образованная, и, изъ каприза, лишена даже пустого развлеченія. Верховскому стало совѣстно и вздумалось извиниться

— Вамъ скучно, милая m-lle Роше? спросилъ онъ. Вы, можетъ быть, хотѣли бы возвратиться туда? Дѣти могутъ ложиться; пойдемте со мною.

— Благодарю, возразила она: — я предпочитаю мою скуку. Не потому, чтобъ я тамъ была глухонѣмая: языкъ этого общества.... съ улицы, но понять еще можно. И не трауръ мой, и не національность.... Эти дамы и господа совсѣмъ особеннымъ образомъ любятъ свое отечество! Но они, просто, невыносимы, и я не понимаю *вашего* терпѣнія!

— Что́ же вы скажете, когда будете въ деревнѣ? спросилъ Верховской, не совсѣмъ пріятно задѣтый и ожидавшій больше любезности за свое любезное предложеніе.

— О, деревня, я ее люблю! Идешь, мечтаешь. Буду рисовать акварелью. Лишь бы это не обязало меня давать уроки акварели вашимъ дѣтямъ?

— Даю вамъ слово, что́ нѣтъ, отвѣчалъ, улыбаясь, Верховской: лишь-бы я могъ надѣяться получить отъ васъ рисунокъ.

— Нѣтъ, сказала она: — не получите.

Она сказала такъ равнодушно и смотрѣла такъ прямо, что безъ сомнѣнія, не затруднилась бы отвѣчать, еслибы ее спросили: почему? Верховской не спросилъ.

— Итакъ — добрый вечеръ, сказалъ онъ послѣ минуты молчанія.

Она почтительно поклонилась.

«Это, однако, скучно....», думалъ онъ дорогой. Его безпокоило что-то новое, неопредѣленное.

У Волкаревыхъ было какъ всегда, одно и тоже, танцы, карты, говоръ. Верховской, какъ сто разъ прежде, выстоялъ у колонны, подошелъ къ игрокамъ, сказалъ десятокъ словъ. Говорили о политикѣ; онъ послушалъ. M-me Волкарева читала патріотическое стихотвореніе, назначавшееся въ печать. Верховскому показалось что́-то знакомое — и какъ-же не знакомое? Это была басня, за

которую былъ споръ съ Багрянскимъ. Поэтъ-писарь нашелъ покровителей въ Волкаревыхъ. Раздавались восклицанія, что это «неотдѣланный алмазъ», что «légérement modifié» это будетъ превосходно.... Верховской машинально всталъ, машинально пошелъ дальше по комнатамъ и очутился въ маленькой гостиной; тотъ же сумракъ, тоже отворенное окно....

«Ужъ и воспоминанія!...» подумалъ онъ.

Занятый своей мыслію и невнимательный, онъ не сейчасъ замѣтилъ, что не одинъ. Недалеко отъ окна сидѣла m-me Горнова съ другой знакомой дамой. Верховской хотѣлъ уйти и было неловко: эта дама съ нимъ заговорила и скоро ушла сама. Верховской еще неловчѣе, глупо смутился. Ему не была непріятна, но его какъ-то безпокоила встрѣча съ m-me Горновой. Онъ, этими днями, видалъ ее не разъ, но ни разу не оставался съ нею одинъ и не разговаривалъ долго. Лидія Матвѣевна познакомилась съ нею и m-me Горнова была у нея. Верховской не видалъ ни того, ни другого визита, но замѣтилъ, что встрѣчаясь, онѣ не разговаривали. Ему, m-me Горнова говорила самыя незначащія вещи, никакъ неотносившіяся ни къ чему, что̀ его касалось, не предложила ни разу даже вопроса о здоровьи, который предлагали Верховскому въ теченіе этихъ дней всѣ, кто только съ нимъ встрѣчался; не скрывала, что видитъ и понимаетъ его положеніе, но не навязывалась съ обиднымъ участіемъ, не шутила, не лукавила, ни намёкомъ не шла на встрѣчу откровенности, на которую скромно не считала себя въ правѣ, была проста, привѣтлива по прежнему, но не по прежнему весела. Верховскаго безпокоилъ ея открытый, равнодушный и вмѣстѣ серьезный взглядъ, какого онъ не видалъ у нея до этихъ поръ.... Онъ вспомнилъ свою встрѣчу съ нею на балѣ, передъ той минутой, которая переломила всю его жизнь. Судьба будто нарочно послала эту женщину, чтобъ разбудить его сердце; ея красота дала жсланіе красоты, любви.... И потомъ, въ тотъ вечеръ, у этого окна, — опять она же встрѣтилась....

— Вы все лѣто останетесь въ городѣ? спросилъ онъ какъ-то невольно.

— Все лѣто. У насъ пѣтъ деревни.

— «У насъ....», повторилъ мысленно Верховской, между тѣмъ какъ она продолжала:

— У насъ при домѣ большой садъ; я ужъ давно тамъ цѣлые дни. Моя дочка начала ходить; слѣжу за первыми шагами.

— Это еще не самые рѣшительные, сказалъ Верховской.

Она промолчала.

— А какіе шаги труднѣе, первые или дальнѣйшіе? продолжалъ Верховской, самъ не зная зачѣмъ.

— Въ какомъ смыслѣ? спросила она серьезно.

— Въ какомъ хотите.

— Если первые шаги вѣрны, то дальше бояться нечего.

— Въ какомъ смыслѣ? повторилъ Верховской.

— Въ какомъ хотите, повторила она.

Она какъ-будто не хотѣла говорить, а не уходила изъ учтивости, или оттого что покойно сидѣла. Верховской не обидѣлся, а какъ-то огорчился.

— За что́ вы на меня не въ духѣ? спросилъ онъ.

— Не въ духѣ? На васъ?

— Развѣ вы не видите, что я добиваюсь добраго слова?

— Вы знаете, я не умѣю ихъ говорить.

— Нѣтъ, очень умѣете, возразилъ онъ, ободренный мило-кокетливой добротой, которая послышалась въ ея голосѣ. Очень умѣете, потому я и ждалъ, что вы мнѣ подарите такое слово на прощанье.

— На прощанье?

— Да. Я уѣзжаю...

— Въ самомъ дѣлѣ? Совсѣмъ? Въ Петербургъ? спросила она вдругъ живо, искренно обрадовавшись.

— Въ деревню.

— А!... Какіе бываютъ люди прихотливые! сказала она, вставая, громко смѣясь и не скрывая насмѣшливой, беззаботной злости: — придумаютъ себѣ благополучіе и еще хотятъ, чтобъ ихъ напутствовали добрымъ словомъ на этотъ рѣшительный шагъ.... Извольте, m-r Верховской: je vous souhaite beaucoup de plaisir à Спасское.

Верховской не успѣлъ оглянуться, какъ она ушла. Онъ видѣлъ потомъ, какъ она долго говорила съ Лѣсичевымъ и уѣхала, не прощаясь. Танцы, карты, ужинъ длились всю ночь.

На слѣдующее утро, громадныя кареты, наполненныя семействомъ, домочадцами и имуществомъ Верховскаго, наконецъ выѣхали за N—скую заставу. Послѣ многихъ споровъ, Верховской былъ избавленъ отъ заключенія внутри экипажей и получилъ право взять перекладную. Отправивъ семейство, онъ ужъ бѣжалъ съ лѣстницы, чтобы воспользоваться получасомъ и еще разъ навѣдаться—*тамъ*; ему на встрѣчу всходилъ Лѣсичевъ.

— А, ужъ уѣхали? я опоздалъ? А вы куда?

— И я сейчасъ ѣду, отвѣчалъ Верховской: — посылаю за почтовыми...

— А я опоздалъ проститься, дѣлать нечего! Но почему, сейчасъ разскажу.... C'est qu'on revient toujours...

— A ses moutons.

— A ses amours, ледяной счастливецъ! Я иду къ вамъ, и у бульвара.... Отгадайте!

— Она?...

— Кто «она»? повторилъ Лѣсичевъ, лукаво любуясь тѣмъ, что происходило на лицѣ Верховскаго и хохоча отъ собственнаго сердечнаго веселья; оба чувства были совершенно искренни и въ совершенно равной степени. Кто «она»? Назовите!

— Катерина Николаевна, выговорилъ Верховской, опомнясь и какъ могъ равнодушнѣе.

— Она! Ну, право, я какъ дуракъ влюбленъ! Я ее не видалъ... съ тѣхъ поръ. Иду—встрѣчается. Чортъ знаетъ что такое, еще похорошѣла. Глаза.... Я не помню чего ей наговорилъ. Нѣтъ, это такъ не останется, нѣтъ, я добьюсь!... Она смѣется: — «ступайте прочь». Я сказалъ, что приду вечеромъ: «Пожалуй...». *Пожалуй*! Дружбу вмѣсто любви! благодарствуйте! Позволила приходить — всякій день буду ходить....

— Куда она шла? прервалъ Верховской.

— Въ лавки.... Нѣтъ, я вечеромъ тамъ, всякій день тамъ. Я не знаю, что̀ будетъ и знать не хочу. Буду на нее смотрѣть. Буду дурачиться, ну пусть пальцемъ на меня показываютъ. Надо мной нѣтъ начальства. Я готовъ съ каланчи спрыгнуть....

Онъ сумасшествовалъ цѣлый часъ. Перекладная Верховскаго давно звенѣла колокольчикомъ. Верховской все ждалъ, что онъ уберется, но Лѣсичевъ объявилъ, что уйдетъ только въ послѣднюю минуту, и наконецъ, самъ напомнилъ:

— Поѣзжайте, Андрей Васильевичъ, *ваши* теперь ужъ близко станціи.

Верховской уѣхалъ.

VII.

Прекрасное лѣто 1854 манило на деревенскую нѣгу. Сравнительно съ столицами, губернскіе города, гдѣ лѣтомъ остаются все тѣже служащіе чиновники и ихъ семейства, — пустѣютъ меньше, но пустота все-таки замѣтна. Въ N кончились увеселенія; кто уѣхалъ, кто сбирался уѣхать. Даже на улицахъ стало тихо; дни шли долгіе, свѣтлые, только работать и думать. N-ское оставшееся общество никогда не дѣлало ни того ни другого, не начинало и теперь, и пользовалось временемъ, чтобы еще немножко позабыть службу, вдохновиться на новыя сплетни, счесться

съ расходами, свести экономію, покрѣпче выспаться. Недѣли двѣ стояло это блаженное затишье, и вдругъ его что-то возмутило. Издали будто повѣяло непогодой. Въ тишинѣ начало что̀-то слышаться, съ одной стороны, съ другой. Слухи неопредѣленные, глухіе, смутные, невѣроятные, какіе-то обидные, безпокойные, страшные. Въ газетахъ что-то особенно кратки извѣстія, много стиховъ и много анекдотовъ; анекдоты умилительные, стихи восторженные, а читать ихъ какъ-то нѣтъ терпѣнія. Много толковъ о деньгахъ, о пожертвованіяхъ. Писемъ отовсюду мало и идутъ они какъ-то особенно долго. Проѣзжіе озабоченные, рѣдкіе; за то часто мчатся казенныя тройки. Прошли два полка, но ужъ не давали баловъ. Все какъ-то вдругъ затемнѣло, захолопуло. Въ слободахъ не слышно пѣсень; въ Троицынъ день не было хороводовъ. Куда-то изчезъ народъ, встрѣчаются одни рабочіе; загорѣлыя лица глядятъ сурово, головы клонятся ниже, но это не робость или покорность, а что-то, что̀ не усмиряется по приказу. На женщинахъ показались черныя платья; это еще бѣдный черный каленкоръ и каленкоровые плёрезы, гроза еще не высоко, но ужъ поднялась, ужъ чувствуется, что идетъ она, все томительнѣе, все тревожнѣе. Въ церквахъ новыя молитвы, новые молебны.... вдругъ, съ амвона, манифестъ о новомъ наборѣ.... Съѣздъ дворянъ, предводителей. Волкаревъ хотѣлъ сказать рѣчь и удачно заглушилъ ее умиленіемъ. Пожертвованій очень много. Жертвуютъ и купцы, и мелкіе чиновники, и ремесленники, и духовенство. По вечерамъ огни и карты въ клубѣ. Съ утра пріѣзжій полковникъ, *власти*, доктора, всѣ въ мундирахъ, въ треуголкахъ, скачутъ, мечутся, суетятся. Съ утра толпы на площади у присутственныхъ мѣстъ, телѣги, и тощія лошади у постоялыхъ дворовъ, бабы и грудные ребята подъ ветлами на дорогѣ. Прощанья наскоро: недосугъ; въ деревнѣ дворы остались пустые; одинъ идетъ умирать не зная за что́, другіе знаютъ, что идутъ умирать на работѣ. Барабанный бой; пѣсня съ гиканьемъ и присвистомъ надъ сѣрой, запыленной вереницей народа, отъ котораго затемнѣла улица, и только сверкаютъ выбритые лбы и потерянно удалые взгляды....

Катерина стояла подъ окномъ и смотрѣла, заломивъ руки....

Что̀ бы теперь быть въ уѣздѣ, съ отцомъ. Тамъ составляются списки, назначаются рекрутскія очереди. Нищета, притѣсненія, несправедливости.... Въ такое время, проклятое зло хуже лѣзетъ изъ всякой щели. Въ бѣдѣ, безъ толку, безъ совѣта, сами эти несчастные ухитряются вредить одинъ другому и сами себѣ, тоже несправедливы, тоже жестоки—изъ самосохраненія!... Можно бы узнать правду, многому помочь. Помочь отцу разобраться

среди тяжкой необходимости и этой горькой нужды. И на сердцѣ было бы легче. На глазахъ лучше: по крайней мѣрѣ — все ясно, голова занята, человѣкъ самъ окунулся въ дѣло. Когда человѣкъ въ дѣлѣ, онъ хладнокровнѣе принимаетъ несчастье; онъ не слѣпъ, онъ понимаетъ причины; по возможности поправляетъ неизбѣжное—хоть устаетъ физически, а для души и это отдыхъ.... А тутъ, въ сторонѣ отъ всего, смотри, покоряйся, молчи, рвись, связанная по рукамъ и ногамъ; плачь безъ толку, покуда слезъ достанетъ, раздавай гроши, если есть они, утѣшай фразами, если хватитъ на это совѣсти.... И въ заключеніе, не смѣй вымолвить, что это тебя терзаетъ: не твое дѣло.... Родиться бы кошкой, овцой; вотъ, тогда, точно, ни до чего бы не было дѣла: прячь когти до случая, или протягивай шею....

Багрянскій писалъ, что еще не скоро возвратится: дѣла много. «Молись Богу и не скучай». Она не молилась, но не скучала. Скукой нельзя назвать мучительную тревогу, негодующую печаль, въ которой проходили ея дни.... Минутами, среди тревоги и печали, ее, будто огнемъ, охватывало невыразимымъ блаженствомъ. Смущаясь, улыбаясь, краснѣя, Катерина закрывала лицо; мысль кружилась, уносила Богъ знаетъ куда; въ сердцѣ истомленномъ, переполненномъ желаній за всѣхъ, благословеній всему,— будто лучшій цвѣтокъ на полянѣ, будто лучшая звѣзда на небѣ, рдѣло и сіяло лучшее желаніе, лучшее благословеніе—*одному*....

— О, какой тяжкій грѣхъ! говорила она, замирая—въ глазахъ цѣлый свѣтъ, а на умѣ—*одинъ*....

Но отогнать *грѣха* она не могла. Этотъ *одинъ* тоже несчастенъ, ему тоже нужно, что̀ и другимъ. Только онъ ближе, онъ— родной. Такого человѣка поберечь—сбережешь многихъ. Такому дать—онъ на всѣхъ раздастъ. Ему повѣрить—онъ не обманетъ. Онъ научитъ, онъ поддержитъ, онъ найдетъ дѣло и толкнетъ всякія праздныя руки. Въ немъ тотъ Божій свѣтъ, который люди гасятъ, вѣдая и не вѣдая. Люди сдѣлали ему много зла, допустили его усомниться въ себѣ. Какую силу, какую прелесть чуть не погубили!... Господи, и не дать ему обновиться? Что̀ для этого нужно? доброе слово, преданное сердце? Да если только годится *это* сердце, если только можетъ *это* слово.... Онъ еще прежде, не спрашивая, отдалъ сокровище больше....

— Охъ, кажется, я съ ума сошла....

Преданность.... Какая преданность? Ему нуженъ человѣкъ крѣпкій, надежный, а не одна кротость, нѣжность да лелѣянье. Это все извращенныя глупости. Кто пѣжитъ — балуетъ и самъ балуется. Хуже: это стѣсняетъ. Человѣкъ сильный тяготится лелѣяньемъ, изъ деликатности къ слабому совѣстится освобо-

диться, — а между тѣмъ его жизнь испорчена, его силы потрачены даромъ, его умъ облѣнился....

Она оглянулась кругомъ....

— А я что́ дѣлаю? Я лѣнюсь! Развѣ ему такую нужно? Виновата передъ другими—виновата передъ нимъ!

Она поспѣшно, съ испугомъ начала провѣрять, что́ дѣлала, и не могла припомнить этихъ двухъ недѣль. Работа была заброшена; читать она не могла, въ кабинетъ отца не заглядывала; хозяйство, хоть несложное, было совсѣмъ забыто.... Она думала, тосковала.... Это еще не занятіе.... Конечно, всѣ эти мелочи кругомъ себя — не труды для цѣлаго міра; ихъ тоже, пожалуй, нельзя назвать занятіями.... Но до *цѣлаго міра* далеко; въ ожиданіи трудовъ для него, можно цѣлый вѣкъ пролежать на боку, думая и тоскуя....

— Это другимъ смотрѣть тошно...., рѣшила Катерина.

И должно быть, въ самомъ дѣлѣ такъ, потому что Маша, безуспѣшно попробовавъ завести разговоръ, ушла, сѣла на балконѣ одна и, мурлыкая пѣсню, дошиваетъ рубашку Лѣсичева. Это уже не шутка, это ужъ перемѣна въ образѣ жизни, это уже разрывъ съ доброй, хорошей подругой, милѣе которой нѣтъ. Это—ученица, воспитанница. Оставить ее, она, отъ скуки, отъ одиночества, опошлится какъ тысячи горничныхъ. А развѣ Маша горничная? Это—сестра.

Сестра.... А братъ?... Отчего такъ изъ памяти вонъ его письмо и все, что́ въ письмѣ?

— Оттого, что памяти не сто́итъ...., сказала себѣ Катерина и, захвативъ по дорогѣ книжку съ этажерки, вышла на балконъ.— Маша, мы вѣдь не дочитали о подводномъ телеграфѣ....

— Ахъ, слава тебѣ, Господи! вскричала Маша, скинувъ съ колѣнъ шитье и бросаясь цѣловать ее, когда она присѣла рядомъ на ступеньку:—а то я ужъ и не знала, что́ съ вами сдѣлалось!...

Катерина никуда не выходила. У нея только одинъ разъ былъ Лѣсичевъ; этимъ временемъ и ему нашлось дѣло: въ крайности общественныхъ обстоятельствъ, Волкаревъ былъ вынужденъ послать своего jeune-premier чиновника въ уѣздъ. Но и этотъ единственный вечеръ не удался Лѣсичеву; явилась m-lle Ольга, помѣшала разговору, занимала всѣхъ собою, просидѣла дольше гостя и откровенно призналась Катеринѣ, что приходила посмотрѣть на поклонника у ея ногъ. Къ великому негодованію няньки, къ Катеринѣ не ходили «хорошіе гости». Зашла жена одного частнаго землемѣра, послѣ обѣдни въ праздникъ, но у бѣдныхъ людей нѣтъ праздничныхъ разговоровъ. Эта гостья,

впрочемъ, не жаловалась на судьбу, а только сказала, что ея мужу предлагаютъ очень выгодную работу, но приходится отъ нея отказаться, потому, что надо бы ѣхать завтра, а ему даны скопировать два плана.

— Зачѣмъ отказываться, сказала Катерина: — дайте, я скопирую. Мнѣ не въ первый разъ, я это очень люблю и дѣлать мнѣ нечего. Попросите ко мнѣ вашего мужа.

Предложеніе было неожиданное, сконфузило; пришлось настаивать, но землемѣръ пришелъ и кончилось тѣмъ, что съ этого же утра Катерина превратила свою комнату въ чертежную и простаивала до вечера надъ огромной доской съ гладкой сверкающей бумагой, работая циркулемъ и линейкой, и хозяйничая красками. Она не помнила, какъ и у кого выучилась чертить, но это было ея любимое занятіе, хотя рѣдкое. Отцу оно нравилось; онъ наградилъ ее за успѣхи щегольской готовальней и великолѣпнымъ ящикомъ красокъ, которые Катерина берегла, какъ иныя женщины не берегутъ брилліантовъ.

— Вѣкъ свой малолѣтная! говорила нянька, когда та любовалась на ловко свернутый кончикъ толстой кисти.

Руки были заняты.... Раскрашивая узенькія клѣтки бѣдной *чрезполосицы*, Катерина думала о другомъ. Она все думала, что *онъ* богатъ, и въ этой мысли было что-то досадное. Никогда не встрѣтится необходимости помочь ему, вотъ такъ, чѣмъ умѣешь. Дѣлать для другихъ—весело; для него—было бы счастье...

Вечеромъ пришелъ сынъ отца дьякона, и столько читали, считали, толковали, разбирались въ книжкахъ, чертили карандашемъ, что нянька потеряла терпѣніе. Она еще молчала, но когда Катерина, замѣтивъ, что нужна еще какая-то книга, тутъ же написала своему книгопродавцу и попросила семинариста завтра отправить это письмо,—нянька больше не выдержала.

— Ты, никакъ, свой бурнусъ третій годъ носишь, сказала она.

— И еще три проношу, не выросту, отвѣчала Катерина.

По уходѣ гостя, нянька читала ей мораль, что къ ней не станутъ ходить настоящіе господа, хорошіе гости, если она все будетъ сидѣть такъ-то съ кутейниками и горничными. Катерина въ это время переплетала свои косы и думала, какъ теперь Андрей Васильевичъ возится, заводитъ у себя школу. Дума была такая восхитительная и вмѣстѣ почему-то казалась такая забавная, что Катерина то и дѣло улыбалась. У нея въ груди было будто не сердце, а птичка, которая скакала и пѣла. Прелестно. Не земля подъ ногами, а ширь, просторъ, вольный воздухъ....

Она вспомнила, что завтра хотѣлъ придти мальчикъ, под-

мастерье часовщика; она обѣщала дать ему прочесть описаніе фрейбургскаго органа.... дай Богъ память, гдѣ оно?...

— Ну, нянька, покойной ночи, прервала она, отправляясь со свѣчкой къ своимъ этажеркамъ, остановилась подлѣ нихъ, читала, стоя. Балконъ былъ отворенъ, ночь чудесная.

Что̀ *онъ* дѣлаетъ теперь?... Что́ такое его жизнь?

— Какая я глупая, говорила она себѣ, улыбаясь. Вѣдь, вотъ, приходила Ольга; она бывала на всѣхъ весельяхъ, на всѣхъ вечерахъ. Что̀ бы мнѣ распросить ее толкомъ. Только и знаю, что его жена всегда бывала нарядна. Но какъ они вмѣстѣ, что́ говорилось....

О, гадость какая, сплетни....

Однако, знать хочется, знать нужно. Съ послѣдняго свиданія въ полѣ прошло ужъ три недѣли. Еслибы видѣть *его* хоть на минуту! Онъ былъ, приходилъ.... Зачѣмъ же она сама отъ него убѣгала?

А она, точно, убѣгала. Что-то страшное для нея самой показалось ей въ своемъ собственномъ чувствѣ. Ей показалось, что она не имѣетъ права — не совѣтовать, не говорить доброе слово — но не имѣетъ права любить. Это право той, другой,... жены. Ужъ и совѣтомъ, и словомъ, и пріязнью она становится поперегъ пути этой другой женщины, а своей отвѣтной любовью она ее совсѣмъ вытѣсняетъ.... Какой ужасъ!

Это нечестно. Она его тоже любитъ. Она была молода, молода и теперь.... Говорятъ, хорошенькая.... это все равно. Онъ женился не любя, но она-то любила. Кто знаетъ, что́ у нея было на душѣ? Если тоже, что теперь, вотъ, въ этой безумной душѣ, которая рвется къ нему.... А что́ же могло быть другое? Какъ же быть такъ близко къ этому безцѣнному свѣту и также не любить его? и вдругъ его отнимутъ....

Женился не любя.... Только ради его горя, его святой усопшей, ему это прощается! Искушеніе, точно, было ужасно. Но за что̀ же, почему же онъ не полюбилъ, не любитъ жены?.... Это надо узнать; это надо видѣть. Надо, не робѣя, пойти и посмотрѣть.

Какъ это сдѣлать?.... Все равно. Все можно сдѣлать. Люди дѣлаютъ все, что̀ захотятъ.... И всегда удачнѣе то, что́ не должно. Должно ли это сдѣлать?

Катерина не лукавила съ своей совѣстью. Она, точно, безумно хотѣла видѣть его, этого человѣка, который сталъ ей такъ милъ, такъ дорогъ—но не дороже цѣлаго свѣта. Этого быть не можетъ. Дороже всѣхъ своихъ собственныхъ благъ, дороже самой себя,—объ этомъ и слова нѣтъ! но не дороже *всѣхъ*. Она

хотѣла его видѣть, но она еще больше хотѣла знать—правъ ли онъ.... Одну минуту, эта мысль поднята въ ней что-то ужасное. Она загляпула вглубь себя и обомлѣла: ей стало стыдно, хоть умереть. Она заставила себя, въ наказаніе, отчетливо, словами, громко высказать эту мысль:

— «Я буду рада, если онъ правъ, если она его не стоитъ...»

Она выговорила и зарыдала. Она плакала надъ собой. Такого низкаго чувства она не могла бы никогда придумать—и вотъ, оно въ ней самой, живое, есть, пришло, того гляди все вытянетъ... Такъ не будетъ же этого! Будь проклята эта любовь, если она способна такъ унижать! Радоваться порокамъ другой женщины, строить свое счастье на несчастьи, на ожесточеніи милаго, краснѣть самой себя — это-то хваленое блаженство?

— Я его возненавижу, если онъ неправъ, сказала она, блѣдная, гнѣвная:—я не помогу оскорблять женщину. Если онъ не правъ — она мнѣ родная, а не онъ.

Но если онъ правъ?....

Ей показалось, что кругомъ потемнѣло.... Борьба, неизбѣжная для всякой честной души, даже предъ вполнѣ позволительнымъ захватомъ чужого — закончилась, — но за нею вставалъ какой-то страхъ, что-то, чего эта гордая душа еще не вѣдала. Что будетъ? Кругомъ что-то безъисходное....

— Я все думаю о себѣ, а я тутъ—ничто, выговорила она, вырываясь, выпархивая изъ того, что ее охватывало.—Будь что будетъ, только бы не быть виноватой!

Была въ N. особа, также считавшая недѣли и дни и не знавшая, куда ихъ дѣвать—m-me Волкарева. Не городская пыль, не іюньскіе жары ее одолѣвали. Она имѣла всѣ средства бѣжать отъ нихъ, имѣя свои вотчины на Волгѣ и въ другихъ привольныхъ мѣстахъ, но она до боязни не любила деревни, и если выносила дачи, то только съ оркестрами и публичными гуляньями. Потому, хотя и считалось, что m-me Волкарева переѣхала на дачу въ окрестностяхъ N., но она только изрѣдка навѣщала ее, катаясь въ коляскѣ, а жила въ своемъ городскомъ домѣ. Въ этомъ домѣ ей было до послѣдней крайности скучно. Пріѣздъ петербургскаго полковника подалъ нѣкоторую надежду на оживленіе, но очень не на долго. Этотъ господинъ говорилъ только о дѣлахъ,—даже не о политикѣ,—и страшно игралъ въ карты. M-me Волкарева предоставила его своему мужу и клубу Еще нѣсколько дней продолжались прощальные визиты разъѣзжавшихся дамъ, а затѣмъ все опустѣло. M-me Волкарева ски-

талась одна въ пустынѣ своего дома, утѣшая себя мыслью, что можно мечтать. Но она не умѣла дѣлать этого одна; она не могла жить одна, не могла думать одна. Единственное, что́ оставалось, Лѣсичевъ, пропадалъ неизвѣстно гдѣ; открылось, что одинъ вечеръ онъ просидѣлъ у Багрянской, а потомъ, по обыкновенію, рыскалъ по городу. А теперь и его нѣтъ. Послѣ одной воскресной службы, m-me Волкарева посѣтила архіерея.

Наконецъ, однимъ вечеромъ, одинокая въ своемъ «пріютѣ», потерявъ надежду увидѣть хоть какое-нибудь постороннее лицо, она заплакала. Было ясно, что она не понята, что жизнь ея вянетъ, что другія счастливы. Вотъ m-me Верховская. А она моложе m-me Верховской. Но какая разная участь! Огромное состояніе, красавецъ мужъ....

— Но вѣдь онъ ее не любитъ! вдругъ спохватилась m-me Волкарева.

Въ эти послѣднія недѣли ей такъ хотѣлось сердечнаго занятія, что она самымъ неблагодарнымъ образомъ забыла то, которымъ болѣе мѣсяца передъ тѣмъ наслаждалась. «Непреодолимое влеченіе» къ Верховскому разлетѣлось какъ дымъ, едва Верховской выѣхалъ за заставу, и забылось въ жаждѣ новаго влеченія. Теперь, на безлюдьѣ, Верховской вспомнился. Еще нѣсколько минутъ—и воспоминаніе пошло жарче, воображеніе заработало. Оно иногда создаетъ необыкновенныя вещи. Правда, что дѣйствительность доставляла нѣсколько матерьяла, но фантазія превосходно дѣлала свое дѣло и, чрезъ небольшіе полчаса, m-me Волкарева прохаживалась по своему «пріюту» въ волненіи женщины, помнящей свои обязанности и любимой человѣкомъ, забывшимъ свои обязанности. Прогулка завершилась внезапной остановкой у открытаго окна и громкимъ вопросомъ:

— Что́ я должна дѣлать?

Громкій вопросъ привелъ въ себя чувствительную женщину. Она была не настолько мечтательна, чтобы играть комедіи безъ зрителей; довольно, что она позволила себѣ это получасовое развлеченіе. Оно пришлось кстати, потому, что подало идею: почему не съѣздить въ Спасское?

Идея ей чрезвычайно понравилась; осуществить ее можно было хоть завтра. M-me Волкарева въ туже минуту распорядилась своими сборами, дождалась возвращенія своего супруга изъ клуба, объявила ему свое желаніе и приказала распорядиться о почтовыхъ лошадяхъ. Она не назначила надолго ли ѣдетъ, какъ вздумается, смотря потому, какъ будетъ пріятно, но посѣтить m-me Верховскую она считала своею обязанностью.

Она такъ много говорила объ этой обязанности, что, нако-

нецъ, о ней подумала и затѣмъ отуманилась. Ѣхать въ Спасское для того, чтобы любезничать съ хозяйкой—но это хуже чѣмъ сидѣть здѣсь одной. Между тѣмъ, это будетъ неизбѣжно: m-me Верховская обрадуется гостьѣ, и она, и ея кузина; отъ нихъ не отдѣлаешься, не дадутъ сказать слова.... Еслибъ былъ хоть этотъ сумасбродъ Лѣсичевъ; онъ бы ихъ занялъ по крайней мѣрѣ...

Отъ Лѣсичева ея мысль перелетѣла очень быстро, близко и натурально. Чего лучше — пригласить съ собой Багрянскую. Не совсѣмъ глупа, молчалива, будетъ сидѣть и слушать. Лидія Матвѣевна обрадуется, распуститъ свой павлиній хвостъ передъ новымъ лицомъ; m-lle Аннета тоже не станетъ глядѣть все въ одну сторону.... И предлогъ прекрасный: m-me Верховская хлопочетъ за сына Багрянскаго.... Правда, это надо сохранить въ тайнѣ.... Но, Боже мой, можно сказать, что Багрянская знаетъ, но дѣлаетъ видъ, что не знаетъ, чтобы до времени не стѣснять благодарностью, а между тѣмъ, все-таки не могла удержать своего желанія—молча, пожать руку, ну, и прочее.... Планъ вышелъ отличный. Утромъ, m-me Волкарева поѣхала къ Катеринѣ.

— Я знаю, что дома, сказала она Машѣ, бѣжавшей съ отказомъ, и вступила въ гостиную. Катерина вышла къ ней, затворяя дверь своей комнаты.—Все заняты, все однѣ, chère amie! Хоть бы меня вспомнили, я тоже одна.

Послѣдовали дружескіе распросы объ отцѣ, о здоровьи, объятія и опять жалобы на одиночество.

— Но я добрѣе васъ, я о васъ подумала, едва мелькнула маленькая возможность удовольствія. Не хотите ли прокатиться въ деревню?

— У меня дѣло, возразила Катерина.

— О, не надолго, — три, четыре дня. Со мной. Я тоже не могу пробыть долго,—мужъ одинъ, прибавила она граціозно.— Это къ моимъ хорошимъ знакомымъ, къ Верховскимъ, въ Спасское,—знаете, новое имѣніе, которое они купили, великолѣпное...

— Я незнакома съ госпожей Верховской, отвѣчала Катерина, выговаривая съ трудомъ.

М-me Волкарева, съ своимъ необыкновеннымъ знаніемъ свѣта и сердца человѣческаго, тотчасъ поняла ея замѣшательство.

— Ахъ, затворница, ужъ оробѣла, конфузится! Какой ужасъ — новое знакомство!! Позвольте вамъ посовѣтовать, милый другъ, — я немного старше васъ: il ne faut pas être sauvage à ce point. Вы немножко знаете Верховскаго?

— Знаю.

— И довольно,—а его жена—прелестная женщина, добра, образована, une petite perfection.... Между нами — только не

хороша собою, болѣзненная.... Она такъ хотѣла съ вами познакомиться.... Это я, отчасти, виновата, не успѣла.... Но такъ мила! И прелестнѣйшіе дѣти.... А деревня.... Ахъ, какъ вы пугливы, какъ нерѣшительны! Нѣтъ, я васъ увезу насильно!

— Когда же ѣхать? спросила, краснѣя Катерина.

— Сегодня, чтобъ не дать вамъ раздумать, gazelle éffarouchée; вы согласны?

— Да.

— Васъ не затруднитъ такъ скоро собраться на нѣсколько дней?

— Я, куда хотите, могу собраться въ четверть часа.

М-me Волкарева уѣхала, наградивъ ее новыми поцѣлуями и сказавъ, что пришлетъ свой экипажъ. Катерина осталась одна.

— Что я дѣлаю? спрашивала она себя съ ужасомъ: — Притворяться, лгать.... Но это—моя участь съ нынѣшняго дня!

Проклятая свѣтская неволя! Допускаетъ, поощряетъ выставку кокетства и преслѣдуетъ малѣйшій проблескъ истиннаго чувства, осмѣиваетъ, глумится, если это чувство несчастно.... А ея чувство осуждено заранѣе, осуждено вдвое: оно незаконно, оно преступно....

Преступно?... Кто это выдумалъ? По-людски-нелегально, да. Преступно ли,—еще посмотримъ. Преступно, если захватываетъ чужое нравственное право, преступно, если кому нибудь дѣлаетъ несчастье, тогда его и съ корнемъ вонъ! А если нѣтъ...

— Маша, давай, сберемся, живо сказала Катерина, входя къ ней на балконъ. — Посмотримъ, что есть у насъ.

Нянька была въ восхищеніи, что вотъ, наконецъ, слава тебѣ Господи, барышня ѣдетъ съ самой губернаторшей къ первѣйшей богачкѣ. Катерина напоминала ей, какъ она выпроваживала съ крыльца мужа этой богачки. Шутки были не искренныя, раздраженныя; Катерина это чувствовала и хуже раздражалась. Нянька этого не понимала и была слишкомъ счастлива, чтобъ сердиться. Она опрометью бросилась смотрѣть, когда подъѣхала губернаторская карета.

— Зачѣмъ вы ѣдете? спросила Маша.

— Знаю, зачѣмъ, отвѣчала въ раздумьи Катерина.

— Только не на веселье?

— Это правда твоя. Прощай, Машенька.

Маша, цѣлуя, ее перекрестила.

В. Крестовскій.
(псевдонимъ.)

ОЧЕРКИ АНГЛІЙСКАГО ОБЩЕСТВА

ВЪ РОМАНАХЪ

А. ТРОЛЛОПА.

Phineas Finn, in three volumes. 1869.
He Knew he was right, in three volumes. 1869.
The Vicar of Fulhampton. 1870.

I.

«Ежедневная англійская жизнь» — вотъ та практическая сфера, въ которую вкусъ публики въ Англіи все болѣе и болѣе замыкаетъ беллетристовъ. Объ этомъ единогласно свидѣтельствуютъ и журнальные рецензенты, и сами беллетристы, въ своихъ объясненіяхъ съ читателями. Писатель, о которомъ мы будемъ говорить, хотѣлъ дебютировать въ беллетристикѣ романомъ историческимъ. Онъ принесъ свой романъ издателю и получилъ въ отвѣтъ: «намъ нужна обыденная жизнь, сэръ; обыденная англійская жизнь, а вашъ историческій романъ (не удостоенный издателемъ и взгляда) не стóитъ той бумаги, на которой написанъ». Въ громадной массѣ ежегодно выходящихъ новыхъ англійскихъ романовъ, вы найдете очень немного такихъ, которые выходятъ изъ этой указной сферы — daily English life. Бульверъ со своими «Помпеи», «Занони» и «Послѣднимъ изъ бароновъ» имѣлъ бы теперь мало шансовъ на успѣхъ. Сфера обыденной жизни, конечно, не есть какая-нибудь вновь открытая для беллетристики область: достаточно напомнить о Гольдсмитѣ и Фильдингѣ. Но-

вость состоитъ только въ рѣшительномъ, можно даже сказать исключительномъ преобладаніи этой сферы въ англійской романической литературѣ нашего времени.

Нѣтъ сомнѣнія, что такое преобладаніе дано этой сферѣ въ литературѣ прежде всего тѣмъ фактомъ, что ее разработали такіе высокіе таланты, какъ Диккенсъ и Тэккерей. Диккенсъ, за исключеніемъ только двухъ романовъ [1]), исключительно держался ея. Тэккерей точно также удалился отъ нея только въ двухъ романахъ, несмотря на то, что его увлекалъ въ область исторіи личный вкусъ, какъ то ясно изъ частыхъ обращеній его къ прошлому, въ мелкихъ его статьяхъ. Въ «Ярмаркѣ тщеславія», правда, избрана эпоха не настоящая, и не давнопрошедшая, но это, очевидно, сдѣлано не для того, чтобы дать роману историческій характеръ, котораго онъ и не имѣетъ, какъ его не имѣютъ и «Несчастные» В. Гюго, несмотря на описаніе битвы при Ватерлоо, которое находится въ нихъ обоихъ, — а собственно для удобства: сатира Тэккерея на аристократизмъ тутъ слишкомъ рѣзка, для того, чтобы героями могли быть современники, а перенесеніе времени на четверть столѣтія назадъ нисколько не уменьшало дѣйствія романа, ибо духъ, съ которымъ онъ борется, еще далеко не исчезъ.

Диккенсъ и Тэккерей, нынѣ оба лежащіе въ вестминстерскомъ аббатствѣ, отлично знали, почему именно «обыденную жизнь», дающую столь мало красокъ для произвольной фантазіи поэта, слѣдовало, однакоже, предпочесть изображенію поэтической гибели сэра Эдгарда Равенсвуда, или картинѣ сэра Вальтера Ралея, бросающаго свой плащъ подъ ноги великой Елисаветы, или послѣдняго дня города, засыпаннаго пепломъ, или послѣдняго феодала—«дѣлателя королей». Картины Скотта и Бульвера безспорно красивы, типы ихъ живописны и повѣсть увлекательна. Но пользы въ нихъ нѣтъ никакой, и онѣ неспособны внушить серьезнаго интереса. При нынѣшнихъ полицейскихъ порядкахъ, Вальтеру Ралею никогда не удалось бы съимпровизировать бархатный коверъ для королевы Викторіи, а если бы это ему удалось, и даже неоднократно, то все-таки не доставило бы ему мѣста въ кабинетѣ, котораго составъ зависитъ отъ избирателей. Варвикъ, дѣлатель королей, во всякомъ случаѣ ничтоженъ въ сравненіи съ тѣмъ великимъ дѣлателемъ властей, какимъ пред-

---

[1]) Замѣчательно, что оба знаменитые писателя сдѣлали такія исключенія — разъ для экскурсіи въ исторію—The tale of two Cities Диккенса и Henry Esmond Тэккерея, и разъ для экскурсіи въ другую часть англосаксонскаго свѣта — Martin Chuzzlewit Диккенса и Virginians Тэккерея.

ставляется нынѣ народъ, и во всю свою жизнь не передѣлалъ столько престоловъ, сколько ихъ передѣлано на нашихъ глазахъ въ теченіи десятка лѣтъ. Мысль объ общественной солидарности и о правахъ человѣческой личности, болѣе и болѣе проникающая современность, сама по себѣ такъ велика, она ссылается не на одну личную драму, а на такую громадную массу драмъ, и дѣйствуетъ на человѣка не поверхностною игрою красокъ, а возбужденіемъ такихъ глубокихъ инстинктовъ и такихъ благородныхъ страстей, что весь поэтическій калейдоскопъ передъ ней ничто, и даже судьба «Корсара» или роковая печать на челѣ Чайльдъ-Гарольда—передъ нею являются не только лишенными могущественнаго интереса, но даже пораженными самою роковою изъ всѣхъ роковыхъ печатей — печатью фальшивости.

Что́ же сказать о тѣхъ произведеніяхъ, которыя были нѣкогда въ модѣ, и которыхъ сюжеты заимствованы собственно изъ «модной» жизни, и прельщали читателей собственно изящностью описываемыхъ манеръ и изысканностью языка своихъ героевъ? Это была еще худшая фальшь, — фальшь посредственности и безвкусія. Диккенсъ и Тэккерей сознательно пошли по иной, реальной дорогѣ, и въ сатирическомъ очеркѣ Тэккерея— «Novels by eminent hands» достаточно высказано сознаніе имъ разныхъ видовъ фальши, при чемъ достается и Бульверу. Замѣчательно, что въ то же время, когда обыденная жизнь завоевываетъ беллетристику, она тѣснитъ и самихъ поэтовъ. Теперь именно Байронъ въ Англіи рѣшительно непопуляренъ; о немъ не любятъ говорить, его никогда не цитируютъ. Теннисона, правда, любятъ и печать считаетъ долгомъ восторженно привѣтствовать каждое новое его произведеніе. Но популярнымъ Теннисона никакъ назвать нельзя: его любятъ аматёры изящной лирики, какъ гастрономы любятъ бордо́, закупоренное въ «годъ кометы». И самыя тѣ свойства, за которыя любятъ Теннисона, такъ-сказать, свидѣтельствуютъ, что «священный огонь» лирики утратилъ свое господство надъ сердцами современниковъ: Теннисона любятъ за выработку стиха, за спокойствіе, правильность, изящность, деликатность, однимъ словомъ, за всѣ свойства противоположныя характеру «высокополетнаго» поэта, какимъ представляется, напримѣръ, заблудившійся въ нашу эпоху Викторъ Гюго́.

Сказавъ, что Диккенсъ и Тэккерей (чрезвычайно уважавшій Диккенса) сознательно пошли по иному, реальному пути, мы должны однакоже оговориться о ихъ различіи. Оба они обрабатывали обыденную жизнь не праздно, а съ плодотворною мыслью: у Диккенса главная мысль — гуманность, у Тэккерея — борьба

съ предразсудкомъ о внѣшнемъ достоинствѣ. Если справедливо то мнѣніе, что подлѣ зла всегда произрастаетъ лекарство, какъ вдоль дорогъ растетъ особая трава, употребляемая противъ мозолей, то совершенно естественно два великіе поэта современной жизни въ Англіи должны были раздѣлить между собою роли именно такъ, какъ они сдѣлали. Жесткость англійскаго національнаго характера и крѣпость граней, раздѣляющихъ англійское общество, болѣе всего требовали отъ мыслящихъ поэтовъ именно изобличенія жестокости къ слабымъ, картинъ насилія надъ женщинами и дѣтьми, и вопіющихъ образовъ нищеты, безвыходно стоящей между смертью и преступленіемъ. Что̀ можетъ быть поразительнѣе жизни и смерти того несчастнаго уличнаго мальчика, который никогда отъ общества не слыхалъ иного слова, какъ роковое move on (проходи) [1]), того отчаяннаго страха передъ пріютами для нищихъ, которымъ вѣчно одержима старушка [2]); того неизбѣжнаго пути къ преступленію, который изображенъ въ «Оливерѣ Твистѣ»; тѣхъ страшныхъ жестокостей разнаго матеріальнаго и нравственнаго характера, которые представлены Диккенсомъ въ описаніяхъ школъ, а иногда и семейныхъ отношеній, начиная съ нищихъ и до самой миссизъ Домби? Всѣ эти сцены изображены такъ мучительно-реально, страдающіе типы эти такъ несомнѣнно живы въ своихъ боляхъ, что дѣйствіе ихъ на читателя не можетъ быть усилено никакими объясненіями, которыхъ поэтому никогда и нѣтъ у Диккенса, а есть — и то рѣдко, краткія обращенія или призывы. Кто можетъ опредѣлить, какую огромную пользу принесъ Диккенсъ для смягченія нравовъ и для улучшенія мѣстъ призрѣнія? Опредѣлить ея нельзя, но мы очень хорошо знаемъ, что всѣ дѣйствія наши совершаются подъ вліяніемъ впечатлѣній и образовъ, запавшихъ намъ въ душу и оцвѣтившихъ наше міровоззрѣніе.

Желчное добродушіе, съ какимъ Тэккерей изображаетъ маркиза Стейна [3]), пріобрѣвшаго свой титулъ услугами личности короля, и не имѣющаго въ своей нравственной природѣ ничего, кромѣ спѣси званія и той циниической ироніи, какую внушаетъ ему собственная глубокая безнравственность, добродушіе, говоримъ, съ какимъ Тэккерей относится ко всѣмъ свойствамъ и дѣйствіямъ такихъ героевъ, какъ къ чему-то какъ будто невинному, какъ будто непонимаетъ той сущности дѣла, которую такъ рельефно даетъ чувствовать читателю—дѣйствуетъ сильнѣе юве-

---

[1]) Bleak House, Диккенса.

[2]) Great Expectations; Our Mutual Friend, Диккенса.

[3]) Vanity Fair, Тэккерея.

налова бича. Весь этотъ міръ, созданный пресыщенностью чужимъ, заѣдаемымъ трудомъ, вся эта пустошь аристократической чистокровности, представляемая какъ нѣчто вполнѣ понятное, нѣчто такое, что́ вполнѣ прилично благородному званію и служитъ украшеніемъ Великобританіи, а еще лучше — аристократизмъ лакеевъ, респектабельность ливреи, изящные разговоры выѣздныхъ лакеевъ со швейцарами [1]), презрѣніе мистера Де-ла-Плюшъ къ печати [2]), пресмыканіе всей буржуазіи, богатой и бѣдной, не только передъ лордомъ, но передъ племянникомъ, даже знакомымъ лорда, геніальная картина обуревающаго общество желанія казаться выше, лучше самого себя [3])—и все это въ такомъ тонѣ, будто все это очень хорошо, будто такъ и слѣдуетъ— какая разъѣдающая сатира! И опять скажемъ — опредѣлить сколько пользы принесъ Тэккерей для истребленія того предразсудка, который стоялъ въ Англіи поперегъ пути политической реформы, нельзя, но извѣстно, что противъ предразсудка, основаннаго на понятіи о величіи, сатира болѣе вѣрное средство, чѣмъ ученые трактаты; извѣстно также, что слово snob сдѣлалось въ Англіи ходячимъ эпитетомъ, въ которомъ содержится готовый приговоръ.

Теперь скажемъ нѣсколько словъ о различіи между Диккенсомъ и Тэккереемъ. Различіе это зависитъ не только отъ различія избранныхъ ими ролей, а стало быть и круговъ, въ которыхъ вращается ихъ творчество, но и отъ особенностей талантовъ этихъ писателей. Оба они — реалисты, но въ разной степени; оба — первостепенные юмористы, но въ различныхъ родахъ. Диккенсъ обнимаетъ болѣе широкое пространство современной жизни, чѣмъ Тэккерей, который изъ среды аристократической и лакейской выходитъ только для того, чтобы вступить въ любезную ему, и мастерски очертанную имъ среду литературную и артистическую. Нѣтъ, кажется, такой профессіи и такого положенія въ обществѣ, которыхъ бы не коснулся Диккенсъ и которыхъ нравовъ онъ не описалъ бы съ необыкновенной точностью и рельефностью. Поэтому, въ обыкновенномъ и неточномъ смыслѣ слова «реализмъ», надо бы сказать, что реализма больше у Диккенса, потому что у него больше сценъ и типовъ изъ народной жизни. Но въ истинномъ значеніи слова реализмъ,—т.-е. обузданность фантазіи, устраненіе личности писателя, и естественность дѣйствія — Тэккерей гораздо исключи-

[1]) Pendennis, Тэккерея.

[2]) Diary of C. Jeames De la Pluche, esq., Тэккерея.

[3]) The snobs of England, Тэккерея.

тельнѣе реалистъ, чѣмъ Диккенсъ. Въ Диккенсѣ часто проглядываетъ и поэтъ, забывающій о своемъ публицистическомъ призваніи подъ нашептываніемъ прелестныхъ мечтаній, увлекающійся рисункомъ для самого рисунка, а иногда даже произвольно и фантастически распоряжающійся судьбою своихъ лицъ [1]). Тэккерей всегда строго-реаленъ; онъ не забывается ни на минуту, никогда не упускаетъ изъ виду своей цѣли и дѣйствіе у него всегда совершенно естественно; оно вытекаетъ прямо изъ характеровъ и положенія дѣйствующихъ лицъ, и заботливость объ истинной реальности доходитъ у Тэккерея до такой степени, что онъ даже боится, какъ бы самая эта строгая, раціональная послѣдовательность не показалась неестественною, а потому всегда включитъ такія непредвидѣнныя обстоятельства, которыя дадутъ совсѣмъ иную и гораздо болѣе простую развязку, чѣмъ вы ожидали.

Юморъ ихъ также различнаго рода. Диккенсъ именно тогда юмористъ, когда онъ поэтъ; юморъ его имѣетъ только художественное значеніе и онъ заставляетъ васъ смѣяться громко, отъ всей души. У Тэккерея, напротивъ, юморъ — оружіе, онъ сатирикъ, и вызываетъ въ васъ не громкій, добродушный смѣхъ, а улыбку, рѣдко лишенную горечи, только улыбку, но улыбку, которая, такъ-сказать, пронизываетъ вашъ умъ, какое-то спазмодическое впечатлѣніе глубокаго комизма, такъ что невольно прерываете чтеніе и на минуту задумаетесь....

Тэккерей и Диккенсъ—оба представители и разсказчики той эпохи въ жизни британскаго общества, когда въ жизнь эту еще не проникли всѣ послѣдствія парламентской реформы 1832 года, послѣдствія огромныя, измѣнившія и складъ общества, и законы, и финансовую систему, и принципы внѣшней политики. Теперь Англія находится уже за рубежомъ новой парламентской реформы, которой послѣдствія будутъ, безъ сомнѣнія, столь же значительны, и которая сильно двинетъ англійское общество впередъ въ смыслѣ демократизаціи. Политическая реформа, передвиженіе самого центра политической силы даетъ толчекъ всему. Новое время создастъ, конечно, и новую литературу. Въ области романистовъ, мы видимъ уже писателей, обращающихся преимущественно къ изображенію классовъ такъ-называемыхъ низшихъ, буржуазіи недостаточной и рабочихъ, живущихъ понедѣльною платою. Замѣчательно, что иниціатива въ этомъ направле-

---

[1]) Для примѣра укажемъ на прелестное воплощеніе семейнаго очага въ «Cricket», и на развязку «Our Mutual Friend», обусловленную очевиднымъ насилованіемъ характера мистера Боффина.

ніи, повидимому, будетъ принадлежать женщинамъ: такіе сюжеты мы уже находимъ у г-жи Гаскелль, Джорджа Элліота, г-жи Вудъ, но направленіе это далеко еще не обозначилось, или лучше сказать, въ немъ не создалась еще душа, не высказался сознательный принципъ, соотвѣтствующій потребности общества. Новость пока еще состоитъ почти исключительно именно въ выборѣ сюжетовъ ближе къ жизни народной массы; но въ обработку ихъ примѣшиваются еще даже принципы совсѣмъ другого времени; у Дж. Элліота проглядываетъ клерикализмъ, который есть и будетъ принципомъ мертвящимъ, къ какой бы сектѣ онъ ни относился; у г-жи Вудъ [1]) мы встрѣчаемъ даже проповѣдь противъ рабочихъ обществъ и за благотворность безусловнаго правленія фабрикантовъ. Нѣтъ, однако, сомнѣнія, что новая эпоха скажется и въ литературѣ сознательно и рельефно.

Но между реформами 1832 и 1867 годовъ заключается періодъ цѣлаго поколѣнія, и духъ этого поколѣнія долженъ имѣть своихъ представителей. Реформа 1832 года нанесла ударъ исключительному преобладанію родовой аристократіи. Все прежде было устроено для нея и для нея одной. Три четверти мѣстъ въ выборномъ парламентѣ, т.-е. въ общинахъ, принадлежали ей; для нея существовали по странѣ rotten boroughs — фиктивныя избирательныя коллегіи, сохранившіяся въ силу той политической фикціи, что законный источникъ власти есть не дѣйствительный организмъ націи, а привилегія [2]); для нея существовали таможенные законы, поддерживавшіе высокую цѣну хлѣба; для нея почти исключительно служили высшія мѣста въ арміи и администраціи, и золотыя сатрапства въ колоніяхъ, и богатыя пребенды «установленной» церкви. Ея принципы управляли внутреннею и внѣшнею политикою Великобританіи, и баснословный огромностью государственный долгъ англійскаго государства сложился, главнымъ образомъ, изъ той страшной дани, какую страна принесла антагонизму своей аристократіи противъ французской революціи, повлекшему за собой и борьбу съ Наполеономъ. Десятокъ тысячъ семействъ, распоряжаясь всѣми средствами Великобританіи, нанималъ цѣлыя государства для войны съ ненавистнымъ ему принципомъ равенства, а у себя, дома, поддерживалъ тѣ порядки, при которыхъ людей хватали насильно на улицѣ и записывали въ матросы. Реформа 1832 года, перенесеніе центра политической власти нѣсколькими ступенями ниже, то-есть рас-

[1]) A Life's Secret.

[2]) Какъ то означается этимологическимъ значеніемъ самаго названія избирательнаго права въ Англіи—franchise.

ширеніе избирательнаго права произвели огромную перемѣну во всѣхъ сторонахъ британской жизни, значительно измѣнили и внутреннюю и внѣшнюю политику страны. Аристократія, «the upper ten thousands», уступила свое господство богатой буржуазіи мануфактуристовъ, торговцевъ, банкировъ, съ которыми раздѣлила свою власть аристократія крови. Рядомъ съ Apsley house, жилищемъ желѣзнаго герцога, Уэллингтона, воздвигся дворецъ Ротшильдовъ; «верхнія десять тысячъ» превратились въ «верхнія сто тысячъ». Во внутренней политикѣ пала таможенная привилегія землевладѣльцевъ, пала аристократическо-протестантская исключительность, католики уравнены въ правахъ, а наконецъ и евреи заняли мѣсто въ парламентѣ. Внѣшняя политика еще продолжала держаться прежнихъ преданій вмѣшательства, захвата и насилія, но уже только именно какъ преданій и пока не выработались новые принципы, внушенные интересомъ новаго господствующаго класса. Тотъ же Пальмерстонъ въ концѣ концовъ очутился одинокимъ представителемъ системы вмѣшательства, такъ что въ послѣдніе лѣтъ десять его жизни она считалась уже только личною его системою: общество уже забыло, что Пальмерстонъ былъ не творцомъ, а только послѣднимъ представителемъ этой системы, нѣкогда весьма реальной, пока она соотвѣтствовала интересамъ господствующаго класса.

Весь этотъ періодъ, періодъ, въ которомъ пошатнулись основы аристократической Англіи,—періодъ торжества старыхъ виговъ, продолжавшійся до того момента, когда новая реформа показала, что жизнь націи пойдетъ къ демократизаціи; что особенности англійской жизни идутъ къ исчезновенію; что Англіи суждено сблизиться съ континентомъ; что сами ветхозавѣтныя національныя партіи тори и виговъ утратили свои знамена, до такой степени, что сама новая реформа проведена торіями; и вообще, что политическая жизнь Великобританіи не можетъ покоиться на основахъ совершенно отдѣльныхъ; что спеціальныхъ политическихъ истинъ для Англіи нѣтъ; что одно историческое основаніе можетъ поддерживать неопредѣленное время только извѣстныя реформы, но не охраняетъ духа, смысла учрежденій; однимъ словомъ, что спеціальное, великобританское преданіе безсильно противъ потребностей жизни, — этотъ періодъ имѣетъ полное право на названіе *переходнаго*. Правда, названіемъ этимъ часто злоупотребляютъ, и всякое время, всякій періодъ можно назвать переходнымъ. Но когда до реформы 1832 года вы видите государство, живущее жизнью совершенно отдѣльною, устроенное на совершенно спеціальныхъ историческихъ основахъ, а со времени «скачка въ темноту», какъ была прозвана реформа

1867 года, вы видите, что государство это уже прониклось убѣжденіемъ, что историческія основы не могутъ быть нерушимы; что онѣ годятся только для формъ, а на дѣлѣ должны уступать совсѣмъ новой основѣ, именно основѣ *разумности*, которая одинакова въ Великобританіи какъ и вездѣ; когда вы видите, что политическимъ правомъ уже пользуются рабочіе; что его добиваются не безъ вѣроятности успѣха женщины; что въ парламентѣ уже ставятъ такіе вопросы, какъ преобразованіе палаты пэровъ и исключеніе изъ нея пэровъ духовныхъ, — то за промежуткомъ между этими двумя моментами общественнаго сознанія, между господствомъ воззрѣнія національно-историческаго и раціонально-общечеловѣческаго, вы навѣрное согласитесь признать особое право на названіе переходнаго.

Диккенсъ и Тэккерей — сказали мы выше — представители и разсказчики той эпохи, когда въ жизнь британскаго общества еще не проникли всѣ послѣдствія парламентской реформы 1832 года. Это особенно справедливо относительно Тэккерея, который предпочтительно избиралъ сюжеты изъ еще болѣе отдаленнаго времени. Но и многое изъ того, что̀ описывалъ Диккенсъ въ своихъ наиболѣе краснорѣчивыхъ разсказахъ, значительно ослабло. Положеніе народныхъ школъ и мѣстъ призрѣнія съ тѣхъ поръ значительно улучшилось, и даже жесткость національнаго характера до нѣкоторой степени сгладилась. Но, во всякомъ случаѣ, тѣ принципы зла, съ которыми боролись два великіе юмориста, были еще сильны и въ переходное время, далеко не исчезли и до сихъ поръ, такъ что дѣятельность ихъ обоихъ имѣла огромное значеніе для всего переходнаго періода, имѣетъ большое значеніе и до сихъ поръ, ибо общество не перевоспитывается и въ тридцать пять лѣтъ совершенно радикальнымъ образомъ. Огромную услугу оказало обществу появленіе этихъ геніальныхъ юмористовъ въ тотъ моментъ, когда оно само, это общество «тронулось» съ точки преданій; они много способствовали тому, что британское общество, котораго едва ли не преобладающею чертою въ прежнее время было самодовольство и врожденная, слѣпая увѣренность въ превосходствѣ всего своего національно-историческаго передъ иностраннымъ, стало оглядываться на себя; что самодовольство стало робѣть, а жесткость начала стыдиться себя самой. Тѣмъ не менѣе, въ теченіи переходнаго періода, и къ тому времени, когда уже сказались всѣ послѣдствія реформы 1832 года, многіе изъ типовъ и описаній Диккенса и въ особенности Тэккерея устарѣли. Напримѣръ, лордъ Стейнъ, представитель цинизма всемогущей аристократіи; лордъ Крэбсъ, настоящій злодѣй съ блестящими манерами; Альд-

жернонъ Дьюсисъ, аристократъ-шулеръ, объѣзжающій Европу для добычи,—это типы отжившіе вмѣстѣ съ типами тѣхъ милыхъ lordlings, аристократическихъ шалуновъ, которые били полисменовъ по ночамъ, и тѣхъ аристократическихъ офицеровъ фантастическаго полка «зеленой гвардіи», которые жили картами и жили для лошадей. Нравы самой аристократіи значительно смягчились и пороки ея умѣрились съ тѣхъ поръ, какъ она перестала быть классомъ всемогущимъ. Въ этомъ отношеніи разница, произведенная четвертью столѣтія послѣ реформы, огромна. Сравните аристократическіе типы «Ярмарки тщеславія» съ любыми мемуарами первыхъ трехъ десятковъ лѣтъ нашего вѣка и вы оцѣните правдивость Тэккерея. Сотни тысячъ, проигрываемыя въ карты; уличные скандалы; невоздержность всякаго рода; слава, какою пользовались five-bottle-men (выпивавшіе пять бутылокъ за обѣдомъ), и болѣе всего—фэшенебльность распутства, самодовольство его, открытая его похвальба — все это исчезло. Пороки, конечно, остались, но они перестали быть извиняемы аристократичностью; аристократія лишилась привилегіи стоять выше общественныхъ правилъ. Новое богатое общество стало и воздержнѣе и честнѣе, и типы разгульныхъ аристократовъ теперь уже не служатъ типами цѣлаго сословія.

Однакоже, повторяемъ, совершенно перевоспитаться общество не могло вдругъ. Тѣ самыя преданія, которыхъ господство уже сокрушалось въ политической жизни, въ жизни общественной продолжали, а отчасти и продолжаютъ держаться до тѣхъ поръ, пока не опредѣлились еще всѣ послѣдствія политическихъ реформъ и, совмѣстно съ поднятіемъ уровня образованія въ обществѣ, не передѣлали и общественныхъ отношеній. Такимъ образомъ, представителямъ «переходнаго періода» въ литературѣ не предстояло уже для изображенія типовъ и положеній столь рельефныхъ, какъ ихъ предшественникамъ. Переходные періоды вообще неспособны сильно вдохновлять литературу, и даже лучшіе ихъ представители отмѣчаются чертою умѣренности и даже посредственности. Для борьбы со старымъ, сокрушившимся зломъ у нихъ уже нѣтъ охоты; для проложенія новыхъ путей, для громкой проповѣди впередъ, они въ самомъ обществѣ не находятъ данныхъ: оно устало отъ только-что сдѣланнаго усилія и значительная часть его, только-что пріобрѣвшая новыя права, расположена скорѣе къ спокойному пользованію ими, къ благодарности и довольству настоящимъ, чѣмъ къ прозрѣнію новыхъ путей, къ развитію новой энергіи.

II.

Нѣтъ болѣе вѣрнаго представителя англійскаго общества въ этомъ переходномъ періодѣ, какъ Антони Троллопъ. Искусный разсказчикъ, описавшій всѣ сферы высшаго и средняго англійскаго общества, истинный реалистъ, чуждый всякой необузданности фантазіи, отличный наблюдатель, не лишенный спокойнаго юмора, соотвѣтствующаго спокойному времени, промежутку двухъ эръ, наконецъ, беллетристъ наиболѣе популярный, авторъ множества романовъ, услаждающихъ англійскія семейства въ теченіи лѣтъ уже пятнадцати, романовъ, изъ которыхъ иные переведены были и на русскій языкъ, Антони Троллопъ и самъ по себѣ заслуживаетъ этюда. Но для насъ, не-англичанъ, важна не столько личность его и оцѣнка его какъ писателя, сколько написанное имъ, большая и разнообразная картина всѣхъ главныхъ сферъ жизни высшаго и средняго англійскаго общества. Особенности этой жизни, подъ вліяніемъ побѣды раціонализма надъ исторіею въ самыхъ учрежденіяхъ Великобританіи, будутъ болѣе и болѣе сглаживаться. Раціонализмъ, требующій истинной свободы избирателя, изгонитъ историческій порядокъ открытаго избирательства, замѣнитъ его тайнымъ голосованіемъ — и вотъ весь характеръ выборовъ измѣнится; всѣ картины нынѣшней электоральной жизни станутъ достояніемъ прошлаго, сохранятся въ живописной сатирѣ Гогарта, въ юмористическихъ запискахъ Пиквикова клуба и въ нѣсколькихъ очеркахъ Троллопа. Отмѣнятъ establistment церкви въ самой Англіи, и вотъ совершенно исчезнетъ нынѣшняя жизнь многочисленнаго класса clergymen, съ ихъ отношеніями къ патронамъ, съ ихъ аристократическими привычками. Произведутъ судебную реформу—и вотъ прощай порядки Chancery и Lincoln's Inn и историческія особенности нынѣшнихъ barristers. Коснутся въ самой Англіи законовъ землевладѣнія, и измѣнится само сословіе country-squires. Когда наростетъ въ Англіи высокообразованный пролетаріатъ, какой есть въ Германіи, измѣнятся всѣ условія литературнаго труда. А когда преобладаніе въ избирательствѣ уже на самомъ дѣлѣ перейдетъ въ руки рабочаго класса, наконецъ, когда политическое право получатъ женщины и воспользуются имъ для измѣненія законовъ гражданскихъ?

Англія совершенно перестроится, англійская жизнь совершенно переродится. Мы говорили выше о той огромной перемѣнѣ, какую произвела въ жизни англійскаго общества одна реформа 1832 года. Какую же перемѣну произведутъ тѣ нововведенія, о которыхъ мы упомянули теперь? А вѣдь нововведе-

нія эти не принадлежатъ къ области мечтаній; о всѣхъ нихъ уже возбужденъ вопросъ, и о многихъ не только возбужденъ, но и поставленъ весьма серьезно, о нѣкоторыхъ даже рѣшенъ въ общественномъ сознаніи. Такъ недавно, одинъ членъ парламента положительно удостовѣрилъ насъ, что уже теперь рабочіе вездѣ, гдѣ только они *хотятъ* пользоваться своимъ правомъ, рѣшаютъ выборы. И это свидѣтельствовалъ намъ не консерваторъ, который бы впадалъ въ преувеличеніе «ужаса грядущихъ дней», а радикалъ, другъ Милля, склонный скорѣе считать то, что́ сдѣлано до сихъ поръ, недостаточнымъ, чѣмъ преувеличивать значеніе сдѣланнаго. Old England—въ смыслѣ историческонаціональныхъ особенностей и диковинъ—положительно близится къ исчезновенію, хотя сама Англія, «старая Англія», въ смыслѣ государства населеннаго благороднымъ племенемъ, оказавшимъ громадныя услуги всемірному принципу свободы, конечно, только укрѣпится своимъ обновленіемъ.

Троллопъ, какъ мы уже сказали — превосходный представитель того переходнаго періода жизни Великобританіи, когда въ учрежденіяхъ уже тронулась аристократическая неподвижность, но привычки и духъ аристократизма не поколеблены еще въ общественной жизни; когда господство въ политическихъ дѣлахъ перешло къ богатой буржуазіи, но сама буржуазія эта, занявъ мѣсто аристократіи на форумѣ, остается вполнѣ подчиненною духу аристократизма у себя дома. Троллопъ исключительно занимается описаніемъ «вседневной» англійской жизни, во всѣхъ ея сферахъ. Въ многочисленныхъ романахъ его читатель переносится то въ міръ помѣщиковъ, то въ міръ законниковъ, то въ высшія политическія сферы, то въ скромные приходы. Люди политическіе, юристы, доктора, пасторы, литераторы, чиновники проходятъ передъ читателемъ со всѣми своими вседневными аттрибутами, обычаями, условіями жизни, семейными дѣлами. И всѣ эти мѣстные типы и мѣстныя условія описываются перомъ точнаго реалиста, у котораго нѣтъ ни одной лишней черты, который фантазію держитъ на привязи и выбираетъ слова́ наиболѣе точныя, подходящія, не заботясь о красотѣ цѣлой строки и устраняя все похожее на фразу.

Естественность, вѣрность природѣ, точность описанія—вотъ главныя цѣли Троллопа. Даже драматическимъ интересомъ разсказа онъ вовсе не дорожитъ. У него не найдете тѣхъ «основныхъ секретовъ», на которыхъ выѣзжаетъ талантливая, но пустая миссизъ Браддонъ. Онъ охотно говоритъ впередъ развязку; онъ дорожитъ только *ходомъ, развитіемъ*. Не найдете у него и «тенденціи» Тэккерея или Диккенса. Цѣль его—описаніе, изо-

браженіе англійской жизни и ея типовъ. При такой скромной цѣли, Троллопъ, само собою разумѣется, никогда не сталъ бы на одну высоту съ помянутыми двумя писателями, даже еслибы имѣлъ громадный ихъ талантъ. Но это не мѣшаетъ ему имѣть свою особую, весьма значительную и *прочную* цѣну. Въ Англіи популярность свою онъ пріобрѣлъ правдивымъ воспроизведеніемъ повседневной жизни разнообразныхъ частей общества, и замѣчательнымъ умѣньемъ анализировать эту жизнь, и придать описанію самыхъ мелочей ея большой интересъ. Для насъ, иностранцевъ, это свойство, эта спеціальность Троллопа важны тѣмъ, что благодаря имъ онъ является весьма надежнымъ и обильнымъ источникомъ для ознакомленія съ этой британской жизнью, которая въ столь многомъ отлична отъ жизни континентальной вообще, а съ жизнью русскою не имѣетъ почти ничего общаго. Все это подало намъ мысль избрать Троллопа для этюдовъ по англійской жизни. Троллопъ и самъ по себѣ—повторяемъ—заслуживаетъ этюда, какъ крупный литературный талантъ; но еще болѣе пригодно для русскихъ читателей ближайшее ознакомленіе съ общественными, моральными и случайными, мѣстными, условіями англійской жизни, которой онъ является правдивымъ, талантливымъ описателемъ и полнѣйшимъ представителемъ даже въ своей литературѣ.

Антони Троллопъ—сынъ славившейся въ тридцатыхъ годахъ писательницы Франсесъ Троллопъ. Онъ родился въ 1815 году; отецъ его былъ адвокатъ. По связямъ своимъ Троллопы принадлежатъ къ тому классу, который въ Англіи называется genteel. Антони Троллопъ учился въ извѣстной школѣ Гарроу, и поступилъ на государственную службу. Происхожденіе и воспитаніе его были таковы, что онъ съ самой ранней молодости долженъ былъ познакомиться съ различными кругами британскаго общества: съ кругомъ литературнымъ, по дѣятельности своей матери; съ адвокатскимъ и судейскимъ по дѣятельности отца; съ аристократами по фешенебльной школѣ, въ которой учился; вообще же съ кругомъ преимущественно среднимъ, изображенію котораго и посвятилъ потомъ большую часть своей собственной дѣятельности. Свою литературную дѣятельность онъ началъ уже болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ. Но первыя произведенія его, какъ «The Macdermott's of Ballycloran», романъ, явившійся въ 1847 году, «The Kelly's and the O'Kelly's» — въ 1848, «La Vendée», историческій романъ, въ 1850 году, теперь уже забыты. Настоящая же, европейская извѣстность Троллопа начинается съ конца пятидесятыхъ годовъ. Въ 1857 году вышелъ «Barchester Towers», первый его разсказъ изъ міра англикан-

скаго провинціальнаго духовенства, и въ 1858 году — «Doctor Thorne», въ которомъ является міръ помѣщиковъ, въ 1859 году «The Bertrams», который касается міра литературнаго. Съ этой поры, Троллопъ пріобрѣлъ всеобщую извѣстность, какъ тонкій анализаторъ, талантливый и въ высшей степени правдивый, хотя иногда и слишкомъ медлительный разсказчикъ, и послѣдующія его произведенія только упрочили эту репутацію, скромную, но весьма солидную. Мастерскіе очерки, «Orley farm» — 1862 и «Can You forgirve her»—1864 года, одинъ изъ міра судебнаго, другой изъ міра политическаго и аристократическаго, обнаружили его замѣчательный талантъ въ полномъ свѣтѣ. Нѣкоторые изъ романовъ Троллопа первоначально явились въ «Cornhill Magazine», журналѣ, основанномъ Тэккереемъ, «The last Chronicle of Barset» выходилъ еженедѣльными отрывками 1866—1867. Назовемъ еще другіе главные разсказы Троллопа: Framley Parsonage, вмѣстѣ съ Barchester Towers и The last Chronicle of Barset, описываютъ міръ клерикальный; Doctor Thorne, the Small House at Allington, The Claverings, The Belton Estate, и ирландскій романъ Castle Richmond, посвящены преимущественно изображенію міра помѣщичьяго, но касаются и міра чиновничьяго (House at Allington и Chronicle of Barset), и медицинскаго (Doctor Thorne); Rachel Ray — міръ мелкаго провинціальнаго городка. Въ нѣкоторыхъ изъ романовъ Троллопа совершенно преобладаетъ именно мысль изображенія среды; въ другихъ главное намѣреніе автора сказывается въ изображеніи случайныхъ личныхъ типовъ; но во всѣхъ къ неослабѣвающему, чисто-романическому интересу приданъ еще интересъ реальной картины англійской жизни. Изъ вновь вышедшихъ романовъ Троллопа, которыхъ названія мы выписали въ заглавіи, одинъ He Knewhe was right принадлежитъ къ числу тѣхъ, гдѣ преобладаетъ намѣреніе сдѣлать просто психическій очеркъ; другой—Phineas Finn принадлежитъ къ сферѣ политической (оба вышли въ прошломъ году); третій—The Vicar of Fulhampton (вышелъ нынѣшнимъ лѣтомъ), еще разъ возвращается въ міръ англиканскаго духовенства.

Троллопъ не имѣетъ «высокаго полета». На самомъ дѣлѣ, онъ лишенъ почти всѣхъ тѣхъ качествъ, которыя необходимы для такого полета. Но онъ—писатель не только не дюжинный, а даже весьма замѣчательный именно по своей силѣ анализа и безошибочной трезвости. Самые бойкіе критики въ англійской журналистикѣ, охотно трактующіе свысока новѣйшія произведенія всякаго давнишняго писателя, не отказываютъ Антони Троллопу и по послѣднимъ его романамъ въ томъ драгоцѣнномъ свойствѣ, что никто не умѣлъ сообщить такой живости, такого

интереса той массѣ мелкихъ и обычныхъ фактовъ, которая составляетъ именно жизнь цѣлаго общества. Троллопъ до такой степени усвоилъ себѣ эти основные элементы всѣхъ сферъ средняго, а отчасти и высшаго общества, что, подобно Бальзаку, создалъ себѣ цѣлый воображаемый и весьма полный англійскій міръ. Прочитавъ нѣсколько его романовъ, вы въ послѣдующихъ будете встрѣчать людей, которыхъ положеніе, постановка въ обществѣ извѣстна вамъ уже потому, что вы знакомы съ ихъ родственниками и знакомыми. Писатель, сильный анализомъ и притомъ анализомъ безтенденціознымъ, любящій изслѣдованіе для изслѣдованія, соединяющій живыя общія черты въ живые цѣльные типы, самъ наконецъ до того сживается съ этими типами, что не можетъ съ ними разстаться. Мало того, ему и для изображенія новыхъ типовъ того же общества всего удобнѣе оставаться въ томъ же мірѣ, потому, что такимъ образомъ одна повѣсть придаетъ жизнь другой и когда вы слѣдите за политической карьерой такого-то джентльмена, вы понимаете ее тѣмъ лучше, что знаете изъ другого романа всю частную жизнь этого джентльмена, а изъ третьяго романа, знакомы со множествомъ людей той партіи, къ которой онъ примкнулъ.

Такимъ образомъ, мало-по-малу, Троллопъ создалъ себѣ цѣлый англійскій міръ, съ вигами и торіями, герцогами и чиновниками, докторами и юристами, міръ фантастическій только потому, что герои его носятъ вымышленныя имена. Но въ нѣкоторыхъ изъ нихъ проглядываютъ даже фигуры довольно похожія, по крайней мѣрѣ нѣкоторыми своими сторонами, на личности существующія, въ Англіи общеизвѣстныя, да и за предѣлами Англіи не безъизвѣстныя. И каждая отдѣльная драма въ этомъ мірѣ тѣмъ живѣе, тѣмъ понятнѣе для читателя, что онъ ясно видитъ ея мѣсто среди исторіи всего этого многочисленнаго и разнообразнаго общества, и съ нѣсколькими изъ дѣйствующихъ въ ней лицъ знакомъ давно. Перечитавъ всѣ безъ исключенія разсказы этого скромнаго, но дѣльнаго писателя, вы наконецъ доходите до того, что у васъ въ умѣ нарисовалась цѣлая Англія, за исключеніемъ рабочихъ классовъ, состоящая изъ живыхъ людей, съ которыми вы отлично знакомы и встрѣчались много разъ, при разныхъ обстоятельствахъ. Вы можете, напримѣръ, составить два полныхъ именныхъ министерскихъ списка, виговъ и торіевъ; вы знаете, какого именно адвоката надо позвать для дѣла, въ которомъ «смѣлость города́ беретъ», и какого для разбора тончайшихъ юридическихъ казусовъ. Знаете, какіе есть нобльмены въ странѣ, и почему съ равными титулами и даже состояніями, одинъ нобльменъ бываетъ гораздо важ-

нѣе другого. Знаете нѣсколькихъ веселыхъ ребятъ, съ которыми отлично можно попасть въ просакъ и окончательно пропасть; знаете и многихъ славныхъ людей, чисто-британской стойкости, британскаго бодраго темперамента, которые въ томъ и другомъ случаѣ подали бы вамъ всякую помощь. А сколько личныхъ, случайно-оригинальныхъ типовъ! Прибавимъ къ этому рѣдкое умѣнье Троллопа описывать женщинъ. У него есть нѣсколько такихъ женскихъ портретовъ, въ которые читатель влюбляется, какъ древніе рыцари въ невиданныхъ глазами принцессъ.

У Бальзака тоже есть свой постоянный міръ; отчасти и у Тэккерея — это общая черта тонкихъ аналитиковъ. Но міръ Троллопа самый полный и самый согласный съ дѣйствительностью, потому что онъ не тенденціозенъ какъ у Тэккерея, и лишенъ бальзаковской фантасмагоріи. У Тэккерея человѣкъ постоянно представляетъ одну идею — чего въ природѣ нѣтъ; у Бальзака мелочи вѣрны, подробности анализированы съ огромнымъ умѣньемъ, но весь этотъ трудъ пропадаетъ отъ произвольности, фантастичности фактовъ самыхъ крупныхъ: каждая точка показана въ микроскопъ, но сама фигура разбита капризомъ фантазіи.

Въ настоящихъ этюдахъ мы не имѣемъ возможности познакомить читателя сколько-нибудь подробно съ міромъ Троллопа, ввести его во всѣ сферы общества. Все, что мы можемъ сдѣлать, это познакомить его въ нѣсколькихъ домахъ, настолько, насколько нужно, чтобы дать понятіе объ англійской жизни. При этомъ роль чичероне или ментора удерживаемъ за собою и не можемъ предоставить ее Троллопу потому именно, что онъ ничего не объясняетъ; онъ только разсказываетъ и записываетъ разговоры.

Тѣ три романа, которыхъ заглавія выписаны нами въ началѣ этой статьи — новѣйшія произведенія Троллопа; послѣдній изъ нихъ только-что вышелъ. Изъ нихъ только одинъ, именно первый можетъ быть поставленъ на ряду съ лучшими произведеніями этого автора. Но каждый изъ нихъ представляетъ спеціальную сферу въ дѣятельности Троллопа и по нимъ можно уже составить о ней вѣрное понятіе. О каждомъ изъ нихъ мы упомянемъ въ своемъ мѣстѣ, такъ какъ за каждымъ изъ нихъ стоитъ цѣлый циклъ предшествовавшихъ разсказовъ, и начнемъ съ перваго, какъ относящагося къ сферѣ политической; но этими тремя романами мы не ограничимся, а выберемъ тѣ картины и типы изъ всѣхъ его романовъ, какіе намъ понадобятся.

III.

Извѣстно, что въ томъ историческомъ періодѣ, о которомъ мы говорили, въ Англіи переходнаго времени, не было такихъ политическихъ партій, которыя бы имѣли исходною точкою или цѣлью своихъ стремленій возстановленіе какой-либо династіи, или чисто-отвлеченный принципъ, которыя бы, однимъ словомъ, стремились къ перемѣнѣ самаго правленія: ни легитимистовъ, ни республиканцевъ, ни соціалистовъ (въ смыслѣ политической партіи). Двѣ боровшіяся партіи, смѣнявшія одна другую въ управленіи, были историческія партіи тори и виговъ. Въ настоящее время эти партіи уже клонятся къ упадку и преобразуются въ консерваторовъ и прогрессистовъ. Но мы говоримъ о времени переходномъ, и въ немъ находимъ тори и виговъ съ ихъ историческимъ значеніемъ. Оригинальность ихъ состояла не только въ томъ, что обѣ эти партіи были лойяльныя, что оппозиція была только по отношенію къ данному правительству, то-есть министерству, но еще и въ томъ, что онѣ были партіи — фамильныя. Человѣкъ, призванный къ политической жизни, былъ торіемъ или вигомъ по рожденію, по связямъ, нерѣдко по положенію. Въ то время, какъ на континентѣ, въ каждомъ семействѣ, каждое поколѣніе имѣетъ свое личное убѣжденіе, въ аристократической Англіи молодой человѣкъ родился торіемъ или вигомъ. Разница между торіями и вигами заключалась не въ разныхъ убѣжденіяхъ, а въ разныхъ программахъ по отношенію къ непосредственнымъ вопросамъ. Въ партіи тори, по сущности своей консервативной, находились иногда люди, которые проводили такія реформы, которыя шли далѣе требованій и даже желаній самихъ виговъ. Партія виговъ, хотя и прогрессивная по общему направленію, была все-таки партіею аристократическою до реформы 1832 года, когда она стала искать себѣ союзниковъ въ новой, такъ-называемой манчестерской партіи, школѣ фритредеровъ-радикаловъ, радикаловъ собственно потому, что они уже ничего аристократическаго не имѣли и первые стали ставить раціонализмъ выше исторіи, выше преданій.

Такую историческую наслѣдственность двухъ главныхъ партій и вытекавшую отсюда ограниченность выбора какъ людей для управленія, такъ и программъ для дѣйствія этихъ самыхъ людей, необходимо было оговорить въ самомъ началѣ при входѣ за кулисы политическаго міра. Романистъ выводитъ за кулисами конечно только личные интересы, личныя отношенія. Но изъ того, что въ данное время главою кабинета можетъ быть только

такой-то лордъ или баронетъ, никакъ не должно заключать, что это есть результатъ какого-либо сговора или интриги. Всѣ эти сговоры и интриги подчиняются великому политическому условію: возможно ли или невозможно провесть извѣстную политическую мѣру при данномъ состояніи общественнаго мнѣнія и данномъ распредѣленіи партій въ палатѣ общинъ. Но каковъ бы ни оказался результатъ, смыслъ положенія, исполненіе той или другой программы въ данный моментъ можно было поручить только тѣмъ лицамъ, на которыхъ указывало самое положеніе дѣлъ: выборъ людей былъ весьма ограниченъ. Въ каждый моментъ была только одна смѣна правителей, то-есть только два состава возможныхъ кабинетовъ. Одинъ изъ нихъ сидѣлъ на министерской скамьѣ, другой—на скамьѣ противоположной, оппозиціонной. Оппозиція имѣла свое министерство на-готовѣ. Внѣ этихъ составовъ — не было выбора, а въ эти опредѣленные, ограниченные, смѣнные составы или кружки правителей люди попадали путемъ парламентской выслуги. Вся сила въ палатѣ общинъ — отъ нея совершенно зависитъ, который изъ двухъ составовъ правителей будетъ править могущественнѣйшею страною. Итакъ, пріобрѣсть вліяніе въ парламентѣ — серьёзнымъ изученіемъ вопросовъ, навыкомъ къ дѣламъ, тактомъ, наконецъ ораторскимъ талантомъ, значитъ стать силою. Это и называется въ свободной странѣ—сдѣлать карьеру. Такой человѣкъ, котораго въ парламентѣ *выслушиваютъ*, уже значитъ много; такой же, котораго *слушаются*, который имѣетъ вліяніе на свою партію—есть уже готовый министръ. Вотъ что́ значитъ сдѣлать карьеру и пріобрѣсти власть.

А *власть*—это и есть цѣль каждой партіи и каждаго члена партіи. По самому историческому образованію своему, тори и виги не только стремились къ осуществленію того или другого принципа, сколько именно къ захвату въ свои руки *власти*. Давно прошло то время, когда торійскія и вигскія фамиліи стремились къ власти для того, чтобы озолотить себя и своихъ приверженцевъ, возобновить или умножить величіе своихъ домовъ, и когда страна раздѣлялась между интересами Нортомберленда или Салисбэри. Но и въ то время фамиліи эти боролись о власти во имя политическихъ, національныхъ цѣлей и при помощи тѣхъ и другихъ народныхъ сочувствій. Теперь же *власть* не снабжаетъ ни конфискованными имѣніями, ни королевскими дарами; но въ странѣ, гдѣ издревле существуетъ общественная политическая жизнь и многочисленный классъ, получившій по наслѣдству политическое воспитаніе — *власть* и сама по себѣ

представляется уму этихъ гражданъ-квиритовъ какъ главный призъ форума, какъ высшее наслажденіе въ жизни.

Британецъ питаетъ въ душѣ глубокое убѣжденіе, что вождь министерской партіи въ палатѣ общинъ, «руководитель» палаты, то-есть наиболѣе популярный изъ людей, управляющихъ судьбами британскаго государства, занимаетъ самое высокое и самое лестное положеніе, какое только доступно смертному, и что онъ въ дѣйствительности — первый человѣкъ въ мірѣ. Если кто-либо подходитъ къ нему, по своему значенію, такъ это развѣ только — сидящій на другой сторонѣ стола въ палатѣ вождь оппозиціи. И нельзя не согласиться, что власть въ самомъ дѣлѣ представляетъ нѣчто весьма соблазнительное для мыслящаго человѣка въ такой странѣ, гдѣ власть исходитъ изъ мысли, основана на мысли и служитъ торжеству той же мысли. Тамъ сама власть, хотя по свойству своему и можетъ быть только временною, облечена достоинствомъ независимости отъ личныхъ предначертаній. Но чтобы достигнуть власти, надо, тѣмъ не менѣе, пройти чрезъ болѣе или менѣе строгую дисциплину. Политическая карьера въ Англіи болѣе или менѣе доступна людямъ по личному положенію ихъ; она не оплачивается, кромѣ на самыхъ высшихъ ступеняхъ, и потому почти недоступна для бѣднаго человѣка. Такъ, по крайней мѣрѣ, было доселѣ, и Милль показалъ первый примѣръ человѣка, который отказывается *по принципу* дѣлать издержки, сопряженныя съ избраніемъ. О разныхъ этихъ условіяхъ и вообще о политикѣ съ точки зрѣнія *карьеры*, мы поговоримъ послѣ, когда выведемъ въ видѣ примѣровъ нѣсколько различныхъ типовъ изъ разсказовъ Троллопа.

Теперь же мы хотимъ обратить вниманіе только на ту «дисциплину», о которой только-что упомянули. Само собою разумѣется, что хотя въ свободной странѣ власти добиваются какъ средства осуществить свое убѣжденіе, но дѣйствуя сообразно съ своимъ убѣжденіемъ, человѣку все-таки приходится вступать въ компромиссы, дѣлать уступки, въ виду общей цѣли, той партіи, съ которою онъ дѣйствуетъ на практикѣ. Иногда ему можетъ даже представиться необходимымъ, конечно не по первостепенному вопросу, подать свой голосъ противъ личныхъ своихъ симпатій, для того, чтобы не доставить торжества партіи совсѣмъ противоположной; или оставаться членомъ кабинета, несмотря на неполное согласіе съ какою-либо мѣрою правительства. Эти практическія требованія создаютъ извѣстнаго рода дисциплину вездѣ; но нигдѣ дисциплина эта не была такъ строга, какъ въ Англіи, именно потому, что здѣсь на политическія дѣла смотрятъ самымъ практическимъ образомъ: *главный*, потому что

непосредственный, практическій вопросъ здѣсь всегда тотъ — считаете ли вы въ настоящій моментъ болѣе полезнымъ для вашего убѣжденія, чтобы настоящее министерство оставалось въ управленіи, или же чтобы оно удалилось, уступило мѣсто другому, противоположнаго направленія. Притомъ, же самое историческое, такъ-сказать фамильное образованіе двухъ великихъ партій виговъ и тори въ прежнія времена дѣлало отпаденіе отъ вождя настоящею измѣною знамени, и это понятіе еще сильно держалось въ переходномъ періодѣ. Практичность политической дѣятельности въ Англіи не дозволяла, чтобы человѣкъ мыслящій сидѣлъ въ парламентѣ одиноко, не участвуя въ борьбѣ двухъ главныхъ партій, и эта-то практичность, доведенная до нѣкоторой крайности преданіями вѣковой борьбы виговъ съ торіями, не дозволяла даже отдѣльному члену подавать свой голосъ различно, по различнымъ вопросамъ, то-есть, то въ пользу министерства, то противъ, слѣдуя единственно внушенію личнаго убѣжденія относительно даннаго вопроса, а не вообще *людей*, представляющихъ извѣстное направленіе. Второстепенные политическіе дѣятели, рутинисты парламентскихъ преданій и теперь еще видятъ во всякомъ такомъ искушеніи на *личную* независимость—по меньшей мѣрѣ—непрактичность, глупость, а скорѣе всего—измѣну, честолюбивую интригу, настоящее отступничество совсѣмъ не на пользу убѣжденія, а въ интересѣ личной выслуги, карьеры.

Радикалы манчестерской школы первые стали колебать эту дисциплину, въ силу которой политику исключительно направляли двѣ сплоченныя партіи. Къ радикаламъ присоединились, какъ бы для бо́льшаго разнообразія (присоединились, говорю, въ этомъ только смыслѣ) ирландскіе католики, которыхъ допущеніе въ парламентъ, какъ и происхожденіе манчестерской школы принадлежатъ къ крупнѣйшимъ чертамъ переходнаго періода. Но эти радикалы, изъ которыхъ наиболѣе извѣстны Кобденъ, Брайтъ, Робокъ, Юмъ, Мильнеръ-Гибсонъ, являясь представителями духа раціонализма противъ историческихъ преданій, какъ тори, такъ отчасти и виговъ, по этому самому были сперва партіею не политиковъ, а *мыслителей*. Они дѣйствовали не столько вотированіемъ и поддержкою той или другой партіи, сколько пропагандою новыхъ принциповъ. Ихъ слово было обращено не столько къ палатѣ, сколько къ цѣлой странѣ для понужденія самой палаты, для давленія на нее. Вотъ почему они, хотя положеніе ихъ постепенно и измѣнилось, оставались долгое время въ сторонѣ отъ управленія — не принимали должностей. Дѣятельность каждаго изъ нихъ, постепенно, по мѣрѣ того какъ

они пріобрѣтали огромное значеніе, не могла не сдѣлаться и практическою въ дѣловомъ смыслѣ этого слова. Такъ, Кобденъ устроилъ знаменитый фри-тредерскій торговый трактатъ съ Франціею, а Брайту принадлежитъ главная заслуга въ понужденіи виговъ къ послѣдней избирательной реформѣ. Но должностей они однако до послѣднихъ лѣтъ не принимали, боясь ослабить тѣмъ свое значеніе какъ представителей «народныхъ интересовъ». Кобденъ отказывался отъ министерской должности до конца жизни. Мильнеръ-Гибсонъ, однако, уже вступилъ въ кабинетъ Росселя въ интересахъ реформы. И наконецъ въ гладстоновъ кабинетъ вступилъ и Брайтъ, жертвуя своимъ положеніемъ для поддержки того министерства, которое уступило представляемому имъ мнѣнію относительно отмѣны государственной церкви въ Ирландіи. Но было такое время, когда Брайтъ смотрѣлъ на вступленіе въ министерство Мильнеръ-Гибсона почти какъ на отступничество отъ раціонализма. Приведемъ одну сцену изъ романа «Финіасъ Финнъ», въ видѣ объясненія къ этому моменту. Подъ именемъ Торнболла является Брайтъ, подъ именемъ Монка—Мильнеръ, Финнъ и Кеннеди—лица романа.

Настроеніе это недурно выражаетъ Троллопъ въ слѣдующемъ портретѣ:

«Баррингтонъ-Эрль былъ человѣкъ честный, въ обыкновенномъ смыслѣ слова. Вилльяму Мильдмею, великому министру виговъ, и своему дядѣ по матери, онъ не измѣнилъ бы ни за что въ свѣтѣ. Работать онъ готовъ былъ всегда, съ жалованьемъ и безъ жалованья. Онъ дѣйствительно былъ усердно преданъ дѣлу, не требуя многаго для себя. Онъ имѣлъ какое-то неопредѣленное убѣжденіе, что для страны гораздо лучше, чтобы власть была въ рукахъ г. Мильдмея и не была въ рукахъ лорда де-Террьера. Онъ былъ убѣжденъ, что для англичанъ либеральная политика была здорова, и что либеральная политика и партія г. Мильдмея было одно и тоже. Несправедливо было бы не признать въ Баррингтонѣ-Эрлѣ патріотизма. Но онъ ненавидѣлъ самое имя независимости въ парламентѣ, и когда кто-нибудь говорилъ ему, что обращаетъ вниманіе на смыслъ мѣръ, а не на людей, то онъ тотчасъ убѣждался, что этотъ человѣкъ неустойчивъ какъ вода, и недобросовѣстенъ какъ вѣтеръ. Отъ такого человѣка, по его мнѣнію, нѣчего было ожидать хорошаго, а дурного ожидать слѣдовало. Такой политикъ въ глазахъ Баррингтона-Эрля принадлежалъ къ тѣмъ классическимъ «грекамъ», отъ которыхъ опасно было даже принимать подарки, т.-е. случайный ихъ голосъ. Парламентскіе отшельники, одиночники были ему ненавистны и на участниковъ частныхъ политическихъ сгово-

ровъ онъ смотрѣлъ съ отвращеніемъ, подозрѣвая въ нихъ или полную непрактичность или плутовство. Онъ готовъ былъ искренно пожать руку доброму строго-консервативному своему противнику, также охотно какъ и доброму товарищу—чистому вигу. Но человѣкъ—что́ называется «ни рыба, ни мясо»—былъ противенъ ему. По его теоріи парламентскаго правленія, палата общинъ должна была раздѣляться надвое рѣзкою чертою, такъ чтобы каждый членъ постоянно находился на той или на другой сторонѣ. «Не со мною—такъ по крайней мѣрѣ будь противъ меня» — таковъ былъ его совѣтъ въ партіи. На дебаты онъ смотрѣлъ какъ на нѣчто полезное собственно для того, чтобы дѣйствовать на страну, и вызывать то общественное мнѣніе, которое потомъ создавало новую палату общинъ. Но онъ не признавалъ возможнымъ, чтобы въ самой палатѣ дебаты имѣли вліяніе на подачу голоса за ту или за другую сторону, и былъ совершенно убѣжденъ, что подобный образъ подачи голосовъ былъ бы опасенъ, революціоненъ и почти несообразенъ съ парламентской законностью. Голосъ каждаго члена партіи, по его мнѣнію, принадлежалъ неотъемлемо—исключая незначительныхъ вопросовъ — главѣ этой партіи.

IV.

Нѣсколько человѣкъ приглашены Монкомъ къ обѣду.

«Это было въ четвергъ и палата не засѣдала [1]); ровно въ семь Финіасъ вошелъ въ квартиру г. Монка. Еще не было никого и г. Монкъ надъ чѣмъ то старался въ столовой. «Я исправляю должность метрдотеля», сказалъ онъ и Финіасъ увидѣлъ у него въ рукахъ пару графиновъ, которые г. Монкъ пристроилъ возлѣ огня. «Я кончилъ», продолжалъ онъ, «пойдемъ теперь на верхъ, и встрѣтимъ великихъ людей какъ слѣдуетъ».

— «Виноватъ, я кажется пришелъ слишкомъ рано», сказалъ Финнъ.

— «Вовсе нѣтъ; сказано—въ семь, и скорѣе я замѣшкался. Но вы, можетъ быть, думаете, мнѣ совѣстно, что вы застали какъ я самъ разливалъ свое вино? Помнится, лордъ Пальмерстонъ, лѣтъ пять или шесть тому назадъ, выразился въ коммиссіи о жалованьяхъ, что неприлично было бы, еслибы у англійскаго министра дверь отворяла служанка, а не лакей. Ну вотъ, я — англійскій министръ, а у меня дверь отворяетъ слу-

[1]) Phineas Finn.

жанка, и я самъ долженъ смотрѣть за виномъ. Хотѣлъ бы я знать, въ самомъ ли дѣлѣ это неприлично? Мнѣ не хотѣлось бы, чтобы чрезъ меня потерпѣла британская конституція.

— «Быть можетъ, если вы скоро выйдете изъ министерства и если никто не станетъ подражать вашимъ обычаямъ, то конституція значительно не потерпитъ.

— «Искренно желаю этого, ибо я въ самомъ дѣлѣ люблю британскую конституцію, люблю и тотъ почетъ, въ какомъ состоятъ члены англійскаго министерства. А вотъ Торнболлъ — онъ сейчасъ придетъ — все это ненавидитъ. Но онъ человѣкъ богатый, и у него въ домѣ больше пудренныхъ лакеевъ, чѣмъ было у самого Пальмерстона.

— «Онъ все еще занимается промышленными дѣлами?

— «О да;—и зарабатываетъ тысячъ тридцать въ годъ. Вотъ онъ. Какъ ваше здоровье, Торнболлъ? Мы говорили о моей служанкѣ; надѣюсь, что она отперла вамъ дверь приличнымъ образомъ.

— «Конечно,—сколько я замѣтилъ», отвѣчалъ г. Торнболлъ, который зналъ болѣе толку въ политическихъ рѣчахъ, чѣмъ въ шуткахъ.— Весьма приличная молодая женщина, какъ мнѣ кажется.

— «Приличнѣе ея нѣтъ во всемъ Лондонѣ, — сказалъ г. Монкъ;—но вотъ Финнъ думаетъ, что мнѣ слѣдовало бы имѣть лакея въ ливреѣ.

— «Я совершенно равнодушенъ къ такимъ вещамъ», отвѣтилъ г. Торнболлъ, и никогда не думаю о нихъ.

— «Я точно также», сказалъ Монкъ. Доложили о г. Кеннеди. Затѣмъ, всѣ пошли внизъ, въ столовую.

Г. Торнболлъ былъ красивый, плотный мущина, лѣтъ около шестидесяти, съ длинными сѣдыми волосами и краснымъ лицомъ, сурово-глядѣвшими глазами, красиво-обрисованнымъ носомъ, и толстыми губами. Ростомъ онъ былъ футовъ шесть, держался совершенно прямо и постоянно носилъ черный фракъ, съ короткими фалдами, черные панталоны и черный атласный жилетъ. По крайней мѣрѣ, такъ онъ всегда являлся въ палатѣ и на обѣды. Какъ одѣвался онъ дома, у себя въ Стэлибриджѣ, это было извѣстно немногимъ изъ знавшихъ его въ Лондонѣ. Въ лицѣ его не было никакого указанія на особый талантъ. Никто, взглянувъ на него, не счелъ бы его глупымъ, но въ глазахъ его нисколько не свѣтился геній, и въ линіяхъ его рта не сказывалось какой-либо мысли или наклонности, подобно тому какъ то обыкновенно замѣчается въ чертахъ великихъ людей. Однако г. Торнболлъ безъ всякаго сомнѣнія успѣлъ сдѣлаться великимъ,

и успѣть въ этомъ едва ли бы могъ, если бы не обладалъ мыслительной силою. Это былъ одинъ изъ самыхъ популярныхъ, пожалуй даже самый популярный изъ политическихъ людей въ странѣ. Бѣдные классы вѣровали въ него, видѣли въ немъ своего честнаго общественнаго заступника; да и достаточные люди вѣрили въ его силу, склонны были думать, что его внушенія всегда одержатъ верхъ. Онъ завладѣлъ вниманіемъ палаты и сочувствіемъ рипортеровъ, и когда начиналъ свой спичъ, за публичнымъ обѣдомъ или на публичныхъ подмосткахъ, могъ быть вполнѣ увѣренъ, что произносимыя имъ слова будутъ прочтены тысячами людей. Чтобы говорить хорошо, первое условіе—имѣть много слушателей, и это-то преимущество г. Торнболлъ пріобрѣлъ себѣ прочнымъ образомъ. А все-таки нельзя было назвать его великимъ ораторомъ. Онъ былъ одаренъ могущественнымъ органомъ и крѣпкими, могу даже сказать, широкими убѣжденіями, полнѣйшею увѣренностью въ себѣ и свойствомъ почти неограниченной выносливости, горячимъ честолюбіемъ, отсутствіемъ особой щепетильности, и весьма толстою нравственною эпидермою. Никакое порицаніе не дѣйствовало на него, никакія нападки его не оскорбляли, никакая насмѣшка не могла кольнуть его, сколько-нибудь тронуть его за живое. У него не было больного мѣста, и, по всей вѣроятности, первой ежедневной мыслью его при пробужденіи была мысль, что онъ, по крайней мѣрѣ, онъ—всецѣлъ въ своемъ высокомъ служеніи (totus teres atque rotundus). Само собою разумѣется, что онъ былъ настоящій радикалъ. — Но настоящимъ радикаломъ былъ и Монкъ, однакожъ первыя его мысли, при пробужденіи, были вѣроятно какъ разъ противоположны сознанію его друга. Монкъ въ преніяхъ горячился гораздо больше, чѣмъ Торнболлъ; но тѣмъ не менѣе Монкъ вѣчно сомнѣвался самъ въ себѣ, и никогда не былъ такъ мало увѣренъ въ себѣ, какъ именно послѣ самаго горячаго и наиболѣе дѣйствительнаго своего участія въ дебатахъ. И когда г. Монкъ подшучивалъ надъ собою, что онъ министръ, а не имѣетъ иной прислуги какъ одна служанка, подъ этой шуткою была подкладка самосомнѣнія.

«Г. Торнболлъ положительно былъ великій радикалъ и въ такомъ качествѣ пользовался большою славою. Не думаю, чтобы ему когда-либо были уже дѣлаемы предложенія принять какую-либо высокую государственную должность; но были слухи, которые давали ему поводъ, по крайней мѣрѣ какъ онъ думалъ самъ, объявлять во всеуслышаніе, что ни въ какомъ случаѣ онъ не можетъ служить коронѣ. «Я служу народу», были его слова, «и какъ высоко я ни уважаю служителей короны, думаю однако,

что мое служеніе выше». За такія слова онъ подвергался многимъ нападеніямъ, и г. Мильдмей, настоящій премьеръ, поставилъ ему вопросъ: неужели онъ не признаетъ такъ-называемыхъ слугъ короны вмѣстѣ съ тѣмъ самыми работящими и вѣрнѣйшими слугами народа? Палата и печать поддержали въ этомъ г. Мильдмея, но г. Торнболлъ остался къ этому совершенно равнодушенъ; и когда затѣмъ, въ Манчестерѣ, онъ, въ присутствіи трехъ или четырехъ тысячъ человѣкъ, объявилъ, что онъ — именно и особенно онъ — другъ и служитель народа, и на это ему отвѣчали кликами, то онъ вполнѣ удовольствовался этимъ и убѣдился, что ему удалось поставить на своемъ. Главными статьями политическаго каталога Торнболла были: постепенная реформа избирательства, въ томъ смыслѣ, чтобы оно какъ можно скорѣе приближалось къ поголовной подачѣ голосовъ; равномѣрность избирательныхъ округовъ; тайная балотировка; ограниченіе правъ фермеровъ въ Англіи точно также, какъ и въ Ирландіи; сокращеніе постоянной арміи до-тѣхъ-поръ, пока уже не останется ничего и сокращать; совершенное невниманіе ко всѣмъ политическимъ событіямъ и перемѣнамъ въ Европѣ; почти идолопоклонническое удивленіе къ ходу всѣхъ политическихъ дѣлъ въ Америкѣ; свобода торговли для всѣхъ продуктовъ, *за исключеніемъ солода*, и безусловная отмѣна государственной церкви — таковы главные пункты этого каталога. Мнѣ думается, что однажды научившись складывать свои слова, когда онъ встаетъ съ мѣста, и однажды пріурочивъ свой голосъ къ тому тону, который привлекалъ вниманіе палаты, г. Торнболлъ имѣлъ затѣмъ передъ собою дѣло не трудное. Устраивать ему ничего не предстояло и онъ могъ обходиться общими истинами. Отвѣтственности онъ не несъ, и стало быть ему незачѣмъ было вникать въ подробности или глубоко обслѣдывать даже крупнѣйшіе факты. Нападать на злоупотребленія довольно легко, когда однажды пріобрѣтено общее вниманіе. Его дѣло — срубить въ лѣсу деревья, не заботясь о послѣдующей обработкѣ земли. Г. Монкъ недаромъ говорилъ однажды Финну о прелести той неточности выраженій, какая дозволена въ оппозиціи. Этими прелестями г. Торнболлъ, навѣрное, наслаждался вполнѣ, хотя никогда не признался бы въ томъ. Вообще же говоря, г. Торнболлъ, безъ сомнѣнія, былъ правъ, рѣшившись не принимать должности, только съ его стороны было бы любезнѣе промолчать о такомъ рѣшеніи».

Фигурамъ Торнболла и Монка Троллопъ нарочно придалъ нѣкоторыя черты, несходныя съ дѣйствительностью; но черты эти несущественныя, и введены они, очевидно, для приличія. Въ

этихъ фигурахъ можно узнать Брайта и Мильнера-Гибсона, двухъ радикаловъ переходнаго періода. Было именно время, по смерти Пальмерстона, когда въ министерство Росселя-Гладстона вступилъ радикалъ Мильнеръ-Гибсонъ, а радикалъ Брайтъ хотѣлъ быть только «слугою народа». Къ Торнболлу-Брайту Троллопъ очевидно не имѣетъ сочувствія, и въ этомъ онъ—вѣрный представитель большинства достаточныхъ классовъ въ переходномъ періодѣ. Но необыкновенно типична и вѣрна также и какъ бы невольная оговорка его, что «и люди достаточные вѣрили въ силу» этого человѣка и «склонны были думать, что его внушенія всегда одержатъ верхъ». Въ самомъ дѣлѣ, матеріальнымъ образомъ, кто сдѣлалъ новую реформу? Прежняя палата, представительство богатыхъ классовъ; это представительство измѣнило законъ, дававшій ему преобладаніе. Отчего же это произошло? Оттого, что въ свободной странѣ есть сила могущественнѣе самого парламента—голосъ страны, сознаніе, что шагъ впередъ необходимъ и неизбѣженъ.

Что новая реформа была необходима это просто «чувствовалось»—the feeling was growing—вотъ выраженіе, которое вполнѣ характеризуетъ и объясняетъ ходъ дѣла въ свободной странѣ. У Троллопа, въ другомъ мѣстѣ, мы находимъ наивное описаніе, какимъ образомъ господствующіе классы приходятъ сами къ отреченію отъ части своихъ привилегій; описаніе это тѣмъ правдивѣе, что самъ авторъ, очевидно, не сочувствуетъ радикальной реформѣ. «Все это время въ свѣтѣ много толковали о реформѣ, хотя г. Мильдмей (поставленъ вмѣсто графа Росселя) обнаруживалъ добродушную медлительность. *Сознаніе возрастало* и г. Торнболлъ (Брайтъ) со своими друзьями старался, чтобы оно росло поскорѣе. Въ дѣйствительности, предметъ этотъ шевелилъ народъ, но это возбужденіе истекло отъ вождей къ народу,—оно истекало отъ самовольныхъ вождей народной политики внизъ, посредствомъ печати, въ сферу рабочихъ, вмѣсто того, чтобы рости изъ недовольства самихъ массъ, вверхъ, къ такимъ органамъ, которые были бы дѣйствительно избраны самимъ народомъ, дали бы выраженіе этому недовольству. Настоящаго, сильнаго волненія, такого волненія, которое бы показывало, что *безопасность* могла быть обезпечена реформою и не могла быть обезпечена безъ нея, въ странѣ не было. *(До этого не дошло!).* Но всѣ были согласны, что печать и ораторы слишкомъ сильны, чтобы ихъ можно было игнорировать и что необходимо уступить имъ и дать имъ реформу, въ какомъ-нибудь видѣ. Чѣмъ скорѣе будетъ сдѣлана уступка, тѣмъ лучше, ибо тѣмъ меньше принуждены были бы уступить. И люди всѣхъ партій были согласны между собою от-

носительно этого пункта. Что сама по себѣ реформа была ненавистна многимъ изъ тѣхъ, которые развязно говорили о ней, и даже предлагали себя съ готовностію въ исполнители ея — было признано всѣми. Ненавистна она была не только лорду де-Терріеру (вмѣсто графа Дэрби) и его приверженцамъ, но также и многимъ изъ приверженцевъ г. Мильдмея. Герцогъ вовсе не желалъ реформы (герцогъ Сент-Бонгэй у Троллопа означаетъ одного изъ вліятельныхъ при дворѣ, но не въ парламентѣ членовъ росселева кабинета, и въ немъ легко узнать графа Грэнвилля). И въ самомъ дѣлѣ, трудно предположить, чтобы такой герцогъ могъ желать какой-либо перемѣны въ положеніи дѣлъ, весьма для него благопріятномъ. Рабочіе продолжали получать полную задѣльную плату *(чего же имъ еще надо?)*. Фермеры исправно вносили ренты. Дюжины капиталистовъ создавали сотни капиталовъ. Все въ странѣ обстояло хорошо, кромѣ преобладанія духа спекуляціи — а противъ него реформа была безсильна. Съ какой стати желалъ бы реформы герцогъ? Что касается нѣкоторыхъ другихъ членовъ кабинета, то всѣмъ было извѣстно, что они совѣтовали обратиться къ реформѣ точно такъ, какъ совѣтуютъ обратиться къ докторамъ. Леченіе въ извѣстной мѣрѣ необходимо всѣмъ намъ. Мы не можемъ надѣяться обойтись совсѣмъ безъ лекарства. Но намъ желательно принимать его какъ можно меньше. Г. Торнболлъ и дешевая печать, и возраставшее возбужденіе наиболѣе крикливыхъ изъ народа, доказывали очевиднымъ образомъ, что нѣкоторая уступка неизбѣжна. Уступимъ великодушно — такова была теперь доктрина многихъ, пожалуй всѣхъ политическихъ вождей дня. Будемъ великодушны. Постараемся, по крайней мѣрѣ показаться великодушными. Раскроемъ дарующую длань, но такимъ образомъ, чтобы она не дала слишкомъ много. Повозка должна катиться подъ гору. Надо даже признаться, что если она не будетъ катиться впередъ по склону, то мы и подвигаться не будемъ. Но наложимъ тормозы на оба заднія колеса. Тѣмъ болѣе, что повозкамъ, катящимся съ горы безъ тормазовъ, угрожаетъ серьёзное злоключеніе.

«Однако были и такіе люди, даже въ самомъ кабинетѣ, которые смотрѣли на общественную службу не съ точки зрѣнія тормазовъ на колесахъ. Г. Грешэмъ (вмѣсто Гладстона) принималъ дѣло искренно. Плантаженетъ Паллизеръ (лицо фиктивное, канцлеръ казначейства) тоже. Необыкновенно-умный молодой нобльменъ, лордъ Кэнтрипъ (по нѣкоторымъ чертамъ — лордъ Гартингтонъ) тоже понималъ реформу искренно. Самъ г. Мильдмей относился къ этому дѣлу настолько искренно, насколько это было совмѣстимо съ его старостью и полнымъ пониманіемъ тѣхъ

средствъ, какими былъ вызванъ крикъ о реформѣ. Онъ былъ глубоко-добросовѣстенъ, глубоко-патріотиченъ, и глубоко питалъ честолюбивое желаніе получить въ исторіи имя человѣка, который и до самаго конца своей долгой жизни усердно работалъ для благополучія народа *(извѣстно, что Россель былъ однимъ изъ главныхъ руководителей реформы 1832 года)*. Но онъ не имѣлъ довѣрія къ г. Торнболлу, и въ глубинѣ своего сердца чувствовалъ аристократическое презрѣніе къ дешевой прессѣ. Но во всей Англіи не было человѣка болѣе добросовѣстно преданнаго идеѣ реформы, чѣмъ г. Монкъ. Его главное политическое убѣжденіе было, что политическія преимущества должны быть распространены на народъ во всякомъ случаѣ — требуетъ ли онъ ихъ для себя или не требуетъ, желаетъ ли ихъ или хотя бы даже не желаетъ. Вы не спрашиваете у ребенка — говаривалъ онъ — желаетъ ли онъ учиться, и во всякомъ случаѣ, вы не станете ждать пока онъ расплачется, чтобы ему дали въ руки книгу. И потому, когда при немъ говорили, что въ крикахъ о реформѣ нѣтъ искренности, что эти крики — фальшивые, возбужденные заинтересованными лицами, для цѣлей партіи, онъ отвѣчалъ всегда, что осуществить реформу все-таки слѣдуетъ не для уступки въ виду криковъ, а потому, что ея требуетъ справедливость и что реформа есть долгъ, который слѣдуетъ уплатить народу».

Монкъ пишетъ герою романа, молодому ирландцу, случайно попавшему въ парламентъ, письмо, въ которомъ авторъ вдается въ точное обсужденіе вопроса о своевременности реформы, о неудовлетворительности 50-ти фунтового ценза (существовавшаго въ графствахъ до послѣдней реформы) и доказываетъ, что представительное правленіе только тогда можетъ быть правдою, когда 658 членовъ палаты обязаны будутъ представлять *миніатюру* самой британской націи. Но онъ хочетъ именно *миніатюры*, а не соглашается на *зеркало*, утверждая, что американская система въ Англіи еще не годится. Монка, вообще, авторъ выставляетъ въ лучшемъ свѣтѣ, очевидно сочувствуетъ этому типу столько же, сколько не сочувствуетъ другому радикалу, Торнболлу, т.-е. Брайту. Троллопъ прекрасно описалъ, какимъ образомъ господствующіе классы бываютъ принуждены уступать часть своей власти, но самъ очевидно не сознаетъ, какъ необходима и законна для побужденія ихъ къ тому роль такихъ людей, какъ Брайтъ. Совершенно вѣрно, что и безъ ихъ возбужденій господствующіе классы были бы принуждаемы уступать по временамъ въ виду сильнаго волненія, то-есть тогда именно, когда безопасность уже не можетъ быть охранена безъ уступки. Но неужели

же выгодно было бы для страны дожидаться, при требованіи каждой реформы, чего-либо въ родѣ хартистскаго движенія, или ирландскихъ мятежей? «Друзья народа», какъ иронически называетъ ихъ Троллопъ—истинные его органы; правда, онъ не выбираетъ формально, но какимъ же образомъ онъ могъ бы это сдѣлать? Выборовъ въ «друзья народа» не существуетъ, да и въ парламентскихъ-то выборахъ рабочіе не участвовали до послѣдней реформы.

Какъ бы то ни было, очевидно, что въ свободной странѣ господствующіе классы постепенно сами отрекаются отъ своихъ привилегій потому именно, что передъ ними—сила: голосъ страны, внушающій имъ сознаніе, что шагъ впередъ необходимъ и неизбѣженъ. Иначе аристократическое представительство 1832 года не согласилось бы на отмѣну аристократическаго состава палаты; а представительство богатыхъ классовъ въ 1867 году не сложило бы своими собственными руками тѣ ворота, въ которые суждено пройти въ политическій кругъ избранникамъ рабочихъ. Вотъ та «сила», въ которую вѣрили почтенные джентльмены переходнаго времени, въ родѣ Троллопа; вотъ почему, и не любя Брайта, они не только принуждены были его слушать, но и слушаться его «внушеній».

Съ самимъ Брайтомъ съ тѣхъ поръ произошла перемѣна: онъ — министръ, онъ согласился вступить въ кабинетъ и сталъ слугою короны наравнѣ съ Гладстономъ. Это доказываетъ искренность замѣчательнаго дѣятеля, котораго Троллопъ описываетъ слово въ слово какъ о немъ постоянно отзывались «достаточные классы». Дѣло въ томъ, что даже не будь у Брайта въ самомъ дѣлѣ антипатіи къ государственной службѣ,—антипатіи, которая вовсе не есть какое-либо чудовищное явленіе—онъ уже вслѣдствіе того, что открыто заявлялъ о своемъ нежеланіи когда-либо быть министромъ, не вступилъ бы семидесяти лѣтъ отъ роду въ кабинетъ. Онъ не могъ не знать, что этимъ онъ нѣсколько ослабитъ свое значеніе. И однакоже онъ это сдѣлалъ, сдѣлалъ изъ истинно высокаго патріотизма, сдѣлалъ это для того, чтобы поддержать то министерство, которое онъ умолялъ провесть билль объ отмѣнѣ установленной церкви въ Ирландіи и улучшить положеніе тамошнихъ фермеровъ. И если теперь Брайтъ, во время сессіи, не сидитъ на министерской скамьѣ, а все болѣетъ гдѣ-то, то не ясно ли, что причину тому слѣдуетъ видѣть въ той неудовлетворительной полумѣрѣ, на которой кабинетъ остановился въ ирландскомъ поземельномъ вопросѣ.

Но возвратимся къ обѣду у мистера Монка.

«Разговоръ за обѣдомъ былъ исключительно политическій, но

не былъ интересенъ, пока служанка перемѣняла тарелки. Когда же она ушла, затворивъ за собою дверь, разговоръ понемножку развернулся и между прочимъ произошло маленькое пререканіе между обоими великими радикалами,—радикаломъ, который присоединился къ предержащимъ властямъ, и радикаломъ, который держался въ сторонѣ отъ нихъ. Г. Кеннеди только по временамъ произносилъ словечко, а Финіасъ былъ почти также молчаливъ: онъ пришелъ сюда съ надеждою услышать какое-либо преніе и былъ очень радъ сидѣть и слушать, когда такія огромныя пушки открыли огонь какъ бы для его забавы.

— «Мнѣ кажется, что г. Мильдмей предпринялъ важный шагъ впередъ, сказалъ г. Торнболлъ.

— «Я того же мнѣнія, согласился Монкъ.

— «Не вѣрилось мнѣ, чтобы онъ дожилъ до такого предпріятія. Конечно оно едва ли выдержитъ даже настоящую сессію, но съ его стороны и оно значитъ очень много. Это только показываетъ, какъ человѣка можно заставить пойти впередъ, если употребить на то соотвѣтствующую силу. Въ сущности, довольно безразлично, кто именно сидитъ въ министерствѣ.

— «Я всегда высказывалъ мое убѣжденіе въ этомъ, сказалъ Монкъ.

— «Совсѣмъ безразлично. Намъ рѣшительно все равно кто тамъ правитъ, лордъ де-Терріеръ, или г. Мильдмей, или г. Грешэмъ, или хоть бы вы сами, если бы вы пожелали быть первымъ лордомъ казначейства [1]).

— «Я совсѣмъ этого не добиваюсь, Торнболлъ.

— «А я полагалъ, что да. Еслибы я самъ пошелъ по этой линіи, то конечно пожелалъ бы влѣзть на самый верхъ лѣстницы. Мнѣ бы показалось, что если я могу принесть какую-либо пользу въ качествѣ министра, то развѣ только въ званіи перваго министра.

— «Вы не усомнились бы въ вашей пригодности занять такое положеніе?

— «Я вообще сомнѣваюсь въ моей пригодности для положенія какого бы то ни было министра.

— «Да, но по другимъ причинамъ, замѣтилъ г. Кеннеди.

— «По всѣмъ причинамъ,—отвѣчалъ Торнболлъ. Онъ всталъ и обратился спиною къ огню. — Само собою разумѣется — продолжалъ онъ, — что я не былъ бы способенъ дипломатически трактовать съ людьми, которые обращались бы ко мнѣ собственно

---

[1]) Т.-е. премьеромъ. Treasury въ общемъ смыслѣ значитъ министерство, хотя спеціально оно означаетъ казначейство.

для того, чтобы надуть меня. Само собою разумѣется, что я былъ бы неспособенъ имѣть дѣло съ членами парламента, которые тѣснились бы вокругъ меня для того единственно, чтобы получать мѣста. Чувствую также, что не былъ бы способенъ отвѣчать на каждый вопросъ удовлетворительно, но такъ, чтобы изъ отвѣта никто не узналъ ровно ничего.

— «А отвѣчать такъ, чтобы узнали что-нибудь? спросилъ г. Кеннеди.

Но Торнболлъ былъ такъ занятъ своимъ спичемъ, что пожалуй и не слыхалъ этого перерыва; по крайней мѣрѣ онъ не принялъ его къ свѣдѣнію.

— «И то надо сказать — продолжалъ онъ,—что я былъ бы неспособенъ сохранять всѣ приличія и мнимое взаимное довѣріе между короною, которая совершенно безсильна, и народомъ, который всемогущъ. Нѣтъ человѣка, г. Монкъ, который столь ясно сознавалъ бы свою неспособность къ такого рода работѣ, какъ я. Но ужъ еслибы я вообще взялся за такую работу, то мнѣ, думаю, хотѣлось бы скорѣе вести другихъ, чѣмъ идти самому на привязи. Ну, скажите намъ, вотъ тутъ, откровенно: много ли значатъ ваши убѣжденія въ кабинетѣ г. Мильдмея?

— «Ну, это такой вопросъ, на который никто не отвѣтитъ самъ.

— «Но каждому слѣдовало бы отвѣтить себѣ на такой вопросъ, прежде чѣмъ согласиться занять мѣсто, произнесъ г. Торнболлъ уже почти сердитымъ тономъ.

— «А какое же вы имѣете основаніе думать, что я не исполнилъ этого долга передъ собою? спросилъ г. Монкъ.

— «Да то, что я не могу согласить вашихъ извѣстныхъ убѣжденій съ убѣжденіями вашихъ товарищей.

— «Я не скажу вамъ, много ли значатъ мои убѣжденія въ кабинетѣ г. Мильдмея; не возьму на себя утверждать даже, что они значатъ тамъ болѣе, чѣмъ тотъ стулъ, на которомъ я сижу. Но я могу сказать вамъ, что̀ я имѣлъ въ виду, когда согласился занять этотъ стулъ. Мнѣ казалось, что мои убѣжденія могутъ послужить ферментомъ для того тѣста, которое намъ предстоитъ испечь, сообщить этому тѣсту болѣе вкуса въ смыслѣ реформы, чѣмъ бы оно имѣло, еслибы я отказался отъ участія въ печеньи. Мнѣ казалось, что самый фактъ обращенія гг. Мильдмея и Грешэма къ моему содѣйствію означалъ шагъ впередъ въ либеральномъ смыслѣ, и что отказъ мой былъ бы отказомъ помочь имъ въ хорошемъ дѣлѣ.

— «Вы и безъ того могли поддерживать ихъ, еслибы они предложили что-либо достойное поддержки, произнесъ Торнболлъ.

— «Конечно; но я не могъ бы имѣть такого вліянія на самое содержаніе этого предложенія, не могъ бы стараться, чтобы предложена была именно мѣра достойная поддержки. Я много думалъ объ этомъ и полагаю, что былъ правъ въ своемъ рѣшеніи.

— «Нѣтъ сомнѣнія, что вы были правы, сказалъ г. Кеннеди.

— «Мѣсто въ кабинетѣ есть самый достойный предметъ для законнаго честолюбія, вставилъ Финіасъ.

— Сэръ, я совершенно несогласенъ съ этимъ, — обратился Торнболлъ на нашего героя. Положеніе нашихъ главныхъ министровъ я признаю весьма почтеннымъ...

— «Очень благодаренъ,— сказалъ г. Монкъ. Но ораторъ продолжалъ, опять не обращая никакого вниманія на перерывъ. —Но положенія джентльменовъ, занимающихъ менѣе важныя посты, тѣхъ джентльменовъ, которые должны поступать такъ, какъ имъ киваютъ и подмигиваютъ изъ Доунинг-Стрита, а не такъ, какъ того требовали бы интересы ихъ избирателей,—ихъ положенія я весьма почтеннымъ не признаю.

— «Нельзя же начать съ высшей ступени, возразилъ Финіасъ.

— «Нашъ другъ, г. Монкъ, началъ именно съ того, что вы изволите называть высшею ступенью, сказалъ Торнболлъ. А между тѣмъ, не думаю, чтобы даже онъ возвысилъ свое значеніе, поступивъ на службу. Быть независимымъ представителемъ истинно-народнаго, торговаго сословія избирателей — вотъ, по моему мнѣнію, самый высшій предметъ для честолюбія англичанина.

— «Почему же именно торговаго? спросилъ г. Кеннеди.

— «А потому, что избиратели торговыхъ городовъ въ самомъ дѣлѣ избираютъ людей по своему убѣжденію, между тѣмъ, какъ графства и небольшіе города находятся подъ вліяніемъ отдѣльныхъ личностей или комбинацій аристократическаго преобладанія.

— «Между тѣмъ, у насъ въ Шотландіи, возразилъ г. Кеннеди, въ числѣ представителей избираемыхъ графствами нѣтъ и полдюжины консерваторовъ.

— «Шотландіи подобаетъ за это всякое уваженіе, высказалъ Торнболлъ.

«Первымъ ушолъ Кеннеди, за нимъ Торнболлъ, Финіасъ тоже было-поднялся, но по просьбѣ хозяина остался и закурилъ сигару.

— «Удивительный человѣкъ Торнболлъ, сказалъ г. Монкъ.

— «Не слишкомъ ли онъ самоувѣренъ?

— «Видите ли, его ошибка не въ излишкѣ надменности, а въ несознаніи, что должна же быть нѣкоторая разница въ тонѣ между общественной дѣятельностью и частною жизнью. Въ палатѣ общинъ такой человѣкъ, какъ Торнболлъ, долженъ говорить съ диктаторскою самоувѣренностью потому, что онъ всегда обращается не къ одной палатѣ, а ко всей странѣ, а страна не будетъ вѣрить ему, если онъ самъ не безусловно увѣренъ въ себѣ. Но онъ забываетъ, что не всякое же, произносимое имъ, слово обращено къ цѣлой странѣ. Любопытно бы знать, какъ-то пріятна его манера дóма, для г-жи Торнболлъ и для маленькихъ Торнболловъ?

«Финіасъ, по дорогѣ домой, достигъ такого заключенія, что для г-жи Торнболлъ и для маленькихъ Торнболловъ эта манера едва ли благопріятна».

V.

Надо признаться, что мысль Троллопа вывесть на сцену живыхъ людей, заставлять Брайта говорить за обѣдомъ для назиданія читателей, или Гладстона—давать вечеръ и говорить любезности гостямъ—весьма оригинальна. Еще болѣе оригинальна и — можно пожалуй сказать — рискована его мысль открывать засѣданія совѣта министровъ, влагать рѣчи въ уста лорда Росселя и подсказывать Гладстону такія замѣчанія, которыя нѣсколько скандализируютъ совѣтъ министровъ. Ничего подобнаго, кажется, еще никто не предпринималъ. Но такъ какъ описанія Троллопа правдивы, вѣрны съ гласною дѣятельностью изображенныхъ имъ личностей, не содержатъ въ себѣ и тѣни чего-либо оскорбительнаго для нихъ, а наконецъ самыя личности прикрыты нѣкоторыми несходными съ дѣйствительностью чертами, при помощи иногда произвольнаго распредѣленія между ними портфелей, иногда несходство физическаго портрета и всегда — несходствомъ фамиліи, то кажется можно извинить смѣлость Троллопа и во всякомъ случаѣ признать, что эту смѣлость онъ позволилъ себѣ недаромъ, такъ какъ романъ «Финіасъ Финнъ» представляетъ очень большой интересъ и какъ романъ, и въ особенности какъ картина изъ очень недавняго, даже несовсѣмъ еще минувшаго времени.

Мы приведемъ сейчасъ описаніе совѣта министровъ, съ тѣмъ юмористическимъ оправданіемъ, которое самъ Троллопъ предпосылаетъ ему. Но прежде помѣстимъ краткій отчетъ о томъ засѣданіи палаты, въ которомъ билль Росселя о реформѣ провалился и вслѣдствіе котораго собрался совѣтъ министровъ....

«Этотъ вечеръ ознаменовался нѣсколькими замѣчательными рѣчами. Г. Грешэмъ произнесъ такую рѣчь, о которой говорили послѣ, что ея не забудутъ до тѣхъ поръ, пока сохранятся какіе-либо остатки англійскаго ораторства. Въ этой рѣчи онъ упрекалъ Торнболла въ невѣрности дѣлу того народа, котораго онъ постоянно выставлялъ себя защитникомъ. Но на г. Торнболла это нисколько не подѣйствовало. Г. Грешэмъ зналъ, что на Торнболла никакія слова подѣйствовать не могутъ, но тѣмъ не менѣе слова эти дѣйствовали на палату и на страну. Люди, слышавшіе эту рѣчь, разсказывали, что Грешэмъ, произнося ее, забылъ себя, забылъ о своей партіи, о своей стратегіи, о старательно подготовленномъ своемъ планѣ дѣйствій, забылъ даже свою любовь къ рукоплесканіямъ и думалъ только о томъ дѣлѣ, которому посвятилъ себя. Г. Добени (вмѣсто Дизраэли) отвѣчалъ ему съ равнымъ талантомъ, съ одинаковымъ умѣньемъ, хотя и не съ одинаковою искренностью. Г. Грешэмъ взывалъ къ одобренію всѣхъ настоящихъ и будущихъ друзей реформы, г. Добени отказывалъ ему въ правѣ на то и на другое: въ одобреніи первыхъ—потому что онъ не будетъ имѣть успѣха, въ одобреніи послѣднихъ — потому что онъ успѣха и не заслуживаетъ. Тогда, часовъ около трехъ ночи, всталъ г. Мильдмей и выговорилъ набожное пожеланіе — малозначущее, надо признаться, — чтобы послѣднее дѣло его на пользу его соотечественниковъ могло быть успѣшнымъ. Затѣмъ его билль былъ прочтенъ во второй разъ, но только потому, что, при равенствѣ голосовъ, спикеръ подалъ рѣшающій голосъ въ его пользу — что́ было равносильно пораженію....»

«И теперь, да помогутъ мнѣ музы спѣть совсѣмъ новую пѣсню! Во вторникъ собрался совѣтъ министровъ въ казенной квартирѣ премьера, на Доунинг-Стритѣ, и я попробую описать что́ именно, сообразно съ безпорядочнымъ воображеніемъ бѣдняги беллетриста, было сказано или могло быть сказано, сдѣлано или могло быть сдѣлано, при столь священно-торжественномъ случаѣ.

«Бѣдный беллетристъ весьма часто попадаетъ въ какой-нибудь просакъ вообще при разныхъ описаніяхъ, о чемъ ему и сообщаютъ жесткимъ манеромъ критики, а друзья его сердца съ нѣжностью. Онъ иногда побуждается говорить о вещахъ, опустивъ предварительно освоиться съ ихъ природою, какъ то слѣдовало бы ожидать отъ добросовѣстнаго беллетриста. Онъ ловитъ лососей въ октябрѣ, а въ мартѣ стрѣляетъ куропатокъ. У него даліи цвѣтутъ въ іюнѣ, и птицы поютъ осенью. У него опера начинается до пасхи, а парламентъ засѣдаетъ въ чет-

вергъ вечеромъ. Не говорю уже о сѣтяхъ юридическихъ! Ну какъ бѣдному сочинителю, въ настоящее страстное время создать необходимый, забирательный интересъ, не вдаваясь въ судебныя затрудненія. Какъ провесть лодку посреди этихъ шхеръ безъ лоцмана, когда шхеры нарочно созданы для того, чтобы лоцманъ былъ необходимостью? Но положимъ еще, въ юридическихъ затрудненіяхъ можно найти лоцмана, который подастъ руку помощи. А кто подастъ помощь при описаніи столь высокоторжественной матеріи, какъ засѣданіе кабинета? Никто. Разсказать что-нибудь могли бы только тѣ, кто ничего не скажетъ. Правда, зато тутъ представляется и нѣкоторая безопасность: какъ ни удались отъ правды, никто не обличитъ, потому что для этого надо быть членомъ кабинета.

«Въ большой, темной комнатѣ, гдѣ полъ покрытъ турецкимъ ковромъ, а на срединѣ стоитъ большой столъ темнаго краснаго дерева, на тяжелыхъ рѣзныхъ ногахъ, старый разсыльный въ два часа пополудни дѣлалъ приготовленія для удобства министровъ ея величества. Столъ этотъ былъ бы достаточно великъ для трапезы четырнадцати гостей; вдоль его, на сторонѣ противоположной камину, стояло шесть неуклюжихъ стульевъ, добрыхъ, удобныхъ для сидѣнья, такъ какъ не только само сидѣнье, но и спинки въ нихъ были набиты. На сторонѣ же ближайшей къ камину стулья разставлены были не въ рядъ, а неправильно и между ними стояли четверо креселъ попарно на каждомъ концѣ. Въ этой комнатѣ четыре окна, выходящія на сент-джемскій паркъ, и окна эти снабжены тяжелыми, темными гардинами, соотвѣтствующими полновѣсности происходящихъ здѣсь рѣшеній. Въ прежніе дни эта комната служила столовою поочередно нѣсколькимъ премьерамъ. Она служила храмомъ семейныхъ обѣденныхъ пенатовъ Питту, и въ ней же скучный лордъ Ливерпуль годъ за годомъ скучалъ посреди скучныхъ своихъ друзей. Но нынѣшніе министры находятъ болѣе удобнымъ жить въ частныхъ домахъ, и иногда въ нихъ же собираютъ и все министерство. Но при управленіи г. Мильдмея, засѣданія совѣта обыкновенно происходили въ этой древней комнатѣ оффиціальнаго его мѣста жительства. Трижды передвигалъ старый курьеръ каждое кресло, то немножко въ одну сторону, то въ другую, и каждый разъ потомъ осматривалъ ихъ, какъ будто настроеніе будущаго собранія могло отчасти зависѣть отъ удобства, доставленнаго его членамъ. Могло случиться, что г. Мильдмей, сидя совершенно покойно, такъ чтобы слышать всякое слово безъ напряженія слуха, и видѣть ясно выраженіе лицъ своихъ товарищей, и ощущать пріятность теплоты, не подвергая сво-

ихъ лядвей опаленію, — не сталъ бы настаивать на выходѣ въ отставку. Если таковъ могъ быть результатъ, то какую огромную важность имѣли труды почтеннаго курьера. Окинувъ комнату нѣсколько разъ заботливымъ взглядомъ, перепробовавъ рукою устойчивость каждаго стула, коснувшись гардинъ, онъ наконецъ смахнулъ пыль съ нѣкоторыхъ бумагъ, лежавшихъ на боковомъ столикѣ, такихъ бумагъ, которыя лежали тамъ уже года два, безъ всякой пользы для кого бы то ни было. Затѣмъ, онъ потихоньку опустился въ стулъ стоявшій возлѣ двери, пребывая на сторожѣ, чтобы кто-нибудь непрошенный не забрался въ мѣсто тайныхъ совѣщаній.

«Скоро послышался за дверью звукъ разныхъ голосовъ, голосовъ довольно веселыхъ, самодовольныхъ, голосовъ, по тону которыхъ можно было судить, что обладателямъ ихъ хорошо жить на свѣтѣ. Затѣмъ, въ комнату вошло четверо или пятеро джентльменовъ. На первый взглядъ, это были совершенно обыкновенные джентльмены, такіе, какихъ вы встрѣчаете вездѣ вокругъ Пэлл-Мэлла въ послѣполуденное время. Наружность ихъ нисколько не была запечатлѣна величіемъ государственной мудрости и полновѣснымъ достоинствомъ министерскаго званія. Вотъ этотъ низенькій человѣкъ въ короткомъ сюртукѣ, можно даже сказать въ пиджакѣ, который размахиваетъ зонтикомъ и не носитъ перчатокъ, это знаете кто—самъ лордъ-канцлеръ,—лордъ Уизлингъ, сдѣлавшій себѣ въ должности генеральнаго адвоката состояніе въ сотню тысячъ фунтовъ и признаваемый первымъ юристомъ нашего времени. Ему пятьдесятъ лѣтъ, но ему кажется не болѣе сорока, и по внѣшности его можно бы принять за чиновника военнаго министерства, достаточнаго и любимаго своими сослуживцами. Съ нимъ стоитъ сэръ Гарри Кольдфутъ, по спеціальности тоже юристъ, но никогда не занимавшійся юридическою практикой. Онъ уже тридцать лѣтъ сидитъ въ палатѣ, а теперь онъ министръ внутреннихъ дѣлъ. Онъ—толстый, здоровый, сѣдой джентльменъ и въ чертахъ его уже никакъ не отражаются заботы управленія. А между тѣмъ, ни одного министра не отдѣлываютъ такъ въ печати, и про него говорятъ, что онъ охотно подарилъ бы кому-нибудь изъ своихъ политическихъ враговъ управленіе полиціею и тяжелую обязанность рѣшенія по аппеляціямъ въ уголовныхъ дѣлахъ. Позади ихъ—нашъ пріятель Монкъ, молодой лордъ Кэнтринъ, министръ колоній, въ настоящее время самый бойкій изъ молодыхъ пэровъ, украшающихъ нашу наслѣдственную палату, и сэръ Мармадюкъ-Моркомбъ, канцлеръ ланкастерскаго герцогства. Для чего сэръ Мармадюкъ постоянно включался въ кабинеты г. Мильдмея,

этого никто не зналъ. Въ качествѣ канцлера герцогства ланкастерскаго ему дѣлать было нѣчего, а еслибы было что, такъ онъ бы не съумѣлъ. Въ палатѣ онъ говоритъ рѣдко и говоритъ плохо. Онъ—красивый мужчина, то-есть былъ бы красивъ, еслибы не портилъ себя надутостью. Въ молодости онъ служилъ въ гвардіи, а переставъ быть молодымъ, поступилъ въ парламентъ, гдѣ и пребываетъ съ тѣхъ поръ. Надо думать, что г. Мильдмей что-нибудь да находитъ же въ немъ, призвавъ его уже три раза въ составъ кабинета; по всей вѣроятности, онъ находитъ въ немъ личную преданность и покорность себѣ.

«Минуты черезъ двѣ, въ комнату совѣта вошелъ герцогъ, съ Плантаженетомъ Паллизеромъ. Герцогъ, какъ всѣмъ извѣстно—герцогъ Сент-Бонгэй, истинный глава аристократическихъ старыхъ виговъ въ странѣ, человѣкъ, о которомъ трижды говорили, какъ о предполагаемомъ первомъ министрѣ, который и могъ бы занять этотъ постъ, еслибы самъ не сознавалъ своей къ нему неспособности. Совѣтъ герцога былъ спрашиваемъ при образованіи кабинетовъ впродолженіи послѣднихъ лѣтъ тридцати пяти, а между тѣмъ, онъ и теперь еще не кажется старикомъ. Это—бойкій, любимый, умный, добросовѣстный человѣкъ, которому исправность пищеваренія облегчаетъ бремя политическихъ дѣлъ, но который серьёзно думалъ о благѣ своей страны, и навѣрное оставитъ послѣ себя мемуары.... Плантаженетъ Паллизеръ — самъ наслѣдникъ герцогскаго титула, былъ молодой канцлеръ казначейства въ этомъ кабинетѣ, и нѣкоторые государственные мужи видѣли въ немъ восходящее свѣтило современности. Если усердіе, прямота намѣреній и довольно свѣтлый умъ для этого достаточны, то Планти-Пэллъ, какъ его прозываютъ за-просто, можетъ сдѣлаться великимъ министромъ....

«Но вотъ цѣлая группа министровъ и посреди ея уважаемый сѣдой старецъ - премьеръ. Тутъ же и г. Грешэмъ, министръ иностранныхъ дѣлъ, котораго считаютъ величайшимъ ораторомъ въ Европѣ и на чьи плечи, какъ знали всѣ, должна была скоро спасть мантія г. Мильдмея. Всѣ знали также, что г. Грешэмъ будетъ носить ее совсѣмъ иначе, чѣмъ г. Мильдмей. Дѣло въ томъ, что у г. Грешэма нѣтъ сочувствій къ прошлому, нѣтъ историческихъ связей, почти нѣтъ воспоминаній; онъ живетъ исключительно для будущаго, которому онъ самъ хочетъ дать форму, произведенную на-ново, силою собственнаго его ума. Между тѣмъ, какъ у г. Мильдмея даже и любовь къ реформѣ есть только наслѣдственная привязанность къ старосвѣтскому либерализму. Съ ними стоитъ г. Леджъ-Вильсонъ, братъ одного пэра, и въ настоящее время военный министръ, человѣкъ весьма

ученый и пріятный джентльменъ, весьма гордившійся своимъ министерскимъ положеніемъ, хотя и знавшій, что достигъ его не политическою дѣятельностью....» Пропускаемъ портреты нѣсколькихъ министровъ, и въ томъ числѣ — графа Брентфорда, хранителя тайной печати, который играетъ роль въ интригѣ романа, но не представляетъ собою никого изъ дѣйствительно существующихъ лицъ. Изъ такихъ, живыхъ лицъ, читателю уже знакомы г. Мильдмей—графъ Россель, г. Грешэмъ—Гладстонъ, лордъ Сент-Бонгэй—лордъ Грэнвилль; менѣе извѣстныхъ напрасно называть, и намъ достаточно будетъ признать еще въ г. Леджѣ-Вильсонѣ извѣстпаго писателя сэра Корнуэлля-Люиза. «Г. Мильдмей занялъ одно изъ креселъ, а лордъ Плинлиммонъ прислонился къ столу, у самаго бока перваго министра. Г. Грешэмъ остался стоя, у угла камина, подальше отъ Мильдмея, а г. Паллизеръ сталъ у другого угла. Герцогъ сѣлъ на кресло подлѣ премьера. Лордъ-канцлеръ присѣлъ на столъ....

— «Результатъ еще не такъ дуренъ, какъ я ожидалъ, произнесъ герцогъ, во всеуслышаніе, но обращаясь преимущественно къ первому министру.

— «Ну, результатъ довольно плохой, сказалъ г. Мильдмей, смѣясь.

— «Совсѣмъ плохой, прибавилъ сэръ Мармадюкъ-Моркомбъ, не смѣясь нисколько.

— «Жаль, что пропалъ такой славный билль, замѣтилъ лордъ Плинлиммонъ;—хуже всего въ этихъ пораженіяхъ то, что тотъ же самый билль уже не можетъ быть предложенъ въ другой разъ.

— «Такъ что, если провалившійся билль былъ самый лучшій, то тотъ, который не провалится, можетъ быть только билль второго сорта, пошутилъ лордъ-канцлеръ.

— «Правду сказать, я полагалъ, что послѣ преній бывшихъ до Пасхи, намъ не придется понесть пораженіе на вопросѣ о тайной балотировкѣ, сказалъ г. Мильдмей.

— «Это подготовлялось для насъ уже все время,—произнесъ г. Грешэмъ, и махнулъ рукой, и сжалъ губы, какъ бы сдерживая слова́, которыхъ едва не выговорилъ, и которыя, по всей вѣроятности, не были бы комплиментомъ насчетъ г. Торнболла. Потомъ, онъ обернулся къ лорду Кэнтрипу и что-то сказалъ ему вполголоса. Надо замѣтить, что во все продолженіе совѣщанія, ни разу даже не было упомянуто имя Торнболла.

— «Да, къ сожалѣнію, кажется, что это подготовлялось давно, важно подтвердилъ сэръ Мармадюкъ.

— «Ну, господа, намъ остается принять результатъ, каковъ

онъ есть, сказалъ г. Мильдмей, продолжая улыбаться, — и теперь намъ предстоитъ обсудить, какъ мы должны поступить въ настоящую минуту». Тутъ онъ остановился, какъ бы ожидая совѣтовъ поочередно со стороны своихъ товарищей. Но никто не выразилъ такого совѣта, да и самъ г. Мильдмей въ дѣйствительности навѣрное не надѣялся, что кто-нибудь произвольно дастъ совѣтъ.

— «Мы конечно не можемъ остаться здѣсь,—произнесъ герцогъ. Герцогъ былъ уполномоченъ сказать это. Но хотя всѣ присутствующіе знали, что такъ именно поступить слѣдуетъ, никто, кромѣ герцога, не высказалъ бы этого прежде, чѣмъ высказался бы самъ премьеръ.

— «Да, сказалъ г. Мильдмей, полагаю, что намъ едвали можно оставаться. Вѣроятно, никто изъ васъ, господа, и не желаетъ этого?» онъ взглянулъ вокругъ, на своихъ товарищей, которые какъ-то безмолвно выразили согласіе. Г. Мильдмей продолжалъ: «мы должны имѣть въ виду главнымъ образомъ двѣ вещи,— онъ говорилъ очень тихо, но всѣ слышали каждое его слово — именно: дѣло страны и желаніе королевы. Я предполагаю видѣть ея величество сегодня въ пять часовъ, — то-есть часа черезъ два, и надѣюсь, что часовъ въ семь, буду имѣть возможность сообщить палатѣ о томъ, что произойдетъ между ея величествомъ и мною. Мой другъ — его свѣтлость сдѣлаетъ тоже самое въ палатѣ лордовъ. Если вы на то согласны, господа, я объясню королевѣ, что дальнѣйшее пребываніе наше въ должностяхъ несогласно съ интересами страны, и поднесу ея величеству ваши и мою просьбы объ отставкѣ.

— «Вы посовѣтуете ея величеству послать за лордомъ де-Терріеромъ, сказалъ г. Грешэмъ.

— «Да, конечно;—другого выбора не предстоитъ мнѣ.

— «И ей, замѣтилъ г. Грешэмъ. На это замѣчаніе, сдѣланное тѣмъ министромъ, которому предстояла главная роль, не возразилъ никто; но трое или четверо изъ наиболѣе опытныхъ служителей престола, здѣсь присутствовавшихъ, почувствовали, что г. Грешэмъ выразился неосторожно. Герцогъ, который всегда смотрѣлъ на г. Грешэма съ опасеніемъ, впослѣдствіи сказалъ г. Паллизеру, что такое замѣчаніе было неумѣстно; сэръ Гарри Кольдфутъ былъ озадаченъ имъ, а сэръ Мармадюкъ спросилъ г. Мильдмея, каково на этотъ счетъ *его* мнѣніе. «Времена много измѣняются, отвѣчалъ ему г. Мильдмей, а со временами перемѣняются и чувства людей». Сомнѣваюсь однако, чтобы сэръ Мармадюкъ вполнѣ понялъ смыслъ его словъ».

Затѣмъ Мильдмей предложилъ своимъ товарищамъ обыкно-

венную въ подобныхъ случаяхъ программу: въ случаѣ, если вожди оппозиціи не почувствуютъ за собою довольно силы въ странѣ, чтобы вступить въ управленіе и не рѣшатся произвесть новыхъ выборовъ, такъ какъ въ настоящемъ парламентѣ не было достаточнаго большинства ни на той, ни на другой сторонѣ, въ такомъ случаѣ англійскимъ министрамъ приходится, несмотря на пораженіе, понесенное ими по важному вопросу, остаться при исправленіи своихъ должностей до тѣхъ поръ, пока не вотированъ бюджетъ или другія дѣла, не терпящія отлагательства, и затѣмъ—распустить парламентъ, назначивъ новые выборы, на которыхъ страна сама и рѣшаетъ вопросъ о томъ, кто пользуется ея довѣріемъ. Послѣ описаннаго Троллопомъ совѣщанія министровъ, онъ вставилъ небольшой разговоръ, который мы еще приведемъ.

— «Онъ столько же думаетъ отказаться отъ дѣятельности, сколько вы или я,—сказалъ лордъ Кэнтрипъ г. Грешэму, когда они шли вмѣстѣ изъ дома министерства черезъ сент-джемскій паркъ, по направленію къ клубамъ.

— «Онъ пожалуй, и правъ, сказалъ г. Грешэмъ.

— «То-есть по отношенію къ интересамъ страны или къ его собственнымъ интересамъ? спросилъ лордъ Кэнтрипъ.

— «По отношенію къ его славѣ въ будущемъ. Всѣ тѣ, кто отрекался и остался вѣренъ своему отреченію, утратили этимъ долю своего значенія. Цинцинната вернули, а Карла V осуждаютъ. Тѣ персиковыя деревья, которыя насаждались отставными министрами, и о которыхъ намъ повѣствуютъ, представляли по большей части занятіе не свободно-избранное ими; таковъ по крайней мѣрѣ бываетъ общій выводъ, въ концѣ концовъ.

«Должно быть это они говорили о г. Мильдмеѣ, — прибавляетъ Троллопъ,—о которомъ нѣкоторые изъ его товарищей, зная, что ему предстоитъ выйти въ отставку, думали, что онъ при этомъ же случаѣ объявитъ о своемъ намѣреніи отказаться навсегда отъ политической дѣятельности».

Извѣстно, что лордъ Джонъ Россель только впослѣдствіи, получивъ графскій титулъ и перейдя въ палату лордовъ, отказался отъ дальнѣйшаго предводительства въ либеральной партіи, уступивъ его Гладстону.

VI.

Отъ окончанія политической карьеры лордомъ Росселемъ, обратимся къ условіямъ начала политической карьеры въ Англіи.

Необходимая и исключительная ея арена есть — палата общинъ. Занять политическое положеніе въ Англіи внѣ трудовъ въ парламентѣ, въ Англіи можно только при помощи отличныхъ успѣховъ на поприщахъ судебномъ и военномъ. Но и то, чтобы отличнѣйшему юристу сдѣлаться напр. лордомъ-канцлеромъ, необходимо пройти чрезъ парламентъ, не говоря уже о томъ, что военныя заслуги могутъ только дать человѣку популярность въ народѣ и облегчить ему какъ вступленіе въ парламентъ, такъ и успѣхи въ немъ, если онъ одаренъ необходимыми политическими способностями. Никакой воинъ, мимо парламента, не сдѣлается военнымъ министромъ, и военными министрами бывали штатскіе. Ничего похожаго на наши континентальныя условія, посреди которыхъ мечъ проникаетъ всюду, по своей полновѣсности, какъ бы ни была бездарна руководящая имъ голова, и какъ бы даже ни былъ онъ тупъ самъ по себѣ, въ своемъ качествѣ побѣдоноснаго орудія.

Такъ какъ всякая политическая сила болѣе и болѣе сосредоточивается въ парламентѣ и въ настоящее время именно въ палатѣ общинъ, то и всякая политическая карьера начинается съ парламента. Стало быть, говоря о такихъ карьерахъ, намъ придется говорить о выборахъ. Возьмемъ изъ разсказовъ Троллопа нѣсколько типовъ и прослѣдимъ по нимъ, каковы бываютъ условія для начала политической карьеры въ Англіи. При этомъ необходимо напомнить еще разъ, что мы говоримъ о періодѣ переходномъ, въ которомъ преобладаютъ еще очень замѣтно аристократическія преданія, а въ частной жизни еще положительно преобладаетъ аристократическій духъ. «Въ Англіи всѣ заражены духомъ аристократства,— говорилъ намъ одинъ французскій публицистъ,—и самый отъявленный аристократъ въ Англіи, это—лакей. Самая многочисленная и самая надутая іерархія въ Англіи, это—іерархія всѣхъ ступеней лакейства». И въ самомъ дѣлѣ — стóитъ вспомнить мастерскіе типы англійскихъ лакеевъ у Тэккерея.

Но мы говоримъ теперь объ аристократахъ настоящихъ, кровныхъ. Плантаженетъ Паллизеръ — который, какъ читатель уже видѣлъ, успѣлъ сдѣлать политическую карьеру и достигъ даже званія министра финансовъ въ кабинетѣ г. Мильдмея—настоящій, кровный аристократъ. Высокаго положенія своего въ управленіи онъ, правда, достигаетъ только добросовѣстнымъ и весьма тяжелымъ трудомъ; для этого онъ много лѣтъ живетъ только цифрами бюджета, посвящаетъ себя всего изученію «синихъ книгъ». Но самое начало политической карьеры было для него весьма легко именно благодаря его рожденію. Король Ри-

чардъ Львиное-Сердце или Эдуардъ III возвращался однажды съ охоты, или съ войны, или съ чего бы то ни было, и когда онъ въѣхалъ въ Мэчингову дубовую рощу, то здѣсь его встрѣтилъ Sir Guy de Palisere и видя, что король усталъ, вынулъ фляжку съ ромомъ и подалъ ее королю. Это была счастливая мысль, и глотокъ рому сэръ Гей сбылъ весьма выгодно, ибо король тотчасъ пожаловалъ ему всѣ земли вокругъ Мэчинга. Тутъ же вблизи былъ монастырь, и младшій изъ Паллизеровъ впослѣдствіи обыкновенно бывалъ его игуменомъ. И съ той поры въ фамиліи Паллизеровъ кто-нибудь всегда носитъ имя Плантаженета. Но Паллизеры, со временъ того короля, который теперь ѣдетъ верхомъ мимо домовъ парламента въ Вестминстерѣ, должно быть проявили свою дѣятельность въ странѣ еще чѣмъ-нибудь, кромѣ удачной встрѣчи этого короля, ибо въ настоящее время глава дома Паллизеровъ носитъ герцогскій титулъ и есть именно самый важный, самый знатный, самый вліятельный лордъ въ Англіи. Владѣнія этого герцога столь обширны, и вліяніе его такъ велико, что авторъ не находитъ для него самого иного имени какъ duke of omnium, а замокъ его вмѣщаетъ въ себѣ такое множество приверженцевъ и гостей, что авторъ далъ ему нѣсколько варварское названіе Gatherum-castle. Глава Паллизеровъ, герцогъ Омніумъ — холостъ, а потому наслѣдникъ его титула — племянникъ его Плантаженетъ Паллизеръ. Вотъ почему «Планти-Пэллъ» долженъ былъ рано жениться, и вымаливать себѣ въ потомки сына. Въ случаѣ если у него не будетъ сына, то хотя онъ самъ и наслѣдуетъ титулъ, и будетъ въ свое время герцогомъ Омніумъ, и въ этомъ качествѣ весьма вліятельнымъ нобльменомъ и кавалеромъ Подвязки, хотя бы онъ и не участвовалъ въ дѣятельности политической и даже ровно ничего не дѣлалъ — какъ почтенный его дядюшка, — но титулъ и несмѣтное богатство не останутся въ его семействѣ, а перейдутъ послѣ его смерти къ младшему его брату.

Планти-Пэллъ женится на дѣвушкѣ тоже очень богатой, но къ несчастью для Плантаженета, у котораго вся душа такъ-сказать ушла въ политику, дѣвушка эта, леди Гленкора, одарена также богатымъ воображеніемъ, страстною природою и вдобавокъ влюблена въ нѣкоего расточительнаго, безумнаго красавца. За Паллизера она выходитъ просто потому, что не въ силахъ противустать цѣлому сонмищу леди-тётокъ и лордовъ-дядей и разныхъ «достопочтенныхъ» и «весьма достопочтенныхъ» родственниковъ, которые гонятъ ее въ объятія будущаго герцога Омніумъ. Троллопъ — большой мастеръ изображать женскіе типы, и романъ леди Гленкоры возбуждаетъ большой интересъ.

Самъ Плантаженетъ Паллизеръ — высокій, худощавый мужчина, лѣтъ тридцати «повидимому», наружности весьма джентльменской, но вовсе не замѣчательной. У него въ глазахъ виденъ умъ, въ очертаніи губъ твердость, но вообще лицо его не представляетъ рѣшительно ничего оригинальнаго, такъ что его можно видѣть много разъ и все-таки не запомнить. Онъ — человѣкъ сухой для всего, кромѣ политики, т.-е. работы, карьеры, стремленія ко власти. Это типъ совершенно англійскій и чуждый въ особенности нашей аристократіи. Наслѣдникъ важнѣйшаго титула и одного изъ громаднѣйшихъ богатствъ въ странѣ, онъ все-таки совершенно посвящаетъ себя трудной, даже мелочной работѣ, съ тѣмъ, чтобы пріобрѣсть себѣ въ странѣ значеніе личное, быть не только однимъ изъ ряда герцоговъ Омніумъ, но и замѣтною по собственнымъ своимъ дѣламъ и достоинствамъ личностью, наконецъ и съ тѣмъ, чтобы содѣйствовать успѣхамъ той партіи, въ которой онъ родился и которой принципы усвоилъ себѣ. И замѣтьте, что именно въ Англіи такому человѣку какъ Паллизеръ вовсе не нужно служить, чтобы имѣть значеніе въ обществѣ. По самому рожденію, онъ получитъ въ свое время мѣсто въ палатѣ лордовъ и даже голубую ленту. Чтобы имѣть значеніе въ обществѣ и соблюсти приличіе, ему нѣтъ необходимости проходить ни черезъ четырнадцатый, ни черезъ четвертый классъ. Но Плантаженетъ Паллизеръ избралъ себѣ спеціальность — финансовую науку, финансовую политику, и вотъ цѣлью всей его жизни сдѣлалось поражать на этомъ полѣ партію тори, помогать финансамъ вигизма, сдѣлаться современемъ, послѣ упорнаго труда и многихъ разочарованій, канцлеромъ казначейства, содѣйствовать торжеству либеральной партіи лучшимъ устройствомъ финансовъ страны, а также участіемъ въ проведеніи общихъ реформистскихъ мѣръ, и тѣмъ оправдать почетъ своего древняго дома и въ нашемъ времени, которое уже начинаетъ цѣнить людей только по дѣйствительнымъ ихъ заслугамъ.

Паллизеръ, какъ мы сказали, человѣкъ сухой. Онъ сухъ даже и въ парламентѣ, гдѣ затрогиваются наиболѣе чувствительныя его струны,—и гдѣ сосредоточенъ весь его интересъ. «Рожденный въ пурпурѣ [1]), наслѣдникъ высшей степени и одного изъ наибольшихъ состояній въ странѣ», рисуетъ его авторъ, «богатый и собственнымъ своимъ состояніемъ, по женѣ, окруженный всѣми соблазнами роскоши и удовольствія, онъ однако работалъ съ жестокою энергіею какого-нибудь начинающаго адвоката, безъ

[1]) Can you forgive her.

гроша за душою, работающаго для столь же бѣдной жены; и работая такимъ образомъ, Паллизеръ не побуждался собственно говоря никакимъ личнымъ разсчетомъ, кромѣ желанія быть признаннымъ въ числѣ общественныхъ дѣятелей, служителей Англіи. Онъ не имѣлъ въ себѣ ничего блестящаго и очень хорошо зналъ это. Въ настоящее время онъ уже достигъ того, что въ палатѣ *слушали* его, когда онъ говорилъ. Но ему внимали, какъ работящему человѣку, о которомъ знали, что онъ все, что̀ дѣлаетъ—дѣлаетъ серьёзно, что факты, которые онъ приводитъ, онъ собралъ обстоятельно, и что хотя онъ и скученъ, но заслуживаетъ довѣрія. А скученъ онъ былъ въ самомъ дѣлѣ. Онъ, пожалуй, даже гордился тѣмъ что былъ скученъ, и что, несмотря на то, заставлялъ себя слушать. Никогда онъ не позволялъ себѣ въ рѣчахъ на малѣйшей шутки, и не прибѣгалъ даже къ слабѣйшей дозѣ краснорѣчія. Рѣчь его была всегда старательна, такъ какъ онъ день и ночь работалъ, чтобы усвоить себѣ точность выраженій; онъ говорилъ безъ всякихъ повтореній и шелъ прямо къ тому спеціальному предмету, который въ то время онъ имѣлъ въ виду. Онъ даже составилъ себѣ мнѣніе, что краснорѣчіе само по себѣ, какъ краснорѣчіе, составляетъ грѣхъ противъ той добросовѣстности въ политическихъ дѣлахъ, которую онъ поставилъ себѣ правиломъ. Онъ говорилъ просто съ цѣлью сообщить другимъ такіе факты, которые были извѣстны ему, но не желалъ, чтобы самый способъ выраженія этихъ фактовъ обращалъ на себя вниманіе. Одною силою дарованія онъ не могъ бы быть существенно полезенъ своей партіи, но способности его были достаточны для того, чтобы сдѣлать его образованіе, честность и усердіе полезными въ высшей степени. Такіе люди особенно полезны именно по тому довѣрію, какое они къ себѣ внушаютъ, довѣрію не только къ ихъ ревности, ибо и всякій человѣкъ изъ народа можетъ быть хорошимъ работникомъ, и не только къ честности и патріотизму ихъ. Особое довѣріе присвоивается имъ въ силу ихъ соединенныхъ свойствъ: усердія, добросовѣстности, соединенныхъ съ такою *личною ставкою* въ дѣлѣ страны, которая даетъ имъ вѣсъ и балластъ, недоступный въ Англіи никому изъ тѣхъ политиковъ, кто такою ставкою не обладаетъ». Въ этомъ опредѣленіи Троллопа — безусловно вѣрномъ относительно переходнаго періода, когда основою политики было имущество, когда на само государство смотрѣли болѣе всего съ *имущественной* точки зрѣнія,—необходимо произойдутъ измѣненія, когда въ палату общинъ вступятъ представители интересовъ рабочихъ. Представители рабочихъ классовъ не будутъ имѣть личной ставки въ судьбахъ страны, но представляемый ими классъ въ совокупности

участвуетъ въ ея судьбахъ наибольшею ставкою, соединяя въ себѣ интересы огромнаго большинства *личностей* и ихъ труда, который и служитъ источникомъ какъ для составленія денежныхъ капиталовъ, такъ и для эксплуатаціи недвижимыхъ имуществъ. Таковъ именно долженъ быть основной смыслъ той перемѣны, къ которой приблизилась Англія съ тѣхъ поръ, какъ она открыла значительной массѣ рабочихъ доступъ къ избирательству. И вотъ почему въ послѣдней реформѣ мы видимъ истинную эру, и предшествовавшій ей полу-аристократическій, полу-буржуазный, и въ общности—капиталистскій періодъ называемъ переходнымъ.

Паллизеръ не вдругъ возвысился до званія министра финансовъ; онъ долгое время работалъ для этого и въ палатѣ, и въ подчиненныхъ должностяхъ. «Онъ работалъ даже съ бо́льшею энергіею, чѣмъ обыкновенно работаютъ министры, но до сихъ поръ онъ работалъ безъ всякаго такого вознагражденія, которое бы что-нибудь значило для него. Жалованье, которое онъ получалъ, когда занималъ какую-либо второстепенную должность, для него ничего не значило; для него ничего не значитъ и то большое жалованье, которое онъ получитъ, если осуществится его надежда. Онъ стремится къ вознагражденію совсѣмъ иного рода: преобладать надъ другими людьми, быть признаваему соотечественниками въ числѣ дѣйствительныхъ ихъ правителей, имѣть дѣйствительный, признанный голосъ въ судьбахъ народовъ — таковы были награды, которыхъ онъ себѣ желалъ».

Итакъ, пріобрѣтеніе голоса въ дѣлахъ, вліяніе на ходъ дѣлъ въ Англіи сто́итъ немалаго труда и для человѣка, который родился на высшей ступени общества: необходимо высшее образованіе, настойчивый, реальный личный трудъ и добросовѣстность, внушающая довѣріе. Но самый доступъ къ политической дѣятельности, входъ на парламентскую сцену для такого человѣка былъ конечно очень легокъ въ Англіи, при существованіи мелкихъ избирательныхъ округовъ, совершенно подчиненныхъ аристократіи. Таковъ былъ округъ Сильвербриджъ, принадлежавшій герцогу Омніумъ. Это было фамильное мѣсто Паллизеровъ въ палатѣ общинъ. Выборы производились тамъ только для формы; избирался, безъ всякой борьбы, даже безъ конкурренціи, тотъ же, кого указывалъ главноуправляющій герцога. Кто-нибудь изъ членовъ фамиліи постоянно избирался въ округѣ; сверхъ того, въ самомъ мѣстечкѣ избирался тотъ, кого они хотѣли. Такъ Паллизеры даютъ мѣсто «мужу пріятельницы жены» Плантаженета. И такъ поступали, безъ всякаго стѣсненія, и тѣ изъ аристократовъ,

которые принадлежали къ партіи либеральной! Мы еще встрѣтимся съ такимъ примѣромъ.

Паллизеръ, какъ мы уже видѣли, достигъ своей непосредственной цѣли—сдѣлался министромъ финансовъ. Но пока онъ стремился къ ней и работалъ для ея достиженія, его едва не постигло семейное несчастіе. Жена его, не находя никакого отголоска въ скучномъ, сухомъ характерѣ мужа, вѣчно заваленнаго синими книгами и думающаго единственно о дѣлахъ—была уже недалеко отъ того, чтобы убѣжать съ тѣмъ молодымъ человѣкомъ, котораго любила еще до выхода замужъ. Только робость помѣшала ей это сдѣлать. Но Паллизеръ былъ прежде всего человѣкъ долга; въ эту критическую минуту ему какъ разъ предложили постъ канцлера казначейства, но онъ увидѣлъ свой долгъ въ томъ, чтобы спасти жену отъ увлеченія, а потому предложилъ ей ѣхать вмѣстѣ заграницу, и отказался отъ того поста, который составлялъ непосредственную цѣль всѣхъ его помышленій и долговременныхъ трудовъ. Постъ этотъ однако и впослѣдствіи не ушелъ отъ него, а между тѣмъ охранить свой семейный очагъ ему удалось, благодаря именно этому акту самопожертвованія; леди Гленкора поняла всю великость такой жертвы, оцѣнила поступокъ мужа и они зажили удовлетворительно.

Рожденіе сына было событіемъ огромной важности для всего семейства Паллизеровъ по причинамъ, о которыхъ уже упомянуто. *Самъ* герцогъ пріѣхалъ въ свой замокъ ко времени этого событія, какъ будто это могло способствовать тому, чтобы леди Гленкора разрѣшилась отъ бремени именно *наслѣдникомъ*, а не дочерью. Леди Гленкора писала о своемъ мужѣ въ это время: «онъ подходитъ къ моему дивану, наклонитъ голову и смотритъ на меня самымъ чуднымъ образомъ, какъ будто женщина, которая должна родить ему ребенка, есть нѣкое чудо въ природѣ. Говоритъ онъ съ видомъ торжественно-ужаснымъ, и молчитъ еще торжественнѣе и ужаснѣе. Чортъ подшепнулъ мнѣ на-дняхъ сказать, будто я надѣюсь, что это будетъ дѣвочка. Онъ такъ взглянулъ на меня, что я почти испугалась».... И послѣ рожденія: «всего мучительнѣе, что у меня въ это время было два властелина (мужъ и герцогъ)».—«Г. Паллизеръ, навѣрное, не сказалъ бы вамъ ничего, еслибы родилась и дочь».—«Да, онъ не сказалъ бы ничего, ничего не сказалъ бы и *самъ* герцогъ. Герцогъ просто немедленно бы уѣхалъ и никогда бы не взглянулъ на меня до тѣхъ поръ, пока бы не представилась новая *вѣроятность*, если она когда-либо представится. А г. Паллизеръ оказался бы навѣрное нѣжнымъ какъ голубокъ; гораздо тише, чѣмъ онъ теперь,—такъ какъ мужчины рѣдко бываютъ тихи въ ми-

нуту торжества. Но тѣмъ не менѣе, я поняла бы, что̀ они оба чувствуютъ и думаютъ.... Да, ты, мой милашка-дитёнокъ, ты устроилъ все какъ лучше для мамаши». Самъ авторъ обращается къ этому ребенку такимъ образомъ: «чудесное, багрянородное дитя! Чего не сдѣлали боги для тебя, если только тебѣ удастся дожить до того, чтобы все это тебѣ досталось, если тебѣ удастся пережить ту ужасную заботливость, которою тебя окружатъ! Твое мѣсто будетъ лучше королевскаго престола, вліяніе твое больше королевскаго вліянія, и просторъ для дѣйствія, не стѣсненный королевскою короною. Богатство, которое ожидаетъ тебя, тоже не уступитъ королевскому и ты можешь съ нимъ дѣлать, что̀ захочешь. Ты будешь поставленъ во главѣ аристократіи той страны, гдѣ аристократамъ нѣтъ нужды становиться на ходули. Все, что̀ можетъ дать міръ, будетъ твоимъ».

Здѣсь кстати привесть еще два портрета этихъ аристократическихъ виговъ, и именно наиболѣе вліятельныхъ изъ нихъ по рожденію. «Герцогъ Омніумъ былъ особа весьма важная. Не знаю самъ почему, но общество смотрѣло на герцога Омніумъ какъ на лицо болѣе важное, чѣмъ герцогъ Сент-Бонгэй. Герцогъ Сент-Бонгэй былъ человѣкъ полезный, и былъ такимъ во всю свою жизнь, принимая участіе въ кабинетахъ и служа своей странѣ, усерднѣе кого-либо засѣдалъ въ палатѣ пэровъ, всегда былъ готовъ взяться за какое-либо хлопотливое дѣло, и былъ самымъ усерднымъ приверженцемъ г. Мильдмея, какъ главы либеральной партіи, и еще предшественника г. Мильдмея въ этомъ положеніи. Между тѣмъ какъ герцогъ Омніумъ никогда не посвятилъ и полъ-дня труду на пользу страны. Они оба носили Подвязку: герцогъ Сент-Бонгэй получилъ ее за услуги, а герцогъ Омніумъ былъ украшенъ голубою лентой за то собственно, что онъ былъ герцогъ Омніумъ. Первый былъ человѣкъ хорошій, нравственный, добрый мужъ, добрый отецъ, хорошій другъ. Другой — не имѣлъ такой репутаціи. А между тѣмъ въ свѣтѣ герцога Сент-Бонгэя ставили не особенно высоко, а на герцога Омніумъ смотрѣли почти съ благоговѣйнымъ трепетомъ. Мнѣ кажется, объяснить это можно отчасти тѣмъ, что герцогъ Омніумъ пребывалъ вдали отъ толпы. Ему удалось окружить себя таинственнымъ остаткомъ древняго величія, богатства и званія».

О герцогѣ Сент-Бонгэѣ газеты не разъ говорили, что нѣкоторое «высокопоставленное лицо» обращалось къ нему за совѣтами насчетъ назначенія первыхъ министровъ; то самое высокопоставленное лицо, конечно, которое въ одномъ романѣ Троллопа, при затруднительномъ столкновеніи между партіями, «те-

леграфируетъ за совѣтомъ въ Германію» (читай — въ Бельгію). Герцога Омніумъ это лицо не просило о политическихъ совѣтахъ. Но за то у него въ гостяхъ, въ за́мкѣ, бывали «ихъ высочества». Разумѣется — только высочества мужского пола, ибо герцогъ не былъ женатъ. И хотя это послѣднее обстоятельство само по себѣ не могло составить препятствія къ посѣщенію его за́мка дамами, такъ какъ хозяйкою въ этомъ за́мкѣ, во время деревенскаго сезона, была леди Гленкора, жена его наслѣдника, но были другія препятствія—именно ужасная нравственная репутація стараго холостяка. Впрочемъ, это было препятствіемъ только для самыхъ высокихъ посѣтительницъ, а свѣтскихъ дамъ бывало въ за́мкѣ герцога множество и онѣ—и вообще свѣтъ—смотрѣли на приглашеніе въ этотъ за́мокъ какъ на высочайшую честь и благополучіе. Имѣнія герцога были огромны и онъ постоянно еще увеличивалъ ихъ, скупая сосѣднія земли, какъ, напримѣръ, онъ стремится завладѣть землями лордовъ Лофтонъ [1]) или пріятеля своего Соуэрби, по его смерти. Выборами въ Сильвербриджѣ, какъ мы уже сказали, заправлялъ управляющій герцога, г. Фодергилль. Этотъ же джентльменъ и представлялъ собою герцога всегда, когда тому предстояло являться предъ толпою, хотя бы это была—толпа созванныхъ магнатомъ къ обѣду окрестныхъ помѣщиковъ, чиновниковъ и докторовъ. Въ такихъ случаяхъ, гостей принималъ въ залѣ г. Фодергилль, а въ назначенный часъ, *самъ* герцогъ торжественно выходилъ къ нимъ, удостоивалъ нѣсколькими словами наиболѣе почетныхъ, а всѣхъ поклономъ и садился съ ними за столъ. Но уже послѣ перваго блюда, онъ вставалъ и уходилъ къ себѣ въ апартаменты, никому не кланяясь, ни съ кѣмъ не прощаясь, для того, чтобы не помѣшать этому народу ѣсть и пить вдоволь и всласть на его счетъ. И это онъ называлъ гостепріимствомъ! И замѣчательно, что сосѣди все-таки продолжали считать за честь приглашеніе къ такимъ обѣдамъ; — герцогъ очевидно стоялъ слишкомъ высоко, чтобы къ нему можно было примѣнять требованія обыкновенной вѣжливости или считать себѣ униженіемъ его высокомѣріе, даже едва скрываемое имъ презрѣніе.

Таковы собранныя нами изъ разныхъ разсказовъ Троллопа черты этого типа. Личность Омніума у Троллопа выставлена въ слишкомъ опредѣленномъ и притомъ невыгодномъ свѣтѣ, чтобы можно было угадывать въ этомъ типѣ какое-нибудь дѣйствительно существующее лицо. Въ немъ, очевидно, изображено только положеніе нѣкоторыхъ высокопоставленныхъ, но празд-

[1]) Framley parsonage.

ныхъ виговъ, также, какъ въ Плантаженетѣ Паллизерѣ представленъ типъ аристократа-вига работящаго. Но вотъ еще аристократъ-вигъ, если не «работящій», то по крайней мѣрѣ занимающійся политикою: другой герцогъ—герцогъ Сент-Бонгэй. Въ немъ можно узнать лорда Грэнвилля, но конечно только именно по отношенію къ дѣятельности общественной, а не къ частной жизни. «О немъ давно говорили [1]), что онъ могъ бы быть премьеромъ, еслибы хотѣлъ. Его совѣта — какъ не разъ увѣряли газеты—спрашивало одно высокопоставленное лицо относительно выбора премьеровъ. Голосъ его въ совѣтѣ считался весьма вѣскимъ. Онъ слылъ крѣпкою опорой дѣла либерализма, хотя никто и не зналъ, что́ онъ собственно сдѣлалъ, не помнилъ даже хорошенько, что́ именно онъ говорилъ при такомъ-то случаѣ. Тѣ должности, которыя онъ принималъ самъ, обыкновенно не были сопряжены съ очень трудною работою (графъ Грэнвилль обыкновенно бывалъ президентомъ тайнаго совѣта, и только съ мѣсяцъ тому назадъ въ первый разъ занялъ весьма трудный постъ, именно министра иностранныхъ дѣлъ). Въ жаркихъ преніяхъ, онъ никогда не стоялъ грудью противъ главнаго натиска оппозиціоннаго краснорѣчія. Рѣчи его въ палатѣ (лордовъ) были обыкновенно коротки и пріятны, и въ нихъ слышался какъ бы скрытый ручеекъ легкой, забавной, неоскорбительной сатиры. Онъ былъ — чудесное олицетвореніе мудрости здраваго смысла. Онъ никогда не выходилъ изъ себя, и никогда не дѣлалъ промаховъ. Во время преній онъ никогда не горячился и никогда не застывалъ къ своему дѣлу. Онъ никогда не рисковалъ и никогда не трусилъ. Онъ никогда никого не «осаживалъ» и не позволялъ «осаживать» себя никому. Будучи кавалеромъ Подвязки и лордомъ-намѣстникомъ въ своемъ графствѣ (т.-е. въ провинціи, гдѣ были его имѣнія), наконецъ, будучи шестидесяти лѣтъ отъ роду, онъ еще обладалъ совершенно исправнымъ пищевареніемъ и вполнѣ благоустроеннымъ имѣніемъ. Онъ былъ большой любитель и покупщикъ картинъ, въ которыхъ, быть можетъ, зналъ мало толку, и книгъ—которыхъ онъ ужъ навѣрно не читалъ. Онъ пользовался общимъ уваженіемъ, и общее уваженіе было ему также необходимо, какъ воздухъ, которымъ онъ дышалъ».

VII.

Какъ ни различны всѣ эти типы — но общее между ними сходство въ томъ, что всѣмъ имъ легокъ былъ первый шагъ,

[1]) Can you forgive her.

доступъ къ политической дѣятельности. Люди иныхъ сферъ, конечно, находятся въ совсѣмъ иныхъ условіяхъ. Бѣдный человѣкъ могъ надѣяться и въ переходный періодъ попасть въ парламентъ и удержаться въ немъ, пожалуй даже пріобрѣсть имъ себѣ почетное положеніе въ обществѣ. Но для этого онъ долженъ былъ не начинать парламентомъ, а кончать имъ. Мистеръ Лоу —говоримъ не о нынѣшнемъ министрѣ, а о лицѣ изъ романа—[1]) или мистеръ Форниваль [2]), успѣшные адвокаты, сколотивъ себѣ порядочное состояніе, могли надѣяться, на закатѣ дней своихъ и для почетнаго заключенія своей карьеры, сдѣлаться членами парламента. Мысль о такомъ высокомъ результатѣ могла даже поддерживать ихъ энергію въ дни тяжкой работы и подавать имъ надежду, что со временемъ сами миссизъ Лоу и миссизъ Форниваль уразумѣютъ, что мужья ихъ, къ которымъ эти дамы уже привыкли тридцать лѣтъ, все-таки — не совсѣмъ обыкновенные смертные; не говоря уже о впечатлѣніи на родственниковъ и знакомыхъ, ихъ пріятной зависти и т. д. Имѣть право поставить за своимъ именемъ завѣтныя буквы M. P. (member of Parliament) — великое дѣло, и англичанинъ гордится однѣми этими буквами больше, чѣмъ наши соотечественники всѣми дѣйствительными и недѣйствительными титулами, которые доступны обыкновеннымъ смертнымъ у насъ. Оно и понятно. Не говоря уже о политическихъ стремленіяхъ, которыя теперь оставимъ въ сторонѣ, быть членомъ парламента — значитъ быть однимъ изъ шестисотъ человѣкъ, правящихъ двумя стами милліоновъ; кромѣ того, и свѣтское отличіе это весьма важно. На карточкахъ мистера Броуна стоитъ «James Brown, esq. M. P.» —это значитъ, что состояніе мистера Броуна позволяетъ ему издерживать тысячъ пятнадцать рублей на выборахъ каждый разъ, когда они бываютъ, и затѣмъ «вершить судьбы страны», не получая за это ни копѣйки и не заботясь уже объ обезпеченіи себя на какомъ-либо иномъ поприщѣ, ибо для этого у члена парламента нѣтъ уже возможности, если бы и было время. Конечно, есть члены парламента, которые продолжаютъ работать и внѣ его, но въ такомъ случаѣ они только *продолжаютъ;* начинать же имъ уже ничего не приходится.

Но мистеръ Лоу и ему подобные, которые вступаютъ въ парламентъ на закатѣ дней, и такъ-сказать «для увѣнчанія зданія», само собой разумѣется, не могли уже—мы говоримъ не объ исключеніяхъ—занять въ самомъ парламентѣ передовыхъ мѣстъ,

---

[1]) Phineas Finn.

[2]) Orley-farm.

пріобрѣсть вліяніе въ политическихъ дѣлахъ и сдѣлать политическую карьеру. Человѣкъ же бѣдный или небогатый, который хотѣлъ бы посвятить себя съ самаго начала карьерѣ политической — не имѣлъ къ ней доступа, а если случайно и попадалъ въ парламентъ, по чьей либо протекціи, то не могъ въ немъ удержаться. Чтобы показать это, мы возьмемъ два примѣра, изъ которыхъ одинъ представляетъ небогатаго человѣка, являющагося кандидатомъ въ парламентъ на основаніи *идеи*, а другого, человѣка бѣднаго, который попадаетъ въ парламентъ случайно, по аристократической протекціи. Но прежде всего, сдѣлаемъ общее замѣчаніе. Не то собственно было дурно до сихъ поръ, что не всякій молодой человѣкъ, хотя и очень образованный и способный, могъ избрать себѣ политическую карьеру, — что̀ въ дѣйствительности и вездѣ нелегко,—а то, что человѣкъ, даже пріобрѣвшій довѣріе части своихъ согражданъ, представляющій собою идею, или выступающій ходатаемъ бѣдныхъ классовъ, не могъ пройти на политическую арену въ парламентѣ, если не имѣлъ, случайно, большихъ денежныхъ средствъ. Мы говоримъ въ прошедшемъ, хотя всѣ эти условія существуютъ для Англіи и въ настоящемъ. Но примѣръ Милля, который, хотя и богатъ, по принципу отказался несть издержки избранія, служитъ признакомъ, что положеніе дѣлъ не всегда останется таково и нѣтъ ничего невѣроятнаго въ предположеніи, что истинно-народный парламентъ въ Англіи будетъ состоять изъ людей, которымъ избиратели или страна будутъ давать денежныя средства, для представленія народныхъ интересовъ.

Но каковы бы ни были потребности будущаго, нельзя не отдать справедливости и тѣмъ дѣятелямъ прошедшаго, которые, получивъ доступъ въ парламентъ въ силу своего положенія и богатства, принадлежа къ классу, пользовавшемуся особою привилегію для поставленія Англіи законодателей, являлись въ парламентѣ не представителями сословныхъ интерессовъ, а честными гражданами своей страны. Между ними бывали и такіе, которые не заботились ни о карьерѣ, ни даже о пріобрѣтеніи вліянія и въ свое время слыли чудаками, твердя все о томъ же, однажды избранномъ предметѣ собранію людей, очевидно нерасположенныхъ къ этому предмету. Живымъ примѣромъ мы укажемъ на Бэрклея, который изъ году въ годъ ставилъ безъ малѣйшей надежды на непосредственный успѣхъ—требованіе о введеніи тайной баллотировки на выборахъ. Онъ не надѣялся на успѣхъ непосредственный, онъ зналъ, что избранная имъ задача неблагодарна, потому что требованіе его противно интересамъ господствующихъ классовъ, что самъ народъ еще не

достаточно его поддерживалъ, и что настойчивость эта при такихъ условіяхъ не могла доставить ему ни вліянія, ни карьеры. Тѣмъ не менѣе, онъ настаивалъ на своемъ и иногда достигалъ перваго чтенія (однажды даже второго) своего билля, посреди смѣха большинства членовъ. Этимъ онъ пріобрѣлъ себѣ только славу чудака; но кто скажетъ, что благородныя, безкорыстныя усилія его пропали даромъ въ смыслѣ пропаганды, подготовленія желаннаго результата въ будущемъ? Въ настоящее время, уже каждый радикалъ въ Англіи смотритъ на ballot, какъ на краеугольный камень своей программы и еще какъ на пробный камень дѣйствительнаго радикализма въ другихъ; и вопросъ этотъ уже пересталъ быть страннымъ, настойчивость на немъ перестала казаться оригинальностью. Такими примѣрами людей, исходящихъ изъ привилегіи, но возстающихъ противъ нея, когда ихъ побуждаетъ къ этому еще вовсе не забота «о сохраненіи безопасности», а просто личное убѣжденіе — Англія была обязана, конечно, высокому умственному развитію того класса, который и былъ классъ привилегированный. Изъ среды мекленбурскихъ Iunkers никогда не выходилъ адвокатъ народныхъ правъ, противникъ привилегій, оттого конечно, что мекленбургскіе дворянчики воспитывались въ прусскихъ кадетскихъ корпусахъ, а не въ Оксфордѣ и Кэмбриджѣ, и если и оканчивали свое образованіе въ университетѣ, то все-таки въ жизни тотчасъ попадали въ такую среду, въ которой понятія о спеціальныхъ доблестяхъ рыцарскаго сословія или воинскаго званія преобладаютъ, и въ которыхъ придается гораздо болѣе значенія различію между призваніемъ тяжелаго кавалериста или кавалериста легкаго, чѣмъ различію между системами міровоззрѣнія. Намъ случилось однажды читать письмо одного прусскаго офицера изъ той служилой касты, которая одинакова въ Пруссіи и въ Мекленбургѣ и еще въ другихъ мѣстахъ. «Судьба привела меня служить въ уланскомъ полку», писалъ этотъ добросовѣстный спеціалистъ, «но я глубоко убѣжденъ, что родился гусаромъ, и потому весьма желалъ бы» и т. д.

Члены англійской богатой gentry также родились политиками, и конечно неохотно дѣлились властью съ кѣмъ бы то ни было. Но высокая образованность ихъ дѣлала невозможнымъ совершенно-сплошной кастовый образъ дѣйствій и вотъ почему предвозвѣстники народныхъ требованій являлись и въ парламентѣ привилегированныхъ классовъ, даже раньше, чѣмъ требованія эти стали дѣйствительными устными требованіями народа, а еще оставались только требованіями отвлеченной справедливости. Троллопъ, желая собственно начертить портретъ человѣка,

которому не везетъ въ палатѣ, который сталъ въ ней въ фальшивое положеніе, невольно очерчиваетъ намъ именно типъ такого «вопіющаго въ пустынѣ» поборника убѣжденія, нежелающаго ни вліянія, ни карьеры, а слѣдующаго высшему призванію.

«Лордъ Миддльссексъ поднялся со своего мѣста, держа въ рукѣ свертокъ бумагъ, и началъ говорить о какой-то церковной реформѣ; онъ говорилъ съ большою энергіей, но увы, еще прежде, чѣмъ энергія его успѣла подняться до своего апогея, члены палаты цѣлыми рядами потянулись вонъ изъ залы собранія. Въ палатѣ становилось пусто, а между тѣмъ благородный лордъ все говорилъ, сильно стараясь сохранить свою энергію, несмотря на великій исходъ. Ему предстояло мало утѣшенія; онъ зналъ, что въ газетахъ не будетъ помѣщено двадцатой части его словъ. Онъ зналъ, что ни у кого не было охоты его слушать. Онъ зналъ, что добыть приготовленныя имъ данныя ему стоило труда многихъ недѣль и даже мѣсяцевъ, и начиналъ сознавать, что трудъ этотъ на тотъ разъ не поведетъ ни къ чему. Когда у него наконецъ хватило мужества взглянуть вокругъ себя, ему пришло въ голову неотвязчивое опасеніе, что вотъ вдругъ какой-нибудь противникъ поставитъ вопросъ, находится ли въ палатѣ законное число членовъ, и тогда вся рѣчь такъ и пропадетъ. А между тѣмъ, онъ посвятилъ этому дѣлу все свое сердце, всю свою душу. Онъ вѣрилъ въ свое дѣло и думалъ, что предложеніе его ведетъ къ той цѣли, чтобы люди жили счастливѣе и становились лучше, и приближались къ Творцу. Въ пользу того дѣла, къ которому относилось его предложеніе, онъ работалъ всю свою жизнь. Правда, онъ ходилъ переваливаясь съ ноги на ногу и говорилъ, путая одно слово съ другимъ, но это не мѣшало ему быть человѣкомъ добросовѣстнымъ, благонамѣреннымъ, и не ожидающимъ за свой трудъ никакой иной награды, какъ только оцѣнки этого труда тѣми, которыхъ пользѣ онъ былъ посвященъ. Но ему не было суждено когда-либо дождаться и этой награды; ему не предстояло ничего, кромѣ неудачи. И вотъ онъ все-таки будетъ и впередъ работать точно также для того же, въ палатѣ общинъ или впослѣдствіи (по смерти отца) въ палатѣ лордовъ, работать тяжко и безъ всякаго вознагражденія, и какъ думается, не безъ унынія. Но когда онъ наконецъ перенесется въ обитель отдохновенія, люди все-таки признаютъ, что онъ *нѣчто* сдѣлалъ, и въ умахъ всѣхъ помнящихъ его останется убѣжденіе, что онъ служилъ доброму дѣлу, служилъ усердно и не совсѣмъ безуспѣшно. Вознагражденіе имъ получаемое не видимо, однако оно все-таки производится ему особаго рода монетой. Успѣхъ его тоже невидимъ, а между

тѣмъ несомнѣненъ. Надо надѣяться, что такая поздняя оцѣнка будетъ ублажать духъ его за гробомъ. Но въ настоящую минуту ничто не ублажало его. Правда, спикеръ, руководимый учтивостью, слѣдилъ глазами и за этимъ ораторомъ; но кромѣ спикера никто въ палатѣ, казалось, не слушалъ его. Число присутствующихъ рипортеровъ сократилось до двухъ, да и тѣ небрежно водили перомъ, отмѣчая только по временамъ что-нибудь изъ рѣчи и зная напередъ, что работа ихъ напрасна. Наконецъ, кто-то, съ задней скамьи проговорилъ что-то такое, что тотчасъ обратило на себя вниманіе спикера, и это высокое должностное лицо, когда вниманіе его было такимъ образомъ обращено извнѣ на фактъ, котораго онъ не принялъ бы ни въ какомъ случаѣ къ свѣдѣнію самъ, безъ такого внѣшняго побужденія, — сосчиталъ число присутствовавшихъ членовъ, и найдя его равнымъ всего двадцати-тремъ, — положилъ конецъ своей собственной работѣ и работѣ бѣднаго лорда Миддльссекса. Какъ вы думаете, съ какимъ чувствомъ благородный лордъ возвратился домой, сѣлъ у себя въ кабинетѣ и раскрылъ машинально какую-то книгу? Человѣкъ онъ былъ съ большими средствами, у него были дѣти, подававшія хорошія надежды для чести его имени; жена его вѣрила въ него, хотя онъ не имѣлъ успѣха среди другихъ людей; однимъ словомъ, онъ былъ человѣкъ съ чистою совѣстью и одаренный всѣми благами. А между тѣмъ, знаете ли, кому онъ завидовалъ въ эту минуту? Раньше его, въ томъ же засѣданіи, говорилъ Фаррингтонъ—человѣкъ, которому никто не повѣрилъ бы въ долгъ шиллинга, человѣкъ, который не сидѣлъ въ долговой тюрьмѣ единственно потому, что сидѣлъ въ палатѣ; человѣкъ бездѣтный, одинокій и никѣмъ нелюбимый. Но когда онъ говорилъ—триста человѣкъ слушали его, какъ бы боясь проронить слово. Когда въ своей рѣчи онъ предавался ироніи, всѣ смѣялись; когда онъ приходилъ въ негодованіе на министра, слушатели едва переводили духъ, подобно тому какъ испанцы въ ту критическую минуту, когда смертельный ударъ наносится быку. Куда онъ ни велъ ихъ въ своей рѣчи, они слѣдовали за нимъ повсюду. Члены толпами повалили въ залу собранія изъ читальни и курильныхъ комнатъ, какъ только услыхали, что началъ рѣчь этотъ повѣса. Галлереи для публики были биткомъ набиты; рипортеры каждую минуту перевертывали свои быстрые листы и работали такъ, что пальцы ихъ уставали писать, и капли пота выступали у нихъ на лбу. И когда ораторъ сдѣлалъ особенно рѣзкую выходку противъ премьера, люди заговорили, что премьеру придется дать ему мѣсто въ кабинетѣ, не взирая на опротестованные векселя его и худые про него

слухи. Въ самомъ дѣлѣ, человѣку, который могъ ворочать громами какъ онъ, надо было заплатить чѣмъ-нибудь, для того, чтобы онъ металъ громы въ надлежащую сторону. И вотъ этому-то человѣку завидовалъ лордъ Миддльссексъ, сидя въ уединеніи кабинета, и думая о своемъ почтенномъ и вмѣстѣ печальномъ положеніи». Троллопъ очевидно хотѣлъ показать этимъ контрастомъ, что успѣхъ въ парламентѣ, какъ и во всякой дѣятельности иногда зависитъ отъ каприза судьбы или оттого, съ какимъ тономъ человѣкъ выступилъ сначала, независимо отъ его достоинствъ. Но изображеніе это получило смыслъ болѣе глубокій, чѣмъ, быть можетъ, предполагалъ самъ авторъ и примѣняется вполнѣ именно къ тѣмъ благороднымъ, безкорыстнымъ членамъ англійской gentry, которые въ средѣ ея представительства являлись какъ бы «вопіющими въ пустынѣ» глашатаями и адвокатами идей, несогласныхъ съ ея интересами, и являлись въ такомъ качествѣ въ то именно время, когда на вестминстерской площади не было пятидесяти-тысячной толпы, которая бы вопіяла вмѣстѣ съ ними, вторила имъ, какъ она впослѣдствіи вторила Брайту.

Мы вовсе не намѣрены, въ этихъ очеркахъ, англофильствовать или вообще проводить мысль, что при парламентской системѣ правленія, люди, сословія, партіи одарены сверхъестественными условіями безусловнаго безкорыстія и безусловной справедливости. Система эта даетъ странѣ только то безусловное преимущество, что при ней, при этой системѣ, условія государственной жизни, учрежденія, законы становятся подвижны, развиваются, идутъ впередъ по мѣрѣ развитія сознательной жизни въ бо́льшей и бо́льшей массѣ народа, и что каковы бы ни были личныя интриги, произвольные сговоры партій и интересы касты, всѣ они совершенно естественнымъ путемъ сводятся наконецъ къ тому, что государственныя учрежденія растворяются предъ новымъ требованіемъ времени, и воспринимаютъ въ себя факты успѣвающей жизни народа. Никто конечно не считалъ Уэллингтона реформистомъ; никто не думалъ, что тори—Робертъ Пиль сдѣлаетъ такія либеральныя преобразованія, на которыя не рѣшались и виги, что глава партіи тори, Дизраэли, проведетъ послѣднюю избирательную реформу. И такія дѣла конечно не входили въ первоначальные разсчеты самихъ этихъ людей и не истекали изъ уговоровъ ихъ партіи. И однакоже, случилось такъ, что Уэллингтонъ и Пиль уравнили католиковъ, а Дизраэли, мимо своей воли, призвалъ къ участію въ выборахъ всѣхъ нанимающихъ квартиру. Что это сдѣлали они—это лучше всего доказываетъ, что въ свободной странѣ отдѣльные люди, касты и

партіи, хотя и имѣютъ въ виду, въ большинствѣ случаевъ, собственно свои интересы, но обращаются невольно въ орудія иной, высшей и безусловной силы, которая добьется своего такъ или иначе, и неизбѣжно получитъ то, чего серьёзно захотѣла.

Мы указывали сейчасъ на единичные примѣры людей возвышавшихся надъ интересами своего сословія и своей партіи, какъ фиктивный, но типичный лордъ Миддльссексъ. Не мудрено, что Фаррингтона всѣ слушали со вниманіемъ, хотя лично никто не повѣрилъ бы ему шиллинга и хотя никто не уважалъ его: онъ нападалъ на одну партію gentry въ пользу другой партіи gentry, слова его вели къ новому распредѣленію мѣстъ между членами той же gentry, указывали на промахи одного «эсквайра», поставленнаго въ должность, для того, чтобы ее могъ предвосхитить у него другой «эсквайръ», хотя бы самъ Фаррингтонъ, въ видѣ заплаты за молчаніе или преданность. Какъ же было остальнымъ парламентскимъ эсквайрамъ не выйти изъ курильной комнаты, и не бояться проронить хотя бы одного его слова? А лордъ Миддльссексъ, о чемъ говорилъ онъ? О положеніи ирландской церкви, въ которомъ онъ предлагалъ реформу. Удивляться ли, что члены той gentry, въ пользу которой существовала «Установленная церковь» въ Ирландіи, какъ она существуетъ по сію пору въ Англіи, не интересовались его доводами? И для чего бы они стали слушать такіе «неподходящіе» толки, когда въ самой Ирландіи не было еще ни феніанизма, ни какого-либо движенія въ смыслѣ хотя бы церковной реформы? Его и не слушали, и онъ казался чудакомъ, а между тѣмъ, какъ замѣчаетъ самъ Троллопъ, «успѣхъ его невидимъ, но несомнѣненъ».

Преобладающій классъ вообще не торопится дѣлить свои привилегіи съ другими. Да сверхъ того, одна изъ характеристическихъ чертъ буржуазіи вообще есть недовѣріе къ мыслителямъ и передовымъ людямъ. Аристократы и даже диктаторы болѣе чѣмъ буржуазія склонны цѣнить ихъ, хотя, цѣня ихъ, и сажаютъ ихъ куда-нибудь въ безопасное мѣсто. А буржуазія склонна просто недовѣрять имъ и видѣть въ нихъ болтуновъ, пока не увидитъ, что за этими болтунами стоитъ весьма реальный и неотразимый фактъ въ видѣ толпы народа. Когда молодой членъ палаты, Финіасъ Финнъ прочиталъ мистеру Лоу (тому самому, что̀ послѣ завершитъ парламентомъ свою трудолюбивую адвокатскую карьеру) письмо Монка, съ изложеніемъ его взгляда на необходимость реформы, хотя и довольно умѣренной, то произошелъ такой разговоръ:

— «Ну да, обыкновенная трескотня и ничего больше, только

выраженная немножко но надутѣе, чѣмъ обыкновенно, отозвался мистеръ Лоу.

— «Трескотня?! воскликнулъ Финнъ.

— «Чистый радикальный вздоръ, рѣшила миссизъ Лоу, энергично кивнувъ при этомъ.— Портретъ народа! Скажите, диво какое! И къ чему намъ имѣть портретъ невѣжества и безобразія? Дай Богъ намъ жить спокойно и чтобы все было какъ слѣдуетъ, въ порядкѣ,—больше намъ ничего не надо.

— «Въ такомъ случаѣ, сказалъ Финнъ, лучше всего просто ввести правленіе съ отеческою заботливостью, и попеченіемъ о насъ всѣхъ.

— «Совершенно вѣрно, вступился мистеръ Лоу;— только то правленіе, которое вы называете отеческимъ, не всегда соблюдаетъ спокойствіе и порядокъ. Я думаю, что правленіе народное должно заключаться въ подчиненіи всѣхъ закону. Если меня сошлютъ безъ приговора присяжныхъ въ Кайенну, то это я не причту къ спокойствію и порядку.

— «Но, возразилъ Финнъ, такого человѣка какъ вы и не сошлютъ въ Кайенну.

— «Ну такъ, все равно, сошлютъ моего сосѣда — и то не лучше. Пусть онъ будетъ сосланъ въ Кайенну, если того заслуживаетъ, но пусть рѣшатъ присяжные, что онъ заслуживаетъ того. Моя идея объ управленіи такая — что намъ желательно повиноваться закону, а не произволу, и что для дѣланія законовъ намъ нужно законодательное сословіе. Если бы я полагалъ, что парламентъ, какъ онъ устроенъ теперь, дѣлаетъ законы негодные, то я сталъ бы желать измѣненія его. Но въ настоящее время я сомнѣваюсь, чтобы законы стали лучше вслѣдствіе реформы въ парламентѣ. Вотъ истинный буржуазный принципъ и кодексъ. Можно указать въ исторіи такіе порядки, при которыхъ и этотъ принципъ и кодексъ — строгой безопасности личности, строгой законности въ управленіи — представлялись бы почти идеаломъ благополучія. Но нельзя не признать, что для такой страны какъ Англія, сохраненіе этого одного означало бы—застой».

VIII.

А застоя не допускаютъ тѣ новыя массы мыслящихъ или по крайней мѣрѣ разсуждающихъ людей, которые нарастаютъ съ каждымъ поколѣніемъ. Мы видѣли высокихъ политиковъ, историческихъ дѣятелей, которымъ приходится принимать въ разсчетъ и свое честолюбіе, и желанія своей партіи, и внутреннее

убѣжденіе, воспитанное свѣтлымъ міровоззрѣніемъ, и затрудненія настоящей минуты, и идеалы будущаго. Мы видѣли второстепенныхъ дѣятелей, членовъ партій, солдатъ условнаго, болѣе или менѣе узкаго знамени, видѣли и цѣлую касту благонамѣренную, но нерасположенную разстаться со своимъ преобладаніемъ. Наконецъ, мы видѣли и тѣхъ адвокатовъ народа, какіе въ этой странѣ высокаго умственнаго развитія возникаютъ, и раньше чѣмъ является самосознаніе въ народѣ о его правахъ, и въ то время, когда такое сознаніе уже есть на лицо и близко къ побѣдѣ. Теперь поищемъ у нашего романиста такой картины, на которой выступала бы именно толпа, толкающая всю машину впередъ, когда машина эта почему-либо слишкомъ запаздываетъ, ту толпу, въ отсутствіи которой печально говорили Миддльссексы, и которая шумно ободряетъ торжествующаго Торнболла, имѣющаго ее за плечами.

Такую сцену Троллопъ списалъ съ натуры, вставивъ въ нее два фиктивныя лица, именно молодого члена парламента Финна и домохозяина его, т.-е. содержателя меблированныхъ комнатъ Бонса. Этотъ Бонсъ, по самой профессіи своей — «не джентльменъ», а любопытно послушать, какъ относились къ этимъ происшествіямъ именно «не джентльмены». Въ этомъ описаніи мы сохранимъ въ точности только разговоры и ироническіе намеки Троллопа касательно Брайта.

Второе чтеніе билля о реформѣ Мильдмея должно было произойти послѣ пасхи. Между тѣмъ, сдѣлалось извѣстно, что въ два первые дня святой недѣли должны были произойти большіе митинги въ пользу введенія въ этотъ билль пункта о закрытой подачѣ голосовъ на выборахъ. На среду же былъ назначенъ труімфальный ходъ для поднесенія Торнболлу народомъ, на Примрозъ-Гиллѣ, прошенія въ томъ же смыслѣ къ палатѣ общинъ. Сперва предполагалось несть это прошеніе къ самой Westminster-Hall, въ четвергъ; но по просьбѣ министра внутреннихъ дѣлъ, Торнболлъ отказался принять прошеніе у самаго входа въ палату. А такъ какъ въ тоже время узнали, что второе чтеніе билля будетъ предложено въ четвергъ, то до 50-ти тысячъ человѣкъ собрались на Примрозъ-Гиллѣ въ этотъ день, и потребовалось вмѣшательство полиціи. Потомъ назначили процессію на пятницу, такъ чтобы она происходила передъ засѣданіемъ и во время засѣданія палаты. Правительство, неизвѣстно почему, испугалось и процессіи, такъ, что положено было не дѣлать формальной процессіи, а просто идти къ палатѣ и посмотрѣть, какъ прошеніе будетъ внесено въ нее. Разумѣется, изъ этого образовалась бы все-таки процессія, съ тою только разницею, что

въ процессіи устроенной по программѣ было бы болѣе порядка. Такъ оно и вышло. Когда всѣ эти приготовленія стали извѣстны, то нѣкоторые джентльмены совѣтовали Мильдмею отложить второе чтеніе билля, видя—какъ то видитъ и самъ Троллопъ—въ народномъ собраніи около парламента мѣру насилія, придуманную самимъ Брайтомъ (Торнболломъ) для того, чтобы повліять на рѣшеніе палаты. Но Мильдмей (Россель) не согласился на такую отсрочку потому, что ее предлагали тори. Полиція предупредила членовъ палаты общинъ, что имъ удобнѣе будетъ подъѣзжать въ этотъ день къ подъѣзду пэровъ, а не къ обычному входу членовъ нижней палаты.

Финнъ, по просьбѣ жены своего хозяина, Бонса, сталъ уговаривать его, чтобы онъ не шелъ на эту демонстрацію.

— «Скажите пожалуйста, что же хорошаго вы можете этимъ сдѣлать? спросилъ его Финнъ, не безъ нѣкоторой внушительности въ тонѣ.

— «Добиться моего желанія? отвѣчалъ Бонсъ.

— «Какого желанія?

— «Я желаю, чтобы правительство включило въ свой билль закрытую подачу голосовъ.

— «И вы надѣетесь достигнуть этой цѣли тѣмъ, что выйдете на улицу вмѣстѣ со всѣмъ отребьемъ Лондона, и станете дѣйствовать въ противность властямъ? Неужели вы въ самомъ дѣлѣ думаете, что если вы подвергнете себя этой опасности и этому неудобству, то это именно поведетъ къ скорѣйшему принятію скрытой баллотировки?

— «Послушайте, мистеръ Финнъ; я, конечно, не думаю, что въ морѣ возвышается вода оттого, что въ него течетъ рѣчка Пустяшка, съ дорсетшэрскихъ полей; но думаю и знаю, что изъ стеченія всѣхъ водъ, со всѣхъ земель, дѣлается море-океанъ. Я хочу помогать; мой долгъ — помогать.

— «Вашъ долгъ, какъ гражданина порядочнаго, имѣющаго жену и дѣтей — сидѣть дома.

— «Да если всякій, у кого жена и дѣти, будетъ думать такъ, вотъ тогда-то именно на улицѣ и окажется одно только отребье, и тогда каково же будетъ наше положеніе? Что тогда скажутъ намъ эти правительственные-то господа? Совсѣмъ напротивъ, еслибъ всякій, у кого есть жена и дѣти, вышелъ сегодня на улицу, вотъ тогда мы получили бы закрытую баллотировку прежде чѣмъ разойдется парламентъ; а если никто изъ нихъ не выйдетъ, то закрытой баллотировки никогда и не будетъ. Что, развѣ это не такъ»? Финнъ не хотѣлъ кривить душою, и потому не нашелся что возразить на это. «А если это

правда, — продолжалъ Бонсъ тономъ побѣдителя, — тогда долгъ каждаго человѣка совершенно ясенъ: онъ обязанъ идти, хотя бы у него были двѣ жены и вдвое больше дѣтей». И Бонсъ пошолъ.

Новый дворецъ обѣихъ палатъ парламента въ Лондонѣ, вмѣстѣ съ Westminster-Hall, составляетъ одно колоссальное строеніе, на самомъ берегу Темзы. Площади передъ тѣмъ фасадомъ, гдѣ большая башня, у вестминстерскаго моста, и передъ тѣмъ фасадомъ, который обращенъ къ вестминстерскому аббатству, и и гдѣ стоитъ статуя Ричарда Львинаго Сердца, называются New Palace Yard и Old Palace Yard. Отъ фэшенебльной части города, т.-е. отъ трафальгарской площади въ Уэстминстеръ идетъ, мимо Уайт-Голла и мимо сент-джемскаго парка, «парламентская улица». Въ день демонстраціи вся она покрылась народомъ; парламентскія же площади биткомъ набиты были народомъ, среди котораго разставлено было значительное число полисменовъ. По слухамъ, въ домахъ ближайшихъ къ Palace Yard и къ мосту были спрятаны отряды солдатъ. Но видны были только нѣсколько ротъ конногвардейцевъ, которые стоятъ тутъ вблизи, у сент-джемскаго парка. Часовъ отъ четырехъ и до шести не было никакой возможности проникнуть въ палату чрезъ Westminster Hall, которой двери выходятъ на New Palace Yard, близъ главной башни и моста, такъ что члены, пріѣзжавшіе въ это время, должны были обходить вокругъ вестминстерскаго аббатства.

Потянулся поѣздъ съ прошеніемъ: онъ состоялъ изъ пятнадцати кэбовъ. Подписи подъ прошеніемъ о включеніи закрытой баллотировки наполняли столько листовъ, что потребовалось четыре человѣка, чтобъ поднять ихъ и внесть ихъ въ палату. Несчетныя толпы на парламентскихъ площадяхъ, вокругъ рѣшетки церкви св. Маргариты и статуи Каннинга, держали себя тихо, происходила только толкотня. Но подальше отъ парламента, выше, по «парламентской улицѣ», туда къ Downing Street и новымъ зданіямъ присутственныхъ мѣстъ, произошли безпорядки; сломали заборы вокругъ этихъ построекъ и били стекла въ квартирахъ непопулярныхъ членовъ палаты; у одного изъ «достопочтенныхъ», прославившагося тѣмъ, что закрытую баллотировку онъ однажды назвалъ «убѣжищемъ трусовъ» не только побили стекла, но и зеркала, и попортили мебель, не входя, впрочемъ къ нему въ квартиру, а каменьями, съ улицы. Не только толпа, но и всѣ джентльмены, вообще общественное мнѣніе осудило министерство за то, что оно воспротивилось процессіи, которая прошла бы въ порядкѣ, и вмѣсто которой образовались стоячія толпы.

При такихъ-то обстоятельствахъ, Мильдмей долженъ былъ предложить второе чтеніе своего билля, въ которомъ закрытой баллотировки не было. Когда онъ произносилъ рѣчь, онъ зналъ, что площади вокругъ парламентскаго дворца запружены десятками тысячъ народу. Но онъ счелъ нужнымъ именно поэтому открыто объявить, что ни за что не согласится «исказить конецъ своей политической карьеры принятіемъ закрытой баллотировки, сколько бы ни было тутъ народу съ цѣлью повліять на его поведеніе». Какъ скоро голосъ маститаго оратора прервался, вся палата встала, поддерживая его одобрительными кликами. За Мильдмеемъ началъ рѣчь Торнболлъ. Нѣкоторые думали еще до той минуты, что Торнболлъ подастъ голосъ все-таки за билль о реформѣ, хотя и безъ закрытой баллотировки, предоставляя себѣ предложить ее послѣ, въ дополненіе билля. Но онъ принялъ слова главы министерства за вызовъ, и отвѣчалъ: «высокодостопочтенный джентльменъ напрасно объявилъ, что никакое сборище народа не устрашитъ его; его никто и не упрекалъ въ политической трусости. Но такъ какъ онъ это сказалъ, то я послѣдую его примѣру, объявляя, что меня не устрашитъ большинство палаты, идущее противъ желаній народа, и я буду вотировать противъ всякаго билля о реформѣ, который не включаетъ въ себѣ систему негласнаго избранія».

Послѣ сильной перестрѣлки, пренія были отложены, такъ какъ главная цѣль — показать толпѣ, что палата не устрашилась ея, была достигнута. Члены стали выходить; кто постарше— тотъ пошолъ на подъѣздъ пэровъ; а кто помоложе, направился къ выходу чрезъ Westminster Hall, то-есть въ толпу, и насилу выбрались потомъ изъ толкотни. У входа въ Westminster Hall стояла карета Торнболла, окруженная десяткомъ полисменовъ.

— «Дай Богъ ему не вернуться домой до полуночи, пожелалъ Финнъ.

— «О,— воскликнулъ Лоренсъ Фицгиббонъ,— онъ это дѣло знаетъ. Онъ плотно поѣлъ дома часа въ три, да еще... поищите-ка у него въ каретѣ, и найдете обильный запасъ бутербродовъ и хересу. Онъ знаетъ какъ нейтрализировать непріятныя послѣдствія популярности среди черни».

Троллопъ видитъ въ томъ фактѣ, что карета знаменитаго оратора стояла у обычнаго подъѣзда, преднамѣренность съ его стороны, т.-е. разсчетъ на овацію, и говоритъ, что «это долго вредило г. Торнболлу впослѣдствіи». Къ каретѣ сталъ тѣсниться народъ, чтобы пожать оратору руку. Но полицейскіе ужасно заботились о его неприкосновенности, и самъ онъ, увидя, что толпа

наступаетъ, поспѣшилъ уѣхать, сказавъ нѣсколько словъ благодарности. Между тѣмъ, среди толпы, тѣснившейся къ каретѣ, нашлись нѣсколько человѣкъ, не послушавшихъ полиціи; они были задержаны и между ними почтенный мистеръ Бонсъ. Впослѣдствіи, когда онъ предсталъ предъ судьею, жилецъ его Финнъ, М. Р., явился засвидѣтельствовать его respectable character, и онъ былъ отпущенъ. Но Бонсъ былъ глубоко оскорбленъ своимъ задержаніемъ, оскорбленъ какъ британскій гражданинъ, пользовавшійся своими правами и рѣшился начать процессъ противъ полиціи, за неправильное задержаніе, сколько ни отговаривали его отъ этого Финнъ, и мистеръ Лоу, адвокатъ, къ которому онъ обратился. Мистеръ Бонсъ, содержатель меблированныхъ комнатъ, исполнялъ въ тоже время должность писца-поденьщика у одного продавца судебныхъ принадлежностей. Несмотря на свое скромное званіе, и на неправильность своей рѣчи, онъ весьма сознательно и твердо стоялъ на своей совершенно правильной точкѣ зрѣнія.

«Что-жъ вы мстить что ли хотите полиціи»? спросилъ у него г. Лоу, продолжая отговаривать его отъ процесса. Бонсъ объявилъ, что нѣтъ.—«То-то. Вы понимаете, что полисменъ, хотя онъ по вашему мнѣнію и зашолъ слишкомъ далеко въ исполненіи своей обязанности, но поступилъ такимъ образомъ не изъ личнаго къ вамъ нерасположенія».

— «Я хочу только одного, возразилъ Бонсъ, хочу, чтобы эти молодцы оставались въ показанныхъ границахъ.

«Прекрасно; — и вотъ почему о подобныхъ случаяхъ, когда они бываютъ, упоминается въ печати и въ парламентѣ, и обращается на нихъ, такимъ образомъ, вниманіе министра внутреннихъ дѣлъ. Благодареніе Богу, у насъ въ Англіи бываетъ немного такого рода случаевъ.

— «А не станемъ сами смотрѣть, такъ пожалуй ихъ будетъ и побольше», упорно настаивалъ Бонсъ.

И сколько ни уговаривалъ г. Лоу этого поденьщика, онъ все стоялъ на своемъ. Онъ былъ очень сердитъ на г. Лоу, выходя отъ него, и на обратномъ пути, съ Финномъ, выражался такъ:

— «Онъ совсѣмъ не понимаетъ, что такое патріотизмъ... И еще говоритъ мнѣ, что я начинаю дѣло изъ-за извѣстности, — изъ хвастовства! Вотъ такъ они всегда. Какъ только человѣкъ захочетъ участвовать въ дѣлѣ общемъ, они сейчасъ — это молъ изъ хвастовства. Не надо мнѣ никакой извѣстности. Я желаю заработывать свой хлѣбъ въ мирѣ и спокойствіи, вотъ чего я желаю, и чтобъ меня не трогали, когда я занимаюсь дѣломъ сво-

имъ, которымъ заниматься имѣю полное право. Вотъ что! Полицію содержитъ кто? — я, и я содержу ее для того, чтобы она смотрѣла за мошенниками; собственно для этого мы ее содержимъ. А не для того, чтобъ она таскала народъ туда-сюда, да прятала въ кутузку на день-на ночь людей, которые дѣлаютъ, что́ имъ въ законѣ дѣлать предоставлено».

Этотъ англійскій поденьщикъ разумѣетъ патріотизмъ въ смыслѣ исполненія закона. Ему, англійскому поденьщику, и въ голову не придетъ, что бываютъ на свѣтѣ люди, которые понятіе о патріотизмѣ связываютъ неразрывно съ понятіемъ о полицейскомъ отправленіи и думаютъ, что патріотъ только тогда и патріотъ, когда онъ помогаетъ кого-нибудь вязать. Закрытая баллотировка на выборахъ, какъ и всякое обезпеченіе правъ массы народа, будетъ достигнута въ Англіи, когда большинство въ этой массѣ будетъ также горячо относиться къ общественнымъ вопросамъ, какъ почтенный мистеръ Бонсъ. Что какіе-нибудь повѣсы выбили окна у членовъ парламента, это не дало Англіи негласнаго избранія. Но ей дастъ эту систему, и всякую другую уступку во всенародномъ смыслѣ, сознаніе самихъ джентльменовъ, что такіе люди, какъ Бонсъ, ее требуютъ, и что такихъ людей въ народѣ — большинство.

Л. Полонскій.

ПУТЕВЫЯ ПИСЬМА

ИЗЪ

АЛЬПІЙСКИХЪ ГОРЪ.

I.

Гармишъ, Верхняя Баварія *).

Пока я былъ въ Мюнхенѣ, я съ утра до ночи слышалъ толки о представленіи страстей Господнихъ въ Оберъ-Аммергау. На всѣхъ перекресткахъ, во всѣхъ трактирахъ висѣли объявленія, всѣ разговоры вертѣлись около одного и того же. Баварцы вообще, а жители Мюнхена въ особенности, непомѣрно гордятся этимъ новымъ торжествомъ баварской націи. Сначала баварское пиво завоевало весь міръ. Теперь, когда его господство поколебалось (по крайней мѣрѣ въ томъ отношеніи, что весь свѣтъ научился варить баварское пиво), маленькая баварская деревушка показываетъ міру, что́ такое настоящее драматическое искусство. Великіе лицедѣи всѣхъ временъ должны склонить голову передъ простыми поселянами, а Шекспиръ, Шиллеръ и Грибоѣдовъ очень глупо дѣлали, что брали свои сюжеты не изъ библейской исторіи. «Баварскій король—такъ толкуютъ здѣсь—далъ своей придворной труппѣ отпускъ и денегъ на дорогу, чтобы она могла увидѣть, наконецъ, что́ такое настоящее драматическое искусство, даромъ, что Клара Циглеръ только-что вернулась изъ артистической поѣздки, которая представляла собою

*) Эти письма были писаны накапунѣ нынѣшнихъ военныхъ событій, и изображаютъ поэтому обыденную жизнь описываемой страны, какъ авторъ наблюдалъ ее до военной тревоги. — *Ред.*

рядъ тріумфовъ, причемъ даже прихотливая берлинская публика лежала у ея ногъ. Наконецъ ультрамонтаны, которыми Баварія, а преимущественно Мюнхенъ, особенно богаты, видятъ въ этихъ представленіяхъ новую красу католицизма, какою не можетъ похвалиться ни одна другая религія и такъ какъ теперь со всего міра стекается публика, чтобы поглядѣть на крестьянскія театральныя представленія, то весь міръ преклонится также и передъ театральнымъ представленіемъ, разъигрывающимся въ Римѣ: непогрѣшимостью папы.

Вамъ извѣстно, что къ такого рода вещамъ я отношусь скептически. *Nil admirari*, говоритъ Горацій, житейская мудрость котораго ничего почти не проиграла отъ двухтысячелѣтней давности. Къ тому же здѣсь замѣшалось еще новое обстоятельство: я усматривалъ тенденцію и относился къ дѣлу недовѣрчиво.

Мюнхенъ считается многими премилымъ городкомъ. Я нахожу его страшно скучнымъ, до того скучнымъ, что, какъ говоритъ Гейне про Ахенъ, собаки на улицахъ со скуки бѣсятся. Конечно, сами мюнхенцы имѣютъ два средства противъ скуки: пиво и клубы, называемые здѣсь частными собраніями. Мюнхенскій адресъ-календарь показываетъ не менѣе 199 подобныхъ частныхъ собраній, изъ которыхъ каждое имѣетъ свою осѣдлость въ юридическомъ смыслѣ, т.-е. постоянную кнейпу. Такъ, здѣсь имѣется общество *Изисъ*, посѣщаемое врачами, общество *Витрувія*, посѣщаемое архитекторами, *Стенографія* для стенографовъ и такъ далѣе, для всѣхъ состояній. Но есть и такія, которыя стали выше духа касты. Такъ, существуетъ общество «Стрѣльцовъ за свободу»; другое: «Уютная деревенька»; существуютъ «Свободное отъ службы», «Односложное», «Безвредное», «Безъимянное». Что же касается до «Глубоко опечаленнаго стараго оленя», то хотя, казалось бы, я и смыслю кое-что въ нѣмецкомъ языкѣ, а не въ состояніи объяснить вамъ смыслъ этого названія.

Но какое значеніе могутъ имѣть для пріѣзжаго 199 обществъ вмѣстѣ взятыхъ, если онъ не имѣетъ доступа ни въ одно изъ нихъ, да быть можетъ и не чувствуетъ въ себѣ ни охоты, ни умѣнья битыхъ два часа тянуть пиво. Такъ какъ каждый вечеромъ отправляется въ пивную, то лавки закрываются необыкновенно рано. Я полагаю, что около 9 часовъ вечера въ Мюнхенѣ невозможно купить сигары. Улицы пустынны и безмолвны, только по временамъ попадается на встрѣчу полицейскій, съ драконовской строгостью охраняющій чистоту нравовъ, которая, несмотря на то, какъ извѣстно, не особенно процвѣтаетъ въ Мюнхенѣ.

Забавна продажа газетъ въ пивныхъ. Въ этомъ отношеніи

здѣсь царствуетъ полнѣйшая терпимость, и такъ какъ каждый нумеръ стоитъ всего одинъ крейцеръ (около одной копѣйки), то сбытъ громаденъ. Читатели обыкновенно не ограничиваются *одной* газетой или газетами той партіи, къ какой они принадлежатъ, но читаютъ и враждебные органы. Несмотря на то, а быть можетъ по тому самому, печать имѣетъ здѣсь огромное вліяніе. Позвольте мнѣ привести вамъ, касательно этого, забавный анекдотъ. Въ одной пивной слышалъ я, какъ два господина толковали о пивѣ. Извѣстно, что каждая пивоварня варитъ свое особенное пиво. Одни предпочитаютъ одно, другіе—другое. Ну вотъ одинъ изъ этихъ господъ и разсказываетъ, какъ онъ былъ въ такой-то пивоварнѣ и пилъ тамошнее пиво. «Народный Вѣстникъ» (извѣстная мюнхенская газета съ сильнымъ ультрамонтанскимъ направленіемъ)—замѣчаетъ онъ совсѣмъ серьезно—утверждаетъ, правда, что это пиво (то-есть замѣтьте, на милость, не все пиво вообще, а именно пиво той пивоварни) нехорошо, но я не обращаю вниманіе на то, что́ говоритъ «Народный Вѣстникъ», а пью, что́ мнѣ по вкусу.

Я былъ тронутъ такой независимостью въ мнѣніяхъ, хотя она и доказывала собственно только вѣрность старинной поговорки, что каждому нравится то, что ему по вкусу. Однако меня пиво не подкупило и я порѣшилъ пострaнствовать по баварскимъ Альпамъ до того дня, въ который назначено было представленіе страстей Господнихъ. Послѣ краткаго переѣзда по желѣзной дорогѣ, я очутился у Штаренбергерскаго озера и сѣлъ на пароходъ. Во время плаванія поднялась такая сильная буря, что волны хлестали черезъ бортъ, пассажиры заболѣли морской болѣзнью, а я позналъ правдивость того мѣста въ Шиллеровскомъ «Теллѣ», гдѣ говорится о бурѣ на другомъ только озерѣ,—Четырехъ Кантоновъ:

Wenn der Sturm
In dieser Wasserkluft sich erst vervangen,
Dann rast er um sich mit der Raubthiers Angst
Das an des Gitters Eisenstäbe schlägt [1])

Хотя, конечно, Штаренбергерское озеро не такъ сдавлено горами, какъ Четырехъ Кантоновъ, однако зрѣлище было довольно внушительное. По другую сторону озера приходится снова ѣхать по желѣзной дорогѣ до Вейльхейма; далѣе путешествуютъ на почтовыхъ или же въ наемныхъ экипажахъ (которые содержатся

[1]) Когда бурѣ станетъ тѣсно въ этой водной пучинѣ,
Она начинаетъ неистовствовать, какъ дикій звѣрь,
Который бьется о желѣзную рѣшетку своей клѣтки.

одною частною компаніей). Уже въ Вейльхеймѣ горизонтъ картинно опоясанъ баварскими Альпами, Карвенделемъ и Веттерштейномъ. Самая высокая вершина послѣдняго, Цугспицъ, имѣетъ 9,363 фута высоты и видна издалека, даже изъ Мюнхена, при ясной погодѣ. Изъ Вейльхейма ѣдешь все время по низменной долинѣ, орошаемой Лоизахомъ, притокомъ Изара. Котловина долины окружена со всѣхъ сторонъ горами, которыя становятся все выше и выше, и наконецъ достигаютъ высоты 6—7000 футъ. Какъ вездѣ въ горахъ, разстояніе здѣсь очень обманчиво и Веттерштейнъ лишь мало-по-малу развертывается во всемъ своемъ великолѣпіи. Горы эти состоятъ изъ известняка, образующаго самыя причудливыя формы и производятъ крутизной своихъ стѣнъ, на которыхъ снѣгъ не держится, особенно сильное впечатлѣніе, которое почти ничѣмъ не уступаетъ впечатлѣнію, производимому швейцарскими Альпами, хотя конечно характеристическая черта послѣднихъ—вѣчный снѣгъ и глетчеры, ничѣмъ не замѣнима для того, кто однажды постигъ ея прелесть. У подножія Веттерштейна, въ долинѣ, лежитъ Партенкирхенъ, мѣстечко, которое въ послѣдніе годы сдѣлалось любимымъ лѣтнимъ мѣстопребываніемъ мюнхенцевъ, хотя оно выстроено убійственнымъ образомъ. Маленькіе домики однообразно тянутся по обѣимъ сторонамъ улицы и стоятъ на солнечномъ припекѣ. Поэтому въ послѣднее время стали предпочитать ему Гармишъ, главное мѣстечко округа, лежащее у подошвы Крамера, большой, высокой горы, покрытой прекраснымъ лѣсомъ.

Тѣ нѣсколько дней, которые мнѣ пришлось провести въ Гармишѣ, я бродилъ по горамъ и любовался необыкновенными эффектами освѣщенія. По-моему, вѣчно-голубое небо несносно. Я благодаренъ также за облака и за дождь, когда послѣдній не особенно продолжителенъ. Въ Гармишѣ ежедневно бывалъ ливень, но до него и послѣ него погода стояла прекрасная. Когда облака плывутъ надъ горами, то сквозь нихъ просвѣчиваютъ верхушки высокихъ горъ, покрытыхъ частью снѣгомъ,—да и известнякъ почти также ослѣпительно ярокъ, какъ и снѣгъ — и все это такъ отчетливо и подернуто такимъ своеобразнымъ колоритомъ, что невольно сомнѣваешься, дѣйствительность это или обманъ чувствъ. А затѣмъ, когда воздухъ, очищенный бурей, станетъ прозрачнымъ, а солнце садится, то очертанія горъ выступаютъ съ отчетливостью силуэта. Каждая скала, каждое дерево явственно выдѣляется на вершинахъ и хребтахъ, рисующихся на горизонтѣ. Къ юго-западу долина окаймлена низкими холмами, сзади которыхъ идутъ новыя, постоянно возвышающіяся цѣпи горъ. Такимъ образомъ, я насчиталъ при

рѣдкостно-дивномъ освѣщеніи семь горныхъ хребтовъ, которые гнѣздятся другъ на другѣ, какъ какія-нибудь гигантскія чешуи.

Итакъ, я пріятно проводилъ время, пока наконецъ не наступилъ день представленія. Разстояніе между Гармишемъ и Оберъ-Аммергау на три часа ѣзды, и въ пять часовъ утра легкая повозочка стояла у моихъ дверей. Мы проѣзжаемъ черезъ долину, не спуская глазъ съ Веттерштейна, освѣщеннаго лучами утренняго солнца: самая высокая вершина его Ваксенштейнъ, 7000 футъ высоты, показывается только на нѣкоторомъ разстояніи. Затѣмъ, мы проѣзжаемъ мимо чудеснаго явленія природы, которое мы конечно созерцаемъ лишь издали. Съ крутого горнаго ската низвергается потокъ, въ человѣка шириной, который несомнѣнно сообщается съ какимъ-нибудь отдаленнымъ альпійскимъ озеромъ.

Наконецъ, мы останавливаемся у горы Этталеръ, т.-е. собственно у прохода черезъ горную цѣпь, отдѣляющую Аммергау отъ долины Лоизахъ. Здѣсь мы принуждены идти пѣшкомъ. Лошади съ трудомъ тащатъ легкую повозочку, къ болѣе тяжелымъ экипажамъ приходится припрягать лошадей. Дорога зигзагами (по-французски *tourniquets*, а по-итальянски *girevolte*), благодаря которой двадцать альпійскихъ проходовъ стали такими удобными, что почтовая карета можетъ ѣхать по нимъ рысью, здѣсь повидимому совершенно неизвѣстна. Дорода идетъ прямо вверхъ по горѣ. Наконецъ мы взбираемся на верхъ и передъ нами открывается видъ на Аммергау, плодородную долину, окруженную невысокими, но весьма живописными горами. Самая рельефная изъ нихъ «*Ettaler mannd'l*» (*mannd'l* уменьшительное слово *mann*—человѣкъ), конусъ въ видѣ сахарной головы, который видѣнъ изъ Лоизахской долины. Направо лежитъ великолѣпный монастырь Этталь, настоящая колыбель представленій страстей Господнихъ; мы катимъ мимо него по великолѣпному шоссе, внизъ по горѣ и вотъ мы наконецъ въ Оберъ-Аммергау. Первое впечатлѣніе довольно оригинально, потому что мы врѣзываемся въ громадное стадо, которое гонятъ на пастбище. Все носитъ праздничный характеръ, улицы запружены народомъ и экипажами, такъ что проѣздъ по нимъ затруднителенъ и мы едва-едва пробираемся къ гостинницѣ, гдѣ подкрѣпляемъ свои силы. Вездѣ видны слѣды мирнаго вторженія, потому что изъ 5000 человѣкъ, присутствующихъ при представленіи, большинство прибыло еще вчера, и каждый уголокъ занятъ пріѣзжими.

Въ пяти минутахъ ходьбы отъ деревенской улицы лежитъ лугъ, а на немъ стоитъ театръ, который съ виду не представ-

ляетъ ничего особеннаго и ничѣмъ не отличается отъ деревянныхъ балагановъ, которые строятся для манежей въ маленькихъ городахъ. На самыя высокія (и самыя дорогія мѣста) взлѣзаютъ по лѣсенкѣ, съ первобытною простотою которой ничто не можетъ сравниться. Совсѣмъ тѣмъ, нельзя отрицать, что когда войдешь въ театръ, то остановишься пораженный: несмотря на всю простоту сцены, вы съ перваго же взгляда видите всю разумность ея устройства, а горы, выступающія на заднемъ планѣ, производятъ сильное впечатлѣніе на человѣка, привыкшаго къ закрытымъ городскимъ театрамъ.

Сцена устроена по образцу древне-греческихъ театровъ, который былъ въ ходу въ средніе вѣка, при представленіи мистерій. Она раздѣляется на четыре части: среднюю, отдѣленную занавѣсомъ, двѣ боковыхъ, изображающихъ іерусалимскія улицы и авансцену, шириной въ 80, а глубиной въ 20 футъ, передъ которыми нѣтъ занавѣса. На авансценѣ движется хоръ и происходятъ драматическіе эпизоды изъ исторіи страстей Господнихъ. Всѣ отдѣленія сцены сообщаются другъ съ другомъ, такъ что процессіи могутъ переходить съ одной боковой сцены на другую, черезъ авансцену, и среднюю часть сцены. Картина завершается двумя маленькими домиками съ балконами, которые расположены по обѣимъ сторонамъ средней сцены и обращены фасадомъ къ авансценѣ. Одинъ изъ нихъ—домъ Пилата, другой первосвященника Анны и оба играютъ роль въ представленіи и, кромѣ того, имѣютъ еще тотъ смыслъ, въ архитектурномъ отношеніи, что придаютъ боковымъ сценамъ уличный характеръ.

При всей своей практичности, устройство сцены до того просто и безъискуственно, что можно было бы многое возразить, еслибы непривычность явленія не поражала васъ. Передъ сценой расположенъ оркестръ, состоящій изъ молодыхъ деревенскихъ парней въ остроконечныхъ, тирольскихъ шляпахъ. За нимъ партеръ, который не пользуется уваженіемъ, а потому ничѣмъ не защищенъ отъ солнца и дождя, но тѣмъ не менѣе очевидно представляетъ лучшія мѣста, между тѣмъ какъ идущая совсѣмъ въ глубинѣ трибуна, защищенная отъ того и другого и гдѣ самыя дорогія мѣста, слишкомъ отдалены отъ сцены.

Мѣста на трибунѣ занимаются большею частію иностранцами. Возлѣ нѣкоторыхъ членовъ королевской фамиліи сидѣли гости изъ всѣхъ частей Германіи, американцы, французы, русскіе, англійскіе и нѣмецкіе рисовальщики, присланные газетами; говоря *сидѣли*, я выражаюсь неточно, потому что узкія, чуть ли не въ ладонь шириной, скамейки, величаемыя жителями Аммергау ложами, никакъ не могутъ назваться *сидѣньемъ*.

Представленіе страстей Господнихъ въ Оберъ-Аммергау, въ настоящемъ его видѣ, ведетъ свое начало съ 1634 г. За годъ передъ тѣмъ въ Баваріи свирѣпствовала чума, посѣтившая также и тихую долину Аммергау. Жители вздумали ввести снова представленіе страстей Господнихъ, которое въ былое время правильно производилось, но мало-по-малу вышло изъ употребленія. Представленія страстей Господнихъ, драматическое изображеніе страданій Христа, были уже въ ходу въ XII столѣтіи въ Баваріи, Тиролѣ, Южной Германіи и Швеціи и пережили даже отчасти реформацію, которая повлекла за собой иное, болѣе духовное пониманіе религіозныхъ вещей. Позднѣе они вышли изъ употребленія и въ XVIII столѣтіи, въ періодъ *просвѣщенія*, были даже запрещены баварскимъ правительствомъ, но съ 1830 г. повторяются аккуратно, черезъ каждые десять лѣтъ. Сначала они ограничивались очень тѣснымъ кругомъ, но съ тѣхъ поръ, какъ извѣстный драматургъ Эдуардъ Девріентъ написалъ о нихъ толстую книгу въ 1850 г., они получили всемірную извѣстность. Эти представленія предпринимаются самой общиной. Никто изъ постороннихъ не можетъ въ нихъ участвовать. Дѣйствующія лица получаютъ весьма незначительный гонорарій, но вся прибыль идетъ въ пользу общины и употребляется на школы, на бѣдныхъ и проч. По всей вѣроятности, католическое духовенство, которое никогда себя не забываетъ, получаетъ также свою долю. На этотъ разъ жители Аммергау разсчитывали на большой доходъ, потому что истратили 24,000 гульденовъ на костюмы и постройку театра, которые они конечно съ лихвой вернутъ, благодаря большому наплыву посѣтителей[1]). Совсѣмъ тѣмъ многіе компетентныя и заслуживающія довѣрія лица увѣряли меня, что доходъ въ этомъ случаѣ чисто фиктивный, потому что онъ не можетъ вознаградить убытки, понесенные отъ потери времени работниками. Репетиціи и приготовленія начинаются уже съ декабря; съ мая по октябрь идутъ представленія и во все это время о работѣ почти нѣтъ и помина. Понятно, что послѣдствія такого хода дѣлъ долго потомъ отзываются.

Представленіе заключается въ полномъ и по возможности буквально точномъ драматическомъ изображеніи библейскаго разсказа о послѣднихъ дняхъ Христа, начиная съ въѣзда въ Іерусалимъ и кончая распятіемъ на крестѣ или, лучше сказать, воскресеніемъ. Къ этому присоединяются два важныхъ элемента,

---

[1]) Разсчетамъ этимъ война нанесла сильный ударъ. Послѣ того, какъ все вышесказанное было уже написано, лицо, изображавшее Христа и многіе другіе изъ главныхъ персонажей были вытребованы въ военную службу.

а именно хоръ, состоящій изъ двадцати человѣкъ, выступающій на сцену во всѣхъ антрактахъ и живыя картины, изображающія сюжеты изъ Стараго Завѣта, которыя точно также показываются въ промежуткахъ между дѣйствіями. Хоръ совершенно вытѣсненъ съ новѣйшей сцены и съ непривычки васъ поражаетъ, когда двадцать человѣкъ, по 10 съ каждой стороны, выступаютъ на сцену мѣрнымъ шагомъ, становятся на ровномъ почти разстояніи другъ отъ друга и принимаются пѣть; но затѣмъ вскорѣ вы начинаете находить, что хоръ весьма умѣстенъ при возвышенныхъ и серьезныхъ сюжетахъ, каковы сюжеты древнихъ трагедій и страстей Господнихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ пѣніе хора и въ особенности его регента превосходно. Послѣдній, красивый мужчина съ великолѣпнымъ голосомъ, одинъ изъ важныхъ дѣятелей представленія. Я не хочу, да и не могу дать вамъ подробнаго описанія всего представленія, которое длится съ 8 часовъ утра до 5 часовъ вечера, съ однимъ только часовымъ перерывомъ; я ограничусь только нѣсколькими замѣчаніями.

Послѣ пролога и двухъ живыхъ картинъ, изображавшихъ изгнаніе Адама изъ рая и жертвоприношеніе Моисея на горѣ, поднялся занавѣсъ передъ средней сценой. Толпы народа расхаживаютъ по улицамъ Іерусалима, разбиваются на отдѣльныя группы, машутъ пальмовыми вѣтвями и кричатъ «осанна!» Наконецъ появляется самъ Христосъ, высокій, красивый мужчина (представлялъ его рѣзчикъ Іозефъ Мейеръ) съ черными, расчесанными по срединѣ волосами, черной бородой, въ фіолетовомъ длинномъ одѣяніи, съ красной мантіей на плечахъ, сидящій на ослѣ; вокругъ него толпятся ученики. Онъ слѣзаетъ съ осла и произноситъ слова, извѣстныя намъ изъ священнаго писанія, съ нѣкоторой напыщенностью, но не безъ достоинства. Только діалектъ убійственный. Процессія очень красива и я понимаю, что она приводитъ въ восторгъ многихъ, но только *не* меня. Главный эффектъ здѣсь заключается въ многочисленности дѣйствующихъ лицъ. Пустите на какую угодно сцену 500 человѣкъ — и выйдетъ эффектно. Къ этому прибавьте фантастическіе костюмы, всѣхъ возможныхъ яркихъ цвѣтовъ. Но этотъ эффектъ, основанный на многочисленности персонала и глаза рѣжущіе цвѣта становится подъ конецъ утомителенъ. Еще менѣе мнѣ по вкусу равномѣрность движеній, которую такъ хвалятъ компетентные люди. Когда, напримѣръ, толпа кричитъ «осанна» — разъ — два — три, одинъ за другимъ, то она выполняетъ это съ такой равномѣрностью, словно ее приводитъ въ движеніе электрическая проволока. Но я требую отъ народныхъ сценъ совсѣмъ иного. Въ нихъ должна быть индивидуальная жизнь, диссонансы, разнообразіе,

какъ это и бываетъ на хорошихъ сценахъ, гдѣ имѣется опытный режиссеръ. Я полагаю, что если взять батальонъ солдатъ и обучить ихъ, то они выполнятъ свое дѣло не хуже крестьянъ Оберъ-Аммергау.

Интересъ постоянно ослабѣваетъ съ ходомъ дѣйствія и послѣ часового перерыва (между 12—1 ч.) публика, по крайней мѣрѣ на трибунѣ, замѣтно рѣдѣетъ и лишь къ моменту распятія снова набирается въ театрѣ.

Изображеніе распятія основано на библейскомъ текстѣ и въ своемъ родѣ можетъ быть удивительно, хотя я не нахожу его ни эстетическимъ, ни назидательнымъ. Собственно прикрѣпленіе лица, изображающаго Христа, къ кресту происходитъ за сценой. Это дѣлается такимъ образомъ, что равновѣсіе тѣла поддерживается поясомъ, охватывающимъ талію и прикрѣпленнымъ къ крючку, вдѣланному въ крестѣ. Но этого нельзя замѣтить, и когда, съ поднятіемъ занавѣса, водружается крестъ, то кажется какъ будто тѣло дѣйствительно держится на гвоздяхъ, поразительно хорошо поддѣланныхъ на рукахъ и ногахъ. Въ этомъ положеніи актеръ долженъ находиться около получасу и все сказать, что́ говорилъ Христосъ, даже долженъ быть прободеннымъ въ бокъ римскимъ воиномъ. Разбойникамъ уже передъ тѣмъ раздробляютъ члены, то-есть, это значитъ, что ихъ бьютъ по груди и по ногамъ мягкими плетями изъ кожи или изъ другаго еще болѣе мягкаго матеріала (эти плети въ родѣ тѣхъ, какія употребляютъ клоуны при бичеваніи другъ друга), что производитъ невыразимо гадкое впечатлѣніе. Снятіе Христа со креста аранжировано по прекрасной картинѣ Рубенса и очень эффектно, хотя анахронизмъ въ костюмахъ (что проходитъ черезъ всю пьесу) очень вредитъ впечатлѣнію. Этимъ актомъ заканчивается все интересное въ представленіи. Все, что слѣдуетъ затѣмъ, очень слабо и скучно. Этотъ актъ всего лучше опредѣляетъ значеніе всей пьесы. Католическіе органы толкуютъ, что она производитъ необыкновенно назидательное дѣйствіе на зрителей; но я, признаться сказать, этого вовсе не замѣтилъ, а сдѣлалъ наблюденіе, что все вниманіе зрителей сосредоточено на игрѣ актера, изображающаго Христа, который долженъ быть вмѣстѣ съ тѣмъ и акробатомъ. Положеніе, въ которомъ онъ виситъ на крестѣ, въ теченіи получаса, не только мучительно, но и опасно, потому что кровь затекаетъ въ членахъ и слѣдуетъ постепенно возстановлять кровообращеніе, чтобы не случилось удара. Что касается всего представленія вообще, то я считаю совершенно немыслимымъ, чтобы оно укрѣпляло или вызывало истинно-религіозное чувство.

Представленіе страстей Господнихъ вошло въ моду въ нашъ просвѣщеный вѣкъ между знатными господами, которымъ пріѣлись всѣ наслажденія. Но оно точно также выйдетъ изъ моды. Совсѣмъ тѣмъ, оно можетъ навести на слѣдующія мысли: во-первыхъ, оно показываетъ, какое важное значеніе въ смыслѣ эффекта можетъ имѣть хоръ; во-вторыхъ, какое сильное впечатлѣніе производитъ драматическое представленіе, когда сюжетъ его знакомъ зрителямъ. Оно можетъ указать настоящій путь къ созданію дѣйствительно народнаго театра, какимъ обладала Греція и какого не существуетъ вовсе въ наше время.

Я не дослушалъ послѣдняго хора и поспѣшилъ удалиться изъ театра, чтобы избѣжать давки, которая должна быть ужасна. Ни колбасы, ни прохладительные напитки, ни сигары, въ изобиліи предлагаемыя у дверей театра, ни даже фотографіи, изображавшія актеровъ и актрисъ — послѣднія, между нами будь сказано, довольно безобразны и отличаются необыкновенно уродливыми ногами,—не привлекали меня. Вскорѣ я отыскалъ свой экипажъ и, спустившись веселой рысцей внизъ съ Этталерской горы, вернулся въ тихій Гармишъ.

II.

Трафой, у сѣверной подошвы Ортлера.

Я нахожусь теперь въ такомъ мѣстечкѣ, прекраснѣе котораго не сыскать нигдѣ въ Альпахъ. Трафой,—заимствовавшій свое названіе отъ *tres fontes*, трехъ священныхъ источниковъ, бьющихъ у подошвы Ортлера, — маленькая деревенька, въ которой съ полдюжины домиковъ, лежитъ на дорогѣ къ хребту Штильфсеръ, недалеко отъ того пункта, гдѣ начинаются безчисленные повороты этой дороги, которая огибаетъ горный хребетъ на высотѣ 8662 парижскихъ футъ и слѣдовательно составляетъ одинъ изъ самыхъ высокихъ, проложенныхъ горныхъ путей въ Европѣ. Изъ окна маленькой гостинницы моимъ глазамъ открывается такой ландшафтъ, который не уступитъ въ красотѣ венгерскимъ альпамъ въ Бернскомъ Оберландѣ, съ его знаменитымъ видомъ на Юнгфрау.

Несмотря на высоту, на которой мы находимся—500 футъ долина и нижняя часть горъ покрыты прекраснымъ лѣсомъ; прямо, напротивъ меня, возвышается почти перпендикулярно Мондачъ, черный, съ передней стороны совершенно обнаженный отъ снѣгу утесъ, на верхушкѣ котораго видѣнъ въ подзорную трубу тригонометрическій знакъ, поставленный тамъ, послѣ невѣроятныхъ уси-

лій, австрійскимъ оберъ-лейтенантомъ Пайеромъ, неутомимымъ піонеромъ этихъ горъ (въ настоящее время онъ, какъ извѣстно, сопровождаетъ капитана Кольдевега въ экспедиціи къ полярнымъ морямъ, снаряженной докторомъ Поземаномъ изъ Готы). Направо лежитъ Ортлеръ (самой вершины его отсюда не видать), покрытый огромными массами снѣга. Между нимъ и Мондачемъ тянется вся цѣпь Ортлерскихъ горъ, вершина за вершиной, и все это покрыто снѣгомъ и льдомъ. Я человѣкъ не сантиментальный, но не могу оторваться отъ этого вида. И подумать только, что русскіе такъ холодны къ горамъ! Кто путешествовалъ по горамъ Швейцаріи и Тироля, тотъ знаетъ, какъ рѣдко встрѣчаешь тамъ русскаго туриста. Итальянскія и швейцарскія озера ему любы; иногда предпринимаетъ онъ восхожденіе на Риги и думаетъ при этомъ, что совершилъ нѣчто необычайное, но лазить взаправду по горамъ онъ не охотникъ. Русскій туристъ гораздо больше любитъ пріятные, мягкіе ландшафты, комфортъ, оживленную мѣстность, чѣмъ головоломныя прогулки, уединеніе, дикую природу горъ. Во главѣ любителей и мастеровъ лазить по горамъ стоятъ англичане. Эта нація, столь миролюбивая въ политикѣ, выказываетъ въ частной жизни неутомимую жажду опасностей. Извѣстно, что до Соссюра (который въ 1787 году взошелъ на Монбланъ) или по крайней мѣрѣ до половины прошедшаго столѣтія (потому что, когда Гёте былъ въ Женевѣ въ 1779 г., то онъ слышалъ тамъ, что одинъ проводникъ по глетчерамъ занимается своимъ ремесломъ уже около двадцати лѣтъ), ни одному человѣку не приходило въ голову взбираться на вершины горъ. Соссюръ предпринялъ это съ научной цѣлью; съ этой же самой цѣлью, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, были посѣщаемы нѣкоторыя изъ самыхъ высокихъ вершинъ Бернскихъ Альпъ. Мало-по-малу въ Германіи распространилась страсть лазить по горамъ; въ пятидесятыхъ годахъ англичане нахлынули на Альпы и начался альпійскій *sport*. Англичане лазятъ по горамъ съ огромными издержками, потому что проводники дорого продаютъ свои услуги, и съ опасностью жизни; они стараются взобраться на возможно бо́льшее количество вершинъ, единственно ради искусства и вскорѣ пріобрѣтаютъ неподражаемую ловкость. Самый старый и искусный мастеръ лазить по горамъ между англичанами,—впрочемъ, самымъ извѣстнымъ изъ нихъ уже надоѣли Швейцарія и Тироль и они теперь отправляются въ Норвегію и на Шпицбергенъ—высокій, сильный, молчаливый господинъ. Онъ знаетъ про опасности, но увѣренъ въ самомъ себѣ. Онъ вообще прекрасный человѣкъ, только очень скучный. Гораздо занимательнѣе его молодой любитель лазить по горамъ, еще уче-

никъ въ дѣлѣ, жаждущій чести быть принятымъ въ члены лондонскаго альпійскаго клуба, который ставитъ очень тяжелыя условія для пріема членовъ. Бродитъ себѣ въ Изермацѣ, Понтрезинѣ или Гриндельвальдѣ юный мистеръ Робинзонъ или Миддльморъ. Онъ не менѣе шести футъ ростомъ, ноги у него точно жерди, руки невѣроятно длинныя и большія ступни, обутыя въ колоссальные, въ Лондонѣ изготовленные, горные башмаки. Вотъ онъ начинаетъ свои упражненія. Тонкія ноги одарены стальными мускулами. Онъ взбирается вверхъ по горѣ, бѣжитъ внизъ. То карабкается онъ по скаламъ, при чемъ длинныя руки ему очень пригодны, то принимается переходить черезъ горные проходы, посѣщать глетчеры. Я видалъ одного такого любителя, который прошелъ изъ Понтрезина всю Бернинскую цѣпь, не пропустивъ буквально ни одной вершины. Даже самъ проводникъ, даромъ что получилъ кругленькую сумму денегъ (проводникъ получаетъ, когда всходятъ на высокую гору, отъ 80—100 франковъ и болѣе), покачивалъ головой надъ этимъ рвеніемъ, потому что видъ съ одной горы совершенно тотъ же самый, что и съ другой. Но молодому человѣку ровно нѣтъ никакого дѣла до видовъ. Его интересуетъ только побывать на верху, и навѣрное онъ полѣзетъ также и на Маттергорнъ, (все еще считающейся самой трудной для восхода вершиной изъ всѣхъ Альпійскихъ горъ), если только не сломитъ себѣ до тѣхъ поръ шеи. Эта участь постигаетъ многихъ, и въ Альпахъ встрѣчается довольно значительное число памятниковъ надъ англійскими жертвами. Швейцарцы вообще слишкомъ благоразумны, чтобы гоняться за подобнаго рода приключеніями, но они очень ловко бѣгаютъ по горамъ. Альпы мстятъ, при случаѣ, бѣднымъ смертнымъ, которые нарушаютъ ихъ уединеніе.

Отправляясь изъ Гармиша въ Тироль, приходится ѣхать два часа въ почтовой каретѣ до Лермоса. Но можно также перейти черезъ горный хребетъ, что займетъ четырнадцать часовъ времени. Я избралъ послѣдній путь. Сначала идешь, часовъ около 5-ти, вдоль Райнтальской долины, пока не дойдешь до большого луга, на которомъ въ теченіи двухъ недѣль пасутся тысячи овецъ. Кругомъ возвышаются горныя вершины, имѣющія самыя причудливыя формы; самая величественная изъ нихъ Цугспицъ, на которомъ есть даже два глетчера, правда, не очень большихъ. По валунамъ, по мѣстамъ, покрытымъ снѣгомъ, добираешься наконецъ до того пункта, гдѣ проходъ закрытъ рѣшеткой. Потому что это самое удобное для перехода мѣсто и овцы часто пользуются имъ, чтобы совершить маленькую прогулку въ Тироль, которому хребетъ служитъ границей. Тирольцы берутъ въ плѣнъ

этихъ бродягъ и пастухъ долженъ выкупать ихъ поштучно (что въ цѣломъ составитъ довольно большую сумму). По ту сторону открывается впервые видъ на Тирольскія Альпы вплоть до самаго Инспрука.

Ближайшей моей цѣлью была долина Эча, которая въ послѣдніе годы чаще посѣщается туристами. Изъ всѣхъ альпійскихъ рѣкъ Эчъ самая дурная. Въ нижней части долины, гдѣ Эчъ всего шире, грохотъ, производимый рѣкой, такъ великъ, что съ непривычки боишься оглохнуть и съ трудомъ къ нему привыкаешь. Нижняя (сѣверная) часть долины очень плодородна; далеко тянутся маисовыя поля, затѣмъ начинается ячмень, наконецъ луга. Деревни, которыя въ нижней части долины велики и многолюдны, рѣдѣютъ, по сторонамъ все ближе и ближе надвигаются глетчеры (г. фонъ-Зонкларъ, замѣчательный топографъ, насчиталъ въ Альпахъ долины Эча 182 глетчера), шумъ колесъ давно уже пересталъ доноситься до ушей, потому что здѣсь могутъ пробираться только мулы. За то все чаще и чаще попадаются на глаза, такъ-называемые, на простонародномъ языкѣ, «*marteln-tafeln*», слово, очевидно происходящее отъ слова мученикъ, которые извѣстны также подъ названіемъ «*bildsäulen*»; это ничто иное, какъ деревянныя доски съ картиной и стихотвореніемъ внизу, которыя ставятся въ большей части Тироля и въ небольшой части Верхней Баваріи, въ воспоминаніе о несчастномъ случаѣ, происшедшемъ по близости. Тамъ крестьянина задавили взбѣсившіяся лошади, здѣсь кто-то утонулъ (бѣшеные горные ручьи, даже тогда, когда они доходятъ всего до колѣнъ, никогда не отдаютъ назадъ своихъ жертвъ, но разбиваютъ ихъ о камни), мальчикъ оборвался съ утеса, лавина задавила дѣтей— во всѣхъ видахъ царитъ здѣсь внезапная смерть. Это до того поразительно, что не приходитъ въ голову смѣяться надъ наивностью рисунка: за бумажный гульденъ (меньше полтинника) сельскій живописецъ изготовляетъ любую картину. Стихи тоже хороши въ своемъ родѣ, про орѳографію нечего и говорить!

Послѣдняя деревня въ верхней части долины называется *Вендъ*, и насчитываетъ 6 домовъ, 7 семействъ и 55 душъ. Кругомъ кажется, что свѣтъ досками заколоченъ, какъ говорится. Но эта замкнутость только кажущаяся, потому что долина тянется двумя отраслями еще далѣе къ югу. Вендъ уже лежитъ на высотѣ 5984 футъ надъ уровнемъ моря, а обѣ принадлежащія къ нему возвышенности Рофенъ, на высотѣ 6465 футъ. Въ Вендѣ находится домъ священника, знаменитаго мастера лазить по горамъ, который обратилъ его въ гостинницу, гдѣ могутъ помѣститься человѣкъ тридцать; принимая во вниманіе высоту, на

которой она расположена, гостинница необыкновенно комфортабельна. Постели великолѣпныя, вино, которое, какъ извѣстно, очень хорошо и дешево во всемъ Тиролѣ, стóитъ всего двумя крейцерами дороже, чѣмъ въ долинѣ. Кромѣ того, господинъ священникъ держитъ двухъ хорошенькихъ и привѣтливыхъ домоправительницъ, далеко еще не достигшихъ каноническаго возраста. Былъ какъ разъ величайшій праздникъ католической церкви,—праздникъ тѣла Господня. Много пастуховъ и работниковъ прибыло къ нему, такъ что въ приходѣ собралось около 100 человѣкъ и маленькая церковь не могла ихъ всѣхъ вмѣстить. Тѣмъ торжественнѣе была процессія, которая направляется къ алтарю, воздвигнутому на лугу; не было даже недостатка въ процессіи стрѣлковъ и пока шла служба, стрѣляли изъ мортиръ. Стрѣлять изъ мортиръ и ружей, пощелкивать длиннымъ бичемъ и испускать особенные, переливчатые звуки *(jodeln)* — вотъ любимыя удовольствія тирольцевъ.

Францъ Зеннъ, священникъ деревушки Вендъ, знаменитый, какъ я уже сказалъ, мастеръ лазить по горамъ. Два года тому назадъ, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, Зеннъ находился въ долинѣ Шнальцеръ, отстоящей на 9 часовъ ходьбы отъ долины Вендъ, при чемъ два часа приходится идти по глетчерамъ, и захотѣлъ вернуться домой вмѣстѣ съ знаменитымъ проводникомъ изъ долины Эча, Кипріаномъ Гранбиргеромъ, извѣстнымъ у простонародья подъ именемъ «*der lange Cyper*». Оба сотни разъ ходили по этой дорогѣ, могли, зажмуря глаза, отыскать каждый камушекъ, а потому и не обратили большого вниманія на то, что глетчеры были покрыты свѣжимъ снѣгомъ. Но съ каждымъ шагомъ снѣгъ становился все глубже и глубже, ночь застигла ихъ на дорогѣ и поднялась буря. Въ продолженіи 36-ти часовъ пробивали они себѣ путь въ снѣгу и были уже у цѣли своего странствованія, когда проводникъ палъ отъ истощенія: Францъ Зеннъ благополучно добрался домой. Я видѣлъ мѣсто, на которомъ погибъ проводникъ и гдѣ положена, въ память его, мраморная плита. При хорошей погодѣ, переходъ по этимъ глетчерамъ одинъ изъ самыхъ удобныхъ и прекрасныхъ, какіе только существуютъ. Кругомъ слышится таинственное журчаніе и ропотъ тысячи маленькихъ ручейковъ. Глубокое уединеніе царитъ вокругъ васъ, а свѣжій горный воздухъ прогоняетъ всякую усталость. Мы совершенно безопасно перешли черезъ глетчеры и я направился въ Шнальцерскую долину, гдѣ уже вѣетъ южнымъ воздухомъ и гдѣ ростутъ прекрасные кедровые лѣса. Когда я приближался къ Винчгау, то услышалъ въ глубинѣ — долина Шнальцеръ спускается почти отвѣсно — любезный для сердца шумъ: то былъ стукъ колесъ по шоссе, котораго я уже не слыхалъ цѣлыхъ 8

дней. Я снова находился въ странѣ экипажей и лошадей и воспользовался ими, чтобы доѣхать сюда. Средняя часть долины Эча лежитъ уже на югѣ. Каштановое дерево—характеристичная черта ея растительности. Къ сожалѣнію, долина подвергается опустошительному дѣйствію горныхъ ручьевъ, которые весною и во время сильныхъ дождей приносятъ съ горъ громадныя массы грязи и камней, такъ что засориваютъ луга и даже засыпаютъ цѣлыя мѣстечки. Эти явленія совершаются въ такомъ размѣрѣ лишь въ послѣдніе сорокъ, пятьдесятъ лѣтъ и являются слѣдствіемъ опустошенія лѣсовъ. Теперь стараются снова разводить лѣса, но на это требуется много времени.

III.

Кіавенна, въ послѣднихъ числахъ іюня.

Съ 15-го іюня изъ Глуруса, лежащаго въ долинѣ Эча, ежедневно отправляется въ Борміо дилижансъ. Я доѣхалъ въ немъ только до Трафоя, а оттуда пошелъ пѣшкомъ въ Борміо. Я могу сказать, что мнѣ знакомы всѣ знаменитые альпійскіе проходы, и я склоненъ отдать предпочтеніе Штильфсерскалу (по-итальянски *Stelvio*). Ландшафтъ здѣсь разнообразнѣе, чѣмъ гдѣ-либо. Австрійское правительство, со времени послѣдней войны съ Италіей, совершенно забросило эту дорогу, такъ что она сдѣлалась почти непроходима. Теперь ее нѣсколько поправили, но все еще на ней попадаются опасныя мѣста. Дорога вездѣ еще носитъ слѣды войны: пушки довозились почти до самой линіи снѣговъ, и какъ итальянцы, такъ и австрійцы разрушали самыя дорогія сооруженія. Дорога ведетъ въ дикую, обнаженную котловину, гдѣ находится *Cantoniere di Santa Maria*, заброшенная нынѣ казарма и итальянская таможня, затѣмъ идетъ безчисленными зигзагами внизъ. Но пѣшеходъ можетъ въ два часа достичь до Борміо, если не пойдетъ зигзагами, а прямо спустится съ горы. Мѣстоположеніе Борміо чудное. Старинное заведеніе для ваннъ высится на скалѣ, какъ какой-нибудь рыцарскій замокъ; новѣйшее построено нѣсколько ниже. Восемь источниковъ, имѣющіе отъ 36—41° теплоты, были уже извѣстны во времена Плинія и превосходятъ своими качествами воды Эмса и Висбадена. Пройдя нѣсколько шаговъ, очутишься въ самой дикой горной мѣстности: южный проходъ черезъ Штильфсерскій хребетъ по истинѣ величественъ, а на югъ открывается видъ на прекрасную *piano di Bormio*, верхнюю часть долины Вельтлинъ, которая съ 1866 г. стала, какъ извѣстно, итальянской территоріей. Здѣсь соединяется свѣжій горный воздухъ и итальянское небо;

высокія горы, отъ 10 до 12,000 футъ высоты, великолѣпны. Въ долинахъ Фраэлэ, Валь-Виста, Цивиньо и Валь-Фурва водится еще медвѣдь. Желая получить понятіе объ этихъ долинахъ, я посѣтилъ Валь-Фурва. Изъ Борміо отправляются въ легкой телѣжкѣ въ Санта-Катарина. Санта-Катарина ничто иное, какъ большой курзалъ, открытый лишь въ теченіи трехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, и окруженный великолѣпными глетчерами. Монте-Трезеро, который уже видѣнъ изъ Борміо, отличается великолѣпной и правильной пирамидальной формой. Съ Монте-Конфинале 10,600 ф. высоты открывается великолѣпный видъ на Орторскую группу и на всю альпійскую цѣпь. Пробывъ три дня въ Санта-Катарина, я вернулся въ Борміо и оттуда проѣхалъ по палящему зною черезъ весь Вельтлинъ, который очень скученъ. Самый красивый видъ здѣсь на виноградники, расположенные вокругъ Зондріо. Этотъ городокъ самъ по себѣ очень хорошенькій, но виноградники, на которыхъ произрастаютъ перлы вельтлинскихъ винъ, *Monlagna*, *Inferno* и *Sassella*, очаровательны. Въ Колико дорога приводитъ къ Комскому озеру; здѣсь садятся на пароходъ и ѣдутъ до Комо, а оттуда по желѣзной дорогѣ до Милана. Путешествіе здѣсь стоитъ очень дешево. Проѣздъ изъ Колико въ Миланъ на пароходѣ въ первомъ классѣ, а по желѣзной дорогѣ во второмъ, стоитъ всего девять франковъ. Въ Миланѣ, гдѣ я остановился въ настоящей итальянской гостинницѣ, гдѣ ставятъ на счетъ только квартиру и прислугу, я заплатилъ за одинъ вечеръ, двѣ ночи и одно утро 5 франковъ. Что касается ѣды, то здѣсь никто не заботится о томъ, обѣдаетъ ли пріѣзжій въ ресторанѣ гостинницы или гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. Я не стану описывать красоть Комскаго озера, его голубой, зеркальной поверхности, тропической флоры садовъ, растущихъ вокругъ безчисленныхъ виллъ, расположенныхъ на его берегахъ. Чтобы вполнѣ наслаждаться этими прелестями, не слѣдуетъ передъ тѣмъ проходить пѣшкомъ черезъ Альпы съ легкой поклажей и тяжелыми башмаками. Здѣсь царство моды, лайковыхъ перчатокъ, лакированныхъ сапоговъ. Но чтобы здѣсь наслаждаться, надо прежде всего имѣть досугъ и покой; ибо здѣсь все манитъ къ мирному наслажденію. Однако, мнѣ навсегда останется памятнымъ это озеро, особенно мѣстность между Менаджіо, Каденаддіа и Балладжіо, которая блещетъ жизнью и красотой.

Миланъ имѣетъ четыре достопримѣчательности: соборъ, пассажъ Виктора-Эммануила, *Arco della Pace* и «Тайную Вечерю» Леонарда-да-Винчи въ церкви *Madonna della Grazie*. Про соборъ, извѣстный художественный критикъ Куглеръ говоритъ, что онъ отличается, какъ своими громадными размѣрами и великолѣпіемъ

матеріала, изъ котораго выстроенъ, такъ и чистотой отдѣлки и богатствомъ деталей и что общее впечатлѣніе, производимое имъ, величественно. Простой смертный не съумѣетъ такъ характеризовать свои ощущенія, но несомнѣнно, что каждаго поражаетъ красота дивнаго зданія; трудно оторваться отъ него и съ каждой стороны, съ каждаго новаго пункта открываешь новыя красоты. Онъ составляетъ центръ Милана и вся жизнь этого города сосредоточивается на *piazza del duomo*, отъ которой идутъ всѣ главныя улицы. Непосредственно возлѣ собора находится пассажъ Виктора-Эммануила, и, странно сказать, вовсе не страдаетъ отъ этого сосѣдства. Возлѣ храма, созданнаго религіознымъ чувствомъ среднихъ вѣковъ, выражавшемся въ такихъ богатыхъ и прекрасныхъ архитектурныхъ формахъ, возвышается зданіе, сооруженное новѣйшимъ промышленнымъ духомъ. Пассажъ построенъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ и имѣетъ форму креста. Длиной онъ въ 195, шириной въ $14^1/_2$ метровъ. Углы, которыми крестъ соприкасается, срѣзаны, такъ что образуютъ восьмиугольникъ, надъ которымъ возвышается громадный куполъ, который съ краевъ имѣетъ 26, а посрединѣ 50 метровъ вышины. Здѣсь съ утра и до ночи толпится народъ. Передъ роскошными кафе́ сидятъ посѣтители и пьютъ вѣнское или кіавенское пиво, которое побѣдоносно конкуррируетъ съ виномъ, или же ѣдятъ мороженое, пьютъ кофей, который здѣсь также хорошъ, какъ и въ Парижѣ, и сто́итъ, смотря по богатству локаля, отъ 20—25 *centesimi*. Иностранцу особенно характеристичными кажутся продавщицы цвѣтовъ и мальчишки, торгующіе спичками. Кажется, что въ Италіи ни одна торговля такъ не процвѣтаетъ, какъ торговля спичками; правительству принадлежитъ табачная монополія и оно фабрикуетъ такія сигары, которыя безпрестанно тухнутъ и безпрестанно зажигаются терпѣливыми итальянцами. Одинъ значительный нѣмецкій табачный торговецъ говорилъ мнѣ какъ-то, что русскіе бары первые въ мірѣ знатоки въ сигарахъ. Вотъ была бы имъ пытка, еслибы ихъ присудили недѣльки двѣ покурить итальянскія *Virginia* или *Cavour*, два самыхъ употребительныхъ здѣсь сорта сигаръ.

Какъ во всякомъ раю, такъ и въ Миланѣ водятся змѣи. Я вовсе не намекаю этимъ на цвѣточныхъ продавщицъ; я говорю про дивное зданіе собора. Каждый взлѣзаетъ на его куполъ, а кто не боится головокруженія, тотъ лѣзетъ и на колокольню, чтобы полюбоваться оттуда лѣсомъ изъ 7,000 статуй, украшающихъ башни, башенки и пилястры собора: всѣ онѣ изъ мрамора и всѣ художественной работы. Кромѣ того, отсюда прекрасный видъ на городъ, а кому посчастливится попасть туда, когда горизонтъ совершенно ясенъ, тому открывается дивная

альпійская панорама. Но на этомъ куполѣ гнѣздится (не смѣйтесь!) привидѣніе: демонъ самоубійства. Кистеръ, водившій меня туда, разсказывалъ мнѣ, что въ продолженіи 29-ти лѣтъ, какъ онъ исполняетъ свою должность, 31 человѣкъ — все изъ мѣстныхъ жителей — сбросились оттуда внизъ; такъ что въ настоящее время никого изъ миланцевъ не пускаютъ поодиночкѣ на куполъ (который, между прочимъ, весь состоитъ изъ громадныхъ мраморныхъ плитъ). Одинъ изъ послѣднихъ самоубійцъ упалъ на проходившаго мимо австрійскаго офицера и раздробилъ ему плечо.

Обратное путешествіе въ Комо и по Комскому озеру опровергаетъ мнѣніе, что не слѣдуетъ въ короткій срокъ два раза проѣзжать по одному и тому же пути. Но начиная съ Колико, и досюда, оно очень монотонно и даже сама прославленная Кіавенна должна разочаровывать многихъ путешественниковъ. Она обязана своей славой тому, что первая представляетъ картину итальянской жизни путешественнику, ѣдущему съ сѣвера въ Италію черезъ Шплюгенъ или *Julier*.

IV.

Линдау, на Констанцскомъ озерѣ. Начало іюля.

Странствованія мои приходятъ къ концу. Здѣсь, на берегу этого озера, къ которому, неизвѣстно почему, путешественники относятся съ пренебреженіемъ, я намѣренъ отдохнуть. Я много ходилъ и лазилъ по горамъ въ послѣдніе дни и очень утомился. Изъ Кіавенны направился я въ Верхній-Энгадинъ; я уже былъ тамъ однажды, но въ такую худую погоду и послѣ такой снѣжной зимы, что нельзя было и помыслить о восхожденіи на горы. На этотъ разъ счастіе мнѣ благопріятствовало. У Кіавенны начинается Брегалья, богатая лѣсомъ и дичью долина, которая восходитъ нѣсколькими террасами, сдавленными скалами, до хребта Малойя, отдѣляющаго ее отъ Энгадина. Проходъ Малойя находится въ верхней части долины, онъ почти отвѣсный, имѣетъ 1,200 футъ высоты и прорѣзанъ великимъ множествомъ зигзаговъ. Наверху лежитъ громадная, плоская возвышенность, которая тянется на нѣсколько миль: Верхній-Энгадинъ, простирающійся отъ прохода Малойя до Понте, у горной дороги Альбула. Эта высокая долина, имѣющая среднимъ числомъ 5,300—5,700 футъ высоты, прославившаяся своими кандитерами, не была доступна экипажамъ до 1844 г., тогда какъ теперь почта ѣздитъ черезъ четыре горныхъ прохода: *Julier*, Альбула, Флуэла, Малойя и Бернина. Дѣятельность Швейцаріи по части проведенія путей просто изумительна, а почтовое устройство несравненно.

Лучшимъ доказательствомъ этого служитъ то, что итальянское правительство передало Швейцаріи все почтовое дѣло въ Верхней Италіи, и поразительно, съ какой пунктуальностью отбывается эта тяжелая служба (одной граубинденской почтѣ приходится ежедневно переѣзжать черезъ 8 горныхъ проходовъ, а въ разгаръ лѣта даже два раза въ день). Съ тѣхъ поръ Энгадинъ все чаще и чаще сталъ посѣщаться туристами, чему не мало способствуютъ цѣлебныя воды Санъ-Морица. Я нѣсколько лѣтъ не былъ въ этой мѣстности и меня поразили происшедшія въ ней перемѣны: во всѣхъ деревняхъ и деревушкахъ настроили отелей и пансіоновъ и вездѣ толпятся иностранцы. Я полагаю, что черезъ нѣсколько лѣтъ Верхній-Энгадинъ перещеголяетъ всѣ другіе швейцарскіе пункты, посѣщаемые иностранцами. Я знаю также, кто не переживетъ этого: бѣдныя форели, которыя населяютъ еще въ настоящее время всѣ ручьи и озера и которыхъ вылавливаютъ безъ милосердія.

Вторымъ важнымъ пунктомъ для иностранцевъ въ Верхнемъ-Энгадинѣ является Понтрезина, лежащая въ долинѣ того же имени, орошаемой бурнымъ Флаццахомъ. Главное преимущество Понтрезины заключается въ томъ, что она лежитъ очень высоко и вы скоро можете добраться до области снѣговъ и льда, не истощивъ предварительно всѣхъ вашихъ силъ.

Черезъ проходъ Альбула отправился я въ обратный путь и добрался до Прёттигау. Здѣсь начался дождь и пошелъ снѣгъ. Даже хорошенькій Рагацъ имѣлъ безконечно-унылый видъ. Я воспользовался этой минутой, чтобы распрощаться съ Швейцаріей и черезъ нѣсколько часовъ желѣзная дорога доставила меня въ Роршахъ, который, хотя съ виду и не великъ, а поспоритъ со многими большими городами въ оживленіи и торговой дѣятельности; это главная гавань Констанцскаго озера. Отсюда великолѣпный пароходъ перевезъ меня въ тихій Линдау.

Желаю, чтобы эти бѣглыя замѣтки возбудили въ душѣ моихъ читателей желаніе посѣтить Альпы, которыя мало-по-малу становятся мѣстомъ прогулки для цѣлой Европы. Это такое наслажденіе и оставляетъ по себѣ такое воспоминаніе, что оно не изгладится во всю жизнь.

К.

НАШИ ПОЧТОВЫЯ РЕФОРМЫ

ПОСЛѢДНЯГО ВРЕМЕНИ.

Отчетъ Почтоваго Департамента за 1868—69 гг. Спб. 1870.

На-дняхъ исполнилось два года со времени отдѣленія должности петербургскаго почтдиректора отъ должности директора почтоваго департамента, вскорѣ послѣ того, какъ управленіе министерствомъ внутреннихъ дѣлъ было соединено съ министерствомъ почтъ и телеграфовъ. Безъ сомнѣнія, послѣднее обстоятельство сдѣлало необходимымъ первое; но, какъ бы то ни было, освобожденіе директора почтоваго департамента отъ работъ по петербургской почтдирекціи могло только усилить его дѣятельность, съ тѣмъ, чтобы дать новое направленіе общему ходу дѣлъ, однимъ словомъ, взяться за преобразованіе почтоваго дѣла въ Россіи; а кто не знаетъ, какъ важна для всѣхъ управленій общественной жизни хорошо организованная почта, и какъ далеко отстали наши почтовые порядки не только отъ своего идеала, но и отъ тѣхъ почтовыхъ порядковъ, которые давно осуществлены на Западѣ и практикуются тамъ уже цѣлые десятки лѣтъ? Можно было думать, что у насъ почта существуетъ для того, чтобы публика не получала писемъ, какъ, по извѣстному выраженію, языкъ данъ для того, чтобы скрывать свои мысли. Что же, могутъ спросить, сдѣлано новымъ почтовымъ департаментомъ въ теченіи первыхъ двухъ лѣтъ его существованія, что̀ предполагается сдѣлать въ ближайшемъ будущемъ—все это вопросы, къ которымъ каждый невольно относится съ интересомъ, какъ бы ни были ограничены его почтовыя потребности. Напечатанный «Отчетъ почтоваго департамента за 1868—1869 годъ» доставляетъ намъ возможность дать обстоятельный отвѣтъ на тѣ вопросы. При этомъ насъ конечно интересуетъ не количество фактовъ, а самая система, которая была принята новымъ почтовымъ начальствомъ и изъ которой вытекали съ необходимостью и самые факты.

Къ сожалѣнію, редакція «Отчета» составлена въ этомъ отношеніи такъ неудовлетворительно, что походитъ скорѣе на голое перечисленіе фактовъ, являвшихся случайно, повидимому, безъ всякаго общаго плана. Нѣтъ сомнѣнія, что многія изъ оглашенныхъ въ «Отчетѣ» перемѣнъ и преобразованій, за послѣдніе два года, вызовутъ благодарность публики, такъ какъ эти перемѣны направлены къ облегченію сношеній общественныхъ и дѣловыхъ и къ обезпеченію ихъ правильности и своевременности. Вмѣстѣ съ тѣмъ многое въ прежнихъ порядкахъ, напрасно тормозившее сношенія публики, является теперь къ всеобщему удовольствію и пользѣ отмѣненнымъ. Но все это, превосходное само по себѣ, не вытекало изъ какой-нибудь новой системы, новаго взгляда на вещи, радикально противоположнаго тому взгляду, который такъ плодовито рождалъ безобразіе прежнихъ порядковъ. Доказательства того мы постараемся представить въ настоящей статьѣ.

До нашего времени на почтовую часть смотрѣли, какъ и на многія другія функціи администраціи, съ чисто патріархальной точки зрѣнія, напоминавшей болѣе отдаленную эпоху «кормленія» воеводъ. Никому не приходило въ голову, что почтовое дѣло есть техническое дѣло, не имѣющее ничего общаго съ канцелярскою дѣятельностью. Можно себѣ представить, каковы были наши почтовые дѣятели, когда для набора ихъ руководились общими служебными правилами, когда требовалось для занятія въ почтовой конторѣ не спеціальное для того знаніе и предварительный опытъ, а, наприм., извѣстный чинъ. Но еще и это не все. Не далѣе, какъ два года тому назадъ существовало *обязательное* (sic) опредѣленіе въ почтовое вѣдомство, какъ раненыхъ штабъ и оберъ-офицеровъ, такъ и унтеръ-офицеровъ, добровольно отказавшихся отъ производства въ офицеры, и комитету о раненыхъ предоставлено лишь сообщать отъ времени до времени почтовому департаменту списки тѣхъ изъ состоящихъ подъ покровительствомъ комитета лицъ, которыя будутъ признаваться комитетомъ достойными занять должности по почтовой части.

Свѣжо, на этотъ разъ даже слишкомъ свѣжо преданіе, но вѣрится съ трудомъ! Не болѣе какъ два года тому назадъ, должности почтмейстеровъ и ихъ помощниковъ были у насъ занимаемы по рекомендаціи вѣдомства, совершенно чуждаго почтовому дѣлу. Притязанія этихъ лицъ, а можетъ быть и дѣйствительныя нужды, заставляли ихъ иногда обращаться съ просьбами и записками къ высшему почтовому начальству. Что же оказалось? «Изъ получаемыхъ просьбъ и записокъ отъ уѣздныхъ почтмейстеровъ и ихъ помощниковъ — говоритъ «Отчетъ»— усмотрѣно было, что нѣкоторые изъ нихъ (т. е. инвалидовъ) по старости и дряхлости едва могутъ подписать свою фамилію, а другіе до того малограмотны, что трудно понять заявляемыя ими жела-

нія». Каково было публикѣ вести свое дѣло, и часто весьма важное дѣло, съ подобнаго рода начальниками почтовыхъ конторъ, которыхъ трудно было уразумѣть даже почтовому департаменту. Съ другой стороны, было ли великодушно и для военнаго вѣдомства почтить лица, оказавшія военныя заслуги, возложеніемъ на нихъ дѣла, котораго они не понимали; не значило ли это ставить честнаго воина-инвалида въ противорѣчіе съ собственною его совѣстью, такъ какъ нельзя назвать добросовѣстнымъ того, который за жалованье берется за дѣло, котораго онъ не понимаетъ? Наконецъ, умѣстна ли была награда для раненаго, слѣдов. болѣе или менѣе страдающаго лица, помѣстить его на должность, которая требуетъ иногда и ночной работы? Какъ бы то ни было, но новое почтовое управленіе пресѣкло это обоюдное зло, при которомъ страдала и почта и бѣдные инвалиды: въ самомъ началѣ 1869 года было отмѣнено это обязательное опредѣленіе раненыхъ въ почтовое вѣдомство.

Но мы оказали бы небольшое уваженіе новому почтовому управленію, еслибы вмѣнили ему въ какую-нибудь заслугу подобную премѣну: она была такъ естественна и необходима, что удивляешься не тому, что перемѣна сдѣлана, а тому, что она не была сдѣлана давно. Для насъ вообще важна не самая перемѣна, а мотивы ея. Тутъ только мы увидимъ, какъ было нами замѣчено выше, что перемѣна совершилась случайно, а не въ слѣдствіе какой-нибудь новой системы, которая клонилась бы къ составленію новыхъ началъ для набора почтовыхъ дѣятелей, какъ техниковъ и спеціалистовъ. Нужно было, чтобы инвалиды-почтмейстеры задумали на бѣду себѣ писать въ департаментъ просьбы весьма безграмотныя и притомъ сильно дрожащею рукою подписывали свои фамиліи. А еслибы просьбы были грамотны и подпись тверда,—свидѣтельствовало бы это о почтовыхъ способностяхъ просителей? Конечно, нѣтъ; но все же они могли бы оставаться на мѣстѣ и ровно ничего не понимать въ своемъ дѣлѣ.

Совсѣмъ иначе мы смотрѣли бы на это распоряженіе новаго почтоваго начальства, если бы оно совершило эту отмѣну вслѣдствіе какой-нибудь новой общей системы опредѣленія лицъ въ почтовую службу, которая, какъ всякая техническая служба, требуетъ испытанія и школы, какъ то мы видимъ, напримѣръ, въ Пруссіи. Не распространяемся о прусскихъ порядкахъ: они могутъ быть знакомы нашимъ читателямъ изъ спеціальной статьи, которая была нами посвящена этому предмету еще недавно [1]). Сущность дѣла въ Пруссіи состоитъ въ томъ, что тамъ не дадутъ почтоваго мѣста иначе, какъ по спеціальномъ испытаніи лица и прохожденіи имъ въ извѣстномъ порядкѣ низшихъ почтовыхъ должностей, при чемъ могла быть пріобрѣтена и

[1]) См. выше, январь, стр. 124 и слѣд., статью: «Прусская почта».

опытность и вмѣстѣ засвидѣтельствована годность лица и его способности въ дѣлу. Такимъ образомъ, въ Пруссіи составилась мало-по-малу, такъ сказать, почтовая армія и образовались извѣстныя преданія, извѣстная школа. При нашемъ бюрократическомъ воззрѣніи на почтовую операцію, невозможны ни школа, ни преданія, и потому каждый можетъ повторять новѣйшее слово римскаго папы: «преданіе—это я.»

Персоналъ играетъ, безъ сомнѣнія, самую существенную роль въ каждомъ дѣлѣ; положимъ, въ почтовомъ дѣлѣ у насъ мы больше не увидимъ инвалидовъ, но и то только самыхъ дряхлыхъ и безграмотныхъ, но мы ничѣмъ не обезпечены противъ людей съ твердою подписью и грамотныхъ, но не понимающихъ дѣла. Правда, новое почтовое управленіе предписало губернскимъ почтовымъ конторамъ, «при замѣщеніи открывающихся вакансій, отдавать преимущество чиновникамъ, служащимъ уже въ почтовомъ вѣдомствѣ, соблюдать постепенность въ повышеніи и вообще заботиться единственно о пользѣ службы» (Отчетъ, стр. 7). Но, во-первыхъ, заботиться единственно о пользѣ службы составляетъ нравственную сторону всякаго дѣла, а не только почтоваго, и потому такія заботы не могутъ быть результатомъ предписанія начальства; во-вторыхъ, постепенность въ повышеніи могла бы имѣть еще какое-нибудь значеніе, еслибы она ограничивалась одними низшими должностями; а въ-третьихъ, преимущество чиновниковъ, служащихъ уже въ почтовомъ вѣдомствѣ при замѣщеніи вакансій, безъ испытанія ихъ, на высшую должность, можетъ привести только къ кастообразности почтоваго вѣдомства — злу, величайшему изъ всѣхъ золъ.

Отъ реформъ по почтовому персоналу перейдемъ къ реформамъ по почтовымъ операціямъ. Здѣсь мы встрѣтимъ тоже явленіе: отличныя отдѣльныя распоряженія безъ того однако, чтобы они были результатомъ какой-нибудь общей, направляющей къ одной цѣли идеи, и потому тѣже послѣдствія.

Въ числѣ реформъ по почтовой операціи, «Отчетъ» поставилъ спеціальную операцію по разсылкѣ періодическихъ изданій. Газетная реформа слишкомъ извѣстна публикѣ, чтобы мы имѣли надобность возвратиться къ ея подробностямъ. Публика знаетъ, что въ началѣ 1869 г. составлены были для газетной операціи новыя правила. Какъ ни были хороши эти правила, но результатъ ихъ дѣйствительно былъ ужасенъ: можно сказать, что въ теченіи трехъ, четырехъ мѣсяцевъ прошедшаго года вся Россія была внезапно погружена во тьму; никто не получалъ газетъ, никто не зналъ, что́ дѣлалось на свѣтѣ. Вслѣдствіе того къ нынѣшному году составлены были новыя правила, въ силу которыхъ существенная часть газетной операціи возложена на самыя редакціи. Дѣло, какъ извѣстно, пошло лучше; но почта отклонила отъ себя почтовую обязанность, и нельзя назвать настоящаго положенія дѣлъ нормальнымъ. Мы согласны, что съ точки зрѣнія пуб-

лики, несравненно лучше получать газеты при ненормальномъ порядкѣ, чѣмъ при нормальномъ—не получать; но не должно такъ разсуждать почтовое начальство: оно должно стремиться къ тому, чтобы и порядокъ былъ нормаленъ и раціоналенъ, и чтобы въ тоже время газеты получались.

«Отчетъ» самъ говоритъ, что «составленныя (въ 1869 г.) для газетной операціи правила были *несложны* и *раціональны*, но — прибавляетъ «Отчетъ»—они требовали, для успѣха дѣла, точнаго ихъ исполненія со стороны почтовыхъ мѣстъ». Итакъ, несложное и раціональное дѣло было замѣнено сложнымъ и нераціональнымъ, единственно потому, что высшее почтовое начальство не могло принудить почтовыя мѣста къ точному ихъ исполненію. Мы очень хорошо знаемъ, что не новое почтовое управленіе довело почтовыя конторы до бѣдственнаго положенія, препятствующаго имъ исполнять свои обязанности; мы точно также знаемъ, что преобразовать ихъ въ 24 часа нѣтъ никакой возможности. Но справедливость опять требуетъ сказать, что не всѣ почтовыя конторы были въ такомъ бѣдственномъ положеніи, и доказательствомъ того можетъ служить то, что прошлогодній раціональный порядокъ во многихъ конторахъ привился отличнымъ образомъ; потомъ, тоже справедливость требуетъ сказать, что не однѣ почтовыя конторы были виноваты въ безпорядкахъ: виновна была также и Газетная Экспедиція, или лучше сказать, бѣдность ея средствъ и весьма неудобное помѣщеніе. Зачѣмъ же было обобщать новыя правила 1870 года; отчего было не оставить прежняго раціональнаго порядка для такихъ, наприм., городовъ, какъ Москва, Кіевъ и др.. и вообще всѣ тѣ города, въ которыхъ уже существуетъ городская почта? Такимъ образомъ, мало-по-малу раціональный порядокъ могъ бы постепенно прививаться и пріучать къ себѣ почтовыхъ дѣятелей; сдѣланъ былъ бы опытъ въ небольшомъ размѣрѣ, а затѣмъ распространеніе опыта не предоставило бы тѣхъ затрудненій, какія были произведены внезапнымъ введеніемъ новой системы.

Между тѣмъ, вслѣдствіе того, что почтовое вѣдомство, по собственному сознанію, нашло себя вынужденнымъ прибѣгнуть къ менѣе раціональной системѣ, произошли странныя явленія. Теперь отмѣнена прежняя подписка на журналы и газеты въ почтовыхъ учрежденіяхъ; но такъ какъ не было возможности отмѣнить подписку на иностранныя газеты, то въ настоящее время выходитъ такъ, что русскій почтамтъ оказываетъ покровительство чужеземнымъ газетамъ и игнорируетъ существованіе русскихъ, отказываясь принимать на нихъ подписку. Такого оригинальнаго явленія нельзя встрѣтить въ цѣлой Европѣ. Мы очень хорошо знаемъ, что такое покровительство иностраннымъ газетамъ невольно для почтамта, потому что онъ обязанъ договоромъ съ Берлинскимъ почтамтомъ, что́ само по себѣ составляло для нашей

публики величайшую невыгоду. Но, къ счастью, такому порядку вещей скоро предстоитъ конецъ. «Отчетъ» свидѣтельствуетъ, что началась уже переписка дипломатическимъ путемъ объ установленіи *непосредственныхъ* почтовыхъ сношеній со всѣми европейскими правительствами, помимо Берлинскаго почтамта, что́, по увѣренію «Отчета», «дастъ возможность удешевить пересылку заграничной корреспонденціи, ускорить ея слѣдованіе и гарантировать правильность ея доставки». Такимъ образомъ, скоро окончится наше почтовое иго, подъ которымъ держала насъ Пруссія, и если при этомъ осуществится обѣщаемое удешевленіе пересылки заграничной корреспонденціи и ускореніе сообщеній, — то все это составитъ весьма памятную заслугу новаго почтоваго управленія.

Но, имѣя въ виду удешевленіе для иностранной корреспонденціи, почтовое управленіе должно было тѣмъ болѣе стремиться къ нему во внутреннихъ сношеніяхъ. Дѣйствительно, для городовъ и мѣстечекъ Петербургскаго уѣзда съ нынѣшняго года назначена цѣна 5 копѣекъ за трехлотное письмо. Правда, этою выгодою воспользуются преимущественно любители огромныхъ писемъ, въ три лота вѣсомъ; но тѣмъ не менѣе, независимо отъ вѣса, выгоды распространяются на всѣхъ, такъ какъ до сихъ поръ простое письмо въ Царское Село или Павловскъ стоило 10 коп. Но почтовое вѣдомство не обратило при этомъ вниманія на газеты и журналы, такъ какъ жители городовъ и мѣстечекъ Петербургскаго уѣзда, для журналовъ и газетъ, отнесены къ иногородной таксѣ. Или лучше сказать, оно обратило на нихъ весьма невыгодное вниманіе: до нынѣшняго года, въ лѣтніе мѣсяцы, когда жители Петербурга переѣзжаютъ въ окрестности на дачи, городская почта продолжала высылать имъ періодическія изданія, безъ повышенія пересылочной цѣны; теперь же, лицо, переѣзжающее на дачу въ Царское, обязано за 2 или 3 книжки журнала, которыя оно можетъ получить лѣтомъ, не только заплатить особо, но заплатить сполна за цѣлый годъ по таксѣ иногородныхъ, т. е. 1 руб. 50 коп., что́ составитъ 50 копѣекъ (!) за каждую книжку въ Царское Село, между тѣмъ какъ, тотъ же почтамтъ беретъ 12 копѣекъ съ дробью за пересылку каждой книжки журнала въ Кяхту или Ташкентъ. Вотъ что́ значитъ случайность въ дѣйствіяхъ и отсутствіе одной общей системы?

Пойдемъ далѣе. За-границею уже давно почтамты не пересылаютъ денегъ въ натурѣ, такъ что, если А., проживающій въ Архангельскѣ, захотѣлъ бы заплатить 100 рублей другому лицу В., проживающему въ Тифлисѣ, то за границею А. заплатилъ бы 100 рублей Архангельской почтовой конторѣ, а ея росписку послалъ бы В. въ Тифлисъ, и Тифлисская почтовая контора выдала бы В. сто рублей; и операція была бы тѣмъ кончена, безъ всякой необходимости для толстой пачки

ассигнацій въ сто рублей предпринимать личное путешествіе изъ Архангельска въ Тифлисъ. Для публики тутъ безконечныя выгоды: вы живете въ Костромѣ и хотите выписать себѣ изъ Петербурга книгу, о выходѣ которой объявлено въ газетахъ; но вы не знаете книжнаго магазина, и вамъ уже случалось высылать деньги и не получать книгъ. При заграничномъ порядкѣ, вы можете требовать себѣ книгу отъ книгопродавца, не высылая денегъ, и книгопродавецъ вамъ пошлетъ, потому что онъ ничѣмъ не рискуетъ, кромѣ ничтожныхъ денегъ за пересылку, въ случаѣ, если вы не примете его книги. Затѣмъ Костромская почтовая контора выдаетъ вамъ книгу и вы уплачиваете ей, положимъ, 5 рублей; тогда та контора сообщаетъ Петербургскому почтамту, что онъ имѣетъ уплатить 5 рублей такому-то магазину. Можно себѣ представить, какъ такой порядокъ оживитъ массу мелкихъ сношеній, и какъ онъ *увеличитъ* въ тоже время *доходность* почтовой операціи. Не знаемъ, именно это ли имѣетъ въ виду новое почтовое управленіе, когда оно обѣщаетъ въ своемъ «Отчетѣ» «изыскать способъ къ болѣе выгодной и удобной, какъ для частныхъ лицъ, такъ и для почтоваго вѣдомства, пересылкѣ денежныхъ суммъ по почтѣ». Если это то, что уже давно существуетъ за границей, и что мы объяснили выше примѣромъ, то, можно сказать, насъ ожидаетъ впереди великое почтовое благодѣяніе. На насъ только навели сомнѣніе слѣдующія строки «Отчета»: «Для разрѣшенія такой задачи — заключаетъ «Отчетъ» — учреждена при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ (почему при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, а не при министерствѣ почтъ — мы не знаемъ), коммиссія съ назначеніемъ въ оную членовъ отъ министерствъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ и отъ государственнаго контроля» (отъ министерства почтъ нѣтъ даже и члена). Вотъ именно это-то обстоятельство, что наряжена коммиссія, и приводитъ насъ въ сомнѣніе. Быть можетъ, мы не правы въ этомъ случаѣ, но одно слово: *коммиссія* возбуждаетъ въ нашемъ обществѣ всегда опасеніе за успѣхъ, такъ что въ разговорномъ языкѣ, если кто хочетъ выразить свое неудовольствіе, или непріятность, то онъ непремѣнно восклицаетъ; что́ за коммиссія!! Положимъ, это предразсудокъ, сложившійся опытомъ годовъ; но мы опасаемся новой коммиссіи, именно потому, что она составлена, какъ говорится въ «Отчетѣ», «для разрѣшенія задачи». Между тѣмъ тутъ нѣтъ никакой задачи, и слѣдовательно нечего разрѣшать; эта задача давно уже разрѣшена, какъ мы сказали, за границею, и намъ ничего не остается, какъ умѣючи примѣнить испытанное другими и осуществленное на дѣлѣ. Нѣтъ ничего опаснѣе, какъ создавать искусственныя задачи, и потомъ самостоятельно разрѣшать ихъ. Вопросъ денежной пересылки есть чисто механическій; тутъ нѣтъ никакихъ національныхъ или политическихъ особенностей, и коммис-

сія тутъ также мало нужна, какъ мало была бы она необходима для изобрѣтенія пороха, уже выдуманнаго другими.

Что наше мнѣніе справедливо, мы имѣемъ на то доказательство, особенно убѣдительное для почтоваго вѣдомства, которое, вѣроятно, не забыло услугу, оказанную почтовому дѣлу у насъ смѣшанной коммиссіею изъ нѣсколькихъ министерствъ въ 1867 году, для разрѣшенія задачи о перевозкѣ почтъ по желѣзнымъ дорогамъ. Если бы тогда не приняли этого дѣла за задачу, которую нужно самостоятельно рѣшить, то, безъ сомнѣнія, поступили бы очень просто, т.-е. взяли бы заграничныя правила и вмѣнили бы строителямъ и предпринимателямъ дорогъ въ обязанность возить безплатно почтовый вагонъ со всѣмъ его механизмомъ и служителями. Но у насъ сдѣлали изъ такого простого дѣла задачу, составили комитетъ и рѣшили задачу такъ, что почтамту скоро пришлось бы требовать отъ государства субсидіи за пересылку корреспонденціи по желѣзнымъ дорогамъ или начать снова отправлять ее въ телѣгахъ по шоссе, вдоль желѣзныхъ дорогъ. Однимъ словомъ, комитетъ 1867 года опредѣлилъ *плату* какъ за движеніе почтовыхъ вагоновъ по правительственнымъ и частнымъ желѣзнымъ дорогамъ, такъ и за перевозку почтъ въ сопровожденіи служителей въ особыхъ отдѣленіяхъ вагоновъ, съ ежедневными поѣздами, независимо отъ отправленія корреспонденціи въ почтовыхъ вагонахъ и безплатныхъ отдѣленіяхъ. Не прошло и двухъ лѣтъ, какъ почтамтъ убѣдился горькимъ опытомъ, что съ дальнѣйшимъ распространеніемъ платы, согласно тому положенію, за перевозку почтъ по всѣмъ линіямъ и притомъ ежедневно, такая плата въ непродолжительномъ времени превыситъ получаемый сборъ, т.-е. придется или закрыть почтамтъ, или отправлять почту прежнимъ способомъ по шоссе въ телѣгахъ, какъ въ самомъ дѣлѣ отправлялись письма долгое время въ Петергофъ, несмотря на то, что желѣзная дорога возила туда пассажировъ.

Изъ «Отчета» мы узнаемъ теперь, что новое почтовое управленіе нашло необходимымъ прекратить такое странное положеніе вещей и въ концѣ 1868 года, т.-е. почти два года тому назадъ, сдѣлало «сношеніе съ министерствомъ путей сообщенія о необходимости измѣнить положеніе — предоставленіемъ почтовому вѣдомству права перевозить почты и сопровождающихъ чиновъ съ каждымъ поѣздомъ, не исключая и тѣхъ, гдѣ будетъ слѣдовать почтовый вагонъ, безплатно». На этотъ разъ составлена была не коммиссія, а комитетъ, для пересмотра проекта положенія о перевозкѣ почтъ по желѣзнымъ дорогамъ. Скоро пройдетъ два года, какъ началось дѣло такой неотлагаемой важности, стоющее государству нѣсколькихъ милліоновъ лишней траты, но въ практикѣ оно еще не рѣшено. Остается утѣшаться по крайней мѣрѣ

тѣмъ, что, какъ намъ извѣстно, этотъ комитетъ составилъ слѣдующія, вполнѣ правильныя предположенія:

1. Предоставить почтовому управленію право, въ каждомъ пассажирскомъ поѣздѣ, пользоваться безплатно особымъ отдѣленіемъ пассажирскаго вагона, для перевозки почты и сопровождающихъ ея чиновъ.

2. Если почтовое управленіе пожелаетъ отправлять отдѣльный почтовый вагонъ, то движеніе его, смазка и ремонтъ производятся безплатно. На обязанности почтоваго вѣдомства остаются постройка почтоваго вагона и ремонтировка внутренней отдѣлки и меблировки.

3. За провозъ корреспонденціи въ товарныхъ поѣздахъ, уплачивается по тарифу 3-го разряда товаровъ.

4. Помѣщенія для почтовыхъ отдѣленій отводятся на станціяхъ безплатно.

2. Почтовое вѣдомство пользуется безплатно телеграфомъ желѣзныхъ дорогъ для передачи депешъ, касающихся до движенія почты по желѣзнымъ дорогамъ.

6. Почтовое вѣдомство перевозитъ безплатно служебную корреспонденцію управленій желѣзныхъ дорогъ, но не свыше 5 фунтовъ съ каждою почтою.

Всѣ эти предположенія весьма хороши, еслибъ только они были выработаны съ бо̀льшею поспѣшностью. Какъ видно изъ «Отчета», само почтовое вѣдомство не нашло дѣйствія комитета поспѣшными, и потому рѣшилось, помимо комитета, «ходатайствовать» предъ частными обществами, и вслѣдствіе такого ходатайства почтоваго департамента нѣкоторыя частныя общества уже сдѣлали «уступку почтовому вѣдомству», а именно: нѣкоторыя правленія устроили на свой счетъ приспособленія въ отведенныхъ ими помѣщеніяхъ для безплатной перевозки почтъ,—и всѣ правленія Замосковскихъ линій желѣзныхъ дорогъ изъявили согласіе *безплатно* перевозить корреспонденцію съ почталіонами, съ тѣми пассажирскими поѣздами, съ которыми не отправляются почты, отведя для этого особое помѣщеніе; а правленіе Орловско-Витебской дороги, обязанное по концессіи построить почтовые вагоны, *согласилось* (?) выстроить ихъ по особому рисунку, со всѣми необходимыми приспособленіями для дѣлопроизводства, стоимость которыхъ превышаетъ опредѣленную по концессіи сумму на заготовленіе вагоновъ для перевозки почтъ.

Однимъ словомъ, въ дѣлѣ такой государственной важности, съ точки зрѣнія экономіи, по вопросу о безплатной почтѣ желѣзныхъ дорогъ, мы обязаны достиженіемъ нѣкоторыхъ частныхъ результатовъ «ходатайству» почтоваго департамента, которое собственно не составляетъ его обязанности; наконецъ, если Орловско-Витебское правленіе построитъ почтовый вагонъ не въ видѣ простого фургона, а въ видѣ

подвижного почтамта со всѣми его аттрибутами, то опять и это будетъ дѣломъ великодушія этого правленія. Публика, конечно, останется весьма благодарною новому почтовому правленію за то, что оно снизошло до ходатайства, и оцѣнитъ великодушіе Орловско-Витебскаго правленія, но тѣмъ не менѣе такіе вопросы не должны быть поставлены въ зависимость отъ случайныхъ качествъ лицъ или вѣдомствъ.

Все это и многое подобное тому напоминаетъ намъ недавно веденныя у насъ пренія о необходимости, наряду съ общественными реформами, подвинувшими общество впередъ, произвести реформы и въ администраціи, отставшей сильно отъ общества. При этомъ полагали, что наша администрація нуждается въ усиленіи и требуетъ децентрализаціи. Между тѣмъ на дѣлѣ оказывается, что наша администрація слаба вслѣдствіе избытка децентрализаціи, которая обращаетъ каждую отрасль государственнаго управленія въ нѣчто особое. Отсюда являются вопросы о пользѣ такого-то вѣдомства или другого; и можетъ случаться, что польза одного вѣдомства требуетъ того, что́ составляетъ вредъ для другого. Въ нашемъ примѣрѣ мы видѣли, что почтовое вѣдомство въ 1867 г. потерпѣло вредъ по вопросу, въ которомъ замѣшаны были интересы министерства путей сообщенія; а въ настоящее время, выжидая слишкомъ долго отвѣта отъ другого министерства, рѣшилось дѣйствовать частнымъ путемъ и *ходатайствовать* тамъ, гдѣ оно могло бы *требовать* въ силу закона. По нашему мнѣнію, въ этомъ обстоятельствѣ и заключается главный источникъ слабости нашей администраціи, а именно въ отсутствіи централизаціи. Что касается до децентрализаціи въ управленіи, какъ многіе понимаютъ ее у насъ, то чтобы объяснить ея опасности для развитія силъ государственныхъ и общественныхъ достаточно указать на то обстоятельство, что децентрализація въ управленіи давно уже осуществлена, наприм., въ Турціи, и никто не видитъ въ этомъ преимущества ея предъ западными государствами, гдѣ всѣ министерства составлены какъ бы изъ одного куска.

Но возвратимся къ почтовымъ реформамъ новаго управленія. Какъ ни велика въ нашихъ глазахъ заслуга его въ поспѣшности, съ которою почта старается утилизировать движеніе желѣзныхъ дорогъ, но эта заслуга только относительная, а именно по сравненію съ тѣмъ недавнимъ добрымъ временемъ, когда нѣсколько лѣтъ сряду, какъ мы сказали выше, почта тащилась въ Петергофъ по шоссе на лошадяхъ, а въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ шоссе пролетали поѣзды желѣзной дороги. По нашему мнѣнію, для почты воспользоваться движеніемъ желѣзныхъ дорогъ—послѣднее дѣло! Мы ожидали встрѣтить другого рода отношенія почты къ желѣзно-дорожному дѣлу. Вездѣ за-границею, росписаніе хода желѣзныхъ дорогъ по почтовымъ поѣздамъ подчинено почтовой дирекціи, вслѣдствіе того поѣзды всѣ являются пригнанными

одинъ къ другому; разноголосица нашихъ желѣзныхъ дорогъ указываетъ на необходимость такого же распоряженія у насъ, такъ какъ одно почтовое вѣдомство можетъ служить хорошимъ и правильнымъ центромъ въ этомъ случаѣ, а почтовые интересы на этотъ разъ идутъ рука объ руку съ интересами пассажировъ, т.-е. публики. Мы не видимъ въ «Отчетѣ», чтобы почтовое управленіе домогалось такого отношенія къ желѣзнымъ дорогамъ. Другого рода отношеніе почты къ желѣзнымъ дорогамъ мы считаемъ еще болѣе важнымъ. Желѣзная дорога иногда проходитъ въ цѣлой губерніи по одному губернскому городу, связывая только одинъ этотъ городъ съ центрами имперіи; но уѣздные города остаются въ той же глуши, какъ и прежде. За-границею пассажиръ, пріѣхавъ, напримѣръ, въ Бромбергъ (Пруссія), знаетъ, что его ждетъ ежедневно въ часъ пріѣзда поѣзда легкій дилижансъ и везетъ за 2 тал. въ Гнезенъ, за 1 тал. въ Иноврацлавъ, за 18 зильбергрошей въ Шубинъ и т. д. Тоже самое вы встрѣтите за-границею въ каждомъ городѣ, лежащемъ при линіи желѣзной дороги по отношенію къ другимъ сосѣднимъ городамъ и большимъ мѣстечкамъ, находящимся въ сторонѣ часахъ иногда въ 30 и болѣе. Нѣтъ мѣста въ дилижансѣ, вамъ даютъ такъ называемую *Extra*, т.-е. отдѣльную крытую колясочку съ повышеніемъ въ платѣ. Ничего подобнаго мы не видимъ въ нашей почтовой дѣятельности, и почему? Намъ скажутъ: да у насъ не прусскія дороги! Совершенно справедливо, но еще справедливѣе то, что не вездѣ у насъ не-прусскія дороги, а между тѣмъ мы нигдѣ не видимъ заботъ почты о связи желѣзно-дорожныхъ городовъ съ сосѣдними. Неужели оттого, что нельзя сдѣлать вдругъ *всего*, не нужно дѣлать *ничего*? Между тѣмъ при даровой почтѣ по желѣзнымъ дорогамъ, усиленіе пассажирскаго движенія было бы слѣдствіемъ весьма выгоднымъ для компаній, которыя получали бы такимъ образомъ хорошее вознагражденіе за свое пожертвованіе въ пользу почты. Не говоримъ при этомъ о безконечныхъ выгодахъ для публики. Вотъ дѣло, въ которомъ нашему почтовому управленію предстояло бы стать въ самыя правильныя отношенія къ желѣзно-дорожному дѣлу. Между тѣмъ, въ «Отчетѣ» мы читаемъ только слѣдующее: «Въ 1868 и 1869 гг. открыто движеніе поѣздовъ на нѣсколькихъ вновь устроенныхъ желѣзныхъ дорогахъ. Направленіе почтъ по этимъ дорогамъ вызвало большія перемѣны въ почтовомъ движеніи на трактахъ, примыкающихъ къ нимъ, а для того, чтобы сохранить необходимую связь между всѣми почтами, слѣдовало произвести соотвѣтствующія измѣненія и на многихъ другихъ трактахъ». Затѣмъ слѣдуетъ длинное исчисленіе исполненныхъ перемѣнъ; но какъ оно ни длинно, мы все же понимаемъ, что на дѣлѣ это трудъ канцелярскій; а самая экономія движенія осталась таже, и для пассажировъ не сдѣлано ничего. Даже и въ тѣхъ двухъ, трехъ пунктахъ Россіи, гдѣ ходятъ дилижансы, «Отчетъ» замѣ-

чаетъ, что «почтовые экипажи до того *грузны*, что не представляется никакой возможности перевозить въ нихъ почты съ установленною скоростью, даже во время самаго удовлетворительнаго состоянія дорогъ». Но кто же строитъ экипажи такой тяжести, что если посадить на козлы еще кучера, то экипажъ не тронется съ мѣста даже по хорошей дорогѣ? А какъ видно, мы имѣемъ экипажи, рѣшившіе такую задачу съ успѣхомъ. Далѣе «Отчетъ» замѣчаетъ, что «поэтому въ движеніи почтъ по означеннымъ трактамъ замѣчалось постоянное замедленіе, для избѣжанія котораго *единственнымъ* средствомъ осталось отмѣнить перевозку почтъ въ почтовыхъ экипажахъ съ тѣмъ, чтобы корреспонденція перевозилась на общемъ основаніи на перекладныхъ повозкахъ». Казалось бы, что единственнымъ средствомъ для поправленія дѣла было бы отмѣнить постройку такихъ почтовыхъ экипажей, которые грузны до того, что могутъ возить только сами себя.

Въ заключеніе обзора дѣятельности новаго почтоваго управленія укажемъ на нѣкоторыя пока еще проектированныя преобразованія по почтовой операціи, которыя нельзя не признать вполнѣ соотвѣтствующими потребностямъ времени и общества:

1) Будетъ допущено наконецъ, хотя и не обязательно, страхованіе всякаго рода процентныхъ бумагъ (также акцій и облигацій частныхъ учрежденій), купоновъ и талоновъ и денежныхъ документовъ — все это запрещалось до сихъ поръ къ величайшему неудобству для публики.

2) Будутъ установлены три рода писемъ: простыя, страховыя и заказныя (recommandé), которыя будутъ доставляться на домъ съ росписью въ книгѣ почталіона; до сихъ поръ допускались только страховыя письма, но на нихъ доставляется повѣстка; и потому они достигаютъ мѣста назначенія нѣсколькими днями позже простыхъ.

3) Будетъ разрѣшено всѣмъ почтовымъ мѣстамъ отправлять по назначенію недостаточно оплаченныя письма, что́ разрѣшалось до сихъ поръ только Петербургу и Москвѣ.

Въ послѣднемъ дѣлѣ почтовое управленіе все же останавливается на половинѣ дороги и не рѣшается приступить къ тому, что давно уже испытано на Западѣ къ выгодѣ почтамта и публики, а именно къ разрѣшенію внутренней нефранкированной корреспонденціи. Почему у насъ она не вводится — трудно сказать; быть можетъ, по тѣмъ же соображеніямъ, которыя вооружали иныхъ въ провинціи противъ введенія городской почты; а именно, опасаются, что будутъ даромъ посылать въ письмахъ памфлеты, ругательства и проч. Однако, русскій, живя за границею, имѣетъ право и теперь послать въ Кострому изъ Берлина не франкированное письмо; отъ чего же это самое лицо не можетъ сдѣлать того же, когда оно живетъ въ Петербургѣ? Полная отмѣна обязательнаго франкированія была бы также благодѣтельна,

какъ и отмѣна новымъ почтовымъ управленіемъ, съ 1-го января 1870 года, *обязательнаго для частныхъ лицъ страхового отправленія* простыхъ писемъ и бумагъ, адресуемыхъ на имя присутственныхъ мѣстъ и правительственныхъ лицъ. Этотъ законъ, какъ извѣстно, былъ введенъ еще чуть не въ 30-хъ годахъ, вслѣдствіе памфлета, полученнаго какимъ-то правительственнымъ мѣстомъ или лицомъ. Съ тѣхъ поръ каждое простое письмо для желающаго послать памфлетъ по почтѣ какому-нибудь правительственному лицу стóило не 10 коп., а 30 коп.; но съ того же времени должны были платить 30 коп. и тѣ, которые не писали памфлетовъ, но которыхъ гораздо больше, чѣмъ любителей памфлетовъ. Однимъ словомъ, непристойная шутка была очень мало затруднена, а серьезное дѣло испытало большое неудобство. Наконецъ, новое почтовое управленіе отмѣнило эту мѣру, какъ недостигающую цѣли и обременяющую даромъ публику; но замѣчательно при этомъ, что такая раціональная отмѣна сдѣлана «въ видѣ временной мѣры». Неужели почтамтъ разсчитываетъ, что можетъ когда-нибудь настать необходимость возвратиться къ прежнему, осуждаемому имъ теперь порядку вещей? Мы утѣшаемъ себя мыслью, что это просто одна наша административная привычка дѣлать все, въ видѣ временной мѣры; у насъ это тѣмъ болѣе излишне, что нѣтъ никакого труда отмѣнить какое-нибудь распоряженіе, хотя бы и не было при немъ объявлено, что его дѣлаютъ въ видѣ временной мѣры. Но какъ бы то ни было, почтамтъ рѣшился, хотя временно, отмѣнить обязательное страхованіе писемъ, адресуемыхъ къ правительственнымъ лицамъ и мѣстамъ; почему же не отмѣнить, пожалуй хоть временно, и обязательнаго франкированія простой корреспонденціи?

Но помимо всего сказаннаго нами, мы не можемъ въ концѣ концовъ не признать, что новое почтовое управленіе обнаружило значительную дѣятельность и вывело наши почтовые порядки изъ того неподвижнаго существованія, въ которомъ они пребывали десятками лѣтъ, игнорируя успѣхи почтоваго дѣла за-границею. Мы вправѣ ожидать, что это дѣло у насъ, тронувшись разъ, не остановится на первыхъ шагахъ, довольно еще робкихъ; но наши ожиданія обратились бы въ увѣренность, если бы новое управленіе не ограничивалось одною ломкою стараго, а приступило бы и къ устроенію новаго, для чего необходима, какъ мы сказали, цѣльная программа, общая руководительная идея, опредѣленный планъ.

Z. Z.

МЫСЛИ О НАШИХЪ ЭКЗАМЕНАХЪ.

Не только одно педагогическое значеніе у насъ имѣетъ въ настоящее время вопросъ объ экзаменахъ; важнѣе въ нашихъ глазахъ его соціальное значеніе, на которое въ этой статьѣ мы и хотимъ обратить особенное вниманіе. Экзамены у насъ составляютъ роковыя врата, черезъ которыя неизбѣжно пройти каждому гражданину, чтобы получить всѣ права русскаго гражданства, т.-е. права вступить во всякую службу — государственную и общественную. Для этого онъ долженъ пройти нѣсколько ступеней, чтобы окончательно выдти на вольный божій свѣтъ съ дипломомъ въ рукахъ и самоувѣренно начать свое житейское странствіе, никогда не имѣя уже надобности наглядным образомъ доказывать кому-либо свое образованіе, свои спеціальныя познанія, нужныя въ той или другой сферѣ дѣятельности. Ему бываетъ нужно только заслужить благоволеніе начальства, и онъ смѣло переходитъ или переводится изъ одной спеціальной сферы въ другую, вездѣ являясь по волѣ того же начальства и способнымъ, и знающимъ, и дѣятельнымъ и даже полезнымъ, заслуживающимъ всякихъ милостей. Хорошо это или худо, пока мы ни слова. Остановимся только на тѣхъ первыхъ ступеняхъ испытательной лѣстницы, которыя, переступившему ихъ, даютъ права пріобрѣтать чины въ государственной службѣ и спеціальныя ученыя познанія въ общественныхъ высшихъ школахъ. Самымъ многозначительнымъ здѣсь является такъ-называемый гимназическій экзаменъ, гдѣ юноша принужденъ доказывать сонму педагоговъ и не-педагоговъ, иногда даже при торжественной обстановкѣ, что онъ успѣлъ пріобрѣсти ту долю познаній, которая признана властями необходимою для русскаго образованнаго человѣка вообще и для русскаго чиновника въ особенности. Понятно, что этотъ экзаменъ дѣлается весьма важнымъ вопросомъ жизни для каждаго семейства уже не въ смыслѣ педагогическомъ, а въ смыслѣ гражданскомъ, такъ какъ онъ каждому юношѣ открываетъ дорогу на раз-

ныя поприща. Здѣсь, независимо отъ образованія, разрѣшается вопросъ о томъ, куда онъ можетъ направить свои силы и какую пользу приносить себѣ, семейству, обществу и государству. Понятно, что и для самого общества и государства вопросъ этотъ дѣлается весьма важнымъ вопросомъ гражданскимъ, такъ какъ они постоянно нуждаются въ хорошихъ силахъ, въ даровитыхъ людяхъ, въ развитыхъ умахъ, и такъ какъ они много терпятъ, если хоть часть изъ этихъ силъ пропадаетъ по какимъ-либо причинамъ, задержавшимъ ихъ развитіе или не давшимъ имъ свободно направиться законными путями; съ другой стороны они много терпятъ, если на эти пути скорѣе и легче могутъ пробиваться посредственность, бездарность, отупѣлость, дерзость и наглость, успѣвъ наскоро удовлетворить извѣстнымъ чиновно-педагогическимъ требованіямъ. Съ такими силами недалеко уйдетъ общественная и государственная жизнь. Мы не думаемъ, что нужно приводить много доказательствъ въ подтвержденіе справедливости нашей мысли. Связь нашихъ экзаменовъ съ общею жизнію не можетъ не замѣтить каждый, даже нисколько не интересующійся нашими педагогическими вопросами. Отсюда очень естественно каждому задуматься, достигаютъ ли наши экзамены той важной цѣли, какая имъ поставляется, вѣрно ли они могутъ оцѣнивать силы и познанія молодыхъ людей.

Экзаменъ — лотерея, вотъ сужденіе, которое уже давно слышится въ нашемъ обществѣ и которое выказываетъ полное недовѣріе ко всей системѣ существующихъ экзаменовъ. Будемъ ли мы опровергать это сужденіе? Противъ насъ выставили бы столько неопровержимыхъ фактовъ, что намъ пришлось бы замолчать и удалиться съ своей неудачной попыткой. Здѣсь мы устраняемъ вопросъ о злоупотребленіяхъ власти, о намѣренныхъ несправедливостяхъ, о продажѣ дипломовъ и проч., что, говорятъ, нерѣдко случалось въ доброе старое время, и предполагаемъ, что все это въ наше время не то, что невозможно, а.... просто не бываетъ. Послушаемъ сперва, что говорятъ сами экзаменующіеся послѣ каждаго экзамена. Одинъ съ восторгомъ разсказываетъ, что изъ ста билетовъ онъ зналъ хорошо только десять и два изъ нихъ попались ему; онъ бойко отвѣтилъ и получилъ высшій баллъ. Другой, напротивъ, объявляетъ чуть не со слезами, что онъ не успѣлъ просмотрѣть только пяти билетовъ, и какъ нарочно одинъ изъ нихъ попался ему, онъ сбился и получилъ неудовлетворительный баллъ. Третій восхищается тѣмъ счастьемъ, что ему пришлось отвѣчать изъ послѣднихъ, когда экзаменаторы крайне утомились, спрашивали слегка, кое-что, иначе онъ непремѣнно *провалился бы*. Четвертый проклинаетъ свою робость, которую приняли за незнаніе и съ единицею удалили его отъ зеленаго стола. Пятый увѣряетъ, что онъ хорошо зналъ весь предметъ, но не спалъ ночь, сидя за приготовленіемъ, въ головѣ его все смѣшалось, онъ спутался въ своихъ отвѣтахъ, и роко-

вое *не знаете* рѣшило его участь. Шестой объясняетъ причину своего несчастія придирчивостью экзаменатора, указывая на другихъ, которые знаютъ меньше и хуже его и получили удовлетворительную отмѣтку въ двухъ шагахъ отъ него на экзаменѣ у другого, не столь придирчиваго. Мы могли бы насчитать много подобныхъ разсказовъ, изъ которыхъ логически выводится одно заключеніе: экзаменъ — лотерея. На немъ ловкость, смѣлость, робость, простая случайность часто являются сильнѣе и важнѣе познаній. На немъ иногда даровитый и знающій юноша оказывается несостоятельнымъ, а поверхностный, мало развитый или дерзкій выходитъ съ торжествомъ. Все это выводы, сдѣланные не нами. Намъ, конечно, могутъ замѣтить: нельзя вѣрить всему, что́ разсказываетъ юноша въ оправданіе своей неудачи или даже изъ хвастливости. Но у насъ есть возможность повѣрить разсказы самою дѣйствительностью. Поставимъ вопросъ такимъ образомъ: при той обстановкѣ, при всѣхъ тѣхъ условіяхъ и способахъ спрашиванія, какіе обыкновенно существуютъ у насъ на экзаменахъ, можетъ ли случиться, чтобъ молодой человѣкъ, основательно приготовленный и развитый, получилъ на экзаменѣ неудовлетворительную отмѣтку и наоборотъ, съ крайне поверхностными познаніями оказался бы достойнымъ получить вожделѣнный аттестатъ?

Обратимъ прежде вниманіе на экзаменующихся и на экзаменаторовъ. Кто сколько-нибудь наблюдалъ надъ молодыми людьми, тотъ хорошо знаетъ, съ какимъ страхомъ является на экзаменъ самое огромное большинство изъ нихъ: на десять человѣкъ найдется развѣ одна натура, которая можетъ овладѣть собою и наружно не показать этого страха, и на двадцать пять врядъ ли найдется одна смѣлая натура, которая дѣйствительно не чувствовала бы никакого страха. Это тяжелое чувство овладѣваетъ не только тѣми, кто сознаетъ, что не всѣ части программы приготовлены имъ одинаково основательно; но даже и тѣ, которые убѣждены въ своихъ познаніяхъ, и они поддаются невольному страху. А сколько между ними найдется по природѣ робкихъ или тихихъ, ненаходчивыхъ или съ небыстрымъ соображеніемъ, которые и въ обыкновенномъ разговорѣ съ чужими людьми конфузятся, теряются, мѣшаются, такъ что иногда очень неглупые молодые люди могутъ легко показаться очень недалекими. Понятно, какое впечатлѣніе на нихъ должна производить уже одна мысль объ экзаменѣ, гдѣ вниманіе многихъ лицъ будетъ сосредоточено на одномъ—на его отвѣтахъ. Къ усиленію страха служитъ еще и недовѣрчивость нѣкоторыхъ молодыхъ людей къ самимъ себѣ, качество, которое никакъ нельзя поставить въ порокъ юношѣ, неувѣренность въ своихъ силахъ, или нѣкоторое самолюбіе, которое въ мысляхъ преувеличиваетъ стыдъ, если случится неудача въ отвѣтахъ; наконецъ безсонныя ночи, которыя проводятъ передъ экзаменами, обыкновенно

лучшіе ученики, изъ желанія заразъ все повторить и привести себѣ на память, при этомъ разслабленіе нервовъ, крайнее утомленіе силъ— вотъ съ какими невыгодными условіями является большинство молодыхъ людей на экзамены. Изъ этого числа мы не исключаемъ даже гимназистовъ, которые знаютъ, что будутъ экзаменоваться у знакомыхъ преподавателей, передъ знакомымъ начальствомъ, въ знакомой залѣ, даже и они находятся въ крайне-неспокойномъ и возбужденномъ состояніи; какъ же должно биться сердце у постороннихъ молодыхъ людей, которымъ незнакомы всѣ лица, вся обстановка, особенно при тѣхъ крайне неопредѣленныхъ и обширныхъ программахъ, какія у насъ существуютъ для экзаменовъ.

Вотъ тутъ-то бы и слѣдовало ожидать, что они будутъ встрѣчены настоящими педагогами, которые должны быть хорошо знакомы съ юношескою природою, которые умѣютъ проникнуть въ молодую душу, ободрить ее, успокоить, устранить все, что можетъ смутить и привести въ замѣшательство робкаго молодого человѣка, помочь ему свободно выказать свои дѣйствительныя познанія, незамѣтно вызывать съ его стороны такіе отвѣты, по которымъ бы можно было судить объ его умственномъ развитіи. Есть ли у насъ такіе педагоги? Можетъ быть и есть, но зато есть и другіе, которые въ сущности не болѣе, какъ чиновники, создавшіе себѣ совсѣмъ особую, чиновничью педагогію. О ней когда-нибудь мы поговоримъ въ подробности, такъ какъ она у насъ дѣлается господствующею. Здѣсь же посмотримъ, какъ у насъ очень часто производятся экзамены. Требуется *присутствіе* нѣсколькихъ педагоговъ, которые и должны *сообща* оцѣнивать познанія и опредѣлять степень зрѣлости экзаменующагося. Педагогическіе совѣты состоятъ изъ спеціалистовъ по всѣмъ учебнымъ предметамъ гимназическаго курса; понятно, что каждый можетъ точно и справедливо оцѣнивать только познанія по своему предмету, и не можетъ быть экзаменаторомъ по тому предмету, который онъ педагогически не разработывалъ. Нѣтъ спору, что они когда-то сами обучались всѣмъ этимъ предметамъ, даже слушали нѣкоторые изъ нихъ въ университетѣ, но нѣтъ спору, что половина изъ всего этого ими уже забыта, что все новое, открытое или изслѣдованное наукою послѣ ихъ обученія, извѣстно имъ болѣе по слухамъ; а между тѣмъ, чтобъ быть судьею или оцѣнщикомъ другого, чтобы рѣшать судьбу его, нужно самому вполнѣ владѣть предметомъ, а не являться въ качествѣ судьи съ обрывками полузабытыхъ познаній; нужно умѣть предлагать вопросы, чтобы вызывать такіе отвѣты, по которымъ можно бы было убѣждаться не въ одной силѣ памяти отвѣчающаго, но болѣе въ его умственномъ развитіи и въ широтѣ его понятій; нужно знать, что́ спрашивать, а не закидывать случайными вопросами, какіе придутъ на умъ изъ стариннаго курса или просмотрѣннаго наканунѣ

учебника. Понятно, что въ этомъ случаѣ не каждый можетъ быть экзаменаторомъ, даже если бы онъ ученымъ образомъ былъ знакомъ съ предметомъ; при этомъ необходимо и педагогически владѣть имъ. И такъ, чтобы экзаменъ былъ произведенъ справедливо, т.-е. чтобы дана была самая вѣрная оцѣнка всему, что должно быть оцѣнено на экзаменѣ, выбираются судьи въ числѣ нѣсколькихъ или даже многихъ лицъ; а между тѣмъ большая часть изъ нихъ далеко не могутъ быть настоящими судьями, что̀ они хорошо знаютъ и сами. Случается, что въ цѣломъ собраніи судей только одно лицо можетъ назваться спеціальнымъ по данному предмету, какъ напр. въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ только по одному преподавателю исторіи, или географіи, или физики. Конечно, эти и овладѣваютъ экзаменомъ, спрашивая то, что подвернулось на вынутомъ билетѣ, или то, что̀ имъ самимъ особенно нравится, выѣзжая, по педагогическому выраженію, на своихъ конькахъ, придавая особое значеніе подробностямъ, которыя на экзаменѣ не должны бы имѣть никакого значенія, требуя знанія такихъ мелочей, которыя берутся лишь памятью и потомъ быстро забываются, и не касаясь существеннаго, что̀ можетъ свидѣтельствовать о прочныхъ познаніяхъ экзаменующагося. Иные испытываютъ юношу какъ машину: билетъ есть ключъ, которымъ она заводится; если заведенная, она не пошла извѣстнымъ ходомъ, то она оказывается негодною; если же она протрещала нигдѣ не запнувшись, то испытующій остается доволенъ. У иного присутствующаго не-спеціалиста можетъ быть и явится сомнѣніе, понимаетъ ли отвѣчающій все то, что такъ быстро выбрасываетъ изъ своей головы, но повѣрить его онъ не рѣшается, потому что самъ забылъ подробности; шепнетъ сосѣду—тотъ улыбнется: не прерывайте, дескать, благо отвѣчаетъ, не задерживаетъ. И вотъ *присутствующіе* и слушающіе испытаніе по единой волѣ начальства ставятъ отмѣтки *по впечатлѣнію* болѣе на чувство слуха. Впрочемъ, кто подобросовѣстнѣе, тотъ и не стоитъ за свои отмѣтки при окончательномъ общемъ совѣщаніи; онъ уступаетъ главному экзаменатору, которому довѣряетъ, какъ спеціалисту въ своемъ дѣлѣ, равно какъ и тотъ, въ свою очередь, уступаетъ ему по его предмету. Но бываютъ и съ такими сильными впечатлѣніями, что безъ спора не отступаютъ отъ своихъ отмѣтокъ: если молодой человѣкъ отвѣчалъ не быстро или нѣсколько тянулъ свои отвѣты, задумывался надъ вопросами, то хотя бы отвѣчалъ и основательно, но ухо присутствующаго не наслаждалось быстротою и плавностью, и впечатлѣніе у него осталось не совсѣмъ благопріятное: судья требуетъ, чтобы и его отмѣтку ввели въ общій счетъ.

Иному экзаменатору любо бываетъ прослыть страшнымъ; онъ находитъ себѣ особенное удовольствіе предлагать трудные вопросы, требовать скорыхъ отвѣтовъ, приводить въ недоумѣніе разными неожи-

дапностями, смущать, сбивать и оканчивать неудовлетворительной отмѣткой. Иные идутъ ещ' далѣе: надъ бѣднымъ смущеннымъ юношей они упражняютъ свое остроуміе, глумятся надъ его ошибками, нагло подсмѣиваются надъ его незнаніемъ, можетъ быть, даже мнимымъ, и этимъ самымъ окончательно сбиваютъ его и ставятъ въ тупикъ, тогда какъ при другомъ способѣ спрашивать робкій юноша могъ бы отвѣтить на всѣ вопросы и доказать свои основательныя познанія. Иногда случается, что экзаменаторъ и присутствующіе, желая окончить экзаменъ въ одинъ день, или принужденные къ тому необходимостью, тянутъ его съ утра чуть не до полуночи Можно ожидать, въ какомъ состояніи и духовномъ и физическомъ подходятъ къ столу экзаменующіеся вечеромъ: проведя послѣднюю ночь, можетъ быть, безъ сна, весь день въ томительномъ ожиданіи, утомленные долгимъ сидѣньемъ на одномъ мѣстѣ, они не могутъ сообразить самыхъ пустыхъ вопросовъ, а на билетахъ передъ ихъ глазами вопросы очень серьезные; они ошибаются, даютъ такіе отвѣты, за которые тотчасъ же сами краснѣютъ; сами судьи отъ усталости едва говорятъ и все же продолжаютъ оцѣнивать отвѣты молодыхъ людей и рѣшать судьбу ихъ. Испытаніе обращается въ пытку и никто не думаетъ отказаться отъ такой роли, каждый ссылаясь на долгъ и обязанности, предписанныя начальствомъ. Бываютъ примѣры, что сами испытатели послѣ нѣсколькихъ часовъ начинаютъ ошибаться въ вычисленіяхъ, при повѣркѣ задачъ экзаменующихся объявляютъ невѣрными вѣрныя рѣшенія и не затрудняясь ставятъ неудовлетворительные баллы.

Ошибочно полагаютъ нѣкоторые, будто по двумъ-тремъ отвѣтамъ со стороны экзаменующагося можно убѣдиться, знаетъ или не знаетъ онъ весь предметъ. Экзаменуя своихъ собственныхъ учениковъ, экзаменаторъ дѣйствительно можетъ скоро доходить до такого убѣжденія; но и тутъ малоопытный или нетерпѣливый нерѣдко ошибается: смущеніе ученика онъ принимаетъ за незнаніе; если въ классѣ ученикъ отличался бойкостью, а на экзаменѣ выказываетъ робость и не прежнюю быструю сообразительность — то это принимается также въ невыгодномъ смыслѣ для юноши; говорятъ, что онъ поддался лѣни, не занялся, какъ слѣдуетъ, приготовленіемъ къ экзамену, слишкомъ понадѣялся на себя; а молодой человѣкъ, можетъ быть, не спалъ цѣлыя ночи за книгами и тетрадями, тщательно повторилъ весь курсъ, но только не позаботился подкрѣпить себя сномъ и за это выноситъ изъ экзамена невыгодное о себѣ мнѣніе своихъ судей. Чтобы сдѣлать вѣрную оцѣнку познаніямъ и развитію посторонняго молодого человѣка, явившагося на экзаменъ, далеко недостаточно двухъ-трехъ вопросовъ или даже бойкихъ на нихъ отвѣтовъ; въ этомъ случаѣ скороговорка или извѣстная быстрота никакъ не могутъ служить доказательствомъ основательнаго знакомства съ предметомъ или умствен-

наго развитія. Часто случается, что отвѣчающій, повидимому, вяло и запинаясь, знаетъ въ дѣйствительности предметъ гораздо основательнѣе того, который бойко выбрасываетъ отвѣты. Вообще торопливость экзаменаторовъ приноситъ самый существенный вредъ дѣлу, и если съ одной стороны нѣкоторымъ незаслуженно помогаетъ въ хорошей аттестаціи, за то другихъ, болѣе достойныхъ, лишаетъ возможности достаточно убѣдить въ своихъ познаніяхъ. Экзаменаторы болѣе всего должны заботиться о томъ, чтобы экзаменующійся не смотрѣлъ на себя, какъ на ихъ жертву, чтобы онъ отошелъ отъ нихъ съ полнымъ убѣжденіемъ, что съ нимъ не сдѣлано ничего несправедливаго и незаконнаго. Необходимо помнить, что этотъ моментъ, можетъ быть, самый важный въ жизни молодого человѣка, что при этомъ всякая неловкость со стороны экзаменатора, всякая его отмѣтка, которая можетъ показаться несправедливою, сильно подѣйствуетъ на возбужденный духъ юноши и легко можетъ повести къ озлобленію, отъ котораго мы должны беречь молодыхъ людей. Здѣсь большая часть изъ нихъ дѣлаетъ первый шагъ въ настоящую, дѣйствительную жизнь, являясь на судъ незнакомыхъ, чужихъ людей; здѣсь имъ впервые приходится убѣдиться, что только собственнымъ трудомъ занимается извѣстное прочное положеніе въ жизни, что вознагражденіе за трудъ, какъ его слѣдствіе, вытекаетъ изъ него самого. Немногіе думаютъ, что экзамены имѣютъ вліяніе на нравственную сторону нѣкоторыхъ молодыхъ людей; что отсюда они выносятъ извѣстныя нравственныя убѣжденія, которыя потомъ нескоро оставляются. Такъ нужно же постараться устранить все то, что́ можетъ съ перваго же шага навести молодого человѣка на мысль, будто въ жизни самое важное—случайность, которая доставляетъ все людямъ, что на нее, а не на трудъ и слѣдуетъ надѣяться, думая о будущемъ.

Чтобы покончить весь экзаменъ въ данный срокъ, не рѣдко экзаменаторы и судьи раздѣляются на отдѣльныя коммиссіи и въ одно и тоже время въ разныхъ углахъ залы занимаются испытаніемъ. Судьба молодыхъ людей отдается въ руки одного экзаменатора - спеціалиста. Онъ можетъ быть и очень добросовѣстный человѣкъ, можетъ быть даже и хорошій педагогъ, но все же онъ можетъ ошибаться; а если онъ не совсѣмъ добросовѣстный, если онъ пристрастный, вспыльчивый, увлекающійся, дѣлающій поспѣшныя заключенія и проч. и проч.—кто можетъ за него ручаться? Ассистентъ его почти не принимаетъ участія въ его дѣлѣ по малому знакомству съ предметомъ, такъ какъ онъ спеціально занимается исторіей, а экзаменъ идетъ изъ физики или космографіи; прочіе заняты въ другихъ коммиссіяхъ и уже совсѣмъ ничего не слышатъ; и остается рѣшительною только одна отмѣтка. Если она окажется неудовлетворительною, то дѣло молодого человѣка проиграно: онъ не можетъ поправить его въ другихъ коммиссіяхъ, по-

тому что тамъ экзаменуются изъ другихъ частей предмета, а отмѣтка по каждой части имѣетъ свое значеніе. Бываетъ такъ, что въ одной коммиссіи почти всѣ выдерживаютъ экзаменъ, переходятъ въ другую— проваливаются. Не ясно ли, что здѣсь личность экзаменатора играетъ важную роль? Мы не будемъ разбирать причинъ, которыя иногда дѣлаютъ молодыхъ людей жертвами какого-нибудь свирѣпаго или шутливаго экзаменатора. Мы хотѣли только показать, что можетъ быть много случаевъ, обращающихъ экзамены въ лотерею, а она ведетъ иногда и къ гибельнымъ послѣдствіямъ, въ чемъ убѣдилъ насъ настоящій годъ.

Разсмотрѣвъ, съ какими свойствами бываютъ экзаменаторы — рѣшители судьбы молодыхъ людей, обратимъ вниманіе и на самую обстановку экзаменующагося: она также имѣетъ здѣсь значеніе. Молодой человѣкъ, еще не привыкшій говорить въ обществѣ, тѣмъ болѣе играть въ немъ какую-либо роль, вдругъ долженъ явиться посреди людей, ему мало или совсѣмъ незнакомыхъ, быть предметомъ вниманія всѣхъ, отвѣчать на всѣ вопросы и знать, что каждый отвѣтъ будетъ строго оцѣниваться; все это не можетъ ободрительно подѣйствовать даже на человѣка болѣе зрѣлыхъ лѣтъ, особенно, когда при этомъ стараются еще придать всему дѣлу нѣкоторую торжественность. Иной юноша кое-какъ сладитъ съ своимъ замирающимъ духомъ, съ своимъ дрожащимъ, едва слышнымъ голосомъ, начинаетъ соображать вопросы, ободряться первыми удачными отвѣтами, вдругъ позади него скрипнула дверь, поднимается съ своихъ мѣстъ все сидящее — то является какое-либо важное или начальствующее лицо; его мундиръ или звѣзды бросаются въ глаза молодому человѣку, онъ снова смущается, теряется, «что-то будетъ»—едва подумаетъ онъ, какъ уже все имѣющее право сидѣть опять опускается на свои мѣста, онъ одинъ остается стоящимъ, привлекши на себя вниманіе и новаго лица; его снова начинаютъ спрашивать, опять дрожитъ голосъ, опять нужно дѣлать надъ собою особенныя усилія, чтобы сколько нибудь овладѣть собою, опять пытка.... И тутъ нужно показать не только свои познанія, но и умственное развитіе, а иногда нужно и наблюдать за собою, чтобы не отставилась какъ-нибудь неловко нога, чтобы дрожащія руки были прилично опущены, иначе можетъ послѣдовать замѣчаніе, которое совсѣмъ сконфузитъ иного юношу. Чтожъ удивительнаго, если иногда лучшіе ученики здѣсь отвѣчаютъ плохо, даже на вопросы своего учителя, который при этомъ не скрываетъ своей досады, что экзаменующійся не оправдываетъ его отмѣтки передъ начальствомъ, такъ какъ начальство часто судитъ о преподавателяхъ по такимъ экзаменамъ. Досада учителя не скроется отъ экзаменующагося и не поправитъ дѣла.

Задаются также и письменныя работы. Понятно, что онѣ требуютъ

особеннаго вниманія со стороны пишущихъ. Но не всякая натура можетъ углубляться въ свои мысли и въ тоже время слѣдить за тѣмъ, что́ вокругъ дѣлается. Занятый своимъ трудомъ, иной легко прозѣваетъ входящую или выходящую особу, не поспѣшитъ встать и отдать почтеніе, что́ опять можетъ вызвать замѣчаніе, а оно на иную робкую, стыдливую или чувствительную натуру можетъ подѣйствовать очень неблагопріятно для успѣшнаго продолженія работы. Ужъ и безъ того повидимому довольно разныхъ поводовъ къ смущенію и къ помѣхѣ. Самое тревожное состояніе духа и томительное ожиданіе должно оказать неблагопріятное вліяніе и на работу.

Послѣ экзамена начинается совѣщаніе между экзаменаторами и ассистентами. Въ головахъ ихъ смѣшиваются разныя физіономіи, мелькаютъ разные отвѣты и дѣльные и нелѣпые. Мы не знаемъ, есть ли возможность припомнить каждую физіономію, что̀ и ка̀къ отвѣчалъ каждый, какое показалъ развитіе и пр., особенно, если число экзаменующихся доходило до тридцати, сорока и болѣе. Конечно, каждому преподавателю легко помнить отвѣты своихъ учениковъ, но вѣдь тутъ были и личности совершенно ему незнакомыя. Свидѣтелями впечатлѣнія, оставленнаго молодымъ человѣкомъ, являются мертвыя цифры, которыя теперь и сводятся вмѣстѣ. Совѣщаніе по большей части состоитъ въ дѣйствіи сложенія и дѣленія, выводятся средніе баллы изъ отмѣтокъ совѣщателей и ими-то изрекается послѣдній судъ надъ юношами. Иногда сводятся отмѣтки очень неравныя за одни и тѣже отвѣты, какъ напр. 4 и 2; разъяснить такое неравенство бываетъ трудно за множествомъ разныхъ оставшихся смѣшанныхъ впечатлѣній, а цифра 3 не будетъ никому въ обиду; она и послужитъ оцѣнкою молодому человѣку. О чрезмѣрной строгости, съ какой иные оцѣниваютъ отвѣты экзаменовавшихся, не соображаясь съ ихъ исключительнымъ положеніемъ, почти никому не приходится говорить, такъ какъ у всѣхъ на виду начальственное предписаніе — испытывать строже. На строгость конечно имѣютъ вліяніе и университетскія повѣрочныя испытанія, такъ какъ никому не извѣстно, какимъ образомъ университетъ производитъ свои повѣрки и на что̀ обращаетъ особенное вниманіе. Что́, если на повѣрочномъ испытаніи такой-то окажется слабымъ, что́, если выставленный ему баллъ найдутъ щедрымъ? Конечно, университетъ отнесется объ этомъ къ окружному начальству, которое тотчасъ же и пришлетъ свои замѣчанія совѣту вообще и экзаменатору въ особенности. Бывали случаи, что преподаватели получали строгіе письменные выговоры черезъ четыре, пять лѣтъ послѣ того, какъ ученикъ вышелъ изъ ихъ рукъ: въ какомъ-то его прошеніи къ начальству были усмотрѣны двѣ-три орѳографическія ошибки и не полный комплектъ знаковъ препинанія. Такимъ образомъ, надъ педагогами постоянно виситъ молотъ, которымъ одуряютъ ихъ за небрежности даже

ихъ бывшихъ учениковъ. Установленіе университетскихъ повѣрочныхъ испытаній показываетъ недовѣріе къ гимназическимъ экзаменамъ. Въ такомъ случаѣ зачѣмъ же было передавать вступительные въ университетъ экзамены изъ рукъ университетскихъ профессоровъ въ руки гимназическихъ преподавателей и зачѣмъ же допускать къ дѣлу такія лица, которыя не заслуживаютъ довѣрія? Въ педагогическомъ отношеніи это зло неисправимое. Воспитательное дѣло можетъ быть основано только на довѣріи къ воспитателямъ, если же его нѣтъ, то нѣтъ и воспитательной системы, нѣтъ и разумнаго воспитанія; есть только чиновники, надъ которыми нуженъ постоянный контроль, чтобъ все въ своей внѣшности и формальности обстояло благополучно.

Понятно, что при чиновничьихъ отношеніяхъ на человѣка смотрятъ, какъ на вещь, какъ на машину, потому съ нимъ и обращаются какъ съ вещью или машиной. Что за охота изъ за какого-нибудь *сомнительнаго* юноши получать выговоры, замѣчанія и, можетъ быть, лишаться наградъ! Въ этомъ случаѣ гораздо выгоднѣе уменьшить рискъ попадаться начальству и держаться неумолимой строгости.

Изъ этого краткаго очерка самъ собою вытекаетъ отвѣтъ на вопросы: удовлетворяютъ ли наши экзамены требованіямъ государства и общества, которыя нуждаются въ извѣстныхъ силахъ и которыя даютъ личностямъ за эти силы извѣстныя права? Могутъ ли наши экзамены вполнѣ вѣрно оцѣнивать силы и не пропускать впередъ только силы дѣйствительно слабыя? Могутъ ли имъ совершенно довѣрять наши семейства, воспитывающія эти силы и возлагающія на нихъ свои надежды?

Несостоятельность ихъ такъ очевидна, что напрасно было бы долѣе о ней распространяться. Ясно, что такая система должна быть замѣнена другой, гдѣ случайности не могли бы имѣть вліятельной силы, и гдѣ болѣе имѣлся бы въ виду живой *человѣкъ* съ своей духовной природой.

Мы видѣли, что неблагопріятное вліяніе на отвѣты молодого человѣка очень часто оказываетъ страхъ, иногда невольный, безотчетный, иногда изъ неувѣренности въ самомъ себѣ, иногда изъ самолюбія и пр. Конечно, уничтожить это чувство невозможно, но намъ кажется, есть возможность ослабить его, устранивъ все то, что обыкновенно его усиливаетъ или поддерживаетъ. Ужъ одно это принесетъ значительное добро и дастъ бо́льшую разумность самому дѣлу. Въ настоящее время каждый экзаменующійся ставится въ положеніе актера-дебютанта. Разница между ними въ томъ, что послѣдній добровольно выступаетъ на публичный судъ, уже выбравъ себѣ такую карьеру, при этомъ онъ признаетъ въ себѣ какой-либо талантъ, онъ знаетъ, что́ ему нужно будетъ говорить, знаетъ, что у него есть поддержка въ суфлерѣ, что его никто не смутитъ какимъ-либо неожи-

данным вопросомъ и пр., а экзаменующійся, конечно моложе дебютанта, имѣлъ менѣе случаевъ бывать въ обществѣ совершенно для него чужомъ; онъ идетъ на публичный судъ не по волѣ, а по необходимости, потому что другой дороги ему нѣтъ. Конечно, у дебютанта болѣе публичности, болѣе судей, но за то у него и болѣе поддержки, за то и неуспѣхъ для него не имѣетъ такого рѣшительнаго значенія, какъ для молодого человѣка, идущаго на экзаменъ, окруженнаго съ одной стороны экзаменаторами и начальствомъ, съ другой молодыми людьми, хотя и безъ права голоса, но все же людьми, на которыхъ стыдно будетъ посмотрѣть въ случаѣ неуспѣха. Итакъ, положеніе дебютанта выгоднѣе; а кто изъ нихъ скажетъ, что ему удалось безъ спльнаго страха выступить на сцену, что страхъ не оказывалъ дурного вліянія на его игру, и развѣ не было случаевъ, что первые дебюты очень талантливыхъ актеровъ были не совсѣмъ удачны: робость, смущеніе, страхъ помѣшали имъ выказать свои силы. Но для актера вся эта публичность неизбѣжна, съ нею сливается его поприще. А развѣ нѣтъ возможности уменьшить ее, равно какъ и всю казенную торжественность, при экзаменахъ? Развѣ не предпочелъ бы каждый молодой человѣкъ такой словесный экзаменъ, который бы походилъ болѣе на бесѣду, чѣмъ на суровое выпытыванье или даже на пытку, а экзаменъ письменный—на спокойную работу въ собственномъ кабинетѣ, гдѣ можно углубиться въ свои мысли, не имѣя передъ собою никакого зрѣлища, гдѣ можно спокойно встать съ своего мѣста, пройтись по комнатѣ безъ строгаго и подозрительнаго наблюдателя. Мы знаемъ, что чиновники-педагоги будутъ защищать это стоянье на вытяжку передъ зеленымъ столомъ, эти чиновно-начальническія отношенія къ молодымъ людямъ; они будутъ настойчиво доказывать необходимость поддерживать такимъ образомъ свое *педагогическое* значеніе; имъ покажется странною даже мысль допустить бесѣду съ какимъ-нибудь мальчикомъ и при томъ безъ надзора со стороны всего начальства. Но этимъ самымъ они только докажутъ, что они не понимаютъ дѣйствительной педагогіи, что для нихъ важнѣе всего отвлеченный принципъ: погибай лучшія силы, только остался бы неприкосновененъ онъ, этотъ принципъ, который самъ, послѣ здравой критики, можетъ оказаться гнилымъ или мертвящимъ въ педагогическомъ дѣлѣ. Имъ непонятно, что истинный педагогъ поддерживаетъ къ себѣ уваженіе, почтеніе и довѣріе другими способами, которыхъ у нихъ, можетъ быть, нѣтъ, и потому они думаютъ связывать съ ролью педагога не идущую къ ней роль генерала. Имъ хотѣлось бы поставить на вытяжку и всѣхъ педагоговъ, а о юношахъ, привлекаемыхъ къ экзамену, и говорить нечего. Но, несмотря на все это, мы рѣшаемся указать на иную систему экзаменовъ, убѣжденные, что дѣйствительные педагоги во многомъ дадутъ ей предпочтеніе передъ старою; для насъ

же только это и важно, потому что вести правильно экзамены, съ пользою для всѣхъ, могутъ лишь одни настоящіе педагоги, которые понимаютъ человѣческую природу и выше ея не ставятъ разныхъ узкихъ принциповъ и чиновничьихъ формальностей.

Устраняя сколь возможно публичность и торжественность, нужно позаботиться и объ устраненіи неравенства между экзаменующимися. Если въ одной и той же гимназіи большинство экзаменующихся въ одной коммиссіи выдерживаетъ экзаменъ, а тутъ же рядомъ въ другой *проваливается*, то тѣмъ скорѣе и легче можетъ случаться это въ разныхъ гимназіяхъ: одна славится строгостью испытаній, другая большею легкостью; въ одну стремятся и просятся молодые люди, другой избѣгаютъ. Назначенные въ строгую гимназію трепещутъ, назначенные въ легкую благословляютъ судьбу. И въ самомъ дѣлѣ, эти случайности не имѣютъ ли видъ судьбы, и не есть ли это самая высшая несправедливость по отношенію къ молодымъ людямъ и величайшее зло по отношенію къ государству и обществу?

Намъ кажется, что экзамены, завершающіе общее образованіе, необходимо отдѣлить отъ гимназій. Для нихъ слѣдовало бы назначить одну постоянную *испытательную коммиссію*, раздѣливъ ее на столько отдѣловъ, сколько существуетъ учебныхъ гимназическихъ предметовъ. Въ каждый отдѣлъ на два или на три года выбирать по три экзаменатора-спеціалиста изъ педагоговъ опытныхъ, успѣвшихъ чѣмъ-либо хорошимъ заявить себя въ своей педагогической дѣятельности. На нихъ всегда будетъ указывать какъ голосъ самихъ педагоговъ, такъ и голосъ общественный вмѣстѣ съ литературнымъ. Конечно, здѣсь не слѣдуетъ стѣсняться однимъ вѣдомствомъ министерства народнаго просвѣщенія; найдется и по другимъ вѣдомствамъ довольно опытныхъ и почтенныхъ педагоговъ. При каждомъ отдѣлѣ должно быть по одному или по два кандидата, которые бы замѣняли экзаменатора въ случаѣ его болѣзни и отсутствія по другимъ причинамъ. Коммиссія должна быть въ дѣйствіи круглый учебный годъ, и испытаніе по каждому предмету можетъ производиться не иначе, какъ въ присутствіи трехъ экзаменаторовъ-спеціалистовъ въ отдѣльной комнатѣ, куда доступъ всѣмъ прочимъ лицамъ долженъ быть запрещенъ. Исключеніе можно сдѣлать для учителя или воспитателя того молодого человѣка, который является на экзаменъ; ему даже можно дать право предварительно объяснить, какъ онъ велъ дѣло съ молодымъ человѣкомъ, на какія части или подробности при его обученіи обращено болѣе вниманія и т. п.; но вмѣшиваться въ экзаменъ онъ не долженъ и имѣть права голоса при окончательномъ совѣщаніи онъ не можетъ. Между экзаменаторами здѣсь должно быть полное равенство; присутствіе какого-либо начальства, думаю, было бы также излишне, такъ какъ здѣсь предполагается полное довѣріе къ выбраннымъ экзаменаторамъ, и слѣд-

ственно надзора надъ ними не нужно, а во всѣхъ другихъ случаяхъ начальство имѣетъ свойство стѣснять, приводить въ смущеніе и сообщать простому дѣлу торжественность. Мы хлопочемъ о замкнутости отдѣловъ испытательной коммиссіи, имѣя въ виду интересы экзаменующихся, но замкнутость эта будетъ только кажущаяся, мнимая, такъ какъ каждый педагогъ будетъ имѣть нѣсколько случаевъ присутствовать здѣсь при испытаніи своихъ учениковъ, слѣдовательно, дѣятельность коммиссіи не будетъ совершенно скрыта, и педагогамъ всегда будетъ возможность составить о ней мнѣніе и даже литературно выражать его для общественнаго обсужденія. Такимъ образомъ, мѣшающая дѣлу публичность будетъ устранена, а самое дѣло не останется внѣ гласности. Имѣть особаго начальства надъ коммиссіею также нѣтъ надобности; достаточно назначить одного секретаря или экзекутора, который бы удовлетворялъ разнымъ потребностямъ экзаменаціонныхъ отдѣловъ, прикладывалъ бы печати къ свидѣтельствамъ и т. п. Каждый отдѣлъ дѣйствуетъ совершенно независимо; члены его при самомъ своемъ избраніи или назначеніи имѣютъ возможность согласиться между собою какъ вести дѣло, и неравенство для экзаменующихся будетъ устранено. Выборъ времени, когда держать экзаменъ, долженъ быть предоставленъ самимъ молодымъ людямъ. Каждый можетъ записаться для испытанія въ любомъ отдѣлѣ коммиссіи, на любой экзаменаціонный день (если экзаменаторы будутъ собираться не ежедневно). Ограниченіе можетъ быть сдѣлано только въ одномъ: чтобы всѣ экзамены вмѣстѣ однимъ лицомъ были непремѣнно окончены въ теченіе года или извѣстнаго числа мѣсяцевъ. Но нѣтъ необходимости слишкомъ ограничивать время экзаменовъ. Противъ этого положенія нѣкоторые намъ будутъ сильно возражать: они будутъ видѣть въ этомъ неумѣстное послабленіе молодымъ людямъ, которымъ будетъ дана возможность для приготовленія къ каждому экзамену назначить себѣ столько времени, сколько имъ нужно, чтобы наскоро заучить весь учебный предметъ, съ успѣхомъ выдержать экзаменъ и потомъ также быстро забыть выученное;—слѣдовательно, при такомъ способѣ приготовленія должна непремѣнно пострадать основательность самого ученія. Дѣйствительно, если бы мы предполагали производить экзамены по обычному способу, то, можетъ быть, мы и затруднились бы отвѣчать на это возраженіе, а скорѣе всего даже и не выставили бы своего положенія: къ нынѣшнему экзамену сколько-нибудь даровитому и смѣлому юношѣ легко приготовиться въ нѣсколько недѣль и вполнѣ удовлетворить своихъ экзаменаторовъ. Это доказываютъ и университетскіе экзамены, на которыхъ многіе студенты получаютъ хорошіе баллы, въ теченіе года не занимаясь наукою, и посвятивъ ей только нѣсколько недѣль передъ экзаменами.

Давъ молодымъ людямъ право являться на экзаменъ въ любое

время въ теченіе года, тѣмъ самымъ мы даемъ и экзаменаторамъ достаточно времени заняться съ каждымъ молодымъ человѣкомъ, посвящая ему не нѣсколько минутъ, а если нужно нѣсколько часовъ. Они здѣсь не будутъ ограничены однимъ днемъ, въ который должны переспросить нѣсколько десятковъ юношей, не будутъ утомлены почти до бездѣйствія мозга, слѣдовательно, и экзаменующемуся безъ основательныхъ познаній съ малыми силами будетъ весьма трудно счастливо проскользнуть между ихъ рукъ. Они могутъ коснуться всѣхъ частей учебнаго предмета, могутъ съ точностью сообразить степень прочности познаній молодого человѣка, могутъ видѣть его развитіе и проч. Для такого испытанія нужно и приготовленіе очень прочное, для котораго мало не только нѣсколькихъ недѣль, но и нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Если же и найдутся такіе даровитые люди, которые въ теченіе нѣсколькихъ недѣль успѣютъ такъ овладѣть предметомъ, что будутъ въ силахъ выдержать подобный экзаменъ, то нѣтъ никакой цѣли дѣлать имъ препятствія задерживать ихъ или мѣшать имъ. Что кому за дѣло, во сколько времени пріобрѣтены познанія, лишь бы они были основательны и прочны. Развѣ многіе не готовятся къ экзаменамъ по нѣскольку лѣтъ, и черезъ годъ послѣ экзамена уже ничего или очень не много помнятъ.

Свободный выборъ дня экзамена устранитъ и безсонныя ночи, которыя теперь обыкновенно предшествуютъ экзамену и часто имѣютъ на исходъ его самое неблагопріятное вліяніе. Молодой человѣкъ изъ благоразумія пойдетъ на экзаменъ тогда, когда будетъ чувствовать себя совершенно готовымъ, ему не нужно будетъ работать на срокъ, слѣдовательно занимать время у сна. Онъ будетъ являться на экзаменъ съ свѣжими, бодрыми, *нормальными* силами и конечно дастъ больше средствъ вѣрно оцѣнить себя. Страхъ его не будетъ имѣть опоры въ томъ безсиліи духа, съ какимъ онъ является теперь передъ своими экзаменаторами. Съ другой стороны, ему не придется еще болѣе ослаблять свои силы долгимъ ожиданіемъ, когда его вызовутъ къ испытанію, иногда сидѣніемъ съ утра до поздняго вечера.

Среди экзаменаторовъ молодой человѣкъ долженъ быть ободряемъ такимъ обращеніемъ, какое ожидается между порядочными и притомъ незнакомыми людьми. Здѣсь будетъ совершенно неумѣстнымъ выраженіе нетерпѣнія, или досады, ни строгій учительскій тонъ, ни возвышеніе голоса, тѣмъ болѣе насмѣшки, или глумленіе со стороны экзаменаторовъ. Проникнутые своей важною обязанностью, они конечно будутъ стѣснять и останавливать другъ друга въ неприличныхъ выходкахъ.

Программа экзамена должна быть опредѣлена чрезвычайно точно, затѣмъ, что каждый идущій на экзаменъ долженъ предварительно знать, какихъ познаній могутъ отъ него потребовать. Страхъ его

часто происходитъ отъ незнанія, что́ могутъ его спросить, а это незнаніе вытекаетъ изъ неопредѣленной программы, которую можно растягивать до безконечности. У насъ обыкновенно употребляютъ одну и ту же программу для преподаванія и для экзамена, что́, по нашему мнѣнію, крайне ошибочно. Въ преподаваніи имѣется въ виду не только передача познаній, но и развитіе способностей учащагося, слѣд. тутъ можетъ быть много особенныхъ соображеній, по которымъ вводятся въ предметъ ученія разныя подробности и мелочи, не имѣющія существеннаго значенія какъ необходимое знаніе. У каждаго преподавателя бываютъ свои соображенія, слѣд. каждый и привязанъ къ извѣстнымъ подробностямъ, считая ихъ очень важными въ своемъ дѣлѣ: онѣ дѣйствительно дѣлаютъ это дѣло и достигаютъ своей цѣли, но онѣ же имѣютъ свойства быстро забываться, не связанныя тѣсно съ сущностью всего предмета. А между тѣмъ у насъ на иныхъ экзаменахъ только и занимаются выпытываніемъ разныхъ подробностей, которыя всѣ вмѣстѣ удержать въ памяти можно только на самое короткое время и которыя черезъ нѣсколько недѣль послѣ экзамена испаряются даже у самаго памятливаго и даровитаго юноши. Нѣкоторые преподаватели даже любятъ себя выказывать передъ начальствомъ такими, по ихъ мнѣнію, интересными подробностями, гордятся тѣми учениками, которые безъ запинки выкладываютъ ихъ передъ присутствующими, и никто при этомъ не предвидитъ, что черезъ мѣсяцъ тотъ же самый юноша потребуетъ времени для повторенія, если вздумаютъ ему предложить тѣ же самые вопросы. Спрашиваемъ, что же это за знанія и сто́итъ ли о нихъ такъ хлопотать на экзаменахъ? А между тѣмъ они-то по большей части и заставляютъ учениковъ просиживать ночи передъ экзаменами, чтобы на короткое время набить ими голову и до того одурѣть отъ нихъ, что сдѣлаться неспособнымъ отвѣчать и на самые существенные вопросы науки. Особенно часто случается это на экзаменахъ изъ закона Божія, исторіи, словесности, географіи: здѣсь голова хорошо экзаменующагося бываетъ наполнена ужасающими подробностями, изъ которыхъ не дѣлается рѣшительно никакихъ выводовъ и которыя слѣд. обрекаются сами собою на забвеніе. Экзаменаторъ долженъ стремиться вѣрно опредѣлить, вмѣстѣ съ познаніями, и степень развитія молодого человѣка, но ему нѣтъ никакого дѣла, какими путями тотъ развивался, какія подробности были выдѣлены изъ науки исключительно въ видахъ его развитія. Если молодой человѣкъ окажется развитымъ, если всѣ выводы науки, обозначенные въ программѣ, онъ можетъ доказать или подтвердить фактами, то этого и достаточно. Прочность такихъ знаній несомнѣнна; ихъ не нужно каждый мѣсяцъ подъучивать, чтобы считаться образованнымъ человѣкомъ.

Въ программѣ экзамена должны быть точно обозначены тѣ суще-

ственныя познанія, которыя ведутъ къ опредѣленнымъ выводамъ науки и которыя, слѣдовательно, составляютъ дѣйствительную важность въ общемъ образованіи. Такія познанія берутся обыкновенно не памятью, а соображеніями ума; на нихъ умъ убѣждается въ той или другой истинѣ; ими экзаменующійся доказываетъ, что онъ дѣйствительно изучалъ предметъ. Что́ добыто трудомъ ума, то память легко и на долго удерживаетъ, слѣдственно тутъ нельзя опасаться за непрочность знаній.

Какія именно познанія, выводы и факты должны войти въ программы экзаменовъ, разрѣшить этотъ вопросъ слѣдуетъ прежде всего поручить спеціалистамъ по каждому учебному предмету. Не стѣсняя программы преподаванія, которая въ частностяхъ много зависитъ отъ личности преподавателя, что́ уничтожать было бы крайне вредно, они должны стѣснить программу экзамена, такъ какъ она будетъ служить результатомъ преподаванія всѣхъ, безъ всякаго отношенія къ какой-либо отдѣльной личности. Но на опредѣленіи однихъ спеціалистовъ остановиться нельзя: въ ихъ натурѣ увлекаться подробностями и считать за очень важное для всѣхъ то, что́ на самомъ дѣлѣ важно только для записныхъ спеціалистовъ. Всѣ ихъ программы необходимо поручить на окончательный просмотръ совѣту, составленному изъ педагоговъ, занимающихся общею педагогіею. Они должны опредѣлить настоящій объемъ программъ, требуемый общимъ образованіемъ. Мы не останавливаемся здѣсь на частностяхъ по каждому предмету, потому что это завело бы насъ слишкомъ далеко. Этихъ частностей можетъ быть очень много; не мало окажется и спорныхъ пунктовъ въ вопросѣ о томъ, что́ важно въ массѣ познаній восьмнадцатилѣтняго юноши, вступающаго въ ряды гражданъ своего отечества. Но мы не думаемъ, чтобъ въ главныхъ основаніяхъ могло выдти большое разногласіе. Никто, напр., не будетъ спорить, что русскому юношѣ съ общимъ образованіемъ необходимо знать о дѣятельности Ломоносова, Карамзина и другихъ лучшихъ нашихъ писателей прежняго времени; никто не будетъ отрицать, что знакомство съ ними будетъ вытекать изъ основательнаго изученія нѣкоторыхъ ихъ сочиненій, что такое изученіе не можетъ быть отнесено къ разряду обременяющихъ познаній, которыя не даютъ никакихъ выводовъ и быстро забываются. Споръ можетъ быть о томъ, какія именно изъ сочиненій слѣдуетъ предпочесть для изученія. Но какія бы они ни были, а экзаменующійся долженъ доказать, что онъ изучалъ ихъ, доказать отвѣтами на вопросы о развитіи главной идеи во всѣхъ частяхъ произведенія, о связи его съ современностью, о признакахъ, по которымъ его относятъ къ тому или другому роду и виду сочиненій и подобн. Объ этихъ важныхъ требованіяхъ конечно также никто не будетъ спорить. По нашему

мнѣнію, еще не большая бѣда, если юноша объявитъ, что онъ незнакомъ съ какимъ-либо даже важнымъ произведеніемъ отечественной литературы, если онъ можетъ доказать, что основательно изучалъ другія изъ нихъ и понялъ главныя черты характера писателя. Хуже, если онъ объявитъ, что читалъ всѣ замѣчательныя произведенія, даже разскажетъ ихъ содержаніе, но болѣе этого ничего не скажетъ. Онъ только докажетъ свои безплодныя занятія, на которыхъ не могъ развиваться; онъ докажетъ силу своей памяти, но она особенно не цѣнится при оцѣнкѣ умственнаго развитія. Экзаменаторы должны убѣдиться, что экзаменующійся научился читать съ толкомъ, разсуждать надъ прочитаннымъ, замѣчать литературные пріемы писателя — все это можетъ быть вѣрнымъ ручательствомъ и дальнѣйшаго его развитія при помощи чтенія. Развитый молодой человѣкъ быстро дополнитъ то, чего ему недостаетъ, и ставить ему неудовлетворительный баллъ за то, что онъ незнакомъ съ тѣмъ или другимъ произведеніемъ, хотя бы даже и означеннымъ въ программѣ, если основательно изучалъ другія произведенія того же писателя, было бы крайне несправедливо, чтобы не сказать дико. Точно тоже можно сказать и о другихъ предметахъ. Въ программы слѣдуетъ внести только то, что̀ экзаменующійся долженъ былъ не заучивать, а изучать, и мы увѣрены, что съ ними самые экзамены дѣйствительно будутъ достигать тѣхъ цѣлей, какія имъ назначаются. Подобныя программы непремѣнно принесутъ еще и ту пользу, что улучшатъ самое преподаваніе, такъ какъ обратятъ вниманіе на главное и существенное и отвлекутъ отъ того, что̀ изстари называется *конькомъ* преподавателя.

Экзамены должны быть письменные и словесные, первые еще важнѣе вторыхъ и непремѣнно должны имъ предшествовать; но мы никакъ не допускаемъ ихъ въ такой массѣ, въ какой они производятся въ настоящее время. Если человѣку задается серьезный умственный трудъ, то нужно позаботиться и объ обстановкѣ, которая бы тому благопріятствовала. Нужно отъ него удалить все то, что̀ можетъ его развлекать или отвлекать отъ труда требованіемъ вниманія къ постороннимъ лицамъ. Крайне плохи тѣ педагоги, которые, явившись въ массу молодыхъ людей, думаютъ узнать о ихъ познаніяхъ и развитіи, задавъ имъ какую-нибудь ничтожную тему, въ которой нечего и развивать, и назначивъ срокъ, съ часами въ рукахъ ждутъ послѣдней его минуты и затѣмъ быстро сбираютъ исписанные или недописанные листочки. Они даже не подозрѣваютъ, что своей собственной особой мѣшаютъ труду и мѣшаютъ тѣмъ больше, чѣмъ сильнѣе у нихъ страсть разъигрывать генеральскую роль. Письменный экзаменъ въ массѣ возбуждаетъ со стороны экзаменаторовъ опасеніе, чтобы экзаменующіеся не пользовались взаимною помощью или не прибѣгали бы къ помощи

книгъ и тетрадей: отсюда является непріятный надзоръ или оскорбительное заглядыванье въ ящики столовъ, развлекающее хожденіе наблюдателя между столами, неделикатное сованіе своего носа въ трудъ пишущаго и проч. Все это иную молодую натуру до того развлекаетъ, смущаетъ и волнуетъ, что онъ не въ силахъ сосредоточить мыслей и подаетъ свой трудъ, самъ крайне имъ недовольный.

Для письменнаго экзамена должны назначаться такія темы, которыя бы не могли возбудить опасенія, что экзаменующійся выпишетъ ихъ развитіе изъ какого-либо учебника или изъ своей учебной тетради, слѣд. не будетъ оказываться и надобности въ надзорѣ за пишущимъ. Пускай онъ даже заглядываетъ въ свой учебникъ, или въ лексиконъ, или даже въ произведеніе писателя, если ему нужно сдѣлать какую-либо справку; тема должна быть такого рода, чтобы экзаменующійся, безъ собственнаго запаса познаній, безъ предварительныхъ трудовъ по всему предмету, безъ собственныхъ соображеній и разсужденій не могъ съ нею ничего сдѣлать, если бы даже у него были подъ руками разныя справочныя книги. Ихъ даже слѣдуетъ давать по инымъ темамъ, чтобы видѣть, какъ молодой человѣкъ можетъ справляться съ ними и извлекать нужные матеріалы изъ того, что́ у него есть. Конечно, эти темы должны быть все-таки соображены съ силами юноши и съ тѣми познаніями, какихъ по программѣ можно отъ него требовать. При этомъ его слѣдуетъ уединить, если не въ особой комнатѣ, то за особымъ столомъ, чтобы никто не могъ мѣшать ему или развлекать его. Работа его должна быть обсужена всѣми экзаменаторами сообща, и она-то должна служить исходнымъ пунктомъ для словеснаго экзамена, а не какой-нибудь случайно-попавшійся билетъ. По этой работѣ уже можно основательно судить о развитіи молодого человѣка; словесный же экзаменъ будетъ только дополнительнымъ для узнанія количественной стороны основательныхъ познаній по всѣмъ частямъ учебнаго предмета.

Окончательная оцѣнка должна быть сдѣлана *тотчасъ* же послѣ словеснаго экзамена *каждаго* экзаменующагося и непремѣнно общимъ совѣтомъ экзаменаторовъ, а не послѣ испытанія нѣсколькихъ молодыхъ людей, чтобы отвѣты одного не могли смѣшиваться въ памяти экзаменаторовъ съ отвѣтами другого; чтобы имъ пришлось судить по свѣжимъ впечатлѣніямъ, принимая во вниманіе всѣ обстоятельства, а не по мертвымъ цифрамъ, безучастно производя дѣйствія сложенія и дѣленія. Они должны рѣшать сообща, *удовлетворительны* или *неудовлетворительны* познанія молодого человѣка по такому-то предмету, т.-е. могъ ли онъ по нимъ развивать свои понятія или нѣтъ, могъ ли онъ пользоваться или нѣтъ тѣмъ, что даетъ такая-то наука въ извѣстномъ объемѣ. Если же онъ забылъ нѣкоторые факты, или названія иныхъ го-

родовъ и мѣстъ, или нѣкоторыя числа и годы, или кой-какія формулы, то, право, въ этомъ еще не большая бѣда, забываютъ ихъ даже спеціалисты, для которыхъ составляются разныя справочныя книги. Лишать молодого человѣка правъ, парализировать его силы, вносить горе и слезы въ цѣлое семейство изъ-за того только, что онъ сбился въ доказательствахъ такого-то физическаго закона, или не разсказалъ разныхъ подробностей царствованія Людовика XIV, или спутался въ грамматической схоластикѣ, или за то, что получилъ двѣ *двойки* по двумъ частямъ разныхъ предметовъ, хотя по всѣмъ прочимъ частямъ всѣхъ предметовъ имѣетъ отъ *трехъ* до *пяти* балловъ, этого конечно опытные экзаменаторы-педагоги допускать не будутъ. Совершенно отъ ихъ воли или совѣта должно зависѣть и разрѣшеніе переэкзаменовки. Они могутъ видѣть, сколько и какихъ познаній недостаетъ юношѣ, могутъ сообразить количество времени, нужное для основательнаго ихъ пріобрѣтенія, могутъ слѣд. назначить срокъ, послѣ котораго онъ имѣетъ право снова явиться на экзаменъ. Въ этомъ мы не видимъ никакого зла, а напротивъ, видимъ устраненіе причины того горя и страданій, какія терпятъ бѣдные люди отъ неудавшагося экзамена юнаго члена семьи.

Испытательныя коммиссіи могутъ быть составлены во всѣхъ университетскихъ городахъ, гдѣ всегда найдется довольно педагоговъ, изъ среды которыхъ будетъ возможно дѣлать удачные выборы. За гимназіями же тѣхъ городовъ, гдѣ не будетъ испытательныхъ коммиссій, можно оставить право по общимъ программамъ экзаменовать желающихъ, которые, въ случаѣ неудачи, всегда могутъ переэкзаменоваться въ той или другой испытательной коммиссіи. Аттестаты этихъ гимназій должны имѣть силу аттестатовъ, выдаваемыхъ отъ коммиссій, и повѣрочныя испытанія въ университетахъ могутъ сохраниться для поступающихъ туда съ гимназическими аттестатами; но уже не слѣдуетъ подвергать ихъ поступающихъ съ аттестатами отъ коммиссій. Гимназіи должны оканчивать курсъ въ послѣднемъ классѣ въ половинѣ марта, и затѣмъ предоставлять своимъ ученикамъ полную свободу распоряжаться временемъ для испытанія въ коммиссіи. Времени до начала курса въ высшихъ или спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ имъ остается довольно, и конечно каждый воспользуется имъ по своему усмотрѣнію и по своимъ силамъ. Намъ кажется, что и университетамъ нѣтъ необходимости отказывать въ пріемѣ новыхъ студентовъ до половины октября или даже ноября, особенно тѣхъ, которымъ не нужно дѣлать повѣрочныхъ испытаній.

Само собою разумѣется, что экзаменаторы коммиссій должны получать за свои труды особое вознагражденіе и, прибавлю, вознагражденіе не копѣечное. Къ этой работѣ нужно привлекать лучшихъ педагоговъ, которые бы съ нею не только ничего не теряли, но еще бы выигры-

вали и которые слѣдственно охотно бы брались за нее и дорожили бы ею. Тогда, конечно, можно разсчитывать, что дѣло пойдетъ хорошо. Но если смотрѣть на преподавателей, какъ на существа, которыя обязаны нести на плечахъ все, что начальству вздумается на нихъ навьючить, и нести безъ всякаго вознагражденія, хотя бы это и не входило въ кругъ ихъ обязанностей, опредѣленныхъ уставомъ, то, разумѣется, нечего и говорить о какихъ-либо улучшеніяхъ. Чтобъ дѣлать дѣло, нужно дать и необходимыя для того средства. Странно требовать отъ однихъ и тѣхъ же лицъ постоянныхъ пожертвованій и трудомъ и временемъ подъ тѣмъ предлогомъ, что будто бы платить нечѣмъ. Мы знаемъ, что платятъ хорошо даже во всемъ обезпеченнымъ солдатамъ, если ихъ назначаютъ на какую-либо особую работу, тѣмъ болѣе въ правѣ требовать этого люди, которые тяжелымъ трудомъ сами должны обезпечивать себя. Насъ спросятъ: гдѣ же взять денегъ? Конечно, слѣдуетъ брать съ тѣхъ, на кого будутъ работать. Часть должно платить государство, часть училища и часть отдѣльныя личности. Училища, дающія своимъ ученикамъ общее образованіе и берущія съ нихъ плату, легко могутъ вынести незначительный налогъ, точно такъ, какъ и университеты и другія спеціальныя заведенія, которыя требуютъ отъ поступающихъ гимназическаго аттестата. Изъ экзаменующихся люди недостаточные должны быть уволены отъ всякаго взноса, для чего они должны только представить свидѣтельства о своей несостоятельности или отъ гимназій, гдѣ они учились, или добыть ихъ другими законными путями, какъ дѣлается это и теперь. Для людей же состоятельныхъ ничего не будетъ значить внести нѣсколько рублей. Мы указываемъ только на источники дохода, но не входимъ въ подробныя исчисленія, для которыхъ у насъ нѣтъ всѣхъ нужныхъ данныхъ, поэтому не можемъ сказать, какая доля платы могла бы прійтись на государство.

Въ настоящее время существуютъ особыя коммиссіи для испытанія желающихъ получить право быть домашними наставниками и наставницами, уѣздными и приходскими учителями, элементарными учительницами. На ихъ положеніе также слѣдовало бы обратить вниманіе, такъ какъ оно еще невыгоднѣе положенія экзаменующихся въ гимназіяхъ. Замѣтимъ, что въ эти коммиссіи являются по большей части молодыя дѣвушки, получившія пансіонское или домашнее воспитаніе. Семь восьмыхъ изъ нихъ принадлежатъ недостаточнымъ семьямъ, которыя разсчитываютъ на ихъ труды, предназначая ихъ въ гувернантки или въ учительницы. Если рѣдкій юноша не чувствуетъ сердечнаго трепета, являясь на испытаніе къ совершенно незнакомымъ лицамъ, то что́ же должна чувствовать молодая дѣвушка, подъ какимъ гнетомъ страха должна она придумывать отвѣты на вопросы экзаменатора. И замѣтимъ, что она не можетъ предварительно полу-

чить никакой опредѣленной и сколько-нибудь подробной программы, которой въ коммиссіи пока еще не существуетъ. Экзаменующейся извѣстно только, что отъ нея потребуютъ знанія гимназическаго курса; но ей извѣстно и то, что въ каждой гимназіи преподаватели вводятъ въ курсъ свои частности и подробности, что у каждаго есть свои *коньки*. На что же ей обратить особенное вниманіе, на какихъ частяхъ преимущественно остановиться: въ думахъ объ этомъ она теряется еще до экзамена, и ей уже кажется, что она ничего не знаетъ. Въ такомъ состояніи духа она отдается во власть не цѣлаго педагогическаго совѣта, не нѣсколькихъ экзаменаторовъ съ ассистентами, а одного человѣка, который и рѣшаетъ судьбу ея, въ то время, какъ у ея семьи идетъ рѣчь, можетъ быть, о кускѣ хлѣба....

Намъ кажется, что предлагаемая нами испытательная коммиссія могла бы заняться и этимъ трудомъ—экзаменовать на разныя педагогическія званія, тѣмъ болѣе, что тотъ экзаменъ отличается отъ гимназическаго развѣ только пробными уроками. Но эти уроки бываютъ всегда такъ каррикатурны, что теряютъ всякое педагогическое значеніе. Они похожи на выученный наизусть урокъ, который ученикъ наскоро дрожащимъ голосомъ отвѣчаетъ своему учителю. Ничего другого никогда не можетъ и выдти изъ такихъ пробныхъ уроковъ. Можно ли требовать отъ молодой дѣвушки пробы, какъ она будетъ учить, если она еще и сама не сошла съ учебной скамейки, никогда никого не учила и никто не показывалъ ей, какъ слѣдуетъ приниматься за это дѣло; даже его самоучкой ей некогда было еще сдѣлаться. На неодобреніе пробнаго ея урока ей остается лишь повторить слова Простаковскаго Тришки: «да первый-то портной шилъ, можетъ быть, хуже моего».

Экзаменъ на званіе гувернантокъ въ испытательной коммиссіи принесъ бы и ту важную пользу, что непремѣнно улучшилъ бы самое преподаваніе въ нашихъ частныхъ женскихъ училищахъ своими подробными программами, съ которыми стали бы соображаться преподаватели и воспитательницы. Теперь же въ пользу пансіонскаго обученія можно сказать очень немногое.

Мы не будемъ говорить объ экзаменахъ въ спеціальныхъ училищахъ высшихъ и среднихъ, мужскихъ и женскихъ, пожелаемъ только, чтобы и тамъ позаботились обработать программы испытанія и чтобы самые экзамены потеряли тотъ лотерейный характеръ, какимъ многіе изъ нихъ все еще отличаются.

Что касается до переводныхъ экзаменовъ, то ихъ мы считаемъ домашнимъ дѣломъ каждаго училища, но увѣрены, что и на нихъ окажетъ доброе вліяніе новая система окончательнаго испытанія, такъ какъ они должны будутъ подготовлять учениковъ къ этому послѣднему и конечно будутъ приноровляться и къ его пріемамъ.

Намъ остается еще сказать объ экзаменахъ совершенно особаго рода, не имѣющихъ никакого педагогическаго значенія и являющихся какимъ-то страннымъ, поражающимъ анахронизмомъ. Мы разумѣемъ экзаменъ старикамъ, выслужившимъ первый чинъ годами долгой службы. Что́ вы скажете о такой сценѣ: передъ вами сѣдой старикъ, задумавшійся надъ вопросомъ, гдѣ находятся Пиренеи, кто былъ Карлъ Великій, когда жилъ Борисъ Годуновъ, или не сладившій съ простой ариѳметической задачей, или надѣлавшій довольно орѳографическихъ ошибокъ въ заданномъ ему письмѣ. Онъ предвидитъ, какой результатъ выйдетъ изъ его молчанія или неудачныхъ отвѣтовъ, и начинаетъ увѣрять васъ, что онъ нѣсколько мѣсяцевъ готовился къ экзамену и по такимъ-то элементарнымъ учебникамъ, но что память измѣняетъ ему, что онъ не въ силахъ запомнить всѣхъ этихъ именъ и чиселъ; онъ начинаетъ умолять васъ аттестовать его удовлетворительною отмѣткою, такъ какъ ему необходимъ чинъ, съ которымъ у него связывается вопросъ о кускѣ хлѣба для всей его семьи, наконецъ, онъ начинаетъ рыдать и съ безнадежнымъ воплемъ оставляетъ роковую для него комнату. Нужно имѣть слишкомъ загрубѣлые нервы, чтобы такія слезы старика не повернули вашего сердца, тѣмъ болѣе, что вы не можете отказать его разсужденіямъ въ основательности: зачѣмъ, говоритъ онъ, мнѣ знать на старости лѣтъ, гдѣ Пиренеи, кто былъ Карлъ Великій, когда жилъ Годуновъ, если моя служба до сихъ поръ не требовала этого, да не потребуетъ и впередъ? Зачѣмъ мнѣ эти вычисленія, безъ которыхъ я прожилъ всю свою жизнь; зачѣмъ эти грамматическія правила, если и безъ нихъ начальство признало мою службу полезною и хочетъ наградить меня, считая опытнымъ служакою? Вы скажете ему, что по закону чинъ можетъ получить только человѣкъ съ извѣстнымъ образованіемъ. Онъ, вѣроятно, ничего не отвѣтитъ на это замѣчаніе, такъ какъ для него останется загадкою, отчего человѣкъ, только что узнавшій о Пиренеяхъ, о какомъ-то Карлѣ, о Годуновѣ, вдругъ сталъ образованнѣе его; чѣмъ онъ виноватъ, что на старости лѣтъ стала тупѣть его память, и отчего же его познанія, пріобрѣтенныя долгимъ опытомъ, притомъ въ такой сферѣ, гдѣ они-то именно и имѣютъ значеніе, отчего они считаются ни за что, а чинъ даютъ за Пиренеи да за Карла съ Годуновымъ? Въ самомъ дѣлѣ, неужели въ этихъ школьныхъ элементарныхъ познаніяхъ должно состоять образованіе чиновника, выслужившаго себѣ чинъ долгою службою? Развѣ въ сферѣ его дѣятельности не полезнѣе во сто разъ его опытность, хорошее знаніе тѣхъ дѣлъ, какія тамъ производятся, на знакомство съ которыми онъ отдавалъ все свое время, всѣ свои силы, и развѣ все это не составляетъ его настоящаго достоинства и его дѣйствительнаго образованія? И развѣ сдѣлается онъ хоть на-

сколько-нибудь образованнѣе, если заучитъ по школьнымъ учебникамъ сотни именъ да нѣсколько десятковъ грамматическихъ правилъ? И для чего же насиловать его старческую натуру, заставляя работать и умъ и память надъ тѣмъ, для чего они уже давно сдѣлались совершенно неспособными? Для чего унижать его достоинство, заставляя разъигрывать роль школьника, а иногда доводя до отчаяннаго положенія? Все это явилось у насъ въ старое время и вытекло изъ ложнаго взгляда на образованіе, которое ограничивалось кое-какимъ знаніемъ, хотя бы даже безсмысленнымъ, нѣсколькихъ учебниковъ.

Практическія познанія во всякой службѣ имѣютъ свою цѣну и мы не видимъ причины, почему человѣка съ такими познаніями ставить ниже того, кому удалось заучить нѣсколько школьныхъ элементарныхъ познаній? Ужъ если нужно пожившему и послужившему человѣку дѣлать испытаніе, чтобы дать чинъ, то ужъ конечно испытаніе въ томъ, что́ необходимо и важно въ извѣстной сферѣ дѣятельности, а не въ томъ, что́ служитъ средствомъ для развитія дѣтей.

Отсюда возникаетъ вопросъ объ экзаменахъ не на первый классный чинъ, а вообще на должностныя мѣста, вопросъ, отъ котораго въ настоящее время мы удержимся, такъ какъ онъ завлекъ бы насъ слишкомъ далеко. Несостоятельность же экзаменовъ на чинъ слишкомъ очевидна, чтобъ говорить о ней что-нибудь болѣе.

В. Стоюнинъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Война.—Объявленіе нейтралитета.—Наше миролюбіе и задоръ.—Г. Погодинъ.—Россійская мануфактурная выставка.—Успѣхъ механическаго дѣла.—Роскошь и народная потребность.—Диковины.—О русскихъ мастерахъ.—Музей.—Полуоборотъ въ пользу классическаго образованія.—Успѣхи классическихъ гимназій.—Мародёры классицизма.—Реальныя училища въ Пруссіи.—Николенко.

Двѣ воинственныя великія державы рѣшились помѣряться силами, и мирные успѣхи, труды многихъ лѣтъ прошлыхъ и будущихъ будутъ поглощены войною для рѣшенія вопроса, которая изъ этихъ воинственныхъ великихъ державъ воинственнѣе и которую слѣдуетъ считать болѣе великою. Какъ бы ни былъ несправедливъ поводъ со стороны Франціи къ начатію войны, несправедливость его исчезаетъ передъ общимъ смысломъ той огромной несправедливости, съ какою человѣчество до сихъ поръ относится къ самому себѣ. Когда вся сумма общественныхъ отправленій подчинена идеѣ увеличенія государства, когда сами народы по прежнему рвутся на встрѣчу другъ другу съ оружіемъ въ рукахъ, какъ въ концѣ среднихъ вѣковъ, съ тѣмъ только различіемъ, что къ распрѣ ихъ побуждаетъ не разность религіи, а разность національности, когда такъ-называемый принципъ національностей изъ орудія общественной свободы обратился въ идею объединенія, къ увеличенію территорій и безъ того громадныхъ военныхъ державъ,—можно ли удивляться, во имя идеи человѣчности, что происходитъ война? Можно ли удивляться войнѣ, когда судьбами такого общества, какова Франція, управляетъ простой случай, результатъ насилія надъ самымъ этимъ обществомъ, а такой народъ, какъ германскій, въ теченіи полустолѣтія не сдѣлалъ для пріобрѣтенія свободы и половины тѣхъ усилій, какія онъ съ такой готовностью и съ такимъ энтузіазмомъ издержалъ въ теченіи четырехъ лѣтъ на созданіе политическаго могущества?

Нынѣшняя война случилась какъ будто неожиданно; по крайней

мѣрѣ объявленіе ея поразило всю Европу удивленіемъ, а между тѣмъ вся Европа въ послѣдніе годы была убѣждена, что война неизбѣжна въ скоромъ времени, и употребляя весь годъ на усиленіе вооруженій, съ тревогою ожидала каждой весны, какъ будто событія не зависятъ отъ людей, а въ самомъ дѣлѣ предопредѣляются рокомъ. Человѣчество въ высшей степени несправедливо къ самому себѣ, оно все еще продолжаетъ стремиться не къ истинному благосостоянію людей, а къ удовлетворенію призраковъ тщеславія. Итакъ, нѣчему удивляться, если событіями управляетъ не разумность, а случай, конфликтъ тщеславій, однимъ словомъ, все тоже древнее непсповѣдимое и грозное fatum.

Первыми, непосредственными результатами войны были паденіе цѣнности бумагъ, вздорожаніе хлѣба, прекращеніе или затрудненіе сообщеній, коммерческихъ оборотовъ и промышленныхъ дѣлъ. На биржахъ произошла паника. Одинъ англійскій журналъ исчислилъ, что уже въ теченіи переговоровъ, предшествовавшихъ войнѣ, въ какіе-нибудь восемь дней, пониженіе фондовъ и рентъ разныхъ европейскихъ государствъ составило болѣе 76 милліоновъ фунтовъ, при чемъ еще не принята въ разсчетъ потеря на фондахъ государствъ Германіи; съ ними же пониженіе составило вѣроятно около 90 милл. фунтовъ. А когда война была объявлена, произошла вторая паника, которая, по отзыву того же журнала, была еще гораздо значительнѣе первой. Паденіе бумагъ произошло и на нашихъ биржахъ, такъ что даже выигрышные займы упали рублей на 15—20 противъ прежней цѣны.

Напечатанное въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» извѣстіе о рѣшеніи нашего правительства сохранить полный нейтралитетъ было встрѣчено въ обществѣ и печати единодушнымъ сочувствіемъ. Сочувствіе общества понятно, и желательно только, чтобы всякій, кто теперь утѣшаетъ себя мыслью, что изъ-за испанскаго престола не прольется русская кровь, твердо помнилъ и впослѣдствіи то чувство, которое возбудилось въ немъ, когда вопросъ о крови былъ поставленъ не въ далекомъ и неопредѣленномъ будущемъ, а прямо для непосредственнаго, практическаго рѣшенія. Надо отбросить мысль, что далекое будущее отъ насъ не зависитъ, и что глубоко и искренно желая Россіи въ настоящемъ мира, въ которомъ она безусловно нуждается, мы можемъ въ тоже время легкомысленно лелѣять честолюбивыя фантазіи для будущаго,—желая мира, чтобы работать для истиннаго преуспѣянія Россіи, для того, чтобы сдѣлать для русскаго общественнаго развитія то, что́ Петръ Великій и ближайшіе его преемники сдѣлали для русскаго государства,—уготовлять Россіи въ будущемъ рядъ войнъ, которыя поглотили бы сдѣланные успѣхи, и рядъ присоединеній, которые наложили бы на общественное развитіе новые тормозы. Легкомысленныя фантазіи объ увеличеніи нашей территоріи

самообольщеніе насчетъ нашей задачи и силы, увлеченіе пустяками честолюбія, которые предлагаются обществу нѣкоторыми писателями, склонность къ національной похвальбѣ и къ международному задору— все это въ настоящее время у насъ, положимъ, не выходитъ изъ области разговорныхъ упражненій. Но среди этихъ упражненій растутъ наши дѣти, пріучаясь презирать нѣмца, ненавидѣть француза, полагать служеніе отечеству не въ доставленіи самимъ себѣ естественныхъ условій развитія, а въ отрицаніи, искаженіи и подавленіи развитія чужого,—и вотъ такъ-то создается будущее. Мы встрѣтили объявленіе о нейтралитетѣ Россіи съ отраднымъ чувствомъ, сознавая, сколько мы нуждаемся въ мирѣ, сколько намъ предстоитъ упорной работы внутри; будемъ же помнить, что это чувство, вызванное въ насъ когда уже близко кровопролитіе, совершенно противорѣчитъ тѣмъ легкомысленнымъ и безплоднымъ взглядамъ и мечтамъ, какими такъ легко увлекается наше еще неустановившееся общественное мнѣніе.

Такъ и почтенный М. П. Погодинъ, узнавъ о войнѣ, поспѣшилъ приписать къ своей статьѣ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» слова: «Какое положеніе приметъ Россія? Сохрани насъ Богъ отъ всякаго вмѣшательства! Сохрани насъ Богъ отъ всякаго повода ко вмѣшательству!» Въ добродушномъ патріотизмѣ г. Погодина мы не сомнѣваемся и вѣримъ, что такія слова онъ произнесъ искренно, когда уму его представилась близкая возможность, что русскій крестьянинъ, въ дополненіе къ податямъ и выкупнымъ платежамъ, долженъ будетъ оплачивать войну и принесть ей въ жертву сына. Такъ, дѣйствительно, сохрани насъ Богъ отъ всякаго вмѣшательства, скажемъ и мы съ г. Погодинымъ. Но при этомъ мы напомнимъ ему же, что́ онъ писалъ не далѣе какъ за полтора мѣсяца до войны, въ «соборномъ посланіи»[1]). Это было соборное посланіе «отъ инвалида, сына отечества, благонамѣреннаго, славянина, русскаго и москвитянина, возлюбленной о славянствѣ братіи». Такое исчисленіе газетъ, въ видѣ личныхъ свойствъ и достоинствъ автора, совершенно подходитъ къ смыслу всего воззрѣнія, въ которомъ славянскій съѣздъ въ Москвѣ представляется событіемъ «великаго историческаго значенія», даетъ всему тонъ несерьёзности, полушутки, какой въ дѣйствительности и приличествуетъ означенному воззрѣнію. Но вѣдь есть люди, у которыхъ «соборное посланіе» исторгнетъ слезы, какъ, мы увѣрены, оно исторгло ихъ и у почтеннаго М. П. во время сочиненія. И вотъ въ этой-то буллѣ раздаются аттестаты разнымъ славянскимъ народностямъ, заявляется

---

[1]) Извѣстно, что почтенный М. П. простыхъ писемъ не пишетъ, а посылаетъ энциклики, настоящія буллы, которыя весьма удобно называть, какъ и папскія, по начальнымъ словамъ ихъ текста. Такъ, нынѣшнее «соборное посланіе» можно называть буллою «Прильпне языкъ къ гортани моей».

ликованіе по поводу внутреннихъ затрудненій Австріи, приносится «слава Богу» за то, что «этотъ вопросъ» т.-е. славянское чувство въ Россіи и распространяется и усиливается [1]), «скорѣйшее полное торжество» братьевъ-славянъ изображается намъ какъ *свое* дѣло, и провозглашается желаніе, чтобы у славянъ возникъ «Кавуръ или Георгій Черный».

Понятно, откуда можетъ ожидаться для славянъ Кавуръ. А между тѣмъ, когда представился вблизи вопросъ о вмѣшательствѣ въ войну, патріотизмъ неподдѣльный, неискусственный одолѣлъ и самого г. Погодина и «сынъ отечества» въ немъ одержалъ верхъ надъ «благонамѣреннымъ славяниномъ». Не риторическія слезы пролилъ тутъ «инвалидъ» и «русскій», а просто почувствовалъ опасеніе за дѣла русскаго общества, за судьбу русскаго крестьянства. Между тѣмъ «соборное посланіе» прибавило у насъ къ смущенію нѣсколькихъ чувствительныхъ сердецъ и некрѣпкихъ умовъ, а въ австрійской печати произвело раздраженіе, отъ котораго намъ нѣтъ ровно никакой пользы.

Поселять въ себѣ легкомысленныя и необузданныя мечты, отвлекающія отъ серьезнаго дѣла, а въ сосѣднихъ государствахъ — недовѣріе и раздраженіе, щеголять собственною своею похвальбою и считать свою шапку смертоноснѣе для врага и побѣдительнѣе всякихъ бомбъ—все это пока пустяки, конечно, но такими пустяками заниматься не слѣдуетъ, потому что изъ такихъ именно пустяковъ исходитъ въ будущемъ вѣроятность затрудненій гибельныхъ для внутренняго развитія. Примѣръ двухъ заявленій г. Погодина мы привели только для конкретнаго изображенія своей мысли: пусть общество, которое отъ души привѣтствовало нейтралитетъ Россіи, зная особенную для нея цѣну мира, помнитъ объ этомъ чувствѣ и не позволяетъ морочить себя нелѣпымъ задоромъ, который можетъ повести только къ совершенно противоположному результату.

Какъ бы въ увѣщаніе намъ противъ вздорныхъ, честолюбивыхъ похотей, разрушительный призракъ войны является въ то самое время, когда мы осматриваемъ въ Петербургѣ результаты нашей промышленной дѣятельности. Результаты эти скромны и нынѣшняя выставка показываетъ скорѣе, сколько еще намъ остается дѣлать, чѣмъ сколько мы уже сдѣлали. Вотъ почему, переходя къ выставкѣ, мы рѣшимся замѣтить даже, что желали бы нѣсколько больше скромности во всей ея обстановкѣ и въ самой орнаментаціи ея. Орнаментація, положимъ, вызывается эстетическою потребностью, желаніемъ примѣшать нѣкоторую долю поэзіи къ прозѣ кожевенныхъ, канатныхъ и чугунныхъ продуктовъ. Но орнаментація—только рамка картины, и напрасно подавлять роскошью рамки дѣйствительныя, но скромныя достоинства

[1]) Какимъ образомъ *вопросъ* можетъ усиливаться, М. П.?

самой картины. Странна мысль представить громадную пирамиду выкопаннаго нами золота, когда ни у одного изъ посѣтителей, смотрящихъ на эту золотую груду, нѣтъ ни одного полуимперіала въ карманѣ. Едва ли не напрасно было устроивать пространныя сталактитовыя галлереи, съ ёлками, для помѣщенія акваріума, когда въ этомъ акваріумѣ плаваетъ всего нѣсколько красныхъ рыбокъ, да жмутся два крокодилика, съ полдюжины змѣекъ и двѣ черепахи. Колоссальная тумба или пирамида, въ видѣ головы сахара, вовсе не дѣйствуетъ внушительно, потому что она деревянная, а деревянная голова, даже сахару, не имѣетъ никакого смысла.

Всероссійская мануфактурная выставка далеко не полна. Разныя отрасли промышленности представлены на ней далеко не по степени своей важности; нѣкоторые отдѣлы богаты, пожалуй даже излишне, а другіе представлены слишкомъ мало. Извѣстно, впрочемъ, что за недостаткомъ мѣста пришлось отказывать. Между тѣмъ очень большое помѣщеніе отведено дорогому ресторану. Постройки сдѣланы очень изящно, убранство вообще богатое, и играютъ два оркестра музыки. Весьма важную роль на выставкѣ играютъ предметы военнаго министерства. Вотъ каково общее впечатлѣніе при первомъ взглядѣ.

Обстоятельное описаніе выставки не входитъ въ рамку нашей хроники. Мы можемъ говорить здѣсь именно только о томъ впечатлѣніи, какое она производитъ, не вдаваясь въ техническія сравненія и подробную оцѣнку. Орнаментальная сторона, какъ мы уже сказали, нѣсколько преобладаетъ на выставкѣ и не только въ томъ смыслѣ, что сдѣлано много украшеній, но и въ томъ, что предметы роскоши представлены на ней гораздо полнѣе, чѣмъ предметы всенародной необходимости. Передъ мѣстомъ, которое заняли, и ролью, какую играютъ на выставкѣ роскошная мебель, бронзы и разные павильоны, слишкомъ мало и слишкомъ скромно расположены такія произведенія, какъ фабрикаты нашихъ суконныхъ и ситцевыхъ фабрикъ. Существенные результаты, скажемъ еще разъ, не оправдываютъ разглагольствій тѣхъ изъ нашихъ глашатаевъ, которые въ этой выставкѣ предсказывали какое-то невиданное величіе Россіи, и даже международное торжество, такъ что ожидали огромнаго наплыва посѣтителей изъ за-границы и съ отдаленнѣйшихъ концовъ Россіи, вслѣдствіе чего иные добродушные люди уже собрались отдавать свои квартиры въ наемъ втридорога, перебравшись сами на дачу. Никакого подобнаго торжества и колоссальнаго наплыва не произошло. Но на людей, несклонныхъ къ модному нынѣ самообольщенію и пустозвонству, настоящая выставка способна все-таки произвесть весьма отрадное впечатлѣніе, потому что она представляетъ результаты, хотя и не поразительные, но весьма солидные по нѣкоторымъ частямъ.

Механическое дѣло у насъ новое, и до сихъ поръ одно изъ любимѣйшихъ общихъ мѣстъ — недостатокъ у насъ машиннаго производства и переплата денегъ за границу за машины. Дай Богъ, чтобы всѣ наши переплаты денегъ за границу произвели въ столь скорое время такіе плодотворные результаты, какъ выписка машинъ. Механическое дѣло въ Россіи теперь, судя по выставкѣ, установилось въ размѣрахъ весьма почтенныхъ. Продукты заводовъ Берда, Нобеля, Леснера, Иллиса и Буца, Листа въ Москвѣ, Трецера въ Варшавѣ, механическаго завода императорскаго московскаго техническаго училища, Шипова въ Костромѣ, Рыжовыхъ въ Харьковѣ, Лилльпопа и Рау въ Варшавѣ, Боте тамъ же, Ижорскихъ адмиралтейскихъ заводовъ, выборгскаго акціонернаго механическаго завода—представили богатые образцы машинъ, требующихъ и огромныхъ средствъ производства и большой точности въ отдѣлкѣ. Земледѣльческія орудія всѣхъ родовъ теперь также выдѣлываются въ предѣлахъ имперіи, и нареканія на переплату за границу для выписки земледѣльческихъ машинъ должны прекратиться. Такихъ машинъ представлено много польскими и финляндскими заводами. Вообще надо замѣтить, что Финляндія и Царство Польское приняли въ этой выставкѣ усердное участіе и очень много способствовали къ ея пополненію. Финляндія отличилась и экземплярами повозокъ. Интендантскія повозки Осберга и Баде превосходно сдѣланы, и пожалуй, даже слишкомъ красивы.

Желѣзно-дорожное дѣло и вызванная имъ фабрикація желѣзно-дорожныхъ принадлежностей также дѣло совсѣмъ у насъ новое и уже успѣвшее крѣпко стать на ноги. Видное мѣсто на выставкѣ занимаютъ огромные превосходно-сдѣланные локомотивы и вагоны петербургскихъ и ковровскихъ мастерскихъ Главнаго общества желѣзныхъ дорогъ и александровскаго механическаго завода, и завода Струве въ Коломнѣ. Желѣзно-прокатное и рельсовое дѣло имѣютъ весьма почтенныхъ представителей въ заводахъ Путилова и Главнаго общества. Дѣло литейное у насъ не ново, но и оно въ послѣднее время приняло большое развитіе, судя по колоссальной чугунной пушкѣ и другимъ образцамъ, представленнымъ горнымъ вѣдомствомъ. Горное вѣдомство, кромѣ военнаго — единственное, котораго участіе на выставкѣ очень значительно. Военное же вѣдомство отличилось; выставка его и богата, и разнообразна. Одно изъ зрѣлищъ наиболѣе привлекающихъ публику, это — выдѣлка гильзъ, которая производится тутъ весьма остроумными механизмами. Надо замѣтить, что станки для вытягиванія гильзъ не выписные, и сдѣланы на заводахъ Леснера, Нобеля и Сапожниковыхъ. Пушки, заряжающіяся съ казенной части, и брони для военныхъ судовъ свидѣтельствуютъ также объ очевидной силѣ нашихъ заводовъ. Вообще же механическое, желѣзно-прокатное, литейное и желѣзно-дорожное дѣло представляютъ едва ли не самую

существенно-блестящую сторону настоящей выставки, доказывая, что въ послѣдніе годы Россія успѣла почти создать и довести до очень почтенныхъ размѣровъ эту важную, можно сказать основную отрасль заводской промышленности.

Дѣло мореходнаго строительства представляется главнымъ образомъ образцами изъ Финляндіи. О шлюпкахъ, вышедшихъ изъ мастерской яхтъ-клуба и царскосельской мастерской можно только сказать, что онѣ представляютъ превосходно изготовленные предметы роскоши. Тоже можетъ быть отчасти сказано и о металлическихъ произведеніяхъ Санъ-Галли, въ числѣ которыхъ находится и полная желѣзная кухня. Главное достоинство ихъ—изящность, а главный недостатокъ—дороговизна. Но этого никакъ нельзя сказать о желѣзной мебели г. Мальцова. Какимъ образомъ его заводъ ухитряется дѣлать изъ желѣза очень изящные стулья, диваны, камины и проч. и продавать ихъ по цѣнамъ простыхъ *деревянныхъ* издѣлій—непонятно. Напр., стулъ съ широкою спинкою, сдѣланный съ большимъ вкусомъ, стоитъ 3 р., а диванчикъ, на которомъ могутъ усѣсться четверо — 8 рублей! Вотъ истинный успѣхъ. Механическое дѣло такъ полно представлено на выставкѣ, что тамъ имѣются даже произведенія русскаго телеграфо-строительнаго завода Сименса и Гальске и швейныя машины, приготовленныя въ Россіи на фабрикахъ г. Гёца и гг. Журно-Леблонда.

Однако, иностранныхъ именъ не мало — такъ, быть можетъ, прервете наше разсужденіе читатель. Дѣйствительно не мало, согласимся мы и прибавимъ, что если бы справиться, кѣмъ основаны нѣкоторые заводы, нынѣ носящіе русскія имена, то окажется, что иностранцами, какъ, напр., прядильная ткацкая фабрика гг. Чечулиныхъ въ вологодской губерніи принадлежала прежде англичанину Рейту, а писчебумажная фабрика гг. Варгунинныхъ на Охтѣ, принадлежала — если не ошибаемся — англичанину же, Говарду. И еслибы спросить о фамиліяхъ тѣхъ техниковъ-мастеровъ, которые руководятъ работами на фабрикахъ чисто-русскихъ владѣльцовъ, то оказалось бы, безъ сомнѣнія, что половина ихъ—тоже иностранцы. Но что дѣлать? Нельзя же было и надѣяться, что «непочатыя силы» сами создадутъ всякую механику, не пойдя прежде въ ученье, въ которомъ теперь и приходится быть. Первый шагъ былъ сдѣланъ основаніемъ у насъ фабрикъ иностранцами и выпискою иностранныхъ машинъ и мастеровъ. Второй — основаніемъ механическаго производства у насъ дома. Третій будетъ состоять въ образованіи русскихъ техниковъ. Что фабрикантовъ у насъ много иностранцевъ, объ этомъ тужить—напрасное дѣло, а надо по крайней мѣрѣ радоваться, что у насъ въ Россіи есть фабрики и что онѣ умножаются и увеличиваются.

Въ другихъ мануфактурныхъ издѣліяхъ все, что служитъ для роскоши, доведено въ самомъ дѣлѣ до высокой степени изящества, проч-

ности и практичности. Не говоримъ уже объ издѣліяхъ г. Болина и другихъ ювелировъ, но взгляните на бронзовыя произведенія г. Шопена, на превосходные изразцы Бонафеде (императорскаго завода), на великолѣпную мебель г. Пети, мебель и бильярды гг. Людлофа, Фрейберга, Розенберга, Тротшека, на прелестную некрашенную карету г. Неллиса и другіе экипажи, наконецъ на превосходныя фарфоровыя, живописныя издѣлія гг. Корнилова, Иконникова и т. д.—сколько вкуса, сколько примѣненій для всевозможныхъ потребностей! Какъ нѣжны цвѣта этихъ фарфоровъ, и какъ изящно-игривы изгибы этихъ бронзъ! Однимъ словомъ, *тутъ* сдѣлано кажется уже все, что только возможно сдѣлать; нѣтъ потребности, нѣтъ прихоти, которая бы не была предвидѣна. Тоже можно сказать о многихъ произведеніяхъ Сазикова и нѣкоторыхъ г. Кача. Затѣмъ, сравните съ этими произведеніями искусствъ — наше крестьянское сѣрое сукно, это нѣчто среднее между войлокомъ и парусиной, наши холстинки и ситцы для народа, представленные на выставку въ большомъ изобиліи, при совершенномъ однообразіи достоинствъ, наконецъ даже съ сукнами и трико́ русскихъ фабрикъ (здѣсь мы должны сдѣлать исключеніе, именно для одной англійской петербургской, для остзейскихъ и польскихъ). Какое отсутствіе всѣхъ потребныхъ условій, кромѣ развѣ дешевизны, какой застой въ рисункахъ и сортахъ, какъ мало выбору, какъ мало изобрѣтательности и старанія угодить на разныя потребности! Отчего это? Оттого ли, что «простолюдинъ» и всякій «дешевый» потребитель равнодушенъ ко всѣмъ качествамъ товара, кромѣ дешевизны, и пожалуй еще прочности? Но утверждать это было бы нелѣпо: нѣтъ сомнѣнія, что всякій дешевый покупатель ищетъ такой вещи, которая особенно приноровлена для даваемаго имъ ей назначенія, сукна болѣе теплаго и мягкаго, ситцу покрасивѣе и плотнѣе, и т. д. Нѣтъ, замѣчаемое различіе въ разнообразіи и совершенствѣ дорогихъ издѣлій и въ однообразіи, застоѣ и несовершенствахъ издѣлій дешевыхъ, зависитъ отъ основныхъ условій нашей фабрикаціи. Съ заводомъ положимъ хоть г. Шопена, по цѣнамъ его издѣлій, можно сдѣлать себѣ большое состояніе въ теченіе одной жизни даже менѣе; затраты на улучшенія, на разнообразіе, на приспособленія всякаго рода здѣсь вознаграждаются быстро; да къ тому же и формы здѣсь готовыя — нéчего примѣняться къ мѣстнымъ потребностямъ; для лампъ, напримѣръ, и всякихъ изваяній есть всевозможные заграничные образцы, которые въ равной степени годятся и у насъ, какъ заграницей. Хорошій мастеръ-иностранецъ въ такомъ дѣлѣ, только-что выписанный изъ за-границы, прямо принимается за работу и производитъ нѣчто вполнѣ удовлетворяющее потребностямъ общества, покупающаго такія произведенія.

Совсѣмъ не то въ производительности, разсчитанной на сбытъ въ

массѣ народа. Здѣсь затраты на улучшенія окупаются не такъ скоро, а между тѣмъ желаніе скоро нажить капиталъ здѣсь также преобладаетъ, и древнихъ фабричныхъ фирмъ у насъ немного. Но скорое пріобрѣтеніе здѣсь легче всего осуществить именно сохраненіемъ прежнихъ формъ, устраненіемъ всякихъ новыхъ затратъ, и пониженіемъ какъ цѣны, такъ, разумѣется, и достоинства товара. Сверхъ того, здѣсь выписной мастеръ, еслибы его и призвали, не потрафитъ сдѣлать улучшеній; иностранные образцы здѣсь не всегда годятся; надо изучить прежде бытъ народа и условія сбыта того и другого рода произведеній. Здѣсь улучшеній можно ожидать только отъ возникновенія изъ самаго народа хорошихъ техниковъ и изъ упроченія нашихъ фабричныхъ фирмъ, такъ чтобы дѣло не переходило безпрестанно въ руки новичковъ, желающихъ разбогатѣть. Прибавимъ, неизбѣжность застоя, обусловливаемая протекціонистскою системою. Предметы роскоши, какъ бы высока ни была пошлина на нихъ, все-таки будутъ покупаться и принуждать мѣстныхъ производителей къ улучшенію ихъ продуктовъ. Но на предметахъ дешевыхъ и малая пошлина ставитъ внутренній продуктъ внѣ конкурренціи и обусловливаетъ его застой. Вотъ причины того различія, какое замѣчается между разнообразіемъ, усовершимостью нашихъ продуктовъ роскоши и однообразіемъ, застоемъ нашихъ продуктовъ для народного потребленія.

Это относится не къ однѣмъ бронзамъ и холстинкамъ. Какое разнообразіе и богатство дорогихъ водокъ всѣхъ нашихъ заводовъ, и какъ красивъ бокалъ спирта г. Карали; но, къ сожалѣнію, нѣтъ образца той его водки, которая продается въ распивочныхъ для народа. Ботинки г. Гюбнера изъ американской кожи съ триковымъ верхомъ очень хороши и разнообразны; онѣ стоютъ 13 рублей пара. Мужицкихъ сапоговъ изъ кожи деревяннаго свойства къ сожалѣнію нѣтъ, какъ нѣтъ (по крайней мѣрѣ мы не видали) и лаптей. Колонна изъ стеариновыхъ свѣчъ Невскаго завода очень красива; свѣчи завода г. Геймбургера, пожалуй, еще превосходятъ ихъ; вообще стеариновое производство у насъ очень хорошо. Но отъ лучины далеко еще и до сальной свѣчи, не говоря о превосходныхъ стеариновыхъ.

Къ числу орнаментальныхъ предметовъ на выставкѣ относится очень хорошій бюстъ изъ сахару. Но сахарное производство у насъ, и независимо отъ такого особеннаго назначенія, весьма примѣчательно. На выставкѣ оно представляется съ достаточною полнотою произведеніями Кенига и другихъ петербургскихъ заводовъ, гр. Потоцкой волынской губерніи, графовъ Бобринскихъ кіевской губерніи, г. Эпштейна варшавской губерніи, Роттермунда харьковской и курской губерніи и т. д. Упомянемъ здѣсь же и о шоколадныхъ плиткахъ г. Бормана, которыя выдѣлываются рядомъ съ гильзами къ патронамъ.

Кавказскій и ташкентскій отдѣлы выставки очень интересны, особенно послѣдній. Шолковыя ткани выдѣлываются на Кавказѣ лучше, чѣмъ въ Туркестанѣ, но послѣдній можетъ похвалиться бо́льшимъ разнообразіемъ (судя по выставкѣ) своихъ тканей всякаго рода, начиная отъ безобразной хлопчато-бумажной для халатовъ и до тонкой замѣчательной ткани изъ верблюжьей шерсти.

О богатствѣ и разнообразіи выставки военнаго министерства мы уже говорили. Фабрикація военныхъ обмундировалень, образцы новыхъ госпитальныхъ повозокъ, хирургическихъ инструментовъ казеннаго завода, носилокъ и кроватей для больныхъ, наконецъ учебныхъ пособій принятыхъ въ военномъ вѣдомствѣ—все это представлено въ полнотѣ и представляетъ интересъ. Мы склонны были думать, что военное вѣдомство ограничится представленіемъ тѣхъ передѣлываемыхъ имъ по системѣ Крынка ружей, которыхъ, по слухамъ, имѣется хотя большое, но все еще недостаточное количество и къ которымъ патроны еще несовсѣмъ готовы.

Въ отдѣлѣ педагогическомъ замѣчательно собраніе учебныхъ пособій г. Симашко и образецъ народной школы, со всѣми принадлежностями. Кончимъ историческимъ музеемъ. Онъ названъ музеемъ русскаго искусства. Названіе это немного претенціозно. Тутъ есть собраніе древняго русскаго оружія, изъ артиллерійскаго музея, которымъ нынѣ завѣдуетъ извѣстный литераторъ г. Аѳанасьевъ-Чужбинскій. Онъ, между прочимъ, показалъ намъ пушку-револьверъ временъ Петра Великаго и картечницу (mitrailleuse) временъ Елизаветы: вотъ новыя доказательства тому, что основныя идеи многихъ новѣйшихъ изобрѣтеній вовсе не новы. Портретъ Пугачева, быть можетъ, похожъ на Пугачева, но такъ какъ онъ не совсѣмъ похожъ на портретъ того же самозванца, бывшій на портретной выставкѣ—то фигуру грознаго Емельяна и впредь будетъ дорисовывать воображеніе. Замѣчательно тоже несходство между портретами Петра Великаго. Тутъ же на выставкѣ есть мундиръ и шляпа, которые Петръ носилъ подъ Полтавою. Но для изученія русскаго искусства пригодятся собственно разные серебряныя вещи, кубки, ковши, лампады и проч. и интересное собраніе г. Прохорова—кокошниковъ, разныхъ женскихъ уборовъ, полотенецъ и проч. О современные ситцы въ первомъ залѣ выставки — какъ недалеко вы ушли отъ рисунка этихъ пѣтушковъ на полотенцахъ, пѣтушковъ, въ которыхъ нѣкоторые ультра-патріоты, какъ извѣстно, признаютъ народную идею русской живописи, скульптуры и зодчества.

Издержки по устройству выставки, какъ мы слышали, составляютъ около 250 т. р., а сбору ожидается къ закрытію ея, т.-е. къ 1 августа, около 100 т. р. Зданіе предназначается теперь для помѣщенія постояннаго музея прикладныхъ искусствъ. Мы еще возвратимся къ этому предмету.

Техниковъ, ученыхъ мастеровъ, инженеровъ, механиковъ, химиковъ надо намъ—вотъ чему болѣе всего поучаетъ выставка. И откуда ихъ взять достаточное число? Откуда взять особенно мастеровъ съ научнымъ образованіемъ и умственнымъ развитіемъ; не изъ классическихъ ли гимназій?

Среди личныхъ побужденій, какія люди вносятъ въ общественныя дѣла́, однимъ изъ наиболѣе вредныхъ для успѣха этихъ дѣлъ, безъ сомнѣнія, слѣдуетъ признать тотъ видъ самолюбія, который представляется упорствомъ въ направленіи очевидно ошибочномъ. Общественные дѣятели во времена безгласности могли, съ полнымъ удобствомъ, упорствовать, идти впередъ въ направленіи однажды избранномъ ихъ личной мудростью, что́ бы факты ни говорили противъ пользы такого излюбленнаго направленія. Факты, конечно, могутъ говорить краснорѣчивѣе всякихъ публицистовъ и ораторовъ; но ихъ надо *хотѣть слушать*, и все краснорѣчіе ихъ пропадало для такихъ дѣятелей, которые, задавшись однажды ложною мыслью, не хотѣли отступаться отъ нея потому именно, что мысль эта ими была или предложена, безусловное превосходство ея ими было доказываемо и отреченіе отъ нея представлялось какъ бы отреченіемъ отъ собственной мудрости и опытности, то-есть отъ самыхъ правъ на положеніе общественнаго дѣятеля. Краснорѣчіе фактовъ пропадало тѣмъ легче, что право обнаруживать ихъ, указывать на нихъ, составляло монополію тѣхъ же дѣятелей, въ чьемъ вѣдѣніи таковые факты состояли. Нынѣ, когда благодѣтельность гласности дошла по крайней мѣрѣ до того, что лица «постороннія», то-есть общество, могутъ, съ приличною, конечно, скромностью, указывать на факты и обнаруживать, въ сдержанныхъ, конечно, границахъ, впечатлѣніе, производимое ими,—окончательное и безусловное упорство въ ошибочномъ и вредномъ направленіи представляется уже гораздо труднѣе. Непогрѣшимость, гораздо ранѣе, чѣмъ ватиканскій соборъ утвердилъ ее за папою, фактически принадлежала нашимъ дѣятелямъ, и слыла догматомъ до того обязательнымъ, что всякій противъ него протестъ влекъ за собою послѣдствія весьма неудобныя уже и въ семъ мірѣ. Нынѣче, непогрѣшимость нашихъ дѣятелей перестала быть догматомъ, но ничто не препятствуетъ самимъ дѣятелямъ вѣровать въ свою непогрѣшимость; уступки во многихъ такихъ случаяхъ, слава Богу, оказываются уже неизбѣжными; но остается еще одно средство, для спасенія своей непогрѣшимости — обставлять эти уступки такими практическими условіями, которыя направлены къ парализированію самой ихъ сущности, и такими теоретическими объясненіями, которыя выставляютъ неизбѣжную уступку требованіямъ общества, въ видѣ какъ бы только расширенія первоначальной программы, избранной самими дѣятелями, въ видѣ какъ бы дополненія

къ нему и даже подтвержденія его, на основаніи той поговорки, что «исключеніе доказываетъ вѣрность правила».

Строго-классическая система образованія разцвѣла въ послѣдніе годы въ нашихъ гимназіяхъ въ силу чего-то, въ родѣ плебисцита родителей. При этомъ плебисцитѣ, какъ и при нѣкоторыхъ иныхъ, вопросъ былъ поставленъ такимъ образомъ, что отрицательнаго отвѣта трудно было и ожидать. Когда родители, большинство коихъ въ первый разъ услыхало о классицизмѣ и реализмѣ, должны были рѣшать вопросъ о томъ, какой гимназіи они желаютъ для своихъ дѣтей—такой, которая открываетъ доступъ въ университетъ, не преграждая доступа въ какія бы то ни было иныя высшія учебныя заведенія и на службу, или такой, которой права были очень ограничены,—само собой разумѣется, что родители рѣшили въ пользу первой. Даже тѣ родители, которые не имѣли въ виду посылать своихъ сыновей въ университетъ, пожелали, чтобы *ихъ* гимназія была привилегированная, ибо всякая привилегія дѣло благородное. Результаты не заставили долго ждать себя и были такъ наивно-просты, что само плебисцитарное большинство не могло не принять ихъ къ свѣдѣнію. Пока еще никто не замѣтилъ, чтобы наша вновь возникшая классическо-гимназическая флора принесла желанные и обѣщанные плоды, въ видѣ облагороженія нравовъ, возвышенности чувствъ и «сближенія нашего общества съ общеевропейскою мыслью». Но всѣмъ, какъ будто неожиданно, бросился въ глаза тотъ фактъ, что для полученія отъ строго-классическаго образованія какихъ либо плодовъ, не говоря уже объ обѣщанныхъ нравственныхъ совершенствахъ, а плодовъ хотя бы самыхъ скромныхъ, хотя бы полученія того же доступа въ университетъ, которое такъ магически повліяло на плебисцитъ, необходимо *окончить* это образованіе; а это-то и оказалось всего труднѣе.

Страшный трудъ механическаго «долбленія» наваленъ былъ на дѣтей, и дѣти стали рѣшительно изнывать подъ нимъ. Родители почувствовали и жалость и вмѣстѣ безнадежность въ виду такого неестественнаго напряженія. Появились даже формальныя ходатайства о сокращеніи дневныхъ занятій въ гимназіяхъ. Но, несмотря на все напряженіе въ дневномъ механическомъ заучиваніи, экзамены не оправдали усилій учащихся и не могли оправдать при нашей системѣ испытанія. Переходъ изъ класса въ классъ у насъ рѣшительно зависитъ отъ цифры, полученной на экзаменѣ, а экзамены, въ предметахъ, гдѣ главную роль играетъ заучиванье на память ничего не говорящихъ уму правилъ, сбивающихъ умъ исключеній, и утомляющихъ умъ опредѣленій, никогда успѣшны быть не могутъ. Огромная доля, предоставленная латинскому и греческому языкамъ въ распредѣленіи гимназическаго курса, и особая внимательность, посвященная начальствомъ этимъ предметамъ, такъ стѣснили весь курсъ, что и остальные пред-

меты, болѣе говорящіе уму, необходимо должны были сдѣлаться «предметами долбленія»; понимать, обдумывать, усвоивать ихъ уже было нéкогда. Оставалось только затвердить наскоро дневной изъ нихъ урокъ, а къ экзамену пускать ихъ болѣе или менѣе на авось, такъ какъ вся сила въ древнихъ языкахъ. При такой системѣ обученія, оказалось, что не только университета, но и высшихъ классовъ гимназій достигаютъ не многіе ученики, а огромное большинство ихъ бываетъ принуждено «убояться премудрости». Въ корреспонденціи изъ Твери, въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» мы недавно читали, что изъ 450 воспитанниковъ гимназіи, въ ней едва оканчиваютъ курсъ 20 человѣкъ, считая въ то число и пріѣзжающихъ изъ другихъ мѣстъ держать гимназическій экзаменъ; и изъ этихъ 20-ти едва ли половина поступаетъ въ университетъ и другія высшія учебныя заведенія. Итакъ, вотъ 450 человѣкъ подчинены такой программѣ, которая пригодится только для десятерыхъ. Спрашивается, что́ будутъ дѣлать остальные со своими обрывками латыни и греческихъ спряженій?

Большинство родителей, быть можетъ, и не входитъ въ подобныя размышленія; не спрашиваетъ себя, на что̀ могутъ быть годны недоноски классическаго образованія, на что́ могутъ годиться тѣ познанія, которыя представляются по отношенію къ «общему источнику умственнаго развитія» однѣми спряженіями, а по отношенію къ естественнымъ наукамъ и новѣйшимъ языкамъ—только тѣми крохами ихъ, какія проскользнули подъ жерновами все - перемелливающаго эллинизма и латинизма. Но они очень хорошо поняли, что такъ какъ огромное большинство учениковъ гимназическаго курса окончить не могутъ, то привилегія доступа въ университетъ, доставляемая классическими гимназіями, обращается въ иллюзію. Въ самомъ учебномъ вѣдомствѣ нашлись почтенные люди, которые обратили вниманіе на положительную безуспѣшность хода обученія въ гимназіяхъ своихъ округовъ и рѣшились прямо эту безуспѣшность отнести къ винѣ преобладанія классическихъ языковъ въ обученіи.

Въ системѣ обученія одна ступень прямо зависитъ отъ другой; система общественныхъ школъ состоитъ изъ ступеней, среди которыхъ каждая прямо обусловливаетъ другую: положеніе школъ первоначальныхъ обусловливаетъ гимназію, состояніе гимназій обусловливаетъ составъ университета. Поднять вдругъ одну изъ этихъ ступеней, независимо отъ прочихъ, посредствомъ увеличенія числа уроковъ или строгости на экзаменахъ нельзя. Въ огромномъ большинствѣ нашего общества малая образованность женщинъ устраняетъ возможность удовлетворительнаго начальнаго образованія въ семьѣ; начальное образованіе въ школахъ находится у насъ въ положеніи далеко неудовлетворительномъ въ смыслѣ подготовки къ дальнѣйшему развитію, и если можно указать на удовлетворительныя начальныя школы, то только

на нѣкоторыя народныя школы, предназначенныя не для подготовки къ научному образованію, а къ обученію грамотности и счету. Изъ всего этого истекаетъ необходимость очень обширнаго курса для гимназій, низшіе классы которыхъ служатъ начальною школой. Изъ этихъ основныхъ условій для нашего гимназическаго уровня вытекаетъ положительная невозможность вносить въ гимназію элементъ *спеціальнаго* обученія какого бы то ни было. Можно устраивать спеціальныя подготовительныя школы для филологическихъ факультетовъ, если особенно требуется поднять у насъ филологію; можно устраивать особыя техническія школы для приготовленія въ высшія технической учебныя заведенія, потому что технику нашу поднять ужъ навѣрное нужно болѣе, чѣмъ филологію. Но *гимназіи* не должны, по основнымъ мѣстнымъ условіямъ, быть училищами спеціальными, а должны быть именно училищами общеобразовательными.

Но не такъ разсуждаютъ наши рьяные защитники классицизма. Они видятъ, что безъ уступокъ обойтись невозможно; что нынѣшніе гимназическіе порядки стали въ высшей степени непопулярны въ обществѣ, что общество ставитъ въ дѣлѣ педагогическомъ въ образецъ министерству народнаго просвѣщенія вѣдомство—*военное*; наконецъ, что въ самыхъ гимназіяхъ дѣло долго по нынѣшнему идти не можетъ. А между тѣмъ сознаться въ ошибкѣ, сознаться, что спасеніе Россіи не въ гимназическомъ классицизмѣ—имъ слишкомъ больно. Это значило бы отказаться отъ непогрѣшимости, поколебать довѣріе къ своей мудрости, доказать, что дальнѣйшее развитіе великаго дѣла средняго образованія должно быть поставлено не подъ ихъ эгиду, а подъ болѣе надежный кровъ. И вотъ, чтобы согласить требованія уступокъ съ одной стороны, а съ другой прикрыть банкротство своей непогрѣшимости, они пускаютъ въ ходъ обычное свое, въ такихъ случаяхъ, лавированье и провозглашаютъ свой излюбленный девизъ: distinguo. Подчиненіе гимназій классицизму и привилегія, данная классицизму, по ихъ словамъ, не были ошибкой; гимназіи и въ самомъ дѣлѣ должны быть спеціальными парниками лингвистовъ 8 — 16-лѣтняго возраста. Но если мы убили равновѣсіе общаго образованія въ этихъ гимназіяхъ въ пользу спеціальности мертвыхъ языковъ, то ничто не препятствуетъ намъ создать новыя гимназіи и въ нихъ убить равновѣсіе общаго образованія на пользу собственно техники. Такимъ образомъ, реалистамъ не на что будетъ жаловаться: одна половина 8—16-лѣтнихъ дѣтей будетъ воспитываться спеціально въ виду университетской филологіи, которой и достигнетъ сотая часть этой половины, а 99 сотыхъ пусть пребываютъ на той «высотѣ общеевропейской мысли», какая могла быть доставлена имъ спряженіями. Другой же половиной дѣтей того же возраста мы, нѣчего дѣлать, пожертвуемъ, это будетъ la part du feu, которая обезпечитъ наши классическія хра-

мины. Эта другая половина дѣтей 8 — 16-лѣтняго возраста будетъ воспитываться для *промысловъ* инженернаго, механическаго, и т. д. Такимъ образомъ, всѣ будутъ довольны, и главное, мы останемся непогрѣшимы, ибо мы никогда и не отвергали, что промыслы, подобные инженерному и проч., все-таки нужны, и теперь только даемъ болѣе широкое примѣненіе первоначальной нашей мысли, никакъ отъ нея не отступаясь.

Итакъ, въ результатѣ окажется то, что у насъ все среднее образованіе будетъ имѣть характеръ спеціальный и родители должны будутъ рѣшить за осьмилѣтняго ребенка, чѣмъ онъ долженъ быть въ жизни — Цицерономъ или Стифенсономъ. Положимъ, что ученикъ школы технической, когда бы онъ изъ нея ни вышелъ, все-таки вынесетъ изъ нея что-либо годное для жизни. Если изъ всей химіи онъ успѣетъ пройти только свойства кислорода—и это годится, потому, что объяснитъ ему, что́ значитъ горѣніе. Это все-таки не то, что вынесть изъ всей латыни только mensa, mensae или другое подобное пріобрѣтеніе. Но все-таки истинная цѣль общаго образованія достигнута не будетъ и реальными гимназіями, если они будутъ устроены исключительно въ виду приготовленія учениковъ въ высшія техническія училища.

Пусть классицизмъ и впредь рѣшительно преобладаетъ въ нашихъ гимназіяхъ, но пусть рядомъ съ этими вертоградами классическаго просвѣщенія будутъ устроены, для удовлетворенія «житейскихъ потребностей» толпы, среднія училища съ спеціально-техническимъ назначеніемъ. На такую уступку готовы согласиться наши дилеттанты классицизма, въ виду того «полуоборота фронта», который, повидимому, само министерство народнаго просвѣщенія нашлось вынужденнымъ совершить въ этомъ дѣлѣ. Но при подобныхъ, непроизвольныхъ, неохотныхъ и внезапныхъ поворотахъ фронта нерѣдко происходитъ нѣкоторое замѣшательство въ рядахъ. Рядовые, привыкшіе къ дисциплинѣ, и пріобрѣвшіе ту опытность, какая дается неоднократными упражненіями въ подобныхъ эволюціяхъ, по командѣ разныхъ начальниковъ въ продолженіе долговременной карьеры, исполняютъ «полуоборотъ» въ точности, и становятся въ уступкахъ своихъ принципу реальнаго образованія на ту самую точку, которая имъ указана, не отставая и не забѣгая впередъ. Менѣе податливы въ своихъ движеніяхъ тѣ волонтеры, которые сами считали себя болѣе всѣхъ способными именно къ командованію, и не неся никакой отвѣтственности, упражнялись болѣе всего именно въ дѣлѣ командованія. Естественно, что при внезапномъ «полуоборотѣ» такіе волонтеры исполнятъ движеніе съ меньшею точностью, и будутъ оглядываться въ прежнюю сторону. Почтенные педагогическіе чиновники гораздо долговѣчнѣе самихъ системъ народнаго образованія у насъ. Они, конечно, станутъ на ту самую точку убѣжденія, до которой министерство народнаго просвѣщенія, повидимому, вы-

нуждено было дойти. На основаніи «достовѣрныхъ свѣдѣній», министерство, «въ виду современныхъ потребностей общества, выразившихся съ достаточной полнотой въ многочисленныхъ проявленіяхъ общественнаго мнѣнія», соглашается устроить «цѣлую систему реальнаго образованія». Цѣлая система эта, которой устройство не входило въ первоначальныя предначертанія министерства, но вынуждено достаточною полнотою заявленій общественнаго мнѣнія, будетъ заключаться въ образованіи двадцати трехъ реальныхъ гимназій, которыхъ назначеніемъ будетъ приготовлять учениковъ въ высшія техническія училища. Для выработки этой системы учреждается особая коммиссія, изъ лицъ извѣстныхъ опытностью въ обработкѣ разныхъ системъ образованія; она составитъ программы для реальныхъ гимназій и опредѣлитъ пункты, гдѣ таковые болѣе необходимы. Дѣло говоритъ за себя: министерство всѣ свои заботы посвящало доселѣ процвѣтанію классицизма и пользовалось каждымъ случаемъ для открытаго заявленія въ пользу рѣшительнаго его преобладанія въ нашемъ среднемъ обученіи. И однакожъ, побуждаемое обстоятельствами, оно вдругъ пришло къ такому предпріятію въ противоположномъ смыслѣ, какъ одновременное учрежденіе цѣлыхъ двадцати трехъ реальныхъ гимназій. Противорѣчія себѣ, сознанія, что одинъ классицизмъ не въ состояніи удовлетворить страну, что, напротивъ, онъ съ каждымъ годомъ становится въ странѣ болѣе и болѣе непопулярнымъ, тутъ, конечно, нѣтъ. Министерство и въ настоящее время, по увѣренію приверженцевъ классицизма, намѣрено поддерживать систему классическаго образованія; а новая устраиваемая имъ система реальнаго образованія только «пойдетъ рядомъ съ классическою и нисколько не будетъ мѣшать» ей; напротивъ, самое устройство этой реальной системы, какъ увѣряютъ насъ, предпринято для того, чтобы «дать болѣе правильное и законченное развитіе» системѣ классическаго образованія. Расширеніе прежней программы — больше ничего. Однако, какъ это не похоже на тѣ полемическія выходки классиковъ, въ которыхъ самая мысль о реальномъ образованіи постоянно смѣшивалась съ противогосударственною интригою и измѣною священнѣйшимъ интересамъ русскаго народа! Можно пожалѣть, что министерство, если оно нынѣ только расширяетъ собственную свою программу, нисколько не отступаясь отъ нея, въ то время, когда были въ ходу такіе полемическіе пріемы, не шепнуло нашимъ ярымъ классикамъ, чтобы объ измѣнѣ, въ связи съ реальнымъ образованіемъ, они не упоминали, такъ какъ въ собственныя предположенія министерства входило учредить десятка два реальныхъ гимназій.

Но, въ дѣйствительности, едва ли министерство народнаго просвѣщенія имѣло съ самаго начала въ виду учредить двадцать реальныхъ гимназій для приданія большей правильности и законченности образованію классическому. Если же оно и имѣло это въ виду, и нынѣ только

примѣняетъ первоначальную свою мысль, то надо признать, что она содержалась доселѣ въ совершенномъ секретѣ. Рѣшительно ничто въ дѣятельности министерства не обнаруживало такой затаенной мысли. Напротивъ, и дѣйствія, и заявленія его показывали, что всѣ помышленія его были посвящены именно классицизму. Это доказывается и вызовомъ плебисцита въ пользу классицизма, и учрежденіемъ особаго филологическаго института, и всею практикою и теоріею, преобладавшими въ послѣдніе года, какъ въ преподаваніи, такъ въ казенной педагогической литературѣ. Вотъ почему для непосвященныхъ, которымъ легко и ошибиться—положительно представляется, какъ будто министерство просто принуждено было на дѣлѣ убѣдиться въ односторонности своего взгляда и отступиться отъ него на половину, поставивъ «рядомъ» съ системою гимназій классическихъ и значительное количество гимназій реальныхъ. Такъ какъ нынѣ министерство уже не спрашивало совѣщательнаго голоса родителей, а прямо учреждаетъ исполнительную коммиссію, то ясно, что прежнему плебисциту оно само теперь уже не придаетъ значенія, а имѣетъ въ виду именно болѣе состоятельный и «достаточно полный» приговоръ общественнаго мнѣнія, которому и дѣлаетъ уступку, за что и нельзя не благодарить его со всею искренностью.

Реальная система средняго образованія, конечно, можетъ существовать рядомъ съ классическою, какъ фактъ, подобно тому, какъ католицизмъ можетъ существовать рядомъ съ протестантизмомъ. Но именно только, какъ фактъ; въ смыслѣ принципа, системы эти у насъ непримиримы, и допущеніе ихъ обѣихъ неизбѣжно поведетъ къ отреченію отъ покровительства одному. Такъ, въ Соединенномъ Королевствѣ дарованіе государствомъ субсидіи одной католической семинаріи было предвѣщаніемъ отмѣны господства англиканской церкви въ Ирландіи. Устройство двадцати-трехъ удовлетворительныхъ реальныхъ училищъ, какъ оно нынѣ предположено, рано или поздно убьетъ систему господства классицизма въ остальныхъ гимназіяхъ, какъ все живое, согласное съ дѣйствительными потребностями общества, уничтожаетъ все искусственное, произвольное. Если же ученикамъ этихъ реальныхъ гимназій не будетъ дано доступа въ университеты, то сами университеты отъ этого только проиграютъ и до нѣкоторой степени, по мѣстнымъ нашимъ условіямъ, опустѣютъ. Судите сами! если теперь уже бываютъ примѣры, что мыслящіе родители посылаютъ сыновей въ гимназіи *военныя*, потому только, чтобы избавить ихъ отъ безплодной классической му́ки, что́же будетъ при существованіи цѣлой системы реальныхъ гимназій, открывающихъ путь къ высшимъ спеціальнымъ курсамъ, которые прямо даютъ человѣку вѣрное обезпеченіе въ жизни цѣннымъ трудомъ? Надо надѣяться, что министерство будетъ со временемъ вынуждено само привлекать учениковъ реальныхъ гимназій въ

университеты, ибо иначе, при безуспѣшности классическихъ гимназій къ приготовленію въ университеты, кто же будетъ поступать въ эти послѣднія учрежденія?

Министерство сдѣлало отступленіе отъ своей первоначальной системы дѣйствій, и ему дѣлаетъ честь, что, сознавъ ошибочность, односторонность ея, оно сдѣлало первый шагъ, если не къ ея исправленію, то хоть къ предоставленію общественнымъ потребностямъ иного исхода.

Но невозможно было ожидать, чтобы волонтеры классической системы, служившіе ей самыми ярыми застрѣльщиками, рѣшились исполнить полуоборотъ, не оглянувшись назадъ, не дѣлая усилій къ уменьшенію смысла этого полуоборота. Предполагаемая нынѣ мѣра, повторяемъ, еще далеко не даетъ того, что́ всего нужнѣе обществу: она не есть преобразованіе большинства классическихъ гимназій въ гимназіи реальныя, созданіе системы общаго образованія на здравыхъ началахъ, соотвѣтствующихъ потребностямъ общества, а только открытіе нѣкотораго исхода этимъ потребностямъ. Но волонтеры видятъ опасность и этого шага; они понимаютъ, что конкурренція хорошо устроенныхъ училищъ съ полнымъ курсомъ средняго образованія, въ которыхъ классическая безплодность была бы замѣнена живыми знаніями по естествовѣдѣнію и точнымъ наукамъ, будетъ гибельна для всей системы классическаго образованія. И вотъ, поэтому, они начинаютъ хлопотать объ устраненіи возможности такой конкурренціи. Органъ московскаго классическаго пансіона — «Московскія Вѣдомости» слишкомъ близко стоятъ къ нашему народному просвѣщенію, чтобы стать прямо въ разрѣзъ съ мѣрами въ пользу реальнаго образованія; они принуждены притвориться, будто участвуютъ въ происходящемъ полуоборотѣ. Чтобы прикрыть истинныя свои намѣренія, эта газета соглашается даже признать, что промышленный прогрессъ страны «побуждаетъ желать», чтобы на реальныя училища обращено было вниманіе законодательства. Но все это говорится только для того, чтобы тутъ же предложить, въ видахъ будто бы пользы самого реальнаго образованія, мѣры, способныя затормозить его и устранить всякую возможность конкурренціи съ этой стороны классическимъ гимназіямъ. «Моск. Вѣдомости» старательно избѣгаютъ даже самого напменованія реальныхъ *гимназій*, о которыхъ только и помпнаютъ разъ, и то, чтобы сказать, что реальныя гимназіи *устава* 1864 года не удались. Чья въ этомъ вина, *устава* ли 1864 года или, быть можетъ, самихъ реальныхъ наукъ? «Моск. Вѣдомости» заботятся теперь объ учрежденіи «среднихъ спеціальныхъ училищъ». Вмѣсто реальныхъ гимназій съ полнымъ курсомъ общаго образованія, они предлагаютъ учредить такія среднія спеціальныя училища, которыя примыкали бы къ проектируемымъ начальнымъ городскимъ училищамъ. Курсъ въ этихъ среднихъ спеціальныхъ училищахъ,

по московскому совѣту, долженъ «обнимать собой не болѣе трехъ, и въ крайнемъ случаѣ четырехъ лѣтъ и *стало быть* весь, отъ начала до конца, долженъ быть спеціальнымъ курсомъ», коммерческимъ или техническимъ, съ приспособленіемъ къ механическому производству или къ технической химіи, или къ сельскому хозяйству. Гг. Катковъ и Леонтьевъ очень хорошо понимаютъ, что если были бы учреждены хорошія гимназіи съ полнымъ курсомъ, на реальномъ основаніи, то-есть съ замѣною классицизма естественными науками, и если бы эти гимназіи были уравнены въ правахъ съ классическими, относительно хотя бы нѣкоторыхъ факультетовъ университета, то гимназіи классическія опустѣли бы. Въ Пруссіи, гдѣ существуютъ хорошія реальныя гимназіи, подъ названіемъ реальныхъ училищъ перваго разряда, находятъ необходимымъ искусственно покровительствовать классическимъ гимназіямъ, лишая ученниковъ реальныхъ училищъ права поступленія въ университетъ и на государственную службу. Если безъ такого протекціонизма соперничество реальныхъ училищъ было бы опасно классическимъ гимназіямъ въ самой Пруссіи, гдѣ въ нихъ нуждается масса учениковъ, готовящихся къ духовной профессіи, то что́ же было бы у насъ, гдѣ для приготовленія въ духовное званіе существуютъ семинаріи и гдѣ классицизмъ въ гимназіяхъ уже рѣшительно не соотвѣтствуетъ никакой потребности общества?

Вотъ, для устраненія этой-то опасности друзья классицизма, подъ маскою промышленнаго прогресса, и стараются забѣжать впередъ и по возможности лишить реальныя училища общеобразовательнаго значенія, искажая ихъ насильно въ училища ремесленныя. Ловкіе въ интригѣ, они стараются разобщить реальныя гимназіи даже съ высшими техническими училищами, подъ тѣмъ предлогомъ, что не всѣ-де ученики среднихъ реальныхъ училищъ пойдутъ въ высшія реальныя училища, а стало быть лучше всего, «примкнувъ» среднія реальныя училища къ городскимъ, т.-е. къ нынѣшнимъ уѣзднымъ, закрыть имъ выходъ наверхъ, доступъ къ высшему развитію.

Но бѣлая нитка интриги слишкомъ бросается въ глаза въ прорѣхахъ московской логики. Спрашивается, откуда же будутъ поступать достаточно приготовленные ученики хотя бы въ тѣ же высшія спеціальныя училища? Опытные фехтовальщики «Московскихъ Вѣдомостей» стараются впередъ отпарировать это возраженіе. Но маневръ ихъ слишкомъ слабъ и всякій новичекъ посмѣется надъ тѣмъ «дополнительнымъ классомъ», посредствомъ котораго они считаютъ возможнымъ соединить ремесленныя училища съ высшими спеціальными заведеніями. Какъ будто ученикъ уѣзднаго училища, посвятивъ три года на полный практическій курсъ какой-нибудь изъ отраслей техники, можетъ *въ одномъ* классѣ получить все то общее образованіе и всю

ту научную подготовку, какія ему нужны для поступленія въ институты путей сообщенія или горный.

Да напрасно наши классики и стараются замаскировать свое очевидное зложелательство дѣлу реальнаго образованія въ Россіи. Вѣдь тутъ же, рядомъ съ такимъ хитроумнымъ маскарадомъ реализма, у нихъ проскакиваетъ наивное признаніе, что классическія гимназіи «могутъ приготовлять и къ высшимъ техническимъ училищамъ нисколько не хуже, чѣмъ среднія спеціальныя учебныя заведенія (т.-е. ваши ремесленныя школы?), *но даже лучше ихъ (!)*. Это фактъ, засвидѣтельствованный самыми уважительными авторитетами». Мы не знаемъ этихъ авторитетовъ, и не беремся рѣшить, въ какой мѣрѣ они уважительны. Но мы готовы признать уважительнымъ авторитетъ самихъ гг. Каткова и Леонтьева, когда они говорятъ намъ, что «наши гимназіи (классическія) еще въ плохомъ состояніи». Какимъ же образомъ плохія классическія гимназіи, въ которыхъ, какъ извѣстно, плоше всего преподается именно математика, могутъ приготовлять способныхъ учениковъ для инженернаго курса лучше, чѣмъ удовлетворительныя реальныя гимназіи, въ которыхъ на математику было бы обращено наиболѣе вниманія? Это очевидная безсмыслица. Для того, чтобы эту безсмыслицу можно было поставить въ видѣ твердаго положенія, надо быть издателями «Моск. Вѣдом.», вѣрующими безусловно въ безусловное довѣріе къ нимъ цѣлаго цикла отказавшихся отъ собственной познавательной силы читателей. Но полемика, возраженія со стороны ненавистныхъ зоиловъ (участниковъ въ польской интригѣ и друзей жандармовъ-вѣшателей) и тутъ предвидѣны и отпарированы заранѣе. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь тутъ говорится о способности классическихъ гимназій къ приготовленію въ техническія училища, а къ техническимъ училищамъ принадлежатъ и высшія военныя училища. Такимъ образомъ изъ факта, что классическій гимназистъ въ высшемъ военномъ училищѣ можетъ идти въ уровень съ кадетомъ, и быть юнкеромъ не хуже его, выводится заключеніе, что вообще для высшихъ техническихъ училищъ реальныя училища не представляютъ потребности, и что ученымъ химикомъ или технологомъ, напримѣръ, также легко сдѣлаться гимназисту, переводившему Саллюстія, какъ и ученику, который познакомился съ химіею уже въ реальной гимназіи.

«Моск. Вѣдомости» ссылаются на свидѣтельство берлинскаго университета, что даже большіе торговые дома и промышленныя заведенія въ Пруссіи нынѣ охотнѣе принимаютъ на службу учениковъ гимназій, чѣмъ учениковъ реальныхъ училищъ. Что большіе торговые дома и предпріятія охотнѣе принимаютъ чиновниковъ богатенькихъ, чѣмъ нуждающихся, это очень можетъ быть; но если не берлинскій университетъ, то здравый смыслъ заставляетъ думать, что тѣ должностныя лица, въ которыхъ такіе дома и заведенія сами наиболѣе нуж-

даются, обучались предметамъ болѣе реальнымъ, чѣмъ эллинская литература. Въ Пруссіи реальныя училища перваго разряда поставлены на уровнѣ гимназій, но, какъ уже сказано, ученики ихъ лишены доступа въ университеты и въ государственную службу. Въ послѣдніе годы происходитъ въ городскомъ сословіи значительная агитація для отмѣны этой явной несправедливости, представляющей «охранительный принципъ» классицизма. Нѣсколько разъ разные города подавали прошенія въ этомъ смыслѣ прусскому министру народнаго просвѣщенія, а потомъ и прусской палатѣ депутатовъ. Прошенія эти пока остались безъ вліянія на законодательство, такъ какъ министръ— приверженецъ охранительнаго принципа классицизма, а депутаты — воспитанники гимназій и въ прусскомъ парламентѣ нѣтъ еще представителей реальныхъ училищъ, которыхъ нынѣшнее развитіе началось всего лѣтъ 11 назадъ. Въ прошломъ году нѣсколько городовъ возобновили свои ходатайства по этому предмету передъ парламентомъ. Текстъ нѣкоторыхъ изъ этихъ прошеній помѣщенъ въ «Кёльнской газетѣ». Въ нихъ доказывается, что реальныя училища подготовляютъ для нѣкоторыхъ факультетовъ никакъ не хуже, чѣмъ гимназіи. Медику, напримѣръ, гораздо выгоднѣе, если онъ съ дѣтства изучалъ естественныя науки, чѣмъ одни древніе языки, такъ какъ преподаваніе медицинскихъ наукъ и по началу, и по методу основывается на естествовѣдѣніи. Смѣшно воспитывать медика на классицизмѣ подъ тѣмъ только предлогомъ, что онъ рецепты долженъ писать по-латынѣ и что медицинскіе термины происходятъ изъ греческаго языка, между тѣмъ, какъ медицинская латынь и вся номенклатура не имѣетъ ничего общаго съ Иліадою и Одиссеею и гораздо ближе къ терминологіи естествовѣдѣнія, которая преподается и въ реальныхъ училищахъ. Тоже самое примѣняется и къ математику, а отчасти и къ юристу, и къ чиновнику. Юристу надо быть знакомымъ съ латинскими юридическими сочиненіями, но въ прусскихъ реальныхъ училищахъ собственно латинскій языкъ преподается, только не въ такихъ размѣрахъ, конечно, какъ въ гимназіяхъ; за то въ первыхъ преподается языкъ англійскій, котораго въ гимназіяхъ вовсе нѣтъ, и языкъ французскій въ реальныхъ училищахъ преподается основательнѣе: не говоря уже о естественныхъ наукахъ и математикѣ. Развѣ и для юриста и для чиновника это не представляетъ достаточной замѣны греческаго языка? Впрочемъ, нѣкоторыя прошенія испрашиваютъ только дозволенія ученикамъ реальныхъ гимназій держать экзаменъ изъ греческаго языка впослѣдствіи, по поступленіи въ университетъ.

По объяснительнымъ положеніямъ къ уставу 1859 года, прусскія реальныя училища не должны быть спеціальными училищами (Fachschulen), а именно также, какъ гимназіи, общеобразовательными заведеніями (sondern haben es, wie das Gymnasium, mit allgemeinen Bildungs-

mitteln und grundlegenden Kentnissen zu thun). Вотъ этого-то благотворнаго направленія, которое прямо сдѣлано обязательнымъ для реальныхъ училищъ въ Пруссіи и поставило ихъ на высокую степень—и не хотятъ допустить наши классики-волонтеры, которые уже и поспѣшили забѣжать впередъ подъ маскою друзей «промышленнаго прогресса» и постарались исказить самую потребность и самый смыслъ столь необходимыхъ Россіи реальныхъ гимназій.

Но прежде, чѣмъ закончить нашу бесѣду о среднемъ образованіи, мы не можемъ не коснуться воспитательной стороны въ нашихъ гимназіяхъ вообще. Гуманность въ обращеніи съ учениками въ нашихъ гимназіяхъ далеко еще не дошла до желательной степени. Правда, время жестокихъ наказаній и даже примѣровъ «сдачи въ солдаты» въ гимназіяхъ миновало, но отселѣ до истинной человѣчности есть еще значительное разстояніе, и это-то разстояніе, къ сожалѣнію, еще не пройдено. Между преподавателями гимназій встрѣчается еще слишкомъ много людей, принадлежащихъ къ слѣдующимъ двумъ категоріямъ, къ первой принадлежатъ тѣ господа, особенно постарше, которые въ ребенкѣ и въ юношѣ не уважаютъ человѣка; человѣкъ для нихъ начинается съ диплома, или патента, или съ положенія независимости, дающаго права на возмездіе. Оскорбительный тонъ и всевозможные эпитеты по отношенію къ ученикамъ — вотъ любимые педагогическіе пріемы этихъ господъ. Къ другой категоріи принадлежатъ наставники болѣе ехидные, преимущественно изъ молодыхъ, у которыхъ главное удовольствіе—«срѣзать», «оборвать» ученика на каждомъ шагу. Многіе педагоги позволяютъ себѣ безсовѣстно *мстить* мальчикамъ на экзаменахъ, а почти всѣ—считаютъ отвѣтъ, послѣдовавшій на экзаменѣ, исключительнымъ мѣриломъ способностей и прилежанія ученика, какъ будто забывъ собственный свой опытъ, забывъ, какъ неудовлетворительны экзамены для такой оцѣнки, какъ случайны бываютъ результаты на экзаменахъ. Есть конечно много весьма почтенныхъ, гуманныхъ наставниковъ. Но все-таки слишкомъ еще много такихъ, которые, какъ наши мастеровые, вымещаютъ на ученикахъ горечь собственнаго своего опыта въ ученьѣ.

Все это, вмѣстѣ съ тѣмъ страшнымъ обремененіемъ учениковъ, которое истекаетъ изъ преувеличенія классицизма, изъ поглощенія всѣхъ умственныхъ ихъ способностей мнемоникою, такъ что на разумное усвоеніе научныхъ предметовъ уже не остается времени, и какъ сказано выше, приходится по неволѣ пускаться на экзаменъ наавось, не можетъ произвесть хорошихъ результатовъ въ общемъ, и въ частности можетъ производить даже гибельныя послѣдствія.

Смерть несчастнаго Николенки напоминаетъ, что въ нашихъ гимназіяхъ еще до сихъ поръ не искоренилось то царство произвола, «мрака и скрежета зубовъ», которое мы уже-было привыкли считать

достояніемъ прежней бурсы, описанной Помяловскимъ. Физическихъ истязаній, правда, нѣтъ. Но статистика самоубійства во всѣхъ странахъ свидѣтельствуетъ, что не физическія страданія наиболѣе приводятъ людей къ отчаянію. Если есть что-либо ужаснѣе самаго факта самоубійства несчастнаго юноши, такъ это—напечатанный въ «Петерб. Вѣдомостяхъ» разсказъ его матери о томъ террорѣ, въ какомъ приближавшійся экзаменъ, по извѣстнымъ отношеніямъ къ одному наставнику, держалъ все семейство Николенки. Дай Богъ, чтобы хотя смерть его не пропала даромъ, но произвела спасительное впечатлѣніе на кого слѣдуетъ. А приговоръ общества единодушенъ, и возмездіемъ за это дѣло будутъ не только чьи-либо угрызенія совѣсти, но и этотъ именно приговоръ, котораго формулировать здѣсь нѣтъ нужды, такъ какъ желающіе могутъ услышать его отъ перваго встрѣчнаго.

ЗЕМСКІЕ ИТОГИ.

XI *).

Мы прослѣдили въ предыдущихъ статьяхъ результаты шестилѣтняго существованія земскихъ учрежденій по разнымъ отраслямъ ихъ дѣятельности, и читатели видѣли, что результаты эти далеко нельзя назвать блестящими. Великія надежды, возлагавшіяся на земскія учрежденія, не оправдались. Ослабленія централизаціи не произошло, самоуправленіе не утвердилось, государственные налоги не уменьшились, система ихъ распредѣленія не улучшена, народное продовольствіе не обезпечено, просвѣщеніе не насаждено и т. д., и т. д. Вообще говоря, польза, принесенная земскими учрежденіями, если она и есть, то вовсе не особенно громадная. Земскія учрежденія не только не произвели ничего чрезвычайнаго, что бы выдѣлило ихъ изъ общаго строя всевозможныхъ «учрежденій», но и въ той тѣсной рамкѣ, которую имъ отвели въ послѣднее время, выказали весьма мало энергіи. Ихъ смѣты состоятъ, по большей части, изъ обязательныхъ расходовъ, въ опредѣленіи которыхъ земскія учрежденія не принимаютъ никакого участія; на производительные же расходы ассигнуется сравнительно очень мало, иногда меньше, чѣмъ на содержаніе земскихъ управъ. Раскладки составляются безъ точнаго изслѣдованія податныхъ источниковъ и главною податною единицею, по прежнему, является крестьянскій трудъ. Даже натуральныя повинности въ половинѣ мѣстностей оставлены

*) См. выше: март. 403; апр. 829; іюль, 326 стр.

прежнія, т.-е. лежатъ на томъ же крестьянскомъ трудѣ, которому все это уже становится не по силамъ. Народное образованіе и народное здравіе трактуются какъ роскошь, на которую иныя уѣздныя собранія или не ассигнуютъ ничего, или ассигнуютъ гроши, съ которыми нечего дѣлать. Въ тѣхъ же мѣстностяхъ, гдѣ ассигнованы порядочныя суммы, не достаетъ или умѣнья, или желанія употребить ихъ на дѣло. Такъ до сихъ поръ идутъ еще споры о томъ, нужно ли заводить больницы и аптеки или, сообразно народнымъ потребностямъ, достаточно нанять двухъ фельдшеровъ; нужно ли устраивать школы, или достаточно обратить, для бо́льшаго распространенія нравственности, ассигнованныя на народное образованіе деньги въ пособіе духовенству.... О народномъ продовольствіи нечего и говорить. Земскія учрежденія играютъ здѣсь роль людей, хозяйничающихъ на чужія деньги: весь продовольственный капиталъ—крестьянскій, всѣ запасы—крестьянскіе; изъ земскихъ суммъ не идетъ сюда ни копѣйки. Земскія учрежденія здѣсь только распоряжаются; но мы уже видѣли, какова бываетъ иногда эта распорядительность.

Читатели видѣли, что всѣ наши выводы мы основывали на фактахъ, и не наша вина, если эти факты и эти явленія оказываются не такими радужными, какъ бы этого желали, быть можетъ, сторонники земскихъ учрежденій. Въ защиту себя мы можемъ сказать, что мы не выдумывали эти факты, а только констатировали ихъ. Намъ могутъ, конечно, замѣтить, что, не приводя общихъ числовыхъ данныхъ, мы не имѣемъ права обобщать частныя явленія и высказывать рѣшительное сужденіе о той или другой сторонѣ земской дѣятельности. Дѣйствительно, не имѣя возможности разсмотрѣть *всѣхъ* земскихъ смѣтъ и раскладокъ, мы должны были основаться только на тѣхъ данныхъ, которыя до сихъ поръ являлись въ печати и въ вѣрности которыхъ мы могли убѣдиться сами. Такимъ образомъ во всемъ, что касается общихъ числовыхъ выводовъ, читателю приходилось вѣрить намъ на слово. Но въ настоящее время этотъ существенный недостатокъ нашей работы устраняется. На-дняхъ коммиссія для пересмотра податей и сборовъ издала объемистый трудъ г. Руковскаго, въ которомъ онъ привелъ цифры всѣхъ смѣтъ и раскладокъ въ тѣхъ 30 губерніяхъ, въ которыхъ введены земскія учрежденія. Хотя эти цифры относятся, большею частью, къ 1868 г., но тѣмъ не менѣе, для общихъ выводовъ онѣ имѣютъ несомнѣнное значеніе. Поэтому, въ дополненіе ко всему сказанному нами, мы познакомимъ читателя съ тѣми общими числовыми данными, которыя можно почерпнуть изъ собранныхъ г. Руковскимъ матеріаловъ, и читатели увидятъ, что эти данныя не только не опровергаютъ нашихъ выводовъ, но, напротивъ, совершенно подтверждаютъ ихъ.

По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ г. Руковскимъ, всѣхъ губернскихъ

земскихъ сборовъ, а равно сборовъ на содержаніе мировыхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденій, было назначено по послѣдней смѣтѣ, предшествовавшей открытію земскихъ учрежденій—5,186,302 р., между тѣмъ губернскіе и уѣздные земскіе сборы, по смѣтамъ на 1868-й годъ, составляли уже 14,569,567 р. Такимъ образомъ — говоритъ г. Руковскій—при дѣйствіи самостоятельныхъ учрежденій, завѣдывающихъ хозяйственною частью губерній и уѣздовъ, земскіе расходы увеличились на 9,383,265 р. или на 180%.

Увидѣвъ эту почтенную цифру, читатели, быть можетъ, отнесутся недовѣрчиво къ выводу, сдѣланному нами относительно распредѣленія земскихъ расходовъ. Мы говорили, что земскія учрежденія, въ большинствѣ случаевъ, служатъ только для собиранія суммъ, которыя расходуются не ими и что собственно производительные расходы составляютъ незначительную часть всѣхъ расходовъ. Между тѣмъ оказывается, что земскій сборъ увеличился со времени открытія земскихъ учрежденій чуть не втрое. Изъ этого дѣйствительно можно заключить, что земство внесло многое, чего не было при казенномъ управленіи и что это значительное увеличеніе относится къ расходамъ производительнымъ. Но это вовсе не такъ. Увеличеніе главнымъ образомъ относится къ тѣмъ же обязательнымъ расходамъ, къ которымъ присоединено содержаніе судебно-мировыхъ учрежденій, стоившихъ уже въ 1868 году около двухъ мильоновъ. Затѣмъ идетъ содержаніе управъ—расходъ, прежде не существовавшій, а теперь составляющій болѣе двухъ съ половиною мильоновъ; потомъ расходъ на подводную и дорожную повинности, который естественно увеличился тамъ, гдѣ эти повинности переложены на деньги и потому возвысится въ общей сложности съ двухъ мильоновъ до четырехъ. Такимъ образомъ изъ 14-мильоннаго бюджета, который можно принять круглымъ числомъ, отбросивъ расходъ на уплату долговъ, 2.500,000, т.-е. 17% идетъ на содержаніе управъ; немного менѣе двухъ мильоновъ т. е. около 14% на народное здравіе и народное образованіе и затѣмъ остальные 9½ мильоновъ или 69% на обязательные расходы, изъ которыхъ земскія учрежденія расходуютъ только 4 мильона, и то болѣе двухъ изъ нихъ идутъ на замѣну подводной повинности, существующей исключительно для административныхъ потребностей. Такимъ образомъ, среднимъ числомъ земскія управы расходуютъ, производительно или непроизводительно, только 6 мильоновъ и за это получаютъ на свое собственное содержаніе 2½ мильона, остальныя деньги они передаютъ по-принадлежности. Хозяйство, конечно, не вполнѣ раціональное; но этотъ средній разсчетъ еще можетъ показаться весьма удовлетворительнымъ, въ сравненіи съ тѣми частными явленіями, которыя представляютъ нѣкоторыя губерніи, гдѣ земскія учрежденія считаютъ производительные расходы излишними. Въ калужской губерніи, напримѣръ, изъ 380

тысячъ тратится на содержаніе управъ 65,000 р., т.-е. около 17%; на подводную и дорожную повинность около 80,000 т.-е. 21%, а на медицинскую часть и народное образованіе только 20,000 р. т.-е. около 5%. Орловская губернія на содержаніе управъ расходуетъ восемьдесятъ тысячъ, тогда какъ на всѣ производительные расходы не болѣе ста тысячъ. Въ курской на управы—120 тысячъ, на производительные расходы 138. Затѣмъ, въ Черниговской губерніи на содержаніе управъ ассигнуется около 92 тысячъ, на производительные расходы 106 тысячъ. Такимъ образомъ, здѣсь земскія управы расходуютъ сами почти такую же сумму, какую получаютъ и на свое содержаніе. Но самыя замѣчательныя данныя представляютъ губерніи Тульская и Смоленская. Въ первой изъ нихъ на управы расходуется 85 тысячъ, на дорожную и подводную повинности 36 тысячъ и на медицинскую часть и народное образованіе около 40 тысячъ. Въ Смоленской же губерніи изъ 233 тысячъ р. на содержаніе управъ идетъ 86, т.-е. 38%; а на всѣ производительные расходы 60 тысячъ, т.-е. 26%. Слѣдовательно, здѣсь земскія управы получаютъ уже больше, чѣмъ расходуютъ.

Только-что приведенные примѣры губерній, въ которыхъ такъ несоотвѣтственно великъ расходъ на содержаніе управъ въ сравненіи съ расходами производительными, — взяты нами изъ книги г. Руковскаго безъ предварительнаго выбора, а между тѣмъ, что́ же оказывается? Самыми щедрыми въ отношеніи жалованья «земскимъ людямъ» и въ то же время самыми бережливыми въ расходахъ производительныхъ, идущихъ на потребности крестьянскаго сословія, оказываются губерніи Калужская, Курская, Орловская, Тульская и Смоленская, т.-е. губерніи земледѣльческія, съ преобладающимъ вліяніемъ помѣщичьяго элемента, гдѣ преимущественно раздавались возгласы о безвозмездной службѣ. Нигдѣ, ни въ одномъ уѣздѣ не нашли мы практическаго осуществленія этихъ возгласовъ... напротивъ, тутъ-то и встрѣчаются самые крупные расходы на содержаніе управъ, расходы, доходящіе до 80 тысячъ на губернію.

Напротивъ, самыми щедрыми на производительные расходы являются губерніи, гдѣ въ земскихъ собраніяхъ преобладаетъ вездѣ или въ значительной части элементъ крестьянскій. Это губерніи Вятская, Казанская, Самарская, Саратовская, Екатеринославская, Таврическая, Херсонская. Въ этихъ губерніяхъ значительная часть натуральныхъ повинностей переложены въ денежныя и ассигнованы значительныя суммы на медицинскую часть и народное образованіе. Самый замѣчательный примѣръ представляетъ въ этомъ отношеніи Вятская губернія, гдѣ по смѣтѣ 1868 г. было ассигновано на подводную, дорожную и квартирную повинности 345 тысячъ рублей, а на медицинскую часть и народное образованіе почти по сту тысячъ. Затѣмъ въ губерніяхъ Ка-

занской, Самарской, Саратовской, Екатеринославской, Таврической и Херсонской ассигновано на всѣ производительные расходы, т. - е. на отбываніе подводной, дорожной и квартирной повинности, медицинскую часть и народное образованіе отъ 280 до 330 тысячъ въ каждой.

Обращаясь въ частности къ расходамъ на народное здравіе и народное образованіе, мы находимъ свѣдѣнія, что болѣе значительные расходы на медицинскую часть сдѣланы были въ 1868 году въ губерніяхъ: Вятской—около 100 тысячъ рублей, Харьковской — 86 тысячъ, Казанской, Самарской и Владимірской—по 60 тысячъ, Екатеринославской, Таврической и Полтавской [1]) по 50 тысячъ. Самые же меньшіе расходы по этому предмету, именно отъ 9 до 13 тысячъ, ассигновано было въ 1868 г. въ губерніяхъ: Олонецкой, Псковской, С. Петербургской [2]) и Калужской.

На народное образованіе въ 1868 году наиболѣе тратили губерніи: Вятская—96 тысячъ, Самарская—48 тысячъ, Харьковская—45 тысячъ, Московская—44 тысячи (изъ которыхъ 30 тысячъ назначено губернскимъ собраніемъ) и Рязанская—40 тысячъ. Теперь сюда же слѣдуетъ причислить Новгородскую губернію, гдѣ губернское собраніе ассигновало въ концѣ 1868 г. 45,000 р. на учительскую семинарію и учительскіе курсы. Затѣмъ самый меньшій расходъ на народное образованіе (отъ 6 до 10 тысячъ на губернію) показанъ въ 1868 г. въ губерніяхъ: Калужской, Орловской, Олонецкой и Симбирской. Въ С. Петербургской губерніи онъ, по смѣтѣ 1868 года, не показанъ вовсе, да и теперь впрочемъ не доходитъ въ общей сложности до 18 тысячъ рублей на губернію.

Собственно *изъ губернскихъ* земскихъ собраній самыя щедрыя по народному образованію оказались: московское и харьковское, ассигновавшія первое 30, а второе 20 тысячъ, а теперь и новгородское. Ничего не назначали на этотъ предметъ въ 1868 году губернскія собранія: воронежское, калужское, костромское, пензенское, полтавское и саратовское.

Сообщая эти данныя, мы должны оговориться, что они имѣютъ значеніе только для 1868 года; поэтому общіе выводы изъ нихъ нужно дѣлать крайне осмотрительно. Нѣтъ ни одной статьи расхода въ земскихъ смѣтахъ, которая бы такъ часто видоизмѣнялась, какъ расходъ на медицинскую часть и особенно на народное образованіе. Это расходъ не обязательный, зависящій отъ случайнаго преобладанія того или другого элемента въ земскомъ собраніи. Сегодня уѣздъ или даже

[1]) По Полтавской губерніи въ 1868 году исчислены только суммы, ассигнованныя по уѣздамъ. Въ настоящее время, послѣ значительной суммы, назначенной губернскимъ собраніемъ, общая цифра расходовъ на медицинскую часть въ Полтавской губерніи гораздо выше.

[2]) Теперь эти расходы доходятъ до 30 тысячъ.

губернія не ассигнуютъ почти ничего, а на слѣдующій годъ назначаютъ десятки тысячъ. Кромѣ того, расходы на народное образованіе такъ различны въ разныхъ уѣздахъ одной и той же губерніи, что общая цифра этихъ расходовъ по губерніи не всегда можетъ быть характеристична. Такъ, въ Екатеринославской губерніи уѣзды: александровскій и павлоградскій назначили на народное образованіе въ 1868 г. по 7 тысячъ, а уѣзды: екатеринославскій и славяносербскій—ничего. Поэтому общій выводъ относительно цѣлыхъ губерній можно сдѣлать только изъ сопоставленія всей цифры производительныхъ расходовъ, менѣе подвергающихся колебанію, что́ мы и сдѣлали выше. Впрочемъ, довольно вѣрное понятіе о степени сочувствія той или другой мѣстности къ нуждамъ низшихъ сословій можетъ дать и сравненіе уѣздныхъ смѣтъ. Изъ этихъ смѣтъ мы видимъ, что въ 1868 г. на народное образованіе были ассигнованы суммы свыше 5,000 только въ 24-хъ уѣздахъ [1]), въ томъ числѣ въ 9-ти уѣздахъ Вятской губерніи, 4-хъ Таврической, 3-хъ Самарской и 3-хъ Екатеринославской. Самыя крупныя пожертвованія (отъ 10 до 15 тысячъ) сдѣланы нолинскимъ, сарапульскимъ и котельничскимъ уѣздами Вятской губерніи, Новоузенскимъ Самарской губерніи и Николаевскимъ Таврической. Вовсе не назначали въ 1868 г. суммъ на народное образованіе или назначили не болѣе 100 р.—девяносто пять уѣздовъ [1]); въ томъ числѣ

---

[1]) Это именно *Вятской губерніи*: Котельничскій (15 тыс.), Сарапульскій (12 т.), Нолинскій (10 т.), Вятскій (9 т.), Уржумскій (8 т.), Глазовскій (8 т.), Орловскій (7 т.), Яранскій (7 т.) и Слободскій (6 т.); *Таврической губерніи:* Николаевскій (11 т.), Мелитопольскій (8 т.), Бердянскій и Днѣпровскій (по 7 т.); *Самарской губерніи:* Новоузенскій (13 т.), Бузулукскій (6 т.) и Бугульминскій (5 т.); *Екатеринославской губерніи:* Павлоградскій (7 т.), Александровскій (7 т.) и Бахмутскій (5 т.); *Владимірской губерніи* Валуйскій и Шуйскій (по 5 т.); Херсонскій (9 т.); Московскій (5 т.); и Нижеломовскій, *Пензенской губерніи* (5 т.).

[2]) Это именно: Мценскій, Карачевскій, Кромскій, Сѣвскій, Орловскій, Трубчевскій, Болховской, Малоархангельскій и Елецкій уѣзды *Орловской губ.;* Вяземскій *, Гжатскій *, Дорогобужскій, Сычевскій *, Рославльскій *, Юхновскій и Порѣчскій *Смоленской губ.;* Бронницкій, Верейскій *, Волоколамскій *, Коломенскій, Клинскій и Рузскій * *Московской губ.;* Каширскій, Ефремовскій, Одоевскій *, Веневскій и Алексинскій *Тульской губ.;* Мещовскій *, Тарусскій, Мосальскій *, Жиздринскій и Боровскій *Калужской губ.;* Мглинскій *, Новгородъ-Сѣверскій *, Стародубскій *, Черниговскій * и Суражскій * *Черниговской губ.;* Путивльскій, Суджанскій, Курскій * и Тимскій *Курской губ.;* Васильскій, Семеновскій *, Нижегородскій и Сергачьскій *Нижегородской губ.;* Рязанскій, Михайловскій, Раненбургскій и Спасскій *Рязанской губ.;* Юрьевскій, Гороховецкій, Покровскій (100 р.) и Суздальскій *Владимірской губ.;* Константиноградскій, Пирятинскій, Переяславскій и Хорольскій *Полтавской губ.;* Симбирскій, Сенгилеевскій, Ардатовскій и Алатырскій *Симбирской губ.;* Сердобскій, Хвалынскій, Вольскій и Аткарскій *Саратовской губ.;* Спасскій, Лебедянскій * и Липецкій *Тамбовской губ.;* Старобѣльскій, Зміевскій * и Изюмскій *Харьковской губ.;* Саранскій, Керенскій и Мокшанскій *Пензенской губ.;* Кашинскій *, Калязинскій и Зубцовскій *Тверской губ.;* Порховскій *, Торопецкій * и Холмскій * *Псковской губ.;*

девять уѣздовъ Орловской губ., семь—Смоленской, шесть—Московск й, по пяти уѣздовъ—Тульской, Калужской и Черниговской. Всѣ уѣзды приняли участіе въ дѣлѣ народнаго образованія только въ четырехъ губерніяхъ (изъ 30-ти, въ которыхъ введены были земскія учрежденія). Это именно въ губерніяхъ Вятской, Самарской, Таврической и Херсонской. Самое же бо́льшее число уѣздовъ, не ассигновавшихъ на этотъ предметъ ничего, — находится, какъ мы видѣли, въ губерніяхъ Тульской, Калужской, Черниговской, Московской, Смоленской и Орловской. Перечень этихъ губерній достаточно разъясняетъ, въ какихъ мѣстностяхъ земство пренебрегаетъ народнымъ образованіемъ и въ какихъ о немъ заботится. Опять-таки къ первой категоріи принадлежатъ тѣ губерніи, въ которыхъ преобладаетъ помѣщичье сословіе, а къ послѣднимъ тѣ, гдѣ этотъ цивилизующій элементъ слабѣе. Такимъ образомъ и здѣсь выводъ, сдѣланный нами въ предшествовавшихъ статьяхъ, совершенно оправдывается.

Нельзя не обратить вниманія на то соотвѣтствіе, какое существуетъ почти повсемѣстно между расходами на народное образованіе и народное здравіе. Вообще послѣдніе расходы значительно выше первыхъ; но уѣзды, въ которыхъ незначительны расходы на народныя школы, мало расходуютъ и на медицинскую часть. Вовсе не было назначено расходовъ на этотъ предметъ въ 1868 году въ 41 уѣздѣ [1]); изъ нихъ 27 принадлежатъ къ такимъ, которые ничего не дали и на народное образованіе. Само собою разумѣется, что тѣже губерніи: Смоленская, Московская, Черниговская, Тульская и Калужская заключаютъ и наибольшее число уѣздовъ, отказавшихся дать средства на улучшеніе медицинской части. Соотвѣтствіе въ этомъ случаѣ совершенно понятно. Какъ расходы на медицинскую часть, такъ и расходы на школы идутъ непосредственно на пользу крестьянскаго сословія, которое впрочемъ несетъ и большую часть земскихъ повинностей. Сами крестьяне, какъ ихъ ни укоряютъ въ невѣжествѣ, — очень хорошо понимаютъ пользу школъ и медицины и не отказываются ассигновать на эти предметы необходимыя суммы. Блистательное под-

---

Старорусскій, Новгородскій и Демянскій *Новгородской губ.*; Екатеринославскій *, Новомосковскій * (60 р.) и Славяносербскій *Екатеринославской губ.;* Юрьевецкій (100 р.) и Кологривскій *Костромской губ.;* Олонецкій и Вытегорскій *Олонецой губ.;* Царскосельскій и Шлиссельбургскій *С.-Петербургской губ.;* Бирючевскій *Воронежской губ.;* Чебоксарскій *Казанской губ.* и Ростовскій *Ярославской губ.* Въ уѣздахъ, отмѣченныхъ знакомъ * не назначено ничего и на медицинскую часть.

[1]) Кромѣ уѣздовъ, означенныхъ въ предыдущемъ примѣчаніи, сюда относятся Городищенскій, Новозыбковскій и Борзенскій уѣзды *Черниговской губ.;* Лодейнопольскій, Каргопольскій и Петрозаводскій *Олонецкой губ.;* Малоярославецкій *Калужской губ.;* Дмитровскій *Орловской губ.;* Подольскій *Московской губ.;* Скопинскій *Рязанской губ.;* Краснинскій *Смоленской губ.;* Епифанскій *Тульской губ.;* Саратовскій и Харьковскій.

твержденіе этому представляютъ смѣты всѣхъ уѣздовъ Вятской губерніи и Новоузенскаго уѣзда Самарской губерніи, гдѣ преобладаетъ элементъ крестьянскій и гдѣ расходы на школы и медицинскую часть превышаютъ среднимъ числомъ 15 тысячъ на уѣздъ. Напротивъ, во внутреннихъ губерніяхъ, гдѣ землевладѣльцы, живя въ своихъ имѣніяхъ, составляютъ преобладающее большинство, они находятъ болѣе удобнымъ назначать крупныя суммы на содержаніе управъ и судебно-мировыхъ установленій, члены которыхъ избираются изъ нихъ же. Такъ, въ Орловской губерніи, въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ на народное образованіе не ассигновано ничего, расходы на мировыхъ судей простираются отъ 10 до 13 тысячъ на уѣздъ. Тоже самое мы видимъ въ Мещовскомъ и Масальскомъ уѣздахъ Калужской губерніи, гдѣ не назначено расходовъ ни на медицинскую часть, ни на народное образованіе. Въ Жиздринскомъ уѣздѣ той же губерніи, при отсутствіи расходовъ на народное образованіе, расходъ на мировыхъ судей превышаетъ 15 тысячъ. Въ Рославльскомъ уѣздѣ Смоленской губерніи 15 же тысячъ назначено на содержаніе земскихъ управъ, а на медицинскую часть и народное образованіе—ничего. Эти данныя, конечно, рисуютъ положеніе вещей лучше нежели какія бы то ни было разсужденія.

Любопытны также данныя относительно земскихъ раскладокъ. Здѣсь мы видимъ, что всѣ до одного земскія собранія воспользовались всею тою суммою, которую дозволено брать съ гильдейскихъ свидѣтельствъ и патентовъ. Затѣмъ небольшая, сравнительно, часть сбора падаетъ на недвижимыя имущества, а всё остальное на земли. Такимъ образомъ, налогъ на землю колеблется отъ 27 до 90%. Впрочемъ 27% приходится на одну Олонецкую губернію (гдѣ въ 1868 г. еще не были введены судебно-мировыя учрежденія и потому общій сборъ былъ не великъ); затѣмъ въ Московской 40%, въ Херсонской 57, а въ остальныхъ отъ 60 до 90. Самый большій % приходится на губерніи Новгородскую и Вятскую. Разсматривая отношеніе между поземельнымъ сборомъ и сборомъ съ имуществъ, г. Рудовскій приходитъ къ тому выводу, что уѣздныя собранія въ мѣстностяхъ промышленныхъ, гдѣ земли малопроизводительны, въ видахъ облегченія земледѣлія, стремились ограничить размѣры поземельнаго налога; стремленіе это выразилось въ томъ, что въ означенныхъ мѣстностяхъ тщательно обложены недвижимыя имущества, какія только можно было обложить; а въ мѣстностяхъ земледѣльческихъ—уѣздныя собранія, не стѣсняясь размѣромъ поземельнаго налога, который могъ быть вынесенъ землею, безъ особаго обремененія ея, не заботились о другихъ источникахъ обложенія, прибѣгая къ нимъ только для заканчиванья счетовъ. Проще сказать: въ губерніяхъ непроизводи-

тельныхъ помѣщики, чтобы облегчить себѣ поземельный налогъ, облагаютъ иногда крестьянъ еще сборомъ съ строеній.

Раскладки поземельнаго налога производятся, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, въ каждомъ уѣздѣ на разномъ основаніи и притомъ оцѣнки земель дѣлаются фиктивныя. «Не только въ различныхъ губерніяхъ, но даже въ различныхъ уѣздахъ однѣхъ и тѣхъ же губерній, говоритъ г. Руковскій, оцѣнки земскихъ собраній не согласуются съ цѣнностью и производительностью земель. Оцѣнки эти, будучи удовлетворительны для раскладки налога внутри каждаго уѣзда, являются крайне неправильными въ сравненіи съ оцѣнками въ сосѣднихъ даже уѣздахъ. Такъ, напримѣръ, въ Судогодскомъ уѣздѣ Владимірской губерніи стоимость одной десятины опредѣлена въ 1 руб. 73 к., тогда какъ въ остальныхъ уѣздахъ означенной губерніи стоимость эта составляетъ отъ 15 до 35 руб. Въ Перемышльскомъ уѣздѣ, Калужской губерніи стоимость одной десятины земли принята въ 61 р., между тѣмъ въ уѣздахъ этой же губерніи Мещовскомъ, Тарусскомъ, Медынскомъ, Жиздринскомъ, Боровскомъ, Лихвинскомъ и Калужскомъ, въ которыхъ раскладка произведена по цѣнности земли, стоимость одной десятины опредѣлена отъ 7 р. 50 к. до 14 р. Цѣнность земли въ уѣздахъ Херсонскомъ, Калужскомъ, Ржевскомъ (Тверской губерніи), Холмскомъ (Псковской) и Бузулукскомъ (Самарской) выведена одинаковая; между тѣмъ, какъ цѣнность и производительность земель, въ упомянутыхъ мѣстностяхъ, совершенно различныя».... Эту несоотвѣтственность уѣздныхъ оцѣнокъ сознаютъ всѣ губернскія земскія собранія, которыя никогда не пользуются уѣздными оцѣнками для разверстки губернскаго сбора и сами считаютъ оцѣнку земель фиктивною. «Система обложенія земель — говоритъ, напримѣръ, въ прошлогоднемъ отчетѣ с.-петербургская губернская управа, — находится въ настоящее время на неудовлетворительной степени. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ даже общее количество земли еще не приведено въ извѣстность, а раздѣленіе земель на разряды подвергается безпрерывнымъ оспариваніямъ и измѣненіямъ.... Какъ бы то ни было, большая часть нынѣшнихъ оцѣнокъ — воображаемая и необходимъ трудъ постоянный, въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ, для того, чтобы всѣ земли были обложены по ихъ дѣйствительной цѣнности и доходности».

Не знаемъ, придетъ ли когда-нибудь такое время; но думаемъ, что оно придетъ не скоро, такъ какъ при обложеніи земель по дѣйствительной доходности пришлось бы исключить изъ земскаго налога всѣ крестьянскія земли, дохода съ которыхъ не хватаетъ на уплату оброчной подати. Но пока мы видимъ наоборотъ, что крестьянскія земли оцѣняются выше помѣщичьихъ и казенныхъ. Г. Руковскій не собралъ точныхъ данныхъ о томъ, сколько именно платитъ земскаго налога каждое сословіе; онъ вычислилъ только, что въ общей слож-

ности по всѣмъ 30-ти губерніямъ земель, принадлежащихъ крестьянскимъ обществамъ, почти столько же, сколько и земель, принадлежащихъ частнымъ лицамъ, удѣлу и казнѣ. Изъ этого онъ заключилъ, что изъ общей суммы, падающей на землю и простирающейся до 9.600,000 руб., на крестьянъ падаетъ только половина. Но, очевидно, онъ ошибается, ибо крестьянскія земли вездѣ оцѣнены выше помѣщичьихъ. Доказательства этому можно найти въ его-же собственной книгѣ. Такъ онъ приводитъ основанія раскладокъ въ губерніяхъ Владимірской, Калужской, Полтавской, Самарской, Саратовской, Тульской и Ярославской, и только въ двухъ уѣздахъ: Зеньковскомъ Полтавской губерніи и Ставропольскомъ Самарской, налогъ съ крестьянскихъ земель пониженъ въ виду лежащихъ на крестьянахъ натуральныхъ повинностей. Въ остальныхъ мѣстностяхъ цѣнность крестьянскихъ земель опредѣлена почти вездѣ выше владѣльческихъ.

Конечно, не во всѣхъ раскладкахъ такой результатъ прямо бросается въ глаза, напротивъ, въ большинствѣ случаевъ этотъ секретъ открывается только съ помощью нѣкоторыхъ исчисленій; это именно тамъ, гдѣ земли раздѣлены на разряды по угодьямъ, съ весьма различною оцѣнкою каждаго изъ этихъ разрядовъ. Мы уже имѣли случай указывать, что при такой системѣ раскладки земскимъ собраніямъ стоитъ только оцѣнить повыше усадебныя земли и пониже лѣса, — и крестьяне будутъ платить гораздо выше помѣщиковъ. Мы даже приводили примѣръ подобной изобрѣтательности въ Холмскомъ уѣздѣ Псковской губерніи. Въ книгѣ г. Руковскаго такихъ примѣровъ много. Возьмемъ одну Калужскую губернію. Въ Перемышльскомъ уѣздѣ земли раздѣлены на три разряда съ различною оцѣнкою для каждаго, независимо отъ того, кому принадлежатъ эти земли. Повидимому эта система ручается за полную равномѣрность, а между тѣмъ въ результатѣ оказывается, что помѣщичьи земли въ общей сложности оцѣнены въ 52 р. десятина, а крестьянскія въ 66 руб. Въ Жиздринскомъ уѣздѣ, гдѣ земли также раздѣлены на три разряда съ различною оцѣнкою для каждаго, на первый взглядъ даже разница въ общей оцѣнкѣ невелика: помѣщичьи земли оцѣнены не много менѣе девяти руб., а крестьянскія не много болѣе десяти. Но за то здѣсь установленъ особый дополнительный налогъ, который такъ искусно распредѣленъ между разрядами земель, что въ общемъ результатѣ помѣщики платятъ за 283 тысячи десятинъ около 12,000 руб., а крестьяне за меньшее количество, именно за 276 тысячъ десятинъ — около 15,000 р. Въ Лихвинскомъ уѣздѣ земли раздѣлены на 4 разряда, при чемъ земли подъ крестьянскимъ строеніемъ (усадебныя) оцѣнены втрое выше пахатныхъ и вшестеро лѣсныхъ. Поэтому въ общей сложности помѣщики платятъ 8 к. съ десятины, а крестьяне 11 к.

При этомъ слѣдуетъ помнить, что въ Калужской губерніи всѣ

уѣздныя повинности остались натуральными, т.-е. всѣ лежатъ на крестьянскомъ сословіи. При этомъ условіи земскія собранія должны бы были, по смыслу закона, уменьшить денежный сборъ съ крестьянскихъ земель, зачтя имъ натуральную повинность; а они напротивъ возвышаютъ его. При этомъ они ассигнуютъ на крестьянскія потребности, т.-е. на школы и медицинскую часть, всего 20,000 на губернію, тратя въ тоже время 65,000 на жалованье членамъ земскихъ управъ и 100,000 на жалованье мировымъ судьямъ, избираемымъ, какъ извѣстно, изъ помѣщичьяго сословія. И такое положеніе вещей мы встрѣчаемъ не въ одной Калужской, а въ большей части внутреннихъ губерній.

Въ заключеніе слѣдуетъ сказать, что значительная часть земскаго расхода, особенно тамъ, гдѣ натуральныя повинности замѣнены денежнымъ сборомъ, падаетъ на казенныя земли. Этотъ сборъ, уменьшая доходъ съ государственныхъ регалій, тѣмъ самымъ влечетъ увеличеніе государственныхъ налоговъ, которые, какъ извѣстно, падаютъ у насъ почти цѣликомъ на тоже крестьянское сословіе.

Что касается помѣщичьихъ земель, то много-много, если на ихъ долю придется изъ 15-ти-милліоннаго земскаго бюджета два съ половиною милліона ежегоднаго взноса во всѣхъ 30-ти губерніяхъ. А между тѣмъ «Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ» требуетъ, *чтобъ не менѣе половины гласныхъ въ каждомъ земскомъ собраніи принадлежало къ помѣщичьему сословію;* да кромѣ того предсѣдательство въ земскихъ собраніяхъ возлагается на предводителей дворянства. Представительство не совсѣмъ равномѣрное!...

Намъ остается еще поговорить объ «изслѣдованіи мѣстныхъ пользъ и нуждъ» и о «правѣ ходатайствовать о нихъ передъ высшимъ начальствомъ». Это скромное право играло также весьма важную роль въ надеждахъ, возлагавшихся на земскія учрежденія. Такъ какъ нуждъ у насъ дѣйствительно много, а заявлять ихъ до того времени вовсе было нельзя, то нѣкоторые оптимисты прозрѣли въ новомъ правѣ что-то особенное, что́ должно немедленно повести къ полному преобразованію нашихъ общественныхъ условій. Это наивное мнѣніе было раздѣляемо и нѣкоторыми земскими собраніями, которыя сгоряча начали ходатайствовать весьма сильно. Но скоро оказалось, что право ходатайствовать у земскихъ собраній дѣйствительно есть, хотя, конечно, они могутъ ходатайствовать далеко не обо всемъ, о чемъ бы имъ захотѣлось, но только никто не обязанъ ни исполнять ихъ ходатайства, ни даже разсматривать ихъ. Это обстоятельство весьма хорошо выяснено опытомъ. Нѣтъ губерніи, въ которой бы отъ земства не поступило на первыхъ же порахъ двадцати или тридцати ходатайствъ, и не много губерній, гдѣ бы изъ нихъ было удовлетворено два или три. Петербургское и московское собранія, особенно любившія ходатайствовать, нѣкоторое время сообщали на общее свѣдѣніе списки своихъ

неудовлетворенныхъ ходатайствъ. Списки эти были ужасно длинные, но результатъ былъ такой же. Теперь они этого не дѣлаютъ и ходатайствуютъ меньше. Но процентъ удовлетворяемыхъ ходатайствъ и тутъ не увеличился. Собственно говоря, законъ не указываетъ даже, кого слѣдуетъ разумѣть подъ «высшимъ правительствомъ», къ которому должны обращаться земскія ходатайства. Поэтому, напримѣръ, начальникъ казанской губерніи, сочтя себя также высшимъ правительствомъ, сталъ отказывать земству собственною властью. Тоже самое дѣлалъ министръ внутреннихъ дѣлъ. Когда земскія учрежденія стали роптать, то установился порядокъ, по которому на отказъ министра можно жаловаться сенату. Наконецъ теперь, говорятъ, въ ходатайствахъ земскихъ собраній отказываетъ уже комитетъ министровъ. Это, конечно, большая честь.

Мы замѣтили выше, что земскія учрежденія могутъ ходатайствовать не обо всемъ, чего имъ желается. Конечно, рамки тутъ законъ не установилъ никакой, но рамка сложилась сама собою. Читатели знаютъ, *что* послѣдовало по извѣстному ходатайству петербургскаго земскаго собранія въ началѣ 1867 г. Болѣе дѣйствительную рамку, конечно, трудно было найти. Ко всему этому надо прибавить, что земскія собранія лишены права сообщать возбужденные вопросы на разсмотрѣніе собраній другихъ уѣздовъ или губерній. Такимъ образомъ, если бы въ средѣ собранія и возникла полезная мысль, она остается единичною и поэтому не достигаетъ того значенія, какое она могла бы получить при обсужденіи ея нѣсколькими земскими собраніями. Исключеніе существуетъ только для предметовъ, переданныхъ на обсужденіе земства правительствомъ. Вопросы, возникшіе другимъ путемъ, переданы на обсужденіе собраній быть не могутъ. Собранія лишены даже возможности сообщать одно другому о своихъ рѣшеніяхъ, такъ какъ отчеты ихъ, проходя черезъ губернаторскую цензуру, печатаются очень долго. Зачѣмъ придуманы эти ограниченія — мы не знаемъ; но знаемъ только, что въ «Положеніи о земскихъ учрежденіяхъ» ихъ нѣтъ и что они установлены уже впослѣдствіи администраціею.

Впрочемъ, и при всѣхъ этихъ неблагопріятныхъ условіяхъ земскія учрежденія могли бы принести пользу своими заявленіями и ходатайствами, если бы только они рѣшились откровенно знакомить и правительство и общество съ экономическимъ положеніемъ тѣхъ лицъ, отъ которыхъ они получаютъ средства для своего существованія и непоцеремонились нарисовать правдивую картину бѣдствій населенія въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ оно должно нести неоспоримыя повинности. Можетъ быть тогда ихъ заявленія и не остались бы гласомъ вопіющаго въ пустынѣ.... но для этого нужно много самоотверженія, ибо неизбѣжный выводъ изъ такого откровеннаго признанія — будетъ необходимость

уменьшенія крестьянскихъ платежей, а такое предложеніе, конечно, не выгодно для большинства земскихъ дѣятелей, которое принадлежитъ къ помѣщичьему сословію. Понятно, что они и стараются всѣми средствами не допускать подобныхъ заявленій. Нѣчто подобное мы видѣли года два тому назадъ въ петербургскомъ губернскомъ земскомъ собраніи, гдѣ вопросъ о соотвѣтствіи платежей съ средствами населенія былъ какъ-то особенно замятъ и дѣло кончилось нападками на общинное землевладѣніе. Но самый разительный примѣръ подобнаго рода представился въ черниговскомъ губернскомъ земскомъ собраніи, при разсмотрѣніи доклада управы о бѣдственномъ положеніи крестьянскаго населенія въ Мглинскомъ и Суражскомъ уѣздахъ. Исторію этого интереснаго дѣла мы нашли въ «Земскомъ сборникѣ Черниговской губерніи» и считаемъ необходимымъ сообщить о ней нашимъ читателямъ.

Еще въ прошломъ году, передъ созывомъ очередного губернскаго собранія, въ губернскую управу поступили отъ городницкой, мглинской и суражской управъ заявленія о томъ, что крестьяне ихъ уѣздовъ будутъ имѣть нужду въ ссудѣ изъ продовольственнаго капитала по причинѣ предшествовавшихъ неурожаевъ озимаго и ярового хлѣба. Губернская управа представила это обстоятельство на обсужденіе губернскаго собранія; но собраніе, *по случаю внезапнаго отъѣзда нѣкоторыхъ изъ гласныхъ*, закрылось и управа такимъ образомъ не получила со стороны его никакихъ на этотъ счетъ рѣшеній. Не зная, что́ дѣлать, чтобъ выйти изъ этого положенія—управа рѣшилась подробно изслѣдовать степень нужды крестьянъ мглинскаго и суражскаго уѣздовъ и командировала для этого двухъ своихъ членовъ, гг. Перепелицына и Гужовскаго. Изъ представленнаго ими отчета объ ихъ изслѣдованіяхъ видно, что какъ въ мглинскомъ, такъ и въ суражскомъ уѣздахъ у крестьянъ-собственниковъ и временно-обязанныхъ, уже въ январѣ нынѣшняго года вовсе не было хлѣба, и пріобрѣсть его, несмотря на пониженную цѣну противъ 1868 г., они не могли за неимѣніемъ денегъ. «Заработковъ—говоритъ отчетъ—нѣтъ, потому что промышлять извозомъ крестьяне лишены возможности по случаю дурного состоянія дорогъ, а значительныхъ фабрикъ и заводовъ, работами на которыхъ они могли бы обезпечить свое продовольствіе, въ этихъ уѣздахъ вовсе нѣтъ. Находясь поэтому въ безвыходномъ положеніи, крестьяне, для поддержанія своего существованія, употребляютъ вмѣсто муки перемолотыя травы, извѣстныя въ той мѣстности подъ названіемъ *костеръ*, *синецъ* и *звонецъ*, примѣшивая къ нимъ *макуху* (выжимки отъ конопляннаго сѣмени, остающіяся при добываніи изъ него масла, покупаемую ими по 30 коп. за пудъ и смолотые *желуди*. Другіе же, которые не имѣютъ вышеозначенныхъ травъ и желудей, питаются вареными *квашеными бураками*, съ примѣсью той же макухи. Затѣмъ крестьянъ-

яне двухъ деревень суражскаго уѣзда снискиваютъ себѣ пропитаніе только тѣмъ, что поочередно водятъ слѣпыхъ и возятъ калѣкъ по сосѣднимъ уѣздамъ и, получаемымъ такимъ образомъ пропитаніемъ, прокармливаютъ себя». Сообщая объ этомъ управѣ, гг. Перепелицынъ и Гужовскій представили ужасающіе образцы хлѣба, и то найденнаго ими только «у весьма немногихъ зажиточныхъ хозяевъ», и выразили надежду, что по этимъ образцамъ управа «составитъ себѣ ясное понятіе о положеніи тѣхъ крестьянъ, которые не имѣютъ и этого продукта».

Причины такого бѣдственнаго положенія крестьянскаго населенія названныхъ уѣздовъ указаны въ докладѣ очень ясно. Онѣ тѣ же самыя, на которыя намъ уже случалось указывать, говоря о холмскомъ уѣздѣ Псковской губерніи. «Кромѣ неурожаевъ и дурного качества земли въ суражскомъ и мглинскомъ уѣздахъ,—говорится въ докладѣ,—одна изъ главныхъ причинъ недостатка у крестьянъ-собственниковъ продовольствія заключается въ томъ, что *пахатныя земли, надѣленныя крестьянамъ, оцѣнены по уставнымъ граматамъ въ 29 р. 60 к. за десятину; тогда какъ дѣйствительная цѣнность при продажѣ ихъ существуетъ отъ одного до пяти рублей за десятину.* Поэтому, уплата выкупной ссуды съ надѣла въ 4½ десятины — 6 р. 40 к., разсчитанная по цѣнѣ десятины въ 29 р. 60 к., не только тягостна, но даже разорительна для крестьянъ, а мѣры, принимаемыя къ пополненію недоимки выкупныхъ ссудъ, т.-е. продажа крестьянскаго скота и имущества не только не пополнятъ этой недоимки, составляющей на душу отъ 10 до 30 рублей, но напротивъ затянутъ ее на долгое время. Крестьянинъ, у котораго проданъ рабочій скотъ, оказывается уже не въ состояніи обрабатывать свою землю, которая все-таки давала ему средства на покрытіе хотя части слѣдующихъ съ него налоговъ. Поэтому онъ вынужденъ идти на заработки въ отдаленныя мѣста. Такъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ суражскаго уѣзда крестьяне, послѣ продажи у нихъ скота въ 1867 г., бросивши свои семейства и надѣлы земли, ушли на заработки въ отдаленныя мѣста. Такъ вѣроятно поступятъ и крестьяне-собственники мглинскаго уѣзда села Романовки, у которыхъ въ январѣ мѣсяцѣ настоящаго года также проданъ скотъ на пополненіе недоимки выкупной ссуды, а равно и крестьяне *пятидесяти* селеній того же уѣзда, у которыхъ также назначена продажа скота въ настоящемъ году, и по той же причинѣ.... Если эти мѣры взысканія выкупныхъ платежей,—говоритъ въ заключеніе отчетъ, не будутъ отстранены или платежи не будутъ разсрочены, то крестьяне-собственники мглинскаго и суражскаго уѣздовъ впадутъ въ положительную нищету».

Въ виду такого отчаяннаго положенія дѣлъ, 24 іюня настоящаго года созвано было чрезвычайное собраніе, которое, наконецъ, собралось въ должномъ числѣ членовъ. Управа сообщила ему о положеніи

дѣлъ и просила ходатайствовать о пріостановленіи продажи крестьянскаго скота и другого движимаго имущества и о разсрочкѣ выкупныхъ платежей на болѣе или менѣе продолжительное время. Къ чести большинства черниговскаго собранія нужно сказать, что оно рѣшилось признать несомнѣнный фактъ крестьянской бѣдности, который такъ неохотно признаютъ имущіе люди. Оно даже пошло далѣе управы и, признавъ предложенныя ею мѣры палліативными, постановило ходатайствовать о совершенной переоцѣнкѣ крестьянскихъ надѣловъ, принявъ за основаніе дѣйствительную цѣну земли въ данной мѣстности. Кромѣ того, собраніе постановило ходатайствовать о возможномъ облегченіи переселенія крестьянъ въ мѣстности болѣе удобныя и плодородныя.

Но еще прежде, чѣмъ могъ возникнуть вопросъ объ удовлетвореніи этого ходатайства правительствомъ, въ томъ же земскомъ собраніи нашлись люди, которые, желая во что́ бы то ни стало парализировать постановленіе собранія, уѣхали изъ города, чтобъ не подписать журнала и такимъ образомъ сдѣлать его недѣйствительнымъ. Объ этой замѣчательной находчивости гг. гласныхъ, пожертвовавшихъ удовольствіями губернской жизни, чтобы только не дать крестьянамъ мглинскаго и суражскаго уѣздовъ отвыкнуть отъ поѣдаемыхъ ими, вмѣсто хлѣба, травъ и желудей, свидѣтельствуетъ слѣдующее заявленіе, появившееся 9 іюля въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ»:

«Мы нижеподписавшіеся, гласные черниговскаго губернскаго земскаго собранія принимая во вниманіе:

«1) что значительная часть губернскихъ гласныхъ, безъ всякихъ основаній, не является въ собраніе;

«2) что, изъявляя согласіе на избраніе ихъ въ гласные уѣзднымъ земствомъ, они не допускаютъ къ избранію тѣхъ лицъ изъ уѣзднаго земства, которыя исполняли бы принятыя на себя обязанности предъ обществомъ;

«3) что, вслѣдствіе неявки гласныхъ, накопляется большое количество докладовъ губернской управы, которые остаются безъ всякаго разрѣшенія, и что между ними имѣются доклады огромной важности;

«4) что нѣкоторые гласные, участвуя въ собраніи, оставляютъ его, зная, что выѣздъ ихъ лишаетъ собраніе возможности продолжать занятія по недостаточному числу гласныхъ, которое требуется закономъ для составленія собранія;

«5) что настоящее экстренное собраніе прекратило свои занятія вслѣдствіе отъѣзда гласныхъ: И. А. Лизогуба, Н. М. Подольскаго и Г. А. Вишневскаго;

«6) что, вслѣдствіе отъѣзда выше поименованныхъ гласныхъ, не утвержденъ докладъ управы о народномъ продовольствіи, и что это можетъ неблагопріятно отразиться на благосостояніи крестьянъ мглинскаго и суражскаго уѣздовъ;

«7) что оставленіе собранія гласными можетъ превратиться въ систему, служащую для отрицанія мѣръ, принятыхъ собраніемъ, но противъ которыхъ уѣхавшіе гласные подали въ собраніи свои голоса;

«— мы нижеподписавшіеся признали нужнымъ: составить настоящій протестъ, препроводить его во всѣ уѣздныя земскія собранія и, сверхъ того, напечатать въ газетахъ обѣихъ столицъ».

Слѣдуютъ подписи двадцати гласныхъ земскаго собранія.

Все сказанное нами наводитъ на весьма грустныя мысли и невольно навертывается вопросъ: къ чему же нужны земскія учрежденія, если результаты ихъ дѣятельности представляются въ такомъ не блестящемъ видѣ? Не слѣдуетъ ли покончить скорѣе со всѣми ожиданіями и надеждами и снова возвратиться къ тому недавнему прошлому, когда не было и не могло быть никакихъ надеждъ и ожиданій. Не будетъ ли это проще и откровеннѣе? Такіе вопросы намъ дѣйствительно приходилось слышать; но къ утѣшенію читателей мы должны сказать, что вопросы эти по меньшей мѣрѣ преждевременны, ибо до сихъ поръ земское дѣло еще нельзя назвать безнадежнымъ. Не повторяя той простой истины, что *нѣчто* лучше чѣмъ *ничто*, мы напомнимъ только, что мрачный колоритъ лежитъ на дѣятельности далеко не всѣхъ земскихъ собраній. Если мы приводили мѣстности, гдѣ земство служитъ только сборщикомъ податей для государственныхъ расходовъ, гдѣ оно тратитъ на содержаніе своихъ управъ болѣе чѣмъ на всѣ другое и гдѣ земскія управы и собранія стремятся въ тоже время перенести большую часть налоговъ на крестьянское сословіе, вовсе не заботясь о его интересахъ; — то мы же указывали и на такія земскія собранія, которыя устремляютъ всю свою дѣятельность на расходы производительные, стараются распространить въ народѣ образованіе, организовать медицинскую часть и оказать помощь крестьянскому населенію замѣною натуральныхъ повинностей денежнымъ сборомъ и уменьшеніемъ крестьянскихъ платежей. Поэтому, мы вовсе не желаемъ, чтобъ читатели видѣли въ насъ враговъ земскаго дѣла, такъ какъ во всякомъ случаѣ самое дѣло это заслуживаетъ полнаго сочувствія. Указывая на темныя стороны въ дѣятельности земскихъ учрежденій, мы хотѣли не позлословить только, а подать совѣтъ.... если не земскимъ дѣятелямъ, такъ плохо понимающимъ общественные интересы, то, по крайней мѣрѣ, тѣмъ, которые, посредствомъ неразборчиваго выбора, ввѣряютъ имъ эти интересы. Поэтому, не ограничиваясь изложеніемъ печальныхъ результатовъ земской дѣятельности за истекшее время, мы постараемся указать причины тѣхъ утѣшительныхъ явленій, которыя намъ пришлось указать. Пусть читатели судятъ, насколько это дѣло поправимо и отъ кого зависитъ его исправленіе.

XII.

Изъ тѣхъ данныхъ, которыя мы имѣли случай сообщить читателямъ, легко вывести, въ чемъ состоятъ неудачи земскаго дѣла. Ихъ можно формулировать въ нѣсколькихъ словахъ:

Земскія учрежденія до сихъ поръ не успѣли занять въ нашемъ государственномъ организмѣ того мѣста, которое должно принадлежать выборнымъ, общественнымъ учрежденіямъ; они не съумѣли стать въ надлежащія отношенія къ администраціи и обществу.

Служа преимущественно для собиранія податей, идущихъ на такіе расходы, которые производятся непосредственно самимъ правительствомъ, земскія учрежденія стоютъ населенію, въ общей сложности, слишкомъ дорого, по сравненію съ той незначительной массой производительныхъ расходовъ, которыми завѣдуютъ они сами.

Земскія учрежденія въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ не обращаютъ вниманія на народное образованіе, медицинскую часть и народное продовольствіе. Даже назначая на эти предметы нѣкоторыя суммы, они не предпринимаютъ серьезныхъ мѣръ, имѣющихъ постоянное значеніе.

Распредѣляя налоги, земскія учрежденія не вездѣ являются чуждыми сословныхъ разсчетовъ и, пользуясь преобладающимъ вліяніемъ элемента личныхъ землевладѣльцевъ, направляютъ дѣло въ ущербъ крестьянскому сословію.

Гдѣ же лежитъ причина всѣхъ этихъ золъ?

Между друзьями земскаго дѣла весьма распространено убѣжденіе, что успѣшному ходу этого дѣла исключительно мѣшаетъ администрація. По этому предмету весьма много говорятъ и даже пишутъ. Находятся такія добрыя души, которыя серьезно раздѣляютъ всѣхъ людей на «людей земскихъ» и «бюрократовъ» (хотя въ большинствѣ случаевъ между тѣми и другими нѣтъ никакой разницы и переходъ изъ одного лагеря въ другой совершается довольно быстро), и считаютъ гражданскимъ подвигомъ всякое «пререканіе съ администраціею» (хотя подобными пререканіями съ такимъ же успѣхомъ занимаются, пререкаясь другъ съ другомъ, и отдѣльныя административныя вѣдомства). Эти наивные защитники громкихъ словъ, при всякомъ случаѣ разсказываютъ, какъ одинъ администраторъ мѣшалъ членамъ земскихъ управъ ѣздить на земскихъ лошадяхъ, другой препятствовалъ истреблять сусликовъ, третій недопустилъ продажи земству казенныхъ земель, четвертый не хотѣлъ допустить переложенія натуральныхъ повинностей въ денежныя, пятый задержалъ земскія ходатайства, шестой обошелся съ членами управъ такъ, какъ будто они были низшими полицейскими чинами. Выводъ обыкновенно дѣлается такой, что не будь этихъ случаевъ, или, говоря иначе, будь на мѣстахъ этихъ администраторовъ другія лица, земское дѣло пошло бы прекрасно.

Мы, конечно, не можемъ похвалить перечисленныхъ администраторовъ за такое отношеніе къ земскимъ учрежденіямъ, но не можемъ согласиться и съ тѣмъ, чтобы въ нихъ лежало все зло. Ибо, во-первыхъ, подвиги, подобные указаннымъ, вовсе не одобряются высшею администраціею; во-вторыхъ, не всѣ администраторы при встрѣчѣ съ земскими людьми держатъ руки вертикально, намѣреваясь усмирять, многіе напротивъ простираютъ ихъ горизонтально, какъ бы желая заключить въ объятія; и въ-третьихъ, нельзя не замѣтить, что болѣе крупныя пререканія земства съ администраціею были, какъ извѣстно,

въ губерніяхъ Херсонской, Екатеринославской, Самарской, Полтавской, Казанской и Вятской, и между тѣмъ въ этихъ-то именно губерніяхъ земское дѣло ведется всего лучше; въ тѣхъ же губерніяхъ, гдѣ оно ведется плохо, какъ напримѣръ въ Калужской, Тульской, Смоленской, и т. п. о пререканіяхъ не слышно. Мы, конечно, не хотимъ сказать этимъ, что недружелюбіе администраціи способствуетъ успѣху земскаго дѣла, мы даже готовы допустить, что, наоборотъ, самый этотъ успѣхъ, предполагающій въ земскихъ дѣятеляхъ нѣкоторую энергію, вызываетъ иногда противодѣйствіе; но все-таки выходитъ, что причина неуспѣха заключается не въ одномъ противодѣйствіи мѣстныхъ администраторовъ. Самое это противодѣйствіе есть только одинъ и притомъ далеко не самый важный изъ результатовъ того общаго порядка вещей, который существуетъ не для однихъ земскихъ учрежденій, но который дѣйствительно для нихъ особенно неудобенъ.

Наши земскія учрежденія иногда сравниваютъ съ провинціальными представительными учрежденіями, существующими въ другихъ государствахъ, и при этомъ указываютъ на то значеніе, которое они имѣютъ тамъ, и котораго наши земскія учрежденія не могутъ добиться. Но дѣло въ томъ, что тамъ весь строй общественной жизни совершенно иной. Провинціальныя учрежденія не суть тамъ что-либо исключительное, выдѣляющееся изо всего остального; они составляютъ одно звѣно въ цѣпи, скованной изъ одного металла. Поэтому положеніе ихъ вполнѣ опредѣлено, они могутъ дѣлать свое дѣло, не забѣгая впередъ,—такъ какъ впереди и безъ нихъ есть, что нужно,—но вмѣстѣ съ тѣмъ и не трепеща ежеминутно за свое существованіе. У насъ же выборныя земскія учрежденія суть *первый опытъ;* по своему строю они отличаются отъ всего, что́ кругомъ ихъ и что́ выше ихъ. Отсюда безконечныя недоразумѣнія, наблюденія, предупрежденія, и т. п. Положеніе людей, нѣсколько требовательныхъ дѣлается натянутымъ. Съ одной стороны имъ хочется вступить въ такую дѣятельность, которая имъ не предоставлена, но для которой, внѣ ихъ, нѣтъ надлежащихъ установленій; съ другой стороны они могутъ опасаться неожиданнаго прекращенія всякой дѣятельности. При такомъ положеніи вещей требовать чего-нибудь особеннаго нельзя, и было бы весьма достаточно, еслибъ каждый совершалъ свое скромное дѣло, не опуская окончательно рукъ. Но въ концѣ концовъ общія условія отражаются вредно и на самомъ скромномъ дѣлѣ, ибо разныя предупредительныя мѣры, предпринятыя для охраненія порядка, въ дѣйствительности мѣшаютъ всякому движенію. За примѣрами ходить недалеко. Уже послѣ введенія земскихъ учрежденій издано нѣсколько узаконеній, которыя, повидимому, имѣютъ цѣлью препятствовать лишь уклоненію земскихъ дѣятелей отъ ихъ прямого дѣла, но на практикѣ препятствуютъ успѣшному ходу этого самого дѣла. Къ такимъ узаконеніямъ относится увеличеніе власти предсѣдате-

лей и установленіе губернаторской цензуры для отчетовъ о засѣданіяхъ земскихъ собраній, хотя бы эти отчеты помѣщались въ изданіяхъ, выходящихъ безъ предварительной цензуры.

Законъ о власти предсѣдателей общественныхъ собраній вышелъ въ 1867 г. черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ извѣстной катастрофы, происшедшей съ с.-петербургскимъ губернскимъ земскимъ собраніемъ. Самый бѣглый взглядъ на редакцію этого закона показываетъ, что онъ созданъ единственно для охраненія порядка. Но практически онъ ставитъ предсѣдателя земскаго собранія въ такія отношенія къ гласнымъ, какія возможны только между почтеннымъ педагогомъ и десятилѣтними мальчуганами. Власть его — безотчетная и безконтрольная, и притомъ, какъ относительно гласныхъ, такъ и относительно посторонникъ лицъ, присутствующихъ въ засѣданіи: «Разсужденія, удаляющіяся отъ вопроса и существа дѣла, обращаются къ оному предсѣдателемъ, который при повтореніи сихъ отступленій прекращаетъ самое разсужденіе и переходитъ къ предмету послѣдующему.... Предсѣдатель останавливаетъ того изъ членовъ собранія, который уклоняется отъ соблюденія порядка или отъ уваженія къ закону и, въ случаѣ безуспѣшности двукратнаго о томъ напоминанія, лишаетъ этого члена права рѣчи по тому вопросу, по коему имъ допущено нарушеніе порядка.... Предложеніе одного или нѣсколькихъ членовъ, которое предсѣдатель признаетъ несогласнымъ съ законами или выходящимъ изъ круга предметовъ вѣдомства собранія, не подлежитъ дальнѣйшему обсужденію... При нарушеніи членами собранія порядка и при безуспѣшности напоминаній предсѣдателя о его возстановленіи, онъ обязанъ закрыть засѣданіе.... Устраненіе при совѣщаніяхъ собранія присутствія постороннихъ лицъ предоставляется усмотрѣнію предсѣдателя.... Въ случаѣ требованія губернскаго начальства, устраненіе сихъ лицъ для предсѣдателя обязательно.... Постороннія лица, нарушившія правила, могутъ быть удалены изъ присутствія по распоряженію предсѣдателя, а неповинующихся такому распоряженію онъ приказываетъ вывести... При невозможности различить нарушителей порядка и при безуспѣшности внушенія, предсѣдатель удаляетъ изъ присутствія всѣхъ постороннихъ».... Гдѣ же тутъ гарантія, что предсѣдатель не будетъ удалять публику тогда, когда это нужно *для него*, и не остановитъ такихъ мѣръ, которыя, будучи вполнѣ законными, невыгодны только для того *сословія*, котораго онъ, по званію предводителя дворянства, служитъ представителемъ? Гарантіи, конечно, нѣтъ никакой; не указанъ даже путь жалобъ, не говоря уже о томъ, что всякая жалоба здѣсь будетъ запоздалая.... И вотъ, одинъ предсѣдатель удаляетъ публику, когда рѣчь заходитъ о неправильномъ пользованіи обывательскими лошадьми; другой воспрещаетъ собранію принести жалобу на губернатора, на что́ собраніе, по закону, имѣетъ полное право; третій прекра-

щаетъ пренія, когда поднимается вопросъ о замѣнѣ натуральной повинности денежнымъ сборомъ; четвертый вовсе закрываетъ собраніе, когда большинство гласныхъ высказывается въ этомъ смыслѣ. Конечно, при этихъ условіяхъ всякая дѣятельность становится невозможною и земскіе гласные, не желая играть роль школьниковъ, перестаютъ ѣздить въ собраніе....

Еще болѣе печальныя послѣдствія имѣетъ губернаторская цензура. Въ сущности она установлена только для того, чтобы печать не вынесла изъ стѣнъ земскихъ собраній чего-либо предосудительнаго. Такимъ образомъ, и примѣненіе она можетъ имѣть, *повидимому*, только къ вещамъ пикантнымъ, не представляя никакихъ неудобствъ для всего остальнаго. А такъ какъ въ нашихъ земскихъ собраніяхъ пикантнаго дѣлается и даже говорится весьма мало, то, *повидимому* и безпокоиться нечего. Дѣйствительно, въ Петербургѣ, при особой сдержанности собранія въ послѣднее время, губернаторская цензура составляетъ неудобство преимущественно для типографій, которыя должны долго ждать корректуры. Если иногда губернаторъ и вымараетъ какія-нибудь сообщенія объ административныхъ промахахъ, то съ этимъ еще можно помириться. Но иное дѣло въ провинціи. Тамъ эта цензура вредна не столько тому, *что написано*, сколько тому, *кто пишетъ*. При нашихъ провинціальныхъ нравахъ, инкогнито корреспондента есть условіе sine qua non. Редакція, которая вздумала бы сообщать имена своихъ корреспондентовъ безъ ихъ согласія, не получила бы ни одной корреспонденціи, за исключеніемъ развѣ описанія торжественныхъ обѣдовъ, даваемыхъ по какому-либо случаю или безъ всякаго случая. А между тѣмъ при мѣстной губернаторской цензурѣ это инкогнито невозможно и читатели знаютъ, что со времени введенія такой цензуры число газетныхъ извѣстій о ходѣ земскаго дѣла уменьшилось чуть не вдесятеро. Отъ этого, съ одной стороны, порядочные люди изъ среды земства не имѣютъ той поддержки, которую они находили въ печати, а съ другой—самыя вопіющія безобразія или не находятъ себѣ надлежащей оцѣнки или находятъ ее слишкомъ поздно, когда дѣла уже нельзя поправить. Такъ, безобразныя дѣйствія Холмскаго собранія и управы относительно мѣръ къ охраненію народнаго здравія и обезпеченію народнаго продовольствія — оставались не извѣстны печати болѣе года, пока не обратили на себя вниманія мѣстной административной власти. А въ это время тысячи людей успѣли умереть отъ голода и болѣзней....

Читатели согласятся, что результаты указанныхъ нами мѣръ гораздо вреднѣе для земскаго дѣла, чѣмъ всякія частныя противодѣйствія того или другого администратора; но и эти мѣры важны не столько въ частномъ ихъ примѣненіи, сколько въ общей совокупности, гдѣ они идутъ рядомъ съ другими болѣе общими мѣрами, сдерживa-

ющими личную и общественную дѣятельность. Въ виду всего этого винить земскія учрежденія за то, что они не прошибаютъ лбомъ стѣну — нельзя.

Предпославъ эти общія соображенія, перейдемъ къ финансовымъ вопросамъ земства. Кругъ финансовой дѣятельности земскихъ учрежденій, какъ мы видѣли, весьма не обширенъ; они распредѣляютъ весьма незначительную часть прямыхъ налоговъ, а расходуютъ и того меньше. Поэтому, понятно, что въ общей сложности они тратятъ *на себя* весьма значительную часть тѣхъ суммъ, расходованіе которыхъ имъ предоставлено. Чтобы устранить это ненормальное явленіе, необходимо отнести на земство часть государственныхъ налоговъ и передать ему нѣкоторые государственные расходы. Въ послѣднее время уже изданъ законъ, въ силу котораго четвертая часть государственнаго земскаго сбора, лежавшаго до сихъ поръ, вмѣстѣ съ общимъ налогомъ, исключительно на крестьянахъ, будетъ перенесена съ 1872 года, съ душъ на земли, и введена въ земскія раскладки. Но эта сумма, составляющая около четырехъ милліоновъ на всѣ губерніи, все-таки весьма ничтожна. Было бы желательно, чтобы не только весь государственный сборъ, но и часть общаго налога, распредѣлялась внутри уѣздовъ земскими собраніями. Какъ ни стремятся въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ земскія собранія поднять платежи крестьянъ въ сравненіи съ платежами частныхъ владѣльцевъ, все-таки они не могутъ совершенно вычеркнуть послѣднихъ изъ своихъ раскладокъ, какъ это дѣлаетъ теперь нашъ государственный бюджетъ. Если государство опасается въ этомъ случаѣ преобладающаго вліянія той или другой стороны, оно можетъ опредѣлить minimum и maximum для обложенія того или другого рода имуществъ; можетъ даже опредѣлить въ каждомъ уѣздѣ сумму, причитающуюся на помѣщичьи и крестьянскія земли, но раскладка той и другой суммы внутри уѣздовъ должна принадлежать представительнымъ учрежденіямъ. Безъ этого, при различной цѣнности у насъ различныхъ угодій, невозможна никакая уравнительность.

Что касается расходовъ, то практика указываетъ настоятельную необходимость передать нѣкоторые изъ нихъ отъ правительственныхъ учрежденій въ руки земства. Таковъ, напримѣръ, расходъ по содержанію почтовыхъ станцій, который въ нѣкоторыхъ губерніяхъ земство уже приняло на себя въ качествѣ подрядчика. Неудовлетворительное состояніе у насъ почтоваго дѣла извѣстно всѣмъ. Въ то время, когда въ другихъ европейскихъ государствахъ почтовая регалія составляетъ источникъ дохода, у насъ на содержаніе почтовыхъ станцій приплачивается ежегодно два милліона рублей. Объ уменьшеніи расходовъ на этотъ предметъ было очень много толковъ. Были испробованы три системы (вольныя почты, отдача почтовыхъ станцій съ торговъ и отдача ихъ по правительственной оцѣнкѣ) и всѣ они оказались не-

удовлетворительны. Въ настоящее время существуетъ особая коммиссія—конечно изъ однихъ чиновниковъ,—которая занимается тѣмъ же вопросомъ. А между тѣмъ примѣръ Новгородской губерніи блистательно доказалъ, что земство, даже въ качествѣ подрядчика, можетъ вести это дѣло гораздо экономнѣе. Въ 1868 г. Новгородская губернская управа сберегла на этомъ дѣлѣ 45,000 р., которыя и назначены на народное образованіе. Этотъ примѣръ всего лучше убѣждаетъ, что содержаніе почтовыхъ станцій должно быть безусловно передано земству, конечно съ отмѣною разныхъ стѣснительныхъ условій, которыя приходится испытывать подрядчикамъ. Тоже можно сказать о нѣкоторыхъ казенныхъ постройкахъ, о хозяйственной части въ мѣстахъ заключенія и т. п. Опытъ и здѣсь указалъ, что земскія постройки стоютъ дешевле, сравнительно съ сооруженіями покойной строительной коммиссіи, замѣненной теперь строительнымъ отдѣленіемъ губернскихъ правленій, и что земскія управы вообще экономнѣе приказовъ общественнаго призрѣнія. Передача всѣхъ этихъ предметовъ въ вѣдѣніе земства сдѣлало бы хозяйственную дѣятельность земскихъ управъ весьма важною, выборы въ члены этихъ управъ сдѣлались бы осмотрительнѣе и суммы на ихъ содержаніе шли бы не даромъ.

Конечно, и при настоящихъ условіяхъ земскія учрежденія могутъ проявить полезную дѣятельность, обративъ больше вниманія на производительность расхода, улучшая пути сообщенія, заводя школы, организуя медицинскую часть, наконецъ, учреждая земскіе и сельскіе банки, о которыхъ въ послѣдніе годы возбужденъ вопросъ въ Вятской и Новгородской губерніи. Между тѣмъ, мы видимъ, что въ этомъ отношеніи чуть не большинство земскихъ учрежденій дѣлаетъ менѣе, чѣмъ недостаточно. Защищать земскія собранія, исключающія изъ своихъ смѣтъ производительные расходы,—невозможно, особенно, если этотъ пріемъ дѣлается съ тенденціозной цѣлью и если тѣ же земскія собранія оказываются расточительны, когда идетъ дѣло о содержаніи управъ, и т. п. Такое пренебреженіе къ народнымъ интересамъ, вызываемое сословными инстинктами, мы считаемъ самой мрачной стороной земскаго дѣла, и вовсе не похвалимъ тѣхъ земскихъ собраній, которыя, не исправляя грунтовыхъ дорогъ въ уѣздахъ, берутся за проведеніе желѣзныхъ путей, или, не давая ни гроша на народное образованіе, учреждаютъ въ уѣздномъ городѣ гимназію. Но при всемъ томъ мы были бы не правы, еслибъ потребовали отъ земскихъ учрежденій такихъ пожертвованій на содержаніе народныхъ школъ, обезпеченіе продовольствія и санитарную часть, которыя дали бы возможность устроить эти важныя отрасли народнаго хозяйства вполнѣ надлежащимъ образомъ. Мы уже имѣли случай указывать, что на этотъ предметъ нужны громадныя суммы и развѣ только не многія губерніи могли бы, при настоящемъ финансовомъ положеніи страны, добиться въ этомъ отно-

шеніи блестящаго результата. Разсчетъ московской губернской управы показалъ, что еслибы всѣ крестьяне отдавали своихъ дѣтей въ школы, что́, конечно, весьма желательно, то на учрежденіе даже первоначальныхъ школъ потребовалось бы двѣсти или триста тысячъ на губернію. Для устройства надлежащей медицинской организаціи потребовалось бы еще больше, такъ какъ одни расходы на содержаніе нѣсколькихъ врачей, акушерокъ и фельдшеровъ, снабженныхъ маленькими аптеками, не говоря уже объ устройствѣ помѣщеній для больныхъ,— обходятся отъ 10 до 15-ти тысячъ рублей на уѣздъ. Наконецъ, надлежащее обезпеченіе народнаго продовольствія, на которое теперь земскія учрежденія не тратятъ ни копѣйки, — потребовало бы уже громадныхъ суммъ, которыя можно собрать только годами. И при всемъ томъ однихъ денежныхъ пожертвованій было бы недостаточно, такъ какъ причина недостатка продовольствія и частыхъ болѣзней лежитъ въ разстройствѣ крестьянскаго хозяйства и дурныхъ гигіеническихъ условіяхъ; поднять же благосостояніе крестьянскаго населенія можно только облегчивъ его налоги и обративъ всѣ усилія на развитіе промышленности. Такимъ образомъ, если бы въ средѣ земства являлись идеальныя стремленія устроить надлежащимъ образомъ все то, что́ передано въ ихъ завѣдываніе, то они столкнулись бы съ неодолимымъ препятствіемъ: бѣдностью крестьянскаго населенія. Между тѣмъ расходы, на которые мы указали выше, и которые теперь производятся самимъ правительствомъ, перейдя въ руки земства, не только не увеличили бы общій бюджетъ населенія, но еще уменьшили бы его, ибо, съ одной стороны, самые расходы производились бы экономнѣе, а съ другой оказалась бы возможность сократить разныя присутственныя мѣста, завѣдующія теперь этимъ дѣломъ.

Впрочемъ, все сказанное нами о невозможности для земства громадныхъ производительныхъ расходовъ не освобождаетъ отъ нравственной отвѣтственности тѣхъ лицъ, которыя вовсе не желаютъ допустить подобныхъ расходовъ. Что такіе люди есть, это читатели видѣли, и видѣли также, что мотивъ, заставляющій ихъ отрицать пользу производительныхъ расходовъ, тотъ же, который заставляетъ ихъ отрицать и пользу равномѣрнаго распредѣленія земскихъ повинностей.

Такъ какъ земскія учрежденія распредѣляютъ между плательщиками гораздо большую сумму, нежели какую расходуютъ сами, то понятно, что равномѣрное распредѣленіе земскаго налога составляетъ одну изъ наиболѣе важныхъ задачъ земства. А между тѣмъ земскія раскладки, какъ читатели могли убѣдиться, вовсе не отличаются такою равномѣрностью, ибо правильнаго отношенія между сборами съ торговли, промышленности, личнаго и крестьянскаго землевладѣнія,—нѣтъ вовсе. Причина этого заключается отчасти въ крайней неудовлетворительности тѣхъ нормъ, которыя предписаны земству закономъ, а от-

части, какъ мы уже видѣли, въ сословныхъ разсчетахъ разныхъ земскихъ дѣятелей.

По буквѣ закона, къ земскому налогу привлечено и торговое сословіе; но норма, указанная земству въ видѣ процентнаго сбора съ торговыхъ свидѣтельствъ, дѣлаетъ это привлеченіе чисто фиктивнымъ. Земское собраніе не имѣетъ права взять въ разсчетъ размѣръ торговые обороты не только лица, но и цѣлаго уѣзда, оно должно довольствоваться тѣмъ, что ему даютъ. Это тѣмъ болѣе неудобно, что даютъ ему извѣстный процентъ съ такого государственнаго налога, который самъ по себѣ страдаетъ наибольшею неуравнительностью, ибо представляетъ не подоходный сборъ съ торговаго производства и даже не косвенный налогъ на предметы торговли, а личную подать торгующаго сословія. Понятно, что земскія учрежденія смотрятъ на этотъ сборъ какъ на пособіе отъ правительства и вносятъ его въ свои раскладки неизмѣнно въ той же самой цифрѣ, т.-е. въ высшемъ дозволенномъ размѣрѣ. Почти въ столь же невыгодномъ отношеніи стоятъ земскія учрежденія и относительно фабрикъ и заводовъ, которыя имъ приходится облагать не по размѣру производства, а по стоимости стѣнъ зданія. Наконецъ, и при обложеніи помѣщичьяго и крестьянскаго сословія земство стѣснено установленными нормами. По закону, земскій сборъ съ земель временно-обязанныхъ крестьянъ должны платить сами крестьяне, а между тѣмъ рента съ этихъ земель идетъ, въ видѣ оброка, ихъ владѣльцамъ, которымъ эта рента даетъ право участія въ земскихъ учрежденіяхъ. Очевидно, что доходъ, въ видѣ крестьянскихъ оброковъ, давая помѣщикамъ право представительства въ земскихъ учрежденіяхъ, не долженъ быть освобожденъ отъ земскаго сбора. Къ этому убѣжденію пришли уже въ самомъ началѣ дѣятельности земства нѣкоторыя земскія собранія, чуждыя сословнаго духа. Такъ, мологское собраніе, установившее у себя въ 1865 году весьма раціональную раскладку по дѣйствительному доходу земель, удостовѣренному сосѣдними владѣльцами, хотѣло ввести, вмѣстѣ съ тѣмъ, и сборъ съ получаемыхъ оброковъ. Это предположеніе было утверждено и ярославскимъ губернскимъ собраніемъ, въ которомъ подалъ голосъ противъ одинъ губернскій предводитель дворянства, но тѣмъ не менѣе, вслѣдствіе губернаторскаго протеста, постановленіе собранія было кассировано и вопросъ болѣе не поднимался.

Такимъ образомъ, въ распоряженіи земскаго собранія остаются однѣ земли. Читатели видѣли, что и налогъ на земли распредѣляется не всегда равномѣрно; земскія собранія не принимаютъ въ разсчетъ платежей, лежащихъ на крестьянскихъ земляхъ, и облагаютъ ихъ высокимъ сборомъ даже въ томъ случаѣ, когда на обязанности крестьянскаго сословія остается отправленіе всѣхъ натуральныхъ повинностей. Это, конечно, происходитъ вслѣдствіе преобладанія помѣщичьяго эле-

мента въ земскихъ собраніяхъ, преобладанія, которое, какъ мы видѣли, поддерживается искусственно самимъ законодательствомъ. Какой бы малый процентъ ни составляло помѣщичье сословіе въ населеніи данной мѣстности и какая бы ничтожная часть земскихъ налоговъ ни падала на ихъ долю, представители его все-таки будутъ, по требованію закона, составлять большинство, въ каждомъ земскомъ собраніи, ибо при половинѣ гласныхъ отъ помѣщиковъ и предводитель дворянства будетъ предсѣдательствовать въ этомъ собраніи, съ правомъ безусловнаго *veto* противъ всего, что̀ ему не нравится. Но этого мало: законъ, воспрещающій давать гласнымъ средства для проѣзда въ губернскій городъ, лишаетъ окончательно гласныхъ отъ крестьянъ возможности участвовать въ губернскомъ земскомъ собраніи. Поэтому въ губернскихъ земскихъ собраніяхъ элементъ личныхъ землевладѣльцевъ господствуетъ безраздѣльно, а число наличныхъ гласныхъ уменьшается до того, что три человѣка могутъ «сорвать сеймъ», какъ это и случилось въ черниговскомъ земскомъ собраніи. Положимъ, что въ данномъ случаѣ гг. Лизогубъ, Подольскій и Вишневскій ошиблись въ разсчетѣ, ибо отсутствіе ихъ подписи въ журналѣ собранія не значитъ ничего, но другой разъ они уйдутъ во время обсужденія вопроса и сдѣлаютъ недѣйствительнымъ самое постановленіе. Но это еще не самое худшее, что̀ можетъ быть. Достаточно вспомнить, какъ холмское земское собраніе отказывало сельскому населенію въ медицинской помощи во время эпидеміи, а управа продавала этому населенію гнилой хлѣбъ по высокой цѣнѣ, чтобы понять, къ чему можетъ привести иногда преобладаніе въ земскомъ дѣлѣ одного сословія, если представители его захотятъ отстаивать только сословные интересы.

Мы не хотимъ сказать, что преобладаніе дворянскаго сословія *всегда* должно имѣть такія послѣдствія и ничего не имѣемъ противъ того, чтобы представители этого сословія были руководителями земскаго дѣла; это весьма естественно, ибо они все-таки образованнѣе другихъ, имѣющихъ мѣсто въ земскихъ собраніяхъ. Пусть же это преобладаніе и будетъ результатомъ *только* умственныхъ и нравственныхъ преимуществъ. Тогда противъ него никто не скажетъ ни слова!

Но можемъ ли мы, по совѣсти, сказать, что наша интеллигенція имѣетъ всѣ свойства, необходимыя для такого нравственнаго преобладанія, что въ ней достаточно развито чувство общественнаго долга и справедливости, что она понимаетъ потребности страны и умѣетъ жертвовать интересами личными и сословными въ пользу высшихъ общественныхъ интересовъ?...

Пусть читатели сами отвѣтятъ на этотъ вопросъ, но пусть они припомнятъ при этомъ, что представители интеллигенціи, хлопоча о преобладающемъ значеніи въ земскомъ дѣлѣ и противопоставляя себя «не-земскимъ людямъ», въ тоже время находятъ возможнымъ ввѣ-

рять земскіе интересы такимъ господамъ, подвиги которыхъ намъ приходилось описывать... Кто-же тутъ виноватъ?

Изъ всего сказаннаго нами читатели видятъ, что причины неуспѣха земскаго дѣла весьма разнообразны, и нужно много условій, чтобы это дѣло пошло такъ, какъ желательно. Во всякомъ случаѣ вотъ наше заключительное слово:

Пока земскія учрежденія будутъ стоять особнякомъ, не находя себѣ соотвѣтственныхъ условій въ общемъ строѣ государственной жизни,—отъ нихъ нельзя ожидать особенно широкой дѣятельности на пользу общества.

Пока отъ нихъ будетъ зависѣть распредѣленіе только $^1/_5$ части всѣхъ прямыхъ налоговъ, падающихъ на населеніе, а половина мѣстныхъ хозяйственныхъ расходовъ будетъ въ рукахъ администраціи,—вопросъ о соотвѣтствіи тратъ на содержаніе земскихъ управъ съ пользою ими приносимою будетъ во многихъ мѣстностяхъ сомнителенъ.

Пока наше сельское населеніе, вслѣдствіе высокой оцѣнки отведенной ему земли и неравномѣрности государственныхъ налоговъ, будетъ обременено такими платежами, выносить которые оно не въ силахъ,—производительные расходы земства не будутъ значительны.

Пока земскимъ собраніямъ не дано будетъ права привлекать къ налогу торговлю, промышленность и поземельную ренту, получаемую въ видѣ оброка, до тѣхъ поръ о равномѣрности земскихъ раскладокъ не можетъ быть и рѣчи.

Пока законодательство будетъ давать въ земскомъ дѣлѣ преобладающее вліяніе личному землевладѣнію,—даже равномѣрное обложеніе крестьянскихъ и помѣщичьихъ земель будетъ большою рѣдкостью.

Наконецъ, пока наше образованное сословіе не проникнется сознаніемъ общественнаго долга и не перестанетъ ввѣрять общественные интересы людямъ, привыкшимъ руководствоваться личными и сословными разсчетами,—до тѣхъ поръ невозможенъ успѣхъ ни въ земскомъ, ни въ какомъ другомъ общественномъ дѣлѣ.

—инъ.

ЗАМѢТКА

ПО ПОВОДУ ВОПРОСА О НАРОДНОМЪ ПРОДОВОЛЬСТВІИ*).

Бѣдствія, которыя потерпѣлъ нашъ народъ, по случаю неурожаевъ, бывшихъ, послѣдніе годы, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи, обратили на себя общее вниманіе, возбудили много толковъ. Толки эти, не приведя ни къ какимъ существеннымъ результатамъ, въ настоящее время начинаютъ уже стихать; а между тѣмъ можемъ ли мы поручиться за то, что въ непродолжительномъ времени, въ какой-нибудь иной мѣстности обширнаго нашего отечества, не повторится тоже самое грустное явленіе.

До передачи народнаго продовольствія въ руки земства, предпринимаемыя правительствомъ въ этомъ дѣлѣ мѣры состояли въ заготовленіи хлѣбныхъ запасовъ и образованіи денежныхъ капиталовъ на случай раздачи въ пособіе нуждающимся въ продовольствіи.

Земство наше, по вступленіи въ свою дѣятельность, увлекаясь многими нововведеніями, до сихъ поръ оставалось равнодушнымъ къ вопросу о народномъ продовольствіи, и не обращало вниманія на то, что послѣдніе годы, народъ нашъ, за исключеніемъ незначительнаго числа крестьянъ-кулаковъ, замѣтно бѣднѣетъ; а потому и потребность въ заботахъ о народномъ продовольствіи, при неурожаяхъ, значительно усиливается. Между тѣмъ нельзя не замѣтить, что тѣ мѣры, какія предпринимаются до сихъ поръ по народному продовольствію, какъ ни благодѣтельны сами по себѣ, не отстраняютъ причины, вызывающей крестьянъ прибѣгать къ постороннему пособію въ продовольствіи. Причина эта главнымъ образомъ заключается, если не въ совершенной бѣдности значительнаго числа крестьянъ, то въ весьма слабомъ ихъ матеріальномъ благосостояніи. Крестьяне со средствами, имѣя свои денежные и хлѣбные запасы, конечно къ земскому пособію не прибѣгаютъ. Въ немъ собственно нуждаются крестьяне-бѣдняки и частію имѣющіе ограниченныя средства; такихъ крестьянъ-бѣдняковъ, вызвавшихъ самое установленіе мѣръ по народному продовольствію, въ прежъ-

*) Крестьянскій вопросъ въ послѣднее время снова дѣлается настоятельнымъ вопросомъ нашей внутренней жизни. Въ непродолжительномъ времени мы надѣемся представить особую статью о настоящемъ положеніи крестьянскаго быта. Въ «Земскихъ Итогахъ» читатель познакомился уже съ одной стороной дѣла, насколько оно сказалось въ земскихъ учрежденіяхъ. Въ настоящей замѣткѣ, касающейся одной изъ понизовыхъ мѣстностей и извлеченной изъ простаго практическаго знакомства съ положеніемъ крестьянскаго хозяйства, найдется нѣсколько данныхъ, не лишенныхъ важности для разъясненія цѣлаго вопроса. — *Ред.*

нее время было весьма немного; между тѣмъ въ послѣдніе годы, какъ оказывается, вмѣсто всѣми ожидаемаго, съ уничтоженіемъ крѣпостного права, улучшенія благосостоянія крестьянъ, оно, вслѣдствіе весьма многихъ и различныхъ причинъ, значительно слабѣетъ, такъ что, въ весьма скоромъ времени, въ случаѣ повторенія неурожаевъ, имѣющіяся у насъ наличныя продовольственныя средства окажутся весьма недостаточными. Въ такомъ положеніи дѣла, земство, разсуждая о народномъ продовольствіи, не должно бы въ наше время ограничиваться одними прежними, уже недостаточными мѣрами. Вопросъ о народномъ продовольствіи важенъ никакъ не менѣе вопроса о народномъ образованіи. На народное образованіе земствомъ нѣкоторыхъ губерній послѣднее время обращено значительное вниманіе; между тѣмъ на практикѣ оказывается, что многіе крестьяне, по бѣдности, не могутъ даже отдавать дѣтей своихъ въ школы, такъ какъ отдача ихъ въ ученіе сопряжена съ лишеніемъ рабочей силы, хотя слабой, но тѣмъ не менѣе въ бѣдной крестьянской семьѣ имѣющей свое хозяйственное значеніе. При такомъ матеріальномъ положеніи большей части крестьянскихъ семействъ, существующія у насъ крестьянскія школы до тѣхъ поръ не будутъ приносить желаемыхъ результатовъ, пока земство не обратитъ вниманія на упадокъ матеріальнаго благосостоянія нашего народа. Къ сожалѣнію, за послѣднее время мы не имѣемъ о немъ статистическихъ данныхъ для сравненія съ прежнимъ временемъ. Въ такомъ положеніи дѣла, о народномъ хозяйствѣ можно было бы дѣлать заключенія только по отбываніе нашимъ народомъ государственныхъ и вообще поземельныхъ повинностей; но и такое основаніе можетъ ввести въ большую ошибку. Надо замѣтить, что крестьяне съ одной стороны по сознанію необходимости исправнаго отбыванія повинностей, и съ другой, по настоянію мѣстныхъ властей, считаютъ своею обязанностью, какъ бы ни былъ малъ ихъ ежегодный доходъ, употреблять его на уплату повинностей, а въ крайнемъ случаѣ, по настоянію властей, продаютъ для того даже послѣднюю скотину. Слѣдовательно, при такихъ условіяхъ, каково бы ни было матеріальное благосостояніе крестьянъ, значительныхъ недоимокъ въ повинностяхъ не бываетъ, тѣмъ болѣе, что поземельный оброкъ, соотвѣтствуя въ большей части случаевъ, цѣнности надѣла, почти всегда даетъ крестьянину возможность къ уплатѣ повинностей даже и въ такомъ случаѣ, если онъ, лишившись возможности самъ дѣлать посѣвы, сдаетъ свой надѣлъ въ аренду, какъ это нѣкоторые дѣлаютъ. Такимъ образомъ, исправное отбываніе крестьянами повинностей можетъ въ свою очередь указывать только на послѣднюю къ тому возможность; такихъ же данныхъ, на основаніи которыхъ мы могли бы дѣлать заключеніе о томъ, какія у нашего народа, за отбытіемъ повинностей, остаются средства на удовлетвореніе его потребностей, мы въ настоящее

время не имѣемъ; но тѣмъ не менѣе людямъ земскимъ и вообще находящимся съ народомъ въ постоянныхъ близкихъ сношеніяхъ, положительно извѣстно, что послѣднее время значительная часть нашего народа не имѣетъ ни денежныхъ, ни хлѣбныхъ запасовъ, ни даже достаточнаго количества скота, необходимаго для успѣшнаго веденія хозяйства, не говоря уже о его достоинствѣ, отъ котораго зависитъ успѣхъ крестьянскаго хозяйства.

Вообще же всѣмъ извѣстно, что крестьяне въ послѣднее время далеко не имѣютъ прежняго достатка; между тѣмъ если и нѣтъ возможности уничтожить вполнѣ существующую бѣдность между нашимъ народомъ, то съ другой стороны нельзя отрицать того, чтобы не было никакихъ средствъ къ отстраненію дальнѣйшаго обѣдненія той значительной массы нашего народа, которая ведетъ еще свое хозяйство, а между тѣмъ въ свою очередь близка къ подобному обѣдненію.

Нѣкоторые, занимающіеся еще хлѣбопашествомъ въ большихъ размѣрахъ, весьма ошибочно разсчитываютъ извлечь себѣ выгоду изъ дальнѣйшаго обѣдненія нашего народа, полагая, что съ обѣдненіемъ болѣе значительной части крестьянъ увеличится число свободныхъ рукъ, которыми можно будетъ пользоваться, при обработкѣ полей, за болѣе выгодную цѣну противъ существующей въ настоящее время заработной платы.

По поводу такого мнѣнія я не буду говорить о томъ, насколько было бы честно и справедливо оставлять безъ вниманія замѣчаемое послѣднее время обѣдненіе народа, въ видахъ увеличенія свободныхъ рукъ для означенной цѣли, тѣмъ болѣе въ наше время, когда недостатокъ живыхъ силъ можетъ быть замѣняемъ машинами; но мы посмотримъ, насколько подобныя надежды могутъ быть осуществимы на практикѣ.

Всѣмъ, сколько-нибудь знакомымъ съ бытомъ нашего народа, извѣстно, что когда крестьянская семья начинаетъ разоряться до того, что не въ состояніи бываетъ засѣвать необходимаго количества земли для безбѣднаго ея существованія, то сначала часть ея остается при обработкѣ своихъ полей, а другая уходитъ на такія же работы по найму; но такое переходное состояніе продолжается не долго. Одиночное крестьянское хозяйство, безъ необходимаго для того капитала, немыслимо; а потому семья, распадающаяся вслѣдствіе обѣдненія, вскорѣ бѣднѣетъ до того, что оставляетъ обработку своихъ незначительныхъ полей. Казалось бы, такимъ образомъ дѣйствительно число свободныхъ рукъ для спекулятивной обработки полей должно непремѣнно увеличиться; но на дѣлѣ оказывается, что обѣднѣвшіе крестьяне, потерявъ возможность вести свое хозяйство, не остаются долго на прежнемъ мѣстѣ своего жительства для полевыхъ занятій по найму,

такъ какъ скудость такихъ заработковъ большею частію не обезпечиваетъ ихъ семей даже дневнымъ пропитаніемъ, тѣмъ болѣе, что заработки этого рода у насъ весьма кратковременны. Такіе крестьяне обыкновенно вскорѣ, по разстройствѣ ихъ хозяйства, поскитавшись по свѣту, обращаются къ болѣе выгоднымъ заработкамъ и затѣмъ никогда уже не возвращаются къ своему прежнему занятію. Одни изъ нихъ остаются при новыхъ болѣе выгодныхъ занятіяхъ; а другіе, подъ гнетомъ бѣдности, обращаются въ бродягъ, пьяницъ и больныхъ, негодныхъ ни на какія работы, а тѣмъ болѣе полевыя. Вотъ почему обыкновенно большіе города вообще и наполняются рабочими бѣдняками, а сельское населеніе, вслѣдствіе этой причины, значительно уменьшается. Въ послѣднемъ можно убѣдиться не по письменнымъ документамъ, которые указываютъ намъ только на количество душъ, числящихся въ извѣстной мѣстности, а по наличному, въ извѣстное время, числу душъ въ томъ или другомъ селеніи. На практикѣ во многихъ селеніяхъ наличное число жителей далеко не совпадаетъ съ количествомъ душъ, значащихся по документамъ. Многіе, выбывая, по паспортамъ, на посторонніе заработки, хотя по документамъ и числятся на своей родинѣ, а между тѣмъ никогда туда не возвращаются на постоянное жительство. Такъ, не говоря уже о внутреннихъ губерніяхъ, изъ нѣкоторыхъ селеній Новоузенскаго уѣзда многоземельной Самарской губерніи, послѣ неурожая 1866 года многіе крестьяне, отправившись для пропитанія на Кавказъ цѣлыми семьями, не возвращались на родину и по настоящее время. Между тѣмъ они продолжаютъ числиться на своей родинѣ какъ выбывшіе по паспортамъ безъ перечисленія. Такимъ образомъ разъ разорившійся крестьянинъ никогда не остается долго на своей родинѣ, а тѣмъ болѣе при тѣхъ же занятіяхъ, вслѣдствіе чего и число рабочихъ при обработкѣ полей не увеличивается, по крайней мѣрѣ въ такой степени, чтобы оно имѣло вліяніе на пониженіе заработной платы.

Дѣло обѣдненія крестьянъ, какъ съ перваго взгляда можетъ показаться, касается, какъ будто, только интересовъ этого сословія; но при внимательномъ разсмотрѣніи нельзя не придти къ тому заключенію, что оно одинаково важно въ особенности для землевладѣльцевъ, не говоря уже объ общей экономической связи интереса другихъ сословій. Вопросъ этотъ и прежде долженъ бы былъ обращать на себя вниманіе нашего земства; въ настоящее же время, съ наступленіемъ 1870 года, онъ тѣмъ болѣе дѣлается важнымъ, такъ какъ крестьяне, не выкупившіе своихъ надѣловъ, получая съ этого года право отказываться отъ надѣловъ, могутъ, при ихъ слабомъ матеріальномъ благосостояніи, увлечься правомъ переселенія, которое, при сравнительно-рѣдкомъ населеніи большей части нашего отечества, можетъ имѣть весьма неблагопріятныя послѣдствія. Наконецъ, дѣло это не

должно болѣе оставаться безъ вниманія и потому, что оно въ скоромъ времени можетъ сдѣлаться непоправимымъ. А чтобъ убѣдиться въ томъ, насколько важно въ особенности для землевладѣльцевъ крестьянское обѣдненіе, стоитъ обратить вниманіе на то, что послѣднее время въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крестьяне начинаютъ уменьшать свои посѣвы, а другіе оставляютъ ихъ даже на своихъ поляхъ, по неимѣнію средствъ къ ихъ обработкѣ; а потому въ многоземельныхъ мѣстахъ теперь уже земли начинаютъ раздаваться съ трудомъ, а между тѣмъ на крестьянахъ накопляются значительные поземельные долги, которые имъ нечѣмъ уплачивать, или съ уплатой ихъ они должны придти въ окончательное разореніе. Такимъ образомъ, землевладѣльцы и арендаторы въ дѣйствительности далеко не получаютъ тѣхъ доходовъ, которыхъ они ожидаютъ и насчитываютъ по своимъ книгамъ. Въ концѣ концовъ оказывается, что даже всѣми ожидаемый мировой институтъ далеко не можетъ принести имъ желаемой пользы, такъ какъ со многихъ крестьянъ теперь уже нечего взять. Между тѣмъ крупные землевладѣльцы, при отсутствіи свободныхъ капиталовъ, не только не имѣютъ возможности дѣлать большихъ посѣвовъ, но и вообще не въ состояніи сами засѣвать своихъ полей; а потому въ такомъ положеніи дѣла остается одно, къ чему многіе уже и прибѣгаютъ—сдача земель въ аренду цѣлыми участками.

Съ надѣломъ крестьянъ землею мы начали-было думать, что крестьянскій вопросъ рѣшенъ у насъ окончательно. Между тѣмъ опытъ доказываетъ, что, какъ нѣкоторые больные, выходя изъ госпиталей, нуждаются въ костылѣ или посторонней поддержкѣ, такъ и значительной части нашего народа, по выходѣ изъ крѣпостной зависимости, оказывается необходимою на первое время своего рода поддержка, какую и должно ему оказать наше земство въ видахъ общаго интереса, имѣя къ тому полную возможность.

Итакъ, замѣчаемое въ послѣднее время обѣдненіе нашего народа заставляетъ насъ убѣждаться, что крестьянскій вопросъ, какъ имѣющій цѣлью улучшеніе крестьянскаго быта и состоящій въ тѣсной связи съ интересами землевладѣльцевъ, въ настоящемъ его положеніи, далеко еще не оконченъ, а напротивъ требуетъ дальнѣйшей его разработки.

Нѣкоторые полагаютъ, что обѣдненіе нашего народа зависитъ отъ того, что онъ имѣетъ недостаточный поземельный надѣлъ, а потому находятъ необходимымъ допустить безусловное переселеніе. Конечно, было бы лучше, если бы наше крестьянство имѣло болѣе собственной земли; но недостатокъ отведенной въ ихъ пользованіе земли, при нашемъ обиліи земель, могъ бы легко замѣниться частною арендою необходимаго для нихъ количества у тѣхъ же землевладѣльцевъ, которые во многихъ мѣстахъ, въ свою очередь, затрудняются въ раздачѣ

земли, оставшейся за ними. Но дѣло въ томъ, что значительная часть нашего народа, при настоящемъ его тяжеломъ положеніи и другихъ невыгодныхъ условіяхъ, не можетъ обработывать какъ слѣдуетъ даже свой настоящій душевой надѣлъ. Въ населенныхъ мѣстахъ, гдѣ земля требуетъ удобренія и улучшенной обработки, онъ положительно не имѣетъ къ тому возможности; тамъ же, гдѣ урожаи зависятъ отъ природнаго качества земли, земли эти, отъ истощенія, даютъ урожаи скуднѣе; для обработки же новыхъ земель крестьяне не имѣютъ ни необходимыхъ для того орудій, ни надлежащаго количества скота. Въ такомъ положеніи дѣла, при нашемъ обиліи земель вообще и въ большей части мѣстностей — рѣдкомъ населеніи, у насъ о безусловно-свободномъ переселеніи въ настоящее время не должно бы и быть еще рѣчи. Намъ, и въ особенности губерніямъ многоземельнымъ, нужно даже озаботиться если не объ увеличеніи, то объ удержаніи настоящаго народонаселенія на своихъ мѣстахъ въ полномъ составѣ настоящихъ обществъ. Конечно, въ этомъ случаѣ никакимъ образомъ не могутъ имѣть мѣста мѣры принудительныя; но въ такихъ мѣрахъ и не предстоитъ надобности. Для этого необходимо поставить нашихъ крестьянъ въ такія условія, чтобы они сами находили выгоду оставаться на настоящихъ своихъ мѣстахъ поселенія; а чтобъ достигнуть этой цѣли стóитъ только озаботиться отстраненіемъ причинъ крестьянскаго обѣдненія. Такая заботливость со стороны земства неминуемо должна была бы возстановить матеріальное благосостояніе народа; и тогда крестьяне конечно увеличатъ свои посѣвы и землевладѣльцы, такимъ образомъ, не только не будутъ затрудняться въ раздачѣ своихъ земель, но съ увеличеніемъ на нихъ запроса доходы ихъ увеличатся.

Итакъ, нельзя не согласиться, что интересы землевладѣльцевъ находятся въ зависимости отъ благосостоянія крестьянъ; а потому-то, настоящій вопросъ одинаково касается интересовъ, какъ крестьянъ, такъ и землевладѣльцевъ, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что съ улучшеніемъ народнаго благосостоянія землевладѣльцы не только не потеряютъ, но въ свою очередь должны значительно выиграть. Между тѣмъ, такая зависимость землевладѣльческихъ интересовъ сознается у насъ еще весьма не многими; и въ настоящее время только потому можно признать полезнымъ предоставить крестьянамъ право безусловнаго переселенія на свободныя земли, что это скорѣе приведетъ землевладѣльцевъ къ сознанію необходимости принять мѣры къ тому, чтобы настоящее населеніе нашло удобнымъ добровольно остаться на своихъ мѣстахъ.

Обращаясь затѣмъ къ настоящему положенію крестьянъ, мы должны признать главнѣйшими причинами крестьянскаго обѣдненія: во-первыхъ, повторяющіеся у насъ не рѣдко неурожаи, во-вторыхъ, се-

мейные раздѣлы; затѣмъ, съ одной стороны, недостатокъ денежныхъ средствъ у большей части нашего народа, необходимыхъ для безбѣднаго веденія крестьянскаго хозяйства, а съ другой, пьянство и наконецъ, частію, арендаторство земель какъ спекуляція, не для посѣва, а для раздачи ихъ крестьянамъ.

Посмотримъ же теперь, насколько возможно отстраненіе этихъ причинъ.

Самая главная изъ нихъ во многихъ мѣстностяхъ—это повторяющіеся у насъ не рѣдко неурожаи. Въ отстраненіе этой причины мы не можемъ принять никакихъ радикальныхъ средствъ, такъ какъ неурожаи зависятъ, главнымъ образомъ, отъ естественныхъ явленій. Правда, они частію зависятъ отъ достоинства обработки полей, но въ большей части случаевъ, при неблагопріятныхъ главныхъ условіяхъ, улучшенная обработка оказывается средствомъ весьма недѣйствительнымъ. При такомъ положеніи дѣла, остается позаботиться о томъ, чтобы помочь крестьянамъ легче переносить испытываемыя ими лишенія при неурожаяхъ. Опытъ убѣждаетъ насъ, что наличныя средства, для раздачи въ пособіе нуждающимся, число которыхъ съ каждымъ годомъ увеличивается, оказываются часто весьма недостаточными.

Въ этомъ случаѣ земство большую услугу могло бы оказать нашему народу введеніемъ застрахованія крестьянскихъ посѣвовъ отъ неурожаевъ, въ опредѣленномъ количествѣ десятинъ. Такое страхованіе служило бы вмѣстѣ съ тѣмъ гарантіею не только крестьянскихъ посѣвовъ, но и землевладѣльческихъ доходовъ.

Что касается до семейныхъ раздѣловъ, то они въ свою очередь весьма неблагопріятно дѣйствуютъ на народное благосостояніе. Средства большей части крестьянъ заключаются, какъ извѣстно, въ ихъ личныхъ рабочихъ силахъ. Намъ извѣстно также, что безбѣдное крестьянское хозяйство, при отсутствіи у нихъ капиталовъ и кредита, возможно только не менѣе какъ при трехъ работникахъ. Между тѣмъ, крестьянскихъ дворовъ въ такомъ составѣ остается весьма не много. Въ прежнее время у однихъ крестьянъ правительство, а у другихъ помѣщики не допускали безусловныхъ семейныхъ раздѣловъ; съ уничтоженіемъ же крѣпостного состоянія, такого запрещенія болѣе не существуетъ и крестьянскіе раздѣлы доходятъ до одиночества. Хотя крестьяне дозволяютъ себѣ раздѣлы, видимо, въ ущербъ и своимъ интересамъ; но, конечно, немыслимо было бы запрещеніе этихъ раздѣловъ, какъ насильственное вмѣшательство въ частные интересы. Впрочемъ, чтобы противодѣйствовать обѣдненію отъ такого разъединенія рабочихъ силъ, крестьяне, какъ оказывается, сами на практикѣ нашли средство въ образованіи товариществъ. Такое товарищество назадъ тому нѣсколько лѣтъ самобытно образовалось въ д. Какуриной близъ г. Саратова. Оно едва-ли не первое у насъ въ Россіи и

состоитъ въ томъ, что два брата, изъ крестьянъ, раздѣлившіеся между собою и живущіе въ отдѣльныхъ дворахъ, испытавъ неудобство одиночнаго хозяйства, соединившись съ такимъ же одинокимъ товарищемъ, ведутъ общее полевое хозяйство. Ведя отдѣльно каждый свое хозяйство, они, при ихъ средствахъ, никакъ не могли бы засѣвать на долю каждаго такое количество земли, какое засѣваютъ теперь компаніей. Между тѣмъ, такимъ товариществомъ они, кромѣ прямого выигрыша отъ соединенія ихъ рабочихъ силъ, имѣя возможность дѣлать разнородные посѣвы, менѣе противу другихъ подвергаются случайностямъ при неурожаяхъ. Неурожаи у насъ рѣдко бываютъ одновременно на всѣ хлѣба; а потому у нихъ неурожай одного хлѣба вознаграждается урожаемъ другого. Благодаря такому товариществу, они живутъ значительно зажиточнѣе своихъ одинокихъ однообщественниковъ. Между тѣмъ, какъ говорятъ, они назадъ тому нѣсколько лѣтъ, послѣ пожара, лишились всего имущества. Затѣмъ, въ недавнее время они имѣли по одной только лошади, тогда какъ теперь уже, несмотря на бывшіе недавно неурожаи, разорившіе многихъ, они выѣзжаютъ въ поле каждый на двухъ лошадяхъ. Это примѣръ можетъ служить доказательствомъ возможности не только отстранять причины обѣдненія, но и возстановлять благосостояніе крестьянъ однимъ даже соединеніемъ рабочихъ силъ.

Такого рода товарищества положительно отстраняютъ причину обѣдненія нашего народа отъ ихъ семейныхъ раздѣловъ, которые въ настоящее время неизбѣжны.

Въ этомъ случаѣ земство могло бы принести большую пользу поощреніемъ съ своей стороны такихъ товариществъ. Сами крестьяне, при настоящемъ ихъ развитіи, не скоро, только по опыту могутъ понять пользу такихъ товариществъ; между тѣмъ до того времени могутъ разориться окончательно. А потому и при трудности составленія такихъ товариществъ, по разнородности наклонностей крестьянъ и состава ихъ семействъ, поощреніе такихъ товариществъ было бы весьма полезно. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что оно вызвало бы въ крестьянахъ желаніе къ подобному соединенію рабочихъ силъ. Между тѣмъ, товарищества такого рода не только не заключаютъ въ себѣ ничего невыгоднаго для другихъ сословій, но въ настоящемъ положеніи нашего хозяйства, видимо, должны быть полезны и для землевладѣльцевъ. Они, предоставляя крестьянамъ возможность дѣлать посѣвы въ большихъ размѣрахъ, противу одиночнаго хозяйства, увеличатъ запросъ на землю, въ которомъ послѣднее время, вслѣдствіе обѣдненія крестьянъ, мѣстами началъ замѣчаться уже недостатокъ, такъ что при дальнѣйшемъ обѣдненіи нашего народа доходы землевладѣльцевъ должны будутъ значительно уменьшиться, между тѣмъ какъ распространеніе такихъ товариществъ будетъ отстранять эту невыгодную для землевладѣльцевъ перспективу.

Затѣмъ, отсутствіе у крестьянъ необходимыхъ денежныхъ средствъ, для веденія ихъ хозяйства, ставитъ ихъ по временамъ въ совершенно безвыходное, разоряющее положеніе. Этотъ недостатокъ легко бы, конечно, могъ отстраниться кредитомъ. Между тѣмъ, бывшіе государственные крестьяне, а также частію и удѣльные хотя имѣютъ еще нѣкоторый, не значительный кредитъ въ ссудныхъ кассахъ, учрежденныхъ у первыхъ изъ нихъ министромъ государственныхъ имуществъ, а у вторыхъ удѣломъ, но и онъ такъ ничтоженъ, что далеко не соотвѣтствуетъ дѣйствительнымъ потребностямъ народа; крестьяне же освобожденные изъ крѣпостной зависимости и того не имѣютъ. Затѣмъ, въ послѣднее время въ большихъ селеніяхъ стали открываться такъ-называемые сельскіе банки. Судя по названію этихъ банковъ нельзя не думать, что кредитъ для нашего народа начинаетъ увеличиваться, но въ сущности эти сельскіе банки, по ихъ операціямъ, совершенно не соотвѣтствуютъ требованіямъ народнаго кредита. Ихъ правильнѣе слѣдуетъ назвать сельскими промышленными банками, такъ какъ, за производствомъ изъ нихъ ссудъ подъ земли и дома большими суммами и вообще ихъ операціями, обращающіеся въ нихъ капиталы всегда будутъ находиться въ рукахъ нѣсколькихъ лицъ, берущихъ деньги на спекулятивныя предпріятія; масса же народа, имѣющая потребность въ кредитѣ для удовлетворенія сельскихъ народныхъ потребностей, такими банками пользоваться не будетъ. Такіе банки, какъ учреждаемые съ отчисленіемъ въ запасный капиталъ изъ общественныхъ денегъ, которые могли бы обращаться въ ссудныхъ кассахъ, для народа скорѣе вредны. Для удовлетворенія народныхъ хозяйственныхъ потребностей кредитъ долженъ открыться на иныхъ началахъ и долженъ быть преимущественно личный.

Что же касается до частнаго кредита, какимъ пользуются у насъ обыкновенно крестьяне, то онъ превосходитъ предѣлы всякаго ростовщичества.

Крестьяне, прибѣгающіе къ частному кредиту, обезпечиваютъ его обыкновенно будущимъ трудомъ, на какое обезпеченіе имъ даются деньги обыкновенно безъ процентовъ; но въ дѣйствительности за такія ссуды имъ приходится не рѣдко платить громадные проценты. Сдѣлки эти состоятъ обыкновенно въ томъ, что крестьянинъ, имѣющій надобность въ деньгахъ, съ осени, предлагаетъ землевладѣльцу или арендатору, занимающимся посѣвами, обработать, а иногда убрать извѣстное количество земли въ будущемъ году, съ выдачею за то денегъ впередъ, при чемъ назначается за это плата иногда вдвое дешевле противу тѣхъ цѣнъ, какія существуютъ обыкновенно во время производства самыхъ работъ. Такимъ образомъ, при такихъ сдѣлкахъ съ крестьянъ получается иногда до 100% на рубль въ нѣсколько мѣсяцевъ. Замѣчательно, что такія сдѣлки у насъ не только не счи-

таются безчестными, но ихъ дозволяютъ себѣ землевладѣльцы, считающіеся въ общественномъ мнѣніи за людей рѣдкой честности. Нѣкоторые изъ нихъ и дѣйствительно таковы во многихъ другихъ отношеніяхъ. Они, въ свою очередь, всякаго отдающаго деньги за проценты подъ другое обезпеченіе, даже за 20% и на предметы роскоши, назовутъ ростовщикомъ, берущимъ жидовскіе проценты, а между тѣмъ сами съ мужика, имѣющаго надобность на удовлетвореніе необходимыхъ жизненныхъ потребностей, берутъ значительно болѣе и съ удивительнымъ сознаніемъ своего достоинства и умѣнья вести свое хозяйство будутъ разсказывать вамъ о такомъ наймѣ бѣднаго крестьянина. Въ этомъ случаѣ наши землевладѣльцы просто не вѣдаютъ, что творятъ. Мало того, они полагаютъ, что дѣлаютъ одолженіе, хотя, строго говоря, такое одолженіе равноспльно одолженію ростовщика, получающаго 10% въ мѣсяцъ съ человѣка, умирающаго съ голоду.

Затѣмъ не менѣе тяжкое положеніе испытываютъ крестьяне отъ недостатка кредита при разсчетахъ за землю. Напр., уродитъ ему Богъ хлѣбца на снимаемой имъ землѣ; между тѣмъ нужно заплатить за землю немедленно, такъ какъ безъ того не дозволяютъ продавать урожая, а своихъ денегъ еще нѣтъ, и занять также негдѣ. Въ этомъ случаѣ послѣднее время арендаторы придумали для бѣдняковъ такой исходъ. Они изъявляютъ согласіе принимать отъ крестьянъ въ уплату за землю продуктами, но только назначаютъ за нихъ цѣну съ значительнымъ пониженіемъ противу рыночной цѣны. Какъ ни невыгодны крестьянину предлагаемыя условія, но, при отсутствіи кредита, ему приходится на нихъ соглашаться. Надо отдать справедливость въ этомъ отношеніи дворянамъ-землевладѣльцамъ, что они такого стѣсненія крестьянъ себѣ не позволяютъ, по крайней мѣрѣ сколько мы знаемъ въ своей сторонѣ. Но въ послѣднее время земли начинаютъ переходить въ собственность сословія менѣе цивилизованнаго, не говоря уже о томъ, что во многихъ мѣстахъ они теперь же находятся въ распоряженіи такихъ лицъ по арендѣ.

Итакъ, вотъ въ какомъ положеніи находится нашъ народъ отъ отсутствія кредита. Спрашивается, есть ли возможность поправиться его благосостоянію при такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ его жизни. Слѣдовательно, кредитъ для нашего крестьянства есть существенная его потребность въ настоящее время.

Въ этомъ случаѣ земство открытіемъ для крестьянъ надлежащаго кредита можетъ оказать значительную услугу, которая, опять-таки предоставивъ крестьянамъ возможность увеличивать ихъ посѣвы, вызоветъ новый запросъ на землю, со всѣми выгодными для землевладѣльцевъ послѣдствіями. Правда, что открытіе народнаго кредита, при частыхъ у насъ неурожаяхъ, въ настоящемъ положеніи дѣлъ, сопряжено съ нѣкоторымъ рискомъ, такъ какъ кредитъ этотъ долженъ

быть болѣе личный; но съ предварительнымъ введеніемъ взаимнаго страхованія крестьянскихъ посѣвовъ, неудобство это можетъ совершенно отстраниться.

Обращаясь затѣмъ къ пьянству, нельзя не замѣтить, что въ послѣднее время весьма многіе крестьяне не только пропиваютъ значительную часть своихъ доходовъ, но нѣкоторые совершенно разоряются. Принимая же во вниманіе, что пьянство нашего народа съ одной стороны есть результатъ его невѣжества, а съ другой самой бѣдности, нельзя не придти къ заключенію, что въ этомъ случаѣ могутъ помочь только образованіе, слѣд. успленіе и улучшеніе школъ, и кромѣ того отстраненіе другихъ причинъ обѣдненія.

Наконецъ намъ остается разсмотрѣть, что заключаетъ въ себѣ вреднаго арендаторство земель большими участками съ спекулятивною цѣлью, для раздачи ихъ крестьянамъ по-десятинно.

При внимательномъ разсмотрѣніи хозяйства нашихъ землевладѣльцевъ, состоящаго въ раздачѣ земли цѣлыми участками въ одни руки, что́ многіе послѣднее время дѣлаютъ, нельзя не придти къ убѣжденію, что хотя, при настоящемъ положеніи дѣлъ, арендаторство и приноситъ землевладѣльцамъ нѣкоторую долю пользы, избавляя ихъ отъ хлопотъ, сопряженныхъ съ роздачею земель по-десятинно; но въ сущности переходъ къ такому хозяйству весьма невыгоденъ. Арендаторство земель съ спекулятивною цѣлью, для раздачи ихъ крестьянамъ, есть собственно говоря тройная эксплуатація. При такомъ хозяйствѣ землевладѣльцы обыкновенно сдаютъ свои земли съ значительнымъ пониженіемъ цѣны, противу существующей по-десятинной сдачи; а крестьянамъ въ свою очередь приходится платить арендаторамъ дороже того, за какую цѣну землевладѣльцы могли бы сами сдавать свои земли, получая, за расходами на приказчиковъ, въ общемъ итогѣ во всякомъ случаѣ болѣе получаемой имъ арендаторской платы за весь участокъ. Кромѣ того, при такомъ хозяйствѣ самыя земли страшнымъ образомъ истощаются, такъ какъ, съ одной стороны, арендаторы употребляютъ всѣ зависящія отъ нихъ средства для извлеченія возможно бо́льшаго дохода изъ своей аренды, не думая о послѣдствіяхъ истощенія чужой земли; а съ другой, при по-десятинной ежегодной сдачѣ, посѣвщики, имѣя въ виду для будущаго года другія земли, не заботятся не только объ удобреніи снимаемой ими земли, но даже о возможно лучшей ея обработкѣ. Такая эксплуатація земель начинаетъ уже во многихъ мѣстахъ проявляться довольно частыми неурожаями, даже тамъ, гдѣ прежде они бывали исключеніемъ. Итакъ арендаторство какъ спекуляція, лишающая крестьянъ возможности снимать землю изъ первыхъ рукъ, за нормальную цѣну, въ свою очередь дѣйствуетъ весьма неблагопріятно на народное благосостояніе и можетъ изчезнуть также только при отстраненіи другихъ причинъ крестьянскаго обѣдненія. Съ

улучшеніемъ матеріальнаго положенія крестьянъ отстранится встрѣчаемое въ настоящее время землевладѣльцами затрудненіе въ раздачѣ своихъ земель; а потому они и не будутъ имѣть надобности сдавать ихъ въ однѣ руки.

На Западѣ подобное арендаторство было одною изъ причинъ породившихъ настоящій пролетаріатъ. Что же касается до насъ, то мы въ свою очередь, при дальнѣйшемъ равнодушіи къ причинамъ неблагопріятно дѣйствующимъ на народное благосостояніе, также легко можемъ придти къ тому же бѣдствію въ нашемъ отечествѣ, несмотря на то, что у насъ не только нѣтъ недостатка въ землѣ, но мы хвалимся ея изобиліемъ. Съ отстраненіемъ же разсмотрѣнныхъ нами причинъ, обѣдняющихъ нашихъ крестьянъ, настоящій уровень народнаго благосостоянія долженъ будетъ подняться, а съ тѣмъ вмѣстѣ народъ нашъ пріобрѣтетъ возможность къ увеличенію настоящаго душевого надѣла. Нѣкоторые изъ крестьянъ начнутъ покупкою пріобрѣтать себѣ поземельные участки, внѣ предѣловъ своихъ надѣловъ; душевая же ихъ земля будетъ переходить къ другимъ ихъ однообщественникамъ и, такимъ образомъ, служить увеличеніемъ настоящаго душевого надѣла; причемъ цѣнность на земли должна подняться, а вмѣстѣ съ тѣмъ народъ нашъ не только не будетъ затрудняться въ отдачѣ своихъ дѣтей въ ученье, но будетъ имѣть возможность самъ открывать желаемыя школы, безъ посторонняго пособія.

Итакъ, вотъ къ какимъ результатамъ мы придемъ, если своевременно примемъ мѣры къ отстраненію причинъ обѣдненія нашего народа и на оборотъ, оставляя это дѣло въ настоящемъ его положеніи, можемъ придти къ самымъ плачевнымъ результатамъ. И нѣтъ никакого сомнѣнія, что если земство наше въ дѣлѣ народнаго продовольствія, не ограничиваясь прежними недостаточными мѣрами, но заботится отстраненіемъ причинъ, порождающихъ бѣдность въ нашемъ крестьянскомъ населеніи, оно можетъ еще сдѣлать многое для отстраненія этой бѣдственной перспективы, можетъ помочь благосостоянію народной массы, а также и интересу землевладѣльцевъ, потому что вмѣстѣ съ тѣмъ отстранится и испытываемое въ настоящее время землевладѣльцами затрудненіе въ ихъ поземельномъ хозяйствѣ.

Правда, что какъ введеніе застрахованія крестьянскихъ посѣвовъ, такъ и открытіе народнаго кредита—дѣло, по его сложности, не совсѣмъ легкое, тѣмъ болѣе, что для послѣдняго можетъ потребоваться основной капиталъ; но нѣтъ никакого сомнѣнія, что правительство наше, въ виду его пользы, не отказало бы съ своей стороны земству въ необходимомъ содѣйствіи. Что же касается до крестьянскихъ хозяйственныхъ товариществъ, то въ этомъ случаѣ правительство могло бы оказать большую помощь дѣлу предоставленіемъ хозяйственному товариществу какихъ-нибудь льготъ, какъ, напр., хотя временныхъ

изъятій при отправленіи рекрутской повинности. На такое содѣйствіе со стороны правительства тѣмъ болѣе можно разсчитывать, что потребность эта, въ видахъ поддержанія народнаго благосостоянія, сознавалась имъ уже и въ прежнее время, какъ это видно изъ запрещенія раздѣловъ; между тѣмъ нельзя не согласиться, что насколько при прежнемъ положеніи дѣлъ, для удержанія рабочихъ силъ въ естественномъ соединеніи, соотвѣтствовало запрещеніе раздѣловъ, настолько въ настоящее время, въ тѣхъ же видахъ, оно только и можетъ быть замѣнено поощреніемъ крестьянъ къ веденію полевого хозяйства на товарищескихъ началахъ.

Такимъ образомъ мы видимъ, что вопросъ о народномъ продовольствіи, который до сихъ поръ оставался у земства на послѣднемъ планѣ, оказывается самымъ существеннымъ, на который и должно быть обращено въ настоящее время главное вниманіе земства. При дальнѣйшемъ обѣдненіи народа, онъ можетъ нуждаться въ продовольствіи не только въ неурожайные годы, но и въ обыкновенное время. Между тѣмъ удовлетворить такой нуждѣ было бы положительно невозможно, а потому-то, въ видахъ интересовъ не только крестьянскихъ и землевладѣльцевъ, но и общихъ, заботливость земства при рѣшеніи этого вопроса должна состоять въ отстраненіи самыхъ причинъ крестьянскаго обѣдненія. Разрѣшая такимъ образомъ вопросъ о народномъ продовольствіи, мы вмѣстѣ съ тѣмъ будемъ содѣйствовать дальнѣйшему разрѣшенію самого крестьянскаго вопроса.

Н. Куприяновъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-го августа 1870.

Война на Рейнѣ.—Дипломатическіе переговоры. — Газетная полемика.—Южно-германскія государства и Пруссія.—Патріотическое воодушевленіе нѣмцевъ.—Воззванія прусскаго короля и императора французовъ.—Что говорятъ о войнѣ либеральные французы.—Тьеръ. — Продолжительность войны. — Предположенія объ ея возможныхъ результатахъ.— Идея германскаго единства и ея осуществленіе.—Характеръ прусскихъ войскъ.

Въ срединѣ Европы, въ самыхъ плодородныхъ и живописныхъ мѣстахъ, по берегамъ величественной рѣки, окруженной отовсюду роскошными, красивыми ландшафтами, гдѣ все такъ хорошо, такъ чисто, такъ прибрано, такъ восхищало иностранныхъ посѣтителей, умѣющихъ наслаждаться прелестями природы, — появились теперь любопытные туристы иного рода,—туристы въ каскахъ и съ скорострѣльными ружьями на плечѣ, съ пистолетами и саблями. Война на Рейнѣ, война въ центрѣ Европы, между двумя высоко-цивилизованными народами! Война внезапная, почти неожиданная, точно громъ и молнія изъ яснаго неба. Предзнаменованія были, впрочемъ; буря собиралась уже давно. Несчастная кандидатура принца Леопольда на испанскій престолъ послужила лишь ближайшею причиною взрыва или, лучше сказать, ее заставили стать ближайшею причиною. Такъ, по крайней мѣрѣ, показываютъ обстоятельства дѣла.

6-го іюля, при первомъ оффиціальномъ извѣстіи изъ Испаніи, что на вакантный тронъ ея маршалъ Примъ намѣренъ, съ согласія кортесовъ, посадить принца Леопольда, изъ дома Гогенцоллерновъ, представители парижскаго кабинета: министръ юстиціи Олливье и министръ иностранныхъ дѣлъ герцогъ де-Граммонъ явились въ законодательный корпусъ и энергически протестовали противъ этой кандидатуры—гораздо энергичнѣе, чѣмъ слѣдовало ожидать. Герцогъ де-Граммонъ нападалъ главнымъ образомъ на Пруссію и утверждалъ, что въ кандидатурѣ принца Леопольда слѣдуетъ видѣть попытку возстано-

вить тропъ Карла V. Раздражительность императорскаго министра не обѣщала ничего хорошаго, тѣмъ болѣе, что оффиціозная пресса стала тянуть ту же воинственную пѣсню, и принцу ставили въ вину не только то, что онъ Гогенцоллернъ, но и то, что онъ Мюратъ.

Телеграфъ и курьеры засуетились между Парижемъ и Эмсомъ, гдѣ въ то время спокойно проводилъ время прусскій король; всполошились и дипломаты другихъ державъ, изъ Эмса полетѣли телеграммы въ Варцинъ, гдѣ въ то время отдыхалъ графъ Бисмаркъ. Въ Парижѣ съ нетерпѣніемъ ждали отвѣта изъ Эмса, въ Эмсѣ медлили. Нѣмецкія газеты подсмѣивались надъ усердіемъ герцога де-Граммона и, доказавъ своимъ читателямъ, что принцъ Леопольдъ только по имени связанъ съ прусскимъ королемъ, и что если его назвать чьимъ либо родственникомъ, то именно императора Наполеона, — снова принимались за свои обычные вопросы. Но оффиціозная пресса во Франціи не унималась,—органъ министерства «Constitutionnel» началъ уже возбуждать воинственные инстинкты парижанъ, а Эмиль-де-Жирарденъ въ «Liberté» снова заговорилъ объ «естественныхъ границахъ» Франціи, о необходимости захватить лѣвый берегъ Рейна. Воинственная агитація становилась не шуточною. Не прошло и недѣли послѣ рѣчи Граммона, въ Парижѣ получено извѣстіе отъ испанскаго посланника, что отецъ принца Леопольда прислалъ въ Мадридъ, отъ имени сына, отказъ отъ кандидатуры на престолъ. Въ тотъ же день, 12-го іюля, возвращается изъ Эмса прусскій посолъ при тюльерійскомъ дворѣ Вертеръ съ объявленіемъ, что король отказывается вліять на рѣшеніе принца—въ качествѣ прусскаго короля, но какъ глава Гогенцоллернскаго дома, онъ одобряетъ рѣшеніе принца. Эти извѣстія произвели на обоихъ французскихъ министровъ разныя впечатлѣнія: Оливье заявилъ публично, что отказъ принца отъ кандидатуры на испанскій престолъ прекращаетъ все дѣло, а Граммонъ, напротивъ, утверждалъ— и притомъ съ трибуны законодательнаго корпуса, что французскому правительству нельзя удовлетвориться этимъ фактомъ, но необходимо получить удостовѣреніе въ томъ, что и впредь принцъ Леопольдъ не станетъ принимать кандидатуры на испанскій престолъ. Это разногласіе между министрами подало поводъ къ слухамъ о министерскомъ кризисѣ: сторонники войны требовали отставки. Ихъ желаніе между тѣмъ встрѣтило поддержку въ законодательномъ корпусѣ со стороны главныхъ представителей бонапартизма: Клемана Дювернуа и Жерома Давида. Одно крыло лѣвой оппозиціи требовало, устами Эрнеста Пикара, лишь того, чтобы министерство не принимало важныхъ рѣшеній безъ предварительнаго совѣщанія съ палатою. Газеты между тѣмъ продолжали бить тревогу и взывать къ оружію. Биржа сильно колебалась и миролюбивое заявленіе Оливье, какъ говорятъ, принесло ему самому громадные барыши. Въ сенатѣ заговорили о не-

обходимости твердаго рѣшенія, и твердое рѣшеніе было наконецъ принято: къ французскому послу въ Эмсѣ, Бенедетти послано приказаніе требовать отъ короля письменнаго обязательства не дозволять принцу Леопольду принимать испанскую кандидатуру, а Вертеру Эмиль Олливье объяснялъ въ тоже время, что въ этомъ письменномъ обязательствѣ, которое предназначалось для обнародованія, король Вильгельмъ не долженъ упоминать о томъ, что принцъ Леопольдъ находится въ родствѣ съ императоромъ Наполеономъ. Вертеръ увѣдомилъ объ этомъ совѣтѣ Бисмарка, а Бисмаркъ нашелъ его до того «смѣшнымъ», что не рѣшился передать королю. Бенедетти, между тѣмъ, объяснилъ королю свое порученіе, но тотъ объявилъ ему, что онъ сдѣлалъ все, что можетъ, и считаетъ вопросъ о кандидатурѣ принца Леопольда оконченнымъ. Бенедетти не удовлетворяется этимъ объясненіемъ и снова требуетъ аудіенціи у короля для той же цѣли; король приказываетъ сказать ему, что онъ не хочетъ болѣе повторять своихъ словъ. Извѣстіе объ этомъ фактѣ пришло въ Парижъ 14-го іюля; въ тотъ же день совѣтъ министровъ рѣшилъ объявить Пруссіи войну, а на другой день Эмиль Олливье уже прочелъ это рѣшеніе въ законодательномъ корпусѣ. 19-го числа, чрезвычайный французскій посолъ Лесуръ передалъ формальное объявленіе о войнѣ прусскому правительству въ Берлинѣ.

Газетная полемика, происходившая во время переговоровъ между французскимъ и прусскимъ правительствами и продолжающаяся до сихъ поръ, успѣла выяснить теперь, что война вызвана не отказомъ короля Вильгельма въ томъ, чего онъ ни дозволять, ни запрещать не имѣетъ законнаго права, но желаніемъ императора Наполеона затѣять войну съ Пруссіею какъ бы исключительно изъ-за интересовъ прусской королевской фамиліи и тѣмъ дать поводъ другимъ нѣмецкимъ державамъ принять въ этой войнѣ нейтральное положеніе, да и въ самомъ населеніи Сѣверо-германскаго Союза возбудить мысль, что война навлечена на него лишь эгоистическими побужденіями короля. Самъ императоръ желалъ войны просто для того, чтобы свести свои дипломатическіе счеты за торжество Пруссіи подъ Садовою, за ея упорство въ нежеланіи вознаградить Францію какимъ-нибудь кускомъ европейской территоріи, и чтобы укрѣпить свою династію посредствомъ возстановленія «естественныхъ границъ» Франціи на счетъ Германіи и, пожалуй, Бельгіи. Лондонская газета «Times» обнародовала недавно документъ, добытый ею, вѣроятно, изъ Пруссіи, изъ котораго ясно видно, что императоръ французовъ предлагалъ Пруссіи наступательный и оборонительный союзъ, съ цѣлью захватить Бельгію и южногерманскія государства, при чемъ первая должна была сдѣлаться добычею Франціи, а послѣднія поступить во владѣніе прусскаго короля. На запросъ англійскаго правительства о подлинности этого до-

кумента, прусское министерство иностранныхъ дѣлъ предложило удостовѣриться въ томъ англійскому послу въ Берлинѣ, и заявило, что оно нисколько не сомнѣвается, что, еслибы этотъ документъ не былъ обнародованъ, то правительство Франціи и теперь еще, въ послѣднюю минуту передъ вооруженнымъ столкновеніемъ, опять попыталось бы убѣдить прусское правительство въ необходимости напасть на Бельгію и южно-германскія государства. Положимъ, что послѣднее предположеніе графа Бисмарка скорѣе объясняется раздраженнымъ состояніемъ его мозга, чѣмъ дѣйствительными хищническими наклонностями тюльерійскаго двора, однако несомнѣнно, что именно хищничество императора Наполеона послужило главнымъ поводомъ къ нынѣшней войнѣ. Въ самомъ дѣлѣ, если императоръ не желаетъ округленія своихъ рейнскихъ границъ, и дѣйствительно опасался лишь возстановленія имперіи Карла V, онъ могъ бы уничтожить гогенцоллернскую попытку въ самомъ корнѣ, объявивъ себя противъ этой кандидатуры, когда о ней только-что началась рѣчь. Теперь извѣстно, что когда Примъ, 11-го іюня, произнесъ въ мадридскомъ парламентѣ рѣчь, въ которой заявилъ, что послѣ неудачи съ кандидатурами дона-Фернандо, герцога Аостскаго и герцога Генуэзскаго, онъ ведетъ переговоры съ четвертымъ кандидатомъ,—изъ намековъ маршала легко было догадаться, что этотъ четвертый: «католикъ, королевской крови и совершеннолѣтній», и никто иной, какъ принцъ Леопольдъ Гогенцоллернъ. Во время рѣчи, въ парламентѣ присутствовалъ французскій посолъ Ле-Мерсье и съ нимъ редакторъ «Journal des Débats» Лемуань. Если въ «Débats» уже 17-го іюня появилась статья о томъ, что Примъ ведетъ переговоры съ принцомъ Гогенцоллерномъ, то несомнѣнно, что и Ле-Мерсье очень хорошо понималъ, о какомъ такомъ четвертомъ кандидатѣ говоритъ Примъ. Если, слѣдовательно, французскіе министры особенно жаловались на тайный образъ веденія переговоровъ между испанскимъ правительствомъ и прусскимъ королемъ, и утверждали, что спорная кандидатура явилась среди нихъ совершенно неожиданно, то они очевидно лгали самымъ безсовѣстнымъ образомъ. Если они затѣмъ прицѣпились къ этому факту, какъ къ чему-то выходящему вонъ изъ ряду и угрожающему цѣлости французской имперіи, то опять-таки съ цѣлью вызвать прусскаго короля на какую-нибудь придворную дерзость, но и эту дерзость добыли они лишь послѣ того, какъ сами представили ему дерзкое требованіе.

Нѣмцы поняли, что дѣло идетъ не о Гогенцоллернѣ, а о захватѣ нѣмецкой земли, что война объявлена не потому, что король Вильгельмъ слишкомъ много заботится о членахъ своей фамиліи, но потому, что тюльерійскій кабинетъ противится единству Германіи и стремится обратить Рейнъ во французскую рѣку. Достаточно было назвать Рейнъ, чтобы вызвать всеобщее воодушевленіе по всей Гер-

маніи. «Подымайтесь! — восклицала статья «Kölnische Zeitung», разбросанная повсюду рукою прусскаго правительства, — подымайтесь вы, обитатели дальныхъ янтарныхъ береговъ, вы, смѣлые пруссаки, поднявшіе первый кликъ освобожденія въ 1813 году! Подымайтесь храбрые швабы, вы, которые въ прежнія времена шли впередъ съ императорскимъ знаменемъ и первые принимали удары непріятеля! Подымайтесь силезцы, окрасившіе Кацбахъ французской кровью! Подымайтесь ганноверцы, покрытые славою въ вашей борьбѣ на Иберійскомъ полуостровѣ противъ стараго деспота, и покажите теперь новому, какъ безумно и гнусно ошибается онъ, разсчитывая на то, что въ вашихъ рядахъ возможны люди, которые измѣнятъ своему знамени, призывающему ихъ идти противъ наслѣдственнаго врага. Выходите изъ вашихъ горъ, вы, воинственные баварцы, выходите изъ вашихъ лѣсовъ—вы, тюрингенцы и гессенцы. Будьте достойны великихъ отцовъ, вы—вѣрные, нѣмецкіе сыны, которые сами, собственными кулаками сбросили съ себя постыдное иго Франціи и съ восторгомъ перешли подъ сѣнь нѣмецкаго знамени! Поднимайся все, что носитъ нѣмецкое имя, на Рейнъ, на Рейнъ, на священный Рейнъ, и лети туда на крыльяхъ бури!»

Ничто и не могло взволновать нѣмцевъ такъ сильно, какъ опасность—«свободному, нѣмецкому Рейну». Только ультрамонтанская партія въ Баваріи старалась убѣдить своихъ соотечественниковъ, что въ настоящемъ спорѣ между Франціею и Пруссіею нѣтъ вовсе «нѣмецкаго» вопроса. Однако народная масса въ Баваріи, не смотря на сильную прежнюю вражду къ Пруссіи, раздѣляла тотъ же энтузіазмъ, и раздраженіе противъ ультрамонтановъ дошло въ Мюнхенѣ до того, что главный литературный представитель ультрамонтановъ, Зигль, принужденъ былъ искать спасенія подъ покровомъ полиціи и просить, чтобы его конвоировали въ Австрію. Въ парламентѣ ультрамонтаны старались объявить Баварію въ вооруженномъ нейтралитетѣ, и еслибъ всѣ члены этой партіи были также непоколебимы въ своихъ партикуляристскихъ стремленіяхъ, какъ парламентскій вождь ихъ, Іёргъ, то правительству пришлось бы объявить, что Бавaрія не находитъ нынѣшнюю войну войною изъ-за интересовъ Германіи, и что она, поэтому, не отдастъ своихъ войскъ въ распоряженіе Сѣверо-германскаго Союза [1]). Іёргъ и его сторонники утверждали, что война между Франціею и Пруссіею—война изъ-за нарушеній придворнаго этикета. Но главный министръ, графъ Брай, настаивалъ на томъ, что договоръ съ сѣверо-германскимъ Союзомъ обязываетъ Баварію идти вмѣстѣ съ сѣверо-германцами, вся-

[1]) Въ силу особыхъ конвенцій съ южно-германскими государствами, Сѣверо-германскій Союзъ имѣетъ право призывать подъ свое знамя войска этихъ государствъ всякій разъ, когда онъ ведетъ войну изъ-за интересовъ всей Германіи—casus foederis.

кій разъ, когда непріятель вступаетъ на нѣмецкую землю. Аргументы Брая были поддержаны всеобщимъ одобреніемъ присутствовавшей въ парламентѣ публики и военнымъ министромъ Пранкомъ, который извѣстенъ своимъ отъявленнымъ партикуляризмомъ. «Баварія — сказалъ онъ — должна итти съ Германіею; я говорю это вамъ какъ баварецъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и какъ истый нѣмецъ!» Предложеніе министерства было затѣмъ принято большинствомъ 101 голоса противъ 47: 36 партикуляристовъ подали свой голосъ вмѣстѣ съ генераломъ Пранкомъ.

Рѣшеніе Баваріи оказало вліяніе на Виртембергъ, гдѣ тоже господствуетъ вообще сильная ненависть противъ пруссаковъ. Здѣсь главнаго сопротивленія слѣдовало ожидать со стороны демократовъ, и дѣйствительно, представитель «Международнаго Общества», Бехеръ предложилъ передать чрезвычайный военный бюджетъ министровъ въ особую коммиссію. Глава виртембергскаго министерства, Варнбюлеръ, самъ отличается сильнымъ недовѣріемъ къ политикѣ Бисмарка, но въ данномъ случаѣ, принявъ въ соображеніе взволнованное состояніе населенія, которое требовало войны съ Франціею, Варнбюлеръ воодушевился подобно баварскимъ министрамъ обще-германскимъ патріотизмомъ, и возсталъ противъ предложенія Бехера. «Прошу васъ — сказалъ онъ депутатамъ—вступитесь въ наше дѣло съ полною силою виртембергской земли и покажите Европѣ посредствомъ быстраго, энергическаго заявленія, что самостоятельное нѣмецкое племя, по добровольному рѣшенію, съ мужественною энергіею и восторженнымъ духомъ вступаетъ въ борьбу за нѣмецкую землю, за нѣмецкую честь!» За этимъ воззваніемъ къ національному чувству виртембергцевъ, встаетъ съ своего мѣста редакторъ демократической газеты «Beobachter», извѣстный во всей Германіи публицистъ Карлъ Майеръ, который еще вчера громилъ, въ своей газетѣ, прусскій милитаризмъ и «дерзкую заносчивость» графа Бисмарка. Палата стихала, всѣ ожидали чего-нибудь необыкновеннаго, и Майеръ дѣйствительно произнесъ необыкновенную рѣчь. Онъ объявилъ, что и теперь онъ порицаетъ прусскую политику, которая оторвала Германію отъ Дуная, но цѣлость Германіи дорога для него не на Дунаѣ только, но и на Рейнѣ, и что такъ какъ вчерашнее (20-го іюля) рѣшеніе баварскаго парламента показываетъ, что Баварія идетъ вмѣстѣ съ Пруссіею, то пусть и Виртембергъ пойдетъ защищать Рейнъ подъ прусскимъ начальствомъ. Послѣ этой рѣчи Бехеръ взялъ свое предложеніе назадъ, и проектъ министерства былъ утвержденъ единогласно.

Гессенъ-Дармштадтъ, первый министръ въ которомъ, баронъ Дальвигкъ, всегда былъ врагомъ Пруссіи, не могъ не приступить ко всеобщему вооруженію, послѣ того, какъ вся Германія заявила себя противъ Франціи. А Баденъ и безъ того всегда желалъ слиянія съ Сѣ-

веро-германскимъ Союзомъ, Баденъ давно уже передалъ всѣ свои войска въ распоряженіе Пруссіи: самъ военный министръ въ Баденѣ прусскій генералъ Байеръ.

Въ сѣверо-германскомъ парламентѣ только два депутата: саксонскіе соціалисты Либкнехтъ и Бебель воздержались отъ подачи голоса по вопросу объ утвержденіи сверхсмѣтнаго военнаго кредита въ 120 милліоновъ талеровъ, а берлинскій соціалистъ Швейцеръ протестовалъ противъ полугодовой отсрочки новыхъ выборовъ въ парламентъ, которые должны были состояться въ августѣ мѣсяцѣ. Саксонское правительство отозвало своего посла изъ Парижа и просило допустить саксонскія войска въ авангардъ союзной арміи, и саксонцы дѣйствительно составляютъ авангардъ корпуса принца Фридриха-Карла, расположеннаго какъ разъ противъ той части французской границы, откуда предполагается вторженіе главныхъ силъ императора Наполеона.

Не слѣдуетъ полагать, что вся сила Германіи заключается лишь въ воодушевленіи нѣмецкихъ правительствъ; напротивъ, это воодушевленіе и готовность правительствъ поставить свои войска подъ общее начальство Пруссіи обусловлены силою, всеобщимъ энтузіазмомъ всей нѣмецкой земли, всѣхъ классовъ общества. Замѣчательно, что именно въ тѣхъ прусскихъ провинціяхъ, гдѣ французское правительство ожидало найти своихъ сторонниковъ: въ Ганноверѣ и Гольштейнѣ, учащаяся молодежь оказалась воодушевленною самымъ неподдѣльнымъ патріотизмомъ: студенты кильскаго и геттингенскаго университетовъ стали *всѣ* въ ряды волонтеровъ. Также точно поступили студенты эрлангенскаго университета въ Баваріи и гиссенскаго въ Гессенъ-Дармштатѣ; студенты другихъ германскихъ университетовъ уходятъ въ ряды волонтеровъ цѣлыми сотнями, такъ что, полагаютъ, что на время войны всѣ университеты должны будутъ прекратить свои курсы по той простой причинѣ, что у нихъ или вовсе не будетъ слушателей, или будетъ ихъ слишкомъ мало. Даже цюрихскій университетъ въ Швейцаріи доставилъ свой контингентъ въ 200 человѣкъ. Городъ Франкфуртъ, который тоже считался «фрондирующимъ», оглашается теперь во всѣхъ классахъ своихъ звуками пѣсни: «die Wacht am Rhein» и имѣетъ «фрондеровъ» лишь въ лицѣ мѣстныхъ банкировъ и издаваемой ими газеты, которая однако не позволяетъ себѣ никакихъ выходокъ, оскорбительныхъ для патріотическаго чувства. Въ Гессенъ-Касселѣ прусскаго короля принимали съ восторгомъ. Купечество Гамбурга, Бремена и Любека принесло громадныя денежныя средства. Вся либеральная партія въ Сѣверо-германскомъ Союзѣ, которая, во время войны 1866 года, держалась въ сторонѣ, выступила теперь съ восторженнымъ манифестомъ къ нѣмецкому народу. Манифестъ этотъ направленъ главнымъ образомъ не противъ французской націи, но противъ императора французовъ, который, унизивъ французскую націю въ домашнихъ

дѣлахъ, старается примирить ее съ этимъ униженіемъ посредствомъ воинскихъ торжествъ, посредствомъ лести ея національному тщеславію». Либералы напоминаютъ Европѣ про вѣроломное обращеніе Наполеона III съ Италіею и поляками, про стремленіе его уничтожить независимость Бельгіи, Люксембурга и Швейцаріи, про униженіе Австріи, Россіи и Испаніи, про желаніе Наполеона помочь южнымъ плантаторамъ въ Соединенныхъ-Штатахъ, про Мексику. Либералы обвиняютъ его въ томъ, что онъ причина «вооруженнаго мира». Борясь противъ «чудовищной системы бонапартизма», «мы—говорятъ нѣмецкіе либералы — будемъ биться не только за нашу независимость, но за спокойствіе и культуру Европы. Нѣмцамъ неизвѣстна страсть къ завоеваніямъ,—все, чего они желаютъ, это чтобы имъ позволили быть самими собою. Охраняя нашу собственную землю, нашъ языкъ, нашу національность, *мы готовы признать соотвѣтствующія права за всѣми другими націями*». Нѣмецкіе республиканцы, проживающіе въ Лондонѣ и поселившіеся съ 1848 года въ Соединенныхъ Штатахъ, тоже энергически высказались за обще-нѣмецкое дѣло; всѣ они видятъ въ этой борьбѣ Франціи съ Пруссіею войну бонапартизма противъ нѣмецкаго единства, охраненіе Рейна отъ присоединенія его къ Франціи. Особенно сильно возбуждены противъ Франціи жители прирейнскихъ провинцій которымъ угрожаетъ перемѣна правительства. «Они знаютъ (пишетъ о нихъ изъ Майнца корреспондентъ лондонской газеты Daily-News), по крайней мѣрѣ по преданіямъ, что́ значитъ война... Многіе припоминаютъ злые годы, когда армія, хвалившаяся именемъ свободы, пыталась придавить ихъ подъ желѣзное ярмо военнаго деспотизма. Другимъ разсказывали, какъ страдали ихъ отцы подъ давленіемъ жестокихъ людей, въ устахъ которыхъ «республика, братство и равенство» были только пустыми словами. Они видятъ во второй имперіи только плохую копію съ первой, и они готовы пожертвовать своимъ имуществомъ и жизнью, лишь бы не попасть подъ владычество «архи-деспота девятнадцатаго вѣка» и чтобы вновь установить прочный миръ въ странѣ. Это не на вѣтеръ брошенныя фразы, но факты, которые можно доказать самымъ очевиднымъ образомъ. Я говорилъ съ людьми, разбогатѣвшими отъ виноградниковъ и фабричной промышленности. Они объявили мнѣ, что смолкъ уже (письмо помѣчено 18 іюля) шумъ паровой машины и исчезли всѣ надежды на обильную жатву. Потеря для нихъ громадная и непоправимая, но они не обращаютъ на это серьезнаго вниманія. Они жалуются только, что года не позволяютъ имъ лично идти на поле битвы и еще разъ сразиться съ непріятелемъ за «доброе старое дѣло». На свои имущественные интересы они смотрятъ какъ на несчастіе, и не сожалѣютъ о нихъ. Французы ли, или нѣмцы одержатъ побѣду—фабрика должна оставаться закрытою, виноградники все-таки погибаютъ. Но въ этомъ нѣтъ такой бѣды, ихъ пу-

таетъ гораздо больше гнусное успокоеніе въ совершившихся фактахъ, если французамъ удастся одержать побѣду. Въ вагонахъ ли желѣзныхъ дорогъ, или въ табль-дотахъ въ любой гостинницѣ, толки здѣсь вездѣ одни: сопротивленіе до послѣдняго издыханія противъ безсовѣстнаго предпріятія сумасброднаго старика, воображающаго себѣ, что можно упрочить ненавистную для всѣхъ здравомыслящихъ людей династію на потокахъ крови; эта рѣшимость воодушевляетъ всѣхъ — старыхъ и юныхъ, богатыхъ и бѣдныхъ. Крестьянинъ, кое-какъ поддерживающій свое несчастное и жалкое существованіе на черномъ хлѣбѣ, кажется здѣсь такимъ же пылкимъ врагомъ Франціи, какъ и богачъ, который живетъ на землѣ, точно въ раю».

На это народное одушевленіе прусскій король отвѣчалъ въ своемъ воззваніи къ народу и благодаритъ его. «Я — прибавляетъ онъ—буду платить нѣмецкому народу вѣрностью за вѣрность и неизмѣнно сохраню любовь къ общему нашему отечеству... Единая, *какъ почти никогда еще*, Германія, въ этомъ своемъ единодушіи и въ своей правотѣ, можетъ видѣть ручательство, что война принесетъ ей продолжительный миръ, и что этотъ кровавый посѣвъ принесетъ Богомъ благословенную жатву нѣмецкой свободы и единства».

Съ другой стороны императоръ Наполеонъ, въ своемъ воззваніи къ французскому народу, говоритъ о преступленіяхъ Пруссіи противъ Европы и призываетъ народъ стать подъ славное знамя, которое разносило по всей Европѣ «цивилизующія идеи нашей великой революціи». Онъ напоминаетъ французамъ, «что въ четырехъ частяхъ свѣта побѣда слѣдовала по стопамъ ихъ арміи», и увѣряетъ, что эта армія призвана теперь положить конецъ завоеваніямъ Пруссіи, которая будто бы «принудила всѣхъ къ чрезмѣрному вооруженію и сдѣлала Европу лагеремъ, въ которомъ господствуетъ безпокойство и страхъ за завтрашній день». Независимость Германіи императоръ уважаетъ, онъ обѣщаетъ сверхъ того, что «народы, составляющіе великую германскую національность, будутъ распоряжаться своей судьбою». Но онъ ничего не говоритъ о Рейнѣ и ни однимъ словомъ не даетъ понять, *когда* именно германскіе народы просили его дать имъ возможность «распорядиться своей судьбою». Изъ императорской прокламаціи невозможно понять также, почему именно Пруссія, а не какая-нибудь другая держава, «сдѣлала Европу лагеремъ». Но за то всѣмъ ясно, къ чему Наполеонъ говоритъ французамъ: «я беру съ собою моего сына; несмотря на его юношескій [1]) возрастъ, онъ знаетъ, какія обязанности возлагаетъ на него *его имя*,—онъ гордится тѣмъ, что принимаетъ участіе въ опасностяхъ вмѣстѣ съ тѣми, которые сражаются за свое отечество». Это имя — бонапартизмъ, это имя того,

[1]) Ему четырнадцать лѣтъ.

что́ нанесло самый тяжелый ударъ «цивилизующимъ идеямъ великой французской революціи». Бонапартизмъ—это громкія, благородныя слова и скрытныя, низкія интриги, насиліе и неволя. Нынѣшняя война—это лучшее доказательство того, что бонапартизмъ не можетъ править Франціею путемъ свободы и мира, что онъ не можетъ ужиться съ свободою и что всю свою будущность, самое существованіе онъ готовъ поставить въ зависимость отъ случайностей войны, лишь-бы удержать въ рукахъ своихъ личный произволъ. Сама Франція увлекается за императоромъ въ эту войну далеко не такъ единодушно, какъ шла она, напримѣръ, въ итальянскую кампанію и даже въ крымскую. Она не можетъ идти за нимъ просто потому, что у нея нѣтъ даже блестящаго предлога. «На Рейнъ»! — вотъ боевой крикъ французскихъ шовинистовъ, то-есть захватъ территоріи, населенной чужою націею. Франція не можетъ кричать: «долой прусскій милитаризмъ»! потому что ея собственное правительство есть воплощеніе того же милитаризма. Она не можетъ говорить о внесеніи въ Германію «цивилизующихъ идей великой французской революціи», потому что, во всякомъ случаѣ, порядки нынѣшней Франціи вовсе не лучше прусскихъ. Вотъ почему французская демократія, — то-есть всѣ тѣ французы, которымъ дѣйствительно дороги «цивилизующія идеи ихъ великой революціи», и которые сознательно проводятъ эти идеи въ жизнь своей націи путемъ печати или общественной и государственной дѣятельности, — не одобряетъ нынѣшней войны Франціи съ Пруссіею. Учащаяся молодежь Франціи протестовала въ демократическихъ газетахъ противъ органовъ бонапартизма, утверждавшихъ, что парижскіе студенты будто бы ходили цѣлою тысячною толпою по улицамъ, съ криками: «да здравствуетъ война»! «долой Пруссію»! Люди изъ либеральной буржуазіи стараются показать Европѣ, что нынѣшняя Франція вовсе не пропитана столь узкимъ шовинизмомъ и столь алчною жаждою къ чужеземной крови и чужой землѣ, что сто́итъ только императору поднять кличъ, и Франція, какъ свирѣпый тигръ, готова броситься на всякаго встрѣчнаго и поперечнаго. Въ лондонскихъ газетахъ эти либералы высказываютъ теперь всѣ свои жалобы противъ бонапартизма. Въ Парижѣ, хотя онъ и не объявленъ на осадномъ положеніи, онъ не можетъ высказываться, — вмѣсто обѣщаннаго закона о подсудности всѣхъ дѣлъ печати суду присяжныхъ, изданъ теперь другой законъ, который грозитъ газетамъ за всякія извѣщенія о войнѣ громаднымъ штрафомъ и административнымъ запрещеніемъ на шесть мѣсяцевъ. Въ Пруссіи тоже захватываются теперь газеты, но въ округахъ, объявленныхъ на осадномъ положеніи.

Либеральные французы говорятъ, что еслибы законодательный корпусъ служилъ вѣрнымъ представителемъ страны, въ немъ не только не нашлось бы 248 голосовъ (изъ 292) въ пользу войны, но большин-

ство его положительно отвергло бы предложеніе министерства. «Рукоплесканія законодательнаго корпуса и сената ничего не значатъ (письмо парижанина въ газету «Times», отъ 6-го іюля). Нашъ парламентъ не представляетъ Франціи. Развѣ не такой же парламентъ рукоплескалъ мексиканской экспедиціи? Развѣ онъ не рукоплескалъ также громко и единодушно теоріи «крупныхъ аггломерацій», когда эту теорію провозгласили съ трона для того, чтобы Франція примирилась съ Садовою и расширеніемъ Пруссіи? Развѣ онъ осмѣлится не рукоплескать чему-нибудь такому, что́ одобряютъ въ Тюльери? Развѣ наши законодатели не «представители преффектовъ», назначаемыхъ императоромъ? Развѣ эти люди не обязаны подавать свой голосъ за войну, предпринимаемую съ династическими цѣлями»? На эти вопросы вторая имперія можетъ отвѣтить лишь молчаніемъ. Главная твердыня шовинизма во Франціи находится въ самой арміи и — что́ особенно странно — въ людяхъ свободныхъ профессій: профессорахъ, адвокатахъ, врачахъ. Парижанинъ «Times»'а полагаетъ, что большинство тѣхъ 50-ти тысячъ солдатскихъ голосовъ, которые сказали: «нѣтъ» во время плебисцита, принадлежитъ солдатамъ не республиканскаго образа мысли, а шовинистамъ, и это весьма вѣроятно, такъ какъ значительная часть этихъ «оппозиціонныхъ» голосовъ пріобрѣтена въ Алжиріи, среди зуавовъ, тюркосовъ и т. п. Что касается крестьянъ, въ нихъ война не возбуждаетъ ни малѣйшаго восторга. «Наши крестьяне—пишетъ одинъ французъ въ «Pall-Mall-Gazette»—землевладѣльцы и земледѣльцы, они крѣпко привязаны къ своей матери-землѣ, ихъ тяжелые деревянные башмаки и еще болѣе тяжелые умы спасаютъ ихъ отъ героическихъ порывовъ. Они ничего не слыхали о Рейнѣ, и не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о томъ, что у рѣкъ бываютъ правые и лѣвые берега́. Они слыхали о пруссакахъ, потому что ихъ отцы говорили имъ, что полъ-вѣка тому назадъ пруссаки вторгнулись во Францію и опустошили всѣ поля и фермы, попадавшіяся имъ на пути. Въ этомъ фактѣ они видятъ весьма вѣское доказательство того, что если пруссаки вновь вторгнутся во Францію, то ихъ слѣдуетъ выгнать вонъ, и еще болѣе вѣское доказательство того, что пруссаковъ не слѣдуетъ подстрекать къ вторженію, чтобы, однимъ словомъ «pour rester tranquille, chacun chez soi». Старикъ крестьянинъ, которому я разсказывалъ про парижскія демонстраціи въ пользу войны, говорилъ о нихъ съ презрительною улыбкой» и т. д. Въ томъ же смыслѣ говоритъ о настроеніи крестьянъ и парижанинъ «Times»'а. Впрочемъ, презрѣніе старика-крестьянина къ воинственнымъ манифестаціямъ городского населенія не вполнѣ оправдывается настоящими обстоятельствами, и въ этомъ презрѣніи слышится скорѣе голосъ вѣчнаго антагонизма сельскаго населенія во Франціи къ городскому, чѣмъ дѣйствительная правда. Крестьянскаго презрѣнія вполнѣ заслуживаютъ тѣ бонапартистскіе

депутаты законодательнаго корпуса, которые жаловались на то, что военный министръ не хочетъ дать имъ привилегированное положеніе въ рядахъ «подвижной національной гвардіи», но только императоръ французовъ можетъ презрительно обращаться съ волонтерами, которыхъ насчитываютъ уже до 97 тысячъ. Къ этимъ «волонтерамъ» императоръ питаетъ столь сильную антипатію, что воспрещаетъ допускать ихъ въ главную квартиру своей арміи. Это запрещеніе, во всякомъ случаѣ, весьма хорошо характеризуетъ вторую имперію: даже среди ярыхъ приверженцевъ династической войны императоръ опасается встрѣтить опасныхъ для него людей!

Кромѣ либеральныхъ и демократическихъ противниковъ династической войны, нынѣшняя война встрѣтила сопротивленіе даже въ душѣ заклятыхъ враговъ принципа національностей и доктринеровъ теоріи объ естественныхъ границахъ. Даже Тьеръ, который всегда проповѣдывалъ о необходимости присоединить къ Франціи лѣвый берегъ Рейна,—даже Тьеръ произнесъ рѣчь противъ объявленія войны. Тьеръ нашелъ нынѣшній походъ несвоевременнымъ, а причины слишкомъ мелкими. По его мнѣнію, слѣдовало подождать того момента, когда Пруссія рѣшилась бы захватить южно-нѣмецкія государства вооруженною рукою,—въ такой моментъ Франція тотчасъ бы нашла себѣ союзника въ Австріи и встрѣтила одобреніе со стороны всей Европы. Въ этомъ мнѣніи все справедливо, еслибъ его можно было примѣнить къ практикѣ, еслибъ въ данномъ случаѣ можно было выжидать. Но Тьеры—противники рейнской экспедиціи лишь на словахъ; — первая побѣда французовъ совершенно успокоитъ ихъ возмущенную совѣсть и вполнѣ примиритъ съ несправедливостью предлога къ нынѣшней войнѣ. Тьеры будутъ первые прославлять Наполеона III за захватъ Рейна, какъ прославляютъ они Наполеона I за всѣ его подвиги военнаго деспотизма. Вся партія Тьера въ законодательномъ корпусѣ—весь лѣвый центръ подалъ свои голоса въ пользу войны, утвердивъ единогласно чрезвычайный военный бюджетъ въ 500 милліоновъ франковъ.

Въ нашемъ очеркѣ настроенія обѣихъ воюющихъ сторонъ мы старались, по возможности, представить самыя рельефныя части, при чемъ, конечно, пришлось упустить многія мелкія подробности — множество публичныхъ демонстрацій, которыя происходили во Франціи и въ Германіи, множество примѣровъ серьезнаго и смѣшного патріотизма. Во всякомъ случаѣ, для насъ ясно, что война воодушевила массы пылкихъ головъ по обѣ стороны рѣки Рейна, что главная, ближайшая цѣль ея—долина этой рѣки: Франція желаетъ отнять Рейнъ у нѣмцевъ, нѣмцы встали какъ одинъ человѣкъ на охраненіе его. Французы идутъ съ императоромъ, который въ пріобрѣтеніи Рейна видитъ прежде всего свой династическій интересъ; нѣмцы сами увлечены въ

войну, сами влекутъ свои правительства, ибо видятъ въ войнѣ за Рейнъ войну за цѣлость нѣмецкой земли—войну за національное единство, безъ котораго невозможно развитіе свободы. Тамъ война—чисто династическаго свойства и первое пораженіе можетъ значительно охладить воинственные порывы; здѣсь война за національное существованіе и только рѣшительныя и громадныя неудачи—цѣлый рядъ пораженій—могутъ сломить народное воодушевленіе. Но такъ какъ война, которую ведетъ теперь императоръ Наполеонъ, должна имѣть роковое значеніе для его трона, то несомнѣнно, что, въ случаѣ перваго пораженія, онъ употребитъ всѣ свои усилія на то, чтобы продолжать войну до послѣдняго конца: онъ играетъ послѣднюю игру, онъ хочетъ отыграть все проигранное прежде. Всѣ эти соображенія, вмѣстѣ взятыя, а также тотъ фактъ, что въ нынѣшней войнѣ примутъ участіе двѣ лучшія изъ европейскихъ армій, предводительствуемыя весьма опытными и искусными полководцами, — заставляютъ предполагать, что борьба окончится не скоро и должна дать весьма важные результаты, если только естественному исходу ея не помѣшаетъ вмѣшательство другихъ европейскихъ державъ.

Объ этомъ исходѣ войны дѣлаются теперь различныя предположенія. Въ случаѣ побѣды Наполеона, война дастъ возможность императору окончательно придавить всѣ либеральные и демократическіе элементы во Франціи, и на развалинахъ этихъ элементовъ упрочить свою династію. Онъ разобьетъ Германію въ прежніе куски и не перестанетъ зорко слѣдить за тѣмъ, чтобы эти куски опять не полѣзли другъ къ другу.

Нѣмецкая нація, только-что начавшая освобождаться изъ подъ иностраннаго вліянія, вновь подпадетъ ему. Несомнѣнно, что Наполеонъ, однажды захвативъ нѣмецкія земли на Рейнѣ, долженъ будетъ стараться офранцузить захваченныя провинціи, и несомнѣнно у него достанетъ искусства, чтобы сѣять въ Германіи, подпавшей его вліянію, безпрестанные раздоры между отдѣльными ея государствами. Можетъ случиться, что Наполеонъ найдетъ удобнымъ заставить Германію снова признать Австрію нѣмецкою державою. Во всякомъ случаѣ, едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что побѣда Наполеона надолго отсрочитъ осуществленіе единства нѣмецкой націи, и надолго установитъ систему военнаго деспотизма во Франціи. Самому спокойствію Европы будетъ угрожать постоянная опасность: за присоединеніемъ Рейна къ Франціи можетъ послѣдовать и присоединеніе Бельгіи съ Люксембургомъ и французскихъ кантоновъ Швейцаріи. Съ другой стороны, разбитая Пруссія не перестанетъ мечтать о возможности осуществленія своего германскаго призванія въ будущемъ и, вмѣсто того, чтобы идти, хотя медленно, но твердо, по пути умственнаго прогресса и матеріальнаго благосостоянія, какъ шла

она въ настоящее время во главѣ сѣверо-германскихъ государствъ, начнетъ хлопотать лишь о развитіи своихъ военныхъ силъ, чтобы освободиться при первомъ удобномъ случаѣ изъ-подъ ига иностранныхъ вліяній. Въ Австріи, которой снова представится возможность играть роль германской державы, наступитъ неизбѣжная реакція. Славянскія племена, которыя находятся теперь накапунѣ хотя нѣкотораго осуществленія своихъ справедливыхъ національныхъ требованій, опять отступятъ на второй планъ, всѣ послѣднія либеральныя реформы, произведенныя послѣ садовскаго погрома съ цѣлью перещеголять Пруссію, окажутся вредными и ненужными въ глазахъ торжествующей реакціи, а развѣ въ Австріи мало реакціонныхъ элементовъ? Наконецъ, усиленіе военнаго деспотизма во Франціи дастъ себя почувствовать также въ Италіи и Испаніи. Оба эти государства станутъ почти французскими провинціями: и теперь оскорбленная Испанія не осмѣливается поднять брошенную ей перчатку, и теперь Италія постоянно раболѣпствуетъ передъ тюльерійскимъ дворомъ — что́ же будетъ съ ними тогда, когда французскій шовинизмъ истребитъ устанавливающееся единство Германіи, совершенно откажется отъ уваженія независимости націй и начнетъ грозить имъ другою великою идеей — идеей о латинскомъ племени? Лишившись всякой опоры извнѣ, Испаніи и Италіи придется лишь безпрекословно повиноваться всѣмъ предписаніямъ тюльерійскаго двора.

Совсѣмъ другую картину представитъ Европа, если побѣда выпадетъ на долю Германіи. Бонапартизмъ лишится тогда всякаго обаянія въ глазахъ французовъ и императору, чтобы удержаться на тронѣ, придется приступить къ самымъ широкимъ реформамъ въ конституціонномъ смыслѣ. Демократія и искренній либерализмъ снова подымутъ голову во Франціи, всемірной славы французы станутъ искать опять въ дѣйствительно великихъ идеяхъ свободы, равенства и братства; шовинизмъ рѣшительно потеряетъ всякій вѣсъ въ глазахъ французовъ, а конституціонныя преобразованія подрѣжутъ въ корнѣ всѣ тщеславные замыслы милитаризма, лишивъ его даже матеріальныхъ средствъ. Однимъ словомъ, съ уничтоженіемъ личнаго произвола во Франціи наступитъ новая эпоха для великихъ дѣлъ въ пользу мира, благосостоянія и свободы не только во Франціи, но во всемъ цивилизованномъ мірѣ. Всего скорѣе и существеннѣе отразится это благотворное вліяніе на Испаніи и Италіи, которые, вмѣстѣ съ тѣмъ, пріобрѣтутъ значительную увѣренность въ прочность своего самостоятельнаго существованія и развитія, а такая увѣренность—сила высокой важности.

Для самой Германіи побѣда надъ Наполеономъ будетъ имѣть еще болѣе важныя послѣдствія. Германія пріобрѣтетъ въ первый разъ національное единство. Только прочное національное единство и увѣренность

въ своей безопасности даютъ каждой націи возможность серьезно заняться разборомъ своей внутренней жизни и изысканіемъ способовъ къ установленію политической свободы и гражданскаго равенства, и къ развитію матеріальнаго благосостоянія. Возьмите слабую, разбитую на части націю, находящуюся ли подъ владычествомъ иностраннаго правительства, или управляемую своими правителями, вездѣ замѣтите вы полный застой свободы. Свободу нельзя создавать на воздухѣ, а можетъ ли нація врываться во всѣ тонкости либерализма, когда у нея нѣтъ еще прочной увѣренности въ возможность самостоятельнаго существованія, когда она постоянно испытываетъ на себѣ разныя вліянія чужестранцевъ, оказывающихъ давленіе то на ту часть разорванной націи, то на другую, то въ одномъ направленіи, то въ совершенно противоположномъ?

Идея германскаго единства не вчера родилась,—ее высказывали и лелѣяли почти всѣ великіе ученые и поэты Германіи; въ 1813 году она стала впервые воодушевлять народныя массы,—уже въ тѣ далекія времена великій германскій патріотъ, философъ Фихте высказалъ мысль, что безъ единства невозможна въ Германіи и свобода, и уже тогда онъ полагалъ, что это единство можетъ совершить лишь одна Пруссія. Съ теченіемъ времени убѣжденіе въ германское призваніе Пруссіи распространялось и укоренялось во всѣхъ углахъ Германіи, и особенно на Сѣверѣ. Революція 1848 года предложила прусскому королю корону нѣмецкихъ императоровъ, и 29 нѣмецкихъ государей, повинуясь требованіямъ своихъ населеній, высказались за это предложеніе. Но прусскимъ королемъ въ то время былъ совершенно неспособный человѣкъ, и великая идея должна была остаться безъ исполненія. Затѣмъ явился другой моментъ для ея осуществленія — итальянская война 1859 года. Вѣчные соперники Пруссіи: Австрія и Франція были заняты междоусобною войной; нѣмецкіе демократы подняли клики единства и совѣтовали прусскому королю не упускать превосходной минуты для медіатизированія гнусныхъ деспотовъ Ганновера, Гессенъ-Касселя и другихъ, но король, вѣрный своимъ династическимъ убѣжденіямъ, не рѣшился на смѣлый шагъ. Крикъ нѣмецкаго единства имѣлъ несомнѣнное вліяніе на итальянскую войну: Австрія и Франція испугались и поспѣшили поскорѣе заключить жалкій виллафранкскій миръ, которымъ онѣ надѣялись положить конецъ національнымъ стремленіямъ, какъ Италіи, такъ и Германіи. Но великую идею, разъ проникшую въ народныя массы, нельзя затормозить кусками пергамента, носящими названіе трактатовъ. Идея германскаго единства продолжала искать себѣ способнаго исполнителя, и она нашла его, наконецъ, въ графѣ Бисмаркѣ. Даже рѣшительный врагъ всѣхъ начинаній, движеній и плановъ Бисмарка, Шербюлье авторъ вышедшей недавно книги о политическомъ положеніи германіи признаетъ за нимъ искрен-

нее воодушевленіе идеей единства. И дѣйствительно, Бисмаркъ нарушилъ прусскую конституцію ради того, чтобы пріобрѣсть военную силу для ея осуществленія, для той же цѣли онъ вовлекъ Австрію въ шлезвигъ - голштейнскую войну въ 1863 году, и затѣмъ изгналъ Австрію изъ семьи нѣмецкихъ государствъ 1866 году. Но всѣ эти важные успѣхи оставляли великое дѣло на полупути: нужно было связать всѣ области внутренними узами и приготовить окончательное сліяніе сѣверной Германіи съ южною, и тѣмъ избавить Германію изъподъ ига послѣдней завистливой покровительницы — императорской Франціи. Бисмаркъ, какъ видно по всѣмъ его дѣйствіямъ въ Сѣверогерманскомъ Союзѣ, надѣялся достичь этого нескоро, и постоянно опасался вооруженнаго столкновенія съ опасною соперницею. Самъ Сѣверо-германской Союзъ устроенъ такимъ образомъ, что даетъ возможность предпріимчивому министру успѣшно бороться со всѣми партикуляризмами, и съ прусскимъ въ томъ числѣ. Въ этомъ отношеніи можно допустить даже мнѣніе Шербюлье, что Союзъ созданъ «однимъ человѣкомъ для одного человѣка» [1]). Имѣя подъ рукой это орудіе, которое дѣйствуетъ и исполнительнымъ, и совѣщательнымъ образомъ, Бисмаркъ успѣлъ привлечь на свою сторону національно-либеральную партію и при помощи ея провести чрезъ рейхстагъ нѣсколько крупныхъ объединяющихъ мѣръ, дающихъ почувствовать народнымъ массамъ въ присоединенныхъ къ Пруссіи сѣверо-германскихъ областяхъ, что прусское правленіе гораздо лучше прежняго. Могла ли свобода развиваться въ Ганноверѣ или Гессенъ-Касселѣ при прежнихъ государяхъ, сдѣлавшихся теперь союзниками Франціи,—въ этомъ легко можетъ убѣдиться всякій, кому станетъ извѣстнымъ, что ганноверскій король два раза ниспровергалъ свою собственную конституцію съ цѣлью присвоить себѣ всѣ государственныя имущества, и кому извѣстно, что сумасбродный курфирстъ Гессенъ-Касселя управлялъ страною совершенно произвольно, и тоже считалъ государственныя имущества своею личною собственностью. Говорить объ управленіи другихъ деспотовъ, еще болѣе мелкихъ, значитъ перечислять безчисленныя жалобы нѣмецкаго народа противъ своего разъединенія. Хотя до настоящаго времени во всѣхъ государствахъ Сѣверо-германскаго Союза оставалось еще многое сдѣлать для ихъ объединенія, несомнѣнно во всякомъ случаѣ, что и теперь уже населенія Ганновера, Нассау и другихъ земель, вошедшихъ въ составъ Союза, окажутся

---

[1]) Во всякомъ случаѣ Сѣверо-германскій Союзъ заслуживаетъ предпочтеніе предъ императорскою конституціею во Франціи, такъ какъ сѣверо-германскій рейхстагъ (законодательный корпусъ) состоитъ не изъ оффиціальныхъ кандидатовъ, не изъ представителей «префектовъ», а изъ дѣйствительныхъ представителей поголовной подачи голосовъ.

весьма равнодушными къ революціоннымъ прокламаціямъ, которыя намѣревается издать императоръ французовъ.

«Мостъ черезъ Майнъ» Бисмаркъ перебросилъ посредствомъ военныхъ конвенцій съ южно-германскими государствами и посредствомъ Таможеннаго Союза. Раздѣливъ территорію Гессенъ-Дармштадта на двѣ половины — сѣверную, вошедшую въ составъ сѣверо-германскаго Союза, и южную, оставшуюся самостоятельнымъ владѣніемъ великаго герцога,—Бисмаркъ устроилъ территоріальную связь между югомъ и сѣверомъ и положилъ территоріальную преграду къ образованію южно-германскаго Союза, котораго такъ страстно желали враги прусскаго единства: Австрія и Франція. Впослѣдствіи оказалось впрочемъ, что идея южно-германскаго Союза—химера уже по тому одному, что въ самыхъ южно-германскихъ государствахъ нѣтъ никакихъ прочныхъ элементовъ для составленія подобнаго Союза. Въ этомъ согласны и Шербюлье и всѣ другіе враги прусскаго объединенія Германіи. Баденское правительство и парламентское большинство тянутъ въ Сѣверо-германскій Союзъ. Протестантскій и демократическій Виртембергъ не видитъ никакой выгоды сливаться съ католическою и малолиберальною Баваріею. Однимъ словомъ, на Баденѣ, Виртембергѣ и Баваріи повторяется басня о союзѣ «Щуки, Лебедя и Рака»; союзъ этотъ—мертворожденная идея. Тѣмъ не менѣе, какъ Виртембергъ, такъ и Бавaрія отличались, до самаго послѣдняго времени, самою отчаянною непріязнью къ Пруссіи, и только благодаря хищническому нападенію Франціи, они рѣшились теперь встать подъ сѣверо-германское знамя. Это, во всякомъ случаѣ, служитъ лучшимъ доказательствомъ того, что и въ этихъ государствахъ національная идея беретъ перевѣсъ надъ всѣми другими соображеніями. Очень можетъ быть, что и послѣ побѣды надъ Франціею, южная Германія все еще не войдетъ въ полный союзъ съ сѣверною, но несомнѣнно, что побѣда и братское воодушевленіе общею великою идеей много помогутъ къ уничтоженію разныхъ между-нѣмецкихъ предразсудковъ и положатъ прочное, незыблемое основаніе къ будущему развитію свободы и матеріальнаго благосостоянія среди общей нѣмецкой націи.

Опасаться, какъ это дѣлаютъ всѣ враги прусскаго объединенія Германіи, — что Пруссія, соединивъ всю Германію подъ своимъ скипетромъ, станетъ слишкомъ сильною военною державою и будетъ увлекаться завоевательными планами—подобное опасеніе всего менѣе можетъ имѣть мѣста относительно Пруссіи, потому что прусская военная организація, послѣ швейцарской, самая демократическая во всей Европѣ, и прусское войско всего менѣе способно служить какимъ-либо завоевательнымъ планамъ. Всѣ войны, въ которыхъ оно участвовало, имѣли непремѣнно германскія цѣли. Въ Пруссіи или сѣверо-германскомъ Союзѣ, всѣ юноши, къ какому бы званію или состоянію они

ни принадлежали, обязаны, по достиженіи 20-лѣтняго возраста, поступить въ военную службу,—привилегій въ этомъ отношеніи никакихъ нѣтъ, выкупъ недозволенъ. Служба продолжается три года въ регулярной арміи и четыре въ резервѣ; затѣмъ онъ служитъ послѣднія пять лѣтъ въ ландверѣ. Въ регулярной арміи служба постоянная, въ резервѣ только во время призыва, въ ландверъ солдатъ призывается лишь на нѣсколько недѣль ежегодно. Войска располагаются въ Пруссіи такимъ образомъ, что солдаты обыкновенно остаются въ мѣстахъ своей родины, или въ своей провинціи по крайней мѣрѣ. Ландверные солдаты призываются на военныя ученія лишь въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они сами избираютъ себѣ мѣсто жительства. Такимъ образомъ, только въ самой ранней юности, когда человѣкъ не избралъ еще себѣ постояннаго занятія, ему предлагаютъ исполнить свои военныя обязанности,—потомъ же, въ резервѣ и ландверѣ военныя упражненія устраиваются такъ, чтобы солдатъ не отрывался отъ своихъ обычныхъ занятій. Этотъ гражданскій характеръ военной организаціи, вмѣстѣ съ всеобщимъ распространеніемъ образованія въ прусскихъ войскахъ (въ Пруссіи нѣтъ почти безграмотныхъ солдатъ), и вмѣстѣ съ сліяніемъ въ нихъ всѣхъ общественныхъ элементовъ: богатства, образованія, сословности и труда, могутъ служить довольно хорошимъ ручательствомъ тому, что нѣмецкое государство, охраняемое подобною арміей, не можетъ воспитывать въ себѣ завоевательные планы. Эта армія — не армія наемщиковъ, не имѣющихъ ни дома, ни семьи, ни ремесла, это вооруженный народъ, а народъ, какъ союзъ самозащищающихся гражданъ, не только не способенъ служить и потворствовать хищническимъ инстинктамъ завоевателей, но и можетъ самъ, по собственному почину, сдерживать подобные инстинкты.

Шансы на успѣхъ въ войнѣ обусловливаются отчасти надеждами на союзы другихъ державъ. Въ нынѣшней войнѣ всѣ другія европейскія государства объявили себя нейтральными. И наше правительство тоже высказалось за строгій нейтралитетъ.

Численность обѣихъ враждебныхъ армій почти одинакова: по одному милліону съ каждой стороны. Обѣ надѣются на успѣхъ и горятъ нетерпѣніемъ сразиться. Чья возьметъ—покажетъ будущее, можетъ быть, нескорое.

ФРАНЦІЯ и ПРУССІЯ*).

3-го іюля 1866 года произошло сраженіе при Садовой. 6-го іюля, т.-е. черезъ три дня, были наброшены первыя основанія мира. Австрія сложила свое оружіе. Габсбурги преклонили свою голову передъ Гогенцоллернами. Европа узнала въ этотъ день о великолѣпномъ фарсѣ—уступкѣ Венеціи Франціи. Пруссія торжествовала свою грозную и неожиданно быструю побѣду надъ своимъ нѣмецкимъ соперникомъ, и торжество ея было настолько же безгранично, насколько и надменно. Король Вильгельмъ и графъ Бисмаркъ, увѣнчанные лавровыми вѣнками, возвращались въ Берлинъ по пути, устланному еще теплыми трупами. Въ Берлинѣ все ликовало, все преклонялось передъ побѣдителями и тѣ, которые были самыми горячими противниками прусскаго правительства, тѣ, которые боролись съ нимъ въ продолженіе нѣсколькихъ годовъ, теперь становились его слѣпыми защитниками. Глаза нѣмцевъ были ослѣплены блескомъ побѣды, умы ихъ были омрачены торжествомъ игольчатыхъ ружей. Австрія, Баварія, Виртембергъ покрылись трауромъ и съ трепетомъ ожидали окончательнаго рѣшенія своихъ судебъ.

Ликовалъ, впрочемъ, не одинъ Берлинъ. 6-го іюля 1866 года Парижъ украсился флагами, улицы блистательно освѣтились, на всѣхъ площадяхъ играла военная музыка, французы, однимъ словомъ, торжествовали. Что́ же торжествовали они? Какую побѣду одержалъ этотъ славолюбивый народъ, какую новую игрушку бросили въ его руки? Игрушка эта была Венеція, которую Наполеонъ поспѣшилъ уступить Италіи. Казалось, что война, окончившаяся такимъ торжествомъ для Пруссіи, не затмила и величія Франціи. Франціи, кричало во всю грудь правительство, нечего завидовать, нравственное вліяніе ея огромно, война не могла окончиться безъ ея участія, одинъ фактъ уступки ей Венеціи увеличивалъ уваженіе къ ней всего міра. Изящная и эффектная игрушка должна была отвести французамъ глаза отъ завиднаго торжества Пруссіи, Венеція была вуалью, скрывавшею грозное усиленіе Пруссіи. Далеко, однако, не всѣ были обмануты этою игрушкою, и само правительство, первое, чувствовало, что при Садовой потерпѣла пораженіе не одна Австрія, потерпѣла его и Франція; правительство сознавало, что съ этой минуты центръ тяжести Европы измѣнился, и что по сосѣдству съ Франціею выросла въ одинъ день держава,

*) Помѣщая настоящую статью, представляющую разъясненіе другой стороны изложеннаго выше предмета, редакція считаетъ впрочемъ нужнымъ замѣтить, что не раздѣляетъ всѣхъ мнѣній автора. — *Ред.*

которая отнынѣ не захочетъ признавать надъ собою другихъ законовъ, кромѣ собственной своей воли, поддерживаемой военною силой. Проницательные люди не одной Франціи, но и всей Европы, съ безпокойствомъ спрашивали себя, что̀ выйдетъ изъ семидневной войны, какія послѣдствія повлечетъ за собою рѣшительная побѣда Пруссіи надъ Австріею, и насколько искренни были увѣренія прусскаго правительства, что оно борется за свободу и единство Германіи.

Вопросъ, покоритъ ли Пруссія Германію или Германія Пруссію, возникалъ самъ собою, потому что въ разрѣшеніи этого вопроса заключался отвѣтъ на другой вопросъ: предстоитъ ли въ близкомъ будущемъ новая и еще болѣе грозная война, чѣмъ та, которая только-что окончилась. Поглощеніе Германіи Пруссіею означало созданіе въ центрѣ Европы такой державы, которая своимъ абсолютизмомъ и милитаризмомъ неминуемо затормозитъ развитіе свободной политической жизни, которая усилитъ въ цѣлой Европѣ то злое начало, которое можно характеризовать однимъ словомъ: реакція. Прусское правительство, менѣе чѣмъ какое-нибудь другое, имѣло въ своей исторіи либеральныя традиціи; крайній формализмъ, любовь къ солдатчинѣ, а слѣдовательно и деспотизмъ—таковы всегда были главныя свойства того правительства, которое теперь угрожало не только Германіи, но цѣлой Европѣ. Правительство это въ послѣдніе нѣсколько лѣтъ передъ Садовой показало, какъ мало склонно оно руководиться народною волей, олицетворяемою представителями страны въ парламентѣ, оно показало это, разогнавъ ихъ два раза, нисколько не стѣсняясь установленными законами или какою-то конституціею. Первый министръ развѣ не говорилъ двадцать разъ и на всѣ лады народнымъ представителямъ: мы въ васъ вовсе не нуждаемся, мы управляемъ страною по своему желанію, и конечно не вы, народные представители, не вы, сборище торговцевъ, фабрикантовъ, сапожниковъ и портныхъ можете повліять на наше рѣшеніе дѣйствовать такъ или иначе. Парламентъ былъ всегда для прусскаго правительства однимъ пустымъ звукомъ, которымъ оно пользовалось, когда ему было выгодно, и на который оно не обращало ни малѣйшаго вниманія, когда ему не было это угодно. Сознаніе своей силы послѣ пораженія Австріи не могло не усилить въ прусскомъ правительствѣ презрѣнія къ народному представительству—этому неизбѣжному началу всякой цивилизованной страны, и рядомъ съ этимъ должно было поселить въ немъ еще болѣе уваженія къ той системѣ милитаризма, которой оно такъ неотступно держалось. Страшное усиленіе такого правительства, быстрое расширеніе державы, основанной на подобномъ политическомъ началѣ, порождало самыя серьезныя опасенія. Пруссія, поглощавшая Германію, была опасна далеко не для одной Германіи. Созданіе громадной воинственной державы не могло не угрожать спокойствію ея сосѣдей.

Напротивъ, еслибы Германія поглотила Пруссію, то въ такомъ случаѣ усилилось бы начало политической свободы въ Европѣ, потому что на первый планъ выступило бы не милитарное и абсолютное правительство, а народъ, котораго интересы, наклонности, идеи, все влекло бы къ мирному существованію, который въ свободныхъ учрежденіяхъ почерпнулъ бы только новую силу для своихъ умственныхъ и матеріальныхъ успѣховъ. Нѣмецкій народъ по своему существу вовсе не воинственный и еслибы онъ былъ предоставленъ самому себѣ, то ни въ какомъ случаѣ онъ не сдѣлался бы опаснымъ для спокойствія другихъ народовъ. Свободная Германія, являющаяся въ центрѣ Европы, принесла бы ей ту пользу, что, во-первыхъ, ослабила бы существующее въ Европѣ начало абсолютизма, такъ какъ поглотила бы собою Пруссію, которая до сихъ поръ является однимъ изъ его столбовъ, и во-вторыхъ, своими свободными учрежденіями возбудила бы и въ сосѣднихъ ей народахъ отвращеніе къ системѣ милитаризма, столь дорогого прусскому правительству.

Отсюда и проистекала вся важность разрѣшенія вопроса: поглотитъ ли Пруссія Германію или Германія Пруссію? Поползновенія Пруссіи ни для кого не могли быть тайной; всѣмъ, тотчасъ послѣ окончанія войны, сдѣлалось ясно, что крики прусскаго правительства о единствѣ и свободѣ нѣмецкаго народа были только военною хитростью, которая употреблялась въ Германіи уже не въ первый разъ. Инстинкты и стремленія прусскаго правительства сказались со всею силою въ насильственномъ присоединеніи къ прусскому государству Ганновера, Франкфурта, Касселя, Шлезвигъ-Гольштейна и въ надменномъ и презрительномъ обращеніи съ другими побѣжденными частями Германіи. Немного нужно было времени и французскому правительству, чтобы догадаться, какую ошибку сдѣлало оно, предоставляя своимъ нейтралитетомъ полную свободу дѣйствій Пруссіи, и какъ неблагоразумно поступило оно, давая возможность образоваться рядомъ съ собою грозной воинственной державѣ. Французское правительство понимало, что въ центрѣ Германіи возникаетъ не миролюбивая Германія, а воинственная Пруссія, съ которою рано или поздно придется посчитаться. Въ переговорахъ, которые велись между Бисмаркомъ и Наполеономъ до войны 1866 года, послѣдній былъ безжалостно проведенъ, и въ этомъ онъ долженъ былъ убѣдиться, когда, на предложеніе его выровнять нѣсколько границы Франціи, онъ получилъ самый категорическій отвѣтъ. Съ этой минуты злобное отношеніе къ Пруссіи не могло болѣе исчезнуть.

Какъ, съ одной стороны, французское правительство запылало послѣ Садовой ненавистью къ Пруссіи, такъ съ другой стороны и прусское правительство, съ первой же минуты послѣ войны, окончившейся для нея такъ блистательно, затаило въ себѣ злобу къ Франціи и рѣши-

лось добровольно не уступать никакимъ требованіямъ французскаго правительства, касательно вознагражденія за усиленіе Пруссіи. Если до войны прусское правительство расточало французскому увѣренія въ томъ, что оно не будетъ неблагодарно за пассивную помощь ей въ войнѣ съ Австріею и щедро было на самыя роскошныя обѣщанія, то теперь, когда война окончилась, оно быстро взяло назадъ всѣ свои обѣщанія и объявило французскому правительству, что оно не должно и не можетъ разсчитывать ни на какія территоріальныя вознагражденія. Такимъ образомъ, съ первой же минуты послѣ внезапнаго усиленія Пруссіи, между правительствами французскимъ и прусскимъ установились отношенія, не обѣщавшія въ будущемъ ничего хорошаго. Еслибы въ то время, т.-е. въ 1866 году, и именно въ тотъ день, когда наброшены были первыя условія мира, которое-нибудь изъ этихъ правительствъ чувствовало себя достаточно сильнымъ, чтобы вступить въ немедленный бой, то нѣтъ сомнѣнія, что тогда же бы, вслѣдъ за Садовой, разгорѣлась новая кровавая война. Но Пруссія была обезсилена только-что окончившеюся распрею, Франція же не была достаточно подготовлена, не была достаточно вооружена. Поединокъ нужно было отложить до болѣе удобнаго времени.

Въ тотъ день, когда въ Берлинѣ дѣйствительно торжествовали побѣду, въ Парижѣ дѣлали видъ, что торжествуютъ, играя Венеціею; но у обоихъ правительствъ, глядѣвшихъ другъ на друга, таилась мысль: придетъ и нашъ чередъ, встрѣтимся и мы при какой-нибудь новой Садовой. И дѣйствительно, они стали готовиться къ новой борьбѣ; ихъ не удерживали никакія соображенія, въ нихъ не шевелилась искренно мысль о страшныхъ бѣдствіяхъ, претерпѣваемыхъ народами, которые до сихъ поръ служатъ невольными орудіями честолюбивыхъ правительствъ. Изъ-за чего, можно спросить, должны дѣлаться врагами французскій и нѣмецкій народъ, изъ-за чего станутъ они жертвовать своимъ трудомъ, своимъ достояніемъ, своимъ здоровьемъ и жизнью, для чего? Борьба была бы понятна, еслибы эти два народа не имѣли достаточно земли, чтобы жить рядомъ, еслибы нужно было бы, чтобы одинъ или другой былъ вытѣсненъ, задавленъ; борьба была бы понятна, если бы одинъ народъ хотѣлъ подчинить себѣ другой, стать его властелиномъ; война, наконецъ, была бы понятна, если бы два народа были представителями различныхъ совершенно цивилизацій, но ничего подобнаго нѣтъ. Какъ французскій, такъ и нѣмецкій народъ—дѣти одной цивилизаціи, оба они воодушевлены одинаковыми стремленіями, оба идутъ впередъ по одному и тому же пути. Такимъ образомъ единственнымъ серьезнымъ основаніемъ для войны является то обстоятельство, что какъ Франція не освободилась еще отъ личнаго правленія, такъ и Пруссія находится до сихъ поръ подъ давленіемъ абсолютизма, и оба эти правитель-

ства бросаютъ народъ во всѣ ужасы войны съ единственною и главною надеждою: утвердить свое могущество. Въ ту минуту, въ которую народы станутъ самостоятельны, въ ту минуту война между Франціею и Пруссіею сдѣлается невозможною.

Если въ 1866 году ни прусское правительство, ни французское не считали себя достаточно сильными, чтобы громомъ сраженій заглушить свою взаимную злобу, за то они дѣятельно стали приготовляться къ поединку и въ продолженіи четырехъ лѣтъ только и дѣлали, что улучшали свои военныя силы, да пугали отъ времени до времени Европу возникавшими между ними спорами. Въ продолженіи четырехъ лѣтъ почти всѣ европейскіе народы испытывали тягость вооруженнаго мира; во все это продолжительное время почти не было мѣсяца, когда съ увѣренностью можно было сказать: ничто не угрожаетъ европейскому спокойствію.

Такое положеніе не могло болѣе длиться. Война 1866-го года, прерванная 6-го іюля, должна была возобновиться съ новою силою, какъ только окончательно выяснилось, что Пруссія дралась не ради интересовъ Германіи, а ради увеличенія и усиленія воинственной прусской державы. Французское правительство, съ дурно скрытымъ негодованіемъ, смотрѣло на усиленіе Пруссіи, прусское, въ свою очередь, не могло переносить мысли, что одна Франція служитъ для нея преградою, мѣшающею ей поглотить всю южную Германію. Съ каждымъ днемъ отношенія между двумя правительствами становились все болѣе и болѣе натянутыми, оба они отлично понимали, для кого готовится ихъ взаимное усиленное вооруженіе. Страхъ быть побѣжденнымъ служилъ плотиною, недопускавшею столкнуться два народа, пока плотина эта, подъ давленіемъ событій, не прорвалась. 6-е іюля 1870 года, то-есть, тотъ день, когда французскій министръ иностранныхъ дѣлъ объявилъ въ законодательномъ корпусѣ, что правительство не допуститъ, чтобы «какая-нибудь иностранная держава, сажая одного изъ своихъ принцовъ на престолъ Карла V, могла поколебать въ нашъ ущербъ существующее въ Европѣ равновѣсіе и подвергать опасности интересы и честь Франціи», продолжало только 6-е іюля 1866 года. Четыре послѣдніе года были ничѣмъ инымъ, какъ длиннымъ перемиріемъ, съ тою только разницею, что перемиріе во время войны гарантируетъ большее спокойствіе.

Такъ какъ для разъясненія настоящаго столкновенія между Пруссіею и Франціею важно знать не столько послѣдній случайный поводъ, выбранный хорошо или дурно, это почти все равно, сколько главную причину войны, то для разъясненія этого столкновенія лучше всего обратиться нѣсколько назадъ и бросить бѣглый взглядъ на тѣ различные фазисы, въ которые вступали отношенія Франціи и Пруссіи въ истекшіе четыре года со времени Садовой. Въ настоящую ми-

нуту, болѣе чѣмъ когда-нибудь, интересно взглянуть, какъ дѣйствовала Пруссія въ этотъ промежутокъ времени, что̀ сдѣлалось съ тѣми обѣщаніями свободы и построеннымъ на ней единствѣ Германіи, о которомъ такъ много было толковъ, ка́къ, однимъ словомъ, съумѣла она воспользоваться своимъ торжествомъ для блага нѣмецкаго народа; интересно припомнить въ настоящую минуту тѣ случаи, которые порождали за послѣдніе четыре года европейскую тревогу и опасенія войны. Война 1870 года сдѣлается совершенно понятна, если мы прослѣдимъ только, хотя вскользь, исторію послѣднихъ четырехъ лѣтъ, насколько она касается взаимныхъ отношеній Пруссіи и Франціи. Франція зорко слѣдила за каждымъ движеніемъ Пруссіи, которая, въ свою очередь, стояла на сторожѣ и вмѣшивалась какъ только замѣчала, что французское правительство, хотя косвенными путями, стремится выйти изъ предѣловъ, опредѣленныхъ ей еще Вѣнскимъ трактатомъ. Пруссія радовалась, слушая презрительные отзывы объ отжившихъ трактатахъ, радовалась, когда нарушеніе ихъ могло клониться къ ея выгодѣ и сердилась, когда замѣчала, что Франція желаетъ нарушить ихъ ради своихъ интересовъ. Это враждебное отношеніе двухъ державъ, въ продолженіи четырехъ лѣтъ, держало Европу въ напряженномъ состояніи. Достаточно было самаго мелкаго, ничтожнаго случая, чтобы тотчасъ всѣ навострили свои уши и чтобы по Европѣ пробѣгала лихорадочная дрожь. Во снѣ и на яву Европа видѣла предъ собою одинъ чудовищный образъ — войну.

Какимъ же образомъ возникли эти непріязненныя отношенія между двумя самыми воинственными державами западной Европы, что̀ подало поводъ къ ихъ непримиримой враждѣ? Отношенія, существовавшія между Франціею и Пруссіею до 1866 г., были самаго дружественнаго свойства. Правда, во время итальянской войны въ 1859 году, когда Австрія должна была пасть подъ ударами французско-итальянской арміи, Пруссія колебалась принять или не принять ей участіе въ этой войнѣ, должна она или не должна вступиться за Австрію, принадлежавшую еще въ то время къ Германскому Союзу; но такъ или иначе, Пруссія участія въ войнѣ не приняла и за союзницу свою не вступилась.

Конечно, Пруссія, въ своемъ безучастномъ отношеніи къ Австріи, можетъ оправдываться тѣмъ, что Австрія поспѣшила заключить Виллафранкскій миръ, и что не заключи она его такъ скоро, то она, Пруссія, непремѣнно явилась бы ей на помощь. Славны бубны за горами. Быть можетъ, Австрія дѣйствительно торопилась заключить съ Франціею миръ, чтобы не быть обязанною Пруссіи, если бы она и захотѣла послать небольшое войско на помощь, но тѣмъ не менѣе трудно сомнѣваться, чтобы Пруссія не была довольна исходомъ итальянской войны. Въ то время планъ разрушенія стараго Германскаго Союза и обра-

зованіе новаго, съ исключеніемъ изъ него Австріи и съ преобладаніемъ Пруссіи, былъ уже готовъ. Пруссія не могла не чувствовать самой искренней и самой теплой благодарности Франціи, что она ослабила ея нѣмецкую соперницу. Съ своей стороны Франція могла смотрѣть только благосклонно на невмѣшательство въ итальянскую войну Пруссіи, которая все-таки болѣе или менѣе затруднила бы побѣду надъ Австріей и помѣшала бы своимъ вмѣшательствомъ такому быстрому окончанію войны. Однимъ словомъ, Франція и Пруссія имѣли полное основаніе быть довольны другъ другомъ.

Эти дружественныя отношенія между Франціею и Пруссіею мало пострадали и во время шлезвигъ-гольштинской войны, когда Пруссія въ союзѣ, не совсѣмъ добровольномъ съ Австріею, наглымъ образомъ напала на несчастную Данію и произвела наспльственный захватъ Шлезвигъ-Гольштейна. Если бы въ то время французское правительство было болѣе проницательно, то нѣтъ сомнѣнія, что оно наложило бы свое veto на этотъ разбойническій захватъ герцогствъ со стороны Пруссіи, захватъ, вовсе неоправдываемый громкимъ принципомъ національности, который успѣлъ уже принести Европѣ столько вреда. Не держись въ то время Англія узко-мѣщанскаго начала невмѣшательства въ дѣла континентальной Европы, не оставайся тогда Франція въ спокойномъ созерцаніи грубаго насилія надъ Даніею, тогда, можно съ увѣренностью сказать, что міръ не былъ бы свидѣтелемъ войны 1866 года и быть можетъ болѣе тяжкой войны 1870 года. Но Англія дрожала надъ своими шиллингами, а Франція, съ олимпійскимъ величіемъ, взирала на избіеніе Даніи. Между тѣмъ никогда война не была бы такъ законна и справедлива, никогда пролитіе человѣческой крови не могло бы вызывать такого теплаго сочувствія, какъ именно въ это время, когда Пруссія, въ союзѣ съ несчастною Австріею, такъ нагло попирала всякое понятіе о правѣ народа. Поведеніе Пруссіи, по отношенію къ честно отстаивавшей свои права Даніи, даетъ мѣрку добросовѣстности прусскаго правительства. Поведеніе Пруссіи въ шлезвигъ-гольштейнской войнѣ составляетъ теперь блистательную прелюдію къ ея поведенію въ войнѣ 1866 года, когда она, во имя «свободы» нѣмецкаго народа, налагала тяжелыя цѣпи на нѣмцевъ — Ганновера, Франкфурта, Касселя и другихъ мѣстъ Германіи. Къ несчастью, народы очень скоро забываютъ совершенныя надъ ними насилія...

Европа, по обыкновенію, податливо допустила поведеніе Пруссіи и теперь, быть можетъ, жестоко поплатится за то, что не воспрепятствовала тогда же насилію надъ Даніею. Чередъ платежа наступилъ въ настоящую минуту для Франціи, которая во-время не догадалась остановить завоевательные планы Пруссіи, не считая ее для себя опасною соперницею. Австрія была унижена, чего же ей было

больше. Франція не только не остановила Пруссіи, но послѣ этой войны, послѣ битвы при Дюппелѣ, этой родной сестры Садовой, французское правительство протянуло обѣ руки правительству прусскому, и вся Европа была свидѣтельницею умилительнаго зрѣлища—тѣсной дружбы Наполеона III съ графомъ Бисмаркомъ. О чемъ толковали между собою эти два человѣка, на долю которыхъ выпало играть такую важную роль во 2-ой половинѣ XIX вѣка, это до сихъ поръ остается тайною. Какіе планы строились ими, какіе переговоры занимали ихъ, какія условія предлагали они другъ другу,—все это, конечно трудно опредѣлить, но едва ли можно сомнѣваться, что предметомъ ихъ дружескихъ совѣщаній были политическія дѣла Европы, едва ли можно сомнѣваться, что графъ Бисмаркъ не увѣрилъ Наполеона въ необходимости войны между Пруссіею и Австріею и впередъ не заручился отъ него обѣщаніемъ строгаго нейтралитета. Безъ этой увѣренности никогда конечно прусское правительство не рѣшилось бы на войну съ Австріею. Обѣщалъ ли въ свою очередь графъ Бисмаркъ какія-нибудь вознагражденія и какія именно, за дозволеніе безпрепятственно распорядиться въ Германіи, это точно также остается покрытымъ густою вуалью. Письменныхъ обѣщаній, конечно, не было никакихъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ мы давно бы познакомились уже съ любопытными документами. Что касается до словесныхъ обѣщаній, то почти навѣрное можно сказать, что графъ Бисмаркъ былъ на нихъ какъ нельзя болѣе щедръ. Переговоры, наступившіе между Франціею и Пруссіею послѣ окончанія войны 1866 г., ручаются за то, что словесныя обѣщанія были щедро расточаемы, иначе трудно было бы себѣ объяснить, что французское правительство не двинуло своего войска къ берегу Рейна въ рѣшительную минуту 1866 года. Кто былъ проведенъ, Наполеонъ или Бисмаркъ, въ переговорахъ, предшествовавшихъ войнѣ 1866 года, видѣть не трудно. Съ одной стороны, Наполеонъ III не разсчитывалъ на такую рѣшительную и вмѣстѣ такую быструю побѣду Пруссіи, съ другой, онъ былъ усыпленъ обѣщаніями гр. Бисмарка на территоріальное вознагражденіе, обѣщаніями, отъ которыхъ послѣдній отказался самымъ рѣшительнымъ образомъ въ ту минуту, когда французское правительство потребовало ихъ осуществленія. Но если будущее было болѣе или менѣе извѣстно графу Бисмарку, или, по крайней мѣрѣ, онъ разсчитывалъ на него, то оно совершенно скрыто было отъ Наполеона III, и онъ пріятельски расхаживалъ рука объ руку съ рѣшительнымъ министромъ Вильгельма I, прогуливаясь по берегу Средиземнаго моря. Такимъ образомъ, наканунѣ сраженія при Садовой, самая тѣсная дружба соединяла правительства французское и прусское. Насколько искренна была эта дружба со стороны Пруссіи—Наполеонъ могъ убѣдиться въ этомъ очень скоро.

Какъ громъ на голову упала война 1866 года. Европа едва могла

опомниться, какъ Пруссія вступила уже въ предѣлы Австрійской имперіи. Со стороны Пруссіи война велась съ необыкновенною быстротою. Смѣшно было бы сказать, что война со стороны Пруссіи въ 1866 году была популярна. Совершенно напротивъ. Война была актомъ совершенно произвольнымъ прусскаго правительства. Въ самой Пруссіи она возбуждала чуть не всеобщее негодованіе. И народъ и его представители вовлечены были въ нее силою. Прусское правительство распорядилось съ парламентомъ по военному; парламентъ не хотѣлъ принять новаго военнаго закона, и парламентъ три года подрядъ разгонялся и страна управлялась самымъ беззаконнымъ образомъ. Не одинъ прусскій народъ былъ настроенъ противъ этой междоусобной войны, вся Германія почти вооружилась противъ прусскаго правительства. Баварія, Виртембергъ, Ганноверъ, Саксонія горѣли ненавистью противъ прусскаго правительства, принявшаго на себя великую миссію осуществить «свободу и единство Германіи». И не одни только правительства этихъ государствъ пылали негодованіемъ къ Пруссіи, негодованіе это вполнѣ раздѣлялось ихъ народами; оно и понятно. Какъ могло быть иначе, когда вся Германія была свидѣтельницею, съ какимъ явнымъ деспотизмомъ управляло правительство Вильгельма и Бисмарка прусскимъ народомъ. Подпасть подъ ихъ отеческое управленіе никого особенно не соблазняло. Въ виду подобнаго настроенія нѣмецкаго народа, прусское правительство понимало отлично всю важность для него побѣды. Для него не было другого выхода — побѣда или окончательное паденіе. Разсказываютъ, что передъ самымъ объявленіемъ войны, когда нужно было принять окончательное рѣшеніе, сомнѣніе одолѣло Вильгельма I до такой степени, что онъ потерялся, не зналъ, что ему дѣлать и строго выговаривалъ Бисмарку, что́ войною этою онъ хочетъ погубить монархію, толкаетъ ее въ пропасть, что, въ случаѣ неудачи, въ Пруссіи разъиграется страшная революція, одно имя которой король Вильгельмъ не можетъ спокойно выносить. Разсказываютъ, что во время этой бесѣды прусскій король, указывая на статую Фридриха Великаго, сказалъ Бисмарку: «эта статуя будетъ опрокинута и вмѣсто нея поставятъ эшафотъ» — на что́ Бисмаркъ будто-бы отвѣчалъ, хорошо зная милитарно-рыцарскій характеръ короля: «если положеніе дѣйствительно таково, то не гораздо ли достойнѣе васъ и меня умереть на полѣ битвы, со шпагою въ рукахъ». Нерѣшимость короля была побѣждена, жребій брошенъ, война объявлена. Пруссія играла опасную игру, на карту было поставлено, если не существованіе Пруссіи, то, во всякомъ случаѣ, ея положеніе, какъ первостепенной державы. Пораженіе должно было оттереть её на задній планъ и поставить въ роль Баваріи или Виртемберга. Еслибы въ эту минуту Франція сказала слово, косо взглянула на первое движеніе прусской

арміи, чего бы не обѣщала ей Пруссія, за соблюденіе нейтралитета. Франція не трогалась, и нейтралитетъ достался даромъ, прусское правительство могло изъподтишка смѣяться. Послѣ Садовой, Франція была болѣе не нужна и Пруссія заговорила съ ней другимъ тономъ. Въ эту самую минуту французское правительство поняло свою ошибку, вину за нее сбросило на Пруссію, и съ этого времени злоба и ненависть къ побѣдителю при Садовой не угасала ни на одну минуту. Пруссіи нужно отдать справедливость, она платила Франціи тѣми же чувствами. Съ этого времени война между Франціею и Пруссіею была рѣшена—та и другая стала готовиться къ отчаянной борьбѣ.

Послѣ Садовой прусское правительство приняло надменный тонъ, какъ по отношенію къ побѣжденнымъ, такъ и по отношенію къ своимъ союзникамъ. Австрія и вся Южная, да и Сѣверная Германія подъ страшнымъ ударомъ склонили свои головы и съ трепетомъ выслушивали высокомѣрныя требованія Пруссіи. Бисмаркъ диктовалъ условія мира, условія тяжелыя какъ для Австріи, такъ и для другихъ нѣмецкихъ земель. Австрія была исключена изъ Германскаго Союза и обязывалась никогда не вмѣшиваться въ дѣла Германіи. Ганноверъ, Франкфуртъ, Кассель, герцогство Нассауское были присоединены къ Пруссіи, Саксонія лишилась самостоятельнаго существованія, и на сохраненіе ея королевскаго дома Пруссія согласилась, какъ на особенную милость. Также строго собиралась поступить Пруссія и съ Баваріею, и съ Виртембергомъ, когда французское правительство, при посредствѣ котораго начались мирные переговоры, потребовало, чтобы Пруссія «выровняла» сѣверныя границы Франціи. Требованіе было представлено слишкомъ поздно, Пруссія отвѣтила гордымъ отказомъ. Но, опасаясь, чтобы Франція не подкрѣпила своихъ требованій объявленіемъ войны, Бисмаркъ тотчасъ измѣнилъ свое обращеніе съ государствами южной Германіи и вмѣсто того, чтобы урѣзывать ихъ въ территоріальномъ отношеніи, онъ урѣзалъ ихъ въ политическомъ отношеніи, предложивъ имъ заключить военные союзы съ Пруссіею. Бисмаркъ обратился съ этимъ предложеніемъ къ баварскому министру Пфортену, который явился къ нему, чтобы молить его за Баварію. Пфортенъ, въ благодарность за то, что не нарушалась цѣльность баварскаго королевства, принялъ на себя обязательство подготовить почву для военныхъ союзовъ съ Пруссіею и въ другихъ южныхъ государствахъ Германіи. Трудъ былъ не великъ, страхъ передъ Пруссіею все побѣждалъ и военные союзы Пруссіи съ южными государствами были обезпечены. Такимъ образомъ, единственнымъ результатомъ требованій французскаго правительства, было заключеніе тѣхъ военныхъ союзовъ, которые въ настоящую минуту получаютъ фактическое осуществленіе. Франціи, неготовой къ войнѣ, ничего не оставалось дѣлать, какъ проглотить эту горькую пилюлю и быть довольной еще хоть тѣмъ, что

Пруссія не включаетъ въ условія заключенія мира болѣе тяжелыхъ требованій.

Среди унынія, охватившаго Австрію и остальныя нѣмецкія земли, за исключеніемъ, разумѣется, Пруссіи, подписанъ былъ знаменитый пражскій трактатъ. Въ силу этого трактата Германія должна была распасться на два Союза: Сѣверо-Германскій и Южно-Германскій, раздѣлявшіеся другъ отъ друга линіею рѣки Майна, и оба эти Союза должны были быть совершенно независимы другъ отъ друга. Южныя государства не могли входить въ составъ сѣверной федераціи. Границы Пруссіи расширялись присоединеніемъ къ ней нѣсколькихъ самостоятельныхъ нѣмецкихъ государствъ, и взамѣнъ этихъ присоединеній Пруссія принимала на себя обязанность, которую такъ не трудно было бы ей исполнить—возвратить захваченный Шлезвигъ Даніи, тѣмъ болѣе, что жители Шлезвига поклялись въ вѣчной ненависти къ Пруссіи. Таковы были главныя основанія пражскаго трактата, который явился на свѣтъ, такъ-сказать, мертворожденнымъ. Главныя положенія не были выполнены, и Пруссія вовсе не желала ихъ выполнять. Очевидно, что она подписывала этотъ трактатъ, давая себѣ слово не подчиняться его исполненію. Французское правительство не могло хладнокровно относиться къ невыполненію пражскаго трактата, который заключенъ былъ при его участіи, и если до сихъ поръ оно не требовало отъ Пруссіи, чтобы она выполнила условія, помѣщенныя въ немъ, то разумѣется только потому, что знало, что подобное требованіе повлечетъ за собою войну, къ которой до послѣдняго времени оно не было готово.

Итакъ, пражскій миръ былъ заключенъ для вящшаго торжества Пруссіи, которая почувствовала теперь всю свою силу и рѣшилась распоряжаться дѣлами Германіи, не особенно стѣсняясь тѣмъ, что́ можетъ сказать Франція или какая-нибудь другая держава. Интересно взглянуть теперь, какъ дѣйствовала Пруссія со времени заключенія пражскаго мира до настоящей минуты, когда, наконецъ, вспыхнула давно подготовлявшаяся война, интересно тѣмъ болѣе, что, прослѣдивъ ея поведеніе за это время, сдѣлается совершенно ясно, кого надо считать истиннымъ виновникомъ настоящей войны. Говоря о томъ, что сдѣлалось съ Пруссіею, что́ сдѣлалось съ Германіею за послѣдніе четыре года, какіе перевороты произошли въ ихъ политической жизни, нельзя не указать на одну книгу, которая недавно появилась во Франціи и обратила на себя всеобщее вниманіе. Книга эта носитъ названіе: «l'Allemagne politique depuis la paix de Prague» и принадлежитъ перу извѣстнаго писателя, именно Виктору Шербюлье, который можетъ болѣе безпристрастно судить о положеніи дѣлъ въ Германіи, такъ какъ, по своему происхожденію, онъ не принадлежитъ ни къ одной изъ заинтересованныхъ сторонъ. Авторъ книги «l'Allemagne politique»

швейцарецъ. Сочиненіе это рисуетъ настолько вѣрную картину Пруссіи, да и всей Германіи, насколько наглядно представляетъ перемѣны, происшедшія въ политическомъ существованіи нѣмецкихъ государствъ, что оно заслуживаетъ того, чтобы дать о немъ понятіе нашему читателю. Въ настоящемъ случаѣ это тѣмъ болѣе удобно, что книга эта вполнѣ отвѣчаетъ заданной цѣли — бросить бѣглый взглядъ на состояніе Германіи.

Первую главу своего сочиненія Шербюлье посвящаетъ пражскому миру и тѣмъ послѣдствіямъ, которыя онъ повлекъ за собою. Трудно не согласиться съ авторомъ, что послѣдствія эти были самаго грустнаго свойства. Рѣдко, въ самомъ дѣлѣ, побѣда производила болѣе развращающее дѣйствіе, чѣмъ то, которое произвела Садова на Пруссію. Деспотизмъ и милитаризмъ прусскаго правительства былъ освященъ колоссальнымъ успѣхомъ и тѣ, которые съ ненавистью относились къ этимъ началамъ, теперь готовы были забыть и дѣйствительно забыли, насколько унизительны онѣ для народа. Всѣ тѣ, которые вели отчаянную борьбу въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ съ солдатскою системою прусскаго правительства, теперь падали передъ нимъ на колѣни и восхваляли его мудрость. Всѣ обиды были забыты, и всѣ, даже самые либеральные люди, спѣшили нести свое покаяніе за ту честную оппозицію, которую они оказывали произволу короля Вильгельма или Бисмарка. Если военная слава производила одуряющее дѣйствіе на образованные слои общества, то еще болѣе вліяла она на простой народъ. Энтузіазмъ пруссаковъ, вызванный Садовой, не зналъ никакихъ предѣловъ, дни и ночи ликовали они свое торжество. Непомѣрная гордость обуяла теперь и правительство и обезумѣвшій отъ побѣды народъ. Отнынѣ для Пруссіи не было болѣе ей равныхъ, съ необыкновеннымъ высокомѣріемъ стала смотрѣть она на другіе народы и никто, нужно сказать, не вызывалъ въ ней такого ревниваго чувства, какъ Франція. Съ одной стороны, пруссаки помнили то униженіе, которое заставилъ ихъ испытать Наполеонъ I, съ другой имъ мозолило глаза французское правительство, которое не осталось чуждо пражскому миру, и помѣшало Пруссіи проглотить еще нѣсколько нѣмецкихъ государствъ. Что такое Франція—надменно спрашивали пруссаки; развѣ это не страна, неспособная къ свободѣ, неспособная къ самоуправленію; развѣ эта не страна, обреченная на деспотизмъ, на вѣчную диктатуру», говорили пруссаки, забывая, что Франція дала міру тѣ новыя начала государственной жизни, безъ которыхъ народъ —не народъ, а только густая масса рабовъ. Развѣ не Франція научила Европу равенству всѣхъ передъ закономъ; развѣ не Франція провозгласила начало верховной власти народа; развѣ не она распространила по континентальной Европѣ то представительное начало, которое такъ трудно прививается къ нѣмецкому народу. Не признавать

заслугъ, оказанныхъ какимъ-нибудь народомъ—это первый признакъ неразвитости и самодовольной пустоты.

Мечтая о своемъ необыкновенномъ величіи, пруссаки повѣрили, что Бисмаркъ заботится о свободѣ и единствѣ Германіи, они повѣрили этой баснѣ, такъ мало отвѣчающей и характеру прусскаго правительства, и всѣмъ его дѣйствіямъ. Прусское правительство заботилось только объ одномъ — объ увеличеніи Пруссіи, и доказало это своимъ обращеніемъ съ присоединенными провинціями. Изнуреніе ихъ страшными контрибуціями, непомѣрно увеличенными налогами, тягостными военными постоями—вотъ въ чемъ состояло отеческое попеченіе прусскаго правительства о благѣ нѣмецкаго народа. Месть самаго антипатичнаго свойства, месть за то, что жители Ганновера, Франкфурта, Касселя не желали добровольно броситься въ объятія Пруссіи — вотъ что̀ руководило правительствомъ, выставлявшимъ на показъ знамя со словами: «свобода и единство Германіи!

Свобода и единство Германіи, нѣтъ сомнѣнія, дѣло весьма почтенное, но только совершенно несовмѣстное съ тѣми принципами, которые составляютъ существо прусской политики. Никто конечно не имѣетъ права говорить противъ объединенія Германіи, если такова воля нѣмецкаго народа, но можно говорить противъ тѣхъ средствъ, которыми это объединеніе совершается. Можетъ быть со временемъ, подъ давленіемъ новыхъ идей, изъ солдатской прусской державы и вылупится истинная Германія, но въ настоящее время нужно быть слѣпымъ, чтобы не видѣть, что прусская политика заботится объ одномъ только—именно, чтобы Пруссія поглотила Германію и изъ самостоятельныхъ нѣмецкихъ государствъ сдѣлала прусскія провинціи. На нашихъ глазахъ совершалось объединеніе другого народа, именно итальянскаго, и что же: развѣ тому правительству, которое стало во главѣ единства Италіи, приходило въ голову употреблять насиліе и принужденіе? Развѣ арміи пьемонтской приходилось драться съ какою-нибудь другою изъ итальянскихъ армій; развѣ дрались противъ нея кто-нибудь кромѣ наемниковъ? Развѣ Гарибальди, съ его славною «тысячею», нужно было бороться съ итальянскою арміею неаполитанскаго короля? Ничего подобнаго; арміи эти, состоявшія изъ итальянцевъ, бросались на встрѣчу освободителямъ, и съ первой минуты составляли дѣйствительно единый народъ. Единство это совершалось во имя свободы и путемъ свободы, и только такое единство и заслуживаетъ сочувствія. Турину незачѣмъ было держать въ осадномъ положеніи Флоренцію, Неаполь или Венецію, какъ Берлинъ держалъ Ганноверъ или Франкфуртъ. Разница одна: въ одномъ государствѣ воззваніе къ единству было и средствомъ и цѣлью, въ другомъ этотъ крикъ былъ только средствомъ къ достиженію цѣли—увеличенія прусскаго государства.

Передовые люди Германіи поняли какъ нельзя лучше, что Пруссія воодушевлена одними эгоистическими стремленіями, что въ ея разсчеты вовсе не входитъ единство и свобода Германіи, и потому, какъ справедливо замѣчаетъ Шербюлье, они сказали: «мы можемъ быть нѣмцами, но ни въ какомъ случаѣ не желаемъ сдѣлаться пруссаками. Берлинъ обманываетъ насъ; изъ насъ онъ хочетъ сдѣлать только орудіе своего ненасытнаго честолюбія. Мы не хотимъ быть обманутыми». Эти нѣмцы понимаютъ, что подчиненіе Германіи Берлину—это подчиненіе милитаризму, бюрократіи, усиленнымъ налогамъ и всѣмъ остальнымъ аттрибутамъ абсолютнаго правительства, и потому, естественно, не желаютъ его. «Взгляните, могутъ намъ сказать въ настоящую минуту, взгляните на это одушевленіе, съ которымъ всѣ нѣмцы возстали противъ Франціи подъ предводительствомъ Пруссіи, и тогда скажите, желаютъ они или не желаютъ признать прусское правительство правительствомъ нѣмецкаго народа». Но дѣло въ томъ, что во время войны народъ никогда не находится въ нормальномъ состояніи, умъ его помрачается воображаемою или дѣйствительною опасностью, которой угрожаетъ ему чужеземное войско, и въ эти минуты онъ готовъ забыть всѣ оскорбленія, всѣ притѣсненія, вынесенныя имъ въ мирное время. Онъ идетъ бороться, онъ жертвуетъ всѣмъ своимъ состояніемъ, проливаетъ свою кровь, пока миръ снова не возвращается и онъ съ грустію спрашиваетъ себя: «изъ-за чего мы дрались, изъ-за чего мы жертвовали нашею жизнію»? Нѣмецкій народъ болѣе, чѣмъ какой-нибудь другой, испыталъ, что значитъ быть обманутымъ тѣми, изъ-за которыхъ онъ съ энтузіазмомъ шелъ на войну. Развѣ во время наполеоновскихъ войнъ не раздавался крикъ: «будемъ драться за свободу и единство Германіи»! развѣ правительства нѣмецкія не были щедры на всевозможныя обѣщанія, и какой же результатъ былъ побѣды надъ французами? Реакція, болѣе сильная чѣмъ когда нибудь, и цѣлый рядъ новыхъ и еще болѣе возмутительныхъ преслѣдованій и деспотическихъ мѣръ къ задушенію той самой жизни, которая вызвана была правительствами. Если Пруссіи суждено быть побѣдительницею въ настоящей войнѣ, то нѣмецкій народъ можетъ также раскаяваться потомъ въ своемъ энтузіазмѣ и еще разъ спроситъ себя: изъ-за чего проливали мы нашу кровь? Во всякомъ случаѣ, только не изъ-за «единства Германіи» и не изъ-за «свободы», какъ его увѣряютъ.

Какъ мало пристало прусскому правительству провозглашать начало свободы Германіи, можно видѣть изъ того, что никакое другое правительство такъ часто не старается убѣждать подданныхъ, что оно не существуетъ по волѣ народа, а установлено свыше, что всѣ его рѣшенія вдохновляются свыше и не могутъ быть оспариваемы, потому что это значило бы оспаривать волю Провидѣнія. Садова укрѣпила его въ этихъ понятіяхъ и народъ не только не думаетъ разубѣждать его въ этомъ,

но, повидимому, и самъ вѣритъ въ божественное происхожденіе Гогенцоллерновъ. Австрійская война имѣла еще и другое послѣдствіе, она усилила еще болѣе солдатскій духъ въ Пруссіи, которому надѣются подчинить всю Германію. Божественное право и армія—вотъ два основныя положенія прусскаго правительства, противъ которыхъ безсильны всѣ остальныя конституціонныя начала, которыя, вообще говоря, мало согласуются съ характеромъ прусской монархіи. Шербюлье, который посвящаетъ цѣлую большую главу своего сочиненія описанію того, какъ укоренилось въ Пруссіи понятіе о королевской власти божественнаго права, приводитъ, между прочимъ, одно остроумное замѣчаніе бельгійскаго короля Леопольда насчетъ Вильгельма I. «Король Вильгельмъ, — сказалъ онъ, — король конституціонный, и онъ выполняетъ чрезвычайно искренно свою конституцію, такъ, какъ онъ ее понимаетъ, и онъ думаетъ, что онъ измѣнилъ бы своей первой обязанности, еслибы позволилъ, чтобы божественное право сколько-нибудь уступило парламентскому давленію». Прусскій король дѣйствительно не любитъ стѣсняться парламентомъ, и всѣмъ понятно, что когда послѣ Садовой депутація палаты поднесла ему адресъ, то король, припомнивая, какъ въ впродолженіи трехъ лѣтъ страна управлялась безъ вотированія бюджета, сказалъ: «я долженъ былъ такъ дѣлать, и еслибы снова пришлось такъ поступить, то я не задумался бы ни на одну минуту». Очевидно, что когда подобнымъ образомъ понимается конституція, тогда не можетъ быть и рѣчи о политической свободѣ страны, и если подчасъ считаютъ нужнымъ говорить о ней, то только для того, чтобы потомъ посмѣяться надъ легкомысленнымъ народомъ, который имѣлъ простодушіе принять это буквально. Также точно единство Германіи несовмѣстимо съ тою системою устройства Сѣверо-германскаго Союза, которая вся направлена къ одному: дать Пруссіи исключительное господство надъ всѣми остальными государствами, входящими въ Союзъ, такое господство, которое, мало-по-малу, на всю Германію должно напялить прусскій мундиръ и прусскую каску. Подобное господство обезпечило за собою прусское правительство послѣ сраженія при Садовой, и это, конечно, составляетъ главное пріобрѣтеніе войны 1866 года. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Пруссія вовсе не удовольствовалась бы тѣмъ, что она подчинила себѣ сѣверную Германію, она охотно бы проглотила и южныя нѣмецкія государства, еслибы Франція не сказала ей послѣ Кёнигсгретца: «ты дальше не пойдешь!» Какой законный предлогъ для ненависти французскаго вліянія! Если Франція юридически и помѣшала Пруссіи присоединить къ себѣ Саксонію, какъ присоединены были Ганноверъ, Франкфуртъ и другія земли, то она все-таки поглотила ее фактически, втиснувъ ее въ Сѣверный Союзъ, гдѣ на 24 милліона пруссаковъ приходится 6 милліоновъ не-прусскихъ нѣмцевъ. Но Пруссіи мало было этого усиленія, и несмотря на строгую

границу Майна, проведенную между сѣверною и южною Германіею, границу, выговоренную въ пражскомъ трактатѣ, она успѣла простереть и на южныя государства свое вліяніе, заключивъ съ Баваріею, Виртембергомъ, Баденомъ тайные трактаты, обезпечивающіе наступательный и оборонительный союзъ между ними и Пруссіею. Что въ то время, когда подписывался пражскій трактатъ, у прусскаго правительства была уже твердая рѣшимость не исполнять его во всемъ, что̀ касалось обязательствъ для Пруссіи и пользоваться имъ настолько, насколько это было для нея выгодно, въ этомъ едва-ли можетъ быть сомнѣніе. Прусское правительство дало тому слишкомъ много доказательствъ. Оно очень хорошо понимало, что ни Австріи, ни Франціи не могло нравиться хотя бы, напр., неисполненіе 5-го пункта пражскаго трактата, касавшагося возвращенія Шлезвига Даніи, но на Австрію оно не обращало вниманія; что же касается Франціи, то оно бравировало ее. Не съ большимъ уваженіемъ отнеслась Пруссія и къ другому пункту пражскаго договора, касавшагося независимаго существованія Южно-германскаго Союза, никогда не получившаго осуществленія. Надежда перейти Майнъ и присоединить южныя государства къ Пруссіи нѣсколько разъ довольно прямо высказывалась, если не самимъ Бисмаркомъ, то его приближенными. «Что̀ такое граница Майна, — воскликнули одинъ разъ въ Бисмарковскомъ рейхстагѣ, — станція, гдѣ дѣлаютъ остановку, чтобы запастись углемъ и водою, и послѣ минутнаго отдыха продолжать путь». Шербюлье, посвящающій третью главу своего сочиненія изображенію Сѣвернаго Союза и федеральной конституціи, восхваляя ловкость, съ которою оперируетъ Бисмаркъ, выражается такимъ образомъ о зданіи, выведенномъ прусскимъ министромъ: «Устроить нѣчто, что̀ походило бы на Союзъ и вмѣстѣ что̀ существенно бы разнилось отъ него, нѣчто, что̀ имѣло бы видъ Германіи въ раккурсѣ и что въ сущности не было бы ничѣмъ инымъ, какъ увеличенною Пруссіею, конституціею, которая, глядя на нее издалека, казалась бы либеральною и демократическою, а вблизи была бы совершенно противоположнымъ тому, такая работа была не легка....» Какъ ни трудна была такая работа, но прусское правительство не останавливалось ни передъ чѣмъ. 15 декабря 1866 года уполномоченные двадцати-двухъ государствъ собрались въ Берлинѣ, чтобы начертить проектъ конституціи Сѣверо-германскаго Союза. Мрачны были лица этихъ уполномоченныхъ, если вѣрить тому, что̀ разсказываетъ Шербюлье, а рѣчь, съ которою обратился къ нимъ графъ Бисмаркъ, была вовсе не такого свойства, чтобы разогнать ихъ грустное настроеніе. Бисмаркъ развивалъ передъ ними ту тэму, что на ихъ долю выпало великое счастье сдѣлаться частью великой націи, и что въ виду этого счастья они, конечно, не задумаются пожертвовать тоже частью своей независимости. Хотя уполномоченные и не чувствовали особен-

наго счастья, хотя Саксонія и горько вздыхала, теряя свою самостоятельность ради выгодъ Пруссіи, но дѣлать было нечего, нужно было подчиниться. «Прусское правительство — въ такомъ духѣ разсуждалъ графъ Бисмаркъ — еще слишкомъ милостиво, что вступаетъ съ вами въ переговоры, когда оно могло бы приказывать». Уполномоченные двадцати-двухъ государствъ не могли не сознавать всей справедливости подобнаго разсужденія. Вскорѣ проектъ конституціи былъ подписанъ, и король, открывая союзный парламентъ, благодарилъ своихъ союзниковъ, что они съ такою радостью и готовностью пожертвовали своими интересами на благо общаго отечества: «Я благодарю ихъ — сказалъ прусскій король — съ мыслью, что я выказалъ бы такую же поспѣшность пожертвовать собою, еслибы Провидѣніе не поставило меня во главѣ самаго могущественнаго изъ союзныхъ государствъ, которое предназначено руководить другими».

Шербюлье, въ своей «Allemagne politique», представляетъ весьма наглядную картину того, какимъ устройствомъ подарила Пруссія Сѣверогерманскій Союзъ, какой характеръ носятъ союзныя учрежденія въ видѣ ихъ Reichstag'а и Bundesrath'а. Какъ то, такъ и другое учрежденіе совершенно лишены всякой самостоятельности и могутъ дѣлать только то, что́ угодно Пруссіи. Если бы даже, паче чаянія, Сѣверогерманскій парламентъ наполнился либералами, то и въ такомъ случаѣ прусское правительство дало ему такое устройство, что онъ не можетъ имѣть никакого серьезнаго вліянія. Въ силу чего собраніе представителей можетъ имѣть дѣйствительное вліяніе на управленіе государственными дѣлами, дѣйствительную, серьезную власть? Главное, чтобы не сказать, единственное средство—это ежегодное утвержденіе государственнаго бюджета, безъ котораго правительство не можетъ сдѣлать ни одного шага. Средства этого лишенъ Reichstag, и все, что онъ можетъ сдѣлать, это не утвердить новыхъ налоговъ, которые отъ него требуются; что же касается до разъ вотированныхъ налоговъ, то правительство распоряжается ими совершенно по своему усмотрѣнію. Помимо этого, Reichstag не можетъ вотировать ни одного закона, такъ какъ законодательная власть дѣлится между нимъ и Bundesrath'омъ, въ которомъ засѣдаютъ представители самихъ правительствъ. Такимъ образомъ, какой бы законъ рейхстагъ ни захотѣлъ провести, но если нѣтъ на этотъ законъ согласія Bundesrath'а, то законъ этотъ канетъ въ воду. Bundesrath, какъ сказано, состоитъ изъ коммиссаровъ союзныхъ правительствъ. Собственно же тутъ слово «правительство» употребляется во множественномъ числѣ исключительно ради приличія, такъ какъ въ Bundesrath'ѣ есть одна воля—воля прускаго правительства. Нѣтъ ничего легче, какъ убѣдиться въ этомъ. Сѣверо-германскій союзъ состоитъ изъ 22 государствъ, потому и въ Bundesrath'ѣ вотируютъ представители 22 государствъ, но они вотируютъ не совсѣмъ на ровной ногѣ.

Всѣхъ голосовъ въ союзномъ совѣтѣ 43, а одной Пруссіи принадлежитъ 17 голосовъ; такъ что, если Пруссіи нужно имѣть большинство, т.-е. 22 голоса, то ей нужно привлечь къ себѣ только пять голосовъ. Недостатка въ этихъ голосахъ Пруссія чувствовать не можетъ, такъ какъ нѣкоторыя изъ сосѣднихъ государствъ, въ видѣ Вальдека, давно уже совершенно отказались отъ своей самостоятельности, такъ что ихъ голоса—все равно, что голоса Пруссіи. Но опасаясь, что и этихъ гарантій для полновластія Пруссіи мало, прусское правительство обезпечило себя еще одной прибавкой къ конституціи, въ силу которой, въ вопросахъ первостепенной важности, т.-е. во всемъ, что касается военнаго устройства, голосъ президентствующей державы, или что тоже Пруссіи, имѣетъ преобладающее значеніе, т. е. рѣшаетъ вопросъ, если бы даже она была одна противъ всѣхъ остальныхъ союзныхъ государствъ. Такимъ образомъ, подъ громкимъ именемъ Сѣверо-германскаго Союза, въ сущности, что касается управленія, мы находимъ одну только Пруссію.

Въ силу той же конституціи, прусскій король съ 1866 года сдѣлался президентомъ и генералиссимусомъ Союза. Какъ генералиссимусъ, онъ имѣетъ въ своемъ полномъ распоряженіи, какъ во время войны, такъ и во время мира, всѣ военныя силы Союза, которыя всѣ должны быть устроены по прусскому образцу и подчинены во всемъ прусскому устройству. Вся союзная армія присягаетъ на вѣрность и безпрекословное повиновеніе прусскому королю, который распредѣляетъ ее по различнымъ мѣстностямъ, назначаетъ главныхъ начальниковъ арміи, крѣпостей, объявляетъ, гдѣ ему только угодно, военное положеніе, не обязываясь никому давать отчета въ своихъ поступкахъ и распоряженіяхъ. Рядомъ съ этимъ прусскій король, какъ президентъ Союза, является его представителемъ во всѣхъ международныхъ сношеніяхъ, онъ объявляетъ войну, заключаетъ миръ, вступаетъ въ союзы. Все, что ни дѣлаетъ прусскій король, все это не подвержено никакому контролю и даже союзный совѣтъ—Bundesrath имѣетъ никакого права вмѣшиваться во внѣшнюю политику или добиваться отчета въ ней. Прусскій король, такимъ образомъ, можетъ всецѣльно и безотчетно распоряжаться Сѣверо-германскимъ Союзомъ на свою собственную отвѣтственность, отвѣтственность только передъ «Провидѣніемъ», которая, какъ извѣстно, не бываетъ слишкомъ тяжела.

Что́ же, спрашивается теперь, остается за союзными государствами, какими правами пользуются ихъ правительства и имѣютъ ли они какой-нибудь raison d'être, какое-нибудь основаніе, чтобы поддерживать свое существованіе? На этотъ вопросъ трудно отвѣчать иначе, чѣмъ отрицательно, потому что на самомъ дѣлѣ за союзными государствами нѣтъ болѣе никакихъ правъ, нѣтъ въ нихъ самостоятельной жизни, они поглощены, и поглощены безвозвратно милитарною Пруссіею. Если

на бумагѣ существуетъ еще какой-то Сѣверо-германскій Союзъ, то на фактѣ, въ дѣйствительности, есть только одна Пруссія, усилившаяся присоединеніемъ къ себѣ двадцати-одного нѣмецкихъ государствъ, какъ усилилась она послѣ Садовой насильственнымъ присоединеніемъ Ганновера, Франкфурта, Касселя, Нассау. Разница между присоединеніемъ этихъ государствъ и присоединеніемъ тѣхъ, которыя должны были бы составлять Сѣверо-германскій Союзъ заключается только въ томъ, что на первыхъ Пруссія вымѣщала свою злобу за сопротивленіе разорительными контрибуціями, военными постоями и другими репрессивными мѣрами. Сущность же одна, какъ тѣ, такъ и другія вошли въ составъ прусской монархіи.

Совершенно естественно, что южныя государства Германіи, глядя на то, что́ сдѣлала Пруссія съ государствами Сѣверной Германіи, не могли чувствовать особеннаго стремленія уничтожить линію Майна, и если теперь, — поддавшись, съ одной стороны, необходимости, вытекающей изъ договоровъ, заключенныхъ съ Сѣверо-германскимъ Союзомъ, съ другой дѣйствительному народному увлеченію, вызванному, быть можетъ, и призрачною опасностью захвата лѣваго берега Рейна, они бросились на защиту Пруссіи, то весьма вѣроятно, что они горько раскаятся въ своей поспѣшности. Если побѣда останется на сторонѣ Пруссіи, то нѣтъ сомнѣнія, что Пруссія осуществитъ то желаніе, которымъ сгорала она въ 1866 году—съ одного удара уничтожить независимость южныхъ государствъ и присоединить ихъ къ Пруссіи такимъ же путемъ, какимъ присоединены къ ней государства, входящія въ составъ Сѣверо-германскаго Союза. Первый результатъ торжества Пруссіи будетъ заключаться именно въ уничтоженіи самостоятельности Баваріи, Виртемберга, въ уничтоженіи той линіи Майна, которую Пруссія не смѣла до сихъ поръ прямо перешагнуть, благодаря сопротивленію Франціи. Это сопротивленіе, эта помѣха со стороны Франціи заставляла Пруссію тайно ненавидѣть ее, пока ненависть эта не превратилась въ войну.

Передовые люди южной Германіи понимали до сихъ поръ, какъ нельзя лучше, всю опасность сліянія ея съ Сѣверо-германскимъ Союзомъ. Опасность эта была выражена очень ясно и полно въ манифестѣ, обнародованномъ южными членами Zollvereiп'а, который всѣ считали, и главнымъ образомъ прусское правительство, шелковою лѣстницею, на которую южная Германія должна вступить, чтобы броситься въ распростертыя объятія Пруссіи. Въ этомъ манифестѣ депутаты сообщали своимъ довѣрителямъ, что они воспользовались пребываніемъ въ Берлинѣ, чтобы ближе ознакомиться съ прусскими порядками, что они пришли къ тому убѣжденію, что въ Сѣверномъ Союзѣ преобладаютъ военные интересы и что Пруссія неминуемымъ образомъ, въ силу своей традиціонной политики, будетъ все болѣе и болѣе обременять союз-

ныя государства, пока окончательно не поглотятся они единою Пруссіею. «Нашъ путь, говорили они, будетъ иной, мы достигнемъ нашей цѣли, т.-е. единства Германіи, дѣйствительно либеральной политикой и прочнымъ и дружескимъ согласіемъ всего народа; присоединеніе же къ Сѣверо-германскому Союзу или, вѣрнѣе, къ Пруссіи было бы несчастіемъ и для свободы и для Германіи». Но Пруссія не обратила бы, конечно, вниманія на отсутствіе симпатіи къ ней въ южныхъ государствахъ и распорядилась бы съ ними по-своему, если бы на сторожѣ не стояла Франція, которая не могла допустить рядомъ съ собою усиленіе, и безъ того такой могущественной военной державы, какъ Пруссія. Оно и понятно. Если Франціи нечего было бы опасаться со стороны единой и свободной Германіи, но она всего могла страшиться со стороны государства, по своему существу такого милитарно-феодальнаго, какимъ представляется Пруссія. Пруссія въ свою очередь, послѣ Садовой, вмѣсто того, чтобы распустить войска и разоружиться, увеличивала только свои военныя силы, улучшала свое оружіе съ единою цѣлью — приготовиться къ войнѣ съ Франціею.

Такимъ образомъ, результатъ войны 1866 года очертился какъ нельзя болѣе ясно. Пражскій трактатъ былъ подписанъ исключительно для того, чтобы Пруссія имѣла возможность доказать, что она слишкомъ сильна, чтобы считать себя обязанною исполнять условія договора. Шлезвигъ не былъ возвращенъ Даніи и напрасно датчане, въ продолженіи четырехъ лѣтъ, протекшихъ послѣ Садовой, ожидали, что снова возвратится къ нимъ населеніе, связанное съ ними самыми родственными узами. Напрасно это населеніе почти каждый годъ заявляло прусскому правительству, что оно никогда съ нимъ не помирится, что оно всѣми силами желаетъ снова присоединиться къ Даніи,—прусское правительство съ презрѣніемъ отворачивалось отъ подобныхъ заявленій и не обращало вниманія на выраженное желаніе. Напрасно нѣкоторыя европейскія государства, въ лицѣ прессы, напоминали о существованіи пражскаго договора, о томъ, что заключается въ немъ пунктъ пятый,— Пруссія отвѣчала гордымъ молчаніемъ. Какъ не исполненъ этотъ пунктъ, такъ не исполнены были и другіе.

Южно-германскій Союзъ остается мертвою буквою, а Сѣверо-германскій превратился въ Пруссію. «Странное дѣйствіе мирнаго трактата,— восклицаетъ Шербюлье, подводя итоги, дѣлая выводы изъ своего сочиненія,—перья, которыя подписывали его, не успѣли еще высохнуть, какъ всѣ государства занимались уже улучшеніемъ своихъ ружей и увеличеніемъ числа своихъ штыковъ. Со всѣхъ сторонъ вооружались съ ногъ до головы.....» Очевидно было, что заключенный миръ былъ непроченъ, что достаточно малѣйшаго повода, чтобы вспыхнула война, и дѣйствительно въ продолженіи четырехъ лѣтъ не было ни одного спокойнаго мѣсяца, всѣ жили на сторожѣ, ожидая, что вотъ-вотъ послѣ-

дуетъ взрывъ. Всѣ впередъ знали, кто будутъ главными дѣйствующими лицами въ предстоящей борьбѣ, потому что всѣ понимали, что съ одной стороны Пруссія стѣснена въ своихъ дѣйствіяхъ почти исключительно Франціею, и потому, естественно, Пруссія должна точить на нее зубы, съ другой стороны для всѣхъ было одинаково ясно, что Франція, не усиливаясь сама, не можетъ допустить усиленія Пруссіи. Та и другая находились въ выжидательномъ положеніи и ревниво слѣдили за каждымъ движеніемъ, за каждымъ шагомъ другъ друга. До какой степени сдѣлалось натянуто положеніе между Пруссіею и Франціею послѣ заключенія пражскаго мира, можно видѣть изъ того, что нѣсколько разъ уже до настоящаго взрыва происходили между ними такого рода столкновенія, которыя подавали поводъ думать Европѣ, что вотъ наступило время войны. Столкновенія эти порождались, несмотря на то, что, повидимому, ни Пруссія, ни Франція не рѣшались возбуждать ее, какъ бы не желали ея, предпочитая откладывать кровавую развязку до болѣе благопріятнаго случая. На видъ казалось, что какъ Франція, такъ и Пруссія избѣгали всякаго повода, который могъ бы послужить къ открытой между ними враждѣ. Съ своей стороны Франція не рѣшалась даже высказывать Пруссіи, какъ смотритъ она на неисполненіе пражскаго трактата, не рѣшалась заикаться о Шлезвигѣ, боясь, чтобы прусское правительство не отвѣтило ей: «мы не намѣрены отдавать вамъ отчета». Пруссія точно также боялась прямо вызывать Францію на бой, и потому не рѣшалась на такія мѣры, которыя неминуемо должны были бы вызвать протестъ со стороны Франціи. Пруссія могла бы, конечно, поглотить Баденъ, не разъ стучавшійся въ двери прусскаго министерства и желавшій, благодаря тому, что онъ управляется зятемъ прусскаго короля и вмѣстѣ его горячимъ почитателемъ, присоединенія, но Пруссія не рѣшалась принять его, такъ какъ это значило бы перейти Майнъ и бросить перчатку Франціи. Однимъ словомъ, оба врага были осторожны въ отношеніи другъ друга и ни одинъ изъ нихъ не хотѣлъ принять на себя отвѣтственность за войну. И несмотря на такую осторожность не разъ уже послѣ Садовой возникали между двумя державами такого рода столкновенія, которыя безъ вмѣшательства другихъ европейскихъ государствъ давно бы, конечно, привели Францію и Пруссію къ разсѣченію мечемъ гордіева узла. И нужно сказать, что во всѣхъ столкновеніяхъ, оканчивавшихся миролюбиво, Франція выказывала большую уступчивость, вытекавшую изъ желанія сохранить миръ. Чтобы выводъ этотъ не казался читателю голословнымъ, стоитъ ему припомнить только, какъ вело себя французское правительство, конечно подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, громко требовавшаго мира, во всѣхъ подобныхъ столкновеніяхъ. Самое крупное столкновеніе было, разумѣется, то, которое произошло спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ Садовой, столкновеніе,

державшее въ продолженіи нѣсколькихъ недѣль цѣлую Европу въ страхѣ войны и уладившееся, конечно, главнымъ образомъ, благодаря уступчивости Франціи.

Всѣ помнятъ, конечно, какія смуты и безпокойства причинилъ такъ-называемый Люксембургскій вопросъ, по поводу котораго въ первый разъ ясно обозначилась тайная вражда между Франціею и Пруссіею. Люксембургскій вопросъ въ апрѣлѣ 1867 года точно также поразилъ Европу, какъ вопросъ о Гогенцоллернѣ поразилъ ее двѣ, три недѣли назадъ. Въ ту минуту, когда Европа менѣе всего ожидала, въ ту минуту, когда вниманіе было привлечено всемірною выставкою въ Парижѣ, вдругъ, точно электрическая искра, сверкнуло слово: война! Голландія вела переговоры съ Франціею объ уступкѣ послѣдней, за денежное вознагражденіе, Люксембурга. Пруссія узнала и тотчасъ стала метать громы и молніи. Между тѣмъ въ поведеніи Франціи не было никакого насилія, она не желала присоединить къ себѣ Люксембургъ при помощи военнаго положенія и игольчатыхъ ружей, напротивъ, населеніе сочувственно относилось къ присоединенію къ Франціи. Пруссія, несмотря на это, заговорила, такимъ тономъ, который неминуемо долженъ былъ привести къ войнѣ, если бы не вмѣшательство Европы и не уступчивость Франціи. Мы не можемъ дозволить такого усиленія Франціи, заговорило прусское правительство, мы не можемъ допустить, чтобы изъ Люксембурга на насъ смотрѣли французскія пушки и т. д. и т. д. Словомъ, всѣ тѣ доводы, которые приводили въ негодованіе Пруссію, когда они высказывались французскимъ правительствомъ, высказывались теперь прусскимъ правительствомъ, только еще съ большимъ ожесточеніемъ и настойчивостью. Война была остановлена тогда собравшеюся конференціею для улаженія Люксембургскаго вопроса, и конечно Франція много облегчила задачу конференціи, почти немедленно отказавшись отъ пріобрѣтенія Люксембурга. Правда, она потребовала, чтобы Люксембургская крѣпость была уничтожена и чтобы оттуда были выведены прусскія войска, находившіяся тамъ, въ силу стараго Рейнскаго Союза, къ которому принадлежалъ Люксембургъ. Конференція, собравшаяся тогда въ Лондонѣ подъ предсѣдательствомъ лорда Стенлея, который съ тѣхъ поръ успѣлъ сдѣлаться лордомъ Дерби, признала это требованіе правильнымъ и Пруссіи оставалось только подчиниться Европѣ. Тѣмъ не менѣе, она могла гордиться, что не дозволила Франціи пріобрѣсти Люксембургъ.

Война, которая была, въ 1867 году, такъ близка къ тому, чтобы вспыхнуть, была отсрочена на неопредѣленное время; но если предлогъ былъ отстраненъ, то причина оставалась во всей своей силѣ. Люксембургскій вопросъ сдѣлалъ еще болѣе яснымъ, что Франція и Пруссія, при томъ политическомъ устройствѣ, которымъ надѣлены были обѣ страны, не иначе разрѣшатъ существующее между ними несогласіе,

какъ съ оружіемъ въ рукахъ. Обѣ эти державы, послѣ того, что между ними произошло примиреніе по поводу Люксембургскаго вопроса, еще съ бо́льшимъ жаромъ и рвеніемъ принялись за улучшеніе и усиленіе своихъ военныхъ средствъ. Однимъ словомъ, все, что сдѣлала Лондонская конференція, это то, что она успѣла оттянуть начало военныхъ дѣйствій. Если у правительствъ не хватало достаточно откровенности, чтобы открыто въ этомъ сознаться, за то журналистика въ обоихъ государствахъ разсуждала объ этомъ съ бо́льшею искренностью. Какъ тутъ, такъ и тамъ пресса ставила себѣ вопросъ: что́ же однако будетъ, когда военныя приготовленія въ обѣихъ странахъ будутъ совершенно окончены, и когда правительства неминуемо скажутъ себѣ, что нужно воспользоваться всѣми приготовленіями, которыя стоили народу столько жертвъ? Отвѣтъ былъ одинъ: «тогда наступитъ война»! какъ будто бы всѣ эти приготовленія въ отношеніи того, что стоили они народу, не представляются каплею въ морѣ по сравненію съ тѣми страшными жертвами, которыя потребуетъ отъ народа война. Вслѣдъ за Люксембургскимъ вопросомъ, послѣдовалъ вопросъ о покупкѣ бельгійскихъ желѣзныхъ дорогъ, который точно также могъ превратиться въ поводъ къ войнѣ между Пруссіею и Франціею, если бы и въ этотъ разъ Франція не сдѣлала уступки. Однимъ словомъ, каждый день могъ приносить новый поводъ, каждое слово могло сдѣлаться новымъ предлогомъ къ войнѣ, потому что война лежала въ самой сущности вещей со дня битвы при Садовой, и могла быть отвращена только однимъ: это перемѣной политическаго порядка какъ во Франціи, такъ и въ Пруссіи. До тѣхъ же поръ, пока во Франціи продолжало существовать личное правительство, до тѣхъ поръ, пока въ Пруссіи держался милитарно-абсолютный порядокъ, война между двумя націями была неизбѣжна. Мысль эта была еще выражена въ 1867 году во время разгара Люксембургскаго вопроса однимъ изъ замѣчательно умныхъ людей, именно Форкадомъ, который съ грустью говорилъ: «этотъ миръ не есть миръ; сегодня Люксембургъ, завтра что-нибудь другое, война между Франціею и Пруссіею виситъ надъ Европою, какъ Дамокловъ мечъ». Что же за причина, спрашиваетъ этотъ проницательный политическій писатель, что два самые цивилизованные народа должны такимъ образомъ уклоняться отъ естественнаго пути своего развитія? «Причина одна, писалъ Форкадъ въ «Revue des deux mondes», народы не достигли еще достаточно высокой цивилизаціи, чтобы управлять своею собственною судьбою; причина та, что они не принадлежатъ самимъ себѣ, что они поставили во главѣ себя людей, которые, не спрашивая ихъ, не предупреждая, присвоили себѣ власть, при помощи темныхъ путей, тайныхъ соглашеній между нѣсколькими заинтересованными лицами, бросать народы въ самыя смѣлыя, въ самыя насильственныя предпріятія. Существованіе въ Европѣ

деспотическихъ правительствъ, употребляющихъ для своихъ собственныхъ тайныхъ видовъ всѣ орудія диктатуры,—вотъ главная причина того упорнаго варварства, которое поражаетъ, мучитъ и уничтожаетъ человѣческій разсудокъ. Когда приходишь къ этой коренной причинѣ несогласій, существующихъ между великими націями и бѣдствій, которыя они причиняютъ другъ другу войною, тогда кажется, что эти два передовые народа, французы и нѣмцы, должны были бы соединиться въ одномъ общемъ воодушевленіи и общимъ усиліемъ стряхнуть съ себя это иго. Для нѣмцевъ и для французовъ только въ свободѣ заключается прочный миръ и настоящая человѣческая слава. Изъ двухъ націй, самая вліятельная и самая счастливая, — въ этомъ нельзя сомнѣваться,—окажется та, которая первая черезъ свободу добьется того, что съумѣетъ владѣть собою, которая первая освободится отъ личнаго придворнаго правленія, откажется чистосердечно отъ всякихъ стремленій къ собственному расширенію, и первая станетъ громко обсуждать свои дѣла, не боясь дневного свѣта, съ полною искренностью и увѣренностью въ справедливость и разумность сосѣдей».

Такъ какъ не исчезла эта коренная причина, на которую съ такою силою указываетъ французскій публицистъ, раздора и вражды двухъ цивилизованныхъ націй Европы, то не исчезъ и этотъ раздоръ, не исчезла и эта вражда. Напротивъ, съ каждымъ днемъ это злобное настроеніе увеличивается, и если Пруссія теряла терпѣніе отъ проволочки, которую испытывало присоединеніе къ ней южной Германіи и обвиняла въ этомъ, главнымъ образомъ, Францію, то и эта послѣдняя раздражалась все болѣе и болѣе и все невыносимѣе становились для нея надменныя притязанія Пруссіи. Невыполненіе пражскаго договора, безправное удержаніе Шлезвига, поглощеніе Сѣверной Германіи, неосуществленіе Южно-германскаго Союза, Люксембургскій вопросъ, бельгійскія дороги — все это наполняло чашу неудовольствій. Чаша оказалась полна и довольно было одной капли, чтобы полились цѣлыя рѣки крови. Къ тому же военныя приготовленія были окончены, два народа, вооруженные съ ногъ до головы, стояли другъ противъ друга въ ожиданіи перваго пустого предлога, перваго повода, чтобы начать свирѣпую человѣческую бойню. Когда націи стоятъ такимъ образомъ другъ противъ друга и ждутъ только минуты, чтобы порвать этотъ враждебный миръ, который искусственно длился въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, тогда предлогъ не замедлитъ явиться, потому что всякій предлогъ хорошъ. Минута войны настала, явился и поводъ.

Капля, переполнившая чашу вражды и ненависти, оказалась ничто иное, какъ соглашеніе маршала Прима съ прусскимъ правительствомъ посадить на сброшенный сентябрьскою революціею 1868 года испанскій престолъ принца Леопольда Гогенцоллерна. Излишне было бы вдаваться въ подробный разсказъ событій, быстро слѣдовавшихъ

одно за другимъ, начиная съ 6-го іюля, когда французскій министръ иностранныхъ дѣлъ, герцогъ Граммонъ, взошелъ на трибуну законодательнаго корпуса и заявилъ передъ лицомъ всей Европы, что Франція никогда не допуститъ, чтобы Пруссія посадила на престолъ Карла V одного изъ своихъ принцевъ и тѣмъ поколебала политическое равновѣсіе Европы. Передъ такою рѣшительностью французскаго правительства Пруссія какъ бы остановилась, и волею неволею принцу Леопольду пришлось отказаться отъ испанской короны. Миръ, казалось, снова былъ обезпеченъ, но не надолго. Французское правительство потребовало отъ прусскаго короля обѣщанія, что на будущее время онъ не дастъ своего согласія Леопольду Гогенцоллерну на занятіе испанскаго престола. Пруссія отказала. Франція рѣшилась начать давно подготовлявшуюся войну, и 19-го іюля вручила прусскому правительству формальное объявленіе разрыва. Не вступая въ область гаданій и предположеній о томъ, кто побѣдитъ, кто будетъ побѣжденъ, не предрѣшая тѣхъ вопросовъ, на которые можетъ отвѣтить только будущее, покамѣсть слѣдуетъ остановиться только на двухъ вопросахъ: правда ли, во-первыхъ, что Франція должна нести отвѣтственность за кровопролитіе, наполняющее ужасомъ, негодованіемъ и вмѣстѣ состраданіемъ весь цивилизованный міръ, и во-вторыхъ, кто правъ, тѣ ли, которые утверждаютъ, что побѣда Пруссіи будетъ побѣдою прогресса или тѣ, которые говорятъ, что пораженіе Франціи будетъ торжествомъ реакціонной силы въ Европѣ.

Что касается до перваго вопроса, то читатель изъ всего, что́ было сказано до сихъ поръ, могъ уже увидѣть, насколько справедливо подобное обвиненіе, выставляемое противъ Франціи. Франція вызвала войну, Франція не хотѣла довольствоваться отказомъ Гогенцоллерна отъ испанскаго престола, Франція не удовлетворилась великодушною уступчивостью Пруссіи и ввергаетъ цѣлую Европу во всѣ бѣдствія и ужасы войны! Проклятіе, трижды проклятіе Франціи! Все это было бы очень справедливо, если бы въ самомъ дѣлѣ между Франціею и Пруссіею не было другого повода къ войнѣ, кромѣ несчастнаго Гогенцоллернскаго принца, если бы настоящая война не подготовлялась уже въ продолженіи четырехъ лѣтъ и не имѣла своимъ основаніемъ несправедливаго притязанія Пруссіи подчинить себѣ всю Германію. Спора нѣтъ, французское правительство могло выбрать поводъ къ войнѣ болѣе удачный, нежели тотъ, который имъ выбранъ; но важность настоящей войны, нужно ли это повторять, лежитъ вовсе не въ поводѣ, а въ причинѣ. Лучше было бы, если бы французское правительство сказало прямо и честно прусскому правительству: въ продолженіе четырехъ лѣтъ мы ожидали, что вы поправите несправедливость, совершенную надъ Даніею, мы полагали, что на перекоръ пражскому договору, подписывать который насъ никто не принуждалъ, вы не станете фактически под-

чинять себѣ Сѣверную Германію и распространять ваши притязанія на Южную; всего этого вы не сдѣлали, вы нарушили пражскій трактатъ самымъ безсовѣстнымъ образомъ, мы вамъ объявляемъ на этомъ основаніи войну! Подобное обращеніе къ Пруссіи было бы, нѣтъ сомнѣнія, гораздо возвышеннѣе, гораздо благороднѣе, пожалуй, гораздо честнѣе, нежели придирка къ Гогенцоллерну; слишкомъ наивно было бы при настоящемъ положеніи международныхъ сношеній искать, искать возвышеннаго благородства и честности. Къ несчастью, право сильнаго до сихъ поръ остается единственнымъ закономъ, управляющимъ европейскимъ обществомъ, такъ что международное право, безъ всякаго ущерба, могло бы быть вычеркнуто изъ курса юридическихъ и политическихъ наукъ. Когда Пруссія нападала на Данію, насильственно присоединяла нѣмецкія земли, она руководилась исключительно высшимъ международнымъ закономъ, правомъ сильнаго, и потому странно становится, точно надъ вами смѣются, когда вамъ говорятъ вдругъ, что Франція нарушила всякое приличіе и что, объявивъ Пруссіи войну, она поступила такимъ образомъ, какой не виданъ еще былъ въ исторіи сношеній цивилизованныхъ государствъ. Когда читаешь въ прусскихъ депешахъ, въ адресахъ, въ нотахъ жестокія обличенія поступковъ французскаго правительства, то не знаешь, чему болѣе удивляться: безсовѣстности ли обличаемыхъ поступковъ или безсовѣстности самаго обличенія. Еслибы даже обличенія графа Бисмарка, касающіяся предложеній французскаго правительства относительно поживы на счетъ ближняго, присоединенія Бельгіи къ Франціи, южной Германіи къ Пруссіи и тому подобное, и оказались дѣйствительно справедливыми, еслибы всѣ его увѣренія не опровергались французскимъ правительствомъ, еслибы все это оказалось также вѣрно, какъ дважды два четыре, то и въ такомъ случаѣ прусское правительство ничего бы не выиграло въ честности своего поведенія передъ французскимъ. Если французское правительство обращалось съ подобными предложеніями къ прусскому, то оно вѣроятно знало, къ кому оно обращается, и, какъ надо думать, не предполагало особенной щепетильности у правительства, которое вело войны 1863 и 1866 года. Единственный выводъ, который можно сдѣлать изъ опубликованія всѣхъ подобныхъ документовъ, это тотъ, что оба правительства дѣйствовали одинаково, и что въ этомъ отношеніи пальмы первенства они не уступятъ другъ другу. Жалкій результатъ, такъ какъ онъ не даетъ ничего новаго, а подтверждаетъ только то, что давно уже извѣстно. Французское правительство предлагаетъ напасть на Бельгію, если только фактъ этотъ справедливъ, что во всякомъ случаѣ, требуетъ подтвержденія, Пруссія нападаетъ на Данію,—развѣ это не одно и тоже, развѣ это поступки не одинаково должны быть осуждены! Какъ здравый смыслъ и нѣкоторое политическое безпристрастіе не мо-

тутъ позволить оправдывать прусское правительство и его образъ дѣйствій, такъ точно тотъ же здравый смыслъ и тоже безпристрастіе не позволяютъ оправдывать французское правительство и его систему. Изъ этого вытекаетъ только, что разыскивать, насколько добросовѣстно выбранъ тѣмъ или другимъ правительствомъ поводъ къ войнѣ, совершенно излишне: нѣсколько болѣе добросовѣстно, нѣсколько менѣе, въ цѣломъ поведеніи, это не составляетъ большой разницы. Вотъ отчего, собственно и не стоило бы останавливаться на предлогѣ, избранномъ французскимъ правительствомъ, еслибы излишняя строгость обвиненія не требовала нѣкотораго разъясненія. Сомнѣнія нѣтъ, поводъ избранъ неудачно, и сами французы первые осудили за это правительство. Рѣдко въ законодательномъ собраніи бывали такія бурныя засѣданія, какъ то, въ которомъ жалкій министръ юстиціи Олливье прочелъ заявленіе, оканчивавшееся провозглашеніемъ войны. Нельзя не отдать справедливость Тьеру, Жюль-Фавру, Гамбеттѣ, которые въ такую важную минуту, когда корабли уже были сожжены, рѣшились высказать свое искреннее мнѣніе, свое осужденіе политики французскаго правительства, не съумѣвшаго выждать болѣе важнаго предлога, если война была уже необходима. Такимъ образомъ, французское правительство въ этомъ отношеніи можно обвинить въ безтактности, въ глупости, но говорить о какой нибудь особенной возмутительности такого повода едва ли умѣстно. Тѣмъ болѣе странно видѣть въ избранномъ поводѣ какое нибудь чрезвычайное нарушеніе международнаго права, что французское правительство имѣло всѣ основанія не довѣрять прусскому въ искренности отказа отъ испанскаго престола. Насколько обстоятельства этого дѣла выяснились въ настоящую минуту, видно, что въ 1869 г. между французскимъ посланникомъ Бенедетти и управлявшимъ иностраннымъ министерствомъ происходили уже переговоры о занятіи Гогенцоллерномъ испанскаго престола. Тилле увѣрилъ французскаго посла, что вопросъ этотъ рѣшенъ, и что о Гогенцоллернѣ не будетъ болѣе рѣчи. Если въ 1870 г., къ удивленію Франціи и тайно отъ нея, велись снова переговоры объ избраніи Леопольда, то очевидно, что Франція не могла болѣе довѣрять простому отказу, и имѣла полное право потребовать отъ прусскаго короля формальнаго обѣщанія, что онъ не дастъ своего согласія Леопольду, еслибы впослѣдствіи ему былъ предложенъ испанскій престолъ. Конечно, горячіе защитники Пруссіи могутъ сказать: да какое дѣло Франціи, кто будетъ сидѣть на испанскомъ престолѣ, какое право имѣла она требовать, чтобы прусскій король далъ формальное обѣщаніе. Съ точки зрѣнія абсолютнаго права, оно, пожалуй, и такъ, но съ точки зрѣнія существующаго порядка вещей, Франція была совершенно права, объявляя, что она не допуститъ, чтобы на испанскій престолъ вступилъ одинъ изъ Гогенцоллерновъ. Дѣло въ томъ, что пока въ Европѣ существуютъ описанные

выше порядки, до тѣхъ поръ, несмотря ни на какія разглагольствованія о прогрессѣ, о великихъ идеяхъ XIX-го вѣка, династическіе интересы, династическіе союзы будутъ играть неминуемо весьма серьезную роль въ союзахъ самихъ народовъ. Изъ этого положенія прямо вытекаетъ другое, что если династическіе интересы обусловливаютъ извѣстное направленіе политики какой-нибудь страны, то тѣсный союзъ, который не замедлилъ бы возникнуть между Пруссіею и Испаніею, благодаря тому, что тутъ и тамъ во главѣ стояли бы Гогенцоллерны, единство, которое тотчасъ бы образовалось въ направленіи политики двухъ странъ, смежныхъ съ Франціею, поставило бы эту послѣднюю въ такіе тиски, которыя лишили бы возможности дѣйствовать самостоятельно. Въ виду этого, Франція заявила вполнѣ справедливое требованіе, чтобы Гогенцоллернъ не былъ на испанскомъ престолѣ. Требованіе ея было уважено, могутъ возразить, что́ же ей было больше, зачѣмъ она не довольствовалась отступленіемъ Пруссіи? Да, справедливо, было уважено; но кто ей могъ поручиться, что черезъ три мѣсяца, которыми быть можетъ Пруссія воспользовалась бы, чтобы еще болѣе укрѣпиться, снова не выплыла бы на поверхность кандидатура Гогенцоллерна, и снова не породила собою точно такого же столкновенія? Въ виду этого Франція и желала заручиться формальнымъ обѣщаніемъ прусскаго короля, на которое она имѣла тѣмъ бо́льшее право, что на простое слово прусскаго правительства полагаться трудно, какъ это уже не разъ было доказано и какъ оно доказало это въ томъ же вопросѣ о Леопольдѣ Гогенцоллернѣ, когда Тилле въ 1869 г. обѣщалъ, что его кандидатура окончательно устранена. Такимъ образомъ, если на французское правительство должно падать обвиненіе, что оно потребовало формальнаго обѣщанія, формальной гарантіи прусскаго правительства, то и это послѣднее виновно въ томъ, что въ виду спокойствія Европы, оно не дало этого обѣщанія, такъ какъ оно само было виновато, что подобное формальное обѣщаніе требовалось, не исполнивъ слова даннаго за годъ. Во всякомъ случаѣ, если Францію и можно признать въ этомъ вопросѣ болѣе виновною, то виновною въ безтактности, въ ошибкѣ, но не въ недобросовѣстномъ поступкѣ, на которые впрочемъ ни французское, ни прусское правительства никогда не были скупы. Покончивая съ вопросомъ, въ какой мѣрѣ Франція должна нести отвѣтственность за всѣ бѣдствія настоящей войны, нельзя не напомнить еще разъ, резюмируя все, что́ было сказано до сихъ поръ, что война 1870 года вышла вовсе не изъ вопроса объ испанскомъ престолѣ, что этотъ вопросъ явился только поводомъ, каплею, переполнившею чашу, а никакъ не причиною; что не явись этотъ поводъ въ вопросѣ о Гогенцоллернѣ, онъ явился бы въ чемъ-нибудь иномъ, быть можетъ еще болѣе вздорномъ вопросѣ. Настоящая война лежитъ гораздо глубже, ближайшій источникъ ея заключается въ варварской

войнѣ противъ Даніи въ 1863 году, затѣмъ въ войнѣ 1866 года и въ томъ переворотѣ стараго, но еще живого, «политическаго равновѣсія Европы», который былъ результатомъ прусско-австрійской войны. Сколько бы ни смѣялись надъ «политическимъ равновѣсіемъ Европы», оно до тѣхъ поръ будетъ играть роль и будетъ порождать кровавыя войны, пока въ основѣ большей части европейскихъ государствъ будетъ лежать порядокъ личнаго управленія, пока народы не пріобрѣтутъ яснаго политическаго сознанія и самостоятельности во внутреннихъ своихъ дѣлахъ.

Теперь остается сказать только нѣсколько словъ о томъ, которая изъ воюющихъ сторонъ заслуживаетъ бо́льшаго сочувствія, бо́льшей симпатіи, а слѣдовательно, которой изъ двухъ сторонъ слѣдуетъ желать побѣды или пораженія. Конечно, скептики могутъ сказать, что вопросъ о сочувствіи и симпатіи—вопросъ совершенно праздный, что отъ сочувствія однихъ и симпатій другихъ никому не будетъ ни тепло, ни холодно, и что результатъ войны отъ этого ничуть не измѣнится. Нѣтъ сомнѣнія, что люди, говорящіе такимъ образомъ, въ настоящую минуту совершенно правы и правы будутъ до тѣхъ поръ, пока само общество не будетъ имѣть прямого вліянія на дѣла, пока общественное мнѣніе, и серьезное, а не шуточное, не будетъ давать направленіе политикѣ цѣлой страны. Но сдѣлаемъ это пріятное и льстящее самолюбію предположеніе, что извѣстный взглядъ общества на событія не совершенно безразличенъ и что въ данную минуту сочувствіе или антипатія общества къ той или другой сторонѣ выражается самымъ дѣйствительнымъ образомъ въ томъ, что правительство, сообразуясь съ общественнымъ мнѣніемъ, принимаетъ участіе въ пользу той или другой изъ воюющихъ державъ. Въ такомъ случаѣ праздный, при извѣстныхъ данныхъ, вопросъ получаетъ весьма серьезное значеніе, и заслуживаетъ, чтобы на немъ остановиться самымъ тщательнымъ образомъ. Предполагая, что сочувствіе или несочувствіе къ одной или другой изъ враждебныхъ сторонъ не обусловливается исключительно безотчетными симпатіями или антипатіями къ французской или прусской націи, которыя также впрочемъ имѣютъ свое значеніе, но что это сочувствіе или несочувствіе вызывается болѣе вѣскими соображеніями, соображеніями историческаго и философскаго свойства, вопросъ о томъ, кто правъ—сочувствующіе ли французамъ или пруссакамъ, сходится къ тому,—кто болѣе правъ: тѣ ли, которые видятъ въ торжествѣ Пруссіи торжество прогресса или тѣ, которые видятъ въ немъ напротивъ торжество реакціи.

Очевидно, что тотъ и другой взглядъ обусловливается тѣми надеждами, которыя одинъ возлагаетъ на Пруссію, другой на Францію; но такъ какъ эта надежда должна основываться на фактахъ, почерпнутыхъ изъ политической исторіи прошедшаго и настоящаго двухъ

націй, то на этотъ вопросъ можно отвѣчать, не вдаваясь особенно въ область фантазіи. Нечего и говорить, что настоящее политическое состояніе, какъ Франціи такъ и Пруссіи, вовсе не таково, чтобы можно было особенно радоваться торжеству той или другой страны; но такъ какъ неизбѣжно, чтобы одна сторона восторжествовала, то поневолѣ приходится спрашивать себя: побѣда Франціи или Пруссіи принесетъ больше плодовъ для Европы? Нужно, однимъ словомъ, забывая Францію и Пруссію, спросить себя, въ чьей побѣдѣ больше заинтересовано все цивилизованное человѣчество, какая сторона являлась и до сихъ поръ является въ болѣе сильной степени представительницею общечеловѣческихъ интересовъ? Въ отвѣтѣ на этотъ вопросъ едва ли возможно какое-нибудь колебаніе. Кто не скажетъ, припомнивъ исторію, и, главнымъ образомъ, исторію XVIII и XIX столѣтій, что Франція постоянно указывала человѣчеству новые пути, что она всегда была предвозвѣстницею новыхъ идей, что отсюда распространились по Европѣ начала, которыя должны послужить основаніемъ для лучшаго будущаго. Сравнивая Францію и Пруссію въ отношеніи того вліянія, которое каждая изъ этихъ странъ имѣла на движеніе человѣчества по пути усовершенствованія нравственнаго порядка, сравнивая тѣ блистательныя страницы, которыя встрѣчаемъ мы въ политической исторіи Франціи съ мрачною политическою исторіею Пруссіи, нельзя не отдать первой рѣшительнаго предпочтенія, нельзя не вспомнить словъ одного изъ замѣчательныхъ мыслителей нашего времени, который, разсуждая объ историческомъ значеніи народовъ, сказалъ: «я не довѣряю тѣмъ народамъ, которые въ исторіи своей не имѣютъ свободныхъ традицій!»

Если во Франціи не установился до сихъ поръ прочный политическій порядокъ, основанный на разумной свободѣ, то тѣмъ не менѣе она не перестаетъ изъ-за него бороться и не выпускаетъ изъ своихъ рукъ знамени, завѣщаннаго ей великимъ историческимъ переворотомъ конца XVIII-го столѣтія. Конечно, насъ поражаютъ въ исторіи, и главнымъ образомъ, въ исторіи нашего столѣтія, мрачныя страницы, посвященныя времени Наполеона I, Карла X, Наполеона III, но поражаютъ онѣ особенно потому, что рядомъ съ этими мрачными страницами въ глаза бросаются такія, которыя ослѣпляютъ своимъ яркимъ свѣтомъ. Грустно, разумѣется, послѣ такой упорной борьбы, которую вынесла Франція изъ-за пріобрѣтенія свободы, встрѣтить на ея престолѣ Наполеона III; но развѣ паденіе Наполеона I, Карла X, и даже Лудовика-Филиппа, не можетъ служить намъ ручательствомъ, что точно также рушится и нынѣшній порядокъ со всѣми его злоупотребленіями. Свободныя традиціи слишкомъ вкоренились въ характеръ и нравы французскаго народа, чтобы среди его могъ долгое время держаться личный порядокъ, и на самомъ дѣлѣ, развѣ и теперь мы не присутствуемъ при быстромъ разложеніи второй имперіи.

Кто не вѣритъ въ это разложеніе, тотъ пусть вспомнитъ только силу второй имперіи въ концѣ пятидесятыхъ годовъ и сравнитъ ее съ безсиліемъ настоящаго времени, когда имперія, хватающаяся за парламентаризмъ, прибѣгаетъ въ минуту опасности къ орудіямъ революціи. Часто мелкіе факты бросаютъ болѣе яркій свѣтъ на извѣстное положеніе, чѣмъ самыя крупныя событія. Въ этомъ отношеніи пѣніе марсельезы, этого воспламеняющаго гимна Руже-де-Лиля, какъ нельзя болѣе характеристично. Во время войны крымской, итальянской, мексиканской императорское правительство не нуждалось въ революціонномъ гимнѣ, который въ ту пору былъ строжайшимъ образомъ запрещенъ. То преступленіе, которое каралось жестоко нѣсколько лѣтъ назадъ, даже меньше—годъ назадъ, теперь совершается каждый день, и гдѣ же? въ Тюльери. Вторая имперія отжила свое время и ничто не способно болѣе спасти ее; она умираетъ и никакая ртуть, въ видѣ войны, это послѣднее предсмертное средство не въ силахъ воскресить ее. Все, что можетъ она сдѣлать, это поддержать въ ней жизнь на нѣкоторое время, но вторая имперія слишкомъ выдохлась, слишкомъ одряхлѣла, чтобы она могла пережить своего дряхлаго императора. Стремленіе къ другому порядку, къ политической свободѣ слишкомъ сильно во французахъ, чтобы успѣшная даже война могла подавить его; война никогда еще, даже въ самую яркую эпоху второй имперіи, не имѣла возможности помѣшать, чтобы французское общество, разбитое 2-го декабря, снова не ободрялось и съ каждымъ днемъ болѣе громко не заявляло своихъ требованій свободы. Никогда, ни въ какую другую эпоху вторая имперія не покрывалась такимъ блескомъ, какъ послѣ итальянской войны, и что́ же изъ того вышло? развѣ Франція, спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ послѣдней побѣды, снова не стала заявлять такихъ требованій, которыя, какъ нельзя болѣе, непріятны были императорскому правительству. Итальянская война, война успѣшная, не только не повлекла за собою реакціи или усиленія правительства, но напротивъ, спустя годъ, правительство вынуждено было вступить на путь уступокъ, на которомъ оно болѣе не останавливалось съ извѣстнаго ноябрьскаго декрета 1860 года. Вторая имперія не страшна, она слишкомъ ослабѣла, чтобы можно было опасаться ея необыкновеннаго усиленія во Франціи. Франція — это маякъ человѣчества и съ ея паденіемъ въ Европѣ наступитъ мрачная реакціонная ночь. Конечно, еслибы Франція съумѣла окончательно освободиться въ настоящее время отъ императорскаго режима; еслибы она сбросила въ пропасть войны наполеоновскую династію, то тогда сочувствіе къ ней было бы несравненно полнѣе и цѣльнѣе, чѣмъ въ настоящую минуту. Но и въ настоящую минуту самая сильная ненависть къ Наполеону не должна заставлять забывать объ услугахъ, которыя оказывалъ французскій народъ всему человѣчеству.

Если Франція, несмотря на временныя затмѣнія свободы, остается передовою политическою страною въ Европѣ, въ которой новыя основы общества хотя и испытываютъ подчасъ пораженіе, но все-таки постоянно одолѣваютъ, берутъ верхъ надъ политическими началами прошедшаго времени, то можно ли сказать тоже самое о Пруссіи?

Начиная съ прошедшаго столѣтія, когда Франція впервые стряхнула феодальное устройство Пруссіи, что́ мы въ ней видимъ? Ея политическое устройство неизмѣнно продолжало, какъ и продолжаетъ до настоящаго времени, держаться двухъ началъ: феодально-теологическаго права власти и тѣсно связаннаго съ нимъ милитаризма — этихъ аттрибутовъ прошедшаго времени, аттрибутовъ феодализма. До Наполеоновскихъ войнъ въ Пруссію и не проникало понятіе о политической свободѣ, о правѣ народа распоряжаться своею судьбою и быть управляемымъ согласно его интересамъ, а не интересамъ одной династіи, одного королевскаго дома. Опасность внушила Пруссіи, какъ и всей Германіи, счастливую мысль разнуздать «черный» народъ, вооружить его тѣмъ же оружіемъ, при помощи котораго непобѣдима была французская нація, и съ этого времени стали вызывать его къ защитѣ свободы и цѣльности родины, обѣщая ему всѣ блага земныя и небесныя. Никогда нѣмецкія правительства не говорили столько о свободѣ народовъ, какъ въ эту эпоху. Народъ повѣрилъ. Франція была побѣждена, и тогда Германія увидѣла, что феодализмъ только притворился, милитарный абсолютизмъ сталъ свирѣпствовать сильнѣе, чѣмъ когда-нибудь прежде. Прусское правительство не отставало отъ другихъ нѣмецкихъ правительствъ, и никто вообще не выказывалъ такой твердости въ проведеніи началъ милитаризма и божественнаго права, какъ Гогенцоллерны. Сильные толчки, порою приходившіе изъ Франціи, не въ силахъ были принудить прусское правительство разстаться съ началами феодальной эпохи. Невѣроятныхъ мукъ стоило Гогенцоллернамъ дать, въ 1848 году, конституцію, къ которой они чувствовали искреннее отвращеніе, и за то съ какою поспѣшностью они нарушили ее, какъ только явилась первая возможность, когда движеніе, вызванное на минуту французскою революціею, снова улеглось, а прусскій народъ опять обратился къ прежней покорности. Тѣже старые принципы и до сихъ поръ составляютъ основанія прусскаго правительства и Гогенцоллерны не терпятъ, чтобы кто-нибудь осмѣливался покушаться на священныя начала феодализма. Если они вынуждены были сдѣлать уступку духу новаго времени и дать своему народу конституцію, то тотъ жестоко бы ошибся, кто бы сталъ думать, что они считаютъ эту конституцію обязательною для себя. Обращеніе прусскаго правительства съ парламентомъ до войны 1866 года лучше всего показываетъ, какъ смотритъ прусское правительство на конституцію, на права народа. Парламентъ не исполняетъ его

воли, — оно обходится безъ парламента. Лавры австрійской войны только еще болѣе укрѣпили прусское правительство въ принципахъ милитаризма и божественнаго права, которые оно проводитъ съ такою неумолимою послѣдовательностью. Паденіе ницъ передъ нимъ послѣ Садовой тѣхъ самыхъ людей, того самаго народа, которые позволяли себѣ до 1866 года дѣлать ему оппозицію, невольно должно было его утвердить въ мысли, что на волю народа, на его права дѣйствительно не слѣдуетъ обращать большого вниманія. Страшно становится подумать только, какую силу получитъ прусскій милитаризмъ, если онъ, что весьма впрочемъ возможно, восторжествуетъ и въ войнѣ 1870 года.

Къ той интересной параллели, которую проводитъ Шербюлье въ своей книгѣ «l'Allemagne politique» между Франціею и Пруссіею, къ той параллели между свободнымъ отношеніемъ французовъ ко всѣмъ и ко всему и боязливымъ отношеніемъ къ тѣмъ же предметамъ пруссаковъ, между революціею, пропитавшею французовъ, и страхомъ революціи, которымъ полны нѣмцы, можно прибавить было бы уже нѣсколько любопытныхъ фактовъ изъ исторіи послѣднихъ дней. Какъ правъ Шербюлье, когда съ одной стороны онъ говоритъ, что идеи феодальнаго строя навсегда изгнаны изъ Франціи и что къ нимъ болѣе невозможно вернуться, и съ другой, что эти самыя идеи имѣютъ еще верховное господство въ Пруссіи. Эта поразительная разница, на которую указываетъ Шербюлье между Франціею и Пруссіею, разница, которая бросается въ глаза, выражается во всемъ, начиная отъ самыхъ крупныхъ фактовъ до самыхъ мелкихъ, отъ внутреннихъ проявленій до чисто внѣшнихъ.

Сравните обращеніе къ народу прусскаго короля и обращеніе къ нему французскаго императора, и вся разница въ общественномъ строѣ, въ понятіяхъ, идеяхъ двухъ странъ станетъ совершенно ясна для васъ. Какъ прусскій король является представителемъ порядка, сильнаго милитаризмомъ, такъ точно и Наполеонъ является представителемъ личнаго порядка, и однако одинъ говоритъ только о «провидѣніи», другой вынужденъ взывать къ «великимъ идеямъ революціи». Конечно, можно сказать, что слова Наполеона нечто иное, какъ подлогъ, что онъ только пользуется этими идеями для возбужденія народа; положимъ и такъ, положимъ, что Наполеонъ не искренень въ своемъ воззваніи, что онъ лукавитъ, но что же это доказываетъ? Это доказываетъ только одно, что само правительство, правительство личное, Наполеона III должно было было придти къ сознанію, что идеи эти слишкомъ крѣпко вкоренились въ націю, и что если французы способны чѣмъ-нибудь воодушевиться, за что-нибудь проливать свою кровь, то это за защиту тѣхъ самыхъ началъ, за торжество которыхъ не разъ уже Франція жертвовала всѣмъ своимъ достояніемъ.

Вотъ почему, подводя итогъ всему, что́ было высказано въ настоящей статьѣ, взвѣшивая всѣ обстоятельства, среди которыхъ разыгра-

лась настоящая война, вдумываясь въ свойства и характеръ двухъ націй и двухъ правительствъ, оцѣнивая не только прошедшее, но и настоящее положеніе двухъ народовъ, можно съ увѣренностью сказать, что если торжество Франціи и не будетъ въ настоящую минуту торжествомъ свободы, за то торжество Пруссіи будетъ торжествомъ реакціи, которая тяжело отзовется на жизни всѣхъ народовъ континентальной Европы.

Евг. Утинъ.

НОВѢЙШАЯ ЛИТЕРАТУРА.

НОВОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Русская Старина, ежемѣсячное историческое изданіе. 1870. Ред. В. Семевскій. Томъ I. Спб. 1870.

«Русская Старина» начала выходить съ нынѣшняго года, но мы не упоминали о ней въ нашей библіографіи, потому что о характерѣ ея можно было бы получить понятіе только по нѣсколькимъ выпускамъ. Теперь передъ нами I-й томъ «Старины» или первое полугодіе изданія.

Появленіе «Русской Старины» вызвано, конечно, нѣкоторымъ интересомъ, который стали возбуждать въ публикѣ историческія изслѣдованія и матеріалы по новѣйшей русской исторіи. Успѣхъ «Русскаго Архива» вѣроятно поощрилъ и издателей «Русской Старины» и внушилъ имъ надежду на таковой же. Нѣтъ сомнѣнія, что лишнее изданіе во всякомъ случаѣ принесетъ свою пользу, потому что въ массѣ своего матеріала внесетъ въ обращеніе нѣсколько вещей новыхъ и любопытныхъ; наша новѣйшая исторія такъ еще бѣдна всякимъ матеріаломъ, кромѣ оффиціальнаго, что здѣсь предстоитъ еще чрезвычайно обширное поле, на которомъ мудрено было бы спеціальнымъ собирателямъ не найти чего-нибудь интереснаго и важнаго. Но, понятно, что не все же на этомъ полѣ одинаково драгоцѣнно и поучительно, и изданіе, посвященное этимъ предметамъ, можетъ имѣть весьма различную цѣнность въ литературѣ, смотря по тому, *что* оно будетъ собирать. Издателю нужно поэтому имѣть весьма опредѣленное понятіе о потребностяхъ историческаго изученія и извѣстный тактъ, чтобы съумѣть отличить важное отъ неважнаго. Желая всякаго успѣха «Русской Старинѣ», не можемъ однако не сказать, что во многихъ случаяхъ она удовлетворяетъ насъ очень мало.

Издатель ея выражаетъ въ своей программѣ мысль, что «въ настоящее время русское общество, оживленное духомъ всесторонникъ улучшеній его быта, начало *быстро развиваться по пути народнаго самосознанія*» (въ этой быстротѣ можно съ нѣкоторымъ основаніемъ сомнѣваться), что этому развитію всего больше можетъ содѣйствовать «изученіе родной исторіи и преимущественно новѣйшаго времени»; но замѣчаетъ, что разработка этой новѣйшей исторіи пока еще очень слаба, и что «архивы наши заключаютъ въ себѣ такъ много еще невѣдомыхъ обществу *сокровищъ*», — что онъ предпринялъ изданіе съ полнымъ убѣжденіемъ въ его пользѣ и необходимости. Приступая къ дѣлу, издатель заручился длиннымъ списокомъ лицъ, обѣщавшихъ ему свое содѣйствіе, и въ программѣ своей при каждой книжкѣ печатаетъ также довольно длинный списокъ всякихъ матеріаловъ, долженствующихъ найти мѣсто въ изданіи.

Надобно отдать справедливость «Русской Старинѣ», что она успѣла дать своимъ читателямъ нѣсколько матеріаловъ, заслуживающихъ вниманія и очень любопытныхъ. Назовемъ напр. записки брильянтщика Позье объ его жизни въ Россіи и его придворной службѣ, въ 1729—64 годахъ; различныя бумаги извѣстнаго историка, князя М. М. Щербатова; нѣкоторые матеріалы объ императорѣ Александрѣ; бумаги Лагарпа,—которыя до сихъ поръ являются различными клочками въ нашихъ историческихъ изданіяхъ; записки г-жи Кернъ; письма поэта К. Н. Батюшкова; въ высшей степени характеристичныя письма Вигеля къ митрополиту Серафиму, и митрополита Серафима къ шефу жандармовъ, гр. А. Х. Бенкендорфу по поводу извѣстнаго «философическаго письма» Чаадаева и журнала «Телескопъ»; двѣ очень характеристическія записки императора Николая I о прусскихъ дѣлахъ 1848 года, и нѣкот. друг. Въ этихъ матеріалахъ найдутся дѣйствительно важныя черты для исторіи нравовъ и времени, и мы можемъ только пожелать, чтобы подобныя вещи являлись чаще на страницахъ «Русской Старины».

Къ сожалѣнію, однако, далеко не все имѣетъ въ «Русской Старинѣ» такой интересъ, и мы опасаемся, что матеріала незначительнаго въ ней слишкомъ много. Начиная подобное изданіе, нельзя было не подумать о какомъ-нибудь планѣ, о какой-нибудь мѣркѣ исторической важности издаваемыхъ матеріаловъ. Если обдуманный планъ нуженъ вообще для всякаго изданія, то нельзя же думать, чтобы онъ не былъ нуженъ здѣсь. Конечно, историческій интересъ чрезвычайно обширенъ и разнообразенъ; но не можетъ же издатель думать, что онъ будетъ оказывать одинакую услугу исторической наукѣ и общественной любознательности, если будетъ ставить на одну доску и мемуары или переписку какого-нибудь историческаго ничтожества и умственной посредственности, не понимающей хорошенько и того, что она видѣла,

или мемуары и переписку крупнаго историческаго лица, которыя бросятъ свѣтъ на важныя историческія обстоятельства и личности и т. п. Конечно, можетъ понадобиться справка и о посредственности, объ исторической мелочи,—но кажется важнѣе было бы позаботиться о томъ, чтобы отдать преимущество въ изданіи болѣе существеннымъ предметамъ, — особенно, если, по словамъ программы, изученіе новѣйшей исторіи должно ни больше ни меньше какъ помогать обществу «быстро развиваться по пути къ народному самосознанію».

Намъ кажется, что въ этомъ отношеніи «Русская Старина» или слишкомъ не разборчива, или имѣетъ странные вкусы. Не будемъ называть много примѣровъ—предполагая, что и изъ двухъ-трехъ будетъ довольно видно, какой отдѣлъ «Старины» мы разумѣемъ. Назовемъ, напр., «разсказы о Н. И. Гречѣ». Разсказы имѣютъ цѣлью—сообщить объ остроуміи Н. И. Греча и привести образчики этого остроумія. Къ чему можетъ служить все это, — неизвѣстно, тѣмъ болѣе, что разсказы ничтожны совершенно и даже остроуміе крайне сомнительное. И подобнаго матеріала «Старина» успѣла уже сообщить не малое количество: неужели по ея мнѣнію Гречъ былъ такое крупное историческое лицо, что о немъ можно печатать всякіе нестоющіе вниманія пустяки? Далѣе, издатель извѣщаетъ, что въ «Старинѣ» будетъ между прочимъ помѣщенъ «архивъ» князя М. И. Голенищева-Кутузова-Смоленскаго,—и читатели получаютъ вслѣдъ затѣмъ рядъ рескриптовъ, т.-е. оффиціальныхъ бумагъ, пожалуй еще напечатанныхъ въ свое время и нужныхъ развѣ только спеціальному біографу Кутузова, если бы таковой явился. Издатель объявляетъ, что у него находятся бумаги В. К. Кюхельбекера. Этотъ писатель и общественный дѣятель не занималъ важнаго мѣста въ своемъ кружкѣ, не оставилъ особенно замѣчательныхъ произведеній, но его личность все-таки любопытна, и его дружескія связи могутъ привлекать къ нему вниманіе; «дневникъ», о которомъ упоминаетъ издатель, могъ бы быть даже очень интересенъ по исключительной судьбѣ автора. Какое же употребленіе дѣлаетъ до сихъ поръ издатель изъ этого матеріала? Онъ выбралъ пока изъ него одно стихотвореніе, да еще письма одной высоко-поставленной особы къ К. И. Кюхельбекеру, т.-е. вещи, совсѣмъ не относящіяся къ тому времени и обстоятельствамъ, которыя собственно и могутъ придать какое-нибудь значеніе этимъ «бумагамъ». Письма сами по себѣ очень неважны, и надо думать, что издатель выбралъ изъ «бумагъ» то, что въ нихъ было именно наименѣе любопытнаго. Неужели издатель полагаетъ, что еслибы у него, напр., очутились «бумаги» А. С. Пушкина, въ которыхъ былъ бы «дневникъ» Пушкина и еще случайно попала бы расходная книжка его старой, можетъ быть совершенно почтенной, но никому не интересной тетушки, — то прежде всего слѣдовало напечатать эти «бумаги» те-

тушки? Мы совѣтовали бы издателю болѣе осмотрительно обращаться съ его матеріалами: такія вещи, какъ напр. были бы «бумаги» этой тетушки, называются хламомъ, и накопленіе въ изданіи такого хлама можетъ очень вредно подѣйствовать на его успѣхъ. Судя по списку матеріаловъ, который печатается при каждой книжкѣ «Старины», мы ожидали бы найти въ ней болѣе серьезное изданіе.

Издатель, повидимому, не опредѣлилъ себѣ той мѣрки исторической важности матеріала, о которой мы говорили. Но у него замѣтно другое—желаніе давать своимъ книжкамъ разнообразіе. Въ каждой книжкѣ цѣлый рядъ статеекъ, въ которыхъ читателю предлагается по немножку разныхъ разностей изъ временъ отъ Петра Великаго и до нашихъ дней. Чтобы достигнуть этого разнообразія, издатель принимаетъ, кажется, всѣ мѣры, потому что въ каждой книжкѣ повторяется таже наружная пестрота содержанія; почти каждая книжка начинается какимъ-нибудь «указомъ Петра I», затѣмъ что-нибудь изъ временъ Екатерины I, Анны, Елизаветы, и т. д., и издатель раздробляетъ на нѣсколько книжекъ статьи нѣсколько большаго объема, чтобы онѣ этому не помѣшали. Нечего говорить о томъ, что для читателя это бываетъ только скучно, потому что въ сущности раздѣленіе не имѣетъ никакого разумнаго основанія; всѣ записки Позье, или воспоминанія г-жи Кернъ легко было напечатать за одинъ разъ; точно также и въ другихъ случаяхъ издателю, безъ всякаго сомнѣнія, ничего бы не стоило собрать рядомъ тѣ отрывочно помѣщаемыя письма разныхъ историческихъ лицъ, которыя онъ имѣетъ обыкновеніе разбрасывать по своимъ книжкамъ, напр. всѣ эти указы Петра Великаго, которые заняли бы какія-нибудь семь-восемь страницъ, гораздо лучше бы просто напечатать за одинъ разъ — тогда бы они представили хоть что-нибудь дѣльное и характерное. Къ чему, напримѣръ, также разбрасывать бумаги кн. Щербатова, которыя повидимому находятся опять въ полномъ распоряженіи издателя, такъ что ничто не вынуждаетъ его давать ихъ только по клочкамъ. Эта ненужная раскиданность и обрывочность изданія едва ли произведутъ въ читателѣ то впечатлѣніе, какого вѣроятно желалъ достигнуть издатель; всего скорѣе въ результатѣ получится великая скука для всякаго читателя, которому понадобится собирать въ «Старинѣ» какой-нибудь однородный матеріалъ; а другихъ читателей многіе изъ этихъ матеріаловъ совсѣмъ и не займутъ. Гораздо лучше поступать такъ, какъ дѣлалъ иногда «Русскій Архивъ», печатавшій напр. (какъ и слѣдовало) цѣлыя большія собранія писемъ имп. Екатерины, записки Мертваго, и др., хотя и «Архивъ» также не свободенъ отъ этого недостатка.

«Русскій Архивъ» вообще могъ бы послужить издателю «Русской Старины» нѣкоторымъ назиданіемъ. Если издатель еще не пріобрѣлъ самъ достаточнаго умѣнья отличать важное отъ неважнаго и издавать

матеріалы наиболѣе удобнымъ для чтенія способомъ, то онъ могъ бы найти для себя немало полезныхъ указаній въ тѣхъ отзывахъ, какіе дѣлались объ «Архивѣ». А въ послѣднее время, когда «Архивъ» бывалъ иногда несравненно лучше прежняго, издатель «Старины» могъ бы даже брать его себѣ въ образецъ; потому что въ «Архивѣ» появлялись матеріалы несомнѣннаго интереса для новѣйшей русской исторіи. Издатель «Старины», быть можетъ, согласится съ нами, если напр. сличитъ новѣйшую, 7-ую книжку своего изданія съ 7-ой книжкой «Архива», недавно вышедшей: разница въ серьезности, а также и въ занимательности, можетъ броситься въ глаза.

Таково общее впечатлѣніе новаго историческаго журнала. Предметъ, которому онъ посвящается, такъ важенъ, что нельзя не желать успѣха изданію, которое бы хоть сколько-нибудь увеличивало запасъ нашихъ свѣдѣній о новѣйшей исторіи, но предметъ этотъ требуетъ однако серьезнаго обращенія съ нимъ, и мы совѣтовали бы издателю «Старины» обратить больше вниманія на выборъ матеріала, и оставить заботы о внѣшней пестротѣ: эта послѣдняя нисколько, мы полагаемъ, не нужна тѣмъ читателямъ, на которыхъ «Старина» должна разсчитывать, а пристрастіе къ анекдотамъ и остротамъ Н. И. Греча можетъ быть, по нашему мнѣнію, просто гибельно для изданія.

Библія и наука. Т. Вл..... Въ двухъ частяхъ. Спб. Типогр. Товарищ. Обществен. Польза, 1870.

Въ то время, когда патріоты извѣстнаго рода проповѣдуютъ свои теоріи о превосходствѣ русской, или пожалуй славянской цивилизаціи надъ европейскою, наша литература, которую конечно надо признать мѣркой этой цивилизаціи, представляетъ столько пробѣловъ по самымъ существеннымъ предметамъ современнаго знанія, предметамъ, въ высшей степени важнымъ для человѣка, называющаго себя образованнымъ,—что мы по истинѣ не можемъ понять, какъ до сихъ поръ глашатаи и ревностные партизаны нашего превосходства надъ Европой не объяснятъ этого, чрезвычайно затруднительнаго для ихъ проповѣдей обстоятельства. А это обстоятельство дѣйствительно затруднительное. Въ самомъ дѣлѣ, цивилизація, столь превосходящая европейскую своими принципами, не можетъ же не представить какого-нибудь отвѣта и рѣшенія на тѣ вопросы, которые ставитъ современная наука, — не можетъ не рѣшать сомнѣній и не выставлять какой-нибудь системы идей по предметамъ, имѣющимъ величайшую важность во всякой цивилизаціи, напримѣръ, предметамъ естествознанія, религіи, политики. И оказывается, что здѣсь-то именно, въ этихъ существенныхъ предметахъ человѣческой мысли и жизни, русская литература такъ бѣдна, скажемъ даже, такъ ничтожна, какъ можетъ быть

только литература, — слѣдовательно, образованность, цивилизація,— едва выходящія изъ младенчества.

Таковъ и сюжетъ, которому посвящена книжка о «Библіи и наукѣ». Отношенія Библіи и науки,—предметъ, надъ которымъ европейская образованность работала многіе вѣка, и относительно котораго она сдѣлала очень много,—эти отношенія до сихъ поръ составляютъ весьма темную вещь въ русской литературѣ. Только въ послѣдніе годы вышло нѣсколько книжекъ, впрочемъ переводныхъ, которыя пытались разъяснять этотъ вопросъ; но мы не знаемъ никакого русскаго самостоятельнаго труда, въ которомъ бы этотъ вопросъ находилъ сколько-нибудь удовлетворительное изложеніе. Нечего говорить о томъ, какъ разработанъ этотъ вопросъ въ литературѣ европейской, которая впервые его поставила, которая посвятила его разъясненію много лучшихъ своихъ силъ, въ которой относительно его организовались рѣзко опредѣленныя мнѣнія и школы. Библейскій ученый комментарій въ европейской литературѣ чрезвычайно богатъ; предметъ сохраняетъ — въ виду обширнаго разнообразія существующихъ религіозныхъ представленій—до сихъ поръ большой интересъ; и во Франціи, и еще больше въ Германіи, а особенно въ Англіи каждый годъ являются десятки книгъ объ этомъ вопросѣ, о которомъ русская литература едва только начинаетъ лепетать первые склады. Нельзя сказать конечно, чтобы рѣшенія этого вопроса не были извѣстны въ русскомъ обществѣ. Напротивъ, люди, знакомые съ литературами иностранными, и интересующіеся предметомъ, знаютъ, къ какимъ рѣшеніямъ приходитъ европейская наука, — но это знаніе все-таки остается знаніемъ частнымъ, индивидуальнымъ, не вошедшимъ въ запасъ общихъ понятій. Въ литературѣ нашей извѣстно многое изъ тѣхъ аргументовъ, какіе нужны для рѣшенія этого вопроса, но самый вопросъ ни разу не былъ поставленъ во всей его многозначительной широтѣ. Литература оказывалась для этого слишкомъ младенческой.

Вопросъ о Библіи и наукѣ—есть съ одной стороны вопросъ чисто научный, съ другой онъ имѣетъ важное значеніе религіозное, потому что то или другое представленіе объ отношеніяхъ науки и Библіи отражается на характерѣ религіозныхъ понятій, которыя могутъ стоять или на ступени наивной непосредственности, гдѣ разсуждающая критическая мысль не имѣетъ мѣста, или могутъ отличаться большей или меньшей степенью раціонализма, или наконецъ, это могутъ быть представленія болѣе или менѣе скептическія. Несмотря на то, что вопросъ объ отношеніяхъ Библіи и науки до сихъ поръ, собственно говоря, былъ невозможенъ, закрытъ для нашей литературы, въ нашемъ обществѣ, безъ сомнѣнія, существуетъ значительный запасъ мнѣній раціоналистическихъ и скептическихъ; но въ огромномъ большинствѣ, которое воспитывается только на русскихъ книгахъ, всѣ эти мнѣнія

остаются чрезвычайно мало сознательными и обдуманными, и всего чаще эта несознательность кончается равнодушіемъ и индифферентизмомъ, которые въ людяхъ менѣе развитыхъ мало отличаются отъ простого невѣжества. Понятно, что такого положенія вещей, гдѣ на вопросъ только намекается, гдѣ образъ мыслей, несогласный съ непосредственно-наивными представленіями массы, и пріобрѣтаемый знакомствомъ съ европейской литературой, не имѣетъ права гражданства, считается не существующимъ въ обществѣ и слѣдовательно долженъ скрываться, и гдѣ право гражданства остается только за старымъ традиціоннымъ міровоззрѣніемъ,—что такое положеніе вещей нельзя назвать нормальнымъ, что оно можетъ быть только источникомъ новаго общественнаго лицемѣрія и что, наконецъ, оно вовсе не можетъ служить въ похвалу литературѣ, и представляемой ею «славянской» цивилизаціи,—если принять, что таковая дѣйствительно гдѣ-нибудь существуетъ.

Мы было-обрадовались заглавію указанной выше книги, ожидая найти въ ней русское изложеніе одного изъ важнѣйшихъ вопросовъ современной политической литературы, найти въ ней попытку русскаго писателя усвоить ей литературѣ результаты многочисленныхъ изслѣдованій, сдѣланныхъ на этомъ поприщѣ европейскими учеными; но, къ сожалѣнію, наши ожиданія далеко не оправдались. Книга г. Вл..... написана, безъ сомнѣнія, съ самыми лучшими намѣреніями; авторъ ея желалъ оставаться безпристрастнымъ и дать своимъ мнѣніямъ научную доказательность, но, мы опасаемся, что онъ не стоитъ на высотѣ своего предмета. Онъ употребляетъ много научнаго аппарата и терминологіи для послѣдовательнаго обозрѣнія библейской исторіи творенія, вводитъ различные факты геологіи, палеонтологіи и т. д. для примиренія Библіи и науки,—но его данныя далеко не обнимаютъ всѣхъ пунктовъ, требующихъ такого примиренія, и научные факты, имъ приводимые, взяты далеко не изъ самыхъ лучшихъ и авторитетныхъ источниковъ. Онъ ссылается на иностранную литературу, но кажется изъ третьихъ рукъ,—судимъ такъ потому, что большая часть его цитатъ слишкомъ устарѣлы и факты очень скудны. Такъ, въ геологіи онъ ссылается еще на сочиненія прошлаго столѣтія, на книги двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ, и изъ новѣйшихъ сочиненій ссылается развѣ только на книгу Циммермана, — писанную съ популярными цѣлями; между тѣмъ ему, повидимому, неизвѣстны новѣйшіе труды, въ которыхъ эта наука сдѣлала огромные успѣхи. Такимъ же образомъ авторъ приводитъ антропологическія данныя, пользуясь источниками, которые давно уже перестали быть авторитетомъ. Возставая противъ матеріалистовъ, авторъ считаетъ Бюхнера какъ будто ихъ главой и первымъ свѣтиломъ, и т. д. Такимъ образомъ, естествоиспытательная сторона сочиненія не удовлетворитъ вѣроятно даже самыхъ

нетребовательныхъ спеціалистовъ. Точно также неудовлетворительны и философскія опредѣленія, въ которыхъ автору предстояло рѣшать трудности, приводившія въ недоумѣніе глубочайшихъ европейскихъ мыслителей, каковы напр. вопросы о началѣ зла, о первородномъ грѣхѣ или наслѣдственности вины, свободѣ воли и т. п., которые авторъ слишкомъ поспѣшно считаетъ рѣшенными *такъ*, какъ онъ ихъ рѣшаетъ въ своей книжкѣ.

Тема «Библія и наука» такъ трудна, что къ ней слѣдовало приступить съ бо́льшей научной строгостью, если уже авторъ за нее брался. Онъ не поставилъ себѣ даже программы тѣхъ вопросовъ, которые представляются при этой темѣ. Онъ просто впередъ предполагаетъ вопросы рѣшенными, и начинаетъ прямо съ изложенія, «своими словами», библейской исторіи творенія, ссылается отъ времени до времени на научные факты въ ея подтвержденіе и не всегда усматриваетъ тѣ возраженія, которыя ему необходимо было бы также принять въ разсчетъ и примирить. Общее понятіе о Библіи, которое онъ даетъ, есть понятіе догматическое, и онъ даже не упоминаетъ о той исторической точкѣ зрѣнія, которая въ послѣднее время пріобрѣтаетъ особенное значеніе вслѣдствіе обширныхъ успѣховъ въ изученіи древняго Востока и сравнительнаго изученія миѳовъ и преданій. Для всего этого, повторяемъ, авторъ нашелъ бы множество готовыхъ изслѣдованій въ европейской литературѣ; онъ нашелъ бы въ нихъ собранными и примѣненными къ дѣлу множество научныхъ данныхъ, взятыхъ изъ естествовѣдѣнія, антропологіи, миѳологіи, исторіи;—ему оставалось бы только дѣлать безпристрастный выборъ...

Книжка г. Вл.... будетъ, конечно, имѣть своихъ читателей, для большинства ихъ она представитъ вѣроятно не мало новаго и любопытнаго; но, говоря безотносительно, она далеко не соотвѣтствуетъ состоянію науки, и невыгоднымъ образомъ свидѣтельствуетъ о положеніи русской литературы въ подобныхъ вопросахъ, положеніи, о которомъ мы говорили выше.

ПО ПОВОДУ РЕАЛЬНЫХЪ ГИМНАЗІЙ.

Выше, во «Внутреннемъ Обозрѣніи», стр. 751, мы упоминали, по поводу предполагаемаго у насъ открытія реальныхъ гимназій, о положеніи этого вопроса въ Пруссіи. Считаемъ не лишнимъ познакомить читателя съ нѣкоторыми изъ «Петицій городовъ (Пруссіи) о допущеніи въ университетъ лицъ, окончившихъ курсъ въ реальныхъ школахъ перваго разряда». Мы беремъ эти петиціи «Кельнской газеты», гдѣ они были недавно напечатаны. Намъ хотѣлось бы думать, что у насъ будетъ наконецъ обращено серьезное вниманіе на этотъ предметъ, и въ такомъ случаѣ настоящая замѣтка могла бы навести на нѣкоторыя размышленія.—*Ред.*

Реальныя школы и высшія городскія школы, побуждаемыя быстрымъ развитіемъ, въ новѣйшее время, образованія между культурными народами, преимущественно у нѣмцевъ, неуклонно стремились въ послѣднее пятидесятилѣтіе, а въ особенности въ послѣднія десять лѣтъ, дать своимъ ученикамъ, посредствомъ улучшенныхъ методовъ преподаванія,—въ которое, какъ необходимые элементы, вошли математика, естественныя науки и новые языки — такое образованіе, которое дѣлало бы изъ воспитанниковъ реальныхъ школъ не только практиковъ-спеціалистовъ, но и давало бы имъ возможность посвятить себя теоретическимъ университетскимъ занятіямъ.

Уже въ 1832 году государство признало за кончившими курсъ въ реальныхъ школахъ право занимать тѣ частныя и государственныя должности, для которыхъ не требуется университетскаго образованія но, несмотря на то, что школы годъ отъ году совершенствовались, результаты совѣщаній земскаго училищнаго совѣта (Landes-Schulconferenz) въ 1849 году, а также и петиціи городовъ въ 1858 году не привели ни къ чему, кромѣ того, что реальныя школы и соотвѣтствующія 6 — 2 классамъ, высшія бюргерскія школы, по получаемому въ нихъ общему образованію, были уравнены съ гимназіями, или прогимназіями, но доступъ въ университетъ оставался все-таки закрытымъ для кончившихъ въ нихъ курсъ.

Магистратъ и депутаты города Познани, желая добиться дальнѣйшихъ правъ, обратились въ 1867 году въ королевскую провинціальную училищную коллегію (Provincial-Schulcollegium) съ просьбой о посредничествѣ по дѣлу о допущеніи кончившихъ курсъ въ реальныхъ шко-

лахъ на юридическій и медицинскій факультеты, на одинаковыхъ правахъ съ окончившими курсъ въ гимназіяхъ; и такъ какъ это вѣдомство отклонило отъ себя посредство, то они обратились къ министру просвѣщенія, духовныхъ и медицинскихъ дѣлъ, но безуспѣшно. Такъ какъ городское управленіе Познани не могло признать свою просьбу неосновательной, то 1 ноября 1868 года оно представило петицію объ этомъ предметѣ въ палату депутатовъ. Въ ту же самую сессію палаты внесены были, вслѣдъ за Познанской петиціей о расширеніи правъ реальныхъ школъ перваго разряда, петиціи городовъ Данцига, Эрфурта, Франкфурта-на-Одерѣ, Грюнберга, Гагена, Липштадта, Мюльгейма-на-Рурѣ, Перлеберга, Рурорта и Торна. Хотя эти петиціи были отданы на обсужденіе учебной коммиссіи палаты депутатовъ, однако ихъ не обсуждали *in pleno* и объ нихъ не было дано заключенія.

Такъ какъ попытки городовъ въ 1868 году остались безъ успѣха, то они сочли необходимымъ въ 1869 году снова внести свои петиціи въ палату депутатовъ. Въ этомъ году петиціи шли, частью въ томъ же самомъ, частью въ измѣненномъ и болѣе требовательномъ духѣ, отъ городовъ Бромберга, Данцига, Грюнберга, Ландсгута, Липштадта, Мюльгейма-на-Рурѣ, Перлеберга, Познани, Равича, Рурорта, Торна Тильзита, Трира.

Мы передаемъ здѣсь текстъ петицій городовъ Липштадта и Рурорта.

I.

Петиція магистрата и попечительства реальной школы Липштадта, представленная въ палату депутатовъ 22 ноября 1868 года и возобновленная 25 октября 1869 года, говоритъ слѣдующее:

«Мы позволяемъ себѣ обратиться къ достопочтенной палатѣ депутатовъ съ просьбой разсмотрѣть положеніе реальныхъ школъ перваго разряда и возвысить ихъ черезъ расширеніе ихъ правъ.

«Когда 6 октября 1859 года были изданы правила о преподаваніи и испытаніи въ реальныхъ школахъ, тогдашній министръ просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ обнадежилъ, что съ дальнѣйшимъ развитіемъ этихъ учрежденій положеніе ихъ будетъ возвышено, права расширены и указывалъ именно на то, что кончившіе курсъ въ реальныхъ школахъ перваго разряда будутъ допущены въ университетъ.

«Эта надежда была встрѣчена съ радостью и повела къ тому, что съ одной стороны городскія общины стали отпускать болѣе значительныя суммы на свои реальныя школы, съ другой и сами школы ревностно задались выполненіемъ своей высокой задачи.

«Теперь, казалось бы, наступило время осуществить эту надежду. Реальныя школы ушли впередъ въ своемъ развитіи; ихъ учебныя программы установились, внѣшняя сторона преподаванія улучшилась; курсъ

ученія въ реальныхъ школахъ перваго разряда, по крайней мѣрѣ въ нашей провинціи, также продолжителенъ, какъ и въ гимназіяхъ. Задача, поставленная реальнымъ школамъ уставомъ о преподаваніи и испытаніи, почти также трудна, какъ и та, которая обусловливается требованіями выпускного экзамена въ гимназіяхъ. Поэтому, насколько опытъ позволяетъ намъ судить, ученики самостоятельныхъ реальныхъ школъ перваго разряда — ибо заведенія того же рода, связанныя съ гимназіями, не могутъ, по понятнымъ причинамъ, служить мѣриломъ — отнюдь не ниже по своему умственному развитію, чѣмъ ученики соотвѣтствующихъ классовъ гимназій, хотя ихъ развитіе обусловливается частью другими основаніями.

«Но внѣшнее положеніе реальныхъ школъ перваго разряда вовсе не соотвѣтствуетъ результатамъ ихъ дѣятельности. Доступъ въ высшія школы, по существующимъ законамъ, закрытъ для окончившихъ въ нихъ курсъ. Поэтому первый (высшій) классъ, подготовляющій, собственно, согласно учебной программѣ, къ свободнымъ научнымъ занятіямъ, не имѣетъ подъ собой почвы: учениковъ въ немъ всегда мало, и рвеніе ихъ охлаждается сознаніемъ, что ихъ ставятъ ниже тѣхъ, которымъ они чувствуютъ себя равными.

«Естественно, что такое состояніе перваго класса отражается и на другихъ классахъ школы. Талантливые ученики, желающіе посвятить себя научнымъ занятіямъ, часто съ сожалѣніемъ покидаютъ преждевременно заведеніе, которое открываетъ имъ лишь ограниченное поприще.

«Если, несмотря на такія неблагопріятныя обстоятельства, реальныя школы перваго разряда, даже въ маленькихъ городкахъ, достигли такого цвѣтущаго состоянія и дали такіе прекрасные результаты, то это доказываетъ ихъ жизненность и дѣльность ихъ основаній. Эти самые результаты достаточно оправдываютъ ихъ притязанія.

«И прежде всего притязаніе—на безусловное допущеніе въ философскій факультетъ университета. Извѣстно, съ какими трудностями приходится бороться реальнымъ школамъ, вслѣдствіе того обстоятельства, что почти всѣ ихъ учителя получили только классическое образованіе. Годы проходятъ, пока эти учителя постигнутъ сущность реальной школы и освоятся съ ней; многіе до конца остаются ей чуждыми.

«Далѣе, хорошихъ учителей новѣйшихъ языковъ очень мало. Только тогда можно будетъ устранить эту помѣху успѣхамъ многихъ изъ молодыхъ людей, равно какъ и развитію народнаго благосостоянія, когда для окончившихъ курсъ въ реальныхъ школахъ перваго разряда будетъ открытъ доступъ въ университетъ. По нашему мнѣнію эти-то школы и будутъ, главнымъ образомъ, разсадникомъ такихъ учителей. Мы не хотимъ сказать, что признаемъ безполезнымъ для нихъ изученіе древнихъ языковъ и особенно греческаго, но мы полагаемъ, что знаніе этого языка можетъ быть пріобрѣтено впослѣдствіи легче, чѣмъ знаніе новѣйшихъ языковъ, если въ молодости въ нихъ не упражня—

лись и что съ тѣхъ поръ, какъ эти языки обработаны научно и методически, гораздо естественнѣе переходить отъ новѣйшихъ языковъ къ древнимъ, чѣмъ наоборотъ.

«Учители же естественныхъ наукъ и врачи находятъ безспорно болѣе цѣлесообразную подготовку въ реальныхъ школахъ перваго разряда, чѣмъ въ гимназіяхъ. Мы не отрицаемъ значеніе греческаго языка и для этихъ спеціалистовъ, такъ какъ множество техническихъ терминовъ, которые должны быть имъ извѣстны, взяты изъ этого языка; но гораздо важнѣе для врачей и для учителей естественныхъ наукъ съ молодости пріучиться точно наблюдать природу и ея явленія; безъ этой привычки,—которая, какъ извѣстно, не можетъ быть пріобрѣтена въ гимназіи и которую лишь немногіе даровитые люди въ состояніи усвоить въ болѣе зрѣлыхъ лѣтахъ, да и то лишь при усиленномъ прилежаніи,—безъ этой привычки учитель естественныхъ наукъ никогда не можетъ имѣть истинно-образовательнаго вліянія на своихъ питомцевъ, а врачъ часто будетъ дѣлать промахи, во вредъ здоровью и даже самой жизни его паціентовъ.

«Мы считаемъ также образованіе, даваемое реальными школами перваго разряда, по меньшей мѣрѣ столь же цѣлесообразнымъ, какъ и классическое, для юриста и администратора: если послѣднее и разовьетъ въ немъ скорѣе способность толковать смыслъ какого-нибудь темнаго закона или мѣста въ договорѣ, за то первое лучше подготовитъ его къ практической жизни, въ которой ему придется дѣйствовать, къ сложнымъ условіямъ промышленности и торговли, къ отношеніямъ народовъ между собой. Тѣ же филологическія знанія, а именно по части латинскаго языка, какія необходимы для юристовъ и администраторовъ, могутъ быть уже теперь пріобрѣтены въ реальныхъ школахъ перваго разряда и размѣръ этихъ знаній еще болѣе увеличится, когда дѣятельность этихъ заведеній получитъ, вмѣстѣ съ надлежащими правами, естественное развитіе. Уже и теперь кончившіе курсъ въ реальныхъ школахъ перваго разряда, какъ показалъ опытъ, въ состояніи послѣ полуторагодовыхъ занятій хорошо сдать гимназическій экзаменъ.

«Выражая эти мнѣнія, мы вовсе не желаемъ унизить образовательное значеніе усиленнаго изученія древнихъ языковъ. Для даровитыхъ натуръ безспорно всего лучше пройти и классическій и реальный курсъ наукъ. Но обыкновенные умы могутъ, не насилуя себя, образоваться лишь въ одномъ какомъ-нибудь направленіи и нѣтъ сомнѣнія, что для государства выгодно предоставлять своимъ будущимъ дѣятелямъ развиваться сообразно ихъ талантамъ и склонностямъ, и на ряду съ такими администраторами, врачами, учителями, общее образованіе которыхъ носитъ, главнымъ образомъ, философскій характеръ, имѣть и такихъ, въ которыхъ съ раннихъ поръ развита была способность къ пониманію явленій и законовъ природы, а также и промышленной жизни.

«Мы вовсе не требуемъ привилегій для реальныхъ школъ и реальныхъ учениковъ, ни въ какой отрасли государственной службы. Мы желаемъ только равноправности съ гимназіями и ихъ питомцами, на которую результаты дѣятельности реальныхъ школъ перваго разряда даютъ имъ право и безъ которой вся дѣятельность этихъ заведеній и ихъ учениковъ мало-по-малу ослабѣетъ. Если же она будетъ дана, то это поведетъ—далеко не во вредъ государству—къ борьбѣ соревнованія, полезной какъ для гимназій, такъ и для реальныхъ школъ.

«Вмѣстѣ съ тѣмъ, только эта равноправность можетъ гарантировать государству дѣйствительно дѣльное образованіе для его слугъ и спасетъ безчисленное множество мальчиковъ и юношей отъ неправильной траты наилучшихъ, для развитія, годовъ жизни. При всемъ уваженіи къ греческому языку, всякій опытный педагогъ долженъ сознаться, что вліяніе его изученія на множество гимназистовъ очень ничтожно, что пятьдесятъ процентовъ всѣхъ кончившихъ курсъ въ гимназіяхъ, несмотря на убитыя время и силы, не могутъ овладѣть имъ и что болѣе, чѣмъ девяносто процентовъ, по выходѣ изъ гимназіи, если только они не занимаются филологіей или богословіемъ, никогда больше не притрогиваются ни къ одной греческой книгѣ.

«Вотъ они-то самые, будь только ихъ учебныя занятія болѣе согласны съ ихъ талантомъ и наклонностями, произвели бы что-нибудь дѣльное въ другой, болѣе согласной съ ихъ призваніемъ спеціальности.

«Поэтому желательна возможно бо́льшая свобода преподаванія или, точнѣе сказать, расчищеніе пути, который можетъ привести къ единственному, необходимому для слугъ государства общему образованію. Для достиженія же этой цѣли, къ которой, какъ намъ кажется, наше время неудержимо стремится, важной мѣрой было бы сравненіе въ правахъ реальныхъ школъ перваго разряда съ гимназіями.

«Но послѣдняя мѣра имѣла бы также и другое значеніе, очень важное для общественнаго благосостоянія.

«Когда образованіе чиновниковъ съ раннихъ поръ отличается отъ образованія бюргеровъ, какъ это случается въ нашемъ отечествѣ, то этимъ наносится большой ущербъ высшимъ благамъ націи; отъ этого страдаетъ даже общее развитіе государства. Этому злу слѣдуетъ противодѣйствовать, если не хотятъ, чтобы чиновники и бюргеры все болѣе и болѣе отчуждались другъ отъ друга, все менѣе и менѣе понимали и уважали бы другъ друга, чтобы требованія государства и потребности жизни все болѣе и болѣе расходились. Только реформа въ бытѣ всѣхъ среднихъ школъ можетъ служить сильнымъ противодѣйствіемъ всему этому. Старинное единство образованія, существовавшее для всѣхъ высоко-образованныхъ людей, и опиравшееся на латыни, утрачено невозвратно: всякія попытки возвратить этому языку его прежнее значеніе и положеніе будутъ тщетными, потому что идутъ въ разрѣзъ съ развитіемъ нашего времени; остается, слѣдовательно, искать

новаго единства, причемъ, по нашему мнѣнію, единственнымъ исходомъ можетъ служить только то, когда все юношество, которое должно возвышаться надъ уровнемъ общаго народнаго образованія, будетъ изощрять свои логическія и мыслительныя способности не на латинскомъ, а на какомъ-нибудь новѣйшемъ иностранномъ языкѣ, причемъ пріобрѣтается гибкость ума и, въ силу контраста, болѣе ясное сознаніе сущности и достоинства собственной національности и роднаго языка — и слѣдовательно умственно разовьется, и усвоитъ себѣ какъ начала необходимыхъ въ наше время для каждаго гражданина познаній, такъ и дальнѣйшее образованіе, смотря по призванію и склонности. Но время для подобной реформы еще не пришло, а подготовительной и важной мѣрой для достиженія желаемаго единства въ образованіи чиновниковъ и бюргеровъ, или по крайней мѣрѣ къ прекращенію дальнѣйшаго разъединенія, было бы во всякомъ случаѣ то, чтобы они получали приготовительное образованіе вмѣстѣ съ будущими поземельными собственниками, фабрикантами и купцами въ реальныхъ школахъ перваго разряда.

«Поэтому мы просимъ достопочтенную палату депутатовъ, по изслѣдованіи сущности отношеній среднихъ школъ нашего государства, дать надлежащій ходъ заявленіямъ, представленнымъ изъ различныхъ мѣстъ, чтобы кончившимъ курсъ въ реальныхъ школахъ перваго разряда, также какъ и гимназистамъ, предоставлено было право имматрикуляціи въ университетъ, за исключеніемъ богословскаго факультета, и слѣдовательно открытъ былъ доступъ ко всѣмъ общественнымъ должностямъ и званіямъ, за исключеніемъ церковныхъ».

II.

14 октября 1869 г., депутаты города Рурорта обратились въ палату депутатовъ съ слѣдующей петиціей:

«Попечительство реальной школы перваго разряда города Рурорта, уже обращалось, 3-го декабря 1868 г., въ достопочтенную палату депутатовъ сейма съ петиціей о расширеніи правъ реальныхъ школъ перваго разряда. При этомъ оно не считало себя обязаннымъ слѣдовать обыкновенному пути инстанцій, такъ какъ познанскій магистратъ сообщилъ ему о полученномъ имъ отказѣ, касательно того же предмета, отъ господина министра просвѣщенія и духовныхъ и медицинскихъ дѣлъ, выраженномъ въ рескриптѣ отъ 28 сентября 1868 г.

«19-го марта 1869 г. эта петиція была возвращена изъ канцеляріи палаты депутатовъ попечительству школы съ замѣчаніемъ, что его петиція, вслѣдствіе окончанія сессіи, не могла быть подвергнута обсужденію и заключенію *in pleno*.

«Отвѣтъ на петицію мы находимъ въ циркулярномъ предписаніи гос-

подпна министра просвѣщенія и духовныхъ и медицинскихъ дѣлъ королевской, провинціальной и училищной коллегіи.

«Изъ этого предписанія мы усматриваемъ, что королевское министерство находитъ совершенно необходимыми для университетскихъ занятій тѣ знанія по части древнихъ языковъ и древней исторіи, которыя требуются отъ окончившихъ курсъ гимназистовъ, и ни въ какомъ случаѣ не считаетъ ихъ замѣнимыми тѣми знаніями по части естественныхъ наукъ, математики, французскаго и англійскаго языковъ, новой исторіи, географіи и черченія, которыя требуются въ реальныхъ школахъ въ бо́льшемъ, противъ гимназій, объемѣ.

«При такихъ обстоятельствахъ мы находимся вынужденными обратиться въ палату депутатовъ съ покорнѣйшей просьбой безпристрастно обсудить положеніе дѣлъ въ реальныхъ школахъ и прежде всего, сравнивъ результаты дѣятельности реальныхъ школъ и гимназій, опредѣлить: пострадаютъ ли университеты съ ихъ наукой и различныя спеціальности, которымъ посвящаютъ себя впослѣдствіи студенты, отъ допущенія въ университетъ лицъ, оканчивающихъ курсъ въ реальныхъ школахъ?

«Въ уставѣ 6-го октября 1859 г. о преподаваніи и экзаменахъ въ реальныхъ школахъ и высшихъ бюргерскихъ школахъ, положеніе реальныхъ школъ перваго разряда относительно гимназій опредѣляется слѣдующимъ образомъ:

«Реальныя школы перваго разряда вовсе не спеціальныя заведенія, а также какъ и гимназіи, даютъ общее образованіе и подготовительныя познанія. Поэтому, между гимназіями и реальными школами не существуетъ никакой враждебности въ принципѣ, напротивъ, они служатъ другъ другу дополненіемъ. Они дѣлятъ между собой общую задачу: дать общее образованіе, соотвѣтствующее различнымъ спеціальностямъ. Это раздѣленіе сдѣлалось необходимымъ вслѣдствіе развитія наукъ и общественной жизни: при чемъ реальныя школы по положенію своему мало-по-малу сравнялись съ гимназіями. Особое преимущество реальныхъ школъ состоитъ въ томъ, что онѣ развиваютъ въ своихъ питомцахъ способность вѣрно наблюдать и обобщать предметы, подлежащіе нашимъ чувствамъ, и находить въ ихъ разнообразіи общіе законы, и что потому самому они достигаютъ бо́льшихъ познаній по части математики, естественныхъ наукъ и черченія, чѣмъ требуется отъ гимназистовъ, и способствуютъ ближайшему знакомству съ современнымъ состояніемъ культуры».

«Хотя въ уставѣ о преподаваніи и экзаменахъ сказано, что реальныя школы занимаютъ одинаковое положеніе съ гимназіями; хотя отъ поступающихъ въ низшіе классы реальныхъ школъ требуется совершенно тоже, что и отъ поступающихъ въ гимназіи; хотя курсъ реальныхъ школъ перваго разряда также продолжителенъ, какъ и въ

гимназіяхъ и требованія отъ окончившихъ курсъ въ реальныхъ школахъ, въ ихъ общей сложности, не уступаютъ требованіямъ, какія являются кончившимъ курсъ въ гимназіяхъ: — тѣмъ не менѣе права, даваемыя выпускнымъ экзаменомъ ученикамъ реальныхъ школъ, гораздо ограниченнѣе правъ, связанныхъ съ выпускнымъ гимназическимъ экзаменомъ. Такъ какъ окончившій курсъ въ реальной школѣ допускается только къ высшимъ занятіямъ, которыхъ требуютъ служба по архитектурной, горной, лѣсной и почтовой частямъ и въ томъ случаѣ, если онъ захочетъ поступить въ военную службу съ правомъ на повышеніе, то освобождается отъ портупей-прапорщичьяго экзамена, но лишенъ права избрать тѣ спеціальности, для которыхъ требуется университетское образованіе.

«Если разъ признать, что реальныя школы перваго разряда по положенію своему равны гимназіямъ; если это равенство подтверждается и тѣмъ, что реальныя школы перваго разряда и гимназіи, въ противоположность реальнымъ школамъ второго разряда, высшимъ бюргерскимъ и народнымъ школамъ находятся не въ казенномъ вѣдомствѣ, а въ вѣдомствѣ королевскихъ провинціальныхъ училищныхъ коллегій и что за тѣми и другими заведеніями во многихъ отношеніяхъ признаны одинаковыя права, то постановленіе, по которому реальныя школы не пользуются *всѣми* правами, наравнѣ съ гимназіями, можетъ быть основано только на различіи въ предметахъ преподаванія и объемѣ требованій, какія дѣлаются тѣмъ и другимъ.

«1) Одинаковыя требованія предъявляются и гимназіямъ и реальнымъ школамъ по части закона Божія, нѣмецкаго языка, географіи и исторіи.

«2) Греческій языкъ, которому обучаютъ въ гимназіяхъ, въ реальныхъ школахъ не преподается.

«3) Англійскій языкъ, которому обучаютъ въ реальныхъ школахъ, не преподается въ гимназіяхъ.

«4) По части латинскаго языка требованія въ гимназіяхъ обширнѣе.

«5) По части математики, естественныхъ наукъ, французскаго языка и черченія (послѣдній предметъ въ гимназіяхъ не обязателенъ) требованія въ реальныхъ школахъ обширнѣе.

«Касательно значенія предметовъ преподаванія, на которые напираютъ съ одной стороны реальныя школы перваго разряда, съ другой гимназіи, для отдѣльныхъ факультетскихъ занятій и вытекающихъ изъ нихъ спеціальностей, мы позволяемъ себѣ изложить достопочтенной палатѣ депутатовъ слѣдующія замѣчанія:

«I. *Медицинскій факультетъ*. Предметъ изученія этого факультета и его методъ совершенно различны отъ предметовъ и методовъ богословскаго, философскаго и юридическаго факультетовъ. Въ то время, какъ послѣдніе главнымъ образомъ занимаются дѣятельностью ума, мышленіемъ и формами, въ которыхъ проявляется дѣятельность мы-

шленія, языка и въ то время какъ порождаемыя этими послѣдними факультетами спеціальности главнымъ образомъ стремятся къ тому, чтобы посредствомъ языковъ вліять на чужой умъ, то есть учить и убѣждать,—студенту медицины приходится изслѣдовать, черезъ непосредственное наблюденіе, формы и отправленія тѣла, изыскивать причины этихъ явленій, производить опыты, чтобы открыть, какимъ путемъ измѣняются явленія, сводить всѣ добытыя и разрозненныя наблюденія и на основаніи общаго вывода обсуждать конкретные случаи—ученіе и убѣжденіе занимаетъ въ дѣятельности медиковъ второстепенное мѣсто. Главная дѣятельность медиковъ—наблюденіе, опытъ, изслѣдованіе должно быть, для полной ея благонадежности, такъ развита, чтобы стать привычкой и характеристической чертой ихъ ума но для этого необходимо, чтобы упражненіе этихъ способностей началось въ молодости, то есть со школьной скамьи и совершалось на разнообразнѣйшихъ предметахъ, и принималось въ разсчетъ, какъ важная отрасль преподаванія, при обсужденіи успѣховъ учениковъ и ихъ переводѣ изъ класса въ классъ. Такое направленіе ума у многихъ мальчиковъ является прирожденной способностью, тогда какъ у другихъ ея вовсе почти нѣтъ.

«Мальчикъ или юноша долженъ на опытѣ убѣдиться, есть ли у него, и въ какомъ размѣрѣ, такая способность и соображаться съ этимъ при выборѣ спеціальности. Какія же заведенія: гимназіи или реальныя школы наиболѣе развиваютъ въ ученикѣ умѣнье наблюдать внѣшній міръ и даютъ ему случай узнать, способенъ ли онъ къ медицинѣ? и какія, слѣдовательно, заведенія подготовляютъ наиболѣе дѣльныхъ студентовъ для медицинскаго факультета? Казалось бы отвѣтъ на это слѣдующій: реальныя школы—потому что въ нихъ главными предметами въ учебной программѣ стоятъ естественная исторія, химія, теоретическая и экспериментальная физика. До сихъ поръ однако отвѣтъ звучалъ иначе; а именно: гимназіи—потому что ихъ идеальныя стремленія могутъ служить противовѣсомъ реальному изученію медицины; но если такъ, то можно было бы съ такимъ же правомъ утверждать, что реальныя школы должны подготовлять къ идеальному изученію богословія или классической филологіи,—и мы должны были бы признать это заключеніе вполнѣ правильнымъ, еслибы только предполагали вообще, что реальныя школы и гимназіи дѣйствительно рѣзко противоположны другъ другу. Далѣе противники реальныхъ школъ утверждаютъ, что реальныя школы не годны для подготовленія медиковъ, потому что онѣ не даютъ достаточныхъ познаній въ латинскомъ языкѣ и вовсе не учатъ греческому, тогда какъ медику приходится писать по латыни свою докторскую диссертацію и свои рецепты, да еще потому, что̀ большая часть медицинскихъ терминовъ взяты съ греческаго. Что касается латинской диссертаціи, то извѣстно, что только немногіе медики самолично облекаютъ свою диссертацію

въ латинскую форму, что немногіе также на латинскихъ диспутахъ говорятъ по латыни ex-tempore и что господа оппоненты снисходятъ къ своимъ собратамъ и пріятелямъ. Для пониманія же латинскихъ рецептовъ не хватитъ не только латыни реальныхъ школъ, но и латыни лучшихъ гимназистовъ, и даже латыни учителей-филологовъ и ихъ объемистыхъ словарей; медицинская же терминологія заимствована частію изъ естественныхъ наукъ, преподаваемыхъ раельными школами, частью же составляетъ спеціальное достояніе медицины и поэтому должна изучаться каждымъ студентомъ, безъ различія въ его подготовкѣ, въ самомъ университетѣ. Точно тоже можно сказать и о терминологіи, заимствованной изъ греческаго языка. Для облегченія пониманія техническихъ терминовъ, заимствованныхъ съ греческаго, не мѣшаетъ нѣсколько ознакомиться съ этимъ языкомъ, а потому было бы желательно, чтобы студенты медицины не иначе допускались къ государственному экзамену, какъ если представятъ свидѣтельство о знаніи этого языка — подобно тому, какъ и отъ студента богословія требуется свидѣтельство о знаніи еврейскаго языка,—причемъ не слѣдуетъ придавать никакого значенія тому, когда пріобрѣтены эти познанія, до или послѣ выпускного экзамена гимназій или реальныхъ школъ.

«II. *Юридическій факультетъ*. Для изученія права, въ отличіе отъ другихъ факультетскихъ занятій, требуется подготовка, основанная на быстротѣ и правильности мышленія, а не на фактическихъ знаніяхъ, пріобрѣтаемыхъ въ школѣ.

Что, такъ-называемое, общее образованіе въ одинаковой мѣрѣ дается реальными школами, какъ и гимназіями, — признается оффиціальными лицами, учителями и публикой; поэтому съ этой стороны не можетъ быть никакого возраженія касательно изученія права; нельзя также очень напирать въ этомъ случаѣ на незнаніе греческаго языка и слѣдовательно противной сторонѣ остается только возражать, что кончившіе курсъ въ реальныхъ школахъ не обладаютъ такими знаніями въ латинскомъ языкѣ, какія необходимы для пониманія юридическихъ сочиненій, написанныхъ по-латыни. Но касательно этого мы не можемъ не предположить, что кончившіе курсъ въ реальныхъ школахъ перваго разряда, которые должны, согласно программѣ, умѣть и дѣйствительно умѣютъ переводить и понимать гораздо болѣе трудныхъ латинскихъ писателей,—ужъ конечно съумѣютъ перевести по точному смыслу юридическія сочиненія, написанныя на латинскомъ языкѣ.

«Далѣе, неужели не слѣдуетъ отдать предпочтеніе передъ обширнымъ знаніемъ классической древности, за которое такъ хвалятъ гимназистовъ, живому интересу, съ которымъ реальныя школы, благодаря обширному преподаванію естественныхъ наукъ и математики, новѣйшей географіи и новыхъ языковъ — относятся къ развитію отношеній новѣйшаго времени, также какъ и возможности ознакомиться съ пра-

вомъ новѣйшихъ, культурныхъ государствъ по оригинальнымъ иностраннымъ сочиненіямъ?

«III. *Философскій факультетъ*. Онъ является какимъ-то пестрымъ конгломератомъ всѣхъ наукъ, которыя не нашли себѣ пріюта на остальныхъ факультетахъ. Особенно практическое значеніе имѣютъ тѣ науки, знаніе которыхъ требуется отъ кандидатовъ на высшія учебныя должности. Уставъ объ экзаменѣ кандидатовъ на высшія учебныя должности, отъ 12 декабря 1866 г., различаетъ четыре спеціальности: историко-филологическую, математико-естественно историческую, церковную съ еврейскимъ языкомъ, и новѣйшихъ языковъ.

«Если сравнить учебную программу гимназій съ требованіями, заявляемыми въ вышеназванныхъ четырехъ спеціальностяхъ отъ кандидатовъ на высшія учебныя должности, то прежде всего окажется, что историко-филологическая спеціальность особенно благопріятно обставлена, въ томъ отношеніи, что гимназіи даютъ, по части относящихся къ ней наукъ, такую подготовку, что кончившій курсъ и мало-мальски обладающій сноровкой въ преподаваніи, можетъ безъ дальнѣйшей подготовки вести преподаваніе не только въ низшихъ и среднихъ классахъ, но даже и въ высшихъ.

«За то какую жалкую подготовку даютъ гимназіи тому, кто желаетъ посвятить себя изученію новѣйшихъ языковъ! Покинувъ заведеніе, кончившій курсъ гимназистъ долженъ засѣсть,—какъ шестиклассникъ*) за элементарныя правила латинской грамматики, или четвероклассникъ за элементарныя правила греческой грамматики,—за элементарныя правила англійской грамматики и синтаксиса, долженъ усвоить себѣ англійское произношеніе, англійскую орѳографію, зубрить при этомъ вокабулы и переводить легкія статейки, да и при этомъ стараться, насколько возможно, пріобрѣсти навыкъ въ разговорѣ,—пока наконецъ, по истеченіи не малаго времени не дойдетъ, въ познаніяхъ англійскаго языка, до того пункта, на которомъ онъ стоялъ касательно греческаго языка уже тогда, когда былъ еще первоклассникомъ. Тоже самое относится и къ французскому языку, потому что подготовительныя знанія, приносимыя ученикомъ изъ гимназіи въ университетъ весьма незначительны и далеко не могутъ быть сравниваемы съ тѣми знаніями латинскаго языка, которыя изучающій классическую филологію пріобрѣтаетъ еще въ гимназіи. Но отчего же учебная программа такъ неравномѣрно распредѣляетъ свои блага? Развѣ не могъ бы кончившій курсъ въ реальной школѣ и желающій посвятить себя историко-филологической спеціальности съ тѣмъ же трудомъ или съ тою же легкостью пріобрѣсти, уже будучи въ университетѣ, познанія въ латинскомъ и греческомъ языкахъ, подобно тому, какъ

*) Припомнимъ, что счетъ классовъ въ нѣмецкихъ гимназіяхъ принятъ обратный нашему, такъ что 7-й есть классъ низшій, а 1-й—высшій.

кончившій курсъ въ гимназіи и желающій посвятить себя новѣйшимъ языкамъ, долженъ, уже будучи въ университетѣ, пріобрѣтать познанія въ англійскомъ и французскомъ языкахъ, и иногда прибѣгать къ продолжительному пребыванію въ чужихъ краяхъ? Если этотъ вопросъ основателенъ, то не разумно ли и не практично ли было бы молодымъ людямъ, желающимъ посвятить себя изученію новыхъ языковъ, получать свое приготовительное образованіе въ реальной школѣ, по окончаніи котораго они находились бы въ равно-благопріятномъ положеніи съ учениками гимназіи, посвящающими себя изученію классической филологіи? Противъ этого можно было бы возразить, что въ дѣйствительности, при настоящемъ положеніи дѣлъ, греческій языкъ является факторомъ научнаго образованія и что знаніе этого языка и его литературы совершенно необходимо для преподавателя языковъ. Мы признаемъ это возраженіе основательнымъ, потому уже, что намъ хорошо извѣстно, что греческія слова пріобрѣли право гражданства въ нашихъ наукахъ и искусствахъ и что для преподавателя языковъ богатая сокровищница греческой литературы имѣетъ весьма важное значеніе.

«По переводамъ можно познакомиться съ содержаніемъ иностранныхъ писателей и даже съ особенностями ихъ изложенія. Но для того, чтобы оцѣнить грамматическую конструкцію и богатство языка, по нашему мнѣнію, необходимы извѣстныя знанія. Эти знанія могли бы равняться знаніямъ второклассниковъ гимназіи, которыя даютъ имъ возможность понимать, съ помощью словаря, легкихъ писателей, а болѣе трудныхъ съ помощью подстрочнаго перевода. Подобно тому, какъ студентамъ, которые уже по окончаніи гимназическаго экзамена избираютъ своимъ предметомъ богословіе, разрѣшено сдавать экзаменъ изъ еврейскаго языка во время пребыванія въ университетѣ, можно было бы изучающимъ новые языки окончившимъ курсъ въ реальной школѣ перваго разряда поставить подобное условіе относительно греческаго языка.

«Тоже самое можно сказать и о занятіяхъ математикой и естественными науками. Такъ какъ кончившій курсъ въ гимназіи пріобрѣтаетъ гораздо меньше знаній по части математики и физики, а также и сноровки въ разрѣшеніи математическихъ и физическихъ задачъ, чѣмъ кончившій курсъ въ реальной школѣ, и такъ какъ первому часто совершенно недостаетъ естественно-историческихъ и химическихъ познаній, равно какъ и способности наблюдать явленія и производить опыты, то онъ бываетъ вынужденъ, будучи уже въ университетѣ, знакомиться съ основаніями этихъ наукъ и лишь при помощи усиленнаго труда и особенныхъ способностей пріобрѣтаетъ тонкость въ наблюденіяхъ и увѣренность въ обсужденіи явленій физическаго міра, совершенно необходимыя для преподавателя по этимъ спеціальностямъ; напротивъ того, окончившему курсъ въ реальной школѣ, упражнявшемуся во все время пребыванія въ школѣ въ наблюденіи при-

роды, а также физическихъ и химическихъ процессовъ и который во время своихъ университетскихъ занятій, будучи хорошо знакомъ съ основаніями этихъ наукъ, могъ бы основательнѣе заниматься ихъ теоріей и практикой,—тому-то именно и закрытъ доступъ къ этимъ спеціальностямъ, и почему? потому, что онъ не занимался греческимъ, мало занимался латинскимъ, но за то много занимался англійскимъ, французскимъ языками, математикой, естественными науками и черченіемъ!

«Если дѣйствительно незнаніе греческаго языка имѣетъ такое важное значеніе, то можно поставить въ условіе окончившимъ курсъ въ реальныхъ школахъ, — въ томъ случаѣ, если они пожелаютъ посвятить себя изученію математики и естественныхъ наукъ, — сдать впослѣдствіи экзаменъ изъ греческаго языка. Если они затѣмъ посвятятъ себя преподаванію, то можно сказать съ увѣренностью, что они среднимъ числомъ будутъ приносить больше пользы — уже потому, что въ бытность свою въ школѣ основательнѣе обучались своей спеціальности и касательно методы преподаванія могутъ руководиться примѣромъ своихъ прежнихъ преподавателей, — чѣмъ учителя, получившіе свое предварительное образованіе въ гимназіяхъ, которые въ первые годы своего преподаванія блуждали бы въ потемкахъ, безъ руководства директора и дѣльныхъ сотоварищей, пока не вышли бы послѣ многихъ неудачныхъ, попытокъ, на вѣрный путь.

«Относительно преподаванія закона Божія и еврейскаго языка можно сказать тоже самое, что и объ изученіи богословія.

«IV. *Богословскій факультетъ.* Занятія богословіей главнымъ образомъ состоятъ въ толкованіи библіи, написанной первоначально на еврейскомъ и греческомъ языкахъ. Такъ какъ научное богословіе, какъ всякая наука, въ тѣсномъ смыслѣ, имѣетъ задачей положить своему ученію возможно прочный фундаментъ, то для богослова обязательно знаніе этихъ языковъ, а потому весь вопросъ сводится къ тому: въ какое время, т.-е. до или послѣ выпускного экзамена обязать молодыхъ людей, посвящающихъ себя богословіи, пріобрѣсти необходимыя познанія въ греческомъ и еврейскомъ языкахъ. Въ гимназической программѣ греческій языкъ составляетъ существенную часть преподаванія; преподаваніе же еврейскаго языка внесено въ гимназическую программу не ради его образовательнаго значенія, но только въ угоду богословамъ. А потому гимназію можно отрекомендовать будущимъ богословамъ. Съ другой стороны, молодые люди могутъ также хорошо получить свое общее образованіе въ реальной школѣ, затѣмъ подвергнуться испытанію изъ греческаго и еврейскаго языковъ и наконецъ сдать богословскій экзаменъ; интересъ къ новѣйшимъ культурнымъ элементамъ и пониманіе ихъ, которые не должны быть чужды богослову, во всякомъ случаѣ, были бы гораздо прочнѣе.

«Мы не сомнѣваемся въ томъ, что предметъ этой петиціи не всѣми будетъ принятъ благосклонно; частью малое знакомство съ реаль-

ными школами, частью уваженіе къ гимназіямъ, въ которыхъ большая часть господъ депутатовъ получила свое образованіе, могутъ неблагопріятно повліять на приговоръ о дѣятельности реальныхъ школъ. Такъ какъ реальныя школы перваго разряда получили опредѣленную организацію только съ введеніемъ устава 6 октября 1859 года о преподаваніи и экзаменахъ, и лишь нѣсколько лѣтъ, какъ достигли желаемой степени совершенства, то и невозможно, чтобы кто-нибудь изъ членовъ палаты депутатовъ получилъ свое образованіе въ одномъ изъ этихъ заведеній; скорѣе даже большинству ихъ, если они и имѣли вообще случай познакомиться съ дѣятельностью реальныхъ школъ, представятся картины изъ прошлой жизни, когда большая часть заведеній этого рода болѣе или менѣе уклонялась отъ научнаго направленія. Между тѣмъ точное изслѣдованіе настоящей дѣятельности реальныхъ школъ перваго разряда даетъ слѣдующіе результаты:

«1) Окончившіе курсъ въ реальныхъ школахъ перваго разряда, по общему образованію, вовсе не ниже кончившихъ курсъ въ гимназіяхъ.

«2) Окончившіе курсъ въ реальныхъ школахъ по количеству и важности познаній и навыку къ занятіямъ нисколько не уступаютъ окончившимъ курсъ въ гимназіяхъ, такъ какъ недостатокъ знаній по одной спеціальности вознаграждается бо́льшими познаніями въ другихъ.

«3) Значеніе университета не унизится отъ допущенія въ него окончившихъ курсъ въ реальныхъ гимназіяхъ, а напротивъ по нѣкоторымъ спеціальностямъ даже возвысится.

«4) Познанія въ латинскомъ языкѣ окончившихъ курсъ въ реальныхъ школахъ вполнѣ удовлетворяютъ цѣлямъ университетскихъ занятій; но тѣ же цѣли требуютъ непремѣннаго знанія, въ извѣстномъ объемѣ, греческаго языка.

«5) Новыя и здоровыя силы прильютъ, вслѣдствіе расширенія правъ реальныхъ школъ, къ различнымъ спеціальностямъ, къ которымъ до сихъ поръ допускаются только кончившіе курсъ въ гимназіяхъ.

«На основаніи всего вышесказаннаго мы позволяемъ себѣ покорнѣйше просить достопочтенную палату депутатовъ сейма содѣйствовать допущенію кончившихъ курсъ въ реальныхъ школахъ перваго разряда въ университетъ, на равныхъ правахъ съ окончившими курсъ въ гимназіяхъ, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы они, при заявленіи желанія сдать государственный экзаменъ, представляли свидѣтельство о познаніяхъ въ греческомъ языкѣ, въ объемѣ, требуемомъ отъ учениковъ второго класса гимназій».

М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ

ЧЕТВЕРТАГО ТОМА.

ПЯТЫЙ ГОДЪ.

ІЮЛЬ—АВГУСТЪ, 1870.

Книга седьмая. —Іюль.

Стр.

Большая Медвѣдица.—Романъ.—Часть третья.—В. КРЕСТОВСКАГО. (Псевдонимъ). 5

Женщины Американской революціи.—III.—М. К. ЦЕБРИКОВОЙ. 60

Струэнзе.—Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, Михаила Бэра.—Дѣйствіе четвертое и пятое.—Перев. А. Н. ПЛЕЩЕЕВА. 96

Турецкая Провинція и ея сельская и городская жизнь.—Путешествіе по Македоніи и Албаніи. — М. Ѳ. КАРЛОВОЙ. 150

Наканунѣ перваго раздѣла Польши. — По рукописнымъ донесеніямъ кн. М. Н. Волконскаго.—Н. Ѳ. ДУБРОВИНА. 191

Современная Японія, ея государственное устройство и учрежденія.—М. ВЕНЮКОВА 252

Политическая литература въ Германіи. — Людвигъ Бёрне.—Статья третья.—Е. И. УТИНА. 278

Внутреннее Обозрѣніе.—Земскіе итоги. — VIII—X. 326

Иностранное Обозрѣніе. — Революціонное движеніе въ Италіи.— Полиція и бандиты.—Значеніе итальянской конституціи.— Положеніе финансовъ и сельскаго хозяйства.—Налоги.—Причины революціи и недовольства. — Сокращеніе военныхъ расходовъ. — Разбойничество въ Греціи и Испаніи. — Смѣна министровъ въ Португаліи.—Законъ объ избраніи короля въ Испаніи. — Отмѣна невольничества и движеніе на островѣ Кубѣ. — Смертная казнь въ сѣверо-германскомъ, баварскомъ и пидерландскомъ парламентахъ.—Выборы въ Бельгіи и Австріи. 341

Корреспонденція изъ Берлина.—Конецъ парламентскихъ сессій.—К. . 356

Корреспонденція изъ Парижа. — Политическая неурядица во Франціи.—Н. 374

Новѣйшая Литература. — Общественное воспитаніе въ Англіи. — Средніе учебныя заведенія въ Англіи и Шотландіи. — Отчетъ Деможо и Монтуччи. 391

Восемнадцатое Брюмера.—Les origines d'une dynastie, par Paschal Grousset.—Л. П. 407

Новыя книги и Библіографическій листокъ. —Сборникъ Русскаго Историческаго Общества. Томъ пятый. 417

Книга восьмая. — Августъ.

Стр.

Теорія родового быта въ древней Руси.—А. НИКИТСКАГО. 452
Изъ Аракчеевской переписки, 1805—1833 г. I—II. 467
Школьныя воспоминанія крестьянина.—Л. ЧЕЧЕРСКАГО. 503
Бунтъ киргизскаго султана Кенисары Касимова.—(1838—1847 г.).—I—IV.—Н. А. СЕРЕДЫ. 541
Большая медвѣдица. — Романъ. — Продолженіе третьей части. — В. КРЕСТОВСКАГО. (Псевдонимъ). 574
Очерки Англійскаго общества въ романахъ А. Троллопа.—Л. А. ПОЛОНСКАГО. 613
Путевыя письма изъ Альпійскихъ горъ.—К. 676
Наши почтовыя реформы послѣдняго времени.—Z. Z. 695
Мысли о нашихъ экзаменахъ.—В. Я. СТОЮНИНА. 708
Внутреннее Обозрѣніе.— Война.— Объявленіе нейтралитета.—Наше миролюбіе и задоръ.—Г. Погодинъ.—Россійская мануфактурная выставка.—Успѣхъ механическаго дѣла.—Роскошь и народная потребность.—Диковины.—О русскихъ мастерахъ.—Музей.— Полуоборотъ въ пользу классическаго образованія. — Успѣхи классическихъ гимназій. — Мародёры классицизма. — Реальныя училища въ Пруссіи.—Николенко. 731
Земскіе Итоги.—XI—XII.—...ИНА. 753
Замѣтка по поводу вопроса о народномъ продовольствіи.—Н. КУПРЕЯНОВА. . 779
Иностранное Обозрѣніе.— Война на Рейнѣ.—Дипломатическіе переговоры.—Газетная полемика.— Южно-германскія государства и Пруссія.—Патріотическое воодушевленіе нѣмцевъ. — Воззванія прусскаго короля и императора французовъ. — Что говорятъ о войнѣ либеральные французы. — Тьеръ. — Продолжительность войны.— Предположенія объ ея возможныхъ результатахъ.—Идея германскаго единства и ея осуществленіе.—Характеръ прусскихъ войскъ. 792
Франція и Пруссія.—Е. И. УТИНА. 810
Новыя книги и Библіографическій Листокъ.—Русская старина, В. Семевскаго. — Библія и наука. Г. ВЛ. 843
По поводу реальныхъ гимназій. 851

Центральный фонд Московской обл. библиотеки